39. 1736

№38 в)

Лешковъ, Vas. Nik. 5 р.

Русскiй народъ и государство

„Исторiя русскаго общественнаго права до XVIII вѣка"

М. 1858.

9827/12

V. N. LEŠKOV.

RUSSKIJ NAROD i GOSUDARSTVO.

Istorija russkago obščestvennago

prava do 18 věka.

Leškov
Russkij narod
i gosudarstvo

1858

Moskva

71HS

Bayerische
Staatsbibliothek
München

16485
Студентовъ 1-го общежития Библіотека имени Императора Николая II въ Москвѣ
Bayerische Staatsbibliothek München
17 C 306
А 15.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ

О ПРЕДМЕТѢ И ЗНАЧЕНІИ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА.

Какъ историческое явленіе народной жизни, какъ жизнь народа, и народъ, въ его общей, органической жизни, государство имѣло, въ исторіи, свои періоды образованія, свои фазы развитія, порождавшія особенность въ его бытѣ и дѣятельности. Различіе государствъ древнихъ отъ средневѣковыхъ, и средневѣковыхъ отъ новыхъ, равно какъ различіе западныхъ между собою и вмѣстѣ отъ русскаго государства; все это историческіе факты, доказанные, несомнѣнные и, прибавимъ, необходимые, по различію того отношенія, въ которое человѣкъ можетъ быть поставленъ, въ государствѣ, къ общему, къ управленію, къ гражданскому союзу. Сила человѣка въ общеніи, въ обществѣ, безъ котораго онъ ничего совершить не можетъ, и въ которомъ нѣтъ для него разумно—невозможнаго. И человѣкъ ищетъ общества, ищетъ соединенія, для развитія своей личности и обезпеченія своей свободы. Посему, естественно, что частное уступаетъ общему, и подчиняется общему; но такъ же естественно, чтобы общее признавало и осуществляло разумныя права частнаго. Между тѣмъ, въ государствахъ древности, за извѣстными исключеніями, частное, человѣческое почти совершенно исчезало въ общемъ, и почти не имѣло отдѣльнаго бытія, признаннаго государствомъ; а, въ Средніе вѣки общее, долженствовавшее подчинить себѣ частность, не могло распространиться на весь бытъ народа, и не могло развить изъ него государства, которое, только вслѣдствіе борьбы, только съ конца Средней и начала Новой Исторіи, получило устройство, послужившее основаніемъ для государственнаго быта западной Европы. Наконецъ нельзя не замѣтить, что образованіе государственнаго союза, въ нашемъ отечествѣ, имѣло свой особенный путь и свои особенныя условія.

Столько различія въ природѣ государствъ не могло не породить различія въ ихъ интересахъ, задачахъ, цѣляхъ, предметахъ и средствахъ управленія. Въ древнихъ государствахъ не только религіозныя идеи поглощали все частное и личное; но и политика играла туже ролю въ Египтѣ, Греціи, Римѣ.—Вліяніе на государственное устройство древнихъ обществъ, приписываемое преданіемъ извѣстнымъ личностямъ, Миносу, Ликургу, Солону, Нумѣ, даетъ уже чувствовать, что древнія государства устроялись, какъ бы, по заданной идеѣ, по одной идеѣ, или по отдѣльнымъ интересамъ классовъ, аристократіи, демократіи, олигархіи, не составляя результата всей народности. Да и по внѣшнему виду, древнія государства были скорѣе городами, *πολις*, civitas, какъ Ниневія, Вавилонъ, Спарта, Римъ, которые, дѣйствіемъ ума, характера, силы, счастія, овладѣвали пространствами болѣе и болѣе обширными, и подчиняли себѣ населенія и племена болѣе или менѣе разнообразныя, и свою волю, — волю единичную въ монархіяхъ, или собирательную, въ республикахъ, дѣлали закономъ для всѣхъ поселеній, на всемъ покоренномъ пространствѣ. Цѣлію такого государства была преимущественно безопасность, или самостоятельность, поддержаніе своего могущества во внѣшнихъ сношеніяхъ, да установленіе юридическихъ нормъ для жизни различныхъ элементовъ своего населенія. Въ достиженіи этой цѣли заключалась вся задача управленія, которое оставалось болѣе или менѣе спокойнымъ зрителемъ всей остальной, внутренней, собственно человѣческой жизни. Не безопасность существовала для цѣлей жизни, а жизнь была приносима въ жертву безопасности и, какъ бы, въ противоположность ученію древнихъ астрономовъ, по которому все небо существуетъ для одной земли, древніе политики поставляли добродѣтель, *αρετη*, virtus гражданъ въ пожертвованіи всѣмъ человѣческимъ политическому, и только, по мѣрѣ этихъ пожертвованій, сообщали права гражданамъ. Кто не имѣлъ, чѣмъ принести такую жертву; тотъ не могъ пользоваться правами.

In pretio pretium nunc est: dat census honores,
Census amicitias; pauper ubique jacet.

Ovid. I. Fast.

Центральное общество тяготѣло надъ другими городами, какъ эти частные центры тяготѣли надъ своими гражданами, которые, съ своей стороны, тяготѣли надъ всѣмъ, что не было полнымъ гражданиномъ, отъ членовъ семьи до кліентовъ и рабовъ. Посему даже Греція и Римъ осуществили свободу только въ высшихъ, малочисленныхъ слояхъ своего населенія, осудивши остальное на тяжкое рабство. Понятно, что въ такомъ государствѣ и въ его управленіи не осуществлялась жизнь всего населенія; государство и его управленіе не обнимали собою всего народа; государство и его управленіе не знали народа, и его человѣческой жизни. Отдѣльная личность не могла вызвать общаго признанія или государственнаго содѣйствія своимъ цѣлямъ; и частное, человѣческое, предоставленное отдѣльнымъ усиліямъ частныхъ лицъ, было лишено полнаго, надлежащаго развитія. Частные люди, какъ люди, искали для себя богатства, удобствъ, обезпеченныхъ, высшихъ наслажденій, и человѣческаго образованія; государство только не мѣшало ихъ усиліямъ, не думая впрочемъ облегчить успѣхи частныхъ лицъ, а тѣмъ менѣе имъ содѣйствовать. Только обычаи, да народныя повѣрья, иногда предразсудки служили руководительными правилами для лицъ въ дѣлѣ ихъ частныхъ пользъ и потребностей. Отсюда безконечное и притомъ случайное различіе въ народной жизни древности; въ чемъ сходятся народы новые, тѣмъ различаются древніе. Одно населеніе занимается тамъ только земледѣліемъ, презирая, часто даже преслѣдуя скотоводство, какъ Египтяне,—ремесла и торговлю, какъ Греки и Римляне; другой народъ исключительно посвящаетъ себя ремесламъ и торговлѣ, мореплаванію и торговымъ путешествіямъ, какъ Финикіяне, Карѳагеняне; въ одномъ городѣ той же народности, напр. греческой цвѣли искуства и науки, въ другомъ, тутъ же рядомъ съ нимъ, законъ изгонялъ тѣ же науки и искуства. Сама религія народовъ языческихъ не могла принять объективной формы, оставаясь предметомъ частныхъ, личныхъ воззрѣній. Возбудить въ народѣ тотъ, или другой родъ не политической, а народной дѣятельности, тѣ или другія собственно человѣческія потребности, понятія, наклонности, спо-

собности, или содѣлать общими извѣстныя правила нравственности, чести, вѣры — все это не входило въ составъ древней политики; входя же, теряло свое самостоятельное значеніе, и обращалось въ средство для политическихъ цѣлей [1]).

Западныя, равно какъ восточныя общества среднихъ вѣковъ представляютъ совершенно противоположную картину. Средневѣковыя общества являются первоначально въ видѣ цѣлыхъ племенъ и народовъ, занимавшихъ собою обширныя пространства, безъ сильныхъ средоточій, безъ общей опредѣленности, сначала даже безъ осѣдлости. И, если въ древности, государство оставалось при городскомъ устройствѣ и послѣ совмѣщенія въ себѣ частей самыхъ разнородныхъ; то въ средніе вѣки общественныя соединенія долго отзывались народными, безъ ясныхъ признаковъ политической связи. И названія для обществъ были заимствованы отъ имени народа и земли, или его поселенія, какъ напримѣръ Deutschland, England, Holland и т. д. Главнѣйшій дѣйствующій элементъ, въ исторіи этихъ обществъ, былъ народъ съ его составными элементами, частными лицами, и ихъ соединеніями, по единству образа жизни: одни занимаются земледѣліемъ, другіе ремеслами, иные войною, другіе дѣлами духа, и притомъ такъ, что каждый въ своей дѣятельности видитъ послѣднюю цѣль своего существованія. Легко соединяются и сливаются лица съ лицами однородными, съ товарищами по занятію, съ единомышленными по убѣжденію; и въ этомъ соединеніи по частному интересу успокоивается личность, это соединеніе она считаетъ послѣднимъ, высшимъ единствомъ. Болѣе высокаго, гражданскаго, политическаго соединенія не ищетъ и не терпитъ средневѣковая личность. Очень понятно, что такимъ образомъ политическій элементъ теряетъ свое античное значеніе, и, въ средневѣковомъ обществѣ, на мѣсто гражданина выступаетъ человѣкъ, съ его нуждами, задачами, притязаніями, интересами, равно какъ съ представителями этихъ интересовъ—общинами, корпораціями, классами. Являются вопросы о богатствѣ, промышленности, народонаселеніи, образованіи, вообще о человѣческихъ нуждахъ и потребно-

[1]) Frantz, Vorschule zur Physiologie der Staaten, Berl. 1857, p. 27, 154.

стяхъ; каждый изъ этихъ вопросовъ и интересовъ проводится и развивается своимъ особымъ представителемъ, классомъ, сословіемъ; но представители, классы, корпораціи, не замыкаясь никакимъ высшимъ, общимъ началомъ, по мѣрѣ самаго успѣха въ одностороннемъ своемъ развитіи, приходятъ въ столкновеніе, въ борьбу, замиряясь только для совмѣстнаго противодѣйствія общему, политическому единству. Церковь одна составляла собою общую связь для народовъ Средней Исторіи; въ политикѣ нельзя было говорить о пожертвованіи частнаго въ пользу общаго, и скорѣе можно видѣть во всемъ господство частнаго надъ общимъ [1]).

Только признавши интересы корпорацій и классовъ своими общими интересами; только принявши на себя содѣйствіе этимъ интересамъ и ихъ развитію; только представивши болѣе счастливыя обезпеченія для интересовъ общинъ: новыя государства могли сомкнуть самыя общины и корпораціи въ единство политическое. И съ этой поры государство существенно измѣнилось. Не ограничивается новое государство охраненіемъ внѣшней безопасности, но дѣлаетъ предметомъ своего управленія всѣ вопросы народной, человѣческой жизни. Все, чѣмъ дорожитъ общество, сословіе, частное лицо, все это дорого для государства; все, что свято для общества, сословія, частнаго лица, все это свято для государства. Съ своей стороны, частныя лица, сословія общества, ища своихъ человѣческихъ интересовъ, дорожа своими истинными цѣлями, ищутъ пользъ и выгодъ государственныхъ и, жертвуя своимъ убѣжденіямъ, чести, нравственности, религіи, жертвуютъ общимъ государственнымъ убѣжденіямъ. Только о новомъ государствѣ, о государствѣ новой исторіи можно сказать, что оно есть то единство народа, которымъ человѣческія идеи проводятся въ жизнь, осуществляются и возводятся въ значеніе объективныхъ началъ и законовъ. Государство новой исторіи не есть только форма жизни, сосудъ жизни, а сама жизнь и духъ, сила и дѣятельность. Есть въ народѣ извѣстная система религіозныхъ вѣрованій, государство объявляетъ эту систему объек-

[1]) Frantz, Vorschule, 110.

тивною догмою, видимою церковію, исповѣданіемъ народа, съ политическими правами свободы, терпимости и неприкосновенности. Есть въ народѣ извѣстная сумма нравственныхъ убѣжденій и теоретическихъ понятій или воззрѣній, государство приводитъ ихъ въ свое общее сознаніе и на этомъ основаніи установляетъ свои положительные законы о добрѣ и злѣ, или правѣ, и свои учрежденія относительно постепеннаго образованія различныхъ поколѣній. Существуютъ въ народѣ извѣстныя правила объ устройствѣ его вещественнаго быта, богатства, удобствъ, обезпеченія его жизни; государство заимствуетъ оттуда начала, необходимыя для развитія и сохраненія богатства и населенія. Съ исчезновеніемъ античнаго построенія государства, какъ продукта единичной воли Фараона, или частной воли города, и съ появленіемъ государства, основаннаго на сосредоточеніи въ единство общей воли, мы отвергаемъ, какъ нелѣпость, положеніе, будто бы государство не имѣетъ никакой вѣры, никакого чувства, никакой системы нравственности, — keine Religion, kein Mitleid, keine Sittlichkeit. Напротивъ, христіанскія государства, приводимыя въ движеніе идеями и управляемыя убѣжденіями и понятіями права, заключаютъ въ себѣ все богатство вещественнаго и духовнаго благосостоянія, состоятъ видимо изъ общества и народа, и имѣютъ три главныхъ или основныхъ интереса: *политическій, гражданскій и общественный* [1]).

Политическій интересъ, обнимая собою внѣшнюю самостоятельность государства и внутреннее государственное устройство, поддерживается и достигается посредствомъ дипломатическихъ сношеній, войскъ, флотовъ, финансовъ, государственныхъ законовъ и учрежденій. Интересъ гражданскій, или собственно такъ называемый юридическій заключаетъ въ себѣ неприкосновенность имуществъ, физическую безопасность лицъ и обезпеченіе законности, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ; что совершается посредствомъ законовъ гражданскаго и уголовнаго права, съ ихъ производствомъ. Наконецъ къ составу интереса общественнаго относимъ мы все то, что не принадлежитъ ни одному правительству, ни однѣмъ ча-

1) Frantz, Vorschule, 152.

стнымъ лицамъ, но цѣлымъ сословіямъ, общинамъ, всему населенію, состоя въ вещественномъ и духовномъ благосостояніи народа, и совершаясь не однимъ правительствомъ или частными лицами, а общинами, сословіями и всѣмъ народомъ. Это предметъ *Общественнаго права.*

Явленіе этого предмета современно обществамъ и народамъ; сознаніе объ его отдѣльномъ существованіи обще всѣмъ новымъ государствамъ; установленіе его главной сущности составляетъ предметъ теорій, которыя различаются только названіемъ предмета, или взглядомъ на него писателей. На западѣ, общимъ, древнимъ названіемъ для этого предмета и управленія служило греческое слово πολιτεία, политія, полиція [1]); у насъ сначала обозначался предметъ словомъ: благочиніе, а потомъ словами: благоустройства и благочинія; въ западной литературѣ, до сихъ поръ все это обозначается такъ же, какъ и на практикѣ, словомъ: полиція [2]). Но содержаніе этой полиціи, за немногими исключеніями, вездѣ и всегда было одинаково. Такъ Reichsregimentsordnung отъ 1496, и особенно Polizey-ordnung Нѣмецкой Имперіи отъ 1577 г. говорятъ собственно о божбѣ и клятвѣ, о богохульствѣ, непочитаніи святыхъ и т. п.; о не уваженіи къ дворянству, военному званію; объ излишней роскоши въ одеждѣ гражданъ, крестьянъ, дворянъ, докторовъ, графовъ и т. д.; объ излишней расточительности при обрядахъ крещенія, браковъ, освященія церквей и проч.; объ ростахъ и ростовщикахъ, монополіяхъ, нищихъ, бродягахъ, аптекахъ, типографіяхъ и т. п. [3]). Приводя вопросы въ систематическій порядокъ, найдемъ, что актъ говоритъ о промышленности и о народномъ богатствѣ, о народонаселеніи и его образованіи, о сохраненіи народа отъ дѣйствія голодовъ, болѣзней, бѣдности и т. д.; слѣдовательно вообще о вещественномъ и духовномъ народномъ благосостояніи. Полиція Франціи, при Людовикѣ XIV,

[1]) См. мою статью въ Москвит. № 5, за 1843 г., о Законахъ Благоустройства, или что такое полиція.

[2]) Zimmerman s'Wesen der Polizey и т. д. Hannov. 1852 стр. 10. Chambre de police извѣстна во Франціи XIII вѣка.

[3]) Neues Archiv für's Kriminalrecht, t. III, 573, статья (Lotz) Лотца.

занималась вопросами о религiозности и нравственности народа, объ его здравiи, продовольствiи, образованiи, промышленности и т. д., имѣя цѣлiю, по выраженiю Деламара, доставить народу возможное на землѣ счастiе [1]). Полицiя въ Россiи Петра Великаго имѣетъ, по словамъ регламента магистрата, 1721, такъ же *свое особое состоянiе*: она споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудiи, рождаетъ добрые порядки и нравоученiе; всѣмъ безопасность подаетъ, — непорядочное и непотребное житiе отгоняетъ, — чинитъ добрыхъ домостроителей,— города и въ нихъ улицы тщательно сочиняетъ; препятствуетъ дороговизнѣ, и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой; предостерегаетъ всѣ приключившiяся болѣзни, — призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ и, по заповѣдямъ Божiимъ, воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и въ честныхъ нравахъ; вкратцѣ жъ всѣми сими полицiя есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности [2]).» — Въ концѣ прошлаго столѣтiя, Полицiю Нѣмецкой Имперiи стали раздѣлять на полицiю народнаго благосостоянiя и безопасности, Wohlfahrts- und Sicherheits-Polizey [3]), что принято у насъ въ Сводѣ Законовъ, обозначено словами Благоустройства и Благочинiя, и пояснено словами регламента 1721 года, которыя приводятся во II Т. Свода, для установленiя понятiя *о полицiи, въ высшемъ и особомъ значенiи* [4]).

И такъ вопросы о народномъ богатствѣ, о народонаселенiи, о народномъ образованiи, и т. п., по законамъ образованныхъ государствъ, составляли всегда, вездѣ, и составляютъ теперь въ Европѣ особый предметъ государственнаго управленiя и особую систему законодательства. Что же это за управленiе; какое законодательство; въ чемъ состоитъ его начала и его природа? Нельзя ожидать помощи отъ названiя, отъ имени, будетъ ли предметъ названъ благоустройствомъ и благочинiемъ, или полицiею, въ высшемъ и осо-

1) De la Mare, Traité de la Police, I, Préf. 2), 1721, янв. 16, гл. X.
3) Berg's Handbuch des deutschen Polizeyrechts, I, 28.
4) Изд. 1842, статья 11, примѣч.

бомъ значеніи. Такъ же точно, какъ нельзя, по одному названію, получить понятіе о законахъ уголовныхъ, которыхъ распоряженія не всѣ же касаются головы, или о законахъ гражданскихъ, которыхъ примѣненіе къ землѣ и дому, къ браку и отношеніямъ семейнымъ требуетъ объясненія и не довольно легкаго. Не говоря уже объ иноземномъ, весьма неопредѣленномъ словѣ: полиція, самое чистое русское, древнее названіе: благочиніе или благоустройство, само по себѣ, ничего не объясняетъ. Что такое благо, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; чье это благо устрояется законами; почему государство сюда мѣшается; гдѣ предѣлы его дѣятельности и т. д.? Прибавимъ, что даже внимательное чтеніе самыхъ законовъ Благоустройства и Благочинія, по причинѣ ихъ многочисленности [1]), разнородности, далеко не систематическаго изложенія, ни въ какомъ случаѣ не приведетъ къ тому ясному и точному пониманію законовъ, которое одно имѣетъ право на званіе знанія. Сводъ законовъ о Благоустройствѣ и Благочиніи имѣлъ въ виду цѣль практическую, и представилъ свои распоряженія въ отдѣльныхъ уставахъ, по числу исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ, вручивъ, такъ сказать, каждому изъ нихъ по одному уставу для исполненія. Не было нужды наблюдать связь между уставами; и общая мысль, служащая основой для уставовъ, часто лежитъ весьма далеко отъ буквальныхъ распоряженій. Практика тутъ ничего не поможетъ. Забудемъ же на время Сводъ, и обратимся къ теоретическимъ воззрѣніямъ, которыя должны освѣтить самое пониманіе Свода.

Теорія полиціи, хотя и не древняго происхожденія, имѣетъ однакожъ порядочный запасъ системъ разнообразныхъ. Мы не считаемъ нужнымъ разсматривать здѣсь всѣ эти системы, и ограничимся подробнымъ разборомъ понятія о полиціи, по системѣ, самой новой, самой удачной, по признанію нашего времени. Это система Р. Моля, изложенная въ его Polizeywissenschaft, или теоріи полиціи [2]). Робертъ Моль, приступая

[1]) Сюда принадлежатъ томы Свода XI, XII, XIII и XIV.

[2]) 2-е изд. Тюбингенъ, 1844 въ 2 том. Изложеніе этихъ опредѣленій можно видѣть у Платонова, въ его „Вступительныхъ понятіяхъ въ ученіе о Законахъ Благоустройства,“ Харьковъ 1856.

къ изложенію своего понятія о полиціи, говоритъ такъ: «Кто не знаетъ безконечнаго разнообразія, господствующаго въ мнѣніяхъ ученыхъ о полиціи! Мнѣній объ этомъ столько же, сколко писателей; и защитниковъ извѣстнаго мнѣнія столько же, сколько противниковъ. Уже Бергъ, писавшій въ концѣ прошлаго столѣтія, насчитываетъ до 24 различныхъ опредѣленій, которыя онъ удачно опровергаетъ; да съ этого времени появилось ихъ столько же, и столько же неосновательныхъ. Три главныя причины произвели ошибочность въ опредѣленіяхъ полиціи; иныя опредѣленія допустили двойныя и тройныя ошибки, по совмѣстному дѣйствію въ нихъ разныхъ причинъ. Однѣ опредѣленія состоятъ только изъ описанія; другія даютъ понятіе тѣсное, иныя широкое; большая часть грѣшитъ противъ понятія о государствѣ и его цѣляхъ» [1]).— Что до собственнаго опредѣленія полиціи, Моль выводитъ его изъ понятія о государствѣ, которое, по его воззрѣнію, «есть особая форма (Ordnung) жизни даннаго народа, на данномъ пространствѣ, подъ одною верховною властію. Цѣль этой формы или государства состоитъ въ такомъ построеніи общества, въ которомъ каждый его членъ могъ бы найти помощь и содѣйствіе ко всестороннему своему развитію. Это содѣйствіе государства можетъ быть только отрицательнымъ, и должно состоять въ одномъ устраненіи такихъ препятствій къ развитію, которыя превосходятъ силы частнаго лица и частныхъ лицъ. Препятствія къ развитію могутъ быть двухъ родовъ; однѣ происходятъ отъ человѣка, и противъ нихъ дѣйствуетъ въ государствѣ юстиція; другія проистекаютъ изъ природы внѣшней, и противъ нихъ направлена полиція. Посему полиція есть система учрежденій, которыми государство устраняетъ препятствія, ко всестороннему развитію человѣка, представляемыя внѣшнею природою, съ такою силою, что частныя лица не могутъ сами устранить эти препятствія» [2]).

Внимательный анализъ понятія, изложеннаго Молемъ, необходимо приводитъ къ его отрицанію, по множеству при-

[1]) I, 11 стр. замѣч. 3.
[2]) I, 5.

чинъ. Прежде всего поражаетъ читателя то, что Моль не объяснилъ названія полиціи, и вручилъ ей, противъ общаго убѣжденія и употребленія языка, судьбу народнаго богатства и просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что, со времени новыхъ правительствъ, на Западѣ Европы, дѣла не подлежавшія обыкновенному суду, какъ дѣла благоустройства, выполнялись по надзору полиціи, безъ собственной расправы; напр. постройка дорогъ, забота о продовольствіи, мѣры противъ болѣзней и т. д. — Не забудемъ однакожъ, что вопросы имѣютъ внутренній смыслъ, и не вполнѣ зависятъ отъ формы выполненія. Да и самая форма различна,—напр. у насъ устройство дорогъ происходитъ частію общинами, и продовольствіе и призрѣніе и просвѣщеніе совершаются такъ же частію общинами. Слѣдовательно это не полиція, хотя и она, по мѣстамъ, участвуетъ въ выполненіи дѣла. Тутъ спокойное положеніе вопроса важнѣе процессуальнаго, и не можетъ быть означаемо по одному органу выполненія. Далѣе полиція имѣетъ, по Молю, задачею—устранить *препятствія*. А что такое препятствіе? Конечно, все, что мѣшаетъ дѣйствовать, что становится между нашею волею и ея предметомъ, и что отдѣляетъ наше дѣйствіе отъ его объекта. Слѣдовательно, по Молю, только народъ дѣйствуетъ; полиція сюда не мѣшается, она не дѣйствуетъ, а лишь устраняетъ препятствія къ дѣйствію народа. Народъ ѣздитъ и возитъ, что нужно, по дорогамъ; полиція только строитъ мосты, перевозы, да упорядочиваетъ дороги. Народъ пишетъ и читаетъ, опять пишетъ и пересылаетъ письма; полиція сюда не мѣшается, и только перевозитъ письма, посредствомъ почтовыхъ учрежденій. Народъ пашетъ и сѣетъ; полиція уравниваетъ почву, осушаетъ болота, уничтожаетъ пески, и т. д. Но кто не видитъ, что на долю полиціи такимъ образомъ придется болѣе работы, нежели на долю народа? Моль самъ прибавилъ ограниченіе, по которому полиція устраняетъ препятствія только тамъ, гдѣ этого нельзя совершить усиліями частныхъ гражданъ [1]). Но о какихъ частныхъ гражданахъ говоритъ здѣсь авторъ? О бѣднѣйшихъ? Такъ они всѣ и вполнѣ останутся на отвѣт-

[1]) I, 16.

ственности полиціи? О болѣе богатыхъ, о богатѣйшихъ? Такъ чего онѣ не могутъ сдѣлать? Особенно, если захотятъ дѣйствовать компаніями? Въ такомъ случаѣ, полиціи рѣшительно нѣчего будетъ дѣлать, хоть закрывай все управленіе.—Присоединимъ къ тому, что слово: препятствіе само по себѣ очень неопредѣленно, и должно было бы поговорить о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можно отдѣлить мыслію дѣйствіе отъ его предмета, тамъ еще можно толковать о двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно дѣйствуетъ, а другое устраняетъ препятствіе къ успѣшному дѣйствію. Но есть особаго рода дѣйствія, не физическія, а духовныя, каковы напр. всѣ мѣры къ народному просвѣщенію, и о которыхъ Моль ни въ вопросѣ объ опредѣленіи, ни впослѣдствіи, при изложеніи, не сдѣлалъ необходимой оговорки [1]). Что должно почитать здѣсь препятствіемъ? Конечно, невѣжество, предразсудки, суевѣріе, безбожіе и т. д. Какъ же устранить ихъ одною отрицательною дѣятельностію? Устранить невѣжество можно только просвѣщеніемъ, какъ удалить мракъ можно только внесеніемъ свѣта; слѣдовательно положительною дѣятельностію.— Но это еще не все. Моль ограничиваетъ дѣятельность полиціи устраненіемъ препятствій, представляемыхъ внѣшнею природою. Но только ли со внѣшнею природою имѣетъ дѣло полиція? Сколько можно видѣть изъ поверхностнаго обозрѣнія акта 1577 года, изъ простаго чтенія X главы регламента Петра Великаго, и бѣглаго взгляда на всѣ законы полиціи; выходитъ напротивъ, что главное вниманіе полиціи обращено на человѣка и на его дѣятельность. Самъ Моль, говоря о раздѣленіи своей теоріи [2]), и дѣлая между прочимъ задачею полиціи духовное развитіе человѣка, посредствомъ образованія; естественно предполагаетъ, что полиція имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, а не со внѣшнею природою. И какіе законы можно придумать относительно внѣшней природы, гдѣ господствуетъ неизмѣнная необходимость? И что можетъ сдѣлать полиція относительно внѣшней природы? Не составляетъ ли борьба человѣка съ природою задачи для всей исторіи

[1]) I, стр. 52, 53 и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) I, 52, 53.

и для всего назначенія всего человѣка? Какъ юстиція противъ всѣхъ людей, напр. противъ непріятелей государства, такъ полиція противъ всей природы — оплоты слишкомъ слабые, противники слишкомъ скромные. Наконецъ государство существуетъ не для одной безопасности, да и безопасность устроить нельзя, безъ разностороннихъ соображеній.

И такъ мы не можемъ признать справедливымъ опредѣленіе полиціи, данное Робертомъ Молемъ, хотя повсюду встрѣчаемъ только одобренія этому опредѣленію, напр. со стороны Гефтера, Функе, Рау, и др. [1]). И главнымъ, основнымъ источникомъ ошибочности этого опредѣленія мы считаемъ понятіе, которое составилъ Моль о государствѣ. По его возрѣнію, государство есть только форма, только особый порядокъ жизни, слѣдовательно что-то отличное отъ жизни, имѣющее свои задачи и цѣли, часто противоположныя задачамъ и цѣлямъ жизни. Отсюда противоположеніе государства народу и народа государству; отсюда опасенія за свободу народа отъ всякой дѣятельности государства; отсюда осужденіе государства на дѣятельность отрицательную въ такомъ смыслѣ, котораго несостоятельность и даже немыслимость ясно выказались въ опредѣленіи Моля. — Попытаемся собственнымъ выводомъ дойти до искомаго понятія.

Во имя обязанностей, которыя человѣку должно исполнить въ этой жизни, ему усвоено право господства надъ внѣшнею природою. Это право предполагаетъ дѣйствительную власть надъ природою и дѣйствительное преобладаніе, которыя требуютъ постоянныхъ усилій и борьбы, и дѣлаютъ жизнь человѣка вѣчною борьбою съ природою. На поприщѣ этой борьбы, наблюдателю являются первоначально отдѣльныя личности, частныя, физическія лица, съ ихъ отдѣльными дѣйствіями, видимыми, осязательными, и съ отдѣльными результатами того же рода, вещами, имуществами. Отъ общества эти частныя лица требуютъ признанія своихъ дѣйствій,

[1]) Heffter, въ Archiv des Criminalrechts, neue Folge, 1843, 1 Heft. Funke, въ его Das Wesen der Polizey, Leipz. 1844. Rau въ статьѣ Ueber Begriff u. Wesen der Polizey, Zeitschrift für die gesammte Staatswissen. 1853, 3 u 4-tes Heft. 605—625.

съ ихъ слѣдствіями, или результатами; и общество не можетъ разумно не признать того и другого; откуда является первая форма и первая степень права—права частнаго, права частныхъ лицъ. Основаніе этого права есть работа; предметъ его—различныя имущества; главное обезпеченіе—установленіе гражданскаго и уголовнаго закона, оберегающія имущество и жизнь, здоровье и физическую свободу человѣка. Добытое работой, или разумнымъ усиліемъ частнаго лица, принадлежитъ ему, какъ имущество, съ правомъ владѣнія и собственности, съ правомъ пользованія и распоряженія, съ правомъ исключительнаго закономъ огражденнаго господства въ имуществѣ.

Но не одна исключительность и даже не исключительность составляетъ начало человѣческихъ обществъ, которыя напротивъ ищутъ смягченія и расширенія этой исключительности, для установленія общности. Въ дѣйствительной жизни, сами физическія лица существуютъ не отдѣльно, а въ союзахъ, напр. семейныхъ, гдѣ частныя имущества сами получаютъ новое значеніе родовыхъ и фамильныхъ, чтобы потомъ переходить въ состояніе общинныхъ и общественныхъ. Съ другой стороны, разсматриваемыя даже въ отвлеченіи, въ обособленіи, физическія лица живутъ довольно долго, чувствуютъ разнообразныя потребности непрестанно, должны возобновлять свою работу постоянно, и производить извѣстные результаты дѣятельности во все теченіе своей жизни. Не довольно при этомъ признать отдѣльныя дѣйствія этихъ лицъ, какъ не довольно этихъ отдѣльныхъ дѣйствій для простаго бытія личности, какъ недовольно напр. для всей жизни человѣка поймать однажды звѣря или рыбу, купить домъ или имѣніе, а должно, для поддержанія жизни, постоянно повторять акты пріобрѣтенія и усвоенія, отчужденія и замѣны, купли и продажи и т. п. Слѣдовательно, для простаго бытія физическаго лица, должно признать не только его отдѣльныя дѣйствія, но всю его дѣятельность, какъ человѣка, весь образъ его жизни и всю систему его дѣйствій. По этой системѣ, дѣйствуетъ каждая личность, въ обществѣ, во все продолженіе своего существованія; по этой системѣ, дѣйствуютъ ея нисходящіе и цѣлыя поколѣнія; по

этой системѣ дѣйствуютъ сосѣди данной личности и товарищи, по занятію; откуда происходить и образъ жизни отдѣльныхъ лицъ и однородная дѣятельность общинъ, классовъ, сословій. И здѣсь государство представляется уже не въ видѣ какой то суммы атомовъ, или отдѣльныхъ точекъ, а въ формѣ линій и словъ населенія, въ періодѣ кристаллизаціи, образуемой или географическимъ сосѣдствомъ, между лицами, или однородностію ихъ занятій, или физіологическимъ единствомъ ихъ происхожденія и т. п. Государство признаетъ эти общества лицами такъ же, какъ оно признало лицами отдѣльныхъ, частныхъ людей; тѣмъ болѣе, что общества образуютъ необходимые элементы самаго государства, вѣчные, какъ государство, необходимые, какъ государство, многосторонніе, какъ непосредственныя части человѣчества. Государство признаетъ эти общества съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ признаетъ самое себя. Общества становятся лицами; но уже не физическими, а юридическими, высшими, духовными, съ болѣе идеальными интересами, нуждами, дѣйствіями, результатами. Состоя изъ союза лицъ физическихъ, онѣ имѣютъ свою особую долю въ борьбѣ со внѣшнею природою, и свою особую дѣятельность, состоящую не въ работѣ, или одновременныхъ, краткихъ періодахъ физическихъ усилій, а въ трудѣ, или постоянной, однородной дѣятельности, извѣстной подъ названіемъ промышленности, образованія, цивилизаціи. Дѣятельность этихъ обществъ имѣетъ свои результаты, но уже не одни матеріальные, видимые, осязательные, какъ имущества частныхъ людей; а болѣе постоянные, болѣе отвлеченные, духовные, допускающіе надъ собою право этихъ обществъ не столько въ видѣ имущественной собственности, сколько въ значеніи идеальнаго обладанія условіями, необходимыми для дальнѣйшаго развитія общества, посредствомъ путей сообщенія, учрежденій для образованія, развитія всѣхъ производительныхъ силъ окружающей природы. Понятно, что частныя лица, вошедшія въ составъ этихъ обществъ, сами получаютъ новыя права, недоступныя для ихъ разрозненныхъ усилій, выходящія за предѣлы ихъ особныхъ средствъ, созидаемыя единственно обществомъ, общественнымъ союзомъ. Но также понятно, что и общества, вошед-

шія въ составъ государства и признанныя государствомъ, заимствуютъ отъ государства новыя силы, новыя средства, новые успѣхи въ своей дѣятельности, и получаютъ значеніе посредствующей среды между частнымъ и личнымъ, стремящимся къ своему развитію, и между общимъ и государственнымъ, призваннымъ къ содѣйствію этому развитію, чѣмъ совершается полное обращеніе жизни въ государственномъ организмѣ. Эти права обществъ или общества, относительно государства, и эти права частныхъ лицъ относительно общества и государства, съ обоюдными обязанностями, составляютъ, въ отличіе отъ права гражданскаго, или частнаго, систему *Общественнаго права.*

Мы слишкомъ многаго ожидаемъ отъ раздѣленія труда и индивидуальной дѣятельности; требуемъ простора для физическихъ лицъ, и стѣсняемъ свободу ихъ соединеній, обществъ, забывая указанія опыта и исторіи, что, внѣ общества, отдѣльныя лица слабы, безсильны и ничего не смогутъ; что, для успѣха въ дѣятельности, онѣ сами составляютъ частныя общества, товарищества; что интересы и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ только матеріальны, кружатся въ одной сферѣ полезнаго: и что самая сфера полезнаго, матеріальнаго, не пріуроченная къ семействамъ, обществамъ, сословіямъ, поколѣніямъ, никогда не выростетъ въ народное богатство. Восхожденіе частнаго до общественнаго и общественнаго до признанія со стороны государства, и до его обращенія въ общественное право, должно считать необходимымъ и разумнымъ. Тѣмъ болѣе, что только такимъ восхожденіемъ порѣшается естественный и вѣчный антагонизмъ, существующій между общимъ, вырождающимся въ коммунизмъ, и частнымъ, превращающимся въ индивидуализмъ [1]). Наконецъ только такое участіе закона и государства, въ дѣлѣ замиренія частнаго съ общимъ, теряетъ свое значеніе опеки и

[1]) Индивидуализмъ родитъ убѣжденіе, подобное высказанному въ Bibliothèque Univ. de Genève, 1856, Octob. par Cherbuliez, p. 169: nos locomotives portent dans leurs flancs la monarchie absolue ou la dictature, — elles rendront impossible toute autre forme de gouvernement. — Въ прямомъ противоположеніи индивидуальности съ централизаціею не можетъ быть иначе.

патронатства, и принимаетъ характеръ управленія, производящаго гармоническое сліяніе частнаго съ общимъ, въ государствѣ [1]).

Есть въ Общественномъ Правѣ свои лица или субъекты, предметы права и способы пріобрѣтенія, — свои права и законы о правахъ, какъ установительные, такъ и охранительные; только все это въ другомъ размѣрѣ, съ другимъ характеромъ и другимъ значеніемъ, чѣмъ въ гражданскомъ или государственномъ правѣ. Субъектами Общественнаго права являются прежде всего семейства, общины, сословія, вообще органическія соединенія, представляющія собою весь народъ и все населеніе, все общество, къ которому частныя лица принадлежатъ не отдѣльными своими дѣйствіями, а всею жизнію, и отъ котораго получаютъ не одно гражданское, а полное человѣческое значеніе. Такъ monstra, portenta, embryones, незаконнорожденные, нищіе, сумасшедшіе, арестанты, не имѣющіе вовсе, или многихъ правъ въ быту гражданскомъ, возстановляются въ возможныхъ правахъ человѣческихъ, по Праву Общественному. Общества имѣютъ права, только для сообщенія ихъ своимъ членамъ. Объектами Общественнаго права бываютъ не однѣ имущества движимыя или недвижимыя, благопріобрѣтенныя или родовыя, а всѣ предметы природы, вся природа, со всѣми ея производительными силами, и всѣ народныя человѣческія средства къ разработкѣ этихъ силъ, дороги, каналы, почты, школы и учрежденія для развитія въ народѣ просвѣщенія. Это не частныя имущества, но и не политическія установленія, а объекты Общественнаго права. Ясно, что такіе предметы права пріобрѣтаются не отдѣльными дѣйствіями частныхъ лицъ, и не дѣйствіями частныхъ людей, а вѣковыми усиліями общинъ и обществъ, которыя, съ начала исторіи, созидаютъ пути сообщенія, почтовыя сношенія, воздѣланную почву, торговыя связи и учрежденія, средства образованія и всю матеріальную и духовную цивилизацію. Ясно, что права, входящія въ составъ Общественнаго Права, въ сравненіи съ другими, должны имѣть другой характеръ и другое болѣе высшее значеніе. Характеръ этихъ правъ не можетъ быть выраженъ понятіемъ соб-

[1]) Frantz, Vorschule, 23, слѣд. и 27.

ственности, а развѣ понятіемъ владѣнія, хотя это владѣніе вѣчно и неизмѣнно, какъ оно не бываетъ въ частномъ правѣ. Напримѣръ нѣтъ города безъ земли; городъ не мыслимъ безъ земли; каждый городъ долженъ имѣть землю, но по этой же причинѣ право города на его землю исключаетъ существенный признакъ собственности — право отчужденія. Тоже должно сказать и о другихъ правахъ общинъ и обществъ, которыя всѣ суть только владѣльцы, пользующіеся настоящимъ, подъ условіемъ сохранить и развить предметы права для будущихъ поколѣній. Что до значенія Общественнаго Права, его особенность выказывается во всѣхъ вопросахъ. Если въ Гражданскомъ для частнаго лица существуетъ право на проходъ и проѣздъ къ полю и водѣ; то въ Общественномъ образуется оттуда доступное для всѣхъ право путей сообщенія Если въ Частномъ открыты для лицъ способы пріобрѣтенія, извѣстные въ жизни подъ названіемъ наслѣдованія, находки, купли и продажи; то въ Общественномъ дается всѣмъ право рыть горы, для пріисковъ, заводить фабрики, для выработки продуктовъ, и вступать въ торговлю хоть съ цѣлымъ міромъ. Если въ Частномъ правѣ семья разсматривается, какъ условіе бытія для частныхъ лицъ; то въ Общественномъ отсюда выводится вопросъ о народонаселеніи. Если въ частномъ семейномъ правѣ говорится объ обязанности учить дѣтей, въ общественномъ излагаются законы о народномъ образованіи; и, если въ семействѣ по частному праву, члены обязуются одни помогать другимъ, въ Общественномъ эта помощь является въ формѣ общественной благотворительности. Наконецъ самая защита и обезпеченіе правъ въ общественномъ правѣ явно разнится отъ защиты и обезпеченія, предоставляемыхъ частнымъ правомъ. Здѣсь защита правъ дѣйствуетъ только на основаніи прошеній, посредствомъ судебныхъ приговоровъ; тогда какъ въ Общественномъ правѣ часто дѣло идетъ объ отстояніи правъ населенія отъ вліянія цѣлой природы; для чего необходимо бываетъ смыкать народъ въ систему взаимнаго застрахованія, разлагать потери частныхъ лицъ между всею массою народа, и, общими усиліями и пожертвованіями, вознаграждать частныя лица за всѣ ихъ потери.

И все это должно совершаться, въ государствѣ, по законамъ и по праву. Въ Общественномъ правѣ должны быть законы, возможны законы, и дѣйствуютъ законы, которыхъ разумное основанiе лежитъ въ народѣ и природѣ, въ сознательной опытности дѣятеля и въ разумно-понятомъ свойствѣ предмета дѣятельности. Что дѣлаетъ и чего желаетъ настоящее поколенiе, то дѣлаетъ и того желаетъ не одно лицо, въ разумности котораго часто можно сомнѣваться; что дѣлаетъ настоящее поколѣнiе и чего оно ищетъ, то оно дѣлаетъ и того ищетъ не нынче только, не со вчерашняго дня, и не до завтрашняго утра. Въ обществѣ постоянно существуютъ общiя мысли, общiя правила, и общiя начала. Общее сознанiе объ извѣстной нуждѣ дѣлаетъ изъ нея общественную потребность; общее убѣжденiе въ способѣ удовлетворенiя этой нуждѣ и потребности является въ видѣ общаго правила, начала. Такъ произошло, что, со времени перваго появленiя въ народѣ, общинъ, обществъ, сословiй; человѣческiя, общественныя потребности дѣлаются ясными, опредѣленными нуждами, и, для своего удовлетворенiя, вызываютъ правильную дѣятельность народа, по извѣстнымъ общимъ началамъ. Съ теченiемъ времени, успѣхами образованiя, или богатствомъ наблюденiй, мѣняются начала, формы и способы дѣятельности; но, въ каждый данный моментъ исторiи, общества дѣйствуютъ въ своихъ вопросахъ, по общимъ правиламъ, по началамъ. Подмѣчая, открывая, изучая эти начала, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, отвлеченный, теоретическiй умъ того же народа составляетъ систему началъ, или науку о промышленности сельской, о торговлѣ, о богатствѣ и т. п. И государственному закону не остается другой задачи, какъ черпать изъ этихъ источниковъ, изъ народной опытности и изъ ученаго сознанiя, или науки матерiальную истину своихъ распоряженiй, и сообщать ей внѣшнюю силу, въ пространствѣ и во времени. Такъ должно смотрѣть вообще на законы и уставы о путяхъ сообщенiя, о развитiи промышленности, объ народномъ просвѣщенiи, о мѣрахъ противъ естественныхъ общественныхъ золъ и противъ человѣческаго произвола, грозящаго бѣдами обществу. Эти законы были пер-

воначально въ сознаніи отдѣльныхъ, разумнѣйшихъ лицъ, которыя успѣли приблизить ихъ къ сознанію общинъ или сословій; потомъ они содѣлались законами общинъ и сословій, чтобы наконецъ, вліяніемъ государства, обратиться въ общіе законы для всей земли и всего народа. Такъ оправдывается положеніе, что государство есть общество, для постепеннаго воплощенія всѣхъ идей человѣческихъ. И вотъ одно изъ основаній, по которому теорія Общественнаго права должна разсматривать исторію этого права, какъ составную часть своего предмета; и одно изъ объясненій для пониманія исторической методы, въ нашемъ правѣ. Не все, что было, или имѣло мѣсто въ исторіи, должно существовать всегда и вѣчно, какъ не всякой мысли каждаго поколѣнія можетъ принадлежать достоинство вѣчной истины. Обстоятельства мѣняются, жизнь развивается, образованіе ростетъ, убѣжденія дѣлаются болѣе и болѣе разумными, и все это измѣняетъ начала обществъ и государствъ. Мы требуемъ только исторической методы, въ правѣ, для пониманія права, а не историческаго права, которое всегда должно быть результатомъ разумности.

Но, если въ жизни много разнообразныхъ обстоятельствъ, заставляющихъ отдѣльныя лица расходиться во взглядахъ на данный предметъ; если въ наукѣ много сторонъ, мѣшающихъ не только унисону литературы, но даже гармоніи въ голосахъ разныхъ ученыхъ, по извѣстной части; какимъ же образомъ законъ государственный, безъ насилія этому разнообразію, можетъ установить общія начала для всего и для всѣхъ? Естественно, только держась самыхъ общихъ началъ, общнѣйшихъ правилъ, наиболѣе отдаленныхъ областей отвлеченія, наиболѣе установившихся положеній науки. Такова, съ другой стороны, связь законодательства съ его теоріей; и вотъ новое положеніе для законодательства, которое по этому находится между зиждущимъ движеніемъ исторіи и образующимъ началомъ теоріи. Теорія есть, какъ бы цѣль историческаго движенія; исторія — слѣдъ постепеннаго восхожденія законодательства къ теоретическимъ, разумнымъ положеніямъ.

Не всякое однакожъ общее начало, и самое отвлеченное должно обращаться въ законъ государства, требующій необходимаго исполненія и потому облекаемый понудительною силою? И вообще, какія начала должны входить въ составъ закона, и въ какой мѣрѣ закону Общественнаго права принадлежитъ власть понужденія? Трудно здѣсь, вообще, отвлеченно, безъ фактическаго разсмотрѣнія законовъ, указать разумныя основанія для обращенія извѣстныхъ общихъ началъ опыта и науки въ понудительный законъ государства, но трудность не есть неразрѣшимая невозможность. Мы знаемъ что дѣятелемъ общественнаго права бываетъ община, сословіе, юридическая личность, состоящая изъ лицъ физическихъ, на такомъ же основаніи, на какомъ государство состоитъ изъ тѣхъ и другихъ. Мы знаемъ, что юридическая личность, или союзъ личностей физическихъ дѣйствуетъ чрезъ ихъ посредство, какъ государство дѣйствуетъ чрезъ посредство всѣхъ своихъ составныхъ элементовъ. Посему ясно, что распоряженія, правила и законы общины суть выраженія общихъ ея интересовъ, подчиняющихъ себѣ дѣятельность частныхъ лицъ, подобно тому, какъ распоряженія, правила, законы государства суть выраженія его общихъ интересовъ, господствующихъ надъ дѣятельностію частныхъ и юридическихъ лицъ. Съ тѣмъ только различіемъ, что интересы государства состоятъ существенно въ справедливости, въ основной идеѣ права, тогда какъ интересы общинъ и сословій имѣютъ большею частію матеріальное содержаніе — понятіе о пользѣ. Частныя лица, равно какъ мелкія, отдѣльныя общины ищутъ одной своей пользы; государство ищетъ только общаго, и, въ этомъ случаѣ, общей пользы, или пользы всѣхъ, узаконеніемъ которой государство узаконяетъ право, въ самой сферѣ пользы. Съ другой стороны, принимая въ свои законы общія начала, господствующія въ сознаніи общинъ, сословій, поколѣнія, государство собственно примиряетъ, по идеѣ правды, интересы частныхъ лицъ съ интересами общими юридической личности. Государство ставитъ себя рѣшителемъ борьбы, очень естественно возникающей, въ союзахъ человѣческихъ, между частнымъ и общимъ. И такъ въ законы государства входятъ начала жизни и теоріи, которыя

уже въ обществѣ требуютъ господства надъ частнымъ въ жизни и теоріи, и которымъ сверхъ того господство принадлежитъ, по ихъ сообразности съ началомъ справедливости. Мы особенно возстаемъ противъ теоріи, по которой водительною мыслію государства ставится общественная польза, или общественное благо,—понятія столько неопредѣленныя и растяжныя. Только съ точки зрѣнія права объясняется понудительная сила законовъ Общественнаго права и степень этой понудительности. Основаніе понудительной силы—справедливость общественнаго закона; предѣлы этой понудительности — порѣшеніе борьбы частнаго съ общимъ. Что могутъ выполнить частныя лица, своими средствами, въ то не вступается община и общество; что доступно для усилій общинъ, должно быть изъято изъ-подъ прямаго вліянія государства. Такъ примиряется государственное вліяніе на личность, посредствомъ общности; въ законъ государственный входитъ то, что уже было въ обществѣ; лица подчинены государству уже по причинѣ своей подчиненности обществу, семьѣ, общинѣ, сословію.

Зная происхожденіе, или даже самый genesis общественныхъ законовъ, равно какъ ихъ свойство и предметъ, намъ легко установить понятіе Общественнаго права и представить его систему. Общественное Право есть право частныхъ лицъ и обществъ на ту дѣятельность и на тѣ средства, которыми совершается, въ государствѣ, развитіе и обезпеченіе цивилизаціи, или благосостояніе народа. Выражая туже мысль другими словами, можно сказать, что Общественное Право состоитъ въ правѣ личности на ея развитіе, посредствомъ пользованія общественными установленіями, существующими, въ государствѣ, для этой цѣли. Система этого права обнимаетъ законы о лицахъ, предметахъ, правахъ и средствахъ защиты этихъ правъ. И вотъ главнѣйшія положенія нашей системы. — Прежде всего законы Общественнаго права говорятъ о дѣятеляхъ, лицахъ, или субъектахъ общественнаго права, опредѣляя ту степень простора или свободы, которая необходима лицамъ, какъ для пользованія общественнымъ правомъ, такъ и для его дальнѣйшаго развитія. Главныя начала при этомъ выражаются въ устраненіи

личной физической зависимости и въ узаконенiи бытiя личности въ общности, — въ избѣжанiи объособленiя лицъ и въ противодѣйствiи безъусловному господству общаго надъ частнымъ. Послѣ того общественные законы излагаютъ понятiе о предметахъ общественнаго права, или объектахъ, и преимущественно объ основанiи всякаго вещнаго права, о землѣ, установляя тотъ способъ общественнаго владѣнiя въ землѣ государства, который наиболѣе обѣщаетъ успѣха, для развитiя интересовъ народа. Затѣмъ слѣдуютъ законы о правѣ личности на бытiе, или о народонаселенiи, и законы о правѣ на сближенiе народа и его различныхъ элементовъ, посредствомъ дорогъ или путей сообщенiя, и посредствомъ почтъ или подобныхъ учрежденiй. Далѣе слѣдуютъ установительные законы о правѣ труда, съ одной стороны, для развитiя вещественнаго, а съ другой, для развитiя духовнаго благосостоянiя. Въ первомъ случаѣ, они извѣстны подъ именемъ законовъ о промышленности, сельской, ремесленной, фабричной, торговой; во второмъ, законы излагаютъ учрежденiя и мѣры къ образованiю народа умственному, эстетическому и нравственно-религiозному, посредствомъ дѣйствiя семьи, церкви, школы. — Во второй половинѣ системы общественнаго права излагаются охранительные законы, которые содержатъ въ себѣ опредѣленiя для дѣятельности общества, стремящагося спасти себя какъ отъ вреднаго влiянiя внѣшней природы, такъ и отъ вредныхъ дѣянiй человѣка. Эта дѣятельность начинается предъупрежденiемъ зла и его пресѣченiемъ; но, въ случаѣ ихъ несостоятельности, она переходитъ въ соединенiе населенiя въ систему взаимнаго застрахованiя, съ цѣлiю вполнѣ спасти частное лицо отъ совершеннаго раззоренiя, посредствомъ разложенiя на общество частной потери, не чувствительной для цѣлой системы соединенiя. Однимъ словомъ, такъ какъ право есть мѣра свободы, то Общественное право узаконяетъ предѣлы, до которыхъ простирается требованiе обществъ, чтобы государство осуществляло идеи науки, и до которыхъ доходитъ право частныхъ лицъ, требовать отъ ихъ обществъ, чтобы онѣ низводили всѣ добытые государствомъ результаты науки до каждой личности въ народѣ. Не опека или патронатство государ-

ства надъ частными лицами, а взаимодѣйствіе частнаго съ общимъ составляетъ задачу Общественнаго права. И въ поясненіе системы этого права, должно присоединить, что въ рѣшеніи каждаго изъ его вопросовъ участвуютъ и частныя лица и общины или общества, и напослѣдокъ государство. Начало дѣлаютъ физическія, частныя лица, побуждаемыя своими нуждами и потребностями; и, только при недостаточности своихъ средствъ или побужденій къ дальнѣйшему развитію вопроса, онѣ вызываютъ содѣйствіе обществъ и общинъ, отъ семьи и рода до села, города и сословія. Здѣсь все совершается усиліями физическихъ и юридическихъ лицъ, только подъ законодательною контролью государства, которое прямо вступаетъ въ дѣло уже тогда, когда самыя нужды и средства обществъ и лицъ юридическихъ окажутся несостоятельными. Такъ напр. дѣло образованія сначала поручается средствамъ домашняго и частнаго воспитанія, далѣе входитъ въ заведенія общественныя, наконецъ совершается государственными средствами. По сему же напр. благотворительность имѣетъ три формы — частнаго, общиннаго и общественнаго призрѣнія. Исключительно личное — слабо, недостаточно; исключительно государственное ведетъ къ апатіи, убиваетъ развитіе.

Наконецъ нельзя не присовокупить, что общество, служащее субъектомъ Общественнаго права, можетъ и должно имѣть свои финансовыя средства и свои судебныя учрежденія. Капиталы извѣстныхъ учрежденій, напримѣръ: Домовъ Воспитательныхъ, Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, равно какъ сборы мірскіе крестьянъ, земскіе дворянъ и все хозяйство городское несомнѣнно принадлежатъ обществу, а не государству, которое имѣетъ свое государственное хозяйство, какъ частныя лица имѣютъ свое частное, и какъ общества должны имѣть свое общественное. Съ другой стороны, неисправное состояніе дорогъ или почтовыхъ станцій, незаконное расширеніе промысла, со стороны извѣстнаго лица, равно какъ неосновательное стѣсненіе права исповѣданія, или права учить и учиться; наконецъ дѣла о строеніи, пожарахъ, продовольствіи, призрѣніи, все это явно можетъ и должно быть порѣшаемо порядкомъ судебнымъ, во имя за-

коновъ. Должны быть суды, по вопросамъ Общественнаго права; потому что существуютъ законы, установляющіе общественныя права. И суды, въ этомъ случаѣ, должны быть свои, особенные, именно смѣшаннаго состава, какъ по спеціальности вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, такъ и по ихъ отношенію не къ однѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ обществамъ и ко всему государству. Такое значеніе имѣютъ или должны имѣть напр. у насъ дорожныя коммиссіи, почтовыя конторы, цеховыя расправы, торговые суды, управленія училищъ, строительныя коммиссіи, пожарныя учрежденія, коммиссіи продовольствія, врачебныя управы, карантинныя правленія, приказы общественнаго призрѣнія, адресныя конторы, ценсурные комитеты, и т. д. и т. д. Мы назвали въ примѣрѣ установленія преимущественно первой инстанціи; но всякому извѣстно, что, по всѣмъ вопросамъ этихъ учрежденій, возможенъ переносъ дѣла въ инстанцію высшую; а потому считаемъ доказаннымъ свое положеніе, что судъ по дѣламъ Общественнаго права возможенъ и дѣйствителенъ, какъ всякій судъ. Только, по особенности и спеціальности вопросовъ, присутствій по этому суду, находится напр. въ Россіи, по Своду Законовъ, столько же, сколько частей въ его системѣ общественнаго права.

Обращаясь теперь къ Своду положительныхъ законовъ, мы находимъ, что законы установительные носятъ здѣсь названіе *законовъ благоустройства*, а законы охранительные называются *законами благочинія*. Законы установительные или благоустройства основываются на идеѣ свободнаго пользованія общественными учрежденіями; законы охранительные или благочинія имѣютъ своимъ характеромъ обязательную дѣятельность, требуемую отъ настоящаго поколѣнія, для сохраненія всего общественнаго на пользу будущихъ поколѣній. Законы установительные, благоустройства излагаютъ уставы объ общественныхъ дорогахъ, или о путяхъ сообщенія, куда такъ же должно отнести и почтовыя сношенія; потомъ о разныхъ формахъ народной промышленности, начиная съ земледѣльческой до торговой, излагаемыхъ въ томахъ XI и XII, и куда нельзя не присоединить ученія о народонаселеніи и уставовъ объ народномъ просвѣщеніи и об-

разованіи. Законы охранительные, благочинія содержатъ распоряженія о сохраненіи противъ вліянія природы и богатства народа и его жизни и здоровья, въ формѣ уставовъ о мѣрахъ противъ пожаровъ, о мѣрахъ обезпеченія народнаго продовольствія, о сохраненіи народнаго здоровья; равно какъ распоряженія о сохраненіи народныхъ интересовъ отъ разрушительнаго дѣйствія человѣка, въ формѣ такъ называемаго предъупрежденія; и наконецъ они говорятъ объ общественномъ призрѣніи, какъ средствѣ взаимнаго застрахованія, для спасенія отдѣльныхъ лицъ потерею, не чувствительною для общества. Такой смыслъ имѣютъ XIII и XIV томы Свода. Очевидно, что наша система сходится со Сводомъ и различается отъ его взгляда. Она согласна наприм. со Сводомъ, относительно названія или имени предмета, но съ различіемъ, что мы обозначаемъ предметъ однимъ словомъ: общественное право, а Сводъ употребляетъ это слово по частямъ, называя призрѣніе *общественнымъ*, продовольствіе *народнымъ*, здравіе и просвѣщеніе *народнымъ*, промышленность *народною*, дороги *земскими*, *народными* и т. д. Сверхъ того Сводъ признаетъ систему своихъ законовъ такъ же *правомъ*, но говоритъ о томъ при случаѣ, въ распоряженіяхъ о *правѣ путей* сообщенія, о *правѣ* промышленности *сельской*, *ремесленной*, *торговой*, объ *имѣющихъ право* получать *помощь* отъ *общины*, по случаю *пожара*, *наводненія*, *голода*, о *правѣ призрѣваемыхъ* и т. д. Слѣдовательно законы благоустройства и благочинія составляютъ Общественное право. Отличается же наша система отъ легальной своею полнотою, закругленностію и оконченностію логической общей мысли. Причинъ къ этому различію весьма много; самая главная состоитъ въ большей свободѣ теоріи, которая не связывается случайными обстоятельствами и мѣстными, практическими потребностями. Но самое существенное различіе состоитъ въ томъ, что теорія не можетъ, въ дѣлѣ Общественнаго права, обойтиться безъ исторіи. Положительный законъ можетъ прямо говорить о правѣ сообщеній, сообразно состоянію дорогъ, которыя находитъ онъ существующими въ свое время; прямо о правѣ промышленности и образованія, на основаніи учрежденій торговыхъ и учебныхъ, которыя встрѣчаетъ онъ

на дѣлѣ въ обществѣ. Теорія не объяснитъ и не освѣтитъ ни закона, ни учрежденій, ни права пользованія этими учрежденіями, если не покажетъ перваго появленія и постепеннаго развитія, до настоящаго времени, и учрежденій и пользованія ими. Настоящее поколѣніе пользуется всѣмъ прошедшимъ, подъ условіемъ сбереженія и развитія всего настоящаго для будущности. Мѣра его правъ и обязанностей можетъ быть объяснена и понята только въ исторіи, изъ исторіи, посредствомъ исторіи. И наша теорія необходимо имѣетъ историческую часть системы, часть составную, неизбѣжную, безъ которой нельзя ни понять дѣйствующее законодательство, ни основать его на разумныхъ началахъ. Съ другой стороны, не забудемъ, что положительное законодательство соприкасается съ теоріею, которой начала, въ теоретическомъ изложеніи, должны стоять во главѣ каждаго положительнаго установленія, для объясненія и объоснованія закона. И такъ полное, ученое изложеніе законовъ Общественнаго права, или законовъ благоустройства состоитъ изъ двухъ частей, исторіи законодательства и теоріи дѣйствующихъ положительныхъ законовъ.

Чувствуя послѣ этого всю аналогію и все сродство Общественнаго права съ другими вѣтвями права, мы должны, для сообщенія дѣлу большей ясности, указать на тѣ отличія, которыя существуютъ между нашею юридическою наукою и другими юридическими предметами. Первое отличіе заключается въ положеніи или въ мѣстѣ, которое занимаетъ наше право въ системѣ законодательства, дѣйствующаго въ государствѣ. Система права составляется восходящимъ порядкомъ ея частей, начинаясь частнымъ, или гражданскимъ, и замыкаясь государственнымъ, или политическимъ. Гражданское опредѣляетъ отношенія, возникающія между отдѣльными лицами; государственное узаконяетъ отношенія всѣхъ составныхъ элементовъ государства къ верховной власти и къ правительству; общественное занимаетъ среднее положеніе, установляя отношенія частныхъ лицъ къ ихъ союзамъ и каждаго изъ этихъ союзовъ къ цѣлому обществу, къ государству. Мы намѣренно не говоримъ здѣсь о правѣ уголовномъ, потому что оно служитъ обезпеченіемъ ненарушимости всѣхъ

законовъ и гражданскаго и общественнаго и государственнаго права, и не можетъ составлять труднаго вопроса въ дѣлѣ различенія этихъ сферъ права. Другой признакъ отличія нашего права состоитъ въ его предметѣ, который не касается политическихъ, правительственныхъ интересовъ, и, по содержанію, не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ правомъ, напр. съ вопросами о внѣшней или внутренней безопасности, съ войною, дипломатіей, финансіей и т. д.; напротивъ, преслѣдуя преимущественно частные интересы, оно сходится съ гражданскимъ, отъ котораго однакожъ отличается яснѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго. Право гражданское есть собственно освященіе логическаго закона, по которому произведеніе принадлежитъ своей причинѣ. Кто поймалъ въ рѣкѣ рыбу, въ лѣсу дикаго звѣря, нашелъ въ горѣ алмазъ, и вообще предметъ, никому не принадлежащій, тотъ, какъ бы, создалъ ихъ, и тому онѣ усвояются закономъ въ исключительную собственность, съ властію распоряжаться этими предметами посредствомъ договоровъ и на случай смерти, завѣщаніемъ, — вотъ summa summarum гражданскаго права. Однимъ словомъ оно состоитъ въ осуществленіи неприкосновенности имуществъ; но сами имущества пріобрѣтаются трудомъ, умомъ, знаніемъ, и развиваются въ богатство трудомъ, умомъ, знаніемъ, которыя необходимо условливаются содѣйствіемъ общественнымъ. Кромѣ того не однѣ имущества составляютъ интересъ человѣка; потребности возрастаютъ до идеальныхъ, общественныхъ; и потому за правомъ имуществъ, за гражданскимъ слѣдуетъ Общественное, которое идетъ дальше. Находя, что граждане и частныя лица тѣмъ и живутъ, что ловятъ рыбу и звѣрей, ищутъ золота, алмазовъ, пашутъ землю, ремесленничаютъ, торгуютъ и т. д., общество признаетъ за ними всю эту дѣятельность, или весь ихъ образъ жизни, усвояетъ имъ, устрояетъ и обезпечиваетъ этотъ родъ жизни и эту дѣятельность, какъ ихъ неприкосновенное право. Ясно, что законъ общественнаго права имѣетъ своимъ предметомъ не отдѣльныя дѣйствія, а всю жизнь человѣка въ обществѣ; посему естественно, что онъ не ограничивается тою или другою стороною жизни, а разсматриваетъ всю дѣятельность человѣка, всѣ стороны

жизни, всѣ проявленія человѣческой свободы, отъ промысла звѣролова до операцій банкира, отъ положенія нищаго въ общинѣ до продовольствія всего народа, отъ пожарной повинности, въ деревнѣ, до взаимнаго застрахованія, часто на пространствѣ всего государства и т. д. Присоединимъ, что общественное право есть первый союзъ людей, въ обществѣ, и первое звѣно въ соединеніи обществъ между собою. Какъ отдѣльныя лица сближаются между собою по промысламъ и другимъ вопросамъ общественнаго права; такъ впослѣдствіи цѣлыя государства стремятся къ соединенію по этимъ же общественнымъ вопросамъ. Дороги различныхъ государствъ, въ Европѣ, дѣлаются европейскими путями сообщенія; почты и телеграфы ихъ стремятся обнять собою цѣлыя страны свѣта; промышленность европейцевъ принимаетъ характеръ всемірной, просвѣщеніе общечеловѣческаго; и такимъ образомъ все общественное право мало по малу входитъ въ обще-европейское, Народное право. Общественное право смягчаетъ исключительность частнаго, не уничтожая частнаго, личнаго права. Но, во всякомъ случаѣ, законъ общественнаго права ничего не творитъ, какъ и законъ права гражданскаго, а только признаетъ то, что есть, на томъ основаніи, на которомъ оно есть, на основаніи свободы и дѣятельности; тамъ и здѣсь законъ только освящаетъ свободу разумной дѣятельности, и сообщаетъ ей значеніе права. Есть свобода гражданскаго права—власть надъ имуществами; есть свобода политическая; есть свобода общественная, въ сферѣ общественнаго права.

Выраженіе разумной дѣятельности, получающей значеніе права, приводитъ насъ къ другому вопросу: объ отношеніи Общественнаго права къ наукамъ и теоріямъ, изъ которыхъ законъ почерпаетъ свои начала, относительно общественной дѣятельности, и особенно къ Политической экономіи. Это — наука о цѣнностяхъ, изъ которыхъ составляется народное богатство, служащее основаніемъ сближенія между Политическою экономіею и Общественнымъ правомъ. Та и другая наука говорятъ о народномъ богатствѣ, но съ различіемъ, что въ Политической экономіи богатство есть цѣль и высшая идея науки, если только понятіе богатства

можетъ быть идеей; въ общественномъ правѣ богатство есть одно изъ средствъ, или одинъ изъ элементовъ народнаго благосостоянія. По сему даже тогда, когда Политическая экономія говоритъ о народномъ благосостояніи, о благѣ народа, она принимаетъ его только въ вещественномъ, матеріальномъ значеніи; напротивъ Общественное право разсматриваетъ благосостояніе народа во всей его полнотѣ. Однимъ словомъ, Политическая экономія смотритъ односторонне на дѣло, или на одну сторону дѣла; Общественное право обнимаетъ вопросъ со всѣхъ его сторонъ. Сверхъ того политическая экономія разсматриваетъ богатство народа, какъ результатъ исключительно дѣятельности частныхъ лицъ, какъ сумму частныхъ богатствъ, частныхъ капиталовъ; Право общественное необходимо находитъ основаніе для народнаго богатства и въ дѣятельности частныхъ лицъ и въ трудѣ общемъ всему народу, всѣмъ поколѣніямъ, сословіямъ, всему государству. — Далѣе, разсматривая свою задачу съ точки зрѣнія частной, какъ интересъ лицъ отдѣльныхъ, безъ всякой между ними связи, Политическая экономія старается дать своему предмету видъ отвлеченія и совершенной независимости отъ времени и мѣста, отъ исторіи и положительнаго быта, или отъ данныхъ условій даннаго общества; тогда какъ Общественное право, состоя изъ законовъ общества, опредѣляющихъ дѣятельность произведенія и употребленія, хоть бы вещественнаго богатства, всегда предполагаетъ извѣстное время и опредѣленное мѣсто для дѣйствія своихъ положеній. Мы не отрицаемъ, напротивъ признаемъ законнымъ движеніе общественнаго права отдѣльныхъ государствъ къ сліянію въ общее, человѣческое достояніе; но признаемъ это движеніе, или направленіе только пока въ идеѣ, а не въ дѣйствительности. Общечеловѣческое должно вытти изъ національнаго, составляя его сумму. До сихъ поръ человѣкъ ничего не сдѣлалъ, а сдѣлали Грекъ, Римлянинъ, Англичанинъ, Русскій и т. д. Наконецъ Политическая экономія, опираясь на свое понятіе цѣнности, рѣшительно отрекается отъ разсмотрѣнія своихъ вопросовъ съ точки зрѣнія права, и, такъ сказать, становится въ противоположеніе съ юридическимъ началомъ, которое, по нашему, служитъ основою для всего

общественнаго. Столько точекъ для столкновенія наукъ, имѣющихъ между собою всю аналогію, необходимо вызываетъ къ вопросу, которая же изъ нихъ права̀ въ своемъ воззрѣніи. Думаю, что неправота на сторонѣ Политической экономіи, — на ея понятіи о цѣнности и на ея взглядѣ на предметъ науки. Цѣнность, по ученію современной политической экономіи, есть особое свойство предмета, сообщенное ему трудомъ человѣка, съ чѣмъ нельзя не согласиться, — и природою, прибавляютъ они, называя цѣнностію всякую вещь, имѣющую цѣнность, и только вещь и цѣнное вещество. Отсюда понятіе о богатствѣ, какъ суммѣ вещественныхъ благъ и какъ суммѣ средствъ для физическаго благосостоянія. А мысли, хоть бы самихъ политико-экономовъ; а ихъ теоріи о богатствѣ; а пріемы производства; а открытія и изобрѣтенія, неужели это не суть цѣнности? Нѣтъ, цѣнность есть чистый продуктъ человѣческаго труда, въ которомъ природа не участвуетъ; но продуктъ не физическаго движенія, а всей энергіи воли и духа, вызванной умомъ и высказавшейся во внѣшнемъ движеніи человѣческихъ членовъ, какъ орудій дѣйствія на внѣшнюю природу. Богатство не есть только сумма имуществъ, а сумма народнаго труда и народной дѣятельности, употребленныхъ на борьбу съ окружающею природою. Политическая экономія должна быть теоріею не цѣнностей, а ихъ причины— труда и дѣятельности, которыя естественно подлежатъ столько же законамъ разума теоретическаго, частнаго, сколько разума, окрѣпшаго въ опытѣ народа, и выраженнаго въ законахъ общества и государства. — Потому-то и сама Политическая экономія не строго держится своей идеи, своего основанія, своего отвлеченнаго положенія, и часто, если не всегда заходитъ въ предѣлы конкретнаго, опытнаго знанія. Не довольствуется она своею теоріею цѣнностей, ихъ произведенія, раздѣленія, потребленія, а вноситъ въ свою сферу разсмотрѣніе разныхъ родовъ промышленности, вопросы о народонаселеніи, о раздѣленіи богатства, о податяхъ и ихъ употребленіи на общественныя потребности. При этомъ она излагаетъ общнѣйшія начала, заимствованныя у разныхъ наукъ, напримѣръ у наукъ о промышленности, о сельскомъ хозяйствѣ, о технологіи, торговлѣ и т. п., и представ-

ляетъ легкую добычу этихъ началъ для читателя, избавляя его отъ необходимости обращаться къ каждой изъ особыхъ, спеціальныхъ наукъ, по означеннымъ вопросамъ. Потому-то и законъ можетъ пользоваться положеніями Политической экономіи, которая впрочемъ служитъ здѣсь чужимъ добромъ. И, естественно, что услуга ея принимается не безъ условій, не безъ повѣрки. Отсюда частое противорѣчіе между политической экономіей, видимымъ источникомъ, и общественнымъ правомъ, ея должникомъ; ибо часто заимствованіе дѣлается закономъ прямо изъ общаго обѣимъ наукамъ источника, только безъ измѣненія, которое можетъ дозволить себѣ Политическая экономія. И такъ можно сказать, что для общественнаго права, даже въ вопросѣ о народномъ богатствѣ, скорѣе важны науки о сельскомъ хозяйствѣ, о торговлѣ, или технологіи, чѣмъ политическая экономія; тѣмъ менѣе можно назвать начала политической экономіи вообще руководительными въ Общественномъ правѣ [1]). Что̀ для общественнаго права политическая экономія, по вопросамъ о народномъ богатствѣ, промышленности и народонаселеніи; то для него философія, педагогика и подобныя науки, относительно народнаго просвѣщенія и образованія. Отовсюду общественное право заимствуетъ матеріалъ, для своихъ распоряженій, сообщая всему основаніе права и законности.

Указавши на отношенія, въ которыхъ находится общественное право къ исторіи, къ гражданскому и государственному праву, и къ наукамъ о различныхъ интересахъ общества, богатствѣ, просвѣщеніи и т. п.; мы яснѣе видимъ массу и свойство тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для изъучающаго общественное право. Впрочемъ, имѣя дѣло только съ правомъ, только съ юридическимъ построеніемъ предметовъ, входящихъ въ составъ общественнаго права, его теорія не требуетъ невозможнаго, не требуетъ глубокихъ и совершенно точныхъ знаній, въ этихъ предметахъ. Напротивъ, тутъ нужно столько этихъ знаній, сколько необходимо для пониманія юридическихъ вопросовъ, возникающихъ въ сферѣ обществен-

[1]) Въ противоположность положеніямъ R. Mohl и другихъ..

наго права. Точности и подробности можно требовать только относительно историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ ни установленіе, ни пониманіе закона невозможно. Отсюда же выводимъ мы какъ источники общественнаго права, такъ и его литературныя пособія, которыхъ обозрѣніе здѣсь ограничимъ самыми важными и необходимыми произведеніями, по части исторіи общей и русской, по общему ученію о правѣ общественномъ, и по русскому общественному праву. Дѣлаемъ здѣсь вычисленіе сочиненій съ преимущественною цѣлію облегчить чтеніе сокращеній, употребленныхъ въ примѣчаніяхъ и выпискахъ.

De la Mare, Traité de la police etcet., Paris, 1722 и слѣд. I—IV, in fol.

Gibbon, Histoire de la décadence et de la chûte de l'Empire romain, trad. par Guisot, Paris, 1819, I—XIII voll. 8-vo, съ примѣчаніями переводчика.

Aug. Boeckh, Die Staashaushaltung der Athener, Berlin, 1817, I—II.

Moreau de Jonnès, Statistique des peuples de l'Antiquité, Paris, 1851, I—II.

Fried. v. Raumer, Entwickelung der Begriffe von Recht, Staat und Politik, Leipz. 1832.

Eichhorn, Deutsche Reichs- und Rechtsgeschichte, Götting. 1834, и слѣд. 8°, I—IV.

Hüllmann, Staedtewesen des Mittelalters, Bonn, 1825, I—IV.

Guisot, Cours d'histoire moderne, ou l'histoire de la civilisation en France, I—V, Paris, 1829—1832.

Fried. v. Raumer, Geschichte der Hohenstaufen, I—VI, Leipz. 1823—1825.

Moreau Christophe, Du problème de la misère, Paris, 1851, I—II.

Rossbach, Geschichte der Politischen Oeconomie. Würzburg. 1856.

Roth v. Schreckenstein, Das Patriciat in den deutschen Städten, Tübingen, 1856.

Landau, Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung u. ihre Entwickelung, Hamburg u. Gotha, 1854.

Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark- Hof- Dorf- u. Stadt–Verfassung, München, 1854.

Krause, Geschichte der Erziehung, des Unterrichts u. der Bildung bey den Griechen, Etruskern u. Römern, Halle, 1851.

Friedr. Thiersch, Ueber gelehrte Schulen, Stuttgardt, 1826; I—III.

Berg, das deutsche Polizeyrecht, Götting., 1799, I—VII; 8°.

Jacob, Grundsätze der Polizeygesetzgebung, Charkov, Halle, Leipz; 1809, I—II; 8°.

R. Mohl, Polizeywissenschaft, nach den Grundsätzen des Rechtsstaates, Tübing, 1832, I—II; 8°.

Fr. v. Raumer, Geschichte Europas seit dem Ende d. XV-ten Jahrhund., I—VIII, Leipz. 1832—1850.

L. Stein, System der Staatswissenschaft, I, Stuttgart u. Tübingen, 1852.

Wirth, Grundzüge der Natrional-Oeconomie, Köln 1856.

Roscher, Die Grundlagen der Nationaloeconomie, 2-te Aufl. Stuttg. u. Augsburg, 1857.

C. Frantz, Vorschule zur Physiologie der Staaten, Berl., 1857.
Первая попытка воспользоваться матеріалами, которые доставляютъ монографіи Риля, въ его «Naturgeschichte des Volkes, и проч., съ которыми знакомитъ нашу публику Г. Безобразовъ статьями, помѣщенными въ Русскомъ Вѣстн., за 1857 г. Въ заключеніе скажемъ, что, по особенности плана, принятаго нами для изложенія исторіи законовъ охранительныхъ, въ наше вычисленіе здѣсь не вошли сочиненія, по части общественнаго призрѣнія. Для нихъ назначается особое мѣсто, законность котораго будетъ впослѣдствіи доказана.

Обращаясь за симъ къ источникамъ, по части Русск. общ. права, укажемъ на изданныя Собранія Лѣтописей, на Лѣтописи вообще, на Акты Археогр. Экспедиціи, на Акты Историческіе, съ ихъ Дополненіями, на Акты Юридическіе, на Полное Собр. Законовъ, и присоединимъ, что, въ изученіи дѣла, по этимъ источникамъ, мы особенно пользовались Исторіею Госуд. Росс. Карамзина, и 7-ю томами Изслѣдованій, Замѣч. и лекцій Погодина. О пособіяхъ, болѣе спеціальныхъ, помѣстимъ указанія, при изложеніи дѣла.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА.

Идеями управляется человѣчество, которое хранитъ ихъ въ глубинѣ своей природы, и образуетъ изъ нихъ основу для вѣчнаго сочувствія каждаго настоящаго поколѣнія ко всѣмъ поколѣніямъ отжившимъ и будущимъ. Вѣра, нравственность, истина, добро, изящное для всѣхъ поколѣній составляютъ путеводныя звѣзды въ области убѣжденій и дѣйствій, воззрѣній и жизни. Для человѣчества, въ этомъ отношеніи, не существовало переворотовъ, обозначившихъ такіе рѣзкіе періоды для бытія остальнаго міра.

Убѣжденіями и понятіями управляются народы, которые въ различной степени сознаютъ идеи своей человѣческой природы. Идеи властвуютъ надъ людьми не самовольно, не инстинктивно, а подъ условіемъ сознанія и признанія, которое различно по времени и мѣсту, и которое производитъ особенности въ понятіяхъ народовъ, въ ихъ духѣ, направленіи, національности. Тогда какъ народы античнаго востока увлекались идеями, только смутно сознаваемыми; народы античнаго запада, Греки и Римляне уже низводили идеи до убѣжденій и понятій.

Опредѣленныя, точныя понятія, воплощающія собою идеи, составляютъ начала права, которыми управляются государства, и которыми онѣ различаются однѣ отъ другихъ точно, рѣзко, несомнѣнно. Отсюда вытекаетъ, что исторія права есть исторія идей, и что она такъже безлична и безстратсна, но такъже интересна для всякаго мыслителя, Философа, историка, образованнаго человѣка.

Въ государствѣ живетъ народъ, живутъ его общественные союзы, живетъ общество, котораго право воплощаетъ собою человѣческія идеи времени. Посему общественное право, въ его историческомъ движеніи, представляетъ наибольшую возможность и наибольшее удобство подмѣчать появленіе идей въ разныхъ вѣкахъ и народностяхъ, и слѣдить за внут-

реннимъ развитіемъ и внѣшнимъ расширеніемъ этихъ идей на цѣлыя массы населенія. Исторія общественнаго права должна представить намъ появленіе, постепенное образованіе и признаніе, въ обществѣ, тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ установленіяхъ этого права; равно какъ происхожденіе и дальнѣйшее усовершеніе тѣхъ учрежденій, которыми эти лица пользуются, для своего благосостоянія; и наконецъ она должна изобразить намъ постепенное осуществленіе идей и наростаніе той суммы благъ, которая, въ наше время, составляетъ интересъ, открытый для всего общества. Изъ исторіи общественнаго права мы увидимъ, что права и преимущества, доступныя теперь для всѣхъ и каждаго, нѣкогда были исключительнымъ достояніемъ или однихъ государей и правительствъ, или отдѣльныхъ, болѣе другихъ сильныхъ и счастливыхъ элементовъ общества. Расширеніе этихъ правъ происходило по мѣрѣ и по причинѣ болѣе глубокаго, болѣе истиннаго, внутренняго ихъ развитія. Истинное право, истинно понимаемое право необходимо стремится къ принятію значенія общаго достоянія. Не столько, въ этомъ случаѣ, могла сдѣлать теорія, сколько тутъ дѣлала жизнь; развитію теоріи мѣшало многое; успѣхамъ жизни помогала сама природа права. Теорія всегда слѣдуетъ за жизнію; въ правѣ общественномъ она отстала болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь.— Мы начнемъ съ исторіи общественнаго права, какъ она дана дѣйствительностію, и потомъ изложимъ успѣхи теоретическаго сознанія общественнаго права.

Исторія общественнаго права возможна для каждаго народа, и столько можетъ быть этихъ исторій, сколько народовъ или государствъ. Онѣ могутъ быть весьма различны, по основаніямъ движенія, по быстротѣ развитія, по результатамъ; но всѣ онѣ имѣютъ то общаго между собою, что до сихъ поръ рѣшительно не воздѣланы, какъ самостоятельныя вѣтви науки. Тѣмъ менѣе можно ожидать пособій для исторіи отечественнаго общественнаго права. Тутъ нѣтъ еще ни вопросовъ, ни спеціальныхъ работъ, опредѣленныхъ идеею права, ни точныхъ результатовъ, которыхъ достиженіе могло бы установить аналогію въ изысканіяхъ. Это было причиною, что мы сочли своимъ долгомъ предварить свои изыска-

нія, по части русскаго общественнаго права, изложеніемъ аналогическихъ явленій въ исторіи общей, для установленія вопросовъ, точки зрѣнія, источниковъ, способа оцѣнки событій и повѣрки результатовъ. Общественному праву Россіи, въ его историческомъ разсмотрѣніи, мы предпосылаемъ, въ краткомъ очеркѣ, общую исторію этого права, начиная съ древнѣйшихъ временъ.

По троякому положенію общественныхъ интересовъ, въ государствахъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ, мы дѣлимъ эту исторію на три вопроса, изъ которыхъ первый посвящается объясненію общественнаго права, въ древности, подъ вліяніемъ политики, — второй изображенію его въ средніе вѣки, по началу господства частнаго надъ общимъ,—и третій изложенію исторіи новаго европейскаго, преимущественно отечественнаго общественнаго права.

Характеръ древняго общественнаго права.

Обозрѣвая общій ходъ установленій, характеризующихъ древнія государства, невольно приходишь къ мысли объ отдѣленіи древней исторіи человѣчества отъ послѣдующихъ ея періодовъ. Такъ все тамъ своеобычно, несходно съ послѣдующимъ, въ разладѣ съ новымъ. Но, вникая въ значеніе особенностей античнаго міра, необходимо уступаешь мысли, что древняя исторія служитъ основнымъ моментомъ въ жизни человѣческой, одной и нераздѣльной, составляя собою начало, вступленіе, и притомъ неизбѣжное; начало всеобщей исторіи сходится съ послѣдующимъ своимъ развитіемъ; эта исторія составляетъ замкнутый кругъ идей и событій. Съ одной стороны, древняя исторія есть исторія нашего юга и востока, гдѣ природа не легко подчинялась человѣку и человѣкъ обращалъ свою дѣятельность на свое внутреннее;—откуда повѣялъ впервые духъ искусства и науки на западъ и полночь, и пробудилъ здѣсь духъ труда и побѣдоносной борьбы съ природою, такъ что сѣверъ въ свою очередь несетъ теперь на этотъ востокъ и югъ результаты своего труда—телегра-

фы, чугунныя дороги, развитіе мореплаванія и т. д.—Съ другой стороны, кажется, мы не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, что древня исторія состоитъ преимущественно въ образованіи гражданскихъ обществъ. Тамъ все движется къ образованію гражданскаго союза; тамъ повсюду образуются эти союзы; тамъ являются всѣ формы гражданскаго общества; тамъ общественность, въ смыслѣ построенія государства, была исчерпана жизнію, начиная съ деспотизма, переходя въ теократію и монархію, и заключая народнымъ правительствомъ, а часто анархіей. Отсюда объясняется господство политическаго интереса надъ всѣми другими, и владычество правительственнаго элемента надъ всѣми остальными. Частные, человѣческіе интересы не токмо не находятъ содѣйствія въ государствѣ, но подчиняются его видамъ, принимаютъ значеніе политическихъ, государственныхъ; тогда какъ политическіе, правительственные вопросы занимаютъ все вниманіе общей власти и все назначеніе частныхъ лицъ, и по этому ведутъ къ стѣсненію правъ населенія. Права Фараоновъ Египта, царей Вавилонскихъ и Ассирійскихъ, власть городовъ Финикійскихъ и республикъ Греціи и Италіи, должны были поглощать собою всѣ права населенія, для образованія гражданскаго общества и для сообщенія ему обезпеченной безопасности. Отсюда вышло, что, за единственнымъ исключеніемъ избраннаго Іудейскаго народа, десятимилліонныя населенія древнихъ государствъ лишены были правъ свободы, принадлежавшихъ однимъ представителямъ политическаго интереса, блюстителямъ политической безопасности[1]). Разсмотримъ, для доказательства, вопросы общественнаго права, сколько найдемъ ихъ, въ Египтѣ, Іудеи, Греціи, Римѣ.—Я сказалъ: вопросы, то есть отдѣльныя, хотя и болѣе общія явленія, въ которыхъ выразилось общественное право древнихъ народовъ. До полной, основательной исторіи дѣла еще очень далеко, не смотря на массу источниковъ и безконечность литературы. Всего менѣе могъ я имѣть въ виду полноту и самостоятельную разработку источниковъ, желая только установить общія понятія, долженствующія служить введеніемъ въ исторію отече-

[1]) Raumer's Entwickelung der Begriffe, 1—23.

ственнаго общественнаго права. Мой долгъ состоялъ въ томъ, чтобы воспользоваться доказанными данными, установленными въ сочиненіяхъ авторовъ, имѣющихъ общую извѣстность и ученый авторитетъ.

Египетъ, какъ союзъ кастъ, не признавалъ, не допускалъ правъ личности, и по безконечности правъ Фараона, и по господству касты надъ отдѣльными лицами. Каста была неизмѣннымъ, безповоротнымъ, окаменѣлымъ и неподвижнымъ, какъ пирамида, осужденіемъ каждаго лица на жизнь и занятія, дѣятельность и убѣжденія, требуемыя кастою, а не его природою. По требованію касты, тотъ становился воиномъ, кто рожденъ быть жрецомъ, и тотъ дѣлался купцемъ, кого природа назначала въ герои. Отсюда внутренняя несостоятельность кастъ, для достиженія даже безопасности; мало по малу касты перерождаются или вырождаются, служители боговъ берутся за оружіе, воины безъ стыда бѣгутъ съ поля сраженія, и Египетъ становится легкою добычею Персовъ, Македонянъ, Римлянъ. Между тѣмъ человѣческое, общественное давно уже принесено въ жертву кастовому или политическому, потеряно невозвратно, и не могло послужить элементомъ, для возрожденія. Разъ павши, древнія государства не возставали. И на долинѣ благодатнаго Нила мы встрѣчаемъ двоякую форму рабства, личную и вещную или имущественную.

Общество Египта состояло, главнымъ образомъ, изъ жрецовъ, воиновъ и пролетаріевъ, и простиралось до семи милліоновъ населенія, раздѣлявшагося на жрецовъ, которыхъ было 600,000, на воиновъ въ числѣ 2,250,000, и на 4,150,000 пролетаріевъ [1]). Больше половины населенія было безправныхъ, какъ это можно вывести и изъ повѣствованія Моисея о результатѣ извѣстнаго голода, въ Египтѣ, при Іосифѣ, когда жители, передавши въ казну Фараона и золото и серебро, и скотъ свой и имѣніе, и движимое и недвижимое, должны были наконецъ продать и землю и себя въ рабство, для пріобрѣтенія средствъ существованія. «Вотъ я купилъ васъ и землю вашу Фараону,» объявилъ въ заклю-

[1]) Moreau de Jonnès, Statistique des peuples de l'Antiquité, I, 32.

ченіе Египтянамъ Іосифъ; и стали Египтяне рабами Фараона. Замѣчательно это извѣстіе еще потому, что объясняетъ намъ происхожденіе рабства въ древности; громадность тогдашняго рабскаго сословія не дозволяетъ выводить его изъ одного плѣна; гораздо естественнѣе выводить рабство изъ нужды, которая тяготѣла во всѣ времена, надъ обществами, даже надъ самыми не воинственными, какимъ собственно былъ Египетъ. Но все это одни источники, которыхъ богатство само объясняется началомъ несвободы, господствовавшимъ въ народѣ. Отсюда становится понятнымъ отсутствіе рабства во Іудеи, не смотря на возможность и существованіе событій, произведшихъ рабство въ Египтѣ и у другихъ народовъ. —Въ дополненіе къ этому отрицанію личной свободы, имущества въ Египтѣ раздѣлялись не по праву, а по преимуществу. Такъ изъ 4,321,000 гектаровъ удобной земли, въ Египтѣ, Фараонъ занималъ своимъ владѣніемъ 1,848,000, жрецы 1,440,000, а воины остальные 1,033,000 [1]). Такъ что большая половина населенія не могла найти ни клочка годной земли, для установленія независимаго, обезпеченнаго существованія.

Какъ же случилось, что Египетъ имѣлъ видъ страны благоустроенной, со временъ древнѣйшихъ, напр. въ лѣта жизни Авраама; оставался предметомъ удивленія для всей образованнѣйшей древности, и дожилъ въ величавыхъ памятникахъ своего строительства до нашихъ дней? Нельзя отрицать фактовъ, доказывающихъ развитіе въ Египтѣ сельской промышленности, присутствія въ немъ благодарной дѣятельности въ ремеслахъ и заводахъ, значительной степени образованія, о которой повѣствуютъ очевидцы — мудрецы, философы и историки Греціи. И, если бы кто вздумалъ умалчивать объ этомъ, ему и теперь назвали бы или показали каналы, Меридово озеро, развалины храмовъ и городовъ, и вѣчныя пирамиды. Высчитали, чтобъ не вдаваться въ другія подробности, что постройка наименьшей изъ этихъ пирамидъ и теперь стоила бы столько, во сколько бы обошлось прорытіе канала изъ Средиземнаго моря въ Чермное, съ построеніемъ,

1) Тамъ же.

при входахъ, по значительному форту [1]). Прибавимъ, съ своей стороны, что въ исторіи остались извѣстія о развитомъ управленіи, въ Египтѣ, и о многихъ законахъ, которымъ придаютъ весьма высокое значеніе. Но прибавимъ такъ же, что вся эта монументальная, историческая дѣятельность Египтянъ носитъ однообразный характеръ дѣятельности всѣхъ на пользу немногихъ, если не одного. До сихъ поръ пирамиды глядятъ на изслѣдователей сфинксами, съ загадочнымъ вопросомъ, къ чему и для чего могли бы служить пирамиды. Зданія общественныя, народныя, воздвигаемыя на пользу общую, по общечеловѣческому интересу, а не по личному, случайному произволу, никогда не представляютъ затрудненія въ рѣшеніи вопроса, для чего и зачѣмъ. Съ другой стороны, обративши всю дѣятельность цѣлаго населенія на пользу небольшаго числа высшихъ классовъ, будетъ ли это въ сферѣ хлѣбопашества, или заводовъ, можно получить изумительные результаты, поражающіе всякаго пришельца, который не знаетъ, чего они стоятъ, и чѣмъ они куплены. Наконецъ не безъ основанія высокое мнѣніе объ образованіи жрецовъ, которые дѣйствительно могли знать и математику и механику и астрономію, и имѣть болѣе глубокія познанія о Божествѣ, человѣкѣ и природѣ; но не забудемъ, что жрецы хранили знаніе подъ спудомъ, облекали его въ страшную тайну, никогда не сообщали народу, и съ тѣмъ вмѣстѣ были свѣтилами только для своего неба, весьма не широкаго, не объемистаго. Школъ не было; народъ оставался осужденнымъ на рабство, суевѣріе, невѣжество. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ управленіи и законахъ Египта.

Каждая изъ трехъ частей, на которыя до сихъ поръ дѣлится Египетъ, раздѣлялась въ древности на десять провинцій, опять дробившихся, на три *округа*, *νόμοб*, praefectura. Такая правильность была плодомъ правительственнаго взгляда на землю и народъ, какъ на tabula rasa, и сама по себѣ весьма замѣчательна. Въ каждомъ округѣ находилось особое присутственное мѣсто, состоявшее изъ 10 членовъ, жреческаго происхожденія, для надзора за религіею, нравами и

[1]) Rotteck's Allg. Geschichte, I, 91.

выполненіемъ законовъ. Слѣдовательно управленіе было весьма развито, и, конечно, всегда имѣло силу сдерживать народъ въ повиновеніи законамъ. Деламаръ, изъ сочиненія котораго заимствовали мы представленное описаніе управленія, вычисляетъ много законовъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ [1]). Обратимъ при этомъ вниманіе на самые важнѣйшіе, по мнѣнію писателей. Къ числу такихъ законовъ, обыкновенно, относятъ прежде всего такъ называемый законъ царя Амазиса, по которому каждый житель Египта долженъ былъ ежегодно объявлять правительству, чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ промышляетъ; и, если оказывалось, что онъ живетъ на счетъ общества, то подвергался смерти. На существованіе подобнаго закона намекаетъ между прочимъ разсказъ Моисея о прибытіи Іакова съ сыновьями въ Египетъ, гдѣ Іосифъ даетъ отцу наставленіе, какъ отвѣчать Фараону на вопросъ, кто они — «скотопитатели есмы,» должно было сказать царю. Значитъ, безъ такого вопроса въ Египтѣ не обходилось. И мы не подвергаемъ сомнѣнію существованіе закона; но смыслъ распоряженія? Писатели видятъ въ немъ узаконеніе дѣятельности и труда, обезпеченіе честнаго промысла и образа жизни, и возможное охраненіе народа отъ лѣности и отъ нищеты. А смертная казнь? Не ужели въ Египтѣ, который и бытіемъ своей почвы и существованіемъ своего народа преимущественно обязанъ водамъ Нила, было столько убѣжденія въ необходимости и пользѣ дѣятельности, труда, промышленности, что ихъ поддерживали страхомъ смерти? Не ужели, съ другой стороны, могло быть въ Египтѣ столько противорѣчія въ законодательствѣ, которое, поддерживая рабствомъ бездѣятельность всѣхъ высшихъ классовъ, въ тоже время грозило имъ за бездѣятельность смертною казнію? Но, можетъ статься, смертная казнь назначалась только тому, кто живетъ на счетъ общества? Нѣтъ, всего менѣе, ибо, по извѣстіямъ того же Деламара и другихъ писателей, законъ Египта признавалъ даже за ворами право составлять касту, съ собственнымъ начальникомъ, къ которому обращались всѣ обокраденные, и отъ котораго они получали свои вещи,

[1]) De la Mare, I, 13, и д.

только съ уступкою 25% или четверти цѣны въ пользу касты [1]). Нечего удивляться законному существованію такой касты, зная законное признаніе воровства въ Спартѣ, и дѣятельность современной касты душителей въ Индіи, той Индіи, изъ которой многіе производятъ все населеніе и всю цивилизацію Египта. Съ своей стороны, мы присоединимъ только необходимый выводъ, что этимъ закономъ Амазисъ не имѣлъ въ виду ни узаконить дѣятельность, разрушенную рабствомъ, ни освятить честность, оскорбленную кастою мошенниковъ; но, безъ сомнѣнія, имѣлъ цѣлію поддержать кастообразное устройство общества, коренной законъ Египетской политики. — Въ такомъ же смыслѣ должно принимать и другіе законы Египта, имѣющіе право на это названіе; политика служила для нихъ основаніемъ. И мы не находимъ въ нихъ ни освященія общественныхъ интересовъ, ни узаконенія общественнаго права.

Царство Іеговы, Іудея не допускала рабства въ израильскомъ народѣ, «понеже раби мои суть сіи, говоритъ Іегова, — аще оубожаетъ братъ твой у тебѣ, и продастся тебѣ, да не поработаетъ работы рабскія, — аще же, обнищавъ, братъ твой продается къ пришельцу или къ присельнику, иже у тебе; искупъ да будетъ ему; аще же не искупится, да изыдетъ въ лѣто оставленія самъ и дѣти его съ нимъ; яко мои сынове израилевы раби суть. — Иже аще будутъ у тебе отъ языкъ, отъ тѣхъ да притяжеши раба и рабыню» [2]). И такъ израильтянинъ, во Израилѣ, всегда свободенъ, и, если въ крайней нуждѣ, поступится своей свободой, не можетъ работать работы рабскія, и, покрайней мѣрѣ, въ знаменитое лѣто оставленія, возвращается къ своей первобытной свободѣ. Замѣчательно при этомъ свидѣтельство Библіи о томъ, что рабство отдѣльныхъ лицъ происходитъ изъ той же крайности, которая родила рабство цѣлаго населенія, въ Египтѣ. «Если обѣднѣетъ братъ твой и продается тебѣ»— формула, которою повсюду входило рабство; и только по

1) Тамъ же.

2) Исход. XXIII, 10, 11; Левит. XXV, 1 — 8, и 8 — 55. Второзак. XV, 1—19.

отсутствію начала несвободы во Іудеѣ, рабство не могло тутъ образоватья даже въ этомъ случаѣ. По законамъ Іудеи, трудъ человѣка свободенъ, тѣмъ болѣе, что онъ освященъ общею заповѣдію: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой,»— и потому трудъ почтенъ и общъ, составляя достояніе или удѣлъ всякаго человѣка. И не могли быть ничтожны результаты такого труда; только его направленіе было ограничено особымъ установленіемъ, относительно владѣнія поземельнымъ правомъ.

Сыны Израиля суть рабы Іеговы, и земля Израиля Его собственность; «И земля да не продастся во утвержденіе; моя бо есть земля»[1]). Посему народъ, и его колѣна, семейства и ихъ члены только владѣли землею, были только possessores, и не могли произвольно распоряжаться ею, отчуждая, или пріобрѣтая, какъ говорится, во утвержденіе, по крѣпостному праву. «Исчислиши себѣ седмь лѣтъ — лѣтъ покоя, седмь лѣтъ седмижды, и будутъ тебѣ седмь седминъ лѣтъ, и возвѣстиши трубнымъ гласомъ во всей земли—оставленіе,—и да отыйдетъ кійждо васъ въ притяжаніе свое и кійждо въ отечество свое отъидетъ.» Все, что было куплено, продано, заложено, уступлено, въ продолженіе послѣднихъ 49 лѣтъ, возвращается къ первому, настоящему своему владѣльцу, который такимъ образомъ вступаетъ въ свое прежнее отческое, или родовое обдержаніе. Понятно, что вопросъ о дѣятельности народа не имѣлъ въ виду вещественнаго богатства, матеріальнаго развитія, и Израиль не могъ оставить на память потомства ни громадныхъ пирамидъ, ни великолѣпныхъ гробницъ, ни вѣковыхъ мостовыхъ, или водопроводовъ. Дѣло его было другое, преимущественно духовное развитіе, для собственнаго счастія и общечеловѣческаго блага.

Эта достойная односторонность выказалась во всемъ быту избраннаго народа. Его управленіе, по Деламару[2]), сосредоточивалось въ Синедріонѣ, состоявшемъ изъ 70 со-

[1]) Исход., XXIII, 10 и слѣд. Левит. XXV, 8.

[2]) De la Marc, I, 22.

вѣтниковъ, первосвященника, съ главною задачею имѣть надзоръ за религіею и нравами народа, частію за торговлею и продовольствіемъ. Подъ вѣдомствомъ этого высшаго управленія, состояли въ Іерусалимѣ два, а въ другихъ городахъ, по одному судилищу, съ членами изъ колѣна Левитовъ, для той же цѣли. Наконецъ въ Іерусалимѣ, который раздѣлялся, для управленія, на 4 части, находилось 8 наблюдателей за нравами жителей, въ каждой части города по два; равно какъ и въ другихъ городахъ Іудеи, только въ меньшемъ числѣ. Въ эту администрацію, однакожъ, сколько извѣстно, не входилъ вопросъ о промышленности даже о сельской, единственной, которую зналъ народъ Іудеи, не говоря о другихъ родахъ промышленности, заводахъ, торговлѣ. Самое сельское хозяйство не былъ тутъ собственно промышленностію и оставалось только средствомъ существованія для народа и промысломъ для отдѣльныхъ лицъ. Земледѣліемъ, винодѣліемъ, скотоводствомъ и т. д. занимались не для обезпеченія матеріальнаго бытія, а для его продолженія, не для составленія капиталовъ, а для избѣжанія бѣдности, не для образованія богатства, а для насущнаго хлѣба. Въ лѣто оставленія, т. е. въ каждыя семь лѣтъ, въ каждое седмое лѣто, землѣ давался, по закону, покой, подобно тому, какъ человѣку предписывался отдыхъ въ каждый седмой день недѣли, въ субботу. Въ это лѣто не воздѣлывали поля, не имѣли ухода за садомъ, масличнымъ деревомъ или виноградомъ; питались тѣмъ, что дико, само собою выростало въ полѣ и въ саду; если послѣ того еще былъ остатокъ, онъ отдавался бѣднѣйшимъ, изъ народа, и, если они не могли собрать всего дико растущаго, то оно шло въ пользу дикихъ звѣрей и птицъ, потому что они созданы десницею того же Іеговы.

Понятно, что въ такомъ народѣ, ремесла и механическія искусства не могли развиться; и, когда нужно было Соломону устроить и украсить единственный храмъ Іерусалимскій, то должно было прибѣгнуть къ содѣйствію Финикійскихъ ремесленниковъ и художниковъ. Тоже должно сказать о торговлѣ Іудеи; хотя тамъ былъ извѣстенъ надзоръ за торговлею, т. е. за предметами, которые вывозились и выносились

на продажу; но существенно въ смыслѣ надзора за куплей и продажей *чистаго*, безпорочнаго, *по требованію* закона.

Въ той мѣрѣ, въ какой вещественное благосостояніе этого народа было мало развито; духовная сторона его жизни невольно обращаетъ на себя вниманіе мыслящаго человѣка. Извѣстно историческое положеніе, что общества начинаютъ съ ощущенія потребностей физическихъ, и только избыткомъ, остающимся за удовлетвореніемъ нуждъ физическихъ, жертвуютъ потребностямъ духовнымъ. Этимъ движеніемъ общества отъ матеріальнаго къ менѣе матеріальному и духовному выражается поступательный ходъ цивилизаціи. Какъ же не дивиться быту народа, вообще столько ограниченнаго въ средствахъ вещественнаго благосостоянія, и столько богатаго духовными благами? И при томъ во времена и среди народовъ, гдѣ физическая природа властвовала въ обществахъ почти исключительно? Не говоря о господствѣ личнаго начала, во Іудеѣ, о высокомъ представленіи Божества, о достойномъ понятіи о человѣкѣ, о нравственности; напомнимъ, что здѣсь господствовало общее, доступное для всѣхъ умственное и эстетическое образованіе, сколько оно могло служить средствомъ къ выраженію самыхъ высокихъ и самыхъ глубокихъ религіозныхъ воззрѣній. Отъ царя до простаго израильтянина всѣмъ открытъ былъ путь къ образованію, ученіемъ, толкованіемъ, школами. Значеніе книгъ, по которымъ всему учился избранный народъ, извѣстно каждому; по нимъ учились и частію образовались христіанскія общества въ ихъ понятіяхъ о Богѣ и природѣ, о человѣкѣ и его исторіи. Велики заслуги философіи исторіи, но первая мысль объ этой философіи дана исторіею Іудейскаго народа, въ которой идея Промысла проведена самымъ Промысломъ.

Въ заключеніе, два три слова объ охранительныхъ законахъ Іудейскаго общества.—Бывали тамъ голода, неурожаи, болѣзни, являлась и бѣдность и нищета, тѣмъ болѣе, что общество основывалось на законѣ личной свободы. Голода и болѣзни, особенно повальныя, народныя разсматривались, какъ явленія Божія гнѣва, вызывали религіозныя средства, молитву, постъ, покаяніе, которыя не оставались безъ благихъ результатовъ, какъ и впослѣдствіи, въ земляхъ христіан-

скихъ, принявшихъ тотъ же догматъ; а бѣдность и нищета вызывали общественную реакцію, вслѣдствіе общаго закона, повелѣвавшаго Израилю: *да не будетъ у тебя недостаточенъ* [1]), и вслѣдствіе разныхъ благотворительныхъ установленій, не встрѣчаемыхъ ни въ одномъ древне-языческомъ обществѣ.

Образованнѣйшія общества древности, Греческія республики и Римъ, имѣли въ своемъ основаніи такъ же одну идею, которая становилась здѣсь на мѣсто божества, и такъ же требовала себѣ и жертвъ и приношеній. Эта идея была salus reipublicae, благо республики, которое, по выраженію Бёка [2]), не токмо теоретически, по ученію тѣхъ или другихъ ученыхъ, а по природѣ народа и по его общему убѣжденію, обнимало собою всѣ человѣческія отношенія и господствовало надо всѣми человѣческими отношеніями. Выраженія, которыя подтверждаются словами Платона, относительно вообще республики, сходятся съ положеніями всѣхъ писателей о Спартѣ, гдѣ, по закону Ликурга, воля отдѣльнаго гражданина исчезала въ государствѣ, и гдѣ, безъ государства, ни отдѣльная личность, ни семейство, ни родъ не имѣли значенія. Равно какъ эти выраженія Бёка повторяются всѣми, относительно древняго Рима, котораго гражданинъ обыкновенно называется der Mann des Gesetzes, въ томъ же смыслѣ, какъ Спартанецъ, жившій подъ вліяніемъ законовъ Ликурга [3]). Вообще, въ древности, свобода была государственнымъ правомъ, какъ и владѣніе землею политическимъ преимуществомъ. Это право и преимущество принадлежали существенно не тому или другому классу, кастѣ, а городу, метрополіи, столицѣ, которая раздѣляла свои привиллегіи между гражданами. По сему общество Греціи и Рима состояло изъ полноправныхъ гражданъ и массы рабовъ, изъ владѣльцевъ часто богатѣйшихъ [4]) и пролетаріевъ самыхъ жалкихъ, изъ великихъ, геніальныхъ личностей, проникнутыхъ идеями, и безпомощнѣйшихъ людей, страдавшихъ отъ совершенной духовной нищеты. Цыфры

[1]) Второзакон. XV, 4.

[2]) Staatshaushalt. der Athener, I, 56.

[3]) Krause's Geschichte der Erziehung, стр. 69.

[4]) Moreau de Jonès, II, 531—534.

тутъ краснорѣчивѣе возможныхъ изъисканій. Изъ 2,134,000 Грековъ, къ званію рабовъ принадлежало 1,285,000; изъ 83,000,000 населенія Римской имперіи болѣе 40,000,000 было рабовъ, servi juris romani[1]), не говоря *о рабахъ свободныхъ*, liberi, о дѣтяхъ, женахъ, кліентахъ, союзникахъ и т. п. [2]).—Прибавьте къ этому неровное раздѣленіе полей въ Спартѣ, Аѳинахъ, Римѣ, гдѣ только извѣстные роды, или классы владѣли государственными землями; прибавьте къ этому постепенное впослѣдствіи скопленіе земель въ однѣхъ рукахъ, и обращеніе ихъ въ latifundia, quae perdidere Italiam, т. е. въ обширныя пастбища, или хотя и поля, но порученныя однимъ рабамъ для воздѣланія; прибавьте наконецъ, что граждане вообще считали трудъ ниже своего достоинства, и, живя на счетъ провинцій [3]), и предаваясь общественнымъ занятіямъ, negotiis, или досугу, otio, презирали всякое другое дѣло [4]); и вы получите основанія для сужденія о положеніи общественнаго права въ языческой древности. Перейдемъ къ подробностямъ, начиная съ Греціи.

[1]) Тамъ же 405—409, 421—545. Gibbon I. 117 и слѣд. О населеніи Рима, во 120,000,000 см. тамъ же, стр. 137.

[2]) «О жизни и сочиненіяхъ Катона Старшаго», разс. К. Зедергольма Москва, 1857, стр. 9, продажа Сардинцевъ; продажа 150,000 Грековъ, 19; и т. п. Gibbon, I, 119, 138, иначе глядитъ и на количество и на обращеніе съ рабами, въ Римѣ; но Гизо справедливо возражаетъ ему, основываясь на изслѣдованіяхъ Робертсона, который насчитываетъ рабовъ въ Римѣ вдвое болѣе свободныхъ. Припомнимъ слова Сенеки, De Clementia, I, 24, quantum periculum immineret, si servi nostri numerare nos caepissent. Обращеніе съ рабами, по правиламъ Катона, см. Зедергольма, стр. 89, 90, 91, гдѣ явно высказывается право господина на жизнь и смерть рабовъ.

[3]) Moreau Christophe, problème de la misère, I, 149. О жизни Катона, и проч. разсужд. Зедергольма, стран. 2, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 36 и т. д.

[4]) «Государственные мужи древней Греціи», И. Бабста, Москва, 1851, досугъ есть спутникъ свободы, по Сократу.—Промышленность въ рукахъ метойковъ и рабовъ, 58.

Прежде всего мы встрѣчаемъ здѣсь весьма развитое управленіе, по вопросамъ общественнаго права, и множество лицъ, которымъ поручено это управленіе,—знакъ, что вопросы общественнаго права подчиняются благу республики. По Деламару [1]), въ республикахъ Греціи, первымъ званіемъ былъ *Поліархъ*, или градоначальникъ, — нѣчто въ родѣ римскаго городскаго префекта, Praefectus urbi; за тѣмъ слѣдовали *Номофилаки*, въ Спартѣ, и разнообразные чины, въ другихъ мѣстахъ: *Софронисты*, наблюдавшіе за нравами народа; *Гинекономы*, слѣдившіе за образомъ жизни женскаго пола; *Астиномы*, заботившіеся о безопасности города; *Агораномы*, хлопотавшіе по дѣламъ торговой полиціи; *Метрономы*, завѣдывавшіе мѣрами и вѣсами; *Ситофилаки*, наблюдавшіе за продовольствіемъ народа, и т. п. Власть этихъ лицъ простиралась до того, что они рабовъ могли наказывать на мѣстѣ, а свободныхъ подвергать денежному штрафу или отсылать къ суду. Между тѣмъ мы имѣемъ положительныя извѣстія о недостаточности развитія самыхъ вопросовъ общественнаго права; все, что имѣетъ аналогію съ современными учрежденіями въ этой сферѣ, служило, въ Греціи, только средствомъ для цѣлей правительства. Дорогъ и путей сообщенія, за исключеніемъ сообщеній съ мѣстами, важными въ политическомъ или религіозномъ отношеніи [2]), Греція не имѣла; о почтахъ и подобныхъ установленіяхъ вовсе не знала. И вообще собственно для народа не сдѣлано всего необходимаго ни въ вещественномъ, ни въ духовномъ отношеніи, сколько можно видѣть даже изъ ученаго изслѣдованія Авг. Бёка объ экономическомъ бытѣ Аѳинянъ.

Правда, Бёкъ говоритъ, что въ исторіи Аѳинъ можно видѣть слѣды покровительства, оказываемаго сельскому хозяйству, или, покрайней мѣрѣ, можно предполагать, что *земледѣліе было уважаемо* [3]). При чемъ Бёкъ ссылается на слова

[1]) I, 25, 26.

[2]) De la Mare, IV, 466 и слѣд. Бёкъ, I, 217, 218.

[3]) Die Staatshaush. der Athener, I, 44. M. Wirth's Grundzüge der National-oeconomie, 77—84. De la Mare, II, 19, видитъ уваженіе къ земледѣлію въ запрещеніи убивать воловъ, даже для жертвоприношеній въ Аѳинахъ, и для угощенія, въ Римѣ временъ Плинія Младш.

Ксенофонта, который утверждаетъ, что *земледашество дѣлаетъ народъ справедливымъ*, выводя такое вліяніе земледѣлія на народъ изъ *полной зависимости промысла отъ природы*, въ противоположность *торговлѣ, гдѣ все зависитъ отъ воли, и войнѣ, гдѣ все происходитъ противъ воли.* Но это понятіе Ксенофонта, выражая собою общее убѣжденіе Греціи, доказываетъ напротивъ отсутствіе у Грековъ самой мысли о возможности развитія земледѣлія, которое приписывается ими всецѣло природѣ, а не усиліямъ человѣка. Сверхъ того, по словамъ Плутарха и по изслѣдованіямъ Бёка, ясно выходитъ, что государство подвергало запрещенію вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ своихъ предѣловъ, и чрезъ то осуждало земледѣліе еще болѣе на состояніе неразвитости [1]). Наконецъ впослѣдствіи поземельная собственность переходила въ руки немногихъ капиталистовъ, обработывавшихъ поля свои рабами, какъ Римскія latifundia; и граждане менѣе богатые бросали свои поля и обращались въ городскихъ пролетаріевъ, въ нищихъ [2]).

Ремесла нигдѣ, въ цѣлой Греціи, не пользовались никакимъ уваженіемъ, и никогда гражданинъ, происходившій изъ древняго рода, не рѣшался унизиться до занятія ремеслами [3]). Была даже мысль, обратить въ рабовъ всѣхъ тѣхъ, кто посвящалъ себя этому промыслу [4]). Весь недостатокъ и всю потребность въ ремеслахъ дополняли собою рабы, которые своимъ количествомъ содѣйствовали такъ же распространенію и успѣху дѣла въ каменоломняхъ, доставляя городамъ матеріалъ для стѣнъ и храмовъ, и храмамъ и городамъ матеріалъ для величавыхъ памятниковъ зодчества и скульптуры. Аристократическая гордость греческаго гражданина проглядывала во всей его жизни; онъ искалъ наслажденій, отказываясь отъ самаго высокаго наслажденія—труда; онъ стремился къ изящному только въ области высокаго и великаго,

[1]) I, 45.

[2]) Бабстъ, на основаніи Бёка, 63.

[3]) Бёкъ, I, 47.

[4]) I, 48, 49, у Бёка.

забывая, что въ мірѣ Божіемъ все прекрасно, и что по этому самыя ремесла часто могутъ граничить съ искусствомъ.

Вопросъ о торговлѣ Бёкъ характеризуетъ слѣдующимъ положеніемъ: «не только въ Критѣ и Лакедемонѣ, но въ самомъ либеральнѣйшемъ городѣ богини Аѳины, послѣдній бѣднякъ и первѣйшій богачъ равно были убѣждены въ томъ, что государство можетъ, по произволу, взять у нихъ все имущество, всю ихъ собственность. Всѣ обороты и вся торговля были разсматриваемы съ точки зрѣнія политики, откуда вышло право государственной монополіи» [1]). Такъ одна Греческая республика, въ финансовой нуждѣ, запретила гражданамъ сбывать хлѣбъ за границу, открыла свои предѣлы для ввоза, и скупила у гражданъ весь хлѣбъ, разумѣется, по произвольно-низкой цѣнѣ; когда же начали чувствовать недостатокъ въ продовольствіи, тоже правительство закрыло границы, для ввоза, и стала распродавать гражданамъ собственный хлѣбъ ихъ, по произвольно-высокой цѣнѣ. Нѣчто въ родѣ теоріи шлюзовъ, въ дѣлѣ хлѣбной торговли [2]). Далѣе Деламаръ говоритъ вообще о воспрещеніи въ Аѳинахъ, вывозить хлѣбъ за границу, подъ страхомъ изгнанія [3]); Бёкъ о дѣятельности Ситофилаковъ, которые установляли цѣны на хлѣбъ, подвергая такъ называемыхъ монополистовъ и скупщиковъ смертной казни [4]); а Рошеръ—объ *указномъ количествѣ* хлѣба, которое гражданинъ могъ выписать или провезти себѣ изъ Понта, Египта, Сициліи, не подвергаясь смертной казни [5]).

При такомъ стѣсненіи произведенія, промышленность постоянно была въ застоѣ, а народонаселеніе росло и угрожало ежеминутно вступить въ страшную борьбу *со средствами продовольствія*, выражаясь въ духѣ теоріи Мальтуса. Вотъ почему должно было греческимъ государствамъ придумывать законы и мѣры противъ размноженія населенія, и выводъ

[1]) I, 56.

[2]) I, 57, Staatshaushalt. der Athener.

[3]) II, 2, 37, 38.

[4]) II, 89.

[5]) Ueber den Kornhandel u. Theuerungspolitik, Stuttg. Tübing, 1852, стр. 66.

колоній, и даже дѣтоубійство. Солонъ, говоритъ Мальтусъ, въ своемъ извѣстномъ Опытѣ о народонаселеніи [1]), только узаконилъ древній обычай, давъ отцамъ право бросать дѣтей на произволъ судьбы, *подкидывать*, или даже осуждать на смерть и убивать ихъ. Заботливость правительства о сдерживаніи населенія въ уровень со средствами продовольствія сообщалась всѣмъ древнимъ мыслителямъ, и философы древности, Платонъ и Аристотель, въ своихъ республикахъ, такъ же опредѣляютъ нормальное количество гражданъ, осуждая излишекъ на изгнаніе и истребленіе. И такъ сами граждане, въ глазахъ греческихъ правительствъ, были только цыфры, которыя можно было, по произволу, ставить и стирать; сами граждане имѣли тамъ значеніе только по своему количеству. Благодарилъ боговъ одинъ мудрецъ Греціи за то, что онъ родился Грекомъ, а не варваромъ,—за то, что, родился мужчиной, а не женщиной,—философомъ, а не простолюдиномъ; но онъ забылъ самое главное, поблагодарить боговъ за то, что, при рожденіи, не оказался лишнимъ. Сама Греческая философія не могла возвысить значеніе человѣка, въ Греціи. Причина лежала въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ политическихъ правилахъ, противъ самовластія которыхъ тогдашнее образованіе не представляло народу никакихъ средствъ; само образованіе времени не возбуждало въ человѣкѣ сознанія объ его человѣческомъ достоинствѣ.

Обращаясь къ народному образованію въ Греціи, мы находимъ, что тамъ однѣ изъ государствъ принимали на себя образованіе человѣка въ гражданина, и правительственными средствами производили это политическое воспитаніе, напр. Спарта, Критъ [2]); другія допускали и учреждали общественныя школы, на болѣе свободныхъ основаніяхъ, какъ напр. Аѳины. Дѣятельность этихъ послѣднихъ школъ у Фридриха Тирша, Краузе и другихъ описана слѣдующими чертами [3]). — Въ городахъ этой части Греціи, школы учреж-

1) Франц. переводъ par Prevost, Paris, 1835, 4-v. I, 318, 321, 323, 331.
2) Krause's Geschichte der Erziehung стр. 118 и слѣд.
3) Friedrich Thiersch, Ueber gelehrte Schulen. Stuttg. 1826, I, 31. При-

дались отъ лица городовъ, которые избирали учителей, платили имъ отъ себя жалованье, и подчиняли и школы и ученіе и дѣятельность учителей своему строгому надзору. Въ этихъ школахъ преподавали чтеніе, письмо, счисленіе, музыку и гимнастику, распредѣляя ученіе между учителями такъ, что *грамматистъ* училъ чтенію и письму, а впослѣдствіи, подъ названіемъ *грамматика*, метрикѣ и поэзіи; *китаристъ* преподавалъ музыку на какомъ нибудь инструментѣ, преимущественно струнномъ; а *педотрибъ*—гимнастику. Чѣмъ и ограничивалось общее греческое образованіе, которое такимъ образомъ исключало изъ своей сферы преподаваніе религіи, бывшей дѣломъ повѣрій и преданій,— не касалось нравственности, остававшейся на отчетѣ семьи, и не принимало въ себя ни искусствъ, ни наукъ, развивавшихся усиліями частными, помимо правительства, или даже, можетъ быть, на перекоръ правительству. Со временъ Солона, и особенно съ Пелоппонезскихъ войнъ, въ Аѳинахъ является та художественная и умственная дѣятельность, которая поставила Грецію во главу образованныхъ обществъ, и теперь принуждаетъ самое отдаленное потомство и самыя развитыя общества смотрѣть на искусства и науку Греціи, какъ на свои водительныя звѣзды. Но это явленіе есть уже свободный продуктъ свободнаго народнаго духа, и не принадлежитъ государству даже въ томъ отношеніи, что идеи философіи остались у однихъ философовъ, перешли въ достояніе современнаго намъ общества, но никогда не были доступны для массы греческаго народа [1]). Напрасно Сократъ и Платонъ и Аристотель усиливались низвести истину до зрѣнія человѣка; греческому народу не давали ни крохи отъ этой пищи, и онъ оставался столько же невѣжественнымъ въ религіозныхъ и философскихъ воззрѣніяхъ своей народной философіи, сколь-

надлежность къ государству, свободное происхожденіе и незапятнанное имя, unbescholtener Name, были условіями, для занятія мѣста учителя. Krause, въ привед. мѣстѣ.

[1]) Бабстъ, «Госуд. Мужи Греціи» 10, предполагаетъ, что ученіе Пиѳагора могло сдѣлаться достояніемъ цѣлой Греціи; а на стр. 12 говоритъ, что Пиѳагорейцы *считали простолюдиновъ*, не аристократовъ, *животными*. Послѣднее совершенно вѣрно, а потому первое ошибочно.

ко былъ чуждъ и удаленъ отъ священнодѣйствія Элевзинскихъ таинствъ. Для него все это было недоступно, какъ роскошь Эвпатридовъ, какъ богатство Крезовъ.

Обращаясь въ заключеніе къ мѣрамъ и законамъ, имѣющимъ цѣлію охраненіе народныхъ интересовъ, мы уже не найдемъ ничего страннаго въ ихъ отсутствіи. Были въ рукахъ Астиномовъ мѣры къ охраненію государственнаго имущества, городскихъ стѣнъ, крѣпостей, храмовъ; но мы не находимъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію частныхъ домовъ отъ пожаровъ, или на случай землетрясеній. Были въ рукахъ правительства средства, для доставленія народу продовольствія, безъ котораго государству грозили движенія народа, возмущенія; но мы не встрѣчаемъ никакихъ распоряженій на пользу больныхъ и нищихъ, распоряженій, которыя были бы вызваны состраданіемъ. И Бёкъ весьма правильно говоритъ, что *состраданіе никогда не было добродѣтелью Грековъ* [1]). Наконецъ государство, не предпринимавшее никакихъ мѣръ къ безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, въ тоже время было слишкомъ чутко, нервно-раздражительно противъ всякаго покушенія и всякой мысли, изъ которыхъ можно было бы вывести какую нибудь опасность для saluti reipublicae, для государственной пользы. Отсюда общее право доносовъ, «которымъ пользовались не безъ коварства, не безъ участія зависти, не безъ клеветы; образовалась особая инквизиціонная система, говоритъ Бёкъ, которая была и опасна и страшна не менѣе инквизиціи извѣстнѣйшихъ деспотовъ» [2]).

Все, что сказали мы о Греціи можно примѣнить къ Риму, mutatis mutandis т. е. измѣнивши названія; но Римъ развилъ почти всю античную жизнь въ болѣе ясныхъ формахъ, оставилъ по себѣ гораздо болѣе слѣдовъ, составилъ изъ своихъ памятниковъ, такъ сказать, разрѣзъ, по которому легче судить и о другихъ народахъ древности. Такъ, что изученіе Рима и въ нашемъ отношеніи, есть изученіе всего древняго

1) Бёкъ, I, 132,—II, 89.

2) I, 221; срав. Бабста, 52, 61: «Сикофанты — эти псы демократіи, были всегда готовы на обвиненіе богатыхъ, которые рѣшались на всѣ пожертвованія, будучи содержимы въ постоянномъ страхѣ.»

образованнаго міра. Начала тѣ же, но ихъ явленія принимаютъ опредѣленную, наглядную, осязательную форму.

Какъ во всей древности, по господству политическаго элемента, въ Римѣ особенно развито управленіе, которое можно чувствовать во всѣхъ римскихъ учрежденіяхъ, начиная съ политическаго раздѣленія народа на классы, по Сервію Туллію, до раздѣленія на политическія касты патриціевъ и сенаторовъ, — всадниковъ и публикановъ, оптиматовъ и плебеевъ. Кромѣ того было спеціальное управленіе по вопросамъ, касающимся общественнаго права, и лица и мѣста для этого управленія уже встрѣчаются со временъ царскаго періода Римской исторіи. Деламаръ [1]) причисляетъ сюда и древняго Квестора, служившаго, такъ сказать, по части предупрежденія, — и древняго городскаго префекта, котораго власть распространялась на всѣ чрезвычайные случаи, qui—subitis mederetur [2]). Въ періодъ республики, относятъ сюда ценсоровъ, особенно по дѣламъ о народонаселеніи, и Эдиловъ, по устройству города и по народному продовольствію [3]). Деламаръ сравниваетъ Эдиловъ съ Commissaires de police своего времени, древніе Греки переводятъ слово Aedilis словомъ Αγορανομος. Дѣло ихъ управленія было весьма сложно, состоя въ надзорѣ за чистотою религіи, за сочиненіями, обращающимися въ народѣ, съ правомъ сожигать вредныя, — за мѣрами противъ роскоши, пьянства, разврата,—за мѣрами противъ пожаровъ и на пользу продовольствія,—за правильностію мѣръ и вѣсовъ и т. д. И Цицеронъ, вступивъ въ

[1]) I, 27.

[2]) Quaestores, quaesitores, a quaerendo, — quia conquirerent maleficia; inquisitores, rerum capitalium quaerendarum causa creati.—Klenze's Grundriss des Gesch. des röm. Rechts важно потому, что содержитъ слова и распоряженія источниковъ. См. 6, 7. Тутъ же о Praefectus urbi, въ древнѣйшемъ смыслѣ.

[3]) Censores populi aevitatis, sobolis, familias pecuniasque censento. Urbis templa, vias, aquas, aerarium, vectigalia tuento. Populique partis in tribus distribuunto.... Coelibis esse prohibento. Moris populi regunto.—Suntoque Aediles coeratores urbis, annonae ludorum que solennium. Klenze, 67—71.—Sternendis reparandisque viis praefecti. De la Mare I, 28.

должность Эдила, не даромъ говорилъ, что «весь Римъ отданъ подъ его защиту» [1]).

Къ концу республики, эти чины увеличись большимъ числомъ новыхъ, съ разнообразными названіями, выражающими ихъ занятіе, каковы напр. triumviri capitales, monetales, nocturni,—quatvorviri, qui curam viarum gererent, praefectus annonae,—rigilum, curatores riparum Tiberis,—operum publicorum, и т. д. [2]).

Императоръ Августъ вноситъ въ эту массу порядокъ централизаціи и подчиненности, раздѣляя Римъ на 14 частей, regiones, а части на кварталы, vicos, и поручая каждую часть особому curator urbis, а всѣхъ этихъ кураторовъ и всѣ эти части города одному Praefectus urbi [3]), съ слѣдующею дѣятельностію. Они издавали повелѣнія, относительно всего, что касалось до пользы города,—опредѣляли цѣны на съѣстное, заботясь вообще о продовольствіи жителей, — надзирали за торговлею, дозволяя одно, запрещая другое,—заботились о театрахъ и народныхъ играхъ, и т. д. [4]).

Всѣ эти учрежденія первоначально существовали для Рима, но впослѣдствіи перенесены въ другіе города и наконецъ содѣлались государственными установленіями для всей Римской имперіи, на основаніи томъ, что *Римъ есть глава міра, и что всѣ города и мѣста должны слѣдовать его примѣру, въ управленіи и въ устройствѣ* [5]). Ясное выраженіе

[1]) Слова источниковъ, по Кленце; выраженіе Цицерона у Деламара 31: mihi totam urbem tuendum esse commissam.

[2]) Capitales, qui carceris custodiam haberent; praefecti vigilum, qui cognoscerent de incendiariis, effractoribus, furibus, raptoribus, receptoribus, Klenze, 77.

[3]) Деламаръ, I, 32. Klenze, 158, Messala Corvinus primus praefectus urbi сложилъ съ себя званіе, incivilem potestatem esse contestans. Regiones управлялись своими annuimagistratus, а vici—своими Magistri, e plebe lecti, Klenze 77. Вотъ Magistri, давшіе основаніе для послѣдующихъ магистратовъ, равно какъ и для титула maitre, вмѣсто monsieur.

[4]) Деламаръ I, 33.

[5]) Cod. L. I, tit. XVII, § 10; Dig. I, tit. XII, de officio praef. ur. XIII, quaestoris; XV vigilum, Cod. I, 44, de praef. annonac, Dig. XVII, praesid. provinc.

для начала централизаціи, — документальное правило для античнаго государства, въ которомъ городское устройство считается государственнымъ, а политическое, правительственное—элементомъ, господствующимъ исключительно.

Начала общественнаго права, въ Римѣ, естественно носятъ на себѣ этотъ господствующій характеръ [1]). Таковы прежде всего *пути сообщенія* и *почты* Рима. Правда, пути сообщенія впервые дѣлаются искусственными не въ Римѣ, а въ Карѳагенѣ, государствѣ преимущественно торговомъ [2]); но какъ тамъ, такъ и здѣсь, вѣроятно, по одной причинѣ, для дѣлъ правительственныхъ. Покрайней мѣрѣ, знаменитыя, историческія, монументальныя построенія римскихъ дорогъ, via Appia, Salaria, Flaminia, Aureliana и т. д., носящія, въ законодательствѣ Рима, названія общественныхъ, via publica, имѣютъ значеніе исключительно правительственныхъ [3]). Эти общественныя дороги именуются посему *преторскими*, *консульскими*, *военными*; имѣютъ прямолинѣйныя направленія отъ Рима къ морю, рѣкамъ, городамъ и другимъ военнымъ дорогамъ, для дѣлъ управленія и общественной безопасности [4]), строятся на счетъ государственной казны, fisci, при посредствѣ войскъ и легіоновъ, и поддерживаются тѣмъ же способомъ. Не для торговли, не для промышленности, не для народныхъ интересовъ онѣ существуютъ; для пользъ народа была установлена только дорожная повинность частнаго права, которая помогала необходимому сближенію между частными лицами, съ поля и луга въ село, изъ села въ другое и въ ближайшій городъ [5]). Но эти частныя сообщенія уже не входили въ сферу общественнаго права и обезпеченія.

Тотъ же правительственный характеръ имѣютъ почты, въ Римѣ. Находятъ, что мысль объ ихъ учрежденіи принадлежитъ Персіи и временамъ Кира [6]); достовѣрно, что въ Римѣ онѣ

[1]) Moreau de Jonnès, II, 516—519.

[2]) De la Mare, IV, 466, primum Poeni dicuntur stravisse vias lapidibus.

[3]) De la Mare, IV, 466. Digest. XLIII, tit. 7, 8, 11, 15; Gibbon, I, 153 и слѣд.

[4]) Digest. L. 2, §24, tit. 8, XLIII, § 23,—§ 22.—L. 3, tit. 7,—tit. 8.

[5]) Privata, agraria, vicinalis, тамъ же § 22, 23.

[6]) Staats-lexicon Rotteck's u Welcker's, — sub v. Post, — De la Mare, IV, 552 и слѣд.

являются съ императора Августа, подъ знаменательнымъ названіемъ cursus publicus [1]). Въ законодательствѣ Рима, съ этого времени, находимъ слѣдующія опредѣленія: только императоръ, Praefectus Praetorio, Magister Officiorum имѣли власть выдавать документы на проѣздъ съ почтою, такъ называемыя evectiones, diploma, или evectionis copia; только послы Рима, равно какъ послы de diversis gentibus, да лица, отъ правительства посылаемыя, имѣли право пользоваться почтами; и *никто изъ частныхъ людей не смѣлъ ѣздить съ почтою,* nullus privatus evectione utatur [2]). Никто изъ ѣдущихъ по почтѣ не могъ измѣнить направленія, которое назначено въ его подорожной; самыя лошади, употреблявшіяся для ѣзды почтовой, обезпечивались закономъ отъ произвольнаго понуканія, equos, qui publico cursui destinati sunt, non lignis vel fustibus, sed flagellis tantummudo agitari decernimus, говоритъ императоръ. На станціяхъ давали проѣзжающимъ полное содержаніе, какъ лицамъ оффиціальнымъ, самою ѣздою исполняющимъ общественную должность [3]). Вообще, какъ сказано, учрежденіе почтъ было исключительно правительственнымъ, и для народныхъ интересовъ, для сношеній между лицами не оффиціальными оно какъ бы не существовало.

Итакъ трудъ, съ одной стороны, поземельное владѣніе, съ другой, а наконецъ средства сближеній и сношеній, въ римской имперіи, были стѣснены, ограничены, затруднены для народа, и дѣятельность общественная, естественно, не могла тамъ развиться. Мы не можемъ указать на какое нибудь спеціальное сочиненіе, вполнѣ обнимающее вопросы,

[1]) Cod. Iust. Lib. XII, tit. L (LI), legg. 9, 16, 11, 1. — Деламаръ приводитъ слова Светонія, IV, 552: quo celerius et sub manum annunciari cognoscique posset (imperator), quid in provincia quaque gereretur, juvenes primo modicis intervalis per militares vias, dehinc vehicula disposuit, — откуда и названіе Post, почта. Gibbon, I, 155.

[2]) Cod. L. II. De la Mare упоминаетъ о письмѣ Плинія къ Траяну съ извиненіемъ, что, въ качествѣ Magistri Offic., онъ однажды далъ своей женѣ evectionem, для проѣзда съ почтою къ ея умирающей подругѣ.

[3]) Diplomata tractatoria, De la Mare 552, ibid.

которые насъ здѣсь занимаютъ; постараемся воспользоваться доступными для насъ источниками, съ указанiемъ на нихъ, при каждомъ случаѣ. Главное занятiе древнѣйшихъ Римлянъ состояло въ войнѣ и въ полеводствѣ, militia et agricultura; войны вели они первоначально для прiобрѣтенiя земли, полей; а въ мирное время, въ короткiе промежутки между битвами, они занимались земледѣлiемъ. Скоро впрочемъ для войны забыты были и поля и земледѣлiе [1]). Изъ другихъ занятiй Римляне знали artes, которыя раздѣляли на artes liberales, собственно искусства и науки, et illiberales, sordidas, opificiarias, т. е. ремесла. Эти artes sordidae, занятiя смердовъ, какъ бы у насъ перевели въ древности, все таки были извѣстны въ Римѣ, и терпимы, хоть въ глубокой древности. Извѣстно преданiе, что Нума Помпилiй установилъ корпорацiи ремесленниковъ, collegia opificum, числомъ до девяти, каковы напр. корпорацiя архитекторовъ, красильщиковъ, сапожниковъ, портныхъ и т. п. Извѣстно такъ же учрежденiе коллегiй въ Иператорскихъ столицахъ, — о чемъ говорятъ законы Кодекса Θеодосiя, въ титулахъ de Collegatis [2]). За то торговлею Римляне вовсе не занимались, предпочитая, какъ выражались они, считать цѣлые торговые народы въ числѣ своихъ данниковъ. Впослѣдствiи времени, превращенiе полей въ пастбища, передача пастбищъ въ обработанiе рабовъ, и вообще умноженiе несвободнаго труда, стѣснявшаго трудъ гражданъ, все это вело къ ослабленiю производительной дѣятельности. Все это можно найти во всѣхъ почти сочиненiяхъ, говорящихъ о Римѣ [3]); и мы считаемъ доказаннымъ, что у Римлянъ labor или трудъ былъ такъ же мало въ почетѣ,

[1]) Самъ Катонъ старшiй, написавшiй de re rustica, собственно посвящалъ себя другимъ промысламъ, откупамъ, морскимъ предпрiятiямъ и лихоимству. Зедергольмъ, стр. 88, 89. Ср. взглядъ Катона на сельск. хозяйство, тамъ же, стр. 84 и слѣд. — О латифундiяхъ, ibid. 87.

[2]) Cod. Theod. XIV и XV, de suariis, pecuariis, calcis—coctoribus и т. д.

[3]) Всѣ древности, напр. Reiz's Vorlesungen über römis. Alterthümer, Leipz. 1796, стр. 299, и слѣд. Moreau do Jonnès, II, 431—466; 504; 515, 516 и 502. — Wirth's Grundzüge, 84 и слѣд.

какъ и въ Греціи,—что жизнь римскаго гражданина существенно дѣлилась на двѣ части, на negotium, занятіе по дѣламъ республики, по выборамъ, общественной службѣ, и на otium, отсутствіе такихъ занятій, и посвященіе времени наслажденіямъ, пожалуй иногда и умственнымъ [1]). И потому говоримъ, что мирной производительности почти не было въ побѣдоносномъ Римѣ, тѣмъ болѣе, что войны и побѣды обогощали Римъ готовыми результатами чужаго труда и чужихъ усилій, достававшимися отъ побѣжденныхъ народовъ, т. е. ото всѣхъ народовъ [2]). Безъ всякаго развитія промышленности, Римъ владѣлъ богатствами цѣлаго міра и роскошествовалъ царственно, хотя не безъ примѣси горечи. Такъ какъ добыча и завоеванія не могли быть рознымъ удѣломъ для всѣхъ, а, по своей идеѣ, должны были дѣлиться поровну; то мысль о неравенствѣ преслѣдовала Римъ чрезъ всю его исторію. Къ числу первыхъ законовъ республики принадлежатъ законы о долгахъ и ростахъ, de foenere [3]); иногда несчастная судьба должниковъ вызывала все нисшее населеніе Рима вонъ изъ города, secessio; съ этогоже времени начинаются законы о владѣніи общественными землями, des possessione; откуда впослѣдствіи образовались общіе вопросы о раздѣлѣ полей, leges agrariae Гракховъ [4]). Такъ же древни законы о роскоши, leges sumtuariae, которые имѣли въ виду, ограничивая расточительность богатыхъ, содѣйствовать благосостоянію бѣдныхъ [5]). Наконецъ припомнимъ здѣсь хлѣбные законы, leges frumentariae, которые кончились установленіемъ раздачи хлѣба даромъ, gratis [6]). Вопросъ о дѣлежѣ довелъ дѣло до того, что, при Юліѣ Цезарѣ, треть и болѣе гражданъ содержались на счетъ

1) О жизни и сочиненіяхъ Катона Старшаго, разсужд. Зедергольма, Москва, 1857, стр. 13, 14, 17.

2) Аполлинарій Сидоній, Ешевскаго, 1855, Москва, 46—89.

3) Klenze, въ его Grundriss. Но особ. у Моро Кристофа, I, 153, и слѣд.

4) Klenze, p. 24.

5) — 27.

6) — 33, 34.

остальныхъ [1]). — Отсюда понятно положеніе, которое дано было закономъ вопросу о народонаселеніи.

Законы Рима, по Мальтусу и его «Опыту о народонаселеніи» предоставляли главѣ семейства возможныя права относительно его дѣтей, и право продажи, и право подкидыванія, и право смерти, въ чемъ выражалось jus patriae potestatis. Съ тѣмъ вмѣстѣ о сохраненіи, или умноженіи населенія тутъ не могло быть рѣчи. И только сила обстоятельствъ вынудила у римскаго закона, въ концѣ республики, распоряженія относительно умноженія народа по извѣстному закону L. Julia et Pappia Poppoea. Сила обстоятельствъ состояла въ томъ, что въ это время къ разрушительному дѣйствію на свободное населеніе отеческой власти, къ уничтоженію массы гражданъ войнами и службою въ легіонахъ, присоединилось разложеніе семьи и строгихъ правилъ брака, присоединился развратъ, который въ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ VII стол. произвелъ убыль въ гражданахъ болѣе замѣтную, чѣмъ цѣлые пять сотъ лѣтъ войнъ, трудовъ, усилій народа. — И тутъ, кажется, впервые законъ Рима оказался безсильнымъ. Не смотря на привиллегіи, на такъ называемыя jura trium et quatuor liberorum, или лучше, по причинѣ этихъ привиллегій гражданскаго права, браки заключались рѣдко, законныхъ рожденій было мало, и населеніе гражданъ не увеличивалось, а все болѣе и болѣе уменьшалось. Бракъ не есть только физіологическая связь между лицами различнаго пола, ad liberos procreandos, какъ предполагалось по закону Юлія; онъ есть союзъ духовный и нравственный, какимъ не признавали его въ Римѣ даже цензоры, блюстители нравовъ народа. «Если бы мы не имѣли женъ, говаривалъ Метеллъ Нумидійскій въ качествѣ цензора, ни кто бы не былъ принужденъ нести такую безполезную тягость; но таковъ уже законъ природы, что съ женами нельзя жить покойно, а

[1]) Naudet, des secours publics chez les Romains, mém. de l'institut, XIII, выпускъ I, стр. 1 и слѣд., читан. 1827. Зедергольмъ, въ его „Катонѣ,“ говоритъ, что къ могуществу Рима устремлено было все вниманіе всѣхъ государств. мужей, которые всѣ оставались невѣроятно равнодушными къ благосостоянію народа, стр. 30.

безъ нихъ и вовсе невозможно обойтись.» [1]) Риму оставалось одно механическое средство умножить количество гражданъ, а именно: отказавшись отъ своей исключительности, возложить право Римскаго гражданства на союзниковъ, провинціаловъ, побѣжденныхъ, и частію даже на рабовъ. Что уже значило, въ переводѣ, наложить руки на самаго себя.

И такъ ни богатство Красса, ни роскошь Лукулла, ни расточительность Императоровъ не могутъ ослабить положенія, выходящаго изъ соображенія общей жизни Рима, что вещественное благосостояніе римскаго народа не было ни блестящимъ, ни даже удовлетворительнымъ. Ноде разсказываетъ чудеса о богатствѣ Красса. Получивъ 300 талантовъ въ наслѣдство отъ своего отца, Крассъ увеличилъ эту сумму до того, что, посвятивши Геркулесу десятую часть имѣнія, устроивши праздникъ всему народу, выдавши сверхъ того каждому гражданину на три мѣсяца хлѣба, онъ у себя еще насчитывалъ 7,100 талантовъ, или 39,050,000 фран. [2]). Про роскошь и расточительность Римлянъ вообще сохранилось много чудесныхъ разсказовъ, какъ тамъ издерживались тысячи на блюда изъ пѣвчихъ птицъ, какъ мостили дворцы драгоцѣнными каменьями, какъ распускали въ напиткахъ драгоцѣнныя жемчужины, и пр. [3]). И кругомъ этихъ пиршествъ и подлѣ этихъ богачей, тѣснились бѣдность и нищета, mendicimonium, тѣснились бѣдные и нищіе, противъ которыхъ должно было принимать мѣры, чтобы голодъ не вызвалъ ихъ негодованія на неравенство раздѣленія богатства [4]).

Тѣмъ болѣе, что ни образованіе, ни нравственность, ни религія не научали народа правильному взгляду на дѣло, и только внѣшняя сила закона принуждала его сдерживать

[1]) Malthus, Essay sur la population, I, 338, 339, съ указаніемъ на Noctes Auli Gellii. — Или: „будь міръ безъ женъ, не жить бы намъ вдали отъ боговъ,“ какъ выражался Катонъ Старшій. Или, такъ же по Катону,—Зедергольмъ, стр. 50, обличивъ жену въ невѣрности, ты можешъ ее убить; обличивъ тебя въ томъ же, твоя жена не смѣетъ тронуть тебя и пальцемъ.

[2]) Naudet, l. c. 12.

[3]) Moreau Christophe, Du problème de la misère, I, 187 и слѣд.

[4]) Naudet, тамъ же.

свои инстинкты. Образованіе было довольно развито въ Римѣ, который издревле дѣлалъ раздѣленіе между artes illiberales и liberales, относя къ послѣднему искусства и науки. Изстари существовали въ Римѣ школы общественныя, въ которыхъ можно было пріобрѣсти познаніе въ чтеніи, письмѣ, счисленіи, гимнастикѣ [1]). Впослѣдствіи времени, особенно съ Веспасіана, курсъ ученія расширился еще болѣе, преподаватели стали получать жалованье [2]), а въ III ст. по Р. Х. ни въ Италіи, ни въ Африкѣ, ни въ Испаніи, и особенно въ Галліи не было большаго города, гдѣ бы въ школахъ не преподавали грамматики, риторики, философіи, и т. д. [3]). Сверхъ этого общаго образованія были еще artes principes, куда принадлежали краснорѣчіе и юриспруденція, eloquentia et juris sacrorumque peritia, съ ихъ особыми школами, въ Римѣ, Аѳинахъ, Константинополѣ, Беритѣ, и т. п. [4]). Но, замѣчаетъ Краузе, когда греческое образованіе начало дѣйствовать особенно сильно, въ VII стол. Рима; тутъ явилась та роскошь, которая ослабила нравственность и содѣйствовала политическому разложенію государства [5]). Вообще образованіе въ Римѣ частію не было достояніемъ всего населенія, частію служило только средствомъ для жизни гражданской, частію не имѣло содержанія, необходимаго для человѣка и его че-

[1]) Reiz's Vorlesungen, Krause's Geschichte и т. д. 267 и далѣе.

[2]) Gibbon, I, 167, not. 1, по словамъ Светонія: primus Vespasianus) e fisco latinis graecis que rhetoribus annua centena (sestertia) constituit. Ср. Fridrich Thiersch, Ueber gel. Schulen, I, 34: о Веспасіанѣ: ingenia et artes vel maxime fovit; primus e fisco и т. д.

[3]) Krause, въ его исторіи воспитанія, 310 и слѣд. — Аполлинарій Сидоній Ешевскаго, стр. 11 — 38, гдѣ говорится о школахъ Галліи V вѣка. Moreau de Jonnès, II, 510 и 511, отрицаетъ существованіе школъ, въ Римѣ, раньше VI вѣка a. U. c.

[4]) Reiz's Vorles., 311; Gibbon, l. c.

[5]) 278. — Ср. Зедергольма, стр. 54: „въ дряхлой, нравственно-растлѣнной Греціи, на было свѣжихъ элементовъ для возрожденія дряхлѣвшаго Рима; — греческое образованіе должно было, въ это время, причинить вредъ Риму и т. д.

ловѣческаго развитія [1]). Нравственность и религіозность народа не зависѣли отъ школы; между школою и народною жизнію не было союза. Нравственность должна была поддерживаться семействомъ и государственнымъ надзоромъ, въ формѣ цензуры нравовъ; но семья Рима давно уже потеряла свое вліяніе на духъ и расположеніе членовъ, удерживая за собою деспотическую власть только относительно ихъ бытія физическаго. Цензоры, съ своими aestimatio morum, nota censoria, и правомъ исключать Всадниковъ и Сенаторовъ изъ ихъ сословія, существенно дѣйствовали на поверхности, или наружномъ бытѣ общества, не касаясь внутренней жизни народа. Столь же мало могла дѣйствовать на бытъ народа религія, состоявшая частію изъ разсказовъ о грѣхахъ и преступленіяхъ богинь и боговъ. Были такимъ образомъ и нравы и религія въ Римѣ; но не было тамъ ни нравственности, ни религіозности; какъ были тамъ и роскошь и расточительность, но не было ни промышленности, ни народнаго богатства [2]).

Понятно, какія могли быть въ Римѣ мѣры и законы охранительные. Для противодѣйствія внѣшней природѣ, которая могла грозить опасностію зданіямъ, въ Римѣ существовали учрежденія, для прекращенія пожаровъ, въ видѣ особаго управленія префекта стражи, Praefectus vigilum, съ его familia publica, или командой, расположенной у воротъ города. Бывали такъ же въ дѣлѣ и privatae familiae, принадлежавшія частнымъ лицамъ, и дѣйствовавшія или за плату, или даромъ, mercede, aut gratis. Чьею виною происходилъ пожаръ,

1) Ср. у Зедергольма, въ его „Катонѣ“ стр. 55, 56, и слѣд. Къ тому же это образованіе падаетъ видимо, съ Діоклетіана, по Gibbon, II. 380, 381.

2) Moreau de Jonnès въ своей „Статистикѣ“ II, 706—708, между прочимъ говоритъ: un culte qui n' a inspiré ni foi, ni morale, ni charité, et dont les pratiques étaient trop souvent licencieuses. — О всѣхъ неудобствахъ Римской обыденной жизни, см. тамъ же стр. 503 — 510. Ce fut Alex. Sévère, qui le premier se servit de chemises.—Lollia Paulina, la femme de Néron avait, dans sa parure, pour trois millions de pierreries; mais elle avait, les jambes nues.—L'usage de braccae ou culotte était consideré comme une mode gallique on barbare, и т. д.

того префектъ стражи могъ наказызать fustibus, тѣлесно, или строгимъ выговоромъ, severa interlocutione [1]). Существованіе частныхъ командъ доказываетъ, что команда правительственная имѣла задачею только охраненіе зданій общественныхъ, монументальныхъ, тѣмъ болѣе, что никогда законъ Рима не вызывалъ гражданъ къ прочному построенію; частныя зданія большею частію были возводимы изъ матеріаловъ весьма легкихъ, не прочныхъ, и состояли изъ такъ называвшихся domi lateritiae, мазанокъ и т. п. [2]). Между тѣмъ древность города, его населенность и самая громадность иныхъ построеній были причиною опасности. Сенека не даромъ говоритъ, что «высота зданій и тѣснота ихъ положенія, въ Римѣ, были таковы, что городъ лишенъ былъ защиты отъ пожара, а населеніе надежды безопасно выбраться изъ развалинъ» [3]). Все это служитъ только объясненіемъ, почему удалось Нерону, въ нѣсколько часовъ своего пожара, уничтожить плоды столѣтій, и изъ 14 частей Августова Рима четыре разрушить до основанія, другія четыре сравнять съ землею, не оставивши и остальныхъ безъ поврежденія [4]).

По аналогіи съ изложеннымъ учрежденіемъ, ясно, чего можно ожидать отъ правительственныхъ мѣръ Рима, для сохраненія полноправныхъ римскихъ гражданъ отъ голодовъ, болѣзней, нищеты. Мы находимъ эти мѣры, но здѣсь еще съ болѣе яснымъ характеромъ политическаго расчета. По положенію, *что нѣтъ ничего веселѣе сытаго римскаго народа* [5]), можно было столько же бояться его голода; и правительство дѣлало все для снабженія народа хлѣбомъ и вообще пищею, не заботясь объ его нуждахъ духовныхъ, и даже объ его тѣлесномъ увѣчьи, или физическихъ болѣзняхъ. Больные не

1) De la Mare, IV, 136. Klenze, 77. Reiz, 114.

2) Reiz, 114, 115, 123. Неуваженіе къ частной собственности гражданъ доходило въ Римѣ до того, что напр. Катонъ могъ приказать разрушить въ Римѣ, въ теченіе тридцати дней, всѣ частные домы, построенные на землѣ государственной, стр. 43, »Катонъ« Зедергольма.

3) De la Mare l. c.

4) Reiz, l. c.

5) De la Mare, II, 2, 3.

опасны; а состраданіе не было добродѣтелью Римлянъ, какъ оно не было извѣстно Грекамъ.—Почти со введенія Трибуновъ, въ Римѣ существуютъ два Эдила, въ качествѣ блюстителей города, продовольствія народа, его игръ и зрѣлищъ [1]). Впослѣдствіи К. Гракхъ предложилъ, закономъ опредѣлить цѣну на хлѣбъ въ Римѣ, полагая за modius $5/_6$ асса; далѣе закономъ же установлено количество выдаваемаго каждому гражданину хлѣба, именно по 5 modii ежемѣсячно; а наконецъ узаконено, раздавать гражданамъ весь этотъ хлѣбъ даромъ [2]). И въ 683 году, когда гражданъ въ Римѣ считалось 450,000, количество получавшихъ даровой хлѣбъ было 54,000, а потомъ скоро стало равняться цѣлой трети населенія [3]). Для той же цѣли народнаго продовольствія, Императоръ Августъ ограничивалъ хлѣбную торговлю [4]), Юстиніанъ запрещалъ всякую свободную продажу съѣстнаго [5]), и римское учрежденіе annonae, такъ сказать, сроднилось съ почвою, и до сихъ поръ еще ощутительно въ Италіи [6]). Умножая средства продовольствія, да расширяя мѣры его на всѣхъ нуждающихся, римское правительство считало уже не нужнымъ разсматривать отдѣльно вопросъ о нищетѣ и бѣдности, и вся помощь, оказываемая бѣднымъ въ древности, состояла въ ихъ прокормленіи. И Моро Кристофъ и Ноде не находятъ другихъ мѣръ призрѣнія въ Римѣ, кромѣ упомянутыхъ выше legg agrariae, annonariae, congiaria, epulae и т. п. [7]). — Но тутъ все-таки были мѣры и средства; тогда какъ вопросъ о болѣзняхъ не вы-

[1]) Klenze, 71: curatores Urbis, annonae ludorum que.

[2]) Klenze, § 33. Naudet, 19. Quini modii singulis in singulos menses. — Ut gratis daretur plebi frumentum.

[3]) Naudet, l. c.

[4]) De la Mare, II, 294 и слѣд. 301.

[5]) Digest. Lib. 47, tit. 11, lex 6.

[6]) Roscher, Ueber Kornhandel, etc. 87, not. — До сихъ поръ въ Италіи существуетъ запрещеніе вывозить и продавать хлѣбъ, безъ правительственнаго дозволенія.

[7]) Moreau Christophe, въ его problème, Naudet, въ его secoures publics chez les Romains; Моро присоединяетъ къ этому мѣры репрессивныя — contra foenus, usuram, mores malos, mendicitatem etc.

зывалъ ни мѣръ, ни закона. Самое врачеванiе, medicina, почиталось занятiемъ рабскимъ, ars sordida, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ римскаго гражданина [1]). И, если богатые могли найти какую нибудь помощь въ свѣдѣнiяхъ своихъ рабовъ, за то бѣдняки оставались жертвою случая. Глядя на распространенiе термъ въ римскомъ населенiи, не знавшемъ ни благодѣянiя льняныхъ тканей [2]), ни возможности отказаться отъ умащенiя тѣла мазями, можно было бы видѣть въ этихъ термахъ или баняхъ одно изъ средствъ, для сохраненiя народнаго здравiя; но этому противорѣчитъ извѣстное ихъ назначенiе служить для богатыхъ предметомъ роскоши [3]).

И такъ, выражая внутреннюю политику древнихъ государствъ, въ самой краткой формулѣ, можно сказать, что древнее государство оставляло безъ вниманiя и содѣйствiя какъ развитiе богатства, такъ и развитiе образованiя въ народѣ, предоставляя то и другое частнымъ усилiямъ отдѣльныхъ лицъ. Отсюда происходили слѣдствiя вредныя и часто опасныя для самаго государственнаго союза, въ формѣ голодовъ и бѣдности населенiя, преступности и безбожiя народа; и правительства, естественно, должны были расширять тѣмъ болѣе свою дѣятельность на внѣшнiй бытъ народа, подчиняя его, во всѣхъ явленiяхъ, всей строгости своихъ распоряженiй. Такимъ образомъ, невниманiе къ развитiю народа обращалось въ невниманiе къ его свободѣ, которая должна была страдать и страдала отъ мѣръ, предупреждавшихъ послѣдствiя неразвитости. Особенно, когда на мѣсто идеи общественнаго блага, salus reipublicae, стала во главѣ государства воплощавшая ее личность, облеченная всѣмъ могуществомъ, которое только можно было вывести

[1]) Нѣтъ тебѣ моего позволенiя, говоритъ Катонъ своему сыну, обращаться ко врачамъ; Зедергольма «Катонъ», стр. 59.

[2]) Moreau de Jonnès, II, 503. Le lin ne fut employé que vers le declin de l'Empire, pour en faire de la toile — Wirth's Grundzüge, 86.

[3]) Quid Nerone pejus, thermis quid neronianis melins? Reiz, 119. Moreau de Jonnès, II, 509: les bains étaient communs à l'un et à l'autre sèxe.— Апол. Сидонiй, Ешевскаго, о баняхъ и ваннахъ, впослѣдствiи, 52 стр. и слѣд.

изъ республиканскаго правленія. Пирамида общественнаго зданія понижалась, утолщалась въ своемъ основаніи, и замыкалась сверху однимъ лицомъ, которое въ заключеніе объявляло себя legibus solutus, свободнымъ отъ закона. — Движеніе къ пріобрѣтенію права, къ воцаренію справедливости во всемъ обществѣ, естественно и необходимо, въ каждомъ обществѣ. Но это движеніе, въ древности, неминуемо вело общество къ распаденію; и всякій успѣхъ права ослаблялъ искусственно возведенное политическое зданіе. Изгнаніе царей, введеніе трибуновъ, уравненіе плебеевъ, принятіе союзниковъ, эманципація рабовъ и т. д., все это колебало и расшатывало искусственное античное зданіе государства, которое не выдерживало естественнаго развитія естественныхъ началъ общества. — Видя паденіе зданія, одни говорили: latifundia perdidere Italiam, другіе: otium Reges primum et beatas perdidit Urbes. Но главною причиною должно признать, конечно, искусственное построеніе государства, которое оперлось всѣмъ бытіемъ на начало централизаціи, совершенно забывъ о правахъ общества и самомъ его существованіи.

Характеръ средневѣковаго общественнаго права, на западѣ Европы.

Основное убѣжденіе античнаго міра, состоявшее въ томъ, что цѣль гражданскаго общества достигается только соединеніемъ частныхъ усилій въ одно направленіе, столкнулось, на рубежѣ Средней исторіи, съ убѣжденіемъ противоположнымъ, по которому человѣческое, личное, частное развивается только при свободномъ дѣйствіи личности. Эти положенія вполнѣ вѣрны только вмѣстѣ, только дополняя одно другое; напротивъ, дѣйствуя исключительно, онѣ односторонни, и потому ложны. Не все дѣло человѣческаго общества рѣшается союзомъ частныхъ лицъ, для отстоянія безопасности; запасъ милліонныхъ силъ ввѣряется государству не для одной безопасности, сказалъ справедливо Шлецеръ [1]); съ

[1]) Aug. Lud. v. Schlözers Allgem. Statsrecht, и пр. Götting, 1793, 18.

другой стороны, развитіе личности, невозможное для отдѣльныхъ лицъ, естественно требуетъ ихъ соединенія, необходимо связуетъ ихъ въ единства и союзы, безъ которыхъ не составляются вполнѣ развитыя человѣческія общества — государства. Средніе вѣки, подобно древнимъ обществамъ, остановились на половинѣ пути, или задачи; они приняли въ себя элементъ личности, но не развили его до государственной общности. Въ Средніе вѣки, общеловѣческое освободилось отъ политическаго, но заняло не принадлежащее ему мѣсто, стало выше государственнаго и надъ государственнымъ, по выраженію Гюльмана [1]); въ чемъ выказался характеръ и всемірно-историческое значеніе средневѣковаго общества.

Много, въ литературѣ, разнообразныхъ воззрѣній на исторію Среднихъ вѣковъ; разработка этой исторіи еще требуетъ многихъ усилій [2]); одно только убѣжденіе можно назвать и общимъ и господствующимъ, въ наше время, это—убѣжденіе въ высокомъ значеніи исторіи Среднихъ вѣковъ для всѣхъ вопросовъ, касающихся развитія человѣческихъ интересовъ. Въ наше время уже не найдется ученаго, который бы съ сожалѣніемъ прошелъ молчаніемъ исторію Среднихъ вѣковъ, или, съ стариннымъ упрекомъ въ невѣжествѣ времени, отказался бы порыться въ его событіяхъ, желая понять и объяснить современную исторію Запада [3]). Особенно это положеніе справедливо, относительно права государственнаго и общественнаго. Работы Эйхгорна, изслѣдованія Ландау и Маурера, сочиненія Гюльмана и Шрекенштейна, лекціи Гизо объ исторіи Французской цивилизаціи [4]) и множество другихъ служатъ доказательствомъ той великой важности, которую имѣютъ для нашего времени учрежденія и обычаи

[1]) Staedtewesen des Mittelalters, IV, 60. Das Menschliche steht über dem Bürgerlichen.

[2]) Для критической разработки однихъ главныхъ источниковъ, для одной исторіи городовъ, потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ сколько его находится въ человѣческой жизни, говоритъ Шрекенштейнъ, V.

[3]) Raumer's Entwickelung 24–27.

[4]) См. выше, стр. 33 и 34.

Среднихъ вѣковъ. Воспользуемся указаніями этихъ писателей для нашего предмета.

Основаніемъ Германскаго міра первоначально служила общинность земли, которая вела за собою обезпеченную личную свободу, въ быту сельской марки (Feldmark), Markgenossenschaft, и въ формѣ круговой поруки. Такъ было по Цезарю, такъ было при Тацитѣ [1]). Скоро однакожъ положеніе измѣняется, и именно на Римской почвѣ, личность является уже отдѣленною отъ земли, отъ народа, и примкнутою къ дружинному военному союзу, съ отдѣльною поземельною собственностію, allodium, но безъ общихъ, надежныхъ средствъ обезпеченія свободы,—сельскія марки встрѣчаются рѣдко [2]). Являются отношенія, послужившія основаніемъ для ленной системы, въ которой личность стала зависѣть отъ службы и владѣніе содѣлалось beneficium, съ раннею наклонностію къ наслѣдственности, напр. даже при Карлѣ Великомъ [3]). Наконецъ ленная система обняла собою всѣхъ и все, установивши союзъ вѣрности къ королю со стороны его вельможъ, служащихъ (ministerialen), корпорацій, и союзы въ вѣрности къ этимъ вассаламъ со стороны ихъ подчиненныхъ. Отсюда постепенное расширеніе ленныхъ отпошеній, постепенное увеличеніе власти вассала надъ лицами, ему подчиненными; отсюда возрастающая тяжесть и давленіе сверху на все населеніе; отсюда необходимость уступать силѣ и во владѣніи и въ личной независимости; отсюда рѣзкая противоположность въ обществѣ, состоящая въ значительномъ развитіи рабства, при личной собственности, на западѣ Европы [4]). От-

1) Eichhorn's Deuts. Staats-Rechts-Gesch., I, 60 и слѣд. Aelteste Verfassung. Мауреръ, Ландау и др. особ. у Эйхгорна объ Gesammtbürgschaft, 90—92. Rossbach's Geschichte der Polit. Oeconomie, 146—153. Wirth's Grundzüge, 88.

2) Эйхгорна, I, 314. 465, 466.

3) Эйхгорнъ, I, 601, 602 стр. Guisot, въ его «Исторіи Цивилизаціи,» предполагаетъ это явленіе еще раньше, съ самаго начала Бенефицій, см. его вторую лекцію въ IV томѣ. — Ср. Raumer's Geschichte der Hohenstaufen, V сначала.

4) Эйхгорнъ, I, 673—703, до 826. Несвобода и рабство были извѣстны и прежде, по Шреккенштейну, стр. 6 и слѣд.; и онъ на-

сюда же вытекала для всякаго свободнаго лица необходимость, составлять союзы, корпораціи, гильдіи, съ цѣлію сохранить имущество и личность [1]). Такъ произошло противоположеніе и потомъ нескончаемая борьба между леннымъ, политическимъ союзомъ, который ставилъ себя на мѣсто союза общаго, государственнаго, и между народнымъ союзомъ, являвшимся въ формѣ сословій, корпорацій, общинъ. Ленный союзъ принялъ на себя дѣло политики, войны и мира, устройства и управленія; а народный союзъ, общины, стали дѣятелями общественнаго права, какъ частныя лица были дѣятелями этого права, въ древности. — И потому въ исторіи нашего права, общества Среднихъ вѣковъ составляютъ вторую степень развитія, степень общинности, воплотившейся въ разнообразныхъ сословіяхъ и корпораціяхъ народа. Отличаемъ тутъ классъ правительственный — феодальныхъ владѣльцевъ, и классъ подчиненный, состоявшій почти изъ всего народа; сословіе духовное и населеніе свѣтское; землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ; купцевъ и ремесленниковъ; цѣхи медиковъ и аптекарей, даже гильдіи особъ благотворительныхъ, Elendsgilden.

По причинѣ преимущественной дѣятельности общинъ и сословій, въ Средніе вѣки, мы не встрѣчаемъ въ эту эпоху почти никакихъ государственныхъ законовъ, равно какъ никакого государственнаго управленія по дѣламъ и вопросамъ общественнаго права. Между тѣмъ, по причинѣ особаго развитія личныхъ потребностей и интересовъ, и обращенія ихъ въ потребности и интересы общинъ и корпорацій, повсюду видимъ общественную дѣятельность самую разнообразную и самую живую, въ этомъ отношеніи. И, въ общинномъ бытѣ, легко находимъ и степень развитія вопросовъ средневѣковаго

ходитъ ихъ in Urzuständen Deutschlands. Но древнѣйшее рабство не могло быть такъ обширно и тяжко, и не могло такъ скоро появляться, при каждомъ поводѣ. См. «Судьбы Италіи,» Кудрявцева, 1850, Москва, стр 294; Аполлинарій Сидоній Ешевскаго, 48—50. Rossbach's Geschichte 153—157.—О торговлѣ рабами, на западѣ Европы, Гюльмана Staedtewesen, I, 78—89.

1) Противоположное мнѣніе у Шреккенштейна 110—114.

общественнаго права, и характеръ рѣшенія, сообщеннаго этимъ вопросамъ, въ средніе вѣки, и способъ управленія дѣлами или производство. Начнемъ съ путей сообщенія.

Въ Средніе вѣки, на западѣ Европы, дороги являются въ двухъ видахъ; однѣ изъ нихъ суть военныя, hohe Heerstrassen, правительственныя, какъ viae publicae Рима; другія собственно общественныя, такъ называемыя Geleitsstrassen, конвойныя [1]), которыя переходятъ изъ области государственнаго права въ область народныхъ интересовъ и потребностей общежитія. Но, по господству частнаго поземельнаго права, дороги общественныя не могутъ еще вполнѣ развиться въ объектъ общественнаго права. Есть у населенія пути по водѣ и дороги по сушѣ, между городами, селами, общинами; но, какъ эти воды и эта суша находятся въ частномъ владѣніи, то проѣздъ по водѣ и по землѣ подвергается разнообразнымъ ограниченіямъ. Хозяева земли и воды берутъ съ проходящаго и съ проѣзжающаго произвольные поборы, которые видимо опираются на ихъ право собственности, и на дѣлѣ равняются воспрещенію проѣзда. Право перегрузки (Niederlagsrecht), по которому тамъ или здѣсь товары должно было перегружать, сдавая туземному купцу, для дальнѣйшаго отправленія; право *складки* (Stapelrecht mit Vorkaufsresht), по которому товары должно было представлять даже противъ воли на продажу въ извѣстномъ мѣстѣ; *право мытовъ* (Mauthsrecht) и поборовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *конвоевъ* (Geleitsrecht); все это дѣйствовало совершенно одинаково съ отсутствіемъ путей сообщенія [2]). Кто не хотѣлъ платить, подвергался ограбленію; кто не хотѣлъ быть ограбленнымъ, долженъ былъ брать конвой, или лучше платить, что̀ потребуютъ. Правда, отсюда вышли возможныя улучшенія, въ техническомъ отно-

[1]) Meinert's Grundsätze des im Königreiche Sachsen geltenden öffentl. Strassenbaurechts, 1844, Leipz. Raumers Gesch. der Hohenst. VI, стран. 573: Die Landstrasse, собственно дорога должна имѣть 8 фут., а Fussweg, дорожка для пѣшехода, 3 фута въ ширину.

[2]) Hüllmann's Städtewes. особ. I, 186, 187—189; 197, и другія мѣста. Conduit, во Франціи, по Guisot, IV, 2 лекц. Wirths Grundzüge, 90.

шеніи, — для дорогъ военныхъ, по принадлежности ихъ къ государственному управленію, равно какъ для конвойныхъ, по причинѣ богатыхъ сборовъ; такъ что часто упоминаемые съ XV в. искусственные пути сообщенія уже встрѣчаются съ 1080 г. въ Нидерландахъ, напр. въ формѣ каменныхъ мостовъ, а съ 1140 г. въ родѣ шоссе или мостовыхъ, напр. въ Брабантѣ [1]). Но правда и то, что общія жалобы на дороги слышались напр. въ Нѣмецкой имперіи до конца прошлаго столѣтія [2]).

Почты Среднихъ вѣковъ имѣли такъ же исключительный характеръ, съ значеніемъ учрежденій общинныхъ, корпоративныхъ. Различныя общины заводили почтовыя установленія, но только для своихъ нуждъ и своихъ потребностей. Такъ Парижскій Университетъ имѣлъ почты, для облегченія сношеній между слушателями, преподавателями и ихъ родными. Ганза содержала гонебныя обсылки между различными городами, входившими въ составъ союза, отъ Риги до Амстердама, чрезъ Кенигсбергъ, Штетинъ, Гамбургъ. Прусскій Нѣмецкій Орденъ имѣлъ также почтовыя установленія. Но вся остальная масса народа была исключена изъ права пользованія этими установленіями; почты не были общенароднымъ учрежденіемъ въ теченіе Среднихъ вѣковъ; а къ концу Средней Исторіи почты, напр. Людовика XI, содѣлались, и по закону, исключительно правительственнымъ дѣломъ [3]).

Переходя къ вопросу о промышленности, можно сказать, что она была такъ же не народнымъ дѣломъ, въ Средніе вѣки, а исключительнымъ достояніемъ извѣстныхъ классовъ и сословій, совершенно замкнутыхъ и обособленныхъ. Стѣны городовъ отдѣляли два рода населенія и два рода промысловъ, сельскій и городской, которые, говоря вообще, не смѣшивались и не соединялись. Сельская промышленность находилась въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые одни имѣли

1) Hüllmann, IV, 35—39.

2) Berg's Handbuch des deuts. Polizeyrechts, III, 545, и слѣд.

3) Rotteck's u. Welcker's Staats — lexicon, sub v. Post; De la Mare, IV, 552. Регламентъ Людов. XI, 1464; Article VI, à peine de la vie, воспрещена частнымъ лицамъ ѣзда на почтовыхъ.

право поземельнаго владѣнія, и земледѣльцевъ, для которыхъ выходъ въ другое сословіе былъ почти невозможенъ. Успѣхи этой дѣятельности были условлены не столько развитіемъ другихъ родовъ промышленности, сколько положеніемъ поземельнаго права, и состояніемъ земледѣльцевъ. Въ началѣ Средней Исторіи, въ началѣ утвержденія ленной системы, земля находилась подъ вліяніемъ государственнаго права, какъ и въ древности. За извѣстную службу, давалось владѣніе землею; по мѣрѣ службы, усвоялось пользованіе; лично принадлежала земля въ обладаніе, и, естественно, безъ возможности для владѣльца, улучшить и развить производительность, на свой счетъ, собственнымъ умомъ, собственнымъ трудомъ, собственнымъ капиталомъ. Земля обработывалась и воздѣлывалась трудомъ несвободнымъ, и промышленность сельская находилась въ рукахъ разнообразныхъ несвободныхъ классовъ, какъ въ Спартѣ, въ рукахъ илотовъ, или въ Римѣ, въ рукахъ рабовъ и колоновъ. Сельское хозяйство шло плохо, по всѣмъ причинамъ, до тѣхъ поръ, пока, съ наслѣдственностію леновъ, да съ эманципаціею сельскаго населенія, владѣльцы земли не бросили городовъ и дворцовъ, и не поселились на своихъ земляхъ, занявшись хлѣбопашествомъ и земледѣліемъ; и пока свободные земледѣльцы не привязались къ почвѣ собственными интересами, нашедши въ работѣ собственную выгоду, и обратившись въ наслѣдственныхъ арендаторовъ, Erbpächter [1]). Что стало появляться особенно съ XII и XIII вѣка, съ одной стороны, вслѣдствіе различныхъ вліяній отъ крестовыхъ походовъ, а съ другой, по причинѣ заимствованій, сдѣланныхъ Европейцами у Арабовъ востока и Мавровъ Испаніи, на пользу своего сельскаго хозяйства. Не городамъ и ихъ промысламъ обязана почва Европы ея разработкой, а сельское хозяйство его развитіемъ [2]); за то и городская промышленность не много нашла помощи со стороны сельской.

1) Staedtewes., I, 1 и слѣд. Rossbach's Geschichte, 145. Raumer's Hohenstauf., V, 364 и слѣд.

2) Hüllmann, I, 20, слѣд. Rossbach, l. c. L'Institut, 1855, II sect. N 247, статья Моро де-Жонеса, Recherches sur la renaissance de l'industrie au

Городская промышленность вызываетъ къ дѣлу также особые классы, особыхъ дѣятелей и представителей, ремесленниковъ и торговцевъ, которые крѣпкими стѣнами и недоступными правами отдѣлились отъ остальнаго населенія. Да и между собою они установили средостѣнія, чрезъ которыя не легко было перешагнуть желавшему выйти изъ цѣха въ гильдію, или обратно, хотя, по видимому, все ихъ соединяло. Оба эти класса происходятъ вслѣдствіе недостатка въ землѣ и недоступности для нихъ земельнаго владѣнія; оба они принуждаются къ занятіямъ, для которыхъ требуется только свобода рукъ и движимое имущество; оба находятся въ одномъ мѣстѣ, оба имѣютъ однихъ друзей и однихъ враговъ. Гдѣ только позволяла мѣстность, у монастырей посѣщаемыхъ, у храмовъ, уважаемыхъ населеніемъ, у городскихъ воротъ, у пристани, у перевоза, ремесленникъ разлагалъ свой продуктъ, купецъ продавалъ свой товаръ. При выгодѣ мѣстности, сюда сходились другіе ремесленники и другіе купцы, селились тутъ вмѣстѣ, смыкались въ товарищества, образовали торги, мѣста, города, и основали средоточія ремесленной и торговой промышленности. Не смотря однако же на всѣ условія къ сближенію, городское населеніе постоянно въ борьбѣ то противъ древнихъ родовъ, то между собою, въ борьбѣ цѣховъ противъ гильдій. Цѣхи содѣйствовали тому качественному развитію ремеслъ, по которому онѣ стали приближаться къ искусствамъ; гильдіи помогали тому развитію торговли, по которому произошли знаменитые торговые домы, торговые союзы, цѣлыя городовыя могущественныя республики Венеціи, Генуи [1]). — Но до такой степени велико было разъединеніе классовъ, что оно выразилось въ разъединеніи промысловъ; успѣхи городской промышленности шли независимо отъ развитія сельской; торговля и мореплаваніе предупредили всякую другую дѣятельность; торговля внѣшняя развилась гораздо раньше внутрен-

moyen age, гдѣ объясняется вліяніе Мавровъ, крестов. походовъ и свободныхъ общинъ. Raumer, въ истор. Гогеншт., V, 371—401.

[1]) Rossbach, 163 — 175. Wirth, 91 и слѣд. Hüllmann, въ перв. двухъ томахъ своего Staedtewesen.

ней; ремесла славились особенно въ городахъ южной и западной Европы, тогда какъ торговля долго составляла преимущественную дѣятельность городовъ сѣверныхъ и восточныхъ, образовавшихъ впослѣдствіи торговый союзъ Ганзы.

Успѣхъ народной промышленности, въ Средніе вѣки, преимущественно зависѣлъ отъ корпоративнаго устройства личной свободы, отъ чего и выразился особенно въ качествѣ. А этотъ успѣхъ послужилъ условіемъ для постановленія и развитія другихъ вопросовъ общественнаго права. При общей дѣятельности и трудѣ, средневѣковыя общества уже не боялись чрезмѣрности населенія; напротивъ, сообразно ученію вѣры, и по требованію собственной пользы, онѣ старались о сохраненіи населенія и объ его умноженіи. Но самое главное состоитъ въ томъ, что въ этихъ обществахъ населеніе вызываетъ вниманіе не столько по своему количеству, сколько по своему качеству. Искали общины умноженія своихъ членовъ и своего населенія, но преимущественно старались объ его образованіи, дѣйствіемъ всѣхъ различныхъ установленій и особенно вліяніемъ церкви. Духовная дѣятельность народа становилась на первомъ планѣ, и, въ ея развитіи, средневѣковая церковь создала себѣ величавый, неизмѣнный, вѣчный памятникъ. Не столько государства содѣйствовали воспитанію историческихъ народовъ древности; сколько церковь совершала воспитаніе народовъ среднихъ вѣковъ [1]). — Не намъ входить во всѣ подробности этого дѣла; скажемъ только, что западъ обязанъ церкви своимъ первоначальнымъ образованіемъ и умственнымъ и нравственно-религіознымъ. Что до умственнаго, въ какой бы формѣ оно ни началось въ средніе вѣки; по безконечности содержанія, оно должно было идти къ безконечному развитію. Такъ съ VIII и IX вѣковъ государи и особенно церковь и городскія общины вводятъ школы для чтенія и письма, и для образованія служителей вѣры и церкви; скоро за тѣмъ появляются школы внутри и внѣ монастырей, съ болѣе широкимъ образованіемъ, куда входило преподаваніе грамматики, риторики, діалектики, т. н. tri-

1) Hüllmann, IV, 292 и слѣд.

vium, Dreygang, и математики, землемѣрія, астрономіи и пѣнія, т. н. quadrivium, Viergang [1]). Но и на этомъ не могло остановиться образованіе, основанное на широкомъ взглядѣ на природу и человѣка, съ точки зрѣнія христіанства; и скоро открылись въ нѣкоторытъ городахъ факультеты и университеты [2]), которые послужили впослѣдствіи соединительнымъ звѣномъ между разработкою науки, въ академіяхъ, и ея распространеніемъ, посредствомъ университетовъ, гимназій, и школъ городскихъ и сельскихъ. Наука и знаніе очевидно выигрывали въ объемѣ и въ глубинѣ; только, оставаясь достояніемъ нѣкоторыхъ классовъ и даже одного класса, наука и знаніе не дѣлались народными, ни по языку ненаціональному, ни по направленію, то исключительно богословскому, то отвлеченному и даже мистическому. Государства только впослѣдствіи, только протестанскія, только на сѣверѣ Германіи вмѣшались въ дѣло, и открыли науку и знаніе для всего народа, и въ этомъ смыслѣ содѣлали ихъ практическими [3]). Въ Германіи только со времени Лютера и его перевода Библіи на нѣмецкій языкъ, образованіе проникаетъ въ хижины, и наука становится поприщемъ для всѣхъ силъ и всѣхъ способностей народнаго, человѣческаго духа [4]).

Что до образованія нравственно-религіознаго, слѣды его видимъ повсюду въ законодательствахъ Средней Исторіи. Стóитъ припомнить то вліяніе, которое имѣло на общество

1) Raumer, VI, 437—504. Fr. Thiersch über gelehrt. Schulen, I, 39, 40. Guisot, Histoire de la civilisat. en France, II, 16 лекція, стр. 116 и слѣд., 17 лекц. и 18. О состояніи литератруры съ VI вѣк. — III, leç. 28, 29.

2) Раумера „Исторія Гогенштауф." VI, 450 и слѣд. см. предъидущее замѣчаніе'

3) Григорій VII доказывалъ, что неблагоразумно распространять самую Библію. Раумеръ, Гогенштауф., VI, стр. 248, 249.

4) Raumer's Geschichte Europ. seit dem Ende des funfzehnt. Iahrhund. I, 340, замѣч. 3: Auch nahm die Zahl der des Lésen Kundigen im Volke erst zu, als etwas (Библія!), ganz allgemein Ansprechendes zu lesen da war.

Каноническое право [1]), равно какъ многочисленность постановленій противъ всякаго проявленія безнравственности, начиная съ употребленія словъ и звуковъ до пищи, одежды, образа жизни. Божба и неподобныя выраженія запрещались подъ страхомъ денежнаго штрафа, тюремнаго заключенія, или уголовнаго наказанія, состоявшаго въ накалываніи, а иногда даже вырѣзываніи языка и губъ. Противъ разврата были принимаемы разнообразныя мѣры, состоявшія или въ отличеніи непотребныхъ женщинъ внѣшними знаками на одеждѣ; или въ воспрещеніи являться имъ предъ глазами общества, напр. на улицахъ, и въ извѣстное время; или въ осужденіи ихъ на изгнаніе изъ города, или въ образованіи особеннаго союза изъ благотворительныхъ лицъ, которыя имѣли цѣлію исправить непотребныхъ. За играми, увеселеніями и времяпровожденіемъ населенія былъ такъ же установляемъ надзоръ, вслѣдствіе котораго отовсюду гнали скомороховъ и преслѣдовали азартныя игры, дозволяя только такъ называемыя коммерческія, въ карты, въ шахматы, и т. п. Пиры, обѣды, издержки, вообще роскошь такъ же не оставались безъ вліянія. Кёльнскій Магистратъ обыкновенно обнародывалъ карту кушанья, которое готовили для его торжественныхъ обѣдовъ, и которое состояло изъ слѣдующихъ блюдъ: 1, изъ говядины, ветчины, или колбасы, съ зеленью, — 2, изъ куръ и гусей, и 3, изъ дессерта, орѣховъ, масла, сыру. При чемъ магистратъ усиливался собственнымъ примѣромъ, а не законами о роскоши, какъ въ Римѣ, убѣдить гражданъ не имѣть за столомъ ни больше перемѣнъ, ни дороже припасовъ и кушанья [2]).

Довольно, кажется, для убѣжденія, что средневѣковыя общества, въ видахъ установленія и развитія общественнаго права, коснулись всѣхъ сторонъ человѣческой жизни и всѣхъ вопросовъ этого права; намъ остается показать, что и въ дѣлѣ охраненія онѣ ни чего не выпускали изъ своего вниманія. — И въ городахъ средне-вѣковыхъ первоначально ча-

[1]) Walter's Lehrbuch des Kirchenrechts, Bonn. 1836, in, 8⁰, 665 — 687. Раумера „Гогенштауфены,“ VI, 239 и слѣд.

[2]) Подробности у Hüllmann, IV, 134,—246,—259,—273 и т. д.

стные дома и зданія строились не прочно, крылись дранью, даже соломой, и подвергались опасности отъ огня и пожаровъ. Но тутъ мы уже находимъ распоряженія, имѣвшія въ виду сохранить отъ огня не только общественныя, но и частныя имущества, сначала посредствомъ предупрежденія, или предписаніемъ осторожнаго обращенія съ огнемъ, или узаконеніемъ постепенно болѣе прочнаго и разумнаго построенія, напр. изъ несгораемаго матеріала, по особеннымъ правиламъ, съ обезпеченіемъ проѣзда и т. д. Потомъ старались усилить мѣры пресѣченія, обязывая извѣстныя общины, корпораціи, цѣхи являться на пожаръ необходимо, обязательно, особенно тѣ изъ нихъ, которые сами работали при посредствѣ огня, или участвовали въ построеніи зданій, каковы пивовары, хлѣбники, кузнецы, плотники, кровельщики, каменщики [1]).

Еще болѣе заботливости встрѣчаемъ въ городахъ Средневѣковой Исторіи о сохраненіи народа, напр. о продовольствіи, которое вызывало, съ одной стороны, запасные магазины и запрещеніе вывоза, съ другой, мѣры противъ искусственной дороговизны и монополій, наконецъ противъ недобросовѣстности хлѣбныхъ торговцевъ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ, сообразно духу времени, виновныхъ подвергали особымъ наказаніямъ; такъ напр. мѣльника и хлѣбника, допустившихъ обманъ въ цѣнѣ или вѣсѣ своего товара, опускали въ болото въ корзинѣ, привязанной къ длинному шесту, что называлось in die Schnelle setzen, или всполаскивали, бросая въ воду, что называлось schupfen. Конечно, всѣ эти мѣры противъ огня и недорода имѣли мѣсто по городамъ, по однимъ городамъ, и не могли служить обезпеченіемъ для народнаго богатства или народнаго продовольствія; но не могли же онѣ оставаться безъ всякаго вліянія, и рано или поздо должны были вызвать государственныя и общественныя мѣры, съ такимъ же содержаніемъ. Такъ жизнь народа становится все болѣе и болѣе яснымъ интересомъ

[1]) Hüllmann, IV, 29 и слѣд.

[2]) Roscher, über den Kornhandel, 79, 87, 102. De la Mare II, 310—407; Hüllmann, IV, 76 и слѣд.

общества, и сохраненіе населенія—болѣе и болѣе обязательною задачею управленія. И потому врачеваніе или медицина изъ рабскаго занятія переходитъ въ свободное искусство, ars liberalis; врачи и аптекари изъ частнаго, домашняго установленія древнихъ вступаютъ въ кругъ общественныхъ лицъ и дѣятелей. Отсюда объясняется и количество и устройство и свойства медицинскихъ установленій.

Въ одномъ Миланѣ, къ исходу XIII в., насчитывали до 200 врачей, пользовавшихся довѣріемъ въ той же мѣрѣ, по выраженію одного историка, въ какой ихъ знанія были несовершенны [1]. Это общественное довѣріе поддерживалось особымъ устройствомъ медицинскаго вѣдомства, устройствомъ, по которому врачи и аптекари каждаго города составляли цѣхъ и корпорацію съ круговой порукою. Такъ, хотя каждый врачь долженъ былъ выдержать испытаніе въ университетѣ и, вступая въ званіе врача, долженъ былъ дать присягу въ совѣстливомъ исполненіи должности; но, желая поселиться въ извѣстномъ городѣ, для практики, сверхъ того онъ подвергался новому испытанію со стороны медицинской корпораціи города, и, какъ членъ врачебной корпораціи, подчинялся ея надзору и водительству. Корпорація отвѣчала за дѣйствіе врачей и аптекарей, и потому предписывала имъ общіе законы, напр. о томъ, что врачи должны помогать бѣднымъ за умѣренную плату, и лѣчить нищихъ безденежно; или что аптекари должны содержать медикаменты свѣжіе, приготовленные сообразно требованіямъ науки того времени; или что изъ аптекъ ядовъ продавать не должно, равно какъ поддѣлывать вина или даже горѣлку, Brantwein, о которой впервые упоминается во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1360.—Не смотря на все это, ограниченные въ своей дѣятельности стѣнами города, врачи не могли пріобрѣсти права на званіе людей народныхъ; медицина была не народнымъ дѣломъ, не народною наукою, а привиллегіей извѣстныхъ классовъ. И что̀ могли сдѣлать городскіе врачи, съ ихъ корпораціями, при всенародныхъ бѣдствіяхъ, при эпидеміяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, Черной смерти, которыхъ губитель-

[1]) Hüllmann, IV, 43 и слѣд.

ное вліяніе распространялось на весь народъ? Отсюда объясняется установленіе напр. карантиновъ, по средневѣковому способу—только въ городахъ и по городамъ, и потому безъ большой пользы. Способъ состоялъ въ томъ, что оцѣплялись и выгораживались изъ общей жизни домы, гдѣ зараза показалась, на цѣлые сорокъ дней, да и послѣ того жертвамъ болѣзни, спасеннымъ чудесно, безъ всякой человѣческой помощи, надолго воспрещалось всякое сообщеніе съ людьми [1]).

Таково же построеніе вопроса о бѣдныхъ, въ средніе вѣки, по Гюльману [2]). Не говоря о церковныхъ мѣрахъ на пользу бѣдныхъ, мы можемъ назвать множество установленій городскаго управленія. Такъ въ городахъ Германіи встрѣчаемъ Elendsgilden, или Calandsbrüderschaften, братства на пользу бѣдныхъ, носившія это названіе, по времени мѣсяца, когда имѣли собранія или засѣданія. Извѣстны были Seelfrauen, или сестры милосердія, посвящавшія себя благотворительности, и другія братства и общества. Но и эти общества и ихъ учрежденія напр. сиротскіе и воспитательные домы, больницы и лазареты сосредоточивали свою дѣятельность, въ однихъ городахъ, куда направлялись массы нуждающихся, отторгаясь отъ естественной среды, отъ народа, и приливая къ отдѣльнымъ пунктамъ населенія. Средства этихъ пунктовъ оказывались все болѣе и болѣе ничтожными, и часто, вмѣсто разумной, христіанской помощи, города принимали строгія мѣры противодѣйствія нищимъ, или должны были сносить странный видъ сборища въ нѣсколько сотъ человѣкъ, дѣтей, женщинъ, хромыхъ, слѣпыхъ, которые расхаживали по городу съ страннымъ крикомъ и шумомъ, для пробужденія отупѣвшаго состраданія въ частныхъ лицахъ.

Таковъ же наконецъ характеръ учрежденій, принятыхъ въ средніе вѣки, для обезпеченія общественныхъ интересовъ противъ частнаго, человѣческаго произвола. Самая трудная задача въ городахъ Средней исторіи состояла въ обезпеченіи личной безопасности, угрожаемой отовсюду господствомъ

1) De la Mare, I, 661.

2) Hüllmann, IV, 59 и далѣе.

кулачнаго права. Развитіе личности вело между прочимъ къ освященію самоуправства, и эта же личность должна была положить предѣлы и границы самоуправству [1]). Всего болѣе средствъ для этого было въ городахъ, но столько же тутъ было и препятствій. «Трудно было, говоритъ Гюльманъ, для древнихъ государствъ, сохранить порядокъ и тишину въ населеніи, полномъ страстей, остающемся безъ занятія, и никогда безъ оружія; но еще труднѣе было достигнуть этой цѣли въ городахъ Среднихъ вѣковъ, гдѣ такъ часто удавалось виновному быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и еще чаще, при посредствѣ слугъ и пріятелей, освобождаться отъ всякаго суда и расправы.» Назовемъ однакожъ отдѣльныя мѣры, изъ которыхъ первая состояла въ требованіи отъ каждаго, приходившаго или пріѣзжавшаго въ городъ, показанія, кто онъ, откуда прибылъ и зачѣмъ, на сколько времени и т. п. [2]). Другая мѣра заключалась въ усиліи, вывести изъ употребленія скрытное оружіе, кинжалы, пистолеты, ножи длинные и широкіе и т. п. Третья мѣра была механическая и состояла въ оцѣпленіи улицъ и переулковъ желѣзной цѣпью на всю ночь, съ извѣстнаго часу, который по мѣсту, гдѣ что̀ пили, назывался Bierglocke или Weinglocke, такъ что, когда пробьетъ урочный часъ, никто не смѣлъ появляться на улицѣ безъ фонаря, подъ страхомъ быть схваченнымъ и запертымъ до утра въ такъ называемой дурацкой клѣткѣ, Narrenhäuschen, сколоченной изъ досокъ на подобіе тѣхъ, въ которыхъ возятъ звѣрей въ наше время. Наконецъ порядокъ, заведенный въ Болоньѣ съ 1271, сдѣлался желаннымъ, но не легко достигаемымъ усовершенствованіемъ городской управы для всѣхъ другихъ городовъ Европы. Подеста Болоньи съумѣлъ расположить цѣхи къ участію въ поддержаніи порядка, и съ этой цѣлію образовалъ изъ нихъ

1) Освященіе самоуправства видимъ въ самыхъ законахъ государствъ Средней исторіи. См. напр. Etablissemens Св. Людовика, у Гизо, IV, 11-me leçon. Кулачное право было дѣйствит. правомъ. Hüllmann. IV, съ начала тома.

2) Сюда же должно отнести введеніе паспортовъ, въ Англіи, съ 1388 года. Mort. Eden, the state of the poor, London 1797, въ 3 томахъ, I, 42 и слѣд.

объѣзжихъ, раздѣленныхъ на три, такъ сказать, роты—*Ломбардцевъ*, имѣвшихъ красное знамя, съ изображенiемъ богини правосудiя съ мечемъ въ рукѣ,—*Лапчатыхъ*, von der Klaue, ходившихъ съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ красовался левъ съ мечемъ въ лапѣ, и *Орлиныхъ*, снабженныхъ бѣлымъ знаменемъ, имѣвшимъ на себѣ изображенiе краснаго орла. Цѣхи, принявшiе на себя эту должность, должны были ходить и ѣздить, по городу, охраняя порядокъ, и притомъ, подчиняясь уже не своему собрату, а особому чиновнику, мирному судьѣ, назначавшемуся отъ начальства. Сколько было желанiя у разныхъ властей завести у себя такой же порядокъ, видно изъ массы городовъ, куда оно проникало; а сколько борьбы встрѣчали они при этомъ намѣренiи, можно судить по времени, когда подобное установленiе содѣлалось болѣе общимъ, — а именно не раньше конца XIV и начала XV вѣка.

Изъ соображенiя всего, сказаннаго нами о средневѣковомъ обществѣ, ясно, что тутъ не было опущено ни одного вопроса, входящаго въ составъ общественнаго права, и что всѣ эти вопросы были порѣшены согласно человѣческому достоинству личности. Но порѣшенiе приняли на себя только извѣстныя общины, преимущественно города и нѣкоторыя сословiя; отъ чего произошли всѣ недостатки рѣшенiя. Вопросы не разсматривались въ ихъ отношенiи къ цѣлости народа, не имѣли значенiя народныхъ, общественныхъ, и рѣшенiе вышло ограниченнымъ, узкимъ. Просвѣщенiе не было народнымъ ни по языку, ни по предмету; промышленность не была дѣломъ народнымъ и правомъ цѣлаго населенiя; огражденiе богатства и личности отъ влiянiя природы и человѣка оставалось мѣрою мѣстною, и потому не достигавшею своей цѣли. Безконечное развитiе личнаго начала мѣшало даже полному развитiю личности, вызывая право силы, кулачное право, и потомъ его необходимое слѣдствiе — безмѣрное усиленiе централизацiи [1]).

[1]) Il Principe Макiавелли выражаетъ собою, какъ бы, потребность этой централизацiи, во что бы то ни стало.

Характеръ общественнаго права, въ новыхъ государствахъ запада.

Удалось ли полное развитіе общественнаго права государствамъ новымъ?—Припомнимъ, что для этого развитія нужно было не столько отрицаніе совершоннаго древностію и средними вѣками, сколько соединеніе результатовъ той и другой эпохи; и потому нужно было, чтобы усилія, употреблявшіяся въ Египтѣ для воздвиженія пирамидъ, были обращены на пользы народа,—чтобы личная свобода, развитая для гражданъ Греціи и Рима, содѣлалась достояніемъ прочаго населенія,—чтобы земля, принадлежавшая Фараонамъ или воинамъ, содѣлалась доступною вообще для трудящагося, — чтобы промышленность изъ преимущества того или другаго класса перешла въ право всего народа,—чтобы образованіе изъ-подъ спуда таинственности вышло на свѣтъ, приглашая весь свѣтъ къ участію въ просвѣщеніи,—вотъ задачи, предлежавшія новымъ государствамъ, для обсужденія и порѣшенія. Понятно, что онѣ не могли быть рѣшены легко, скоро, въ одинъ пріемъ. Тѣмъ болѣе, что зародышемъ для образованія новаго государства послужилъ преимущественно одинъ изъ элементовъ средневѣковаго общества; тѣмъ болѣе, что верховная власть сама воплотилась въ членахъ этого одного элемента общества, феодальныхъ господъ и владѣтелей; тѣмъ болѣе, что рожденіе и дальнѣйшее развитіе этой власти вели къ противоположеніямъ, въ государствѣ, между правительственнымъ и народнымъ, фискальнымъ и общественнымъ, политическимъ и человѣческимъ. Съ минуты же появленія этихъ противоположеній, въ государствахъ, возникаетъ борьба между противоположностями, борьба королевской власти противъ свѣтскихъ господъ, какъ при Людовикѣ XI,—борьба противъ церкви и ея владѣній, какъ со времени реформаціи,—борьба всего правительственнаго противъ народнаго наприм., при Карлѣ V, Генрихѣ VIII и Людовикахъ XIII, XIV.

Назовемъ, въ общихъ очертаніяхъ, событія, вызвавшія сказанныя положенія. Не станемъ распространяться при этомъ

о почтахъ Людовика XI или объ его борьбѣ противъ Герцоговъ Бургундіи, Бретани; не будемъ входить въ подробности той промышленной политики Карла V, которая уполномочила нѣкоторыхъ политико-экономовъ, проклинать его память [1]); пройдемъ молчаніемъ событія, сопровождавшія введеніе религіозной реформы, въ Англіи, гдѣ Генрихъ VIII дарилъ по монастырю каждой женщинѣ, умѣвшей приготовить хорошій пуддингъ [2]). Остановимся на Франціи, которой Гизо приписываетъ такое вліятельное значеніе въ Европѣ [3]), и разскажемъ нѣсколько случаевъ изъ XVII столѣтія, характеризующихъ взглядъ правительства Франціи на его отношенія къ народу [4]). Замѣтимъ при этомъ, что, хотя мы заимствуемъ событія изъ правленія Людовика XIV, но не считаемъ ихъ исключительнымъ продуктомъ его управленія. Министръ Генриха IV такъ же точно открываетъ свои Chambres ardentes, для повѣрки государственныхъ долговъ, какъ и министръ Людовика XIV заводитъ chambres de justice, для изслѣдованія происхожденія государственнаго долга; тамъ и здѣсь на страхъ и гибель государственныхъ кредиторовъ, съ цѣлію облегчить государство цѣною ограбленія частныхъ лицъ и фамилій [5]).

При Людовикѣ XIV встрѣчаемъ 1) эдиктъ отъ апрѣля 1667 года, котораго введеніе говоритъ и объ отеческой любви короля къ его подданнымъ, и объ сердечномъ желаніи оберегать слабѣйшихъ отъ угнѣтенія сильныхъ, и заключается волею Короля: «Nous voulons et Nous plait, чтобы, въ теченіе одного мѣсяца, всѣ прихожане и члены разныхъ общинъ вступили въ обладаніе своихъ недвижимыхъ имѣній, fonds, bois, terres, проданныхъ ими, или уступленныхъ кому бы то ни было, начиная съ 1620 года, уплативъ и возвра-

1) Wirth's Nationaloeconomie, 92, 93, 98, 99, 101 и 104.

2) Raumer's Geschichte seit d. Ende des XV Jahrh. II, 22 и слѣд.

3) Hist. d. la Civilisation, I, первая лекція.

4) См. De la Mare, I, 319, 551—560; 562, II, 68, 70, 164, 10, 11, 23, 59, 68—70, 104. 248—249, 631. Мы измѣнили только порядокъ, принятый Деламаромъ, въ его изложеніи, да сократили его изложеніе.

5) Raumer, тамъ же, II, 333—379 и слѣд. VI, 136 и слѣд.

тивъ пріобрѣтателямъ, въ продолженіи слѣдующихъ 10 лѣтъ, по равнымъ частямъ, первоначальную цѣну, le prix principal, не смотря ни на договоры, ни на сдѣлки, ни на судебные приговоры, non obstant tous contrats, transactions, arrêts, jugemens et autres choses, à ce contraires» т. е. не смотря на всю справедливость. Изъ этого эдикта естественно вытекалъ 2) регламентъ 1699 г. 31 августа, по которому Король воспретилъ «всякую торговлю хлѣбомъ de bleds, de seigles, d'avoine и т. д., тому, кто не испроситъ и не получитъ отъ извѣстныхъ властей дозволенія, не дастъ предъ ними присяги, и не соблюдетъ установленныхъ въ этомъ духѣ формальностей, подъ страхомъ конфискаціи всѣхъ запасовъ, изъ которыхъ треть идетъ въ пользу доносчика». Отсюда выходило 3) «запрещеніе купцамъ, торговцамъ, булочникамъ и т. п., покупать хлѣбъ внѣ Парижа за 10 миль въ окружности, и обязательство, подъ страхомъ конфискаціи, дѣлать свои закупки на площадяхъ Парижа и въ мѣстахъ, для того назначенныхъ». Отсюда слѣдовало 4) «запрещеніе для мельниковъ, самимъ у себя печь хлѣбы, даже для своего потребленія, равно какъ запрещеніе откармливать у себя свиней, птицу, и даже голубей, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія». Отсюда выходило далѣе 5) распоряженіе относительно цѣны и вѣса печенаго хлѣба и говядины, равно какъ правительственный надзоръ за продажею дровъ, сѣна, соломы, и т. д.

Не долженъ ли былъ такой примѣръ Великаго Короля послужить образцемъ для правительства Франціи и Парижа въ концѣ XVIII столѣтія, и освятить его право дѣйствовать такъ же произвольно во имя общественнаго блага и любви къ гражданамъ, хотя бы чрезъ то нарушались первыя начала справедливости?

А вотъ еще извѣстныя событія, характеризующія правительственную дѣятельность Короля, относительно народонаселенія вообще и его духовнаго благосостоянія. Кто женится въ 20 лѣтъ, до 25-ти лѣтняго возраста свободенъ отъ налоговъ; кто имѣетъ 10 или 12 дѣтей, освобождается отъ налоговъ, и получаетъ премію, город. житель въ 500, а дворянинъ въ 1,000 ливровъ. Заботясь о числѣ населенія, Король хлопоталъ и объ его спасеніи. Вѣрный преданіямъ по-

литики, которая преслѣдовала, съ Карла Великаго, или даже съ Кловиса, всѣ роды чародѣйства, магіи, чернокнижія и т. п. «бунтовавшія, по словамъ законовъ, воздухъ, производившія бури, ненастье, градъ, падежъ» и т. д. «подъ страхомъ сожженія живыми всѣхъ чародѣевъ и вѣдуновъ»; Людовикъ XIV издалъ эдиктъ, въ 1682, для установленія казней этимъ чародѣямъ, напр. такого рода: 1) всѣ эти лица изгоняются изъ предѣловъ Франціи; и 2) если впослѣдствіи кто будетъ заниматься чародѣйствомъ, будетъ наказанъ смертію. — Что стоило послѣ этого издать законы относительно янсенисма, и принять мѣры противъ *ложнаго* или *мнимоисправленнаго исповѣданія*, contre la Religion fausse, ou prétendue Réformée, какъ оно обозначается въ эдиктѣ Короля 1685 года, особенно во имя *спокойствія и тишины государства* и во имя *желанія, содѣйствовать укрѣпленію единства церкви?* Это знаменитый законъ Людовика XIV, которымъ уничтожается эдиктъ Нантскій и другіе правительственные торжественные акты, дѣлавшіе въ прежнее время нѣкоторыя уступки французскимъ подданнымъ протестантскаго исповѣданія, также разумѣется, во имя тишины и спокойствія государства. Эдиктъ 1685 былъ выполненъ строжайше, за исключеніемъ X ст., воспрещавшей выходъ за границу подданнымъ, лишеннымъ права исповѣдывать вѣру отцевъ; подданные выходили тысячами, наполнили собою Голландію, Пруссію, добрались до Россіи; впрочемъ все таки исполнивши одно изъ условій X статьи, не взявши съ собою своихъ имуществъ, и обогативши ими казну своего бывшаго отечества.

Такого рода чрезмѣрность вліянія западныхъ правительствъ на жизнь и бытъ народа должна была вызвать противодѣйствіе, и вызвала его сначала въ сферѣ экономическаго быта, въ формѣ оппозиціи меркантильной системѣ Кольбера, исключительному покровительству земледѣлія, по взгляду Сюлли, и финансовымъ мѣрамъ временъ XVII и XVIII вѣка. Изъ этой оппозиціи многоуправству образовалась цѣлая наука Политической экономіи, которая, съ своей стороны, сообщила особое направленіе всему юридическому ученію о правѣ общественномъ на западѣ Европы. Но эта оппозиція явилась уже впослѣдствіи; общій характеръ западнаго континента,

въ эпоху, когда Россія Петра Великаго должна была оттуда дѣлать свои заимствованія, опредѣлялся кодексами, регламентами, эдиктами, въ родѣ указанныхъ законовъ Людовика XIV [1]). Переходя къ нашему отечеству, мы можемъ послѣ сказаннаго утверждать, что заимствованія въ такую эпоху могли быть часто въ ущербъ собственному богатству въ началахъ общественнаго права.

[1]) Raumer's Gesch. Europa's, VIII, 109 — 161. «Тюрго» Г. Муравьева, 1858. Москва.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА.

ПЕРІОДЪ I.

До русской правды.

Соображая историческія явленія, замѣченныя нами у разныхъ народовъ и въ разныхъ вѣкахъ, мы можемъ сказать, что народы одарены, какъ бы, врожденными идеями, которыя однѣ объясняютъ сначала до конца ихъ духъ, направленія, судьбы. Народамъ доступны всѣ идеи; но каждый народъ находится подъ вліяніемъ своей особой идеи, подобно тому, какъ отдѣльныя лица состоятъ подъ водительствомъ своихъ особыхъ личныхъ воззрѣній, убѣжденій, страстей. Часто не открываемъ мы врожденныхъ идей, началъ и понятій въ отдѣльныхъ лицахъ; за то постоянно встрѣчаемся съ ними въ быту народовъ, гдѣ онѣ составляютъ зерно для будущаго развитія народа, задачу для его существованія, красную нитку въ его исторіи. Іудеи, Греки, Римляне, Германцы и Словяне имѣютъ такія руководительныя нити въ ихъ исторіи. Безъ этихъ нитей или идей невозможна ихъ исторія; безъ этихъ первичныхъ началъ вообще не мыслима исторія, которая, какъ жизнь, состоитъ въ движеніи, и для которой, какъ для движенія, необходимо постоянное существо, съ его постояннымъ характеромъ и съ его однороднымъ направленіемъ. Это составляетъ аксіому въ исторіи народовъ, и аксіому, которою все объясняется, но которая сама не подлежитъ объясненію. Обращаясь съ вопросомъ объ этомъ существѣ, объ его свойствѣ, направленіи и дѣятельности, къ исторіи нашего отечества; послѣ долгихъ и разностороннихъ изысканій, мы приходимъ къ заключенію, что отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его исторіи, состоитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины, и постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все, при посредствѣ общины. Съ изслѣдованія объ этой общинности и объ ея отношеніи къ личности, какъ съ условія всей русской особенности, начинаемъ исторію русскаго общественнаго права.

Древнѣйшая Русская семья и Община.

Кто видѣлъ въ Россіи только Петербургъ да Москву, можетъ сравнивать ихъ съ чѣмъ угодно, можетъ сравнивать ихъ съ Римомъ и Аѳинами, Берлиномъ и Вѣной, Парижемъ и Лондономъ; но кто выѣзжалъ за предѣлы русскихъ столицъ, и осматривалъ хоть два-три губернскихъ, да нѣсколько уѣздныхъ городовъ, тотъ найдетъ все отличіе Россіи отъ древнихъ и новыхъ государствъ, и согласится, что русскіе города болѣе или менѣе большія села, а русскія села—значительныя общины, невиданныя на западѣ. Россія — деревня, какъ выразился Поэтъ, и сельское, деревенское составляетъ характеръ Россіи, какъ общинность и земщина — характеръ русской деревни. Для доказательства, какъ общинность господствуетъ въ современной Россіи, довольно бѣглаго знакомства съ извѣстнымъ сочиненіемъ Гакстгаузена; для убѣжденія въ общинности Руси XVII и XVI вѣковъ, достаточно прочесть нѣсколько листовъ изъ «Актовъ Юридическихъ» или «Актовъ, касающихся до Юридическаго быта древней Россіи;» въ пользу же общинности, со временъ древнѣйшихъ, говорятъ наши акты и лѣтописи, съ первыхъ историческихъ извѣстій о Руси. Наконецъ общинность, какъ исходный пунктъ нашей исторіи, доказывается высшимъ закономъ всей исторіи, которая всегда и вездѣ начинается общимъ, потомъ переходитъ къ образованію частнаго, и состоитъ въ движеніи общности къ частности и въ возвращеніи частности къ общности, откуда происходятъ раздѣленія исторіи на древнюю, среднюю и новую [1]). И противоположная школа отечественной исторической литературы начинаетъ русскую исторію съ общаго—съ родоваго союза и быта; только ея общее не состоятельно, какъ основаніе для объясненія, и не вѣрно, какъ историческое событіе.

[1]) Основаніе дѣленія имѣетъ значеніе во всякой исторіи; вездѣ началомъ служитъ компактное единство, выработывающее разрозненность личности, которая наконецъ стремится къ новому единству.

Иноземцы дали поводъ, ошибочно предполагать, въ древней Россіи, господство родоваго быта, потому что рѣдкій изъ нихъ вступалъ въ область изъисканій, по части русскихъ древностей, съ искреннимъ и запасливымъ познаніями желаніемъ, узнать дѣйствительный бытъ нашего отечества; напротивъ почти всѣ они не ясно понимали, часто не хотѣли понять Россію, пиша о ней одни по слухамъ невѣрнымъ и отдаленнымъ, другіе по бѣглому знакомству со внѣшностію Руси, не многіе по актамъ и лѣтописямъ, которыхъ выраженія принимали въ буквальномъ, лексическомъ значеніи. Живое, истинно-русское вполнѣ понятно только Русскому, какъ французское—Французу и нѣмецкое—Нѣмцу. Вымретъ народъ, какъ древніе Греки и Римляне, образуется трупъ для разсѣченія и мертвый предметъ для изслѣдованія; тогда онъ содѣлается доступнымъ для всякаго отвлеченнаго пониманія. Наши лѣтописи и акты для Русскаго, связаннаго жизнію съ живымъ народомъ, составляютъ единственный источникъ познанія Россіи.

Лѣтопись наша кратка, суха и скупа на картинныя изображенія личностей. Одни Святые имѣютъ житія; для однихъ государей возможны біографіи; всѣ остальныя лица вводятся въ лѣтопись, какъ въ судилище, для положенія приговора объ ихъ дѣйствіяхъ. Но въ этомъ высказывается значеніе нашей лѣтописи, которая признаетъ дѣятелями Русской исторіи не отдѣльныя лица, не частныя личности, съ ихъ кровію и плотію, а цѣлый народъ. И объ немъ-то и объ его судьбахъ повѣствуетъ наша лѣтопись, начинающаяся вопросомъ, *откуда есть пошла Русская земля*, и продолжающаяся отвѣтомъ, твердо направленнымъ къ этой задачѣ, объясняющимъ происхожденіе народа отъ Іафета, поселеніе его въ предѣлахъ теперешней Россіи, посѣщеніе народа Апостоломъ Андреемъ, сохраненіе въ народѣ единства языка и мысли объ однородности, при всемъ его разселеніи, и т. д.

Наши юридическіе акты и памятники отличаются неопредѣленностію извѣстій о государственномъ устройствѣ и частномъ юридическомъ бытѣ. Но это самое говоритъ въ пользу общиннаго устройства, которое, не воплощаясь въ отдѣльные, личные органы, не требуетъ буквальной обязательно-

сти, не терпитъ формальныхъ актовъ, и поддерживается живымъ участіемъ народа и всегдашнимъ его присутствіемъ предъ судьбами государства и предъ дѣятельностію всякой личности. Народъ приглашаетъ Варяжскихъ Князей и передаетъ имъ власть надъ собою въ общихъ выраженіяхъ, владѣть и княжить, предоставляя дальнѣйшему развитію жизни точное опредѣленіе державной власти. Вѣча, встрѣчаемые въ Новгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Ростовѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, ясно показываютъ присутствіе земскаго начала въ созданіи древняго русскаго общественнаго наряда. Вѣча, въ городахъ, какъ мірскія сходки, въ селахъ, и какъ земскіе соборы, въ столицѣ, суть явленія общинности.—Были явленія, была причина. Что же мы знаемъ объ этой общинности, съ древнѣйшихъ временъ?

Начнемъ съ вѣроятнаго способа ея происхожденія, воспользовавшись извѣстными, доказанными особенностями жизни нашихъ предковъ. Давно замѣчено, что русскій народъ вступаетъ въ историческую или общественную жизнь совершенно не такъ, какъ начали свою историческую жизнь народы древности, напр. Спартанцы, Аѳиняне, Римляне, или народы Среднихъ вѣковъ, напр. Готы, Франки, Англо-Саксы и т. п. Въ древности, народъ является на сцену исторіи, какъ на поле битвы, раздѣленный, по крайней мѣрѣ, на два враждебныхъ стана—богатыхъ и бѣдныхъ, кредиторовъ и должниковъ, патриціевъ и плебеевъ, и требуетъ отъ законодателя замиренія своихъ противоположностей, или, посредствомъ одновременнаго акта—напр. уничтоженія права кредиторовъ и вообще исковъ, или, посредствомъ постояннаго и постепеннаго уравненія старѣйшихъ классовъ до младшихъ. Въ Средніе вѣки, варвары выходятъ на сцену исторіи такъ же во всеоружіи, съ битвою и враждою, отнимая, порабощая и завладѣвая, и опять вынуждаютъ у законодателя принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ къ соединенію въ одинъ народъ покоренныхъ, порабощенныхъ и побѣдителей. Русскій народъ не зналъ такой внутренней борьбы, которая составляла бы задачу его исторіи; русскій народъ мирно и самъ собою выработывалъ свое народное единство. Это единство русскаго народа, вызванное и условленное однородностію его проис-

хожденія, одинаковостію его языка, сходствомъ обычаевъ, вѣрованій, образа жизни, служитъ основою всей его исторіи. Оно объясняетъ для насъ и скорость образованія изъ Руси одного политическаго цѣлаго, съ акта призванія перваго Князя,—и быстроту обращенія въ христіанство всего народа, со дня его крещенія въ водахъ днѣпровскихъ, въ виду Кіева, —и сознательное единство всей русской земли, именуемой уже при Ярославѣ отчиной и дѣдиной Княжескаго дома, — и сохраненіе Руси въ періодъ удѣловъ, равно какъ въ тяжкую годину татарскаго ига, — и успѣшность собирательной системы московскихъ князей, послужившей основою нынѣшнему Русскому царству. Предположеніе, которое имѣетъ за себя столько и такихъ важныхъ явленій народной жизни, или исторіи, имѣетъ всѣ права на достовѣрность. Единство русскаго народа должно быть аксіомою въ его исторіи.

Словяне, наши предки, перешедшіе въ предѣлы Россіи, конечно, еще на Дунаѣ, на первоначальномъ мѣстѣ своего поселенія, составляли единство этнографическое, по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ, равно какъ единство географическое, земское, по способу владѣнія, по образу жизни; въ Россіи, они только возобновляли старинный порядокъ, и возстановляли свое исконное существо. Оттѣсненный отъ Дуная Словенскій языкъ Нестора—наши предки, направляется къ сѣверу отъ родной рѣки съ тѣмъ, чтобы разойтись по обширнымъ пространствамъ восточной Европы, и занять собою всю теперешнюю Россію. Это расширеніе сулило ему разобщеніе, а это занятіе требовало постоянно счастливыхъ побѣдъ, или грозило ему совершеннымъ уничтоженіемъ. Словяне русскіе избѣжали того и другаго. Занятіе происходило общимъ движеніемъ, постепенно, шагъ за шагомъ, а не одновременнымъ дѣйствіемъ завоеванія, какъ на западѣ. Несторъ не говоритъ о войнахъ Словянъ съ туземцами; и мы должны принять, что занятіе земли совершилось безъ бою. Нельзя однакожъ предполагать, чтобы туземцы охотно уступали имъ свои лѣса и рѣки, уже получившія отъ нихъ названія, или дарили имъ свои земли, уже частію воздѣланныя и заселенныя. А безъ дара и войны, можно было занять Русь только

заселеніемъ, колонизаціею, только отвердѣніемъ поселенія на *дѣвственныхъ* земляхъ, которыя до занятія Словянами никому не принадлежали.

Такимъ путемъ русскій народъ только въ теченіи вѣковъ могъ занять Россію; но за то онъ занялъ ее безъ войны и боя, усиліемъ труда и ума, съ возможнымъ сохраненіемъ права, безъ раздраженія туземцевъ, постоянно сохраняя надъ ними свое моральное превосходство, легко претворяя ихъ въ свою народность, и на вѣки спасая собственное народное, общее единство, которое, съ своей стороны, въ соприкосновеніи съ мѣстомъ поселенія, съ землею, имѣло особыя послѣдствія для судьбы народа. Чувство и сознаніе о единствѣ народа необходимо рождали мысль и убѣжденіе объ единствѣ его земли, и не могли не имѣть вліянія на самое поземельное право. Тѣмъ болѣе, что не отдѣльныя лица, въ ихъ разрозненномъ состояніи, осѣлись на русской землѣ, и назвали тѣ или другія части ея своею личною собственностію; не роды, или семейства, съ ихъ родовою противоположностію и враждою, пріобрѣли владѣніе землею; а цѣлыя племена, или цѣлый народъ сталъ первый называть эту землю своею, русскою землею. Дѣвственныя земли состоятъ не изъ полей и луговъ, а изъ лѣсовъ и болотъ, воздѣланіе которыхъ требуетъ общихъ, совмѣстныхъ усилій. И, естественно, что мысль объ этомъ правѣ всего народа или племени, господствовавшаго въ извѣстномъ пространствѣ, ограничивала права отдѣльныхъ его родовъ, погостовъ, селеній, какъ права этихъ родовъ, погостовъ, селеній ограничивали владѣніе частныхъ лицъ и хозяевъ. Такъ союзъ, скрѣплявшій Словянъ въ этнографическое единство, долженъ былъ, въ соприкосновеніи съ почвою Руси, стѣснить и ограничить частную собственность, долженъ былъ родить общинное владѣніе въ землѣ Русской, долженъ былъ создать и развить общинную жизнь въ русскомъ народѣ, и превратить единство этнографическое въ земское—въ общинность, съ первой минуты осѣдлости.

Не знаемъ, когда наши предки, на Руси, не были осѣдлымъ народомъ; во времена Олега, Игоря, они ведутъ уже

несомнѣнно осѣдлый образъ жизни [1]). Кочеванье было, вѣроятно, случайнымъ и короткимъ періодомъ быта для русскихъ Словянъ, съ момента, на который намекаетъ Несторъ въ словахъ: розыдеся языкъ Словенскій. А осѣдлость состоитъ собственно въ опредѣленности пространства, занятаго опредѣленнымъ населеніемъ. Гдѣ есть предѣлы въ землѣ и населеніи, есть основаніе осѣдлости; гдѣ нѣтъ такихъ предѣловъ, нельзя говорить объ осѣдлости,—все впрочемъ равно, ведетъ ли населеніе прежнюю жизнь пастушескую, или уже занимается земледѣліемъ. Какъ же скоро опредѣленное населеніе занимаетъ опредѣленное пространство, это населеніе разсматриваетъ занятое пространство, какъ свою землю, а себя, какъ собственника и владѣльца земли; оно чувствуетъ себя чѣмъ-то отдѣльнымъ и цѣлымъ, округленнымъ и замкнутымъ, а каждое частное лицо своего состава существенно связаннымъ съ этимъ составомъ, и своимъ неотдѣлимымъ членомъ. По этому, дѣлая землю свою для всѣхъ посторонних недоступною, оно въ тоже время открываетъ ее для всѣхъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, которые такимъ образомъ получаютъ свои участки отъ общества, и, по мѣрѣ своей зависимости отъ владѣнія, чувствуютъ зависимость отъ общества. Такъ осѣдлыя поселенія, въ первую минуту появленія, уже господствуютъ надъ своею землею и надъ всѣми отдѣльными лицами поселенія. Это части народа, но самостоятельныя, по власти въ землѣ и лицахъ, съ правомъ распорядка на сушѣ и водѣ, и съ управленіемъ надъ всѣми лицами, принадлежащими къ мѣсту поселенія. Кто былъ въ этомъ мѣстѣ, могъ владѣть землею; кто дѣйствительно владѣлъ землею общины, имѣлъ права отъ нея и былъ обязанъ нести тяготы общины. Владѣвшіе въ землѣ общины, представляли общину, управляли ею и отвѣчали за нее. По мѣрѣ правъ, принадлежавшихъ членамъ, установлялись ихъ обязанности. Вотъ значеніе нашей древнѣйшей общины.

Но сторонники родоваго быта могутъ сказать, что «эти общины до осѣдлости могли быть въ связяхъ взаимныхъ, и

[1]) Записка Срезневскаго, въ Извѣст. Акад., по Отдѣлен. Русск. яз., за 1854 г.

даже по этимъ связямъ могли вмѣстѣ занять то или другое пространство. Эти связи могли быть родовыми, и, вѣроятно, сначала были преимущественно родственными; почему же не сохраниться имъ послѣ осѣдлости; почему и осѣдлому народу не жить въ бытѣ родовомъ, а должно было очутиться непремѣнно въ общинномъ?» — Народъ могъ осядаться на землѣ и семействами и родами; но, осѣвшись, долженъ былъ измѣнить всѣ свои прежнія отношенія. Въ прикосновеніи съ землею начинаются въ немъ новыя связи; родство, роды и другія отношенія теряютъ съ осѣдлостію прежнее значеніе; тутъ все опредѣляется владѣніемъ, и ничего родомъ; бытъ родовой необходимо замѣняется общиннымъ. Самъ по себѣ, родовой бытъ даже несовмѣстенъ съ осѣдлостію; самъ по себѣ, родовой бытъ несовмѣстенъ и съ гражданскимъ обществомъ [1]). Родъ связуется единствомъ крови и происхожденія, чувствомъ любви и взаимнаго расположенія, а съ понятіемъ о правѣ, о моемъ и твоемъ, о собственности, о личности ничего общаго не имѣетъ. Потому-то родъ и въ Русской Правдѣ не является дѣйствующимъ, даже въ юридическомъ отношеніи, не говоря о другихъ болѣе широкихъ, общественныхъ связяхъ. «Что же значитъ положеніе Правды: ежели убьетъ мужъ мужа, то право мести принадлежитъ за отца сыну, за сына отцу, за брата брату, за дядю племяннику?» Прежде всего повторимъ въ отвѣтъ то, что замѣчено всѣми: рѣчь здѣсь идетъ вовсе не о родовомъ дѣлѣ, не о родовой мести и не объ отношеніяхъ рода къ роду, но о правѣ отдѣльныхъ родственниковъ, и притомъ самыхъ ближайшихъ, составляющихъ одну семью, вообще о лицахъ, которыя съ потерею своего отца, своего сына, брата, дяди, теряютъ все, лишаются всего, и потому, естественно, имѣютъ личное право мстить за свою потерю, за свое лишеніе, за

[1]) Доказательства можно видѣть во всѣхъ сочиненіяхъ, написанныхъ, подъ вліяніемъ предположенія о господствѣ родоваго быта, въ древней Россіи; родъ вездѣ противополагается общественному и государственному быту, и представляется въ борьбѣ съ ними до такой степени, что гдѣ родъ, тамъ нѣтъ гражданскаго общества, нѣтъ государства.

себя самихъ. Какъ месть, такъ впослѣдствіи головничество и вира, или продажа, если она платилась, составляютъ право не рода, а извѣстныхъ физическихъ лицъ. Прибавимъ къ этому обратное положеніе, по которому месть, вира и головничество падаютъ на убійцу, иногда на вервь, но никогда на родъ его. Родъ не имѣетъ никакихъ обязанностей; за убійцу, принадлежащаго роду, скроется ли онъ, или будетъ скрытъ, родъ не отвѣчаетъ. Откуда ясно, что родъ, по статьямъ Правды, не имѣетъ ни права искать, ни обязанности отвѣчать, не знаетъ ни правъ, ни обязанностей, не есть юридическое понятіе, не есть общественное положеніе, не можетъ быть формою народнаго быта. Намъ могутъ возразить, что община и вервь, отвѣчающія за убійство или татьбу, также не имѣютъ права, по Русской Правдѣ, требовать мести или вознагражденія за своего убитаго члена: не имѣя права, она не должна нести обязанности, и не должна играть, въ нашихъ глазахъ, роли юридическаго установленія. Но это возраженіе занято изъ статей Правды и явленій времени, когда община уже не есть все; когда въ Руси уже существуютъ князья; когда верховная власть успѣла подчинить общину своему суду и своему управленію, и когда права общины были уже частію перенесены на князя, а ей остались однѣ обязанности. Напротивъ, сама по себѣ, до прихода князей, община, безъ сомнѣнія, получала виру и продажу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, при князьяхъ, она платила имъ эту виру и продажу. Что же это за община, откуда можно извлечь понятіе объ ней, какъ она дѣйствовала въ исторіи? Обратимся съ этими вопросами къ первому закону Руси, къ Русской Правдѣ.

Русская Правда знаетъ много названій для общинъ, вычисляя *міръ*, *людіе*, *село*, *торгъ*, *городъ*, *вервь*. Обратимъ вниманіе на общину, которая менѣе понятна по буквальному смыслу названія, но о которой столько уже было писано, въ историческихъ и юридическихъ изслѣдованіяхъ, именно на *вервь*. Обыкновенно говорятъ, что Русская Правда упоминаетъ о верви только въ двухъ-трехъ статьяхъ, только по поводу дикой виры, и что оттуда, по краткости извѣстія, ничего нельзя вывести положительнаго и опредѣленнаго. Но

Bayerische Staatsbibliothek München

замѣтимъ прежде всего, что Русская Правда говоритъ о верви почти во всѣхъ своихъ спискахъ, и что нѣтъ почти редакціи или списка, въ которыхъ были бы опущены статьи о верви. Русская Правда и вервь, какъ Русская Правда и вира, или продажа, суть понятія необходимо связанныя, явленія нераздѣльныя. И еслибы въ Русской Правдѣ осталось только одно слово вервь, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, да въ такой связи съ цѣлымъ духомъ Правды, то мы должны были бы искать, изслѣдывать, изобрѣтать объясненія для этого слова, а не опускать изъ виду или оставлять его безъ вниманія. Отъ познанія верви частію зависитъ пониманіе самой Правды, которая, вопреки обыкновенному мнѣнію, готова представить достаточныя объясненія для пониманія верви.

Принимая, что только двѣ-три статьи Правды, узаконяющія дикую виру, говорятъ или упоминаютъ о верви, мы лишаемъ себя возможности понять учрежденіе самой дикой виры; а доискиваясь до полнаго, необходимаго смысла этого установленія, убѣждаемся, что Правда заключаетъ довольно данныхъ для уразумѣнія самой верви. Двѣ-три статьи, на которыя обыкновенно ссылаются при этомъ, отличаются отъ многихъ другихъ, ведущихъ къ уразумѣнію и виры и верви, только тѣмъ, что говорятъ объ нихъ буквально, дѣлая слѣдующія распоряженія: «А иже убьють огнищанина въ разбои или убійца не ищуть, то вирное платити въ неи же вири (верви) голова начнетъ лежати.» Въ слѣдующей за симъ статьѣ такая вира называется *дикою*, а далѣе выражается мысль, что въ дикую виру, въ уплату ея, можно было *вложиться и не вложиться* [1]). И только. Читая эти статьи, невольно переходишь отъ вопроса къ вопросу, которыхъ рѣшенія должно искать въ той же Правдѣ. И вотъ путь, которымъ пришли мы къ убѣжденію совершенно противуположному, относительно количества и свойства статей Правды, говорящихъ о верви. Прежде всего раждается вопросъ: только ли за убійство огнищанина, о которомъ въ статьѣ именно говорится, платилась дикая вира? Другія статьи даютъ на это отвѣтъ отрицательный. Что значило убить въ разбоѣ;

[1]) LXXXVIII—XC, по Калачовскому полному изданію.

Bayerische Staatsbibliothek München

какому другому убійству это противополагалось? Изъ другихъ же статей видно, что убійство въ разбоѣ противополагалось убійству, совершенному явлено, въ пиру, въ свадѣ. За всякую ли голову платилась дикая вира? Русская Правда говоритъ, что эта вира сбиралась съ верви только за голову убитаго, которая ляжетъ въ верви, которой убійцы не отыщутъ, и которая извѣстна: ибо виры нѣтъ за мертвеца или за кости неизвѣстнаго человѣка. А что дѣлалось въ случаѣ убійства въ пиру, въ свадѣ? Тутъ установляется платежъ по *въръвиныпѣ*, или по *вервиннѣ*. И такъ о верви, даже въ этомъ одномъ дѣйствіи, при одномъ установленіи дикой виры, мы находимъ нѣсколько распоряженій и статей въ Русской Правдѣ. Присоединимъ къ этому, что о верви *буквально* упоминается еще въ статьяхъ о татьбѣ, которыя узаконяютъ *искать вора по верви въ собѣ*, и которыя, при изслѣдованіи ихъ смысла, ведутъ также къ заключенію, что вервь въ Русской Правдѣ обозначена многими статьями, со многихъ сторонъ. И такъ не двѣ-три, а много, по нашему, до 15 статей [1]) можно найти въ Русской Правдѣ, говорящихъ о верви положительно или отрицательно. Изучивши эти статьи, приходишь къ заключенію, что Правда представляетъ вервь не въ блѣдномъ намекѣ, а въ подробномъ описаніи, не гадательнымъ призракомъ, а живымъ существомъ, съ полною, отчетливою дѣятельностію. Какая же дѣятельность приписывается верви статьями Русской Правды? Собственно — юридическая, замѣченная всѣми; и съ нея мы начнемъ наше изложеніе.

При самомъ бѣгломъ, поверхностномъ чтеніи Правды, всякій чувствуетъ, что вервь изображается тамъ въ видѣ союза физическихъ лицъ, и въ формѣ ихъ соединенія въ юридическую личность. А, какъ юридическая личность, она можетъ имѣть дѣятельность преимущественно и главнымъ образомъ, при отсутствіи физическихъ лицъ, при ихъ неизвѣстности, въ помощь имъ и въ замѣнъ ихъ. Гдѣ же, въ какой сферѣ права возможна и нужна такая дѣятельность лица юридическаго? Извѣстно, что въ гражданскомъ правѣ почти

[1]) По Калач. изданію.

все лично; тамъ есть истецъ и отвѣтчикъ; тамъ неизвѣстности физическихъ лицъ не предполагается; и тамъ *прямо* не дѣйствуетъ вервь Русской Правды. Въ правѣ уголовномъ, въ дѣлахъ по личнымъ обидамъ, словомъ, дѣломъ, рукою, оружіемъ, также предполагается дѣятельность извѣстныхъ физическихъ лицъ; и здѣсь вервь не дѣйствуетъ *непосредственно.* Но въ томъ же уголовномъ правѣ есть явленія, которыхъ виновникъ скрытъ, какъ при татьбѣ и тайномъ убійствѣ; или жертва не можетъ быть истцемъ, какъ въ случаѣ разбоя; и тутъ-то преимущественно является вервь съ ея юридическою дѣятельностію. Но отсюда же ясно, что дѣло верви, какъ юридическаго лица, не можетъ ограничиваться вопросомъ о дикой вирѣ, но должно касаться всякаго юридическаго явленія, при которомъ нѣтъ лицъ физическихъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о правомъ и неправомъ. Разсмотримъ, въ доказательство, статьи Правды, касающіяся тѣхъ случаевъ убійства и татьбы, въ которыхъ узаконяется участіе верви.

Что *до убійства*, обратимъ вниманіе на слѣдующія три статьи:

1) Аще убьють огнищанина въ обиду, то заплатить зань 80 гривенъ убійци, *а людемъ не надобѣ* [1]).

2) Будеть ли сталъ на разбои, безъ всякой свады, *за разбойника людье не платять нъ выдадять и самаго всего и съ женою и съ дѣтьми* на потокъ, а на разграбленіе [2]).

3) Оже будеть убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено— *ему платити по вървиныњ* [3]) или *по вервинни.*

Простое чтеніе этихъ статей убѣждаетъ каждаго, что Правда различаетъ два рода убійства: одно—тайное, предпамѣренное или предъумышленное, безъ всякой свады, безъ вызова и повода со стороны убитаго,—въ обиду, въ разбоѣ; и другое—явное, безъ предварительнаго умысла, въ слѣдствіе спора, можетъ быть, драки, и въ пьяномъ состояніи, на пиру, предъ лицемъ общества. Кажется, разбой во вре-

1) LXXVI.
2) LXXI.
3) LXXXIX.

мена Правды *означалъ всякое умышленное убійство*, и судился особымъ способомъ, а именно: за тайное убійство, за разбой, въ этомъ смыслѣ, отвѣчалъ самъ виновный, одинъ виновный, присуждаемый или къ уплатѣ извѣстной виры, или къ выдачѣ князю на потокъ и разграбленіе. Тутъ люди не платятъ, плата съ нихъ *не надобѣ*, они свободны отъ суда и слѣдствія. Напротивъ, во второмъ случаѣ, при явномъ убійствѣ, неумышленномъ, совершенномъ въ виду людей, виновный платилъ *по вервинѣ*. Не выдавался онъ на потокъ и разграбленіе князю, а только платилъ, да и не одинъ, а съ людьми, по слѣдующему разсчету Правды. Самъ виновный платилъ сполна только *головничество*; въ уплатѣ же остальныхъ наприм. 40 гривенъ за огнищанина, и за другихъ по разсчету, ему помогали *люди*, *если онъ изъ дружины прикладывалъ вирою.* Люди, можно бы сказать, частію виновны предъ закономъ въ томъ, что допустили совершиться убійству, среди пира, въ обществѣ, явлено, предъ своими глазами; но этотъ платежъ со стороны людей имѣлъ мѣсто подъ условіемъ, если виновный самъ прикладывалъ изъ дружины къ уплатѣ виры. Слѣдовательно, не потому участвовали люди въ платежѣ по вървиньнѣ, что были, можетъ статься, невинными свидѣтелями убійства, а по особенной связи съ головникомъ; значитъ, не всегда платили тѣ люди, которые были на пиру, во время убійства, а часто присуждались къ платежу и такіе, которые могли не быть въ этомъ обществѣ, но были связаны съ головникомъ особымъ союзомъ. Этотъ союзъ въ Правдѣ называется вервиньней; признается закономъ; призывается къ отвѣту, въ случаѣ явнаго убійства, и, конечно, мы не можемъ отрицать его, встрѣчая выраженія въ Правдѣ: *людямъ не надобѣ*, — *людье не платятъ*,—*людіе помогаютъ*,—выраженія, которыя своимъ повтореніемъ доказываютъ, что союзъ былъ и частъ и общъ, и требовалъ законнаго установленія своихъ правъ и обязанностей. Къ числу правъ союза должно отнести то, что тайный убійца, совершившій предъумышленное убійство, лишался помощи союза, выходилъ изъ союза; союзъ отрекался отъ него, и, по закону, освобождался отъ всякой за него отвѣтственности. Къ числу обязанностей союза принадлежало то, что онъ помо-

галъ своему сочлену, совершившему незамышленное, непредънамѣренное убійство.

Существованіе подобнаго союза между людьми временъ Правды только яснѣе и осязательнѣе доказывается статьями о дикой вирѣ, которыя служатъ дополненіемъ къ установленію суда по тайному убійству. Мы уже знаемъ, что, при тайномъ убійствѣ, людіе не платятъ; но, если виновный скрылся отъ преслѣдованія, то платежъ падалъ на остальное общество.—«А иже убьють огнищанина въ разбои, или убійца не ищуть, то вирное платити въ неи же вири (верви) голова начнетъ лежати.» Эта вира, или уплата называется *дикою*, по статьѣ, въ которой установлена разсрочка для уплаты виры со стороны верви: «*колико лѣтъ заплатять ту виру*» [1]). Платежъ этой виры производился только тогда, когда было извѣстно лице убитаго, и доказано, что мертвый дѣйствительно убитъ, а не замерзъ, не растерзанъ звѣрями, не погибъ отъ случая: «*а по костемъ, или по мертвецихъ не платить виры, аже имене не вѣдають, ни знають его*» [2]). Дикая вира уплачивалась не за одного огнищанина, но за голову и княжа мужа и людина, простолюдина [3]). Эту виру собирали съ жителей верви особыя, къ тому назначенныя лица, называвшіяся вирниками, которые пріѣзжали въ вервь съ отрокомъ и метальникомъ, на нѣсколькихъ лошадяхъ. Эти вирники оставались въ верви, на счету верви, получая отъ нея все содержаніе [4]), до полнаго сбора, *дондеже виро зберутъ вирници*, и, сверхъ того, въ вознагражденіе за труды, особый доходъ, или *поконъ вирный*, составлявшій около $1/5$ части всего вирнаго сбора, а именно: при 80 гр. виры—16 гр., при 40 гр.—8 и т. д. [5]).

[1]) LXXXIX.

[2]) CXXI.

[3]) LXXXVIII—въ разныхъ спискахъ.

[4]) Содержаніе почти вдвое большее, чѣмъ мостника и городника.

[5]) XCI, CXXXVII. Вопросъ о величинѣ вирнаго покона опредѣляется словами послѣдней статьи: «аже будетъ вира въ 80 гр., то вирнику 16». — Да и XCI читается вѣрнѣе по списку, гдѣ вирнику не 60 гр., а 8: ибо простой здравый смыслъ не допускаетъ принять, чтобы *вирникъ получалъ сумму почти равную вирѣ*.

Такія распоряженія о дикой вирѣ не позволяютъ сомнѣваться въ существованіи особаго союза между жителями, по которому они составляютъ взаимную круговую поруку, и который технически называется въ Правдѣ вервію. Мы можемъ къ этому присоединить только замѣчаніе, что дѣятельность этого союза или верви, очевидно, не можетъ ограничиться одною дикою вирою, по самой теоріи этой виры, изложенной въ Правдѣ. Къ дѣятельности верви должно отнести все, что говорится *о людяхъ* и *мірѣ*, — все, что говорится *о вьрвиньнѣ*, — и все, что собственно приписывается *верви*. Люди, міръ и вервь суть различныя выраженія для одного и того же понятія. И въ самомъ дѣлѣ, обязанная выплачивать дикую виру, въ случаѣ неоткрытаго убійцы, естественно, вервь имѣла право и долгъ искать его и, нашедши, выдать на исправу; обязанная къ открытію и выдачѣ виновнаго, вервь, конечно, имѣла еще большую власть принуждать его къ уплатѣ, если онъ былъ состоятеленъ. Посему юридическую дѣятельность верви, на случай убійства, совершеннаго въ ея предѣлахъ, должно выразить тѣмъ, что вервь никогда не оставалась въ покоѣ, но отвѣчала за всякое убійство, тайное и явное. Такъ при тайномъ убійствѣ, когда виновный былъ *на-лицо*, она принуждала его къ уплатѣ виры, а, при несостоятельности, выдавала на потокъ князю; когда же убійца скрывался, она принимала на себя уплату виры, подъ названіемъ дикой. При явномъ же, совершенномъ безъ предварительнаго злаго умысла, вервь принуждала виновнаго къ уплатѣ, или помогала ему заплатить вирное, въ особомъ случаѣ, по расчету вервиньни.

Обращаясь къ вопросу *о татьбѣ*, мы также находимъ въ Русской Правдѣ различные способы производства по этому преступленію. Одинъ описанъ такъ: «а не будеть ли татя, то по слѣду женуть; — не будеть ли слѣда, погубять слѣдъ, не платити. — Будетъ ли слѣдъ къ селу или товару, а не отсочать отъ себе слѣда, и не ѣдуть на слѣдъ, или отобьются, тѣмъ платити и татьбу и продажю. — Слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи» [1]). Другой состоитъ въ

[1]) CXXX.

отысканіи украденнаго, при отсутствіи вора, *посредствомъ свода* [1]); а третій выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: «аже будеть розсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имь же ловлено или сѣть, то по вьрви искати въ собѣ татя, а любо платити продажа» [2]), — или: «аще кто украдеть бобръ или сѣть, или разламаеть борть, или посѣчеть древо на межи, то по верви искати татя въ себѣ, а платить продажа» [3]). Вникая въ смыслъ этихъ законныхъ опредѣленій, находимъ, что первый случай не представляетъ повода къ вопросу; у кого что украдено, тотъ имѣетъ право преслѣдовать вора по горячимъ слѣдамъ; дошедши по этимъ слѣдамъ до жилья, до товара, до села, истецъ имѣетъ право просить помощи для поимки вора; въ случаѣ, что жители ни слѣда не отвѣдутъ, ни помощи не окажутъ, или даже воспротивятся отысканію виновнаго, эти жители сами подлежатъ уплатѣ цѣны украденной вещи и пени, или продажѣ. Второй случай имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ нѣтъ слѣдовъ вора, или были слѣды, да потерялись; тутъ, по закону, истецъ имѣлъ власть искать украденнаго сводомъ, — но не всегда: ибо въ другой статьѣ предписывается, въ подобномъ случаѣ, искать татя *въ собѣ по верви.* Спрашивается, какое различіе существуетъ между этими послѣдними случаями? Для ясности и точности, изложимъ подробно правила того и другаго, по Русской Правдѣ, начиная со свода, который обозначенъ такъ:

1) Кто потеряетъ *коня*, *оружіе*, *порты*, дастъ о потерѣ знать міру, и потомъ встрѣтитъ свое въ своемъ міру, тотъ имѣетъ право взять *свое лицемъ;* и дѣло тѣмъ кончалось [4]).

2) Кто потеряетъ *коня, порты, скотину,* да не заявитъ или встрѣтитъ вещь свою не въ своемъ міру, тотъ не долженъ говорить: «се мое», а обязанъ итти *н асводъ*, «гдѣ еси взялъ; т. е. обязанъ, съ поличнымъ, или предметомъ спора въ рукахъ, слѣдовать за отвѣтчикомъ къ тому, отъ кого послѣд-

1) CXXIII—CXXVIII.

2) CXXIX, изъ Синодал. списка.

3) Таже ст., по другимъ спискамъ.

4) CXXIII.

ній пріобрѣлъ вещь; такимъ образомъ отвѣтчикъ отводитъ отъ себя вину, сложивъ на третьяго, который становится новымъ отвѣтчикомъ, идетъ далѣе, тѣмъ же способомъ, и наконецъ добираются до виновнаго, который все возвращаетъ и все платитъ [1]).

3) Если этотъ сводъ происходитъ въ чертѣ одного и того же города, то истецъ долженъ итти до конца свода; если же сводъ нужно вести *по землямъ*, то итти истцу до третьяго свода. Этотъ третій уплачивалъ истцу цѣну украденной вещи, а самъ бралъ ее къ себѣ, и съ этимъ поличнымъ шелъ далѣе до конца свода. Послѣ чего возвращалъ, разумѣется, вещь хозяину, и получалъ обратно свои куны [2]).

Слѣдующія статьи говорятъ тоже о сводѣ, относительно потеряннаго и уведеннаго челядина:

4) Кто терялъ челядина и объявлялъ о томъ міру, тотъ имѣлъ власть взять его лицемъ, при первой встрѣчѣ [3]).

5) Если не было заявлено о такой потерѣ, или хозяинъ встрѣчалъ своего челядина внѣ своего міра, то онъ долженъ былъ итти на сводъ до третьяго свода; третій уступалъ истцу собственнаго челядина, а съ рабомъ, составлявшимъ предметъ спора, шелъ до конечнаго: ибо, говоритъ Правда, это не скотъ, нельзя сказать—не знаю, у кого купилъ, но по языку итти до конца свода, безъ вниманія къ пространству [4]).

Наконецъ всѣ эти статьи заключаются общимъ правиломъ, по которому изъ своей земли въ чужую свода нѣтъ, а потому виновнымъ почитается отвѣтчикъ, или сводъ послѣдній *въ своей землѣ* [5]).

Представивъ себѣ такимъ образомъ у обокраденнаго и право и власть, въ одномъ случаѣ, искать вора по слѣдамъ и требовать для поимки его помощи у жителей, а при потерѣ слѣдовъ, широкое средство отыскивать вещь

[1]) CXXV.
[2]) CXXVI.
[3]) CXXIV.
[4]) CXXVII.
[5]) CXXVIII.

и челядина сводомъ, мы еще болѣе находимъ справедливымъ предложить вопросъ: какой смыслъ имѣетъ третій случай, гдѣ онъ могъ имѣть мѣсто и что значило искать вора въ себѣ по верви, при узаконеніи искать его по слѣдамъ? Всѣ эти вопросы рѣшаются легко, при обращеніи вниманія на предметъ татьбы, который, въ статьяхъ о сводѣ и отысканіи вора по верви въ себѣ, существенно различенъ. При сводѣ упоминаются, какъ мы видѣли, *оружіе*, *порты*, *кони*, *скотъ и челядь*, слѣдовательно имущества движимыя, и притомъ находящіяся подъ вліяніемъ исключительной личной собственности, и подъ защитою частнаго храненія въ сундукѣ, въ клѣти, въ домѣ, во дворѣ; напротивъ, при отысканіи вора по верви, въ собѣ, упоминаются только *борти*, *древа на межи*, *знаменія на земли*, имъ же ловлено, *бобры и сѣти*, *въ мѣстахъ ловли*, слѣдовательно, хотя также движимыя, *но связанныя съ поземельною собственностію*, *съ межами и вообще съ землею*, и выходящія за предѣлы непосредственнаго, личнаго владѣнія и охраненія. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ вора ищутъ по верви, и, если не отыщутъ, имѣютъ право требовать съ верви 12 гр. продажи.

И такъ, вервь не оставалась въ покоѣ и при совершившейся татьбѣ, какъ въ процессѣ объ убійствѣ; тамъ и здѣсь вервь играла весьма важную ролю, такъ что можно сказать, по Русской Правдѣ, уголовный процессъ, безъ участія верви, былъ невозможенъ. На верви лежала обязанность отыскать виновнаго, или платить за него виру; она, по закону, имѣла власть понуждать виновнаго къ уплатѣ виры, и помогать головнику въ этой уплатѣ, или выдавать его на потокъ князю; она была обязана допускать сводъ по землямъ своимъ и содѣйствовать къ поимкѣ татя, или платить за него продажу и т. д. Присоединимъ къ этому необходимость послуховъ, для всякой юридической сдѣлки, по Русской Правдѣ [1]), равно какъ потребность свидѣтелей, при всякомъ преслѣдованіи татя; далѣе заявленіе всякой потери предъ міромъ и торгомъ, наконецъ разныя формальности, требуемыя Правдою, при куплѣ и продажѣ, и вообще установленія, доказывающія, что, по нача-

[1]) За исключеніемъ торговыхъ сдѣлокъ.

ламъ Русской Правды, судъ гражданскій, какъ и уголовный были общественными, публичными, мірскими; и согласимся, что дѣло верви не ограничивалось ни случаемъ дикой виры, ни однимъ судомъ о преступленіяхъ; союзъ верви былъ союзомъ, болѣе обширнымъ, который обнималъ собою всѣ вопросы Права. Что же такое была вервь, въ смыслѣ союза, и какой союзъ составляла вервь — произвольный или необходимый, временной или постоянный, личный или вещный?

Нѣкоторые думаютъ, что вервь, въ смыслѣ союза, была связію произвольною, временною, личною, основываясь на одной изъ приведенныхъ статей Правды, узаконяющей помощь со стороны верви тому головнику, *кто прикладываетъ къ вири*, или кто вложится въ дикую, виру. Стало быть, говорятъ они, въ виру можно было вложиться и не вложиться; стало быть, отъ произвола зависѣло принадлежать или не принадлежать къ союзу верви. Но предположимъ на время случайность союза; будетъ ли онъ для насъ понятенъ? Какъ объяснимъ мы при этомъ положеніе Правды, по которому, въ извѣстныхъ случаяхъ, должно было искать татя въ верви или по верви, и, не отыскавши, требовать 12 гр. продажи съ верви? Какъ свяжемъ мы произвольность союза съ его законной обязанностію уплачивать дикую виру? Вѣдь законъ не говоритъ, что дикая вира уплачивается только тамъ, гдѣ есть вервь; напротивъ, онъ предполагаетъ союзъ верви повсюднымъ и необходимымъ. Какъ можетъ быть случайнымъ союзъ, на которомъ лежитъ постоянная общественная обязанность? И что за обязанность, которой взыскать не на комъ, если, боясь потери, никто не вложится въ виру? А кому войдетъ въ голову составлять союзъ для уплаты за чужіе грѣхи? Кто вступитъ въ союзъ, сопряженный съ вѣрною потерею, которой легко избѣжать, не входя въ составъ союза? Очевидно, что произвольнаго соединенія съ такою отвѣтсвенностію быть не могло въ то время, какъ быть не можетъ въ настоящее.

Если же обязанность союза установлена закономъ, то и принадлежность къ союзу должна быть обезпечена. И такъ статья о возможности вложиться, или не вложиться въ виру понята ложно. Въ статьѣ говорится только о правѣ вложиться или не вложиться въ дикую виру, въ уплату виры,

а не о правѣ принадлежности къ верви. Принадлежность къ верви есть законъ; союзъ верви внѣ произвола; внося вкладъ свой въ дикую виру, или не внося его, члены все-таки находятся въ союзѣ. Участвовать въ уплатѣ дикой виры значило участвовать въ одномъ случайномъ дѣйствіи союза; отказаться отъ этого участія значило отказаться отъ одного дѣйствія верви и отъ соотвѣтствующаго ему права. Не вкладываясь въ дикую виру, членъ терялъ право на помощь верви въ извѣстномъ одномъ случаѣ; но вся остальная связь съ союзомъ была ненарушима, всѣ остальныя обязанности и права были сохранены, и всѣ остальные узы принадлежности къ верви не были прерваны. Союзъ верви не ограничивался одною дикою вирою; занимался не однимъ вопросомъ объ убійствѣ, расширялся не на одни дѣла объ убійствѣ и татьбѣ. Союзъ верви существовалъ до случая дикой виры, какъ онъ долженъ былъ существовать послѣ этого случая. Союзъ верви дѣйствовалъ постоянно, непрерывно, по всей землѣ, необходимо [1]). На чѣмъ же основанъ былъ союзъ верви, столько непроизвольный и независимый отъ личной воли членовъ?

Къ рѣшенію этого вопроса мы легко придемъ чрезъ рѣшеніе другаго: почему законъ обращается къ верви въ дѣлѣ убійства и татьбы, въ описанныхъ случаяхъ? Конечно, можно бы отъ вопроса отдѣлаться фразой, что законъ, и въ отсутствіи истца или отвѣтчика, преслѣдуетъ преступленіе и взыскиваетъ виру, для избѣжанія ненаказанности. Выполненіе требованій, которыя дѣлаетъ идея права, есть обязанность всѣхъ и каждаго, всякаго человѣка, всѣхъ людей, всего общества. Здѣсь всѣ отвѣчаютъ за одного; и, во имя справедливости, народъ, такъ-сказать, самъ себя наказываетъ. Но это общее выраженіе не точно сходится съ положеніями

[1]) *Waitz's* Deutsche Verfassungs-Geschichte случайностію объясняетъ Англійскій Fribborg и tenmannetale, равно какъ Нѣмецкое Gesammtbürgschaft, имѣющія столько аналогіи съ вервію; но противъ этого говорятъ доказательно и *Landau*: Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung u. Entwickelung (Hamburg u. Gotha, 1854), и *Maurer*: Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf-und Stadtverfassung (München, 1854).

Правды, которая обращается не ко всему народу, а къ извѣстной его части, къ верви, и изъ среды вервей призываетъ къ отвѣту одну ту вервь, въ *предѣлахъ которой* ляжетъ голова убитаго, или съ землею которой связана собственность, подвергшаяся нарушенію. Законъ Правды относитъ преступленія къ извѣстному географическому пространству, и, уже посредствомъ этого пространства, обращается къ людямъ, къ верви. Слѣдоват. вервь сама должна быть въ извѣстномъ опредѣленномъ пространствѣ, сама должна быть связана съ землею, должна состоять изъ населенія извѣстнаго мѣста. На это намекаетъ и названіе верви, заимствованное отъ орудія поземельной мѣры, которое встрѣчается даже въ актахъ XVI в. [1]), напр. въ словахъ: *тое земли на три доли, достанется двадцать три веревки;* или *на десять вервей спять шесть пудовъ жита*, и которымъ частію до сихъ поръ измѣряются и установляются предѣлы и пространства поземельнаго владѣнія, въ Россіи [2]). И такъ вервь была союзомъ лицъ, связанныхъ по землѣ, союзомъ вещнымъ, какою-то географическою общиною.

Будучи географическою общиною, вервь однакожъ противополагается *селу*, *торгу*, *городу*? Состоя изъ лицъ и населенія, она однакожъ отличается отъ *міра* и *людей?* Что же это за географическая община, которую законъ признаетъ, помимо селъ, городовъ, людей, міра? Обратимся еще разъ къ теоріи дикой виры. Дикая вира, естественно, была равна обыкновенной, не дикой, и состояла изъ платежа за голову 80, 40 или 20 гр., смотря *по лицу*. Цѣна или пеня весьма значительная, весьма высокая, которая могла разрушить все благосостояніе частнаго лица. И не могло быть иначе, если вира должна была замѣнить собою месть на смерть; а виру, въ свою очередь, могли замѣнить только потокъ и разграбленіе. Бытіе, жизнь человѣка были оцѣнены этой вирой; все

1) Юрид. акты № 23 г. 1571.

2) И не въ одной Россіи; нѣмецкія Seil, Tau, Reif, Reeb, и Латинск. funicula встрѣчаются на всемъ западѣ Европы; von Maurer, Einleitung etc, стр. 135. См. Haxthausen, Studien üb. inn. Zust. Russland's, I, 124 и слѣд. III, 125 и слѣд.

его состояніе, съ личной свободой, равнялось только этой вирѣ. Между тѣмъ и даже по этому, случаи дикой виры могли быть и должны быть весьма часты. Соединяя въ мысли дѣйствіе страстей того времени и происходящее оттуда количество преступленій съ понятіемъ о высотѣ виры и строгости такого взысканія, невольно приходишь къ заключенію, что всякій убійца старался скрыть свою вину, и всякій успѣвалъ навязать верви уплату за его грѣхъ. Что стоило виновному укрыться отъ преслѣдованія? Недаромъ законъ пріискивалъ отвѣтчиковъ, помимо собственно виновныхъ, физическихъ личностей. Верви нѣкуда было дѣваться, и ей приходилось платить за всѣ преступленія. Она никого не убивала, никого не обижала, между тѣмъ платила почти за всякое убійство, отвѣчала почти за всякое воровство. Верви дорого обходилось такое производство. И законъ ясно сознавалъ тягость такого положенія и не безъ основанія разсрочивалъ уплату дикой виры на неопредѣленное время, хотя эта разсрочка не составляла большой льготы; потому что до полнаго сбора виры, въ верви проживали вирникъ съ его отрокомъ и метальникомъ, на полномъ содержаніи верви. И такъ въ верви необходимо предполагать значительную массу населенія, которая удобно могла вынести на своей шеѣ такую общественную повинность. И вообще должно сказать, что вервь составляла пространную, многолюдную и богатую средствами общину, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены могли даже не вложиться въ дикую виру. Но не менѣе того должно предполагать въ верви особую крѣпость союза, по которой его не могли разрушить отдѣльныя лица, не вступавшія въ виру, и которая сообщала власть союзу искать по верви татя и убійцу, присуждать виновныхъ къ уплатѣ виры и продажи, или къ выдачѣ ихъ князю на потокъ и разграбленіе. Должны были находиться въ верви такія лица, которыя необходимо участвовали въ платежѣ виры, которыя не могли не вложиться въ виру, и которыя обязаны были помогать карающему закону въ открытіи и наказаніи виновныхъ. Самый сборъ дикой виры, конечно, не могъ быть совершенъ однимъ вирникомъ съ его отрокомъ и метальникомъ; напротивъ, онъ былъ условленъ содѣйствіемъ верви, или

даже предоставленъ самой верви, которая именно потому обязана была содержать вирниковъ до полнаго сбора, что сама производила сборъ вирнаго. Другими словами: въ верви должны были находиться и лучшіе люди, начальственные, правящіе, и худшіе, подначальные, подчиненные. И такъ вервь была не только община географическая обширная, многолюдная, но притомъ территоріальная, съ собственнымъ управленіемъ. Отъ того-то, естественно, она противополагалась селу, торгу и городу, что была ихъ больше, что обнимала ихъ собой, что сама состояла изъ пространства, на которомъ были и села, и торги, и города, и земли и люди. Однимъ словомъ, древняя вервь была почти то же, что впослѣдствіи погостъ и другія аналогическія раздѣленія Россіи. Покрайней-мѣрѣ, во внѣшнемъ своемъ видѣ, древняя вервь и древній погостъ были одно и то же.

Но погосты, скажутъ намъ, установлены великою княгинею Ольгою, въ извѣстное историческое время, въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Да, они установлены въ Новгородской области, по Мстѣ и по Лугѣ, лѣтъ за 70 до изданія Правды. Какъ же это, спросимъ мы, въ свою очередь, Правда не упоминаетъ о погостахъ, которыхъ имя до сихъ поръ звучитъ въ языкѣ русскаго народа? Да въ самомъ ли дѣлѣ Ольга придумала погосты, какъ раздѣленія новыя, небывалыя до того въ землѣ Русской? Произвольныя, придуманныя раздѣленія земли на Мстѣ и Лугѣ не могли сами собою распространиться по всему лицу Россіи, а еще менѣе просуществовать на всѣхъ почти точкахъ Россіи цѣлыя, длинныя столѣтія [1]); а постоянныя народныя установленія сначала являются въ жизни народа, и потомъ уже въ распоряженіяхъ правителей или въ законѣ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, изъ ничего ничего не бываетъ: посему погосты Ольги должны были родиться изъ аналогическихъ, предшествовавшихъ установленій, которыя, съ своей стороны, по другому закону исторіи и природы, не могутъ уничтожиться, а могутъ только измѣнить видъ своего существованія, и, разъ

[1]) Какъ доказалъ Неволинъ, въ сочин. «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ». С. Пб., 1853. Стр. 236.

появившись, какъ необходимость для народной жизни, должны въ новыхъ формахъ существовать до позднѣйшаго времени. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто не уничтожается, такъ что древнѣйшія верви, давшія бытіе погостамъ Ольги, могутъ быть отысканы въ современномъ русскомъ бытѣ. Вервь и погостъ одно и тоже. И не въ перемѣнѣ названія состояло дѣло Ольги; она назвала бы ихъ губою, по Псковскому обычаю, если дѣйствительно сама принадлежала къ области Пскова; напротивъ, она оставила за раздѣленіемъ, въ землѣ Новгородской, мѣстное названіе погоста; но сообщила этому народному раздѣленію *административный характеръ*, установивши дани и повозы по погостамъ Мсты и Луги. Вотъ, по нашему убѣжденію, значеніе Ольгиныхъ погостовъ; это Новгородское названіе для того, что въ Псковскихъ земляхъ называлось *губою*, въ южныхъ странахъ и вообще въ древнѣйшей Россіи *вервію*, — губою и вервію, которыя, уже съ призванія князей, какъ погосты со временъ Ольги, получили административный характеръ. Понятно, что слово вервь, въ законѣ Русской Правды, должно принимать, какъ общее названіе для всѣхъ аналогическихъ раздѣленій земли Русской, для вервей, погостовъ, потуговъ, а еще позже для губъ, присудовъ, уѣздовъ и т. д. Вся земля, въ древности, дѣлилась на верви; раздѣленіе на верви составляло законъ народнаго быта; и различія могли быть только въ названіяхъ. Какъ иначе поймемъ мы молчаніе лѣтописей о верви и молчаніе Русской Правды о погостахъ, равно какъ вопросъ о примѣненіи столь существенныхъ статей Правды о дикой вирѣ къ землѣ русской, а, по связи этихъ статей со всѣмъ закономъ, о примѣненіи самой Правды къ народу русскому?

Сближая понятія погоста и верви, мы необходимо расходимся съ писателями въ объясненіи значенія этихъ установленій [1]). Отличая погостъ отъ верви однимъ названіемъ, мы естественно не согласны и съ новѣйшимъ мнѣніемъ о религіозномъ значеніи погостовъ, а, по нашему, вервей [2]).

[1]) Различныя мнѣнія см. у Неволина, о Пятинахъ, 69 и слѣд.
[2]) Тамъ же, мнѣніе автора Пятинъ Новгород., стр. 85 и слѣд.

Дѣйствительно, для усвоенія погостамъ религіознаго значенія и происхожденія, по аналогіи нынѣшнихъ погостовъ, или поселеній, среди которыхъ находятся церкви, должно было бы предположить въ древнѣйшей языческой Руси духовную гіерархію, подобную христіанской, съ такимъ же множествомъ богослужебныхъ средоточій, какъ послѣдующіе приходы. Это предположеніе не возможно для самой образованнѣйшей изъ вѣръ языческихъ, напр. греческой, разработанной поэтами и философами, и все-таки большею частію предоставленной личному пониманію каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ языческой вѣрѣ нѣтъ ничего положительнаго, твердаго, даннаго; и всякій городъ, всякая мѣстность, всякое семейство, почти всякое лице имѣютъ тамъ право особаго домашняго поклоненія, особыхъ случайныхъ чествованій, особыхъ личныхъ вѣрованій. Безъ того не будетъ многобожія; при этомъ его явленіе необходимо. Тутъ можетъ не быть ни одного общаго класса духовенства, ни одинаковыхъ общихъ храмовъ, ни потребности въ однообразныхъ установленіяхъ, ни нужды все общее въ вѣрѣ содѣлать доступнымъ и обязательнымъ для всѣхъ и для каждаго. Послѣдующіе погосты носятъ, правда, названія, заимствованныя отъ ихъ храмовъ; но не всегда и не вездѣ, и большею частію съ этими храмовыми названіями соединяются названія болѣе древнія, мѣстности, личности и т. д. Вообще названія погостовъ по приходскимъ церквамъ явились послѣ установленія погостовъ [1]), слѣдовательно нечего искать необходимой связи между этими установленіями и послѣдующими ихъ названіями. Съ другой стороны, вообще погосты, въ значеніи какихъ бы то ни было средоточій для извѣстной мѣстности, предполагаютъ уже дальнѣйшее развитіе населенія, которое первоначально занимаетъ только предѣлы для своего поселенія, и уже впослѣдствіи образуетъ центры. Погосты, какъ участки и раздѣленія земли, явились прежде погостовъ, въ значеніи средоточій, и не могутъ быть объясняемы изъ этихъ средоточій. Древнѣйшее или общнѣй-

[1]) Срав. болѣе древнія названія погостовъ, по уставу Святослава Ольговича, 1137, съ названіями болѣе новыми, въ Обонѣжск. Пятинѣ, по изслѣд. о Пятинахъ, Прилож. VII.

шее, законное названіе временъ Русской Правды—вервь, въ смыслѣ границы и предѣла, какъ нельзя лучше доказываетъ нашу мысль [1]).

Такимъ образомъ мы доказали, что вервь была географическою общиною, первою степенью осѣдлости нашего народа и первичною формою общественной его жизни. Перейдемъ къ подробностямъ, которыя необходимы для полнаго пониманія древнѣйшей верви, дѣйствовавшей въ Руси до призванія князей, или до рожденія мысли о государствѣ; и, для рѣшенія вопроса объ отношеніи, въ это время, частнаго къ общему, семьи къ общинѣ, предложимъ себѣ вопросъ *о внѣшнемъ видѣ и внутреннемъ составѣ верви*, начиная съ ея *пространства* и *величины*.

Уравнивая вервь съ погостомъ, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, мы могли бы воспользоваться позднѣйшими документами, говорящими о погостахъ, для полнаго возсозданія древней верви; но, установивши твердое понятіе о верви, мы почти не имѣемъ нужды въ документахъ. Послѣдующіе погосты, съ ихъ документальнымъ изображеніемъ, могутъ послужить только повѣркою и нагляднымъ объясненіемъ нашей картины. Присоединимъ, что картина верви рисуется здѣсь не по воображенію, а по логическому соображенію; нѣтъ тутъ привлекательныхъ образовъ, за то есть твердое построеніе. Такъ, относительно пространства верви, безъ документовъ, необходимо допустить, что вервь, какъ первая форма осѣдлости, имѣвшей, для различныхъ членовъ своего населенія, различные виды, занимала пространства весьма различныя, по ихъ величинѣ. Различалось это пространство по числу перваго своего населенія, различалось оно по ближайшимъ цѣлямъ осѣдлости, или смотря по тому, имѣло ли населеніе въ виду продолжать свой кочевой образъ жизни, рядомъ съ осѣдлымъ промысломъ, или вполнѣ посвящало себя хлѣбопашеству и скотоводству. Для самаго земледѣльческаго населенія величина занятаго пространства различалась еще

[1]) По Бреверну, слово: погостъ, Pagast, означаетъ общинное кладѣніе, Gemeindegut; дополн. къ Пятинамъ Неволина, къ стр. 72.

по свойству почвы и ея плодородію; при большемъ плодородіи, довольствовались меньшимъ пространствомъ; при меньшемъ плодородіи, должно было въ обширности поля искать помощи. Но главное дѣло въ томъ, чтобы въ занятомъ пространствѣ были всѣ условія для жизни, какъ общей, человѣческой, такъ и особенной, условленной различіемъ промысловъ; слѣдовательно должны были тамъ находиться и вода и поля, и пастбища и лѣса, и звѣрь и рыба, — и не потому, чтобы первые поселенцы все избирали по намѣренному, напередъ начертанному плану, а потому, что въ средѣ перваго населенія, естественно, были и пастухи и звѣроловы, и пчеловоды и рыболовы, и наконецъ люди, понимавшіе пользу хлѣбопашества. При видѣ извѣстной мѣстности, у всего населенія и у разныхъ его членовъ должны были рождаться свои вопросы; и только мѣстность, болѣе или менѣе удовлетворявшая всѣмъ этимъ вопросамъ, дѣлалась основою осѣдлости. Понятно, что такая мѣстность должна была вообще состоять изъ значительнаго пространства; слѣдовательно и вервь должна была имѣть своимъ основаніемъ значительное пространство, заключая въ себѣ всѣ условія для жизни первоначальнаго населенія, и земли и воды, съ ихъ разнообразными угодьями. Это — характеръ древнѣйшаго поземельнаго владѣнія, которое отличается отъ позднѣйшаго своею обширностію, такъ что, по величинѣ поземельныхъ участковъ, въ народѣ, можно судить о степени его цивилизаціи. Чѣмъ менѣе участки, разработываемые населеніемъ, тѣмъ болѣе прилагается труда — этого истиннаго основанія образованія. И такъ мы необходимо допускаемъ, что наши верви, какъ послѣдующіе погосты, могли заключать въ себѣ по нѣскольку сотъ квадратныхъ верстъ, наприм. верстъ 20 въ длину и столько же въ ширину, т. е. 400 квадр. верстъ, или даже до 40 въ длину и до 30 и 35 въ ширину, что составитъ отъ 1,200 до 1,300 квадр. верстъ [1]).

Эти пространства, естественно, отдѣлялись одно отъ другаго, составляя каждое особую принадлежность извѣстной

[1]) Неволина о пространствѣ погостовъ, въ Пятинахъ, стр. 99. — См. тамъ же карту и «Приложенія» къ Пятинамъ.

верви. И каждая вервь имѣла свои предѣлы и границы. Но, составляя одинъ народъ и достояніе одного народа, связаннаго въ единство возможными узами, верви не столько отдѣлялись внѣшними знаками, копцами [1], ямами, знаками, урочищами, сколько употребленіемъ своихъ владѣній и внутреннимъ, постепеннымъ развитіемъ своей дѣятельности, посредствомъ сохи и бороны, косы и топора, по древнему нашему означенію границъ владѣнія, *куда соха и топоръ ходятъ* [2]. Эти предѣлы не имѣли въ себѣ ничего исключительнаго, недоступнаго для инородцевъ и даже для иностранцевъ, входившихъ сюда для мирныхъ и безвредныхъ цѣлей; гостепріимство было постоянною добродѣтелью нашихъ предковъ. Но въ то же время эти предѣлы не лишены были твердости, крѣпости, неизмѣнности. Рѣки могли высыхать или мѣнять свое теченіе; болота могли современемъ обращаться въ луга и пастбища; копцы или ямы могли осыпаться и заравниваться; деревья падали, засыхая и превращаясь въ удобреніе полей; а предѣлы, установленные употребленіемъ и обычаемъ, подновляемые ежегоднымъ пользованіемъ и, такъ сказать, пересмотромъ, и утверждаемые яснымъ сознаніемъ всякаго новаго поколѣнія, во всемъ народѣ, съ теченіемъ времени, только укрѣплялись и отвердѣвали. Столѣтія проходили одно за другимъ, и все мѣнялось, кромѣ этихъ предѣловъ вервей и погостовъ, дожившихъ въ своихъ древнихъ очертаніяхъ до позднѣйшаго времени. Предѣлы были живущи, какъ живущи были верви и погосты, которые никому и никогда и ни въ одной точкѣ своей окружности не дозволяли безпрепятственно и безнаказанно вторгаться въ свои области. Члены верви получали свои участки отъ верви; члены верви, владѣвшіе ея участками, несли тяготы верви. Естественно, что вервь, защищая каждое владѣніе отъ нарушенія, особенно со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ верви, защищала самое себя. Лишенный владѣнія, лишался средствъ исполнить свои обязанности относительно верви, которая по-

[1] *Корсі* у разныхъ Словянскихъ племенъ.

[2] См. мою рѣчь о Дипломатіи (Москва, 1847); и у Нѣмцевъ говорилось: wohin Pflug und Sense geht.

сему защищала своего члена всею своею силою, и показанiемъ старѣйшинъ, и представленiемъ послуховъ или видоковъ, и свидѣтельствомъ цѣлаго мiра. Отсюда произошли *различныя, по величинѣ, но постоянныя въ своихъ предѣлахъ пространства,* которыя назывались вервiю или погостомъ, и которыя, взятыя вмѣстѣ, составляли землю русскаго народа.

Другое явленiе происходило во внутреннемъ составѣ каждой верви, гдѣ *владѣльческiе, отдѣльные позсмельные участки были совершенно равны.* Главное, основное, первое вполнѣ осѣдлое населенiе верви, избравшее земледѣлiе своимъ занятiемъ и промысломъ, и послужившее образцемъ для остальной части населенiя, въ первую минуту осѣдлости, должно было поровну раздѣлить свою землю между всѣми своими членами. Каждый изъ его членовъ занималъ изъ общей земли столько, сколько ему было нужно; каждому было нужно, сколько и другому; каждый занималъ, *сколько было нужно для прокормленiя себя и своихъ,* и всѣ занимали необходимо—поровну. Занятыя части назывались удѣлами, участками, и, по своему равенству, или тожеству, раздавались по жеребью; было все равно, какой участокъ кому ни достанется; посему участки иначе звались жеребьями. Эти жеребьевые участки раздавались всѣмъ желавшимъ: всѣ члены имѣли право на жеребьи или участки; община была рада числу своихъ владѣющихъ членовъ. Посему и въ послѣдствiи, когда части населенiя, до того остававшiяся въ кочевомъ быту, переходили къ образу жизни осѣдлому: онѣ также селились на отдѣльныхъ, равныхъ участкахъ и жеребьяхъ, пока наконецъ вся вервь не обратилась въ поселенiе земледѣльческое, и пока все ея пространство не распалось на эти участки и жеребьи. Происхожденiе отдѣльныхъ участковъ изъ массы общиннаго владѣнiя объясняетъ для насъ ту особенность русскаго поселенiя, по которой народъ нашъ искони и постоянно жилъ и живетъ деревнями, селами, а не отдѣльными дворами. Общинность же владѣнiя, съ другой стороны, служитъ и служила основанiемъ для возможно-скораго и частаго выдѣла сыновей, въ быту крестьянскомъ, и для того малочисленнаго населенiя дворовъ, которое постоянно встрѣчается въ древнихъ нашихъ

деревняхъ [1]). Очевидно, что сельскій классъ—многочисленнѣйшее населеніе Руси, собственно народъ жилъ семействами, и небольшими, а вовсе не родами, тѣмъ болѣе, что этимъ родовымъ соединеніямъ мѣшали переходы сельчанъ и особенно наслѣдованіе по равнымъ частямъ. Такъ какъ участки служили основаніемъ для бытія человѣка и семейства, то они легко уравнивались, въ мысли народа, семейству и человѣку; такъ какъ семейство и человѣкъ, во внѣшнемъ ихъ бытѣ, обозначались мѣстомъ своего поселенія, жильемъ, дымомъ и дворомъ: то, естественно, что участки и жеребьи — эти выраженія для семействъ и лицъ, въ то же время, означали, на древнемъ языкѣ, жилье и дворъ, дымъ и домъ, или, правильнѣе, означались въ русскомъ народѣ дымомъ и дворомъ. Понятно, что дань съ дыму, или съ орудія обработки — рала, въ древности, была то же, что впослѣдствіи дань съ двора, или предмета владѣнія, обжи, и что она послужила основаніемъ для дани съ сохи, съ тягла и т. д. Итакъ каждая вервь состояла изъ извѣстной суммы такихъ ровныхъ единицъ, какъ участки, жеребьи, дымы и дворы; и, по равенству этихъ частей съ лицами, сама вервь обозначалась словомъ: «людіе.» Суммы рознились, по различію вервей, но единицы были равны во всей Россіи, которая такимъ образомъ состояла изъ народа, распадавшагося на верви, и изъ вервей, состоявшихъ изъ равныхъ основныхъ единицъ, дворовъ. Дымъ было выраженіемъ для этой единицы, на югѣ Россіи, до XVI в. [2]); дворъ означалъ то же на сѣверѣ, сначала въ областяхъ Пскова и Новгорода, замѣняясь въ Московской области словомъ *выть*, а потомъ и во всей Россіи до нашего времени. Впослѣдствіи, при лучшемъ пониманіи значенія земли и услугъ ея для человѣка, величина участковъ или дворовъ содѣлалась различною по различію плодо-

[1]) И въ послѣдствіи обжа равнялась одному работнику; и въ послѣдствіи дворъ крестьянскій состоялъ изъ населенія въ два, или три человѣка; а во времена, о которыхъ говоримъ, это было правиломъ и необходимостію.

[2]) Памятники, изданные Кіев. Коммис. 1852, III, отд. II, стр. 158, 159, 164.

родія; впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, дворы стали различаться по своему мѣстоположенію, въ селѣ, посадѣ, городѣ; впослѣдствіи, дымы и дворы, содѣлавшись административными единицами, замѣнены выраженіемъ тягла; впослѣдствіи, одинъ хозяинъ могъ имѣть одинъ дворъ, другой два, три или полдвора и четверть; но первоначально дворы, въ смыслѣ участковъ, были равны и одиноковы, выражая собою сумму средствъ существованія для одного семейства или человѣка. Да и впослѣдствіи, количество владѣнія измѣрялось у насъ количествомъ дворовъ, и дворы были опредѣленными одинаковыми единицами владѣнія.

И такъ вервь была извѣстное пространство земли, раздѣленной между членами по ровнымъ участкамъ или жеребьямъ. Въ какомъ отношеніи находились члены къ общинѣ, снабжавшей ихъ участками? Одно ясно: если и впослѣдствіи можно было членамъ вложиться, или не вложиться въ виру; то вначалѣ, въ древности, лица верви могли свободно ходить съ одного мѣста на другое, могли пользоваться полнымъ правомъ перехода изъ одной верви въ другую. Сами общины отъ того мало теряли: одни члены оставляли ихъ, за то другіе входили вновь; а цѣлость, народъ могли только выиграть отъ такого распорядка. Бо́льшія удобства населенія, удобнѣйшее положеніе, бо́льшая безопасность, лучшее управленіе давали, хотя временной, перевѣсъ общинѣ съ такими условіями, и заставляли другія улучшать въ той же мѣрѣ бытъ свой, судъ и расправу; отъ того и вся Россія должна была итти къ бо́льшему и бо́льшему своему развитію. Но не тотчасъ отдѣльные члены стали пользоваться правомъ свободнаго перехода изъ одной общины въ другую. По свойству древнѣйшаго быта, частыя виры и продажи едва ли не постоянно привязывали членовъ къ общинѣ; отсутствіе, внѣ своей верви, безопасности для лицъ и имуществъ, едва ли не силою необходимости держали однажды сошедшихся членовъ въ связи взаимной. Да и кому, въ первоначальномъ быту, могло войти въ голову оставить свою извѣстную среду, для перехода въ другую, неизвѣстную, и обѣщавшую тѣ же удобства, или грозившую тѣми же неудобствами? Только впослѣдствіи, при различіи въ степеняхъ развитія различныхъ вервей, члены ихъ могли

воспользоваться правомъ перехода, хотя и въ позднѣйшее время переходы составляютъ исключеніе изъ правила осѣдлой жизни. По крайней мѣрѣ, постоянная осѣдлость *по селамъ* не подлежитъ сомнѣнію; иначе мы не объяснимъ ни построенія, ни поддержанія церквей сельскихъ, на мірской счетъ. Правомъ перехода и впослѣдствіи пользовались преимущественно *бобыли,* да частію жители деревень[1]). Первоначально же, когда весь вопросъ жителей состоялъ въ количествѣ владѣнія, котораго повсюду было много, переходы и передвиженія могли совершаться только внутри и въ предѣлахъ каждой верви, со всѣми удобствами и выгодами для членовъ и для верви, для ея развитія, заселенія, наполненія, упорядоченія. У каждой верви первоначально земли было слишкомъ много. Не то, чтобы вервь занимала земли съ запасомъ, думая о будущихъ своихъ нуждахъ, объ умноженіи населенія и переполненіи, или о недостаткѣ въ поляхъ и пастбищахъ; нѣтъ, но вервь, въ первый моментъ осѣдлости, вела такой образъ жизни, который самъ требовалъ много земли, и который необходимо измѣнялся въ другой, лучшій, требовавшій ея гораздо менѣе; а потому, въ каждый новый моментъ своего развитія, вервь открывала у себя избытокъ поземельнаго владѣнія. Весьма понятно, что звѣроловы требуютъ, для своего промысла, большаго пространства, чѣмъ пастухи и скотоводы; а эти занимаютъ болѣе, чѣмъ земледѣльцы и хлѣбопашцы, и т. д., до городскихъ промышленниковъ. Понятно также, что, какъ мы выше сказали, осядаясь впервые, жители занимаютъ весьма мало земли, въ дѣйствительномъ, современномъ смыслѣ, посредствомъ земледѣлія; остальная же масса населенія долго потомъ еще кружится около этого осѣдлаго пункта, предаваясь скотоводству и звѣриной или рыбной ловлѣ, и наполняя однимъ своимъ движеніемъ остальную массу пространства. И такъ первоначально, говоря вообще, въ каждой верви населеніе было постоянное, неизмѣнное, и только умножавшееся отъ времени; да было много земли не воздѣланной и даже не занятой

[1]) О Пятинахъ, прилож. 371: прибыло крестьянъ 9 человѣкъ, а бобылей девяносто человѣкъ, т. е. въ періодъ до новой переписи.

дѣйствительно. Воздѣланіе и дѣйствительное занятіе всей земли верви составляли задачу для населенія верви, въ его будущемъ; а выполненіе этой задачи опредѣляло внутреннее значеніе и устройство верви. Это, такъ сказать, процессъ образованія центровъ верви и общей власти въ ея предѣлахъ.

Небольшое число земледѣльцевъ, въ верви, заняло небольшое количество земли подъ хлѣбопашество, и осѣлось у рѣки или озера, застроивъ берегъ своими дымами и дворами, имѣя вблизи своего поселенія поля и луга. Это первая русская деревня. Мало по малу, впослѣдствіи осѣдались такимъ образомъ скотоводы и пастухи, образуя также деревни, починки, заимища; далѣе третій и четвертый слой населенія — рыболовы, птицеловы, звѣроловы; всѣмъ имъ иначе некуда было дѣваться; между тѣмъ умноженіе ихъ промысла, примѣръ довольства осѣдлой части населенія, а, можетъ быть, и стѣсненія, съ этой стороны, ихъ дѣятельности, все заставляло обратиться къ землѣ, и въ трудѣ хлѣбопашества искать своего обезпеченія. Такъ наконецъ вервь наполняется на всемъ пространствѣ жильемъ и поселеніемъ человѣческимъ, деревнями, займищами. Но, разумѣется, древнѣйшее поселеніе, въ самомъ времени своего существованія, находило успѣхъ и результатъ обезпеченный; оно было богаче, устроеннѣе, тверже, лучше, нежели новѣйшія, позднѣйшія поселенія. И понятно, что это древнѣйшее поселеніе могло имѣть вліяніе на позднѣйшія, съ одной стороны потому, что не всегда вновь поселявшіеся кочевники имѣли столько дѣятельности и средствъ, чтобы занять и воздѣлать землю, для полнаго собственнаго пользованія, а чаще брали уже готовые участки у зажиточныхъ членовъ древней общины, и потому зависѣли даже отъ частныхъ лицъ; съ другой — потому, что, желая обработать землю своими средствами, для себя, новые поселенцы отъ прежде осѣвшейся, отъ старой общины должны были занять и свѣдѣнія о землѣ, о трудѣ, объ орудіяхъ, и первые матеріалы для посѣвовъ, для обработки, для орудій, и первые начатки устройства и управленія. Пока населенія починковъ и займищъ еще вели жизнь кочевую, они могли не зависѣть отъ осѣдлыхъ, могли не знать ихъ; но, съ собственной осѣдлости, онѣ стали тянуть къ нимъ,

подчиняться имъ, признавать власть ихъ. Такъ поздно образуются средоточія въ вервяхъ, разсматриваемыхъ, какъ массы сельскаго населенія; средоточія же, которыя встрѣчаемъ впослѣдствіи и которыя состоятъ въ торгахъ, посадахъ, городахъ, образуются еще позже. Но, во всякомъ случаѣ, съ момента появленія средоточій, значеніе верви измѣняется существенно. Съ этого времени вервь не есть просто географическая община, а уже община земская, территоріальная, которой власть и вліяніе не ограничиваются подчиненіемъ верви отдѣльныхъ лицъ, владѣльцевъ, но расширяются на цѣлыя поселенія, въ ихъ различныхъ формахъ. Отсюда объясняется и вытекаетъ та юридическая дѣятельность верви, которая обнимаетъ собою, даже по акту Русской Правды, какъ мы видѣли, все производство по дѣламъ о безопасности личной и вещной, съ послухами, сводомъ, преслѣдованіемъ виновныхъ, выдачею и вообще принужденіемъ къ возстановленію права. Отсюда же выводимъ, что дѣятельность верви во времена, предшествовавшія Русской Правдѣ и призванію князей, была еще обширнѣе, и думаемъ, что внѣ верви не было права. Право есть произведеніе общества, у насъ — верви; для права необходима оффиціальность, публичность, которую могли сообщить имуществамъ, лицамъ и дѣйствіямъ только вервь и міръ. Съ другой стороны, если для времени, о которомъ пишемъ, получить землю во владѣніе значило получить все, создать свою участь, опредѣлить свой жребій; то естественно, что надѣленные такими участками и жеребьями во всемъ зависѣли отъ общины, отъ верви, которая по этому впослѣдствіи получила названіе потуга. Каждаго изъ своихъ членовъ вервь, какъ послѣ потугъ, погостъ и сто требовала къ себѣ обратно, въ чьей бы власти онъ случайно ни находился; за каждаго изъ своихъ членовъ, погибавшаго отъ руки постороннихъ, вервь вчинала судъ и требовала вознагражденія, такъ же точно, какъ за дѣйствія каждаго своего члена она отвѣчала. Искали собственности, связанной съ ея поземельнымъ правомъ; преслѣдовали убійство, совершенное въ ея предѣлахъ: вервь помогала открыть виновныхъ и подвергнуть ихъ взысканію, или сама платила за нарушеніе права. Вообще можно сказать, что верви при-

надлежала и защита ея членовъ, и управленіе по дѣламъ объ этой защитѣ; власть верховная не олицетворилась въ верви, но она дѣйствовала въ ней, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Обычное право было результатомъ законодательной власти верви; старѣйшины, бояре, сотскіе, составляли ея управленіе; потокъ и разграбленіе служили для нея карательными средствами, а столь извѣстный впослѣдствіи повальный обыскъ—мѣрою общественнаго дознанія юридической истины. Потокъ и разграбленіе, встрѣчающіеся въ Русской Правдѣ, должно признать остатками того общественнаго положенія, когда предѣлы общества были не слишкомъ велики, изгнаніе было возможно, и разграбленіе выражало непосредственное участіе извѣстнаго населенія въ судѣ о преступленіи. Равномѣрно повальный обыскъ позднѣйшаго времени необходимо возвести до эпохи верви, если хотимъ основательно понять его послѣдующую дѣятельность. И такъ верви первоначально принадлежала и защита лицъ, съ ихъ имуществами, и законодательство, съ судомъ и расправой. Но отсюда же заключаемъ, что дѣло верви не ограничивалось ни вопросами о безопасности, ни установленіями суда и расправы, а расширялось на весь общественный бытъ древняго русскаго народа.

Дѣйствительно, если вервь была первымъ, главнымъ собственникомъ въ землѣ, и отъ себя уже сообщала членамъ поземельное владѣніе: то естественно, что она имѣла вліяніе на всѣ вопросы, связанные съ поземельнымъ владѣніемъ, и что прежде всего она была *первымъ, главнымъ хозяиномъ*, и ей принадлежало *хозяйственное управленіе* въ древнѣйшей Руси. Когда народъ нашъ, еще подвижной и кочующій, началъ осаждаться на землѣ русской, то ограничиваясь въ звѣроловствѣ и скотоводствѣ извѣстными предѣлами, то присоединяя къ скотоводству занятіе земледѣліемъ, то наконецъ посвящая всего себя хлѣбопашеству: ему должно было прежде всего распредѣлить занятое имъ пространство такъ, чтобы однѣ части земли его служили пастбищами и лугами, другія — полями и пашнями. И впослѣдствіи не позволяли одному крестьянину ставить межу *изволомъ*, т. е. произволомъ, *безъ вытчиковъ*; и впослѣдствіи, по общему согласію, происходилъ

дълъ, раздѣлъ, кому *земля подъ житницу*, *кому подъ баню* и т. д., посему и августъ мѣсяцъ считался *порою дъловою*; наконецъ и впослѣдствіи въ деревняхъ все дѣлалось *по приговору крестьянъ всъхъ*[1]). Первоначально же распредѣленіе необходимо производилось по общинамъ, въ каждой изъ вервей, и, безъ всякаго сомнѣнія, по общему соображенію цѣлой верви. Не говорю уже о раздѣленіи участковъ и жеребьевъ между членами. Для всего этого должно было знать свойство почвы, и должно было сообразно этому знанію установить правила употребленія; знаніе, опыты, правила въ древнѣйшія времена были достояніемъ общества, а не удѣломъ частныхъ лицъ; и, безъ участія общины въ этомъ дѣлѣ, одни пасли бы стада свои тамъ, гдѣ другіе распахали землю, посѣяли посѣвъ, ожидали жатвы; вообще одни разрушали бы, что другіе созидали. Когда потомъ населеніе должно было принять ту или другую систему полеводства, наѣздомъ, перелогомъ, или плодоперемѣнную, трехпольную, тутъ еще менѣе можно было обойтись безъ общихъ установленій, или допустить дѣйствіе частнаго произвола. Только по общему соглашенію или распоряженію можно было въ началѣ, при зарожденіи трехпольнаго хозяйства, опредѣлить, въ селахъ и деревняхъ, одну часть общаго поля подъ паръ, другую подъ озимь и третью подъ яровое, указавъ при этомъ отдѣльныя мѣста для пастбищъ, для выгоновъ и для покосовъ. А это хозяйство такъ древне, какъ древне и незапамятно введеніе въ Россіи хлѣбовъ озимыхъ и яровыхъ, и какъ древне и незапамятно употребленіе у нашихъ предковъ ячменю и овса, въ видѣ браги, пива и толокна. И это трехпольное хозяйство такъ сроднилось съ народомъ и его бытомъ, что имъ опредѣлялось самое право поземельнаго владѣнія, которое приняло трехлѣтнее пользованіе землею за основаніе самаго права на землю, за основаніе давности[2]). Тотъ

[1]) Акты юрид. № 43, г. 1667.

[2]) Судебники I и II, въ стат. Судъ о земляхъ; *И. Д. Бъляевъ*, въ статьѣ *О давности*, помѣщ. въ «Сборникѣ», изд. 1855, при Моск. унив., подъ заглавіемъ: *Воспоминаніе о 12 Янв. 1855 г.*, стр. 10, ссылается на Вислицкій Статутъ, XIV в., котораго распоряженія

считался потерявшимъ владѣніе, кто три года не обработывалъ поля т. е. оставлялъ безъ воздѣланія *всѣ три поля*. Впослѣдствіи, при размножившемся населеніи верви, когда нужно было присоединять къ первопачальному полю общины новые участки изъ-подъ лѣсовъ и боровъ, посредствомъ выжиганія, вырубки и очистки; верви нельзя было не обратить вниманія какъ на вредъ, могшій произойти отъ того для общины, такъ и на недостатокъ силъ и средствъ частнаго лица къ совершенію такого дѣла. Равномѣрно вліяніе верви не могло не быть великимъ, при необходимости надѣлять новыми участками новыхъ членовъ, и, въ случаѣ нужды, однимъ изъ нихъ отводить землю для поселенія, другимъ уступать ее для обработанія. Наконецъ, если и теперь, въ наше время, народъ и законъ почитаютъ весьма важнымъ соблюденіе обычнаго времени для распашки, посѣва, жатвы, и употребленіе обычныхъ для того орудій; если и теперь, въ наше время, народъ косо смотритъ на бѣдняка, который торопится, не дождавшись болѣе зажиточныхъ, убрать съ поля хлѣбъ свой [1]), а законъ для всѣхъ полевыхъ работъ предписываетъ соблюденіе мѣстныхъ обычаевъ [2]): то тѣмъ болѣе необходимъ былъ общественный распорядокъ во времени, работахъ и орудіяхъ въ такомъ быту народа, когда обычаи еще не утвердились, опыты не окрѣпли, удачи и неудачи относились не къ истиннымъ причинамъ, труду и его порядку, а къ суевѣрнымъ предположеніямъ. И не одно хлѣбопашество вызывало у верви столько участія и дѣятельности; остальные промыслы вѣка — звѣроловство и рыболовство, птицеловство и пчеловодство также не могли оставаться внѣ круга общиннаго надзора, которому были

явно заимствованы изъ Нѣмецк. права, говорящаго, по Мауреру, о давности въ drey Jahr, drey Monat und drey Tag, объясняемой также изъ трехпольнаго хозяйства. Послѣ того—продолжаетъ Бѣляевъ—встрѣчается давность въ 15 лѣтъ,—въ 4 и 5 лѣтъ. Но въ Судебникахъ давность, для частныхъ лицъ и владѣній, узаконяется трехлѣтняя, слѣдъ которой видѣнъ въ Статутѣ 1566. *Maurer*: Die Verjährung von drey Jahren *oder von drey Laubfällen* (101).

[1]) Похватался—говорятъ въ сѣверн. уѣздахъ Черниг. губерніи.

[2]) Сводъ Зак. Т. XII, стат. 126, *Уст. о сельск. хоз.*

извѣстны и мѣсто и время производства, и орудія ловли и знаки принадлежности. Искали же татя по верви и отвѣчала вервь за похищеніе меду изъ борти, звѣря и птицы изъ сѣти, равно какъ за уничтоженіе знаковъ принадлежности, и «всякаго знаменія, имъ же ловлено». Стало быть, вервь знала, кто, чѣмъ, когда и гдѣ производитъ тотъ или другой промыселъ. Иначе, при неизвѣстности татя, верви приходилось бы отвѣчать за похищенія, которыхъ никогда не бывало. Не отвѣчала вервь за кости человѣка, растерзаннаго звѣрями; не должна была отвѣчать за медъ, выѣденный медвѣдемъ, и т. д. Присоединимъ къ этому, что звѣроловы, пчеловоды могли не имѣть отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, составляя особый классъ жителей, съ особыми отношеніями къ верви, и съ особыми обязанностями; какъ устранить общину отъ вмѣшательства въ промыслы, которыхъ одно познаніе столь важно для опредѣленія этихъ отношеній и обязанностей? И такъ мы будемъ правы, сказавъ, что сельское хозяйство древней Руси, со всѣми его видами, средствами, орудіями, счетомъ и мѣрами, было созданіемъ древней верви, нашего древнѣйшаго быта.

Далѣе, въ качествѣ общины, подчинявшей себѣ всѣ вопросы, связанные съ поземельнымъ владѣніемъ, вервь должна была заключать въ себѣ *первое управленіе по земскому устройству,* куда принадлежитъ прежде всего устройство дорогъ. Эти пространства, долженствовавшія постоянно быть свободными отъ заселенія, обработанія, построенія и всякаго препятствія къ проѣзду, не могли быть проложены и установлены, безъ содѣйствія общества, ни частными лицами, изъ деревни къ ихъ полямъ и лугамъ, ни отдѣльными деревнями и селами, для ихъ взаимнаго соединенія. Первыя, такъ называемыя полевыя, естественно, зависѣли въ своемъ направленіи, ширинѣ, и продолженіи отъ той же власти, которая вообще раздѣляла общее пространство на поля, луга, пастбища, а, въ этомъ случаѣ, выдѣляла порожнія мѣста для общаго пользованія. Вторыя, проселки, соединявшіе деревни съ деревнями и села съ селами и городами, тѣмъ болѣе нуждались въ содѣйствіи общей власти. Тутъ не легко было уладить дѣло отдѣльнымъ географическимъ общинамъ, де-

ревнямъ и селамъ, изъ которыхъ однѣ не захотѣли бы примкнуть своей дороги къ проложенной по землѣ сосѣдней общины; другія повели бы путь свой по направленію, которое грозило вредомъ для луговъ и полей другаго села; иные давали бы дорогу на своихъ земляхъ такую пнистую, кочковатую, гнилую, что по ней далеко не уѣдешь, и т. д. Такъ называемая общая, всѣми чувствуемая потребность сообщеній, не равно обща, не одинаково чувствуется всѣми, уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ извѣстному центру, и возрастая съ разстояніемъ отъ этого центра. Слѣдовательно отъ отдѣльныхъ общинъ нельзя было, или долго было ожидать уравненія ихъ интересовъ, а тѣмъ менѣе установленія, которымъ устраняется вліяніе на дороги частнаго права, упрочивается за дорогами общественная собственность, опредѣляется направленіе, ширина и свойство дороги, по мѣрѣ пользованій,— положенія, безъ которыхъ дороги немыслимы. Все это необходимо вызывало дѣятельность общей, земской власти верви. Но также точно способъ построенія зданій и жилья не могъ обойтись безъ участія общей власти. Мы находимъ тому документы въ распоряженіяхъ Русской Правды о городникахъ и мостникахъ, равно какъ въ содержаніи Устава В. Ярослава о мостахъ, и не менѣе выжныя доказательства въ общихъ соображеніяхъ. Если городники и мостники разсматриваются въ законѣ, какъ служебныя, оффиціальныя лица, съ исключительнымъ правомъ производства, и съ правительственнымъ установленіемъ вознагражденія: то, безъ сомнѣнія, они дѣлали свое дѣло не безъ соблюденія извѣстныхъ, принятыхъ или установленныхъ общею властію правилъ. Но что̀ были для общей власти, во время Русской Правды, мостники и городники, то были для каждой верви плотники и печники, которые также должны были соблюдать извѣстныя правила, также получать извѣстное вознагражденіе. При этомъ мы не ограничиваемся однимъ сходствомъ положенія, но судимъ по результату. Способъ частной постройки, одинаковый во всей почти Россіи, избами или хатами, съ клѣтями и подклѣтьемъ, съ полатями и подпольемъ, съ употребленіемъ мху, съ извѣстною кровлею и съ извѣстною *русскою печью,* конечно, не могъ быть на такомъ пространствѣ

земли и на такомъ протяженіи вѣковъ результатомъ личной изобрѣтательности, произвольнаго соображенія, частнаго разсчета. Одинаковый, общій обычай въ народномъ построеніи, какъ и въ народной системѣ хозяйства, могъ сложиться только изъ наблюденій и опытовъ повсемѣстныхъ и вѣковыхъ, имѣвшихъ органами своего выраженія не отдѣльныя лица, а цѣлыя общины. Еще болѣе дѣйствовала общая власть въ дѣлѣ размѣщенія цѣлой деревни, вдоль рѣки или вокругъ озера, но, во всякомъ случаѣ, въ средоточіи полей и вблизи луговъ, и притомъ *гнѣздами*, изъ дворовъ, съ ихъ задами и лицевою стороною, съ переулками, улицами, и *съ коломъ*, которое на юго-западѣ означало сходку, вѣче, а у насъ ворота, ходившія вокругъ своей оси. Не говорю уже о такихъ построеніяхъ, каковы были впослѣдствіи храмы Божіи или церкви, постоянно, во всѣхъ русскихъ селахъ, возводившіяся только по двумъ образцамъ, на подобіе большой избы или клѣти, *клѣтцки*, и въ видѣ собственно храма, *вверхъ* [1]).

Наконецъ на землѣ верви жилъ народъ съ его обязанностями къ верви и правами, съ его взаимными отношеніями и дѣятельностію; вервь должна была также имѣть вліяніе на эту сторону своей жизни, и, въ этомъ направленіи, она была *первымъ гражданскимъ обществомъ* Руси. Какъ всякое общество, вервь имѣла свои общія нужды, свои общественныя потребности, которыя частію уже видѣли мы при изложеніи хозяйственной дѣятельности и земскаго управленія верви, и, какъ всякое общество, находила удовлетвореніе этимъ нуждамъ и потребностямъ въ силахъ, средствахъ и дѣятельности своихъ членовъ. Общее питается частнымъ потому, что частное живетъ общимъ. Вервь сообщала членамъ права, за то налагала на нихъ обязанности, и дѣлала ихъ своими гражданами. И прежде всего каждый членъ былъ защищенъ и поддержанъ вервію, въ его личности. Если послѣдующіе погосты и потуги отовсюду требуютъ выдачи и возврата своихъ погощанъ, долженствовавшихъ, по кабаламъ и другимъ актамъ, принадлежать князю или другому вла-

[1]) *Неволина*, Приложенія къ Пятинамъ, стр. 47 и друг.

дѣльцу [1]): то тѣмъ болѣе должны были стараться о томъ верви — молодыя, слабыя соединенія, для которыхъ потеря каждаго члена была слишкомъ чувствительна. Понятно, что выкупъ плѣнныхъ, являющійся у насъ такъ рано, и отсутствіе рабства, доказанное всѣми свидѣтельствами, были дѣломъ верви и прямымъ слѣдствіемъ общиннаго быта Руси.

Съ другой стороны, вервь, какъ форма общественной жизни, вызывала членовъ къ разнообразной дѣятельности, а, какъ гражданское общество, сообщала общественный характеръ самымъ дѣятелямъ, образуя изъ нихъ классы, разряды. Верви нужны были сельскіе хозяева, но столько же впослѣдствіи были нужны ремесленники, кузнецы, плотники, мостники, городники, равно какъ лица, содѣйствовавшія мѣнѣ и торгу, купцы и гости. Древность появленія, въ Руси, различныхъ ремеслъ засвидѣтельствована документами, которыхъ выраженія: скора и порты, до сихъ поръ слышатся напр. въ названіяхъ *скорняковъ* и *портныхъ*, отъ *скора* и *порты*,— словъ, употребляемыхъ современнымъ народомъ почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялъ ихъ народъ, при вѣщемъ Олегѣ и В. Ярославѣ. А необходимость общинной, общественной жизни, для появленія и развитія ремеслъ, доказывается тѣмъ, что это развитіе ремеслъ, какъ и торговли, немыслимо внѣ общества, слѣдовательно внѣ общины И такъ, по вызову верви, эти члены занимались мирными трудами; но, въ то же время, по требованію верви, другіе посвящали себя дѣлу ея защиты и обороны. Весьма вѣротяно, что земцы, называвшіеся на югѣ *земянами* [2]), въ древности, были воями верви, владѣвшими землею общины подъ условіемъ занятія войною; равно какъ, что бояре, съ ихъ дружиною, до прихода князей, за извѣстное владѣніе тою же землею, были вождями этихъ воевъ верви. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ времени, когда появились въ Руси князья, бояре, вои, а знаемъ навѣрное, что эти разряды лицъ найдены въ Руси и наслѣдованы Варяжскими князьями отъ временъ давно прошедшихъ. Множество названій, встрѣчаемыхъ

[1]) *Неволина*, Пятин., 92, 93.

[2]) Акты Кіевск. коммис. 1852, III, стр. 41, 123, 191.

въ Русской Правдѣ, каковы: посадникъ, тысячскій, сотскій, бояринъ, мечникъ, дѣтскій, отрокъ, могли родиться, и, не безъ смысла, только въ народѣ, только въ верви[1]). Не должно впрочемъ думать, что уже въ это время состоялась наслѣдственность этихъ разрядовъ; при зависимости преимуществъ отъ дѣятельности и обязанностей, рожденіе, или происхожденіе, въ это время, само по себѣ, не могло еще обусловить принадлежности лица къ извѣстному разряду. Боярство, посадничество, военное земство, какъ занятія вообще, какъ различныя положенія и учрежденія общества, были непрерывны; но, какъ занятія или положенія извѣстныхъ лицъ, онѣ были вполнѣ опредѣлены временемъ ихъ дѣятельности.

Послѣ этого вервь установляла взаимныя права земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, напр. по закону половничества, и отношенія тѣхъ и другихъ къ обществу; сообщала права ремесленникамъ, гостямъ и купцамъ, какъ въ кругу ихъ юридическихъ частныхъ сдѣлокъ, такъ и въ быту общегражданскомъ, напр. въ случаѣ убійства лицъ, принадлежавшихъ къ извѣстному разряду, и, безъ сомнѣнія, опредѣляла значеніе, положеніе и дѣятельность правительственнаго и воинскаго классовъ. И вообще всѣ разряды и классы, встрѣчаемые въ Русской Правдѣ, одолжены верви или древнѣйшей русской общинѣ тѣмъ общественнымъ, политическимъ положеніемъ, которое, очевидно, принадлежитъ имъ по законодательству Ярослава. Ни онъ, ни дѣти его, ни Владиміръ Мономахъ не могли сами, безъ представителей отъ этихъ классовъ, сознавать такъ ясно ихъ нужды и потребности, ни узаконять ихъ права и преимущества, съ такою вѣрностію взгляда, которымъ характеризуются статьи Правды. Во времена Правды, различные классы населенія уже имѣли общественныя права, наслѣдованныя ими отъ древнѣйшаго быта, отъ жизни въ верви. Прибавимъ въ заключеніе, что вервь, столько совершившая, для установленія правъ, должна была еще болѣе дѣйствовать, для ихъ охраненія, и не токмо судомъ и расправой, но особенно взаимною обороною, для обезпеченія имуществъ и лицъ народа отъ дѣйствія внѣш-

[1]) Русская Правда, изд. *Калачова*, Введеніе.

ней природы и общественныхъ несчастныхъ событій, напр. во время пожаровъ, голодовъ, и въ случаяхъ нищеты. Она положила основаніе той системѣ общиннаго и общественнаго союза, въ которой народъ искони и до сегодня находитъ свое спасеніе, при указанныхъ случаяхъ, въ формѣ застрахованія, взаимнаго застрахованія, и вообще взаимной обороны.

Но раздѣленіе народа по занятіямъ, вызванное и обезпеченное вервію, съ своей стороны, имѣло вліяніе на тогдашній бытъ общества, и отразилось какъ на внѣшнемъ видѣ, такъ и на внутреннемъ составѣ верви. Ремесленники и купцы, сначала разсѣянные между сельскими жителями, подобно современнымъ сельскимъ портнымъ, бродячимъ коноваламъ, шерстобоямъ и ходебщикамъ-торговцамъ, впослѣдствіи времени, стѣсняемые своимъ количествомъ, сближаемые своими взаимными нуждами, и пользуясь независимостію промысла отъ земли и поземельнаго владѣнія; сходились мало по малу въ одно мѣсто, разумѣется, въ средоточіе верви, въ ея главное поселеніе, селились одинъ подлѣ другаго, вблизи деревень, посреди сельскихъ общинъ и окруженные сельскими общинами, образуя своимъ поселеніемъ рядки и торги, посады и городища, наконецъ и города. И тогда, какъ сельскія общины могли измѣняться въ своемъ населеніи, могли пустѣть и вновь наполняться сельчанами, которые могли ходить по всему пространству Россіи, — общины, принявшія значеніе рядковъ и торговъ, съ населеніемъ, которое было связано личными расчетами, да свойствомъ занятій, и постоянно оставалось на одномъ мѣстѣ; неизмѣнно и всегда для каждаго новаго сельскаго поселенія, сохраняли свое главное значеніе, свою дѣятельность, свое вліяніе. Это рядское, торговое, городское населеніе образовало изъ себя ядро новой осѣдлости, независимой отъ земли и условленной личностію, куда мало по малу сходились и другіе классы, также независѣвшіе отъ земли, также условленные своею личною дѣятельностію, какими были вои, дружина, бояре. Постоянству должно было уступить первенство. Рано или поздно, осѣдлое городское населеніе стало противополагать себя подвижному сельскому, стало само чувство-

вать свою важность для общины и верви, стало сознавать свое значеніе, какъ главы общины и представителя верви, и, дѣйствіемъ различныхъ, но понятныхъ причинъ, приняло на себя управленіе дѣлами и судьбою цѣлой верви. Позднѣйшее выраженіе: *земли св. Софіи къ Новугороду* было въ древности выраженіемъ для права всѣхъ городовъ и промышленыхъ поселеній Руси. Съ этого времени, вервь получила особый видъ пространства или округа, заселеннаго деревнями и селами, которыя въ каждой верви тянули къ ея главному средоточію, рядку, посаду, городу. Не вездѣ, не въ каждой верви образовались такія промышленныя городскія средоточія; большая часть изъ нихъ остались при своихъ древнихъ, первоначальныхъ, сельскихъ средоточіяхъ: въ такомъ случаѣ, естественно, они были менѣе богаты, менѣе устроены, менѣе безопасны, менѣе населены, и, отъ времени до времени, чувствовали потребность сліянія съ общинами, которыя успѣли образовать въ себѣ промышленныя и правительственныя средоточія. Отсюда происходятъ разнообразныя пространства земли, составившія владѣнія, или области городовъ, по величинѣ соотвѣтствовавшія силѣ и развитію своихъ центральныхъ общинъ. Но, съ появленіемъ городскихъ поселеній въ Руси, перемѣны въ верви не ограничились однимъ внѣшнимъ ея видомъ.

Отдѣлившись отъ чисто-сельской общины, рядки, посады, города начали вести особную жизнь. Промыслы ихъ развивались быстрѣе, богатство множилось замѣтнѣе, народонаселеніе возрастало значительнѣе, а наконецъ и управленіе сдѣлалось въ нихъ сложнѣе: потому что, кромѣ собственныхъ дѣлъ, они занимались дѣлами селеній. Понятно при этомъ, что, если деревни и села распадались на гнѣзда и улицы, то города могли уже раздѣляться на концы, стороны, части, напр. дѣтинецъ и кремль, собственно городъ, слободы, улицы и т. д. И, если въ деревняхъ и селахъ, для разныхъ цѣлей управленія, было установляемо и долго держалось раздѣленіе на десятки, и только иногда на сотни: то въ городахъ, для тѣхъ же цѣлей, должны были явиться уже сотни, тысячи и т. д. И, если деревни и села были поручаемы сот-

скимъ, десятскимъ или тіунамъ [1]), то города находились подъ управленіемъ старѣйшинъ по улицамъ, концамъ, сторонамъ, и тысячскихъ съ посадниками на всемъ пространствѣ своихъ владѣній. Какъ вездѣ въ Европѣ [2]), такъ и у насъ нѣтъ необходимости принимать десятки, сотни и тысячи, на которыя дѣлился народъ, въ буквальномъ ихъ значеніи. Тысячи часто носятъ названія одного города — Кіева, Переяслава, Бѣлгорода, и очевидно не выражаютъ всей суммы ихъ жителей; сотнями называются купеческіе классы, будетъ ли въ данномъ мѣстѣ сто, болѣе или менѣе лицъ торгующихъ; десятки примѣняются преимущественно къ населенію селъ и деревень, независимо отъ числа населенія. Десятки, сотни и тысячи, на древнѣйшемъ административномъ языкѣ, выражали только взаимное отношеніе властей народныхъ: потому что, какъ въ деревнѣ и селѣ дѣйствовали десятскіе, такъ въ торговомъ населеніи — сотскіе, а въ общемъ, высшемъ кругѣ — тысячскіе и посадники [3]). Это взаимное отношеніе властей показываетъ, съ своей стороны, какъ отдѣльныя деревни и села, тянувшія къ городу, подчинялись имъ со всѣмъ своимъ управленіемъ, и какъ область, сплоченная единствомъ городскаго центральнаго управленія, составляла самоправную общину, выше которой не было общества, какъ выше тысячскаго не было власти [4]).

Такова община, господствовавшая въ древнѣйшей Руси, до прихода князей, до появленія извѣстныхъ историческихъ и юридическихъ памятниковъ. Здѣсь считаемъ умѣстнымъ отмѣтить историческое явленіе великой важности; это — сходство и даже тожество нашей верви съ германскою маркою. Въ землѣ древней Германіи, какъ и

[1]) Maurer, 139; Landau, 194, 195. Основаніе=ty — zehn, — Centing — Thehinc—Tunginus,—и пр.—Въ Литов. Стар. Статутѣ тіуны уже названы державцами.

[2]) Landau, 191 и слѣд.

[3]) Давно уже о Германцахъ сказалъ Тацитъ: et quod primo numerus, jam nomen et honor est.

[4]) Исключительно военному значенію тысяцкихъ противорѣчитъ *судъ*, имъ предоставленный.

въ древней Россіи, Hube, Hufe, Hof, curtis, mansus, вообще дворы составляли первичные элементы осѣдлости, изъ которыхъ образовалась и на которые распадалась территоріальная германская община — марка [1]). Тамъ, какъ и у насъ, дѣятельность общины обнимала собою всѣ разнообразныя стороны общественнаго быта, начиная съ хозяйственной и кончая гражданской, государственной сторонами народной жизни. Вотъ точки соприкосновенія, не дающія права предполагать заимствованіе—потому что явленія были современны, и уничтожающія всякое сомнѣніе въ положеніи, что бытъ общинный по маркамъ, вервямъ или погостамъ есть основа столько же историческая, сколько и логическая для всѣхъ обществъ Европы. Ссылаемся на уважаемыя сочиненія Ландау и Маурера, не говоря объ Эйхгорнѣ и другихъ; ссылаемся на самые результаты противоположнаго направленія, появившагося, въ прошломъ десятилѣтіи, въ нѣмецкой литературѣ, — результаты, которыхъ несостоятельность вполнѣ доказана упомянутыми сочиненіями Ландау, Маурера [2]).

Соображая сказанное, мы, какъ бы, присутствуемъ при образованіи русскаго общества, земства, послужившаго основою и почвою для русскаго государства. Состоялось общество, должно было появиться государство. Прибавимъ, въ заключеніе, два три—слова, въ объясненіе, какъ повода къ появленію, въ Руси, государства, такъ и основанія для послѣдующихъ отношеній между этимъ обществомъ Руси и государствомъ. Вервь, эта древнѣйшая форма общественнаго быта, по самой своей жизненности и дѣятельности, не могла оста-

[1]) См. выше. стр. 70.

[2]) *Ландау*, Die Territorien etc., особ. стр. 52, 53, 64, 65, 97, 98 и др. *Маурера:* Einleitung zur Geschichte etc. 5, 8 стр., гдѣ также говорится о законѣ Хильпериха, по которому наслѣдство наконецъ обращается въ родъ, и не идетъ болѣе, какъ прежде, къ сосѣдямъ, ad vicinos. Очевидно, что прежде и наслѣдство не шло въ родъ, а въ общину.

ваться постоянно въ одинаковомъ видѣ, въ одномъ положеніи; напротивъ, вмѣстѣ съ успѣхами въ рѣшеніи своей задачи и въ достиженіи своей цѣли, она должна была мѣнять свое значеніе, свою дѣятельность. Первая перемѣна, происшедшая въ древнѣйшей нашей общинѣ, внесена сюда еще до призванія князей, собственнымъ развитіемъ общественности, образованіемъ въ Руси упомянутыхъ земель и областей. Далѣе дѣйствіемъ племенныхъ сочувствій и противоположеній, никогда не исчезавшихъ въ народѣ, и дѣйствіемъ различныхъ успѣховъ въ развитіи вервей, возвышавшихся одна надъ другою до различія болѣе и менѣе устроенныхъ и т. д., изъ среды этихъ, первоначально равныхъ общинъ, принадлежавшихъ къ одному племени, должны были возникнуть и дѣйствительно возникли новыя, общнѣйшія средоточія для общинъ цѣлаго племени. Стянувшись къ этимъ болѣе общимъ, болѣе сильнымъ и вліятельнымъ средоточіямъ, каковы были главнѣйшіе города и вообще города въ земляхъ, занятыхъ цѣлыми племенами, верви вошли въ составъ ихъ, какъ элементы, и образовали въ нихъ области Новгородскую, Полоцкую, Кіевскую, или земли Сѣверянъ, Кривичей, Древлянъ и т. д. Въ слѣдствіе сего верви, естественно, должны были этимъ высшимъ соединеніямъ уступить часть своего вліянія на сушу и воду, на дворы и населеніе, и имъ же передать высшее управленіе по суду и расправѣ, по внутреннему управленію и по дѣламъ безопасности. Земли и области содѣлались такими же территоріальными общинами, какими были верви, только въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и съ высшими правами, и стали для народа второю инстанціею общественности, съ формами, правами, властію и преимуществами, которыхъ изученіе уже не представляетъ трудности, послѣ знакомства съ вервію, и особенно по причинѣ извѣстности быта, господствовавшаго долго въ областяхъ Новгорода и Пскова.

Земли и области, перенесшія на себя права вервей, содѣлались извѣстны въ Исторіи тѣмъ, что подали поводъ къ явленію въ Руси общей верховной власти, и тѣмъ, что, пользуясь своимъ могуществомъ, умѣли отстоять извѣстное положеніе общества, въ государствѣ. Поддерживая и рас-

распространяя, подобно своимъ составнымъ общинамъ, и на основаніи установленій верви, чувство правды и порядокъ на всемъ пространствѣ своего обладанія; но, не находя ни правды, ни тишины въ собственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними землями и областями; каждая изъ этихъ большихъ общинъ и всѣ вмѣстѣ должны были рано или поздно почувствовать необходимость во власти высшей, общей, княжеской, верховной. Въ размѣрахъ области [1]), средства общинъ были весьма значительны, относительное развитіе весьма различно, точки соприкосновенія и столкновенія многочисленны, чувство противоположенія другимъ общинамъ, на основаніи собственнаго, внутренняго, племеннаго единства, весьма живо; а потому сомнѣнія, разномыслія, несогласія, споры между общинами, естественно, всегда принимали характеръ вражды продолжительной и борьбы интересовъ, не допускавшей мира безъ содѣйствія внѣшней силы, безъ нашествій, битвъ, войнъ. Къ тому же, въ числѣ своихъ сосѣдей, иныя области имѣли земли, населенныя племенами совершенно чуждой имъ народности, такъ что войны съ этими землями, разъ начавшись, какъ было впослѣдствіи, становились непрерывными, постоянными. И вотъ области и земли даже различной народности, особенно угрожаемыя извнѣ, или особенно страдавшія отъ размирья, первыя рѣшились, во имя общаго чувства, пригласить въ Русь Князей—Варяговъ. Насъ могутъ остановить на этомъ мѣстѣ и сказать, что Несторъ не такъ разсказываетъ событіе, и говоритъ, въ его объясненіе, что *возсталъ родъ на родъ* и т. д.; но это-то выраженіе и эти слова Нестора сами подтверждаютъ наше положеніе. Очевидно, здѣсь у него идетъ рѣчь не о родѣ физическомъ или физіологическомъ, состоящемъ изъ семьи, двухъ семействъ, или изъ десятка ихъ. Если бы только такіе роды возставали одинъ на другой и на другіе, то вездѣ, въ Руси, достало бы посредниковъ, судей, или тіуновъ, десятскихъ, сотскихъ, тысячскихъ, для ихъ примиренія, на основаніи правилъ и обычаевъ мѣстности; и тутъ не для чего было бы искать, *внѣ своей великой земли*, князей и владыкъ, и

[1]) *Погодина*: «Изслѣдованія» и пр., III. стр. 245 и слѣд.

не естественно было бы просить ихъ *объ управѣ для всей великой земли.* Приглашали князей не какіе нибудь отдѣльные роды, а Словене, Чудь, Весь, Кривичи, цѣлыя племена; и приглашали ихъ эти племена княжить и владѣть не отдѣльными родами, а всѣми ими, т. е. Словянами, Кривичами, Чудью, Весью, слѣдовательно цѣлыми племенами. И дѣйствительно, только распри такихъ родовъ, какими были племена и цѣлыя области, могли вызвать мысль о необходимости для Руси одной верховной власти, и оправдать, на всю исторію Руси, способъ установленія общей власти, призваніемъ князей изъ-за моря, изъ-за предѣловъ Руси.

Области, которыя рѣшились первыя призвать въ Русь князей варяжскихъ, равно какъ земли, которыя впослѣдствіи подчинились имъ, хорошо понимали значеніе власти, отнынѣ переходившей къ князьямъ въ формулѣ или выраженіи: *княжить и володѣть ими. Княжить и володѣть*, или управлять и для того собирать доходы, для Руси того времени, означало то же самое, что впослѣдствіи установлялось въ сношеніяхъ Новгорода и Пскова съ ихъ князьями. Ильменскіе Словяне и другія племена сѣверо-запада призывали власть, которою потомъ воспользовалась цѣлая Россія; вся Россія сообщала власти размѣръ и объемъ, котораго ясные слѣды надолго остались въ Новгородѣ и Псковѣ. А именно: области передавали князьямъ ту лишь власть надъ всею русскою землею, которую сами имѣли въ своихъ предѣлахъ; онѣ уступали въ ихъ распоряженіе тотъ нарядъ въ цѣлой Руси, который сами успѣли установить среди собственнаго населенія. Содѣлать общими, для всей Россіи, для всей земли великой и обильной, законъ и нарядъ, господствовавшіе въ частяхъ ея, да сообщить покой и безопасность на всѣхъ предѣлахъ земли русской — вотъ первоначальное назначеніе общей верховной власти. Опредѣленія другихъ мы считаемъ не довольно точными. Княжить, говорятъ одни, значило давать управу; но, если не было основъ къ тому, то для князей первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ не достало бы даже времени создать ихъ. Такъ непрерывны были ихъ войны. Княжить, утверждаютъ другіе, означало предводительствовать народомъ въ войнахъ; но, за немногими исключеніями,

войны князей производились ихъ малочисленными дружинами, и народъ не принималъ въ нихъ участія. Напротивъ, варяжскіе князья должны были дать Руси то, чего ей не доставало, на основаніи и при посредствѣ того, что въ ней было. Не было въ ней власти общей, не было порядка въ цѣломъ, не было законности, признанной и обезпеченной всѣми, одинаково; но въ общественной власти, въ общественномъ порядкѣ и дѣйствіи законности по частямъ, по вервямъ и областямъ, недостатку быть не могло. Какъ иначе объясните вы распоряженія нашихъ договоровъ съ Греками, при второмъ и третьемъ князѣ изъ рода призванныхъ? Греки могли дать понятіе о формѣ и заключеніи договоровъ; но откуда взять, хотя бы Олегу, едвали хорошо знавшему самый языкъ Руси, содержаніе или отвѣты на вопросы о русскомъ законѣ, въ случаѣ убійства, нанесенія ранъ, воровства, изслѣдованія, доказательствъ, расправы, суда по имуществамъ, наслѣдованію, завѣщаніямъ, или по вопросу о плѣнныхъ и т. д.? Нѣкоторые отвѣты подсказаны Греками? Можетъ быть; но остальные, но большая часть ихъ, соотвѣтствовавшіе духу и быту народа, не могшіе быть изобрѣтеніемъ князей, ведшихъ переговоры, да и повторившіеся впослѣдствіи въ Русской Правдѣ [1])? Конечно, эти отвѣты должно было заимствовать изъ жизни народа, откуда занята и вся Русская Правда. Какова же была ясность и точность сознанія о русскомъ законѣ у людей, окружавшихъ Олега и Игоря, когда они тутъ же на вопросы Грековъ дали такіе правильные, опредѣленные отвѣты? И не должно ли это служить доказательствомъ развитаго общественнаго быта въ Руси до-Рюриковой, распадавшейся на земли, и управлявшейся областями? Степень этого развитія, при нынѣшнемъ состояніи исторіи, можетъ быть вопросомъ спорнымъ; но предположеніе о развитіи общественности въ Руси того времени болѣе, чѣмъ вѣроятно; оно не сомнѣнно. Не повторяя сказаннаго доселѣ, обратимъ вниманіе на извѣстія новѣйшихъ ученыхъ о торговлѣ Руси, до призванія Варяговъ [2]);

[1]) Русь въ первыя сто лѣтъ, *Бѣляева*.

[2]) *Погодина*: Изслѣд., III, стр. 246 и слѣд., особенно 292 и слѣд.

припомнимъ число большихъ городовъ, существовавшихъ въ Руси до Рюрика и извѣстныхъ до нашего времени [1]); признаемъ, что самое призванiе князей варяжскихъ, выражающее собою и протестъ противъ господства силы, и требованiе законности, есть доказательство въ пользу предположенiя о раззитiи, въ древнѣйшей Руси, понятiй права; согласимся, что была уже гражданственность въ народѣ, который претворилъ въ себя элементы финскiй и даже варяжскiй, который по этому не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ Руси; не упустимъ изъ виду, что юридическiя понятiя долго хранились въ одномъ сознанiи и быту народномъ, откуда постоянно были заимствованы въ законодательные акты правительства, чтобы потомъ перейти въ составъ Русской Правды; не забудемъ того общественнаго развитiя, въ Новгородѣ и Псковѣ, которое долго мѣшало князьямъ упрочить въ нихъ власть свою, и которое проглядывало повсюду въ древней Руси, и въ Кiевѣ, и въ Суздалѣ, и даже во Владимiрѣ. А вотъ кстати еще соображенiе, доказывающее, что на Руси того времени и существовало особое свое народное устройство, и было защищаемо законнымъ, разумнымъ образомъ. Размышляя о посредничествѣ, которое впослѣдствiи такъ часто употребляло наше духовенство для утвержденiя, расторженiя или примиренiя отношенiй различныхъ областей къ ихъ князю [2]), и которое постоянно было признаваемо обѣими сторонами; нельзя не думать, что потребность въ такомъ посредничествѣ стали чувствовать на Руси уже съ первыхъ годовъ призванiя Князей-Варяговъ. Эти князья правили областями, строили порядокъ въ Руси; но сами составляли новый, пришлый элементъ, котораго отношенiя къ областямъ могли быть нарушаемы такъ или иначе [3]). И должно было

[1]) *Его же*: Изслѣд. V, о княжествахъ, и особ. о Новгородѣ, въ концѣ тома; 273—462. *Бѣляева* статья во «Временникѣ», кн. 14 о землѣ и городахъ до Рюрика.

[2]) Напр., со стороны митрополит. Кипрiана и Фотiя Истор. Акт. I № 10, 1395 и № 23, 1416.

[3]) Преданiе о Вадимѣ, убитомъ Рюрикомъ.

упорядочить и упрочить эти верховныя отношенія посредствомъ еще высшихъ, слѣдовательно религіозныхъ учрежденій, которыя, съ своей стороны, могли быть обязательны для сторонъ только при единствѣ вѣры, общей народу и правителямъ. Не потому ли Русь начинаетъ искать, также внѣ себя, внѣ своего раздѣленія на поклонниковъ Перуна и Одена, одной общей вѣры съ первыхъ годовъ признанія князей варяжскихъ? Это — догадка, въ пользу которой можно однакожь сослаться на то, что для исканія иной вѣры нужно было сначала отрицаніе собственной, утвержденной вѣками; что для этого отрицанія, въ быту разсматриваемаго времени, могли быть только внѣшнія побужденія; что это отрицаніе начинается именно съ прихода Варяговъ, въ лицѣ Аскольда и Дира; что потомъ мудрая, распорядительная Ольга почувствовала эту потребность, и ей возражаетъ воинственный, рѣдко жившій въ Руси, Святославъ, только опасностію разойтись съ дружиною, и наконецъ что этой общей вѣры искали, при Владимірѣ, посредствомъ отправленія въ разныя страны мужей, избранныхъ изъ народа.

Предположенію развитой общественности у древнихъ Руссовъ, повидимому, противорѣчитъ прежде всего картина языческаго быта у Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, начертанная Несторомъ. Но противорѣчитъ ли она дѣйствительно? Преподобный Несторъ съ отвращеніемъ говоритъ о семейномъ бытѣ этихъ племенъ и о различныхъ обрядахъ, неразлучныхъ съ язычествомъ; его омерзеніе возбуждается именно язычествомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ до его времени удержали эти обычаи. Съ другой стороны, даже въ этомъ отношеніи семейнаго быта, Поляне-язычники вызываютъ похвалу преподобнаго. Слѣдовательно были еще до христіанства племена, не только общественно, но даже нравственно развитыя. А месть? какая общественность возможна при господствѣ мести? Месть — одна изъ общнѣйшихъ и сильнѣйшихъ страстей человѣка. Ахиллесъ, Одиссей совершали подвиги мести, за которые сами содѣлались предметомъ народныхъ пѣснопѣній и общаго сочувствія. Честь рыцарская не менѣе причастна мести. Вѣроятно, по этому, говоря о заимствованіяхъ Правды, никогда не думаютъ, чтобы первая

статья могла быть заимствована. Между тѣмъ характеръ Полянъ, описанный Несторомъ; отсутствіе у насъ типовъ мести въ сказкахъ и пѣсняхъ; явленіе мести только въ первыхъ колѣнахъ варяжскаго владѣтельнаго дома; установленіе мести послѣ того, когда Владиміръ отказывается казнить даже разбойниковъ, и быстрое уничтоженіе въ Правдѣ этой статьи Ярослава, при его дѣтяхъ; — все это наводитъ сомнѣніе на месть, какъ русское, народное установленіе, и заставляетъ предполагать заимствованіе именно въ первой статьѣ Правды. Но главнымъ доказательствомъ развитія общественности, въ древнѣйшей Руси, служитъ Общественное Право, установленное въ Русской Правдѣ, — этомъ кодексѣ общинности.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Подъ словомъ Русской Правды, обыкновенно, разумѣютъ весьма небольшое количество статей, составляющихъ предполагаемую подлинную редакцію В. Ярослава, и говорящихъ только объ убійствѣ и воровствѣ, нанесеніи ранъ и вообще о правѣ уголовномъ, или лучше, о правѣ самоуправства. Въ самомъ дѣлѣ, въ 17-ти статьяхъ предполагаемаго подлинника Правды нѣтъ ни слова ни о князѣ, ни о судьѣ, ни о судѣ, ни объ основаніяхъ и доказательствахъ права, и все ихъ содержаніе заключается, по признанію одного ученаго юриста, въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ: 1) о правѣ родныхъ мстить, или требовать уплаты за голову убитаго своего родственника; 2) о правѣ обиженнаго мстить, или требовать платы отъ виновнаго, за нанесеніе ранъ, или за тѣлесныя поврежденія; 3) о правѣ самовольнаго возвращенія своей собственности, находимой въ чужихъ рукахъ и чужомъ владѣніи; наконецъ 4 и 5) тутъ же помѣщенъ, при упомянутомъ узаконеніи самоуправства, уже совершенно лишній способъ порѣшенія спора о принадлежности вещи, сводомъ, или отыскаіемъ перваго пріобрѣтателя, и приговоромъ, неизвѣстно какъ, избранныхъ къ тому 12 мужей [1]). Не смотря на такую ограниченность содержанія предполагаемой первичной редакціи, критика называетъ всѣ другіе виды Правды *распространенными неизвѣстно когда и кѣмъ* [2]), хотя собственно только распространенная редакція можетъ составить правду, ибо здѣсь говорится о судьяхъ и о судѣ, о доказательствахъ права, о присягѣ и свидѣтеляхъ, и о защитѣ собственности, личности и т. д. Допустивши предположеніе стро-

[1]) Древ. Право Рус. Эверса, стр. 347.

[2]) М. П. Погодина, *Изслѣдованіе* I, 248; III, 374 и слѣд. VII, 285 и слѣд.

гой критики, мы не легко рѣшимъ вопросъ о содержаніи нашихъ трактатовъ съ Греками. Напр. какимъ образомъ трактатъ Олега, въ X вѣкѣ, говоритъ о томъ, о чемъ умалчиваетъ Правда В. Ярослава, въ XI? Трактатъ Олега уже говоритъ объ обязанности Князя удерживать *сущихъ подъ рукою*, и вообще подданныхъ *отъ соблазна и вины*,—о необходимости доказывать вину, хотя присягою, — о наказаніи за ложную клятву, — о законѣ, по которому изъ имущества виновнаго исключается часть, принадлежащая его женѣ,—о томъ, что убійство вора съ поличнымъ не считается преступленіемъ,— о сохраненіи и спасеніи судна отъ крушенія, о выкупѣ плѣнныхъ, — о завѣщаніяхъ, о взаимной выдачѣ преступниковъ и т. д.[1]). Не даромъ Карамзинъ, соображая постепенность событій, считалъ 17-ть статей такъ называемой первичной редакціи *отрывкомъ*, а не цѣлымъ уставомъ Правды самого Ярослава.

Между тѣмъ эти изысканія критики остаются не безъ послѣдствій; другіе ученые, разсматривающіе даже Правду распространенную, даютъ ей слишкомъ ограниченное значеніе памятника исключительно юридическаго, содержащаго однѣ положенія права гражданскаго и уголовнаго, съ ихъ судопроизводствомъ и судоустройствомъ. Статьи Правды съ такимъ содержаніемъ дѣйствительно всѣ болѣе на виду, замѣтны съ перваго взгляда, и, по своей особенности, издавна и постоянно у всякаго читателя вызывали вопросы, размышленія, изысканія. И за однимъ изслѣдователемъ являлся другой, за нимъ шелъ третій, и каждый уходилъ не безъ значительнаго пріобрѣтенія въ этомъ отношеніи. Лучшіе наши писатели, историки и юристы трудились надъ Правдою, въ ея отношеніи къ праву гражданскому и уголовному, и, съ этой стороны, весьма много сдѣлали для уразумѣнія и оцѣнки этого устава. Такъ Русская Правда мало по малу должна была получить, въ убѣжденіи ученыхъ, необходимое значеніе—памятника исключительно юридическаго. Это убѣ-

[1]) См. Рѣчь мою *о древней дипломатіи*, Москва, 1847, и И. Д. Бѣляева *первыя сто лѣтъ Руси и пр.*

жденіе поддержано въ юристахъ аналогіею, или примѣромъ XII таблицъ Рима и такъ называемыхъ варварскихъ законовъ, Leges Barbarorum, въ которыхъ почти исключительно говорится о правѣ гражданскомъ и уголовномъ, съ ихъ производствомъ. Но, при дальнѣйшемъ изученіи Русской Правды, нельзя не замѣтить, что она отличается отъ первичныхъ законовъ Рима и Германіи между прочимъ и тѣмъ, что не ограничивается какою нибудь одною стороною жизни народа, а скорѣе старается обнять ея цѣлость, и выразить въ себѣ весь бытъ современнаго ей общества Руси, за исключеніемъ началъ семейнаго права и духовныхъ установленій, уже намѣренно отнесенныхъ въ другой актъ, не народный, а христіанскій.

При этой новой сторонѣ Правды, опасность повторять давно извѣстное обращается въ безопасность дѣлать выводы изъ текста, утвержденнаго многими, принятаго другими учеными, понятаго одинаково съ нами тою, или другою историческою извѣстностію. Русская Правда до сихъ поръ составляетъ камень претковенія для изслѣдователя, какъ въ своихъ положеніяхъ, такъ и въ своихъ терминахъ, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ своемъ значеніи. Не принимая на себя критическаго разбора акта, мы должны пользоваться, въ этомъ отношеніи, трудами другихъ. И чѣмъ болѣе у насъ предшественниковъ, тѣмъ легче нашъ путь, и тѣмъ вѣрнѣе наши шаги на поприщѣ изысканій. Впрочемъ мы позволимъ себѣ высказать здѣсь и свой взглядъ на Русскую Правду, сколько то необходимо, для оправданія послѣдующаго изложенія.

Не вся такъ называемая Русская Правда, не всѣми тѣми статьями, которыя дошли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ, дѣйствовала и существовала при Ярославѣ Великомъ. Не во всѣхъ мѣстахъ даже Ярославовой Руси могла имѣть примѣненіе Правда, въ самомъ началѣ своего изданія. Но чѣмъ менѣе статей, до насъ дошедшихъ, принадлежало къ составу первичной редакціи; чѣмъ болѣе статей прибавлено впослѣдствіи къ подлинному Уставу Ярослава, и чѣмъ измѣненнѣе и разнообразнѣе содѣлались выраженія основной редакціи:

тѣмъ болѣе доказательствъ, что Правда пользовалась въ Россіи повсюднымъ примѣненіемъ къ вопросамъ и нуждамъ, возбужденнымъ въ самыя различныя времена, въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Одно простое сохраненіе и бережное списываніе устава и передача его изъ вѣка въ вѣкъ, какъ дорогой древности, въ оригинальномъ видѣ, среди войнъ междоусобныхъ, среди разгрома татарскаго, уже доказывали бы великую важность этого устава для Руси; а непрестанное возрастаніе, расширеніе и измѣненіе закона, даже самое искаженіе акта писцами, принадлежавшими къ различнымъ столѣтіямъ и областямъ Россіи, составляютъ явный признакъ живой силы и плодородной дѣятельности закона. Русская Правда не мертвою буквою просуществовала нѣсколько столѣтій среди русскаго народа. Что касается до географическихъ предѣловъ примѣняемости Правды, то перемѣны и измѣненія, сдѣланныя въ ней, по собственному ея свидѣтельству, сыновьями и внуками Ярослава въ статьяхъ объ убійствѣ, о ростѣ, о холопѣ ударившемъ свободнаго, и другихъ, ясно доказываютъ, что Правда извѣстна была уже въ XI и XII вѣкахъ и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, — въ этихъ главныхъ средоточіяхъ общественной жизни Руси. А сродство распоряженій, встрѣчаемыхъ во всѣхъ грамотахъ судныхъ и уставныхъ, съ распоряженіями Правды; а употребленіе въ Литовскомъ статутѣ многихъ юридическихъ терминовъ и выраженій, свойственныхъ Правдѣ [1]); а молчаніе Судебниковъ о правомъ и неправомъ и вообще объ основѣ суда, при всей подробности распоряженій о формѣ производства: все это за-

[1]) Временника 18 кн. 1854, *Первый* или *Старый* отъ 1529 г. *о вдовѣ, которая седитъ на вдовьемъ столцы*, — *о дѣтскихъ и тіунахъ только недавно названныхъ державцами*, — *о головщинѣ, о вижахъ*, или *видокахъ* Рус Правды, — *о бортномъ деревѣ, бобрахъ, псахъ и ихъ цѣнѣ*, — *о перевѣсищахъ*, — *о пчелахъ лаженыхъ и нелаженыхъ*, *о закупѣ*, *о челядинахъ и невольникахъ съ четверакихъ причинъ, и т. п.* Четвертый роздѣлъ Статута въ стат. 2, 3, 4 и 5, есть только развитіе статьи Русской Правды о наслѣдствѣ, говорящей: *аще жена сядетъ по мужѣ, то у своихъ дѣтей взять часть, а что на ню мужъ взложитъ, тѣ тому госпожа есть и т. д.* XLIII.

ставляетъ согласиться, что Русская Правда имѣла повсюдное, обязательное приложеніе въ древнѣйшей Руси.

Понятно, что при такой обязательной, постоянной и повсемѣстной примѣняемости Устава къ русскому быту, мы съ трудомъ, и только гадательно можемъ отдѣлить статьи первоначальной редакціи отъ послѣдующихъ постепенныхъ прибавленій. И всего менѣе, кажется, можно успѣть въ этомъ дѣлѣ очищенія обыкновенными, формальными средствами, каковы наприм. нѣкоторые признаки языка, который, при всемъ своемъ единствѣ, имѣлъ въ разныхъ областяхъ Руси весьма различную судьбу, — или свойство сборниковъ, содѣлавшихся случайнымъ ковчегомъ Устава, и списковъ, до насъ дошедшихъ, по стеченію обстоятельствъ. Единственно непогрѣшительнымъ основаніемъ для сужденія о большей, или меньшей древности статьи можетъ быть содержаніе, или распоряженіе статьи, которое должно согласоваться съ историческимъ развитіемъ народной жизни. Но тутъ-то изслѣдователь встрѣчаетъ трудности непреоборимыя. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ отыскать доказательства въ пользу, или противъ древности *извѣстной статьи Правды*, а въ томъ, чтобы доказать *сообразность распоряженія*, или *содержанія* статьи съ ея временемъ. Легко можно, по употребленію въ статьѣ названій: *гроша*, *батога* и т. д. утверждать, что эта статья, въ этой формѣ, написана не прежде извѣстнаго вѣка, или періода, и вообще послѣ Ярослава; но кто докажетъ, что самое распоряженіе статьи не могло быть сдѣлано при Ярославѣ, и впослѣдствіи только переведено на языкъ извѣстнаго столѣтія, извѣстной области; или что распоряженіе, явно занесенное въ составъ Правды, при извѣстномъ последующемъ государѣ, не могло существовать въ обычаѣ до Ярослава, или хоть при Ярославѣ? Изъ того, что Ярославъ не внесъ въ Русскую Правду статьи объ убійствѣ священника, монаха, епископа, или отца и матери, или Князя, не слѣдуетъ, чтобы ни этихъ лицъ, ни покушеній на жизнь ихъ не было въ Руси его времени. Наконецъ вообще должно сказать, что историческій бытъ древнѣйшей Руси самъ еще составляетъ предметъ вопроса, самъ объясняется большею частію изъ распоряженій Правды, и, только въ рѣдкихъ слу-

чаяхъ, и только въ общихъ чертахъ можетъ служить единицею мѣры и средствомъ объясненія для распоряженій Правды. И такъ дѣло очищенія текста Русской Правды, съ показаніемъ постепеннаго ея возрастанія во времени и пространствѣ, мы считаемъ слишкомъ труднымъ, и, имѣя задачею содержаніе Русской Правды, разсматриваемъ ее во всемъ ея составѣ, со всѣми ея статьями, какъ сумму русскаго законодательства, развивавшагося постепенно, начиная съ положеній Ярославова Устава и до XIII вѣка. Развѣ установленія XII и XIII столѣтій для настоящаго XIX недовольно древни? А включенныя нуждами дѣйствительной жизни въ составъ Русской Правды не составляютъ живыхъ неотъемлемыхъ членовъ этого устава? А связанныя съ послѣдующими законодательными актами, какъ источникъ съ дальнѣйшимъ его теченіемъ, не имѣютъ онѣ права на наше вниманіе и изученіе?

Вотъ мои оправданія въ томъ, что я пользуюсь, для своего изслѣдованія, изданіемъ полнѣйшаго текста Русской Правды. Присоединимъ, что, съ нашей точки зрѣнія, Русская Правда не есть только документъ, но преимущественно источникъ и выраженіе права, господствовавшаго въ древнѣйшей Руси. Ярославъ, какъ и послѣдующіе князья — законодатели не были сочинителями, авторами Правды, а только собирателями и редакторами юридическихъ убѣжденій, господствовавшихъ въ ихъ время, въ народѣ. Эти убѣжденія пріобрѣтаются медленно, мѣняются еще медленнѣе, и служатъ почвою для сборниковъ цѣлые вѣки. Чего не подмѣтитъ и не соберетъ одинъ изъ законодателей, остается въ народныхъ обычаяхъ до слѣдующаго дѣятеля, который вноситъ въ актъ свой посильный сборъ, и вызываетъ наслѣдниковъ къ той же дѣятельности. И только всѣ редакціи вмѣстѣ могутъ послужить зеркаломъ всей суммы юридическихъ понятій и установленій извѣстнаго народа, въ извѣстную эпоху. Поэтому мы считаемъ историческимъ грѣхомъ для юриста, противополагать одну редакцію Правды другой; не противоположеніемъ, а дополненіемъ одной редакціи другою, можемъ мы дойти до возстановленія полнаго образа древнѣйшаго нашего права. Держа врозь двѣ-три редакціи, какъ документы,

намъ часто придется насильственно разъединять черты одного и того же установленія, одной и той же мысли, составлявшихъ въ жизни разумную цѣлость.

На этомъ же основаніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не ограничиваюсь я статьями и самой полной Правды. Имѣя въ виду представить возможно ясную картину общественнаго Права, въ древнѣйшей Руси, по статьямъ, по началамъ и на основаніи Русской Правды, я прибѣгаю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не ясно обозначенныхъ, или неуказанныхъ въ Правдѣ, къ современнымъ ей законодательнымъ памятникамъ, къ Церковнымъ Уставамъ Св. Владиміра и В. Ярослава и къ Уставу о земскихъ дѣлѣхъ послѣдняго изъ этихъ князей. Въ наше время, всякій можетъ открыть и указать, въ этихъ памятникахъ, множество описокъ, невѣрностей, искаженій и анахронизмовъ. Но что изъ всего этого слѣдуетъ? Не забудемъ, что духовенство постоянно, во всѣ вѣка и во всѣхъ мѣстахъ древней Руси, находило для себя полезнымъ и необходимымъ сохранять и беречь эти памятники, — что духовенство, по своему высшему образованію и по своему твердому положенію, всегда имѣло возможность и сохранить памятники и поддержать ихъ дѣйствіе во всей Россіи. Слѣдовательно нельзя сомнѣваться въ законодательномъ значеніи этихъ уставовъ, не смотря на искаженный видъ, или даже по причинѣ того искаженнаго вида, въ которомъ дошли они чрезъ рядъ вѣковъ, до нашего времени. Одно употребленіе искажаетъ, сохраняя.

Разсматривая Русскую Правду, во всей ея цѣлости и полнотѣ, мы находимъ въ ея статьяхъ не одно гражданское, или уголовное право, но часто весьма ясныя, точныя и подробныя распоряженія, касательно общественнаго права. Уже изъ этого свойства распоряженій должно вывести заключеніе, что онѣ попали туда не случайно, ибо случайность несовмѣстна ни съ ясностію, ни съ точностію, ни съ подробностію, и довольствуется намеками, безъ всякаго приложенія и развитія. Напротивъ ближайшее разсмотрѣніе статей Правды, относящихся къ общественному праву, убѣждаетъ всякаго читающаго, что эти статьи занесены въ актъ съ мыслію обдуманною, вслѣдствіе наблюденія надъ нуждами

общества, на основаніи признанныхъ требованій тогдашней жизни, *по началу общинности*, господствовавшему въ быту народа, необходимо.

Общинность особенно выразилась въ законахъ Русской Правды; въ нихъ она получила документальное юридическое значеніе, и содѣлалась историческимъ началомъ въ жизни и правѣ русскаго народа. Эта общинность составляетъ главный характеръ Русской Правды и все отличіе тогдашней русской жизни; эта общинность, въ эпоху Правды, все производитъ въ быту народа и въ его законодательствѣ, и всему служитъ объясненіемъ. Бытъ народа въ то время былъ преимущественно общинный, и законъ его—Русская Правда—былъ кодексомъ общиннаго права. Всѣ статьи Рус. Правды, касающіяся общественнаго права, суть необходимыя слѣдствія общиннаго быта Руси; въ этомъ значеніи и въ этой формѣ слѣдствій указаннаго начала, мы должны изложить всѣ вопросы общественнаго права, по статьямъ Русской Правды.

Общественное право, или развитіе народнаго благосостоянія какъ вещественнаго, такъ и духовнаго, требуетъ отъ народа извѣстныхъ условій для своего существованія, а именно: *труда*, или дѣятельности,—*земли*, или предмета для дѣятельности,—*и путей сообщенія*, или удобства для соединенія силъ, участвующихъ въ дѣятельности. Начнемъ съ распоряженій Правды объ этихъ условіяхъ, потомъ изложимъ статьи устава, относящіяся къ развитію благосостоянія, и наконецъ укажемъ на мѣры его охраненія.

I. Объ условіяхъ благосостоянія, по Русской Правдѣ.

а) *О трудѣ*. Понятно, что единый, общинностію связанный народъ не можетъ изъ среды себя образовать много людей несвободныхъ. И рабство въ Руси не было такъ развито, какъ въ другихъ обществахъ древности или Средней

исторіи, построенныхъ на другихъ началахъ. Мы видѣли, что въ языческой древности рабы составляли большую половину всего населенія въ государствѣ. Прибавимъ, что въ языческихъ государствахъ древности число рабовъ умножалось, такъ сказать, по мѣрѣ образованія, ибо въ государствахъ болѣе образованныхъ, число рабовъ бывало больше, чѣмъ въ государствахъ менѣе образованныхъ. Посему-то въ Аѳинахъ количество рабовъ составляло двѣ трети общаго числа народонаселенія [1]; посему же Римъ, совмѣщавшій въ своихъ предѣлахъ и государства образованныя и общества, стоявшія на нисшей степени гражданственности, въ эпоху наибольшаго своего расширенія, изъ 83 милліоновъ жителей насчитывалъ 40 милліоновъ рабовъ [2]. Обращаясь къ средневѣковому западу, упомянемъ, для доказательства своей мысли, объ рабахъ Англіи, въ которой, по извѣстіямъ ея собственныхъ историковъ, такъ мало было свободныхъ, и такъ много рабовъ до XIV вѣка, что рынки Ирландіи и Шотландіи бывали постояно полны англійскихъ невольниковъ, вывозимыхъ и выводимыхъ на продажу, подобно животнымъ [3].

Въ мірѣ Словянъ, по извѣстному свидѣтельству Императора Маврикія, даже военноплѣнные, рабы изъ чужеземцевъ, рабы изъ среды враждебныхъ народовъ, имѣли право или выкупить свою свободу, или ее заработать трудами извѣстныхъ лѣтъ, и возвратиться въ свое отечество [4]. Господствовавшее въ Руси издревле право выкупа, которое распространялось и на военноплѣнныхъ и на проданныхъ въ неволю, и которое естественно сокращало число рабовъ, даже изъ чуждыхъ племенъ, доказывается многими статьями нашихъ первыхъ трактатовъ. Другихъ же источниковъ рабства изъ среды народа, связаннаго общинностію, предполагать не возможно. Община дорожитъ числомъ и многочисленностію своихъ сочленовъ; не легко переноситъ потерю ихъ, и

[1]) Boeckh, Staatshaush. der Athener, и особенно Moreau de Jonnès, I, 177.

[2]) Moreau de Jonnès, Statist. des peuples de l'Antiquité, II, 378.

[3]) Sir Morton Eden, the State of the poor in England, Лондонъ, 1797, I, въ началѣ сочиненія.

[4]) Истор. Государ. Рос. I, примѣч. 131.

потому бережетъ ихъ и защищаетъ. Отъ количества членовъ зависитъ благосостоянiе общины и возможность выполнить обязанности, лежащiя на общинѣ, какъ по дѣламъ отвѣтственности за совершавшiяся въ ней преступленiя, такъ и по вопросамъ объ общественныхъ повинностяхъ. И Русская Правда, какъ законъ общинности, является отрицанiемъ несвободы, во всѣхъ статьяхъ, касающихся рабовъ и холопей.

Русская Правда допускаетъ и узаконяетъ *только три источника обѣльнаго*, или полнаго холопства [1]). Первый изъ нихъ состоитъ, по закону, въ томъ, *если кто купитъ холопа*, *въ присутствiи самого холопа*, *а не безъ него; дастъ при немъ же*, *хоть ногату*, *хоть знакъ купли*, *и совершитъ куплю при свидѣтеляхъ*. Вотъ сколько ограниченiй для купли и продажи холопа, или для акта, гдѣ естественно, воля продаваемаго есть дѣло второстепенное, и гдѣ однакожъ законъ требуетъ, по крайней мѣрѣ, его молчанiя. Въ этомъ первомъ разрядѣ рабовъ заключаются старинные, природные холопы, равно какъ и тѣ, которые вновь прiобрѣтаются плѣномъ и войною, и вообще всѣ, попадающiе въ рабство противъ воли. Слѣдующiе за тѣмъ источники предполагаютъ, какъ бы желанiе и волю перейти въ званiе холопа. Такъ 2, холопомъ дѣлаетси тотъ изъ свободныхъ, *кто женится на чужой рабѣ*, *безъ ряду*, *безъ заключенiя условiй съ хозяиномъ рабыни* [2]). Предполагается, какъ и дѣйствительно было, что раба, вступающая въ бракъ съ лицомъ свободнымъ, сама получаетъ свободу, и что господинъ ея теряетъ чрезъ то всѣ свои права на нее, теряетъ часть своего имущества. А посему кто женится на чужой рабѣ, безъ ряду, тотъ похищаетъ чужую собственность, и, какъ бы въ наказанiе, самъ лишается свободы. Напротивъ, если такой бракъ совершается съ вѣдома господина рабы, при условiяхъ взаимныхъ и при рядѣ, то, *како будетъ ся рядилъ*, *на томъ же и стоитъ* [3]). Ничего не говорится о случаѣ противоположномъ, когда *свободная женщина выходитъ замужъ за холопа*. Но, весьма вѣроятно,

[1]) IV ст. Р. П.

[2]) V ст.

[3]) Тамъ же.

что судьба свободной рѣшается въ этомъ случаѣ сходно съ судьбою свободнаго, женившагося на рабѣ. Весьма также вѣроятно, что законъ примѣняется только къ тому случаю, если доказано, что свободный, вступившій въ бракъ съ рабыней, зналъ объ ея состояніи и зависимости отъ владѣльца. 3. По аналогіи, Русская Правда признаетъ такъ же рабомъ того изъ свободныхъ, *кто безъ ряду съ владѣльцемъ приметъ на себя должность холопского тіуна* или *холопства — тіунства*, т. е. какъ бы явно согласится самъ вступить въ рабство; но, при рядѣ, *како ся рядилъ, на томъ же стоитъ* [1]). И только! Русская Правда при этомъ именно говоритъ, что *обѣльное холопство только трое*, т. е. *трояко*, и другихъ источниковъ рабства не допускаетъ. *Въ дачѣ не холопъ, ни по хлѣбѣ работять, ни по придатцѣ* [2]), продолжаетъ законъ Русской Правды, или, другими словами, если мы понимаемъ языкъ Правды, не ведутъ къ рабству ни дача денегъ въ займы, ни ссуда ближняго хлѣбомъ, ни задатокъ, полученный напр. тѣмъ, кто взялся воздѣлать чужое поле, и потомъ его бросилъ [3]). Любопытно здѣсь же прочесть соотвѣтствующую этимъ распоряженіямъ статью *Стараго литовскаго статута* [4]): *невольницы мают быти четверакихъ причинъ: которые здавна в неволи,—которые полоном заведены,—колибы на смерть сказаны кому, давалися бы в неволю, а он бы их не вбил, — хтобъ ведаючи жонку неволную понялъ и жонка, естлибы за неволнаго пошла, ведаючи.*—Слѣд. за исключеніемъ третьяго случая—выдачи головою, Статутъ повторяетъ положенія Правды.

Впрочемъ, по суду и приговору, въ видѣ наказанія, и Русская Правда осуждала на рабство, но только *закупа* [5]), во

[1]) Ст. VII.

[2]) Тамъ же.

[3]) VII: *нъ оже не доходитъ года, то ворочяти ему милость; не виноватъ есть*;—въ другомъ спискѣ: *а въ дачѣ ни по хлѣбѣ не холопъ; отъидетъ, не виноватъ есть.*

[4]) Раздѣлъ XI, ст. 13.—Временника Кн. 18, стр. 92.

[5]) XVII закупнаго человѣка.

первыхъ, если *онъ бѣжитъ отъ господы* [1]), и во вторыхъ, *если онъ унесетъ чужую вещь, или уведетъ чужую скотину*, и тѣмъ доведетъ своего господина до убытковъ [2]). Такъ, что по Русской Правдѣ, *невольницы* такъ же собственно бывали *четверакихъ причинъ*, какъ и по Статуту.

Но, по господству, въ Руси того времени, общиннаго начала, или общинности надъ личнымъ началомъ, надъ лицами, надъ самыми господами, естественно, что и права господина на раба у насъ должны были различаться отъ правъ господской власти, дѣйствовавшихъ въ другихъ странахъ, въ Римѣ, или Англіи. Не ходя далеко въ древность, выпишемъ здѣсь законъ Эдуарда VI, отъ 1547 [3]). Если мужчина, или женщина, способные къ работѣ, откажутся отъ нея, и станутъ нищенствовать и просить милостыни, *впродолженіи трехъ дней;* тотъ и другая подвергаются выжиганію горячимъ желѣзомъ на груди литеры V (vagabond), и присуждаются въ рабство, на два года, тому, кто донесетъ о нихъ; въ случаѣ побѣга и отсутствія въ теченіи 14 дней, они дѣлаются рабами бывшаго временнаго хозяина на всю жизнь, подвергаясь напередъ клейменію на лбу, или щекѣ, посредствомъ выжиганія литеры S (slave); въ случаѣ новаго побѣга, они осуждаются *на смертную казнь.* Въ рабскомъ состояніи, они подлежатъ праву продажи и отдачи въ наемъ,—праву принужденія къ работамъ, какія задумаетъ господинъ, и праву содержанія, хоть на одномъ хлѣбѣ и водѣ, и т. д. Нужно ли послѣ этого говорить о правахъ на рабовъ римскаго гражданина? Конечно, и по Русской Правдѣ, холопъ пріобрѣтаетъ все для господина, и ничего для себя [4]); конечно, и русскій холопъ есть часть имущества, которую господинъ можетъ отыскивать судомъ и сводомъ [5]); наконецъ правда,

[1]) Тамъ же, *аже закупный человѣкъ бѣжитъ отъ господы, то обѣль.*

[2]) XXI. Смыслъ статьи, что закупъ, въ этомъ случаѣ, дѣлается холопомъ или того, кого обокралъ, если хозяинъ не выкупитъ, или холопомъ хозяина, если этотъ за него заплатитъ.

[3]) Sir Morton Eden, I, 100 и слѣд.

[4]) LVI—LVIII.

[5]) LII—LIV.

что *въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть* [1]). Но такъ же правда, что убившій холопа безъ вины, безъ причины, платитъ за него урокъ, и сверхъ того *12 гривенъ продажи Князю* [2]); но такъ же правда, что, если свободный приживетъ дѣтей съ своею рабою, то мать и дѣти получаютъ свободу [3]). Слѣд. здѣсь нѣтъ римскаго начала: *partus sequitur ventrem*, по которому рабыня была всегда раба, и дѣти ея, кого бы ни называли отцомъ своимъ, всегда составляли собственность господина, владѣвшаго ихъ матерію. Это—*законъ приплода*, который знала Правда, но не распространяла на рабовъ, потому что считала ихъ выше домашней скотины [4]).

Въ глазахъ закона Русской Правды и въ виду современнаго ей русскаго общества, рабы не были вещію. Конечно, уличенный въ кражѣ, холопъ не наказывался продажею, или штрафомъ, потому что онъ ничего не имѣлъ [5]); не могъ явиться послухомъ, или свидѣтелемъ въ судѣ, или передъ судьею, потому что находился въ зависимости отъ воли господина [6]); даже по закону В. Ярослава, за ударъ, нанесенный свободному, холопъ могъ быть убитъ на мѣстѣ [7]). Но уже дѣти Ярослава постановили, чтобы и въ этомъ случаѣ раба не убивать, а, *связавши*, *побить*, или, продавши, цѣною, *кунами* удовлетворить обиженнаго [8]). Слѣдовательно здѣсь уже, хоть частію, уравнивается рабъ съ свободнымъ, который также платитъ за нанесеніе побоевъ куны. Наконецъ Русская Правда узаконяетъ, что убившій холопа платитъ 5, а убившій рабу 6 гривенъ, защищая такимъ образомъ жизнь рабовъ вообще, и жизнь слабѣйшихъ въ особенности. И нельзя при этомъ не замѣтить, что въ цѣломъ

1) LXXXIV.

2) LXXXIV.

3) LXIV.

4) XII и слѣд. статьи.

5) XLVI, XLIX.

6) CXVII, CXIX. Впрочемъ и здѣсь допускается fictio juris, *емлю я тебя, а не холопъ*, который только *на правду не вылазитъ*.

7) XL.

8) XL.

составѣ Русской Правды не находимъ мы ни одного предмета владѣнія, ни одной вещи, которыя были бы оцѣнены такъ высоко, въ 5 и 6 грив. [1]). Жизнь раба дешевле жизни свободнаго, но дороже для общества всякой вещи.

Сдѣлаемъ, въ заключеніе, одну оговорку. Не встрѣчаемъ мы, въ Русской Правдѣ почти ни одной статьи, которая бы прямо говорила о способахъ пріобрѣтенія рабами свободы, или объ освобожденіи рабовъ со стороны ихъ владѣльцевъ, также точно, какъ и въ старомъ Литовск. статутѣ нѣтъ о вольныхъ или отпускныхъ, de manumissione почти никакихъ распоряженій [2]). Не противорѣчитъ ли это молчаніе Правды о законныхъ способахъ пріобрѣтенія свободы предположенію, что законъ Правды не былъ расположенъ къ умноженію рабства? По нашему, напротивъ; это обстоятельство доказываетъ, что *бытъ рабовъ не подавалъ повода ко вмѣшательству въ отношенія господъ къ рабамъ даже такимъ христіанскимъ князьямъ, каковыми были Ярославъ В., Владиміръ Мономахъ и знаменитѣйшіе изъ послѣдующихъ государей Руси.*

Ближайшій къ состоянію рабовъ классъ русскаго населенія составляли закупы, которыхъ два рода насчитываетъ Русская Правда, упоминающая отдѣльно 1) *о закупѣ,—наймитѣ, закупномъ человѣкѣ*, вѣроятно, слугѣ домашнемъ, и 2) о *закупѣ ролейномъ*, предполагается, работавшемъ на полѣ. Впрочемъ въ томъ и другомъ положеніи, закупъ, по закону, находится къ господину только въ отношеніи наемника, *не болѣе.* Правда, законъ говоритъ, что закупъ, бѣжавшій отъ господы, дѣлается его обѣльнымъ холопомъ [3]); но тутъ же прибавляетъ, что, *если закупъ ходитъ явлено, ища своихъ кунъ, или платы на господинѣ и управы на него передъ Княземъ и судьею:* то его *не работить*, не обращать въ раба, *а дати*

[1]) LII,—LIV,—LXXXII, и др.

[2]) Въ приведенномъ выше мѣстѣ говорится, что раба получаетъ свободу, съ дѣтьми, прижитыми отъ свободнаго, или господина. Да въ стат. CXL дѣлается, какъ бы, намекъ на вольныя, гдѣ говорится объ *урокахъ ротныхъ отъ свободы;* особенно въ ст. CXXXIX, *уроки судные отъ свободивше челядина.*

[3]) XVI.

ему правду, судъ и расправу [1]). Съ другой стороны, именно воспрещается продавать закуповъ; и закупъ, проданный господиномъ, чрезъ то самое освобождается отъ всякой отъ него зависимости, да сверхъ того господинъ подвергается за нанесенную ему обиду платежу продажи въ 12 гр. [2]). Далѣе хозяинъ отвѣчаетъ за побои, нанесенные закупу точно также, какъ за побои, нанесенные свободному человѣку [3]). О закупѣ ролейномъ сверхъ того положено, чтобы онъ уплачивалъ за все хозяйское, что *погубитъ*, *испортитъ*, *потеряетъ* [4]). Слѣдовательно можно сказать, что отношенія между господами и ихъ закупами основаны, въ Рус. Правдѣ, на началѣ найма, на договорѣ взаимномъ и равномъ [5]). Закупы могли имѣть свою собственность, изъ которой платили убытки, причиненные хозяину; имѣли право защиты законной, для огражденія личныхъ преимуществъ, и право искать судомъ кунъ своихъ и обидъ на господинѣ; наконецъ, хоть въ маловажныхъ случаяхъ, могли по закону быть въ судѣ свидѣтелями и послухами [6]). Чѣмъ же отличался закупъ отъ свободнаго работника, и почему составлялъ онъ отдѣльный родъ и классъ населенія? Тѣмъ что онъ—закупъ, напередъ забралъ деньги и заживалъ ихъ работою; тогда какъ вольнонаемный получалъ плату послѣ заслуги и работы.

Послѣ закуповъ, въ восходящемъ порядкѣ сословій Рус. Правды, слѣдуютъ *смерды*. Соображая статьи устава, по которымъ всякій смердъ, умиравшій бездѣтнымъ, давалъ право наслѣдовать въ своемъ имуществѣ *Князю* [7]); или, по которымъ умученіе смерда, *безъ княжескаго слова*, подвергало виновнаго наказанію [8]); по которымъ имущество смердовъ по-

1) XVII.
2) XX.
3) XX.
4) XVIII — XIX.
5) Особ. XIX; тоже значеніе имѣли закупы по стар. Лит. статуту, см. разд. XI. ст. 7, 8.
6) CXVII *въ малъ тяжь*.
7) LIX.
8) XCV.

стоянно противополагалось имуществу Князя, напр. *конь смерда—коню князя*, *и борть смерда — борти княжеской* [1]); и по которымъ были *особые уроки смердамъ*, оже платятъ Князю продажу [2]): мы заключаемъ, что смерды были *люди Князя, могли быть только у Князя*, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ. Можетъ быть, то были военноплѣнные, поселенные па земляхъ Князя, или казны, какъ впослѣдствіи въ Новгород. землѣ. Подтвержденіе такого мнѣнія находимъ мы въ статьѣ, которая говоритъ: а въ смердѣ и холопѣ 5 гривенъ [3]), съ тѣмъ вмѣстѣ и отличаетъ смерда отъ холопа, и уравниваетъ ихъ между собою. Послѣдующія событія, равно какъ извѣстія доказываютъ туже мысль. Такъ Янъ, намѣстникъ князя Святослава, велитъ схватить волхвовъ на Бѣлѣ-озерѣ, *потому что они княжескіе смерды*; съ другой стороны, эти волхвы требуютъ, что бы Янъ доставилъ ихъ къ Князю, и самъ бы не смѣлъ распоряжаться ими, *потому что они княжескіе смерды*, и не подлежатъ умученію безъ княжескаго слова [4]). Тоже должно вывести изъ словъ Владиміра Мономаха, обращенныхъ къ Святополку, который однажды не хотѣлъ ратовать съ Половцами, *жалуя*, какъ говорилъ Мономахъ, *смердовъ*, *ихъ коней и ихъ рольи* [5]). И такъ смерды были княжескіе люди, безъ сомнѣнія, поселяне, имѣвшіе всѣ льготы особаго суда и управленія, иногда и недвижимую собственность, съ правомъ распоряженія ею при жизни, и на случай смерти. Только, при *бездѣтной смерти*, *остатокъ*, или наслѣдство въ имуществѣ смерда переходилъ къ его князю. Бездѣтно же умершимъ почитался всякій смердъ, который не оставлялъ послѣ себя *дѣтей мужескаго пола* [6]). Дочери смерда только ог-

1) XLI и CIII.

2) XLII.

3) LXXXII.

4) Лаврент. Спис. 75.

5) Ипат. I стр.

6) Чѣмъ уничтожается вся сила возраженій на мое положеніе М. П. Погодина, высказанныхъ въ VII Т. Изслѣд. 1856, стр. 226. Не мыслимо, что бы всѣ крестьяне, умиравшіе бездѣтно, въ этомъ смыслѣ, передавали Князю свой остатокъ, или все свое имущество.

раничивали это право Князя тѣмъ, что Князь обязанъ былъ, по закону, выдѣлить имъ часть изъ отцовскаго ихъ имущества, если онѣ еще не были выданы замужъ и пристроены[1]); но только ограничивали, а не лишали Князя этого права. Наконецъ, въ глазахъ общества и предъ закономъ, смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ; общество призывало ихъ на свою защиту, въ видѣ воевъ [2]), а законъ нигдѣ не отнималъ у нихъ права быть свидѣтелями, въ судѣ *между мужами*, — права, которымъ особенно характеризуется общественное и юридическое положеніе свободнаго, въ древнѣйшей Руси.

Остальныя ступени общественной лѣствицы, безспорно, занимаются, по закону Правды, вполнѣ свободными классами. И этихъ классовъ было замѣчательно много; они были весьма разнообразны. Не считая закуповъ и смердовъ, мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, *наймитовъ*, *селянъ*, *людиновъ*, *горожанъ*, *ремесленниковъ*, *купцовъ и гостей*, *огнищанъ*, *бояръ*, *гридьбу и военныя званія*, *духовныя лица и власти*, *Князей*, *Словянъ*, *Русиновъ*, *Варяговъ и чужеземцевъ* [3]),—раздѣленіе, котораго не знаютъ общества, допускающія начало рабства. Языческія древнія государства несравненно проще въ своемъ составѣ, довольствуясь раздѣленіемъ жителей на рабовъ, подчиненныхъ одинаковому господству частнаго права собственности, и свободныхъ, совмѣщенныхъ подъ однимъ игомъ государственнаго права. Конечно свободные, въ этихъ государствахъ, опять подраздѣлялись на просто—свободныхъ и гражданъ, а граждане напр. на классъ сенаторовъ, всадниковъ и простыхъ гражданъ: но основаніе этого раздѣленія было одно политическое, государственное положеніе, такъ сказать, служба. Напротивъ у насъ раздѣленіе народа основано на различіи мирныхъ, частныхъ занятій, на различіи работъ, на различіи труда, и, въ этомъ отношеніи, оно совпадаетъ съ тѣми многочисленными подраздѣленіями, кото-

1) LIX.

2) *Изслѣд.* М. П. Погодина, III, 217.

3) См. 78 стр. Правды Н. В. Калачова, гдѣ еще подробнѣе указаны эти раздѣленія.

рыя въ Аѳинахъ и Римѣ имѣли мѣсто въ классѣ рабовъ, — въ классѣ, обреченномъ на трудъ. Были тамъ рабы — медики и хирурги, — дядьки и воспитатели, — художники и ученые,—секретари и переписчики,—актеры и гладіаторы,— домашніе и полевые, и т. д. И въ Руси временъ Правды почти все это было въ свободныхъ классахъ; и мы можемъ сказать, что въ Руси былъ всякій трудъ, и всякій трудъ былъ въ ней трудомъ свободнымъ. И, какъ свободный трудъ, не могъ онъ не быть въ почетѣ, не могъ не имѣть правъ гражданскихъ, не могъ не быть благодатно производительнымъ. Здѣсь мы должны отмѣтить слѣдствіе такого начала, для послѣдующей исторіи русскаго народа. Эта свобода выразилась въ древнемъ началѣ: вольному воля, которое уполномочивало Князя переходить изъ владѣній одного Великаго Князя во владѣнія другаго, — давало власть боярину переходить отъ одного Князя къ другому,—освящало право перехода поселянъ съ поля одного владѣльца на поле другаго, равно какъ право перехода посадскихъ въ крестьяне, а крестьянъ въ посады и города и т. д. Свобода перехода изъ класса въ классъ, изъ сословія въ сословіе, съ своей стороны, имѣла значеніе свободы промысловъ, содѣйствовала къ развитію промышленности, установляла новую, живую, кровную связь между классами, и помогала поддержанію единства, во всемъ русскомъ народѣ.

б) *О землѣ и предметѣ владѣнія. Русская земля* противополагается, въ Русской Правдѣ, *чужой землѣ*, до которой простирается право свода, и на которой должникъ можетъ избавиться отъ уплаты своего долга [1]). Слѣдовательно все пространство земли, на которомъ дѣйствуетъ право свода, или Русская община, и обязательность русскаго договора, или русскій законъ, — все это пространство есть русская земля и принадлежитъ русскому народу. Эта земля называется, въ Правдѣ, *своею*, такъ сказать, усвояется каждому Русскому. Уже изъ этихъ выраженій Правды можно выводить справедливое заключеніе, что самъ законъ того времени разсматривалъ землю, какъ общее, или правильнѣе,

[1]) CXVI—CXXVIII.

какъ общинное владѣніе, принадлежавшее каждому Русскому, какъ члену народа, и раздѣленное между общинами въ размѣрѣ дѣйствія свода. Но еще яснѣе и доказательнѣе вытекаетъ понятіе объ общинности русской земли изъ связи тогдашняго народа, равно какъ изъ отношенія къ народу и землѣ тогдашняго княжескаго дома. Народъ того времени распадался на общины, и потому давалъ право собственности въ землѣ городамъ, погостамъ, селамъ; весь этотъ народъ, со всею его землею, составлялъ владѣніе княжескаго дома, и потому родъ Рюриковичей именовалъ всю русскую землю своею дѣдиною и отчиною. Слѣдовательно высшее, основное, главное право на землю принадлежало общности народа, которую впослѣдствіи воплощали и осуществляли домъ княжескій и общины самаго народа. Указаній на частную личную поземельную собственность, въ Русской Правдѣ, встрѣчаемъ мы весьма мало, и соображеніями только доходимъ до предположенія, что была въ то время земля *княжеская*, заселенная смердами [1]); была *земля боярская*, подлежавшая, въ противоположность владѣнію смердовъ, полному родовому праву собственника [2]); была *земля въ обладаніи господъ*, можетъ быть, огнищанъ, на которой работали закупы *ролейные* [3]). Но преимущественно и главнымъ образомъ земля раздѣлена была между городами, селами и другими общинами, какъ это видно изъ установленія свода [4]), и изъ самаго выраженія—*вервь* для общины. Каждая община составляла цѣлое, полное хозяйство, имѣла свои выгоны, луга и лѣса, и свои границы, которыя очерчивались и опредѣлялись посредствомъ веревки, какъ у насъ посредствомъ цѣпи землемѣра, и потому, если какая община не была городомъ, или поселеніемъ съ извѣстнымъ названіемъ, ее естественно называли вообще вервью.

Общинность земли и общественность поземельной собственности объясняютъ намъ молчаніе Русской Правды о по-

[1]) См. выше ст. о смердахъ.
[2]) LX.
[3]) См. ст. о закупахъ
[4]) Кромѣ другихъ, напр. CXXVI.

земельномъ правѣ. Не говоритъ Правда ни о хозяевахъ земли, ни объ ихъ правахъ на землю; не излагаетъ Правда никакихъ законовъ о пріобрѣтеніи поземельной собственности, распоряженіи, или потерѣ. Изъ полутораста статей главныхъ, не считая статей — варіантовъ, *ни въ одной не говорится прямо о поземельномъ правѣ* [1]). Принимая даже въ соображеніе другой Уставъ В. Ярослава — *о земскихъ дѣлѣхъ*, во многомъ заимствованный изъ византійскихъ источниковъ, мы все таки приходимъ къ заключенію, что поземельное право слишкомъ мало обращало на себя вниманіе законодателя. Въ этомъ Уставѣ говорится только о правѣ пользованія, которое можетъ принадлежать и нехозяину; о собственности же опять ни—слова. Вотъ, для доказательства, главнѣйшія, ближайшія къ вопросу распоряженія Устава: 1) «съ десятины нивы сѣявшему 10 сноповъ, а имѣющему землю 10 сноповъ, 2) «аще земледѣлецъ возметъ землю дѣлати изъ-полу, и только семя повержетъ, да не пріиметъ ни что же отъ плода того; понеже солгалъ, смѣяся землѣ осподарской; 3) «кто возметъ землю дѣлати изъ-полу, потомъ разгадаетъ и броситъ землю, сугубо плодъ отдастъ;» 4) «если половникъ разгадаетъ и предваритъ о томъ господаря, а господарь не брежетъ; половникъ не виноватъ, и можетъ отойти.» Очевидно, что эти статьи установляютъ только договорныя отношенія между владѣльцами земли и земледѣльцами, закупами, или половниками, вовсе не касаясь права собственности, которое въ уставѣ о земскихъ дѣлѣхъ предполагается такъ же извѣстнымъ, какъ и въ Русской Правдѣ.

И нѣтъ нужды говорить о поземельномъ правѣ тамъ, гдѣ оно не есть право частное, личное, а общее, или право общинъ. При общинности поземельнаго права, вопросы о пріобрѣтеніи, защитѣ, ненарушимости, или потерѣ этого права рѣшаются сами собою, до закона, помимо закона, безъ особенныхъ распоряженій закона. Что могъ законъ прибавить къ этому праву цѣлаго поселенія — праву давнишнему, изстаринному, большею частію, установившемуся прежде

[1]) Статья CX одна говоритъ *о межѣ*, которая необходима и при общинномъ владѣніи.

изданія закона? Какихъ актовъ пріобрѣтенія можно потребовать отъ владѣльца, который на общемъ правѣ всего народа, и современно цѣлому народу, завладѣлъ своимъ участкомъ, и постоянно сохраняетъ живую, дѣятельную память этого завладѣнія цѣлыя столѣтія? Какая неизвѣстность и какое нарушеніе могутъ грозить этому праву, освященному вѣками пользованія въ глазахъ всего народонаселенія, и въ виду цѣлаго ряда государей и законодателей? Законы о поземельной собственности нужны только тамъ, гдѣ поземельное право мелкими частями достается въ удѣлъ кратковременнымъ, разносильнымъ лицамъ, и гдѣ они одни могутъ установить, освятить и защитить права этихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. При общинности поземельнаго права, господствовавшаго во времена Русской Правды, отдѣльныя лица этихъ общинъ также обходились безъ общихъ законовъ объ ихъ правѣ, и довольствовались внутреннимъ распорядкомъ самой общины. При общинности земли, всякій членъ общины, при желаніи и средствахъ, могъ занять и воздѣлать тотъ или другой участокъ, и содѣлаться владѣльцемъ этого участка, подъ защитой общины. Община не могла и не хотѣла ни мѣшать такому завладѣнію, ни ограничивать его, потому что разработка участковъ умножала богатство и довольство цѣлой общины, а она считала себя верховною обладательницею всей своей верви, и распоряжалась, при случаѣ, всѣмъ въ этой верви, по своему усмотрѣнію. Вымиралъ родъ первыхъ пріобрѣтателей и воздѣлателей, община уступала ихъ участокъ другимъ своимъ членамъ. Умножалось число семьи въ извѣстномъ родѣ, такъ что безбѣдно не могли всѣ кормиться родовымъ участкомъ; община надѣляла ихъ новыми участками изъ своихъ полей и луговъ. Очевидно, что здѣсь не предстояло закону никакого случая мѣшаться въ поземельное право, которое онъ предполагалъ существующимъ и установленнымъ, и могъ принять на себя только распоряженія относительно договорныхъ связей между осподарями земли и ихъ работниками, между землевладѣльцами и половниками. Молчаніе Русской Правды о поземельной собственности есть необходимое слѣдствіе того, что въ Руси временъ Правды господствовало общинное владѣніе. Только общинностію зе-

ми можно объяснить молчаніе закона объ основномъ правѣ народа, также точно, какъ этою же общинностію объясняемъ мы молчаніе послѣдующихъ законодательныхъ памятниковъ Россіи вообще о вещныхъ или реальныхъ правахъ. Долго не встрѣчаемъ мы въ исторіи русскаго права узаконеній ни о залогѣ, ни о повинностяхъ частнаго права, и до сихъ поръ у насъ не развиты такъ называемыя jura realia. Значеніе хозяина земли и собственника было для закона какимъ-то фактическимъ, извнѣ даннымъ, готовымъ положеніемъ; въ этомъ отношеніи законъ не зналъ его, и разсматривалъ однѣ личныя договорныя обязательства, въ которыя вступалъ собственникъ своимъ лицомъ, а не своимъ имуществомъ.

Далѣе общинность земли доказывается отсутствіемъ, какъ въ законахъ Русской Правды, такъ и въ современныхъ документахъ, опредѣленной *поземельной* мѣры. Правда, что въ Уставѣ о земскихъ дѣлѣхъ упоминается *о десятинѣ*; но, конечно, это слово занесено сюда изъ весьма позднихъ обычаевъ. Напротивъ количество земли опредѣляется, въ стат. Русской Правды, или количествомъ плуговъ, употребляемыхъ для воздѣланія поля, или мѣрою семянъ, занимающихъ при посѣвѣ извѣстный участокъ [1]). Такая неопредѣленность поземельной мѣры, при существованіи другихъ мѣръ и законовъ и права, возможна только при господствѣ общиннаго поземельнаго владѣнія. Равномѣрно господство общинности доказывается раннимъ появленіемъ *идеальной вотчинности* Рюриковичей *во всей русской землѣ;* безъ войны, борьбы и насилія только отъ идеальнаго владѣльца въ землѣ — отъ міра и народа, отъ Новгорода, Рязани, Москвы, или отъ Св. Софіи, отъ Св. Спаса, и только такое идеальное право можно было пріобрѣсти князьямъ и княжескому дому въ землѣ русской. Съ другой стороны, господство общинности доказывается позднимъ появленіемъ *дѣйствительной вотчинности* и *дѣйствительныхъ вотчинниковъ* въ Руси; только въ XII в. встрѣчаются княжескія села, которыя еще въ XIV в. поименно перечисляются въ Московскомъ княжествѣ, гдѣ еще въ XV ст. упоминаются вотчины, какъ преимуществен-

[1]) Напр. XXXI.

ная принадлежность князей [1]). Далѣе общинность доказывается убѣжденіемъ всего народа въ справедливости половничества съ его правомъ свободнаго перехода и съ его раздѣломъ ежегоднаго урожая *по равнымъ частямъ* между землевладѣльцемъ и половникомъ, какъ будто тотъ и другой имѣли къ землѣ одинаковое отношеніе. Наконецъ нельзя упустить изъ виду, что только при отсутствіи личной поземельной собственности можно было Русской Правдѣ обойтись безъ распоряженій о недвижимомъ имуществѣ [2]). *Только въ семи статьяхъ Правды и то вскользь упоминается о недвижимомъ* [3]), котораго самое названіе появляется весьма поздно въ русскомъ законодательствѣ. Но самое важное, на что хотимъ мы обратить вниманіе читателя, въ вопросѣ о поземельномъ правѣ временъ Ярослава, состоитъ въ великихъ слѣдствіяхъ общиннаго владѣнія для русской исторіи.

Первое главнѣйшее слѣдствіе такого поземельнаго права въ Руси выказывается *въ доступности земли для всякаго Русскаго.* Р. Правда ни однимъ словомъ своимъ не полагаетъ предѣловъ и границъ для поземельнаго владѣнія русскихъ подданныхъ; да и въ послѣдствіи времени русскій законъ не знаетъ пролетаріевъ, и вообще лицъ, которымъ было бы воспрещаемо пріобрѣтеніе и пользованіе землею. И не было въ Россіи такого раздѣленія, не равнаго по закону, между жителями одного отечества, какое раздѣленіе господствовало въ Египтѣ, Греціи, Римѣ, гдѣ большая половина населенія лишена была обезпеченнаго существованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свободы. Въ государствахъ западныхъ, въ Средніе вѣки, первоначально владѣніе было усвоено участвовавшимъ въ завоеваніи, или занятіи, по мѣрѣ участія въ томъ и другомъ, слѣдовательно на основаніи, по видимому, справедливомъ. Но забыли при этомъ, или лучше не взяли въ расчетъ будущихъ поколѣній, не подумали о размноженіи родовъ, не сообразили акта раздѣла съ пользами всего народа, и потому дали поводъ

1) Въ формулѣ: «Князей съ вотчинами не принимать» изъ удѣла въ удѣлъ.

2) См. между прочимъ мою ст. въ 18 кн. Времен., стр. 17 и 18.

3) LXI, LXIX, LXXIII, LXXXV, LXXXVI, CV, CX.

явиться пролетаріату, который въ наше время числомъ и значеніемъ своимъ громко протестуетъ противъ справедливости перваго акта раздѣла. Общинность поземельнаго владѣнія одна обезпечиваетъ для народа доступность поземельнаго владѣнія для всѣхъ, во всѣ роды и во всѣ вѣки.

Другое слѣдствіе общинности имѣетъ важное значеніе въ экономическомъ отношеніи. Давно на западѣ Европы возбуждены вопросы о преимуществахъ, которыя принадлежатъ большимъ хозяйствамъ предъ малыми, или на оборотъ, равно какъ о томъ, не должно ли и гдѣ положить предѣлы дробимости для поземельной собственности [1]). Дробясь до безконечности, подъ вліяніемъ личнаго права и частнаго распоряженія, какъ доселѣ дѣлается во Франціи, участки земли могутъ впослѣдствіи до того быть малы, что содѣлаются совершенно безполезными для своихъ владѣльцевъ, будутъ отчуждены болѣе богатымъ хозяевамъ, и такимъ образомъ скопятся въ рукахъ немногихъ поземельныхъ владѣтельныхъ родовъ—капиталистовъ. Монополія, съ одной стороны, и пролетаріатъ, съ другой, не вызовутъ ли въ подобно устроенныхъ государствахъ новой внутренней войны, въ которой для государства равно гибельны и побѣда и пораженіе? При общинности поземельнаго права, большія хозяйства необходимо состоятъ изъ малыхъ, сохраняютъ выгоды тѣхъ и другихъ; при общинности поземельнаго права, безконечная дробимость и доступность земли для каждаго лица не вызываетъ даже мысли объ опасности со стороны монополіи большихъ капиталистовъ.

Наконецъ къ числу слѣдствій общинности земли отнесемъ здѣсь господство, какъ по закону Русской Правды, такъ и по слѣдующимъ законоположеніямъ, движимаго имущества, въ древней Россіи. При господствѣ движимаго имущества, не могло у насъ развиться преобладаніе поземельныхъ владѣльцевъ; господство движимаго не дозволило явиться въ Руси аристократіи, на подобіе западной; оно было причиною скораго перехожденія родовъ самаго высокаго положенія, такъ

[1]) R. Mohl's Polizeywissenschaft, II, 13 и слѣд. Nutzen der allgem. Theilung des Grundeigenthums,—Gränzen der Vertheilung des Bodens.

что до XV и даже XVI вѣка только роды княжескіе непрерывною нитью проходятъ по русской исторіи. При господствѣ движимаго, все у насъ было личнымъ, а не родовымъ, не фамильнымъ; зависѣло отъ труда и усилій личныхъ; поддерживалось личными заслугами; и земля, не поддерживавшая, не увѣковѣчивавшая значенія предковъ, до XVI вѣка дѣлала мертвою буквою всякій дипломъ и всякій актъ герольдіи, выражаясь языкомъ запада. Понятно, что при такомъ несуществованіи личной поземельной собственности, русская исторія мало представляетъ внутренней борьбы и драматическаго интереса. Герцоги и Прелаты не ведутъ войнъ на землѣ нашей; города и дворяне не проливаютъ крови русской; простѣйшій классъ состоитъ въ родствѣ съ гражданами Новагорода и его Посадниками, или Тысяцкими. Войны и смуты бывали только въ родѣ княжескомъ, да между цѣлыми княжествами, за права князей. И потому эти войны были не такъ кровопролитны, менѣе допускали ненависти и звѣрства, а народъ сохранялъ миръ и любовь внутри себя, чтобы дружнѣе дѣйствовать противъ внѣшнихъ враговъ.

в) *О путяхъ сообщенія или дорогахъ.* При общемъ чувствѣ русскаго народа объ его единствѣ, при настоятельной нуждѣ въ сближеніи между лицами, для успѣховъ труда и дѣятельности; при общинности поземельнаго права: географическія общины Руси, ея города и села, должны были сноситься между собою и соединяться дорогами. Тѣмъ болѣе, что онѣ не могли встрѣтить здѣсь никакого препятствія со стороны закона и права, и весьма немного со стороны внѣшней природы. Такимъ образомъ мы имѣемъ право думать, что въ Руси, издавна, издревле существовали линіи сближенія между разнообразными точками ея поселенія, и съ глубокой древности связывали народъ уже не въ отвлеченное, а въ дѣйствительное, живое единство. О путяхъ, дорогахъ и распутіяхъ, въ Россіи, Несторъ упоминаетъ еще въ періодъ доисторическій, или, по крайней мѣрѣ, древне-языческій, когда описываетъ полудикій бытъ нѣкоторыхъ племенъ и обычай сожигать тѣла умершихъ, сберегая прахъ ихъ на столбахъ, которые ста-

вили на *распутіяхъ* [1]). Читая же Русскую Правду, мы находимъ въ ней выраженіе *великаго гостинца*, въ смыслѣ большой, многопроѣзжей дороги, на которой исчезаетъ *всякій слѣдъ человѣка*, и потому прекращается право свода, или отысканіе виновнаго [2]). Отсюда необходимо заключить, что во времена Русской Правды, въ Руси, были уже дороги двухъ родовъ: *большія* и *малыя*, столь опредѣленныя въ понятіи народа и законодателя, что имѣли различныя юридическія свойства. На большой дорогѣ, процессъ свода долженъ былъ прекратиться по закону; тогда какъ на малой, немного проѣзжей сводъ былъ дозволенъ; по ней можно было слѣдить за воромъ и вообще виновнымъ, спрашивая у всякаго: кто и когда тамъ проѣзжалъ, или проходилъ. Отсюда же выводимъ далѣе, что малыя дороги входили, по закону, въ вервь или участокъ земли той или другой общины, того или другаго поселенія, и что это поселеніе, эта община и эта вервь отвѣчали за событіе, случившееся на ихъ дорогѣ, потому что оно случилось въ ихъ верви, или участкѣ. Не могли жители этихъ мѣстъ отвѣчать ведущимъ сводъ: не знаемъ и знать не хотимъ; это не наше дѣло; насъ это не касается. Сводъ, идущій по ихъ дорогѣ, идетъ по ихъ землѣ, и они обязаны помогать своду. Только жители, поселенные у большихъ дорогъ, не считали ее въ своихъ владѣніяхъ, и были свободны отъ этой обязанности, свободны отъ этихъ вопросовъ, свободны отъ свода.

Но мы дурно переведемъ выраженіе Правды — *великій гостинецъ*, передавая его словомъ: большая дорога. Названіе, употребленное Правдою для такой дороги, заключаетъ въ себѣ и то, что эта дорога служитъ проѣздомъ для купцовъ, для *гостей*, съ цѣлію торговыхъ сношеній между однимъ промышленнымъ мѣстомъ Россіи и другимъ такимъ же по-

[1]) Лавр. Спис. 6.

[2]) CXXX, *на гостинци на велицѣ*. Ср. Литов. Стат. 1588 г., изд. М. Истор. Общ., 1854, Разд. IX, арт. 32: «дороги великіе гостинцы.» Такъ же Памятн. изд. Кіев. Коммис. 1852. III, Отд. II, стр. 10: «корчма дворная на гостинцу,» т. е. на большой дорогѣ.

селеніемъ, составляя линію сближенія отъ одного торговаго города до другаго. Такая линія могла и должна была имѣть протяженіе болѣе, или менѣе значительное; должна была итти по землямъ болѣе или менѣе различной твердости, иногда чрезъ рѣки, рѣчки и болота, которыя могли мѣшать первому условію дороги — непрерывности, и требовали отъ человѣка болѣе, или менѣе усилій къ устраненію одного, поддержанію другаго, вообще — труда, издержекъ, дѣятельности. Всего этого можно избѣжать на малой дорогѣ, по причинѣ ея краткости, возможности объѣзда и знакомства съ мѣстностію для проѣзжающихъ, которые обыкновенно всѣ живутъ по близости подобной дороги. Для гостя, ѣдущаго издалека, по его великому гостинцу, неудобства и даже опасность не избѣжны на каждомъ шагу, въ теченіи болѣе $3/4$ года, если на большой дорогѣ нѣтъ ни гатей, ни прочныхъ мостовъ, ни вѣрныхъ перевозовъ. И такъ все это должно быть устроено, все это должно быть исправлено и поддержано на великомъ гостинцѣ. И раждается вопросъ: на комъ лежала, во времена Рус. Правды, обязанность устроять гати, укрѣплять мосты, заводить перевозы, на большихъ торговыхъ дорогахъ? На однихъ ли владѣльцахъ и общинахъ, чрезъ земли которыхъ дорога пролегала, или какъ на этихъ владѣльцахъ и общинахъ, такъ и на другихъ, которые могли сами пользоваться дорогою большою, для которыхъ она была не менѣе полезна, и при содѣйствіи которыхъ непрерывность дороги и удобство проѣзда могли быть устроены, безъ совершеннаго раззоренія первыхъ, непосредственныхъ сосѣдей дороги? Такой вопросъ заключаетъ самъ въ себѣ свое рѣшеніе; и, допуская существованіе большихъ торговыхъ дорогъ въ Руси временъ Правды, мы должны допустить, что въ тѣ уже времена извѣстна была въ Россіи дорожная повинность и притомъ общая народная. Не знаемъ мы, сколько такихъ дорогъ было въ то время; но, конечно, согласимся, что ихъ было не одна и не двѣ. Общій законъ не могъ изъ случайной частности образовать правила, по которому сводъ, главная форма иска и процесса, прекращался для всего народа на великомъ гостинцѣ. А если этихъ дорогъ было нѣсколько, то народъ могъ справедливо и поровну раздѣлить

только между всѣми своими общинами тяжесть и повинность устройства большихъ своихъ сообщеній.

Существованіе общей дорожной повинности дѣлается тѣмъ болѣе вѣроятнымъ для временъ Ярослава В., что мы встрѣчаемъ въ его же Уставѣ подробныя распоряженія, относительно мостовой повинности для Новгорода [1]). Городъ дѣлился на концы, улицы, сотни и на различные классы жителей, подобно тому, какъ Россія дѣлилась на различныя общины; и всѣ эти части города были призваны закономъ Устава къ участію въ построеніи и содержаніи великаго Волховскаго моста. Такъ какъ однакожъ производство мостовыхъ работъ на большой рѣкѣ требовало людей знающихъ, и особенныхъ техническихъ пріемовъ, не предполагаемыхъ извѣстными для каждаго; то общины выполняли свою повинность частію *натурою*, частію *денежнымъ взносомъ*. Величина этого взноса была опредѣлена, по мѣрѣ того вознагражденія, которое законъ присуждалъ такимъ рабочимъ подъ названіемъ *уроковъ мостнику* [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что раздѣленіе Новгорода на концы, улицы, сотни не было исключительною принадлежностію Новгорода, встрѣчалось въ другихъ большихъ городахъ и нѣкоторыхъ мелкихъ общинахъ; и что распоряженія закона о мостовой повинности могли имѣть или найти приложеніе въ другихъ городахъ и въ другихъ общинахъ. И почему же станемъ мы удивляться существованію въ тогдашней Россіи повинности дорожной, которая внѣ большихъ городовъ, этихъ единственныхъ общинъ, стоявшихъ у большихъ рѣкъ и на большихъ дорогахъ, могла быть выполнена натурою, простою работою принадлежавшихъ къ дорогѣ жителей? Особенно, когда различіе между большими и малыми дорогами дано буквою закона, и когда это различіе необходимо ведетъ къ предположенію такой народной повинности.

[1]) Ст. III, имѣющая своимъ предметомъ, безъ сомнѣнія, *мосты, а не мостовыя*, которыхъ существованіе въ Россіи, или Новгородѣ XI вѣка доказать весьма трудно, тѣмъ болѣе, что объ мостовыхъ въ Новгородѣ не упоминается даже въ XV вѣкѣ. См. Новг. Лѣт. II, подъ 1421, гдѣ разсказывается о великомъ наводненіи въ Новѣгородѣ весьма подробно, и все таки умалчивается о мостовыхъ.

[2]) Ст. II.

Ст. I

И такъ уже во времена Русской Правды въ Россіи были извѣстны дороги и проселочныя, *проселки*, соединявшія села съ селами и городами, *и великіе гостинцы*, связывавшіе непрерывною линіею большіе города древней Руси. И во времена Р. Правды различались проселки отъ большихъ дорогъ, по смыслу самаго закона, тѣмъ, что проселки принадлежали къ землямъ, по которымъ онѣ проходили, а большія дороги составляли общественное достояніе; съ тѣмъ вмѣстѣ, на дорогахъ проселочныхъ сводъ имѣлъ мѣсто, а на большихъ онъ прекращался; малыя дороги поддерживались усиліями своихъ владѣльцевъ, а большія содержались народною натуральною повинностію; дорогъ сельскихъ было столько, сколько общинъ въ Руси городскихъ и сельскихъ, а большихъ торговыхъ путей столько, сколько ихъ требовали главные торговые пункты Руси. Всѣ эти дороги вызваны общинами, и поддержаны ими. Впослѣдствіи времени, правительство нашло готовыя большія сообщенія, и для своихъ цѣлей, обратило ихъ въ ямскія, которыя по этому, къ удивленію многихъ, появляются у насъ въ XIV вѣкѣ, и съ этого времени все увеличиваются въ своемъ количествѣ. Съ другой стороны, оно обратило вниманіе на злоупотребленіе, съ которымъ проселки перерѣзывали и полосовали русскія пашни, и остановило произвольное умноженіе дорогъ малыхъ. Таково значеніе дальнѣйшаго русскаго законодательства о дорогахъ и путяхъ сообщенія; здѣсь хотѣли мы указать самый зародышъ вопроса.

II. Развитіе благосостоянія, въ Руси, временъ Правды.

Начнемъ съ вопросовъ о благосостояніи вещественномъ, или матеріальномъ, какъ болѣе сподручномъ народу въ его быту первоначальномъ. Тѣмъ болѣе, что духовное благосостояніе, въ своемъ развитіи, уже предполагаетъ извѣстную степень благосостоянія вещественнаго. Avant d'avoir les moeurs, il faut avoir du pain. Въ составъ этихъ вопросовъ о благосостояніи вещественномъ необходимо входятъ вопросы,

какъ о *народномъ богатствѣ*, такъ и о *народонаселеніи*, его числѣ и состояніи.

И 1) *каково было состояніе народнаго богатства, въ Руси временъ Правды?* Понятно, что мы не можемъ найти прямаго, тѣмъ менѣе числоваго отвѣта на подобный вопросъ, для столь отдаленнаго времени, и что рѣшеніе вопроса должно состоять въ заключеніяхъ и выводахъ, болѣе или менѣе необходимо вытекающихъ изъ различныхъ явленій, служащихъ вообще признаками богатства народа. Къ числу такихъ признаковъ относятъ существованіе, въ странѣ: а) путей сообщенія; б) извѣстныхъ орудій мѣны и торга; в) распоряженій закона о промыслахъ и г) свидѣтельствъ, если не о количествѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, о свойствѣ имуществъ, о законѣ ихъ распредѣленія и средствахъ сохраненія. О дорогахъ, по Рус. Правдѣ, мы говорили; и потому здѣсь разсмотримъ остальные три признака народнаго русскаго богатства, въ вѣкъ Правды.

а) *Орудія мѣны и торга по Рус. Правдѣ.* Извѣстно, что на какой бы степени гражданственности ни стояло данное населеніе; оно нуждается въ мѣнѣ и торгѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ орудіяхъ, безъ которыхъ не возможны эти сдѣлки. Посему нѣтъ ничего удивительнаго, если мы встрѣчаемъ вѣсъ, мѣру и даже что нибудь въ родѣ монеты, или денегъ у народовъ самыхъ необразованныхъ. Но если мы находимъ у народа въ извѣстномъ мѣстѣ и вѣкѣ *общій вѣсъ*, *одинаковую мѣру*, *всѣми принятой видъ монетъ*, *въ повсюдномъ употребленіи;* мы также должны согласиться, что здѣсь живетъ населеніе, которое слилось и сливается въ одинъ сплошной народъ,—которое сближено и сближается одинаковыми нуждами и одинаковыми понятіями о цѣнности предметовъ и способахъ ея опредѣленія. А если мы къ тому же замѣтимъ, что въ этомъ народѣ есть побужденіе установить извѣстную степень точности и неизмѣнности орудій торга, и что это побужденіе выказывается въ самыхъ законоположеніяхъ народа: то мы имѣемъ право и обязанность сказать, что промышленная дѣятельность этого народа достигла замѣтныхъ размѣровъ и самъ народъ давно уже вышелъ изъ состоянія грубости, дикости, которыя ни въ чемъ не терпятъ однородности и про-

тивятся народному единству. Въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ мѣры и вѣсы, которыхъ названія частію дошли до насъ; стало быть, и въ Русской Правдѣ, они *не были мѣстнаго* или *случайнаго происхожденія*. Современно Рус. Правдѣ, и даже нѣсколько раньше мы находимъ узаконенія, которыя стремятся сдѣлать неизмѣнными вѣсъ и мѣру; а потому думаемъ, что населеніе Руси этого времени должно назвать народомъ, стоящимъ на значительной степени гражданственности. Но перейдемъ къ подробностямъ, начиная съ орудій *мѣры*.

Въ Русской Правдѣ упоминается *о мѣрѣ длины*, для которой служитъ *локоть* [1]), но гораздо чаще *о мѣрахъ сыпучихъ тѣлъ*, *сѣмянъ*, каковы: *уборокъ пшена* [2]), *лукно*, или *локно овса* [3]), *кадь ржи* [4]), *половникъ овса и ячменя* [5]). Далѣе говорится *о копнахъ* [6]), какъ мѣрѣ жита, *о стогахъ* [7]), какъ мѣрѣ сѣна, и *о возахъ* [8]), какъ мѣрѣ дровъ. И не всѣ эти мѣры исчезли въ Руси послѣдующихъ вѣковъ. *Локти*, давшіе названіе *локотнымъ товарамъ*, извѣстны у насъ до позднѣйшихъ временъ; кади, бывшія цѣлыя вѣка въ общемъ употребленіи, замѣнены своими частями, теперешними четвертями, четвериками и т. д. только съ XVII вѣка; а счетъ на копны, стоги и возы встрѣчается до сего дни. Узаконенныя Правдою для существованія въ Россіи цѣлыя послѣдующія столѣтія, эти мѣры должны были существовать, можетъ быть, такъ же столѣтія до Русской Правды. По высотѣ дерева можно судить о глубинѣ его корней. Замѣчательно однакожъ, что въ Русской Правдѣ не встрѣчаемъ мы *поземельной мѣры*, которая въ этомъ актѣ замѣняется выраженіемъ: сколько поля двумя плугами можно

1) Ст, I.
2) I.
3) I и III.
4) XXXI.
5) XXXIV и XXXV.
6) XXXI.
7) XXXVII.
8) XLV.

обработать[1]) или 16-ю кадями засѣять. Отсутствіе поземельной мѣры, при существованіи другихъ мѣръ, можно объяснить только отсутствіемъ частной поземельной собственности и господствомъ, въ Руси того времени, движимаго имущества. Такое объясненіе, предполагающее причину постоянную, необходимую, оправдывается послѣдующею исторіею поземельной мѣры, которая до позднѣйшаго времени, почти до XVIII в., опредѣлялась въ Новгородѣ *обжами* или *коробьями*, а въ Москвѣ *четвертями*. Другими словами: самое отсутствіе поземельной мѣры, въ Русской Правдѣ, есть важное историческое явленіе, объясняющее событія многихъ послѣдующихъ вѣковъ въ Россіи.

О *вѣсѣ* [2]) почти не упоминается въ Русской Правдѣ, если исключить статьи, говорящія *о гривнѣ*. И долго спустя, въ Россіи, вѣсъ не имѣлъ большаго употребленія, и замѣнялся мѣрою, какъ болѣе нагляднымъ и очевиднымъ способомъ опредѣленія количества. Впрочемъ и у всѣхъ народовъ вѣсъ появляется послѣ мѣры. У насъ первоначально вѣсомъ опредѣлялось количество драгоцѣнныхъ металловъ, а впослѣдствіи дорогихъ товаровъ, напр. шелку. *И гривна*, равная полуфунту, названная потомъ *гривенкою* во всѣ почти столѣтія до XVII в., служила мѣрою или вѣсомъ денегъ, а въ старину эта гривна золота и серебра составляла самыя деньги, монету. И такъ чего не доставало вѣсу въ учащенномъ употребленіи; то дополнялось важностію назначенія. И законодатель Руси уравниваетъ вѣсъ съ мѣрою, желая одинаково содѣйствовать ихъ точности и неизмѣнности.

Св. Владиміръ въ своемъ церковномъ уставѣ объявилъ мѣру и вѣсы чѣмъ-то священнымъ и неприкосновеннымъ, и передалъ наблюденіе за ними духовной власти и надзору Епи-

[1]) Revue des deux Mondes, 1855, 1 juin,—Mélange; Une cour féodale au douzième siècle; Chronique de Guines et d'Ardres de 918 — 1203, par Lambert, publié par Godefroi Mèniglaise, 1855. Измѣреніе земли во Фландріи, въ XII в., производилось par charrues, сохами, какъ и у Ламберта.

[2]) «Древній русскій вѣсъ,» Г. Прозоровскаго, Ж. М. Н. П., 1855, Ч. LXXXVI,—К. II, стр. 124, 125 и слѣд. Вѣсъ древній былъ нѣсколько больше современнаго.

скопа, говоря: а *мѣры и вѣсы Святителямъ блюсти.* Знаю, что меня встрѣтятъ при этомъ возраженія, и многіе станутъ доказывать, будто распоряженія Устава имѣли цѣлію только упрочить за церковію извѣстный сборъ на рынкахъ со всего, подлежавшаго взвѣшиванію и мѣрѣ. Но за меня вступятся, какъ самое выраженіе устава *блюсти вѣсы и мѣры, ни умалити, ни умножити*, такъ и положеніе *о десятомъ торгѣ*, въ пользу церкви, высказанное отдѣльно, и особенно распоряженія трактатовъ XIII вѣка, Смоленскаго Князя Мстислава съ Готскимъ берегомъ и В. Новгорода съ Любекомъ,— распоряженія, которыя мы можемъ назвать оффиціальнымъ толкованіемъ, въ нашемъ вопросѣ. По одному мѣсту перваго изъ сихъ трактатовъ, *пудъ* или пудовикъ врученъ былъ Волочанамъ, для употребленія въ торговлѣ, съ условіемъ, при нуждѣ, свѣрять его съ *подругомъ, лежащемъ въ Нѣмецкой Божницѣ* [1]); а по второму, сдѣлано условіе повѣрять вѣсы два раза въ году, посредствомъ сличенія вѣсовъ обѣихъ сторонъ; для повѣрки же мѣры, *хранить образцовую мѣру въ Нѣмецкой церкви Св. Петра* [2]). Не можетъ быть, что бы такая нужда въ нормальныхъ вѣсахъ и мѣрахъ впервые явилась въ годы заключенія трактатовъ; не можетъ быть, что бы сходство всѣхъ этихъ распоряженій объ обезпеченіи неизмѣнности вѣсовъ и мѣръ, было случайнымъ, — сходство почти буквальное между церковнымъ уставомъ и обоими трактатами.

Переходя послѣ этого къ вопросу *о деньгахъ*, которыя упоминаются въ Правдѣ, почти на каждой строкѣ, и между тѣмъ не вызываютъ у законодателя мѣръ къ своему обезпеченію: мы уже легко допустимъ, что деньги того времени были отличны отъ нашихъ, имѣя значеніе *только по вѣсу* драгоцѣннаго металла, изъ котораго были сдѣланы, а не по штемпелю или цѣнѣ нарицательной. Не можетъ быть, чтобы Ярославъ, его предшественникъ и преемники, столько сдѣлавшіе для неизмѣнности мѣръ и вѣсовъ, оставили безъ всякаго вниманія деньги, которыхъ измѣнчивость и невѣр-

1) Ст. 34; Истор. Гос. Рос. III, примѣч. 248.
2) Тамъ же, примѣч, 244.

ность гораздо опаснѣе для общества. Нѣтъ: но, такъ какъ вѣсъ былъ обезпеченъ законодателемъ, при содѣйствіи всего, самаго священнаго, Божія храма; то уже нечего было заботиться о деньгахъ, цѣнимыхъ по вѣсу. Золото и серебро, во время Р. Правды, конечно, еще не имѣли формы монетъ, или собственно денегъ, и служили мѣрою цѣны, по одному своему количеству, *вѣсу.* Отъ того являются эти деньги только въ формѣ и подъ названіемъ *гривенъ*, или полуфунтовъ; отъ того служатъ онѣ только *мѣрою цѣны*, съ полною внутреннею, соотвѣтствующею названію, цѣнностію, а не однимъ *знакомъ* цѣны, или простымъ *орудіемъ мѣны и торга. Собственно деньги ходячія* временъ Р. Правды состояли въ такъ называемыхъ *кунахъ, ногатахъ*, *мордкахъ* и т. д., которыя были знаками цѣны, а именно извѣстнаго количества золота и серебра, удобнымъ средствомъ передачи и передвиженія цѣнностей, вообще орудіемъ мѣны и торга. Но какъ драгоцѣнные металлы представляли собою цѣну предметовъ; такъ куны и ногаты обозначали извѣстное количество золота и серебра, къ которымъ относились онѣ, какъ названіе къ вещи. Въ кунахъ и ногатахъ ничего реальнаго и все нарицательно; и подлѣ золота и серебра онѣ имѣли значеніе нашихъ позднѣйшихъ мѣдныхъ и бумажныхъ денегъ, или, пожалуй, кредитныхъ билетовъ. Ихъ существованіе, ихъ ходъ въ оборотѣ и народѣ условленъ предположеніемъ, что за извѣстное число этихъ мѣновыхъ знаковъ можно имѣть соотвѣтственное ихъ названію количество золота, или серебра. И такъ эти знаки могли состоять изъ чего угодно, только бы они были *легки*, для передачи, — *уютны*, при сохраненіи, — *не легко уступали разрушенію*, при переходѣ изъ рукъ въ другія. Наши предки дѣлали такіе знаки изъ кожи, и, кажется, противъ выбора вещества нельзя сказать многаго; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кожа, въ этомъ случаѣ, удобнѣе мѣди. Не даромъ и въ XVIII ст., при недостаткѣ размѣнной монеты, въ средоточіи Россіи, кожаные лоскутки опять получали право гражданства, и имѣли обращеніе въ народѣ [1]). Съ другой стороны, выборъ кожи, для отправ-

[1]) Въ Калуж. губ. Указъ 11-го Марта, 1700 года, П. С. З. «а въ Калугѣ — торгуютъ кожаными жеребьями».

ленія должности ходячей монеты, во времена Правды, былъ условленъ самою исторіею русской древней промышленности. Было время, когда Россія находила богатство только внѣ себя, на западѣ и югѣ своихъ предѣловъ, посредствомъ вымѣна необходимаго у болѣе богатыхъ сосѣдей на шкуры и мѣха своихъ пушныхъ звѣрей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ и т. д. И богатство русскаго человѣка измѣрялось богатствомъ этихъ мѣховъ и кожъ, такъ что о богатомъ человѣкѣ того времени можно было говорить: у него столько-то куницъ или кунъ, — столько-то бѣлокъ, или векшъ и т. п.; онъ занималъ мѣха у другихъ, онъ давалъ мѣха въ займы другимъ; онѣ были его богатствомъ и средствомъ къ богатству, — основаніемъ его довольства и благосостоянія, тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи содѣлались для него золото и серебро, и чѣмъ въ позднѣйшее время стали для него деньги. Скоро однакожъ, при развитіи внутреннихъ промысловъ, при разнообразіи предметовъ и случаевъ сдѣлокъ, удобство потребовало замѣнить движеніе или обращеніе цѣлыхъ шкуръ ихъ частями, знаками, лоскутками шкуръ, рѣзанами, мордками, ногатами и т. д. Наконецъ цѣнность предметовъ и богатство нашли свое полное выраженіе въ золотѣ и серебрѣ; а эти драгоцѣнные металлы открыли въ прежнихъ знакахъ цѣны свою замѣну.

Но какимъ образомъ кожаные лоскутки могли замѣнить и замѣнять дорогіе для всѣхъ золото и серебро? Кто могъ обезпечить и обезпечивалъ продавца и кредитора, что они за эти ничтожные лоскутки получатъ предметы настоящей цѣны и дѣйствительные драгоцѣнные металлы? На этотъ вопросъ, столько трудный, для пониманія въ наше время, при нашихъ обстоятельствахъ, должно искать отвѣта въ самомъ быту давно прошедшемъ. Переносясь же мыслію въ этотъ бытъ, чувствуемъ, что нашъ вопросъ тамъ не умѣстенъ. Если нужда, потребности времени и общій обычай необходимо вызвали къ употребленію кожаныя деньги; то эта же нужда, эти же потребности и этотъ же обычай должны были поддержать ходъ такихъ денегъ и довѣренность къ нимъ. Съ другой стороны, не забудемъ, что юридическая связь народа, по которой община была свидѣтельницею и судьею

во всякомъ дѣлѣ владѣнія, уступокъ и споровъ объ имуществѣ,—что эта связь народа должна была могущественно поддерживать общее довѣріе къ знакамъ цѣны и орудіямъ сдѣлокъ, каковы бы эти знаки ни были [1]). Наконецъ господствующее въ Русской Правдѣ общее начало и постоянно повторяемое требованіе Правды, чтобы всякую сдѣлку купли, мѣны, займа и поклажи совершать при свидѣтеляхъ, необходимо обезпечивало сдѣлку, по смыслу условія, все равно, будетъ ли уплата производиться кунами, или золотомъ [2]). Исключеніе изъ этого правила дѣлалось только для сдѣлокъ купеческихъ, гдѣ послухи, или свидѣтели не были необходимы, какъ увидимъ ниже. И такъ весь народъ и своими нуждами, и своимъ устройствомъ, и своимъ законодательствомъ обезпечивалъ довѣріе къ своимъ орудіямъ мѣны и торга, и укрѣплялъ ихъ прочное отношеніе къ мѣрѣ цѣны, къ золоту и серебру. Каковы же были эти орудія мѣны и торга, или знаки цѣны, и въ какомъ отношеніи находились они къ серебру и золоту? Вотъ еще вопросъ, котораго обойти нельзя, если хотимъ понимать статьи Правды во всей ихъ полнотѣ и во всемъ объемѣ приложенія къ явленіямъ тогдашней жизни.

О гривнахъ и кунахъ. Въ VII томѣ своихъ «Изслѣдованій и Замѣчаній,» М. П. Погодинъ помѣстилъ обширное разсужденіе о «древнихъ кунахъ—деньгахъ,» въ которомъ вновь подвергнулъ пересмотру положенія, состоявшіяся объ этомъ предметѣ, со временъ изданія «Исторіи Гос. Рос.» Разсужденіе Г. Погодина не убѣдило меня въ необходимости измѣнить установившуюся систему. И вотъ почему. У Нестора, какъ и въ древнѣйшихъ спискахъ Правды, вообще до XII в., до Устава В. К. Всеволода Мстиславича, до 1134—1135 [3]), слово: гривна употребляется безъ дальнѣйшаго означенія серебра ли, кунъ ли. Между тѣмъ извѣстія Нестора о византійской дани, выраженной

[1]) См. выше.

[2]) Ст. IV, VIII, XIII—XIV.

[3]) Допол. къ Акт. Ист. I, № 2, стр. 3 вверху втораго столбца, гдѣ говорится и объ гривнѣ серебра и о гривнѣ кунъ и о «гривенкѣ перцю.»

гривнами; о платежѣ съ Новгорода, въ пользу Варяговъ, 300 гр., мира дѣля; равно какъ положенія Правды о взысканіяхъ гривнами, естественно, заставляли всѣхъ, писавшихъ о предметѣ, принимать эти гривны за гривны серебра, и именно за слитки въ полфунта вѣсомъ. Самъ Погодинъ, называя гривну этихъ актовъ ходячею монетою, видитъ въ ней такъ же слитокъ въ полфунта серебра; Г. Прозоровскій, помѣстившій, въ послѣднихъ №№ «Москвитян.» за 1856 г., свои замѣтки на это «Разсужденіе» Погодина, объявляетъ искомую гривну Нестора и Русской Правды такъ же равною полуфунту металла, только размѣненной на мелочь, на которую дробилась гривна. И такъ не можетъ быть спору о томъ, что гривна древнѣйшая, въ значеніи денегъ, была полфунта металла или около.

Съ 1135, вообще съ XII вѣка, слово гривна постоянно сопровождается своими опредѣлительными выраженіями серебра или кунъ, такъ что, съ этого времени, простое слово: гривна всегда уже означаетъ гривну кунъ, подобно тому, какъ до того времени простое слово: гривна всегда означало гривну серебра. И съ этого времени всѣ принимаютъ, что гривна кунъ означаетъ монету ходячую, въ отличіе отъ гривны серебра, которая составляетъ для времени вѣсовую гривну. Предполагая извѣстнымъ, что Новгородская гривна была почти вдвое больше Смоленской, Низовой, и больше Кіевской, продолжимъ разсужденіе, имѣя въ виду Новгородскія гривны, которыя послѣ легко перевести на Кіевскія, Смоленскія и т. д. — И прежде гривна была вѣсовая; и прежде должно было существовать различіе между вѣсовой гривной и ходячею, въ слиткахъ и въ чеканеныхъ монетахъ. Отъ чего же до XII в. акты не дѣлаютъ различія между гривной и гривной, и не намекаютъ на разницу между гривной серебромъ и гривной кунами? Ясно, что съ XII вѣка произошло различіе между гривной серебра, или вѣсовой, и гривной кунъ, или ходячей. Куны упали, сравнительно съ серебряными слитками, которые назывались гривнами, и къ которымъ куны относились, какъ къ своей нормѣ. Какъ же онѣ упали? Четыре гривны кунъ составляютъ уже только одну гривну серебра, по Мстиславову договору, въ Смолен-

скѣ, гдѣ гривна серебра была **вдвое** *меньше Новгородской*, и $7^1/_2$ грив. кунъ равняются только *одной* гривнѣ серебра, въ Новгородѣ, гдѣ гривна серебра была *вдвое больше* Смоленской. Этотъ расчетъ находимъ въ одной статьѣ Константинова Судебника, принадлежащей къ русскимъ законамъ, равно какъ въ извѣстіи Лѣтописца, отъ 1228 г., гдѣ говорится, что четверть кади стоила тогда *1 гр. серебр.*, а цѣлая кадь ржи *7 гр. и по — болши*, разумѣется, кунами; такъ что 4 гр. серебра равнялись 28 и по—болши гривнамъ кунъ, одна же гр. серебра—семи гривнамъ кунъ и по—болши, напр. $7^1/_2$.

Что же такое куны? Слитки или чеканеныя монеты, равныя по вѣсу съ серебрянною гривною, не могли упасть до различія, постоянно отмѣчаемаго въ актахъ и законахъ. Это —части гривны и размѣнная мелочь,—части, которыхъ названія и въ позднѣйшихъ и въ древнѣйшихъ актахъ до рублевой системы, до денегъ, постоянно напоминаютъ звѣрей и животныхъ, какъ напр. куна, вѣкша, бѣлка, а впослѣдствіи даже *боранъ большой*, въ отличіе отъ простаго барана, или части ихъ мѣховъ и кожъ, какъ напр. мордки, рѣзаны. Это —размѣнная мелочь, о которой говорили Рубруквисъ, Длугошъ, Герберштейнъ, а за ними Карамзинъ, разсказывающій при этомъ, что онъ самъ видалъ кожаные лоскутки, долго хранившіеся въ боченкахъ одного Владимірскаго монастыря, и обозначенные въ *монастырской описи* словами: *кожаныя деньги*. Самъ Погодинъ не отрицаетъ возможности ходить кожаннымъ деньгамъ въ древности, какъ онѣ ходили въ началѣ XVIII вѣка. И, понятно, что только такія ходячія монеты должны были имѣть курсъ различный, по времени, и, при дальнѣйшихъ успѣхахъ промышленности, должны были падать больше и больше, пока наконецъ съ начала XV в. не были замѣнены, по преимуществу, въ торговыхъ городахъ Россіи, въ Псковѣ и Новгородѣ, сперва *артугами*, иноземными мѣдными монетами, а потомъ собственными серебряными денежками, которыми съ того времени стала торговать цѣлая Россія. «Куны отложиша,» говоритъ лѣтопись про эти событія; нельзя же отложить ходячую монету, а тѣмъ менѣе замѣнить серебряную мѣдною, чтобы потомъ опять обратиться къ серебряной? Стали «голка, мятежъ и

не—любовь» въ народѣ отъ денегъ, именно, со времени, когда куны отложили, и ввели серебряныя денежки, особенно подлежавшія поддѣлкѣ [1]).

И такъ мы остаемся при прежнихъ воззрѣніяхъ на древнюю нашу гривенную систему. Зданіе Г. Погодина шатается потому, что основано на *условномъ*, чтобы не сказать произвольномъ, пониманіи мюнцкабинетныхъ рублей и гривенъ, да на отрицаніи различныхъ извѣстій и указаній источниковъ. Такъ Погодинъ не даетъ вѣры извѣстію Новгородской Лѣтописи отъ 1228 г., что удовлетворительно осуждено Прозоровскимъ въ упомянутыхъ его замѣткахъ на «Разсужденіе» Г. Погодина. Погодинъ отрицаетъ опредѣленія отношеній между гривнами и кунами, по Константинову Судебнику, ссылаясь на совершенную неясность его статьи [2]), принимая въ тоже время это опредѣленіе по акту Велик. Кн. Мстислава, и тѣмъ, какъ бы, невольно подтверждая самую статью Константинова Судебника и извѣстіе лѣтописи отъ 1228. Наконецъ теорія Погодина шатается, потому, что не соображена съ результатами и выводами. По мнѣнію Погодина, стр. 342, гривна кунъ равнялась полуфунту серебра, или 50 рѣзанамъ, слѣд. 1 рѣзана равнялась почти 1 золот. серебра, или, по нашему, современному, четвертаку, 25 коп. серебр.,—цѣнѣ напр. одного руна съ овцы, которое, по Рус. Правдѣ, стоило одну рѣзану, или 25 коп. Но деньги того времени были дороже нынѣшнихъ, если не въ 10, то, по меньшей мѣрѣ, въ 7 разъ; стало быть, за одно руно платили почти 2 р. сер. Съ другой стороны, если 25 коп. сер. или, по нашему, 2 цѣлковыхъ, были самою меньшею, раз-

[1]) См. Псковск. Лѣт. I, 200; 125; 12.

[2]) Позволяю себѣ предложить слѣдующее чтеніе статьи: «О безчестіи. А за безчестную (продажу, гривну золота, аже будетъ баба была (обезчещена); въ золотѣ имати; взяти ему (истцу за оскорбленіе бабки) 50 гривенъ (т. е. кунами) за гривну золота; аже будетъ баба была, въ золотѣ; а, по матери, ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра полъ-осмы гривны кунъ.» Все становится яснымъ, при установленіи знаковъ препинанія; остается одинъ вопросъ, почему за бабку положена пеня въ 7 разъ большая, чѣмъ за мать?

мѣнною монетою; какъ же производились обыкновенные, ежедневные торги? — И такъ предположеніе, что, въ древней Руси, рядомъ съ серебряною монетою, или слитками, ходили знаки ея, мордки, куны, клейменые кожаные лоскутки,— это предположеніе, при тщательномъ пересмотрѣ дѣла, превращается въ необходимую достовѣрность.

Гривна была вѣсъ и составляла полфунта драгоцѣннаго металла, слѣдовательно гривна *золота или серебра* означала *полфунта чистаго золота*, или *чистаго серебра*. Но что такое *гривна кунъ*, — полфунта кунъ? И что за слово *куна?* Замѣчательно, что это слово встрѣчается и притомъ въ значеніи денегъ, въ Салическомъ законѣ, гдѣ куны относятся извѣстнымъ образомъ къ солидамъ, и напр. говорится: «incipiut *chunnas*, или septum *chunna* (составляютъ?) Solidos XXX,—или Thue septem *chunna* (составляютъ?) Solid. XLV, и т. д. [1]). Можетъ быть, въ глубокой древности, куна была большою денежною единицею, которая съ востока перешла на западъ, въ этомъ значеніи; но у насъ, во времена Правды, куна содѣлалась размѣнною мелкою монетой. Какую имѣла она цѣнность, въ это время?

Шестнадцать статей Рус. Правды, XVII—XXXIII [2]), содержатъ въ себѣ между прочимъ оцѣнку разныхъ предметовъ, и должны помочь намъ въ пониманіи денегъ того времени. Такъ напр. со 180,223 овецъ предполагается тамъ получить, въ годъ, въ два пріема стрижки, 360,446 рунъ, или, полагая руно, по акту, въ 1 рѣзану, 360,446 рѣзанъ, составляющихъ, по акту же, 7,208 гр. и 46 рѣзанъ. Ясно, что гривна равнялась 50 рѣзанамъ, на которыя раздѣленное, число 360,446 дастъ въ частномъ $7,208^{46}/_{50}$. Тотъ же актъ, уравнивая въ разныхъ мѣстахъ 6 ногатъ=15 рѣзанамъ, даетъ ногатѣ цѣну въ $2^1/_2$ рѣзаны; а, по XLII ст., постоянно замѣняя слово: куна, словомъ: рѣзана, и на оборотъ, даетъ намъ право такъ же уравнять куну рѣзанѣ [3]) Зная наконецъ, что, по L(50-й) ст.

[1]) Lex Salica, edit. Heroldi, tit. LXXX, §§ 3, 4, 5.

[2]) Калачов. изд.

[3]) Прозоровскій, въ №№ 13—16 Москвит. за 1856 г., стр. 291.

Правды [1]), гривна золота равнялась 50 гр. кунъ, а гривна серебра равнялась $7^1/_2$ гр. кунъ, (какъ выше показано, въ Новѣгородѣ, откуда уже необходимо выходило, что Смоленская гривна серебра содержала только 4 гр. кунъ), мы полагаемъ, что гривна сереб. содержала 375 кунъ или рѣзанъ, а гривна золота имѣла ихъ 2,500. Во взаимномъ отношеніи упомянутыхъ видовъ монеты, до сихъ поръ, мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, и потому говоримъ, что $2^1/_2$ куны, или рѣзаны, составляли.......... одну *ногату*, —
50 кунъ, или рѣзанъ.................. — *гривну кунъ*
375 кунъ, или $7^1/_2$ грив. кунъ........... — *гр. серебра*
и 2,500 кунъ, или 50 грив. кунъ........ — *гр. золота*.

Зная цѣну драгоцѣнныхъ металловъ, равно какъ то количество, которое входило въ составъ гривны золота и серебра, легко опредѣлить стоимость всѣхъ этихъ видовъ, отъ гривны золота до ногаты, до рѣзаны, или куны. Замѣтимъ при этомъ, что, какъ въ наше время, какъ въ прошломъ вѣкѣ, и какъ во всю Русскую исторію серебро составляетъ представителя всѣхъ цѣнностей, и серебряная монета служитъ главною ходячею и счетною единицею: такъ было и во времена Рус. Правды, гдѣ о золотой гривнѣ упомянуто одинъ только разъ, а всѣ случаи расчетовъ сводятся на серебро. Почему такъ? Неужели при Ярославѣ уже предчувствовали то, что теперь только узнали, что серебро постояннѣе, неизмѣннѣе въ цѣнѣ, нежели золото? Какъ бы то ни было, господствующая монета, во всю Русскую исторію, была серебряная, и къ этой монетѣ, въ современномъ ея значеніи, мы постараемся пріурочить числовыя выраженія Правды.

Уравнивая съ Карамзинымъ полфунта или гривну серебра 10 нынѣшнимъ серебрянымъ рублямъ; мы найдемъ, что гривна кунъ, которыхъ $7^1/_2$ составляли гривну серебра,
будетъ равна.................................. $1\,^1/_3$ руб. сер.
рѣзана или куна.... $2\,^2/_3$ коп. сер.
ногата... $6\,^2/_3$ коп. сер.

Но, очевидно, мы погрѣшимъ противъ истины, принимая этотъ переводъ за окончательный; ибо, въ этомъ случаѣ, мы

[1]) Статья Констант. Судебника, разсмотрѣнная выше.

опускаемъ изъ виду, что серебро въ то отдаленное время, въ вѣкахъ XI и XII, должно было стоить дороже своей современной цѣны, когда не одни В. Князья Владиміры, а и простая чадь ѣдятъ серебряными ложками. При этомъ мы дѣлаемъ предположеніе, что этотъ металлъ, во времена Ярослава, былъ напр. круглымъ числомъ, въ 10 разъ дороже настоящаго. Это— предположеніе, которое вообще необходимо и справедливо, только въ цифрѣ можетъ быть не вѣрно, не доказано. Но вѣдь извѣстно, что и фунтъ того времени не равнялся нашему фунту, и кадь временъ Ярослава содержала 4 четверти не теперешней ёмкости. Математическую точность мы отсылаемъ къ астрономіи; а для насъ достаточно и вѣроятныхъ выводовъ [1]).

На основаніи сдѣланныхъ положеній и предположеній, мы можемъ изобразить встрѣчаемыя въ Рус. Правдѣ цѣны предметовъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Предметы.	*Цѣны Р. Пр.*	*Цѣн. на сер.*	*Теперешн. цѣнн.*
Одно руно	1 рѣзана . .	2 $2/3$ сер. к.	— около 26 к.
Баранъ Козелъ Горнецъ масла . . .	10 рѣзанъ . .	26 $2/3$ сер. к.	— 2 р. 63. —
Овца Коза Вепрь Однолѣтн. жеребен.	15 рѣзанъ . .	40 сер. к.	— 4 р. —
Свинья Прошлогодн. коров. Рой пчелъ съ мед.	25 рѣзанъ . .	66 $2/3$ сер. к.	— 6 р. 66 к.
Прошлог. жеребен.	30 рѣзанъ . .	80 сер. к.	— 8 р. —
3-хъ лѣтн. жеребен. Корова Стогъ сѣна	50 рѣзанъ	1 р. 33 сер. к.	— 13 р. 30 к.

[1]) Wirth's Nationaloeconomie, 24; количество металловъ драгоц. увеличилось съ XVI в. въ 10 разъ. — Roscher's Nationaloecon. 257, Preisrevolution отъ умноженія драгоцѣн. металловъ. 259, примѣч. 3, различныя мнѣнія объ отношеніи цѣнъ прежнихъ къ нынѣшнимъ, какъ 6: 1, или 7: 1.

Корова (по лучше?). 100 рѣз. 2 гр. 1 р. 66 сер. к. — 26 р. 60 к.
Кобылица 150 рѣз. 3 гр. 3 р. 99 сер. к. — 40 р. [1]).

Зная цѣну денегъ и предметовъ, обратимся къ извѣстнымъ статьямъ о наказаніяхъ за преступленія, и постараемся уяснить себѣ оцѣнку человѣческихъ дѣйствій, по расчету Правды.

1) По ст. XLIII, за кражу и т. д. *голубя и куря* наказаніе полагалось въ 9 рѣз., слѣдоват. въ 24 к. сер. или въ 2 р. 40 коп. сер., а по ст. XLIV *за утку*, *гуся*, *журавля* *и лебедя* 30 рѣз., слѣд. 80 к. сер., или 8 р. сер.

2) По ст. XLV за кражу *сѣна и дровъ* 9 рѣзанъ, или 2 р. 40 к. на наши деньги; а въ другой редакціи положено брать по 2 ногаты, или по 5 рѣз.; на наши деньги около 1 р. 30 к. сер. *съ каждаго воза* краденаго сѣна, или краденыхъ дровъ.

3) Стат. CXIV полагаетъ за *морскую русскую лодью* 3 гривны, или почти 40 р. сер., за *набойную* 2 гр. или 26 р. 60 коп., а за *челнъ* 8 кунъ, или нѣсколько болѣе 2 р. сер.

4) Ст. LXI узаконяетъ платить за *княжескаго коня* 3 гр., или почти 40 р. на наши деньги, а за *остальныхъ* по 2 гр., или нѣсколько болѣе 26 р. сер.

5) По ст. LXXXII, за убійство *смерда и холопа* полагалось по 5 гривенъ, или, выражая цѣну въ предметахъ и вещахъ, по 5 стоговъ сѣна, или по 5 трехлѣтнихъ жеребцовъ, или по 10 свиней, — по 25 барановъ, почти по одной трети фунта серебра, — а на наши деньги по 66 слишкомъ руб. сер.

6) По ст. LXXX., за убійство *ратайнаго* или *сельскаго старосты*, или напр. *ремесленниковъ* платилось 12 гр., или 4 кобылицы, или 6 коровъ, — 12 трехлѣтнихъ жеребцовъ, — до 40 овецъ, козъ и т. д.; до $3\frac{3}{4}$ ф. серебра, или на теперешнія деньги до 160 р. сер.

Наконецъ 7) По LXXIV ст., за убійство *мужа* платилось 80 гривенъ кунъ, или почти 11 гривенъ сер., болѣе 5 фун. этого металла, — 23 кобылицы, — до 40 коровъ, — 80 стоговъ, — 400 барановъ и козловъ, а на нынѣшнія деньги болѣе 1,000 р. сер.

[1]) См. ст. преимущ. XII и слѣдующія, которыя кладутъ цѣну по хозяйственному расчету.

Изъ такого разсмотрѣнія статей Правды необходимо выходитъ:

1. Что денежныя взысканія были весьма строги и такъ тяжелы, что иное преступленіе, особенно противъ жизни человѣка, неминуемо вело за собою совершенное раззореніе виновнаго, и замѣна кровной мести такою вирою оставляла только жизнь осужденному.

2. Жизнь человѣка, даже несвободнаго, цѣнилась весьма высоко, и постоянно выше, нежели вещи, отъ лодьи русской морской, ходившей, вѣроятно, по Русскому, Черному морю, до коня княжескаго, можетъ быть, боеваго.

3. Такъ какъ золото и серебро были въ это время весьма рѣдки, то естественно предполагать, что всѣ виры и продажи были уплачиваемы скотомъ и другими предметами хозяйства сельскаго.

4. Но и эти предметы не были, кажется, слишкомъ многочисленны; ибо цѣны на нихъ, въ Правдѣ, также весьма высоки. Такъ что распоряженія Русской Правды, въ этомъ отношеніи, должно отнести ко временамъ отдаленной древности и зачинающейся промышленности. Нельзя напр. не видѣть, что птицеводство было развито слишкомъ мало, и что особенно были дороги тѣ домашнія птицы, которыхъ разведеніе предполагаетъ нѣкоторыя особыя угодья, каковы рѣки и озера, для утокъ и гусей.

б) *О промышленности, по статьямъ Русской Правды.* Раздѣленіе народа на множество классовъ, по различію занятія, на селянъ и горожанъ, людиновъ и огнищанъ, ремесленниковъ и вощниковъ [1]), купцовъ и гостей доказываетъ съ одной стороны, что промыслы были свободны, открыты для каждаго, а съ другой, что эти промыслы были разнообразны и многочисленны. Покрайней мѣрѣ, Русская Правда несомнѣнно и ясно различаетъ всѣ три главные рода промышленности, — земледѣліе, ремесла и торговлю, съ нѣкоторыми подраздѣленіями. Статьи же Устава, опредѣляющія

[1]) Можетъ быть, отъ слова: воскъ, какъ впослѣдствіи вѣсъ *вощный*, въ 28 ст. Договора Смол. Кн. Мстислава.

ходъ сельскаго хозяйства [1]), равно какъ положенія, касающіяся ремесленниковъ [2]) и торговаго класса [3]), убѣждаютъ, что народная промышленность уже занимала умъ законодателя и вызывала его вниманіе. Наконецъ упоминаемое въ Правдѣ разнообразное употребленіе имуществъ, для умноженія доходовъ, каковы: *отдача кунъ въ рѣзъ*, — *меду въ наставъ* и *хлѣба въ присыпъ* [4]), и особенно *законное опредѣленіе процентовъ* по 20% [5]), не позволяютъ сомнѣваться въ значительномъ развитіи народной промышленности, во времена Р. Правды.—Но перейдемъ къ подробностямъ, которыя имѣютъ силу довести дѣло до очевидности.

1. *Сельское хозяйство*, или правильнѣе *земледѣліе и скотоводство* до такой степени ясно описаны и опредѣлены въ Рус. Правдѣ, что по ней мы, въ наше время, легко можемъ судить, какъ о способахъ и средствахъ, такъ и о доходахъ тогдашняго хозяйства [6]). Соображая XXII и слѣд. статьи Правды можно видѣть:

а) Что сельскій классъ того времени жилъ не хуторами, или отдѣльными дворами, какъ на Западѣ, въ Höfe; но, по отсутствію частнаго поземельнаго владѣнія, и по господству общиннаго, онъ жилъ въ *селахъ*, болѣе или менѣе многолюдныхъ общинахъ. Равномѣрно изъ чтенія этихъ статей выходитъ, что *земли, въ то время, было вдоволь*. Ибо хотя здѣсь опредѣляется первоначальное количество поля въ размѣрѣ, сколько можно его воздѣлать двумя плугами и занять 16-ю кадями или 64 четвертями, въ каждомъ изъ трехъ полей, слѣд. въ размѣрѣ около 100 десят.; но при этомъ предполагается постоянное ежегодное умноженіе скота, а съ

[1]) Ст. XXII и слѣд.

[2]) LXXXI.

[3]) XI, XII и друг.

[4]) XIII.

[5]) XVI.

[6]) Впрочемъ, не имѣя задачею представить здѣсь исторію промышленности, мы отсылаемъ читателей за фактическими подробностями къ спеціальнымъ сочиненіямъ, напр., въ вопросѣ объ исторіи земледѣлія, къ статьѣ И. Д. Бѣляева, «Нѣсколько словъ о земледѣліи,» Времен. Об. Ист. и Др. кн. 22, 1855 г.

тѣмъ вмѣстѣ соразмѣрное увеличеніе полей и луговъ. И между тѣмъ о способахъ, или дозволеніи занимать земли болѣе и болѣе не говорится ни слова, какъ будто это разумѣется само собою.

b) Изъ этихъ же статей видно, что предметы сельскаго хозяйства были довольно разнообразны. Земледѣліе и скотоводство, сѣнокосы и пчеловодство, приготовленіе масла и сыру, добываніе шерсти и даже птицеводство были уже извѣстны и входили въ составъ хозяйственныхъ расчетовъ. И между тѣмъ состояніе этого хозяйства носитъ печать глубокой древности. Изъ хлѣбныхъ растеній упоминается только *рожь, овесъ, ячмень, полба;* ни гречи, ни проса, ни пшеницы: не говорится такъ же ни о коноплѣ, ни обо льнѣ, и, вѣроятно, что во времена, къ которымъ относится первая редакція статей расчета, одежду дѣлали и носили только изъ руна овецъ—шерстяную. О садахъ и огородахъ, плодахъ и овощахъ еще умалчиваютъ эти статьи, хотя уже съ 1214 года Русскіе знакомы съ рѣпою, а въ 1228 упоминается о пшеницѣ. Ясно, что статьи Правды гораздо старше XIII в. Наконецъ высокія цѣны и значительныя денежныя взысканія за домашнюю птицу свидѣтельствуютъ также о древности того быта, для котораго писанъ расчетъ Правды. Голубь и куря положены въ 9 кунъ, а утка, гусь, лебедь въ 30, слѣд. болѣе, чѣмъ въ три раза дороже оцѣнены птицы, требующія близости озера, или рѣки для своего содержанія.

c) Описанное состояніе сельскаго хозяйства заставляетъ предполагать, что въ это уже время были извѣстны въ Россіи многія земледѣльческія орудія. Объ нихъ находимъ извѣстія въ Уставѣ Ярослава о зем. дѣлѣхъ, который въ одной своей статьѣ говоритъ *о рольныхъ желѣзахъ*, *о серпѣ*, *косѣ*, *сѣкирѣ*, вообще объ орудіяхъ металлическихъ. *Рольныя желѣза* могли означать всѣ принадлежности сохи и *плуга;* а плугъ, равно какъ и борона упоминаются въ Рус. Правдѣ[1]). Соединяя все это вмѣстѣ, мы вправѣ сказать, что, во времена Русской Правды, на Руси существовали всѣ главнѣйшія земледѣльческія орудія, употребляемыя доселѣ въ рус-

[1]) XXI и XVIII.

скомъ сельскомъ хозяйствѣ. Не хотимъ однакожъ оставить вопроса, не обративъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что эти орудія упоминаются въ уставѣ о зем. дѣлѣхъ, въ статьѣ о кражѣ, и что похищеніе каждаго изъ нихъ, рольныхъ ли желѣзъ, серпа ли, косы или сѣкиры подвергаетъ виновнаго одинаковому наказанію: платежу за каждый день владѣнія, равному *цѣнѣ рабочаго дня*. Это обстоятельство намекаетъ, что орудій было не много, что онѣ были рѣдки, и находились у хозяевъ, такъ сказать, въ одномъ экземплярѣ.

d) Главный способъ хозяйства состоялъ въ *половничествѣ*, или въ отдачѣ поля вольному работнику *изъ-полу*, подъ условіемъ раздѣла по равнымъ частямъ всего, что родится на полѣ хозяина, воздѣланномъ трудами работника и засѣянномъ сѣменами владѣльца. Въ этомъ убѣждаемся мы во первыхъ распоряженіями Правды, которой многія статьи, начиная съ XII, говорятъ о селѣ, хлѣбопашествѣ, сководствѣ, пчеловодствѣ, сѣнокосахъ и т. д. и *ни слова о рабочихъ*; какъ будто число ихъ совершенно зависитъ отъ нужды въ нихъ. Рабочіе, по праву перехода, стремятся туда, гдѣ больше въ нихъ нужды. Во вторыхъ, особенно ясно и подробно излагаетъ законы половничества уставъ о земскихъ дѣлѣхъ [1]), равно какъ одна статья Правды, говорящая о случаѣ, если кто *не доходитъ года*. Такой человѣкъ *ворочаетъ милость*, вѣроятно, задатокъ, или подмогу, и не подлежитъ никакой другой отвѣтственности [2]). Изъ этого описанія очевидно, что Правда говоритъ о половникѣ и его правѣ перехода. Любопытно при этомъ напомнить, что въ наше время половничество осталось только въ Вологодской губерніи, да и тамъ, кажется, только въ одномъ уѣздѣ; тогда какъ упоминаемый въ Правдѣ плугъ—ясно говоритъ, что половничество было извѣстно и въ болѣе южныхъ предѣлахъ Россіи. Нельзя такъ же умолчать о томъ, что, по статьямъ Правды, предполагается у половниковъ и самостоятельность и зажиточность, не совсѣмъ обыкновенныя; потому что отъ

[1]) См. выше.

[2]) VII.

нихъ требуется ежегодное воздѣланіе новаго поля, соразмѣрно ежегодному возрастанію скота и умноженію посѣвовъ; а это возрастало ежегодно, по расчету Правды, въ 58 или 60°/₀.

e) Отмѣтимъ также, что, по уставу о земск. дѣлѣхъ, *рабочій день оцѣненъ въ 1 грошъ.* Кто украдетъ у другаго то, или другое изъ сельскихъ орудій, упомянутыхъ выше, тотъ присуждается къ уплатѣ одного гроша хозяину за каждый день владѣнія его орудіемъ,—разумѣется, сверхъ возвращенія этому хозяину его вещи, или ея цѣны. Зная цѣну тогдашняго гроша можно бы опредѣлить цѣну рабочаго дня, и оттуда дѣлать весьма разнообразныя заключенія о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, о средствахъ жизни рабочаго класса и т. д. — Что же такое грошъ? Карамзинъ, въ одномъ мѣстѣ, дѣлаетъ замѣчаніе, что около 1355 г. въ Галиціи *ходили* какіе-то *русскіе гроши*, grossi Ruthenicales,—и ничего болѣе [1]). До сихъ поръ мы знаемъ только то, что гроши—италіанская монета XIII и предшествующихъ столѣтій, что два grossi равнялись одному tareno, а 4 tareni одному византійскому *солиду* [2]). Такъ какъ визан. *солидъ* или *номисмъ* былъ тоже, что нашъ русскій золотникъ [3]), и такъ какъ золотникъ золота, въ наше время, можно оцѣнить, около, въ 3 р. и 50 коп. сер.: то изъ сихъ положеній выдетъ, что 4 tareni равнялись 350 к. сер., одинъ tarenus почти 90 коп. сер., а половина его, или grossus, грошъ=45 коп. сер. День *городника*, работавшаго для укрѣпленія города, какъ увидимъ ниже [4]), по Русской Правдѣ, оцѣненъ въ 1 куну, или въ 26 к. сер., кромѣ платы за работу, сдѣльно, съ каждаго звѣна по кунѣ, или по 26 к с.; такъ что въ суммѣ и день мостника стоилъ не много больше 52 к. сер. Нельзя же думать, чтобы одинъ рабочій могъ сдѣлать въ день болѣе одного звѣна городской стѣны. Отсюда слѣдуетъ, что рабочій день вообще цѣнился почти въ 50 к. сер. на наши деньги. Такъ какъ слово *грошъ*,

[1]) Карамз. Ист. Гос. Рос. V, примѣч. 135, въ концѣ.

[2]) Hüllman, Städtewesen d. Mittelalt. I, 409.

[3]) Исторія Госуд Россійск. I, примѣч. 525. Hüllman въ указ. мѣстѣ.

[4]) Русская Правда ст I.

безъ сомнѣнія, принадлежитъ временамъ позднѣйшимъ, и внесено въ Русскую Правду, какъ переводъ стоявшей тамъ древнѣйшей цифры; то мы не переводимъ 45 к. сер. на наши деньги, умноженіемъ на 10, потому что, вѣроятно, этотъ переводъ сдѣланъ уже, при самомъ поставленіи въ актѣ слова: грошъ, и принимаемъ цифру 45 почти за настоящую.

f) Наконецъ, желая получить полное понятіе о состояніи сельской промышленности, въ Руси временъ Правды, нельзя не обратить вниманія на высоту денежнаго наказанія, которымъ Правда обезпечивала жизнь разныхъ лицъ сельскаго населенія. Огнищанинъ уравнивается, въ этомъ отношеніи, съ мужемъ, за голову котораго платилась высшая вира въ 80 или 40 гривенъ [1]). Жизнь остальныхъ подходила, вѣроятно, подъ оцѣнку въ 40 гр. [2]). Убійство сельскаго старосты обходилось виновному въ 12 гр. [3]), а убійство смерда и холопа въ 5-ть [4]).

2. *Ремесла*, вообще говоря, мало подаютъ закону поводовъ и случаевъ мѣшаться въ ихъ дѣло. Юридическій бытъ ремесленниковъ существенно не отличается отъ быта сельскаго и городскаго, ни по предмету своего занятія, ни по свойству сдѣлокъ и оборотовъ. Отсюда произошло, что даже въ законодательствахъ позднѣйшаго времени распоряженія о ремеслахъ, сравнительно съ узаконеніями о сельскомъ хозяйствѣ, или торговлѣ, весьма кратки и не многосложны. И если мы находимъ, что древнее законодательство говоритъ о ремесленникахъ, какъ объ особенныхъ лицахъ; то этого уже достаточно для доказательства, что ремесла того времени стояли на извѣстной степени развитія. Отсюда же выводимъ и другое слѣдствіе, что народъ этого времени необходимо жилъ общинами, составлялъ общины сельскія и городскія, безъ которыхъ развитіе ремеслъ вовсе невозможно. Пока всякій хозяинъ самъ дѣлалъ и исправлялъ необходимыя для него орудія, самъ дѣлалъ и исправлялъ свою до-

1) LXXVI, LXXIV.

2) LXXIV.

3) LXXX.

4) LXXXII.

машнюю утварь, самъ дѣлалъ и исправлялъ свою обувь и одежду; до тѣхъ поръ нельзя было ожидать развитія ремеслъ, или особеннаго къ нимъ вниманія закона, который могъ примѣтить ихъ существованіе только при развитіи общественности, и при выдѣленіи изъ массы народа особыхъ промышленниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, портныхъ, мостниковъ, городниковъ и т. п.—Русская Правда застаетъ ремесла уже на этой степени самостоятельнаго существованія; признаетъ ремесленниковъ за особый классъ жителей, все равно, поселены ли они по деревнямъ, или по городамъ, и защищаетъ жизнь этихъ ремесленниковъ особыми распоряженіями, а именно: она уравниваетъ убійство ремесленника съ убійствомъ ратнаго, или сельскаго старосты, и за голову ремесленника полагаетъ виру въ 12 грив. [1]). И при этомъ Правда не дѣлаетъ различія половъ, такъ что убійство ремесленника и ремесленницы наказывается одинаково, во уваженіе только занятія, а не другихъ постороннихъ соображеній. Можно, конечно, сказать, на основаніи LXXIX ст., что Правда вообще не дѣлаетъ существеннаго различія между убійствомъ мужчины и женщины; но въ этой статьѣ уравненіе женщины съ мужчиною выражено недовольно точно и ясно, а въ другихъ статьяхъ, напр. въ ст. о наслѣдствѣ, она явно даетъ преимущество мужескому полу. Слѣд. уравненіе въ Русской Правдѣ ремесленника и ремесленницы имѣетъ особое, важное значеніе.

Соображая сказанное, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что Правда расматриваетъ ремесла, какъ особое отъ другихъ отдѣльное занятіе, и притомъ, какъ занятіе людей свободныхъ, занятіе почтенное, сообщающее ремесленникамъ особыя права въ обществѣ и предъ закономъ. Въ дополненіе къ этому юридическому значенію ремеслъ по Рус. Правдѣ, присоединимъ черты, ею же указанныя, для опредѣленія положенія ремеслъ въ самой жизни, въ дѣйствительномъ тогдашнемъ бытѣ. Правда упоминаетъ: 1) *о городникѣ* [2]), котораго занятіе состояло въ построеніи городскихъ стѣнъ и у-

[1]) LXXXI.
[2]) I.

крѣпленій, и котораго работа опредѣлялась и оцѣнивалась въ самомъ законѣ. *Закладаючи* городскую стѣну, онъ долженъ былъ получать съ каждаго звѣна, названнаго *городней*, по кунѣ, или по $2\,^{2}/_{3}$ сер. коп., а на наши деньги по 26 коп. сер.; кромѣ того онъ получалъ полное содержаніе ежедневно, и мясо и рыбу, натурою или деньгами, при чемъ это содержаніе оцѣнено въ 7 кунъ за всю недѣлю, или по кунѣ, по 26 коп. сер. въ день. Ясно, что рабочій день въ этомъ случаѣ оцѣненъ въ 52 коп. серебр. на наши деньги. Впрочемъ, по окончаніи дѣла, такому рабочему еще платили ногату, или $2^{1}/_{2}$ куны, около 70 коп. 2) Упоминаетъ Правда *о мостникѣ* [1]), котораго работа также оцѣнена въ законѣ, и который получалъ съ каждой *городни* моста, или отъ *10 локтей* ногату, $2^{1}/_{2}$ куны, около 70 коп. сер., т. е. вдвое болѣе противъ городника, строившаго стѣны; и только въ случаѣ починки, или исправленія ветхаго моста, платилось ему съ городни по кунѣ, или по 26 коп. серебр. При этомъ, разумѣется, опредѣлено и содержаніе мостника, даже число его рабочихъ и лошадей и т. д. Все это намекаетъ на рѣдкость и важность знаній, которыя требуются отъ рабочихъ, при укрѣпленіи города, и особенно при построеніи мостовъ, и опредѣляетъ происхожденіе послѣдующихъ *записныхъ* мастеровъ, въ отличіе отъ *незаписныхъ*. Что до ремеслъ, болѣе общихъ и менѣе общественныхъ, объ ихъ существованіи можно заключать изъ самыхъ произведеній, которыя упоминаются въ Правдѣ и современныхъ актахъ, каковы напр.: оружіе, щиты, порты, или одежда, челны, лодьи набойныя и морскія, земледѣльческія орудія, гумна, дворы, мельницы, дворцы, храмы и т. п. По однимъ этимъ названіямъ, можно уже судить о разнообразіи и степени развитія ремесленной промышленности, во времена Р. Правды.

3) *О торговлѣ* и важности ея для законодателя Русской Правды свидѣтельствуютъ, какъ число, такъ особенно содержаніе статей, относящихся къ торговлѣ. Не говоря уже о распоряженіяхъ, опредѣляющихъ мѣру и вѣсъ, или говорящихъ о путяхъ сообщенія, о дорогахъ и мостахъ, мы на-

[1]) II.

ходимъ четыре статьи, исключительно посвященныя вопросу о торговлѣ и торгующемъ классѣ, а именно: XI, XII, LX и LXXIV. Для знакомыхъ съ характеромъ вообще древнѣйшихъ законовъ и особенно Правды нечего говорить, что четыре статьи о торговлѣ составляютъ замѣчательное количество. Что онѣ содержатъ?

По ст. XI установляется особый *договоръ торговаго займа*, отличный отъ обыкновеннаго займа ежедневной жизни и гражданскаго права. Въ обыкновенномъ договорѣ о займѣ, какъ во всѣхъ договорахъ гражданскаго права, необходимо участіе послуховъ, или видоковъ—свидѣтелей, и, совершенный безъ ихъ участія, договоръ не защищается закономъ. Такъ купля требуетъ свидѣтелей [1], договоръ о займѣ требуетъ свидѣтелей [2], договоръ о ростахъ требуетъ свидѣтелей [3]. Одинъ договоръ гражданскаго права—*поклажа*, или отдача на сбереженіе — можетъ быть совершенъ безъ свидѣтелей, потому, говоритъ Правда, что хранившій *добро дѣлалъ другой сторонѣ*, хранилъ товаръ ея, и защищается противъ напраснаго требованія *одною ротою*, или присягою [4]. Такую же силу имѣетъ договоръ *о займѣ* между купцами, по Русской Правдѣ. *Если купецъ даетъ купцу куны, для купли; то нѣтъ нужды въ послухахъ*, *и*, *при запирательствѣ должника*, *достаточно одной роты*, *или присяги кредитора.* Стало быть, законодатель сознавалъ различіе между бытомъ обыкновенныхъ гражданъ, и положеніемъ купеческаго состоянія; стало быть, ему были извѣстны торговыя занятія и особыя свойства ихъ; стало быть, торговля была довольно развита въ то время, когда заставила законодателя издать для нея особыя правила. Законодатель зналъ, что заемъ купеческій не всегда можетъ быть заключенъ при свидѣтеляхъ, и что, на случай споровъ, не всегда можно имѣть подъ рукою и близко свидѣтелей договора, совершеннаго, можетъ быть, даже внѣ

[1]) VIII.
[2]) XIII, XIV.
[3]) CXXXVI.
[4]) XXXIX.

Руси. Съ другой стороны, видно, что законодатель понималъ необходимость довѣрія и кредита между купцами, чувствовалъ нужду въ его поддержаніи, и вмѣстѣ съ другими законодателями искалъ его въ строгости закона противъ должниковъ. Отъ купеческихъ сдѣлокъ не требуетъ законъ такихъ формальностей, какія онъ предписываетъ всѣмъ другимъ сдѣлкамъ, даже одинаковаго вида, и купеческій заемъ онъ порѣшаетъ на основаніи одной присяги кредитора. Но только въ томъ случаѣ, если *заемъ дѣлается купцомъ у купца*, и притомъ *для купли, для гостьбы;* слѣдовательно только собственно купеческія сдѣлки порѣшаются такимъ образомъ. Тотъ же заемъ, сдѣланный купцомъ не у купца, или хотя у купца, но не для купли, не для гостьбы, подчиняется общимъ законамъ о послухахъ. Но здѣсь говорится только о займѣ и долгѣ *кунами;* почему нѣтъ распоряженій *о займѣ, или долгѣ товарами?* Весьма естественно, по причинѣ *прямой торговли*, которая одна была извѣстна, въ то время. Каждый торговецъ въ древности былъ непосредственнымъ звѣномъ между производителемъ и потребителемъ, покупая самъ прямо у производителя, и продавая все прямо отъ себя потребителю; *коммисій* тогда не знали, *коммисіоной торговли* тогда еще не было; и купецъ не могъ забирать товаровъ у купца для распродажи, не могъ должать товарами, а только кунами, для купли товаровъ, для ихъ доставки, для расплаты за прежнія закупки и въ Руси и за-границей. Но принятіе товаровъ на сохраненіе, или сбереженіе, такъ называемая *поклажа* легко могла имѣть мѣсто между купцами, и объ этомъ договорѣ Русск. Правда дѣлаетъ распоряженія, и, замѣчательно, *сходственныя съ распоряженіями о купеч. долгѣ.*

Почему нѣтъ рѣчи *о ростахъ* въ займахъ купеческихъ? Подчинялись ли займы торговые *общимъ распоряженіямъ о ростахъ*, или предоставлялись ряду и взаимному условію между купцами? Общія распоряженія Правды о ростахъ необходимо предполагаютъ свидѣтелей, и безъ свидѣтелей не существуетъ обязательство уплаты ростовъ, такъ что законъ даетъ право должнику отвѣчать заимодавцу, не обезпечившему ростовъ послухами: *промиловался еси, оже еси не по-*

ставилъ послуховъ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что росты по займамъ купеческимъ не могутъ быть опредѣляемы общими распоряженіями о ростахъ въ 20/0, о правѣ взысканія только до третьяго рѣза, и о количествѣ мѣсячныхъ и другихъ ростовъ [2]). Но, съ другой стороны, нельзя же предполагать, чтобы заемъ, дѣлаемый для выгодъ купли, могъ существовать безъ ростовъ; а потому думаемъ, что купеческіе росты, или рѣзы были предоставлены ряду и условію договаривающихся сторонъ, и обезпечивались ротою, какъ и уплата чистаго капитала.

И такъ можно сказать, что законодатель Русск. Правды, въ дѣлѣ займовъ и долговъ, принимаетъ различныя положенія. Заемъ и долгъ, сдѣланный въ обыкновенной жизни, онъ разсматриваетъ какъ слѣдствіе нужды, стѣсненныхъ обстоятельствъ занимающаго, и становится на его сторону, требуя возможныхъ доказательствъ и формальностей отъ заимодавца, преслѣдующаго должника. Напротивъ, при займѣ и долгѣ, которые дѣлаются по торговымъ расчетамъ, для купли и гостьбы, для прибыли и корысти, законодатель совершенно справедливо становится на сторону заимодавца, или кредитора, освобождаетъ его отъ формальностей и защищаетъ его имущество на одномъ основаніи роты.

Но несчастія могли постигнуть и купечествующаго должника? Законодатель не только не упустилъ изъ виду этого случая, но рѣшилъ его замѣчательно вѣрнымъ и разумнымъ образомъ. Если купецъ—должникъ потеряетъ куны, взятыя въ долгъ, *отъ рати, наводненій, или огня*, а *не по своей винѣ;* то, не освобождаясь отъ уплаты, онъ освобождается отъ строгости взысканія; не позволяется *ни насилити ему, ни продати его*; а повелѣвается разсрочить уплату; и онъ платитъ долгъ, какъ сможетъ, *за-не пагуба отъ Бога* [3]). Опасность торговыхъ сношеній, въ эти отдаленныя времена, не могла не вызвать особаго распоряженія въ законѣ, который столько вниманія обращаетъ на торговлю. Но установленіе такого

[1]) XIV.
[2]) XIII, XIV, XV, XVI.
[3]) XII.

понятія объ отвѣтственности должника, и объ опасности, смягчающей его отвѣтственность, свидѣтельствуетъ не объ одной заботливости законодателя о торговой промышленности, а еще болѣе объ его христіанской мудрости. Невинная несостоятельность, по этой статьѣ, только тамъ имѣетъ мѣсто, гдѣ причина ея находится *совершенно внѣ воли и внѣ соображеній человѣка*, гдѣ пагуба отъ Бога, вслѣдствіе ратнаго нашествія, или дѣйствія стихій природы. Значитъ, нападеніе разбойниковъ или воровъ, о которыхъ статья умалчиваетъ, не превышаетъ, по взгляду законодателя, ни силъ, ни соображеній человѣка. Можно не ѣхать лѣсомъ одному, можно не ѣхать вечеромъ поздо, можно осторожностію спастися отъ похищеній и т. д. Невинная несостоятельность исключаетъ *всякую вину должника*, culpam aut levissimam. Но и такая невинная, необходимая несостоятельность не уничтожаетъ права иска, а только обезоруживаетъ его строгость, и вводитъ снисходительность въ судъ и расправу. Такія основанія устава о банкротахъ, хоть бы и для современнаго общества!

Нельзя при этомъ не отмѣтить, что Русская Правда имѣетъ такъ же понятіе *о конкурсѣ и разрядахъ* между кредиторами[1]). Правда говоритъ о томъ случаѣ, когда кто задолжаетъ многимъ, и, предполагается, не можетъ удовлетворить всѣхъ сполна. Тогда прежде всего получаетъ уплату Князь, вѣроятно вообще государ. казна; потомъ иногородные и иноземные гости, какъ наиболѣе оказавшіе довѣренности; послѣ того тамошніе и отечественные заимодавцы, которые дѣлятъ *прокъ*, или то, что останется, пропорціонально капиталу, за исключеніемъ того изъ нихъ, *кто бралъ большіе проценты*. Нельзя не видѣть въ этихъ распоряженіяхъ строгой справедливости законодателя, и разумнаго вниманія къ торговому кредиту; но что особенно достойно замѣчанія, это вниманіе къ иноземнымъ сношеніямъ и къ торговлѣ заграничной. Господство этой торговли видно, какъ изъ трактатовъ нашихъ съ сосѣдями, такъ и изъ этой статьи Русск. Правды. Для такого распоряженія въ пользу иноземнаго купечества мы должны были имѣть частыя сношенія, должны

[1]) LV.

были заключать многія условія, должны были, по взаимному соглашенію, установлять правила, обезпечивавшія и нашу торговлю въ чужихъ предѣлахъ.

Послѣдняя статья, относящаяся къ вопросу о торговлѣ, важна тѣмъ, что, при вычисленіи лицъ, которыхъ убійство наказывается вирами, она помѣщаетъ купцовъ и гостей непосредственно послѣ мужей княжескихъ, и налагаетъ за ихъ головы виру въ 40 гривенъ, или въ $3^1/_2$ раза болѣе противъ виры за голову ремесленника, и въ 8 разъ болѣе противъ виры за голову холопа [1]).

в) *Общія понятія о народномъ богатствѣ, по Рус. Правдѣ.* Соображая все сказанное нами о распоряженіяхъ Русской Правды, относительно промышленности, мы вправѣ предложить вопросъ: чего недостаетъ еще для доказательства развитія промышленности, во время Русской Правды? И какихъ другихъ свидѣтельствъ можно требовать для подтвержденія мнѣнія, что вещественное богатство Руси, во время Правды, было значительно? Разумѣется, мы не можемъ опредѣлить количество, или сумму этого богатства, въ цифрахъ: но нельзя же не видѣть, что общее благосостояніе народа въ это время было удовлетворительно. Свободный, по преимуществу, трудъ человѣка, уваженный закономъ, почтенный обществомъ, расширенный почти на всѣ источники народнаго богатства, породившій цѣлые классы промышленные, и вызвавшій столько содѣйствія со стороны закона, — такой трудъ не могъ не имѣть счастливыхъ послѣдствій для народнаго богатства. Съ своей стороны, земля и почва, доступныя праву пріобрѣтенія для всякаго жителя, вознаграждавшія усилія хозяина значительнымъ доходомъ, и открывавшія самому работнику, самому половнику возможность скоро содѣлаться самостоятельнымъ и зажиточнымъ хозяиномъ, такъ же не могли не служить прочною основою для возрастанія народнаго богатства. Наконецъ извѣстная степень развитія ремеслъ, торговли и вообще городскихъ промысловъ, обезпеченныхъ и устроенныхъ самимъ закономъ; да и количество указныхъ процентовъ, какъ мы теперь го-

[1]) LXXIV.

воримъ, доказывающее не столько бѣдность капиталовъ и нужды населенія, сколько удобство употребленія въ дѣло движимыхъ имуществъ, — все это ясно говоритъ, что народное богатство, во времена Русской Правды, было достаточно велико.

Нашъ вопросъ однакожъ не рѣшается однимъ количествомъ богатства; мы имѣемъ задачею показать благосостояніе народа, а не число имуществъ, которое можетъ быть огромно, при огромной бѣдности народа, какъ напр. въ современной Англіи. Скопляясь въ однихъ рукахъ, богатство можетъ не имѣть ничего общаго съ народнымъ довольствомъ, для котораго необходимы извѣстные законы распредѣленія и сохраненія, или обезпеченія богатства. Такимъ образомъ показаніе этихъ законовъ, по смыслу Русской Правды, составляетъ отдѣльный, важный вопросъ въ нашемъ изложеніи, хотя и не обширный, потому что онъ долженъ составить, такъ сказать, общій выводъ изъ всего предшествующаго. Мы уже сказали, что, во времена Рус. Правды, господствовало у насъ движимое имущество и обширное личное право. Соединяя два эти положенія, мы приходимъ къ тому необходимому заключенію, относительно *закона о распредѣленіи богатства*, по которому, въ этотъ періодъ исторіи, народное богатство расходилось по физическимъ лицамъ, по чистому началу причинности. Кто производилъ ту или другую вещь, добывалъ то или другое имущество, тотъ почитался хозяиномъ, тому усвоялось оно обычаемъ, убѣжденіемъ общества и словомъ закона. И всякій хозяинъ пользовался своимъ имуществомъ и распоряжался имъ безпрепятственно, въ формѣ ли договоровъ и ряда, при жизни, или въ формѣ завѣщаній, духовныхъ памятей, на случай смерти. И такъ, во время Правды, дѣйствовалъ чистый законъ полной личной собственности, во всемъ движимомъ имуществѣ, или во всемъ богатствѣ народа. Соединялись эти лица въ общины, составляли изъ себя классы; но подъ вліяніемъ права свободнаго перехода изъ общины въ другую, изъ класса въ классъ; такъ что раздѣленіе народа на классы нисколько не стѣсняло общаго начала распредѣленія народнаго богатства, а скорѣе подравнивало его случайныя разности. Классы отличались

другъ отъ друга только различіемъ занятія, различіемъ труда; и каждое лицо вполнѣ зависѣло отъ своего занятія и труда. Изъ господства же движимаго имущества, въ эпоху Русск. Правды, необходимо выводимъ мы свойство *закона о сохраненіи или обезпеченіи* народнаго богатства. Этотъ законъ, имѣвшій дѣло съ личною движимою собственностію, предоставлялъ отдѣльнымъ лицамъ сохраненіе ихъ богатства отъ вліянія внѣшней физической природы, и на себя бралъ только охраненіе этого богатства отъ дѣйствія человѣка, посредствомъ гражданскаго и уголовнаго суда, противъ татьбы, увода, уноса, порчи, утайки и т. д.

2) *Каково было состояніе народонаселенія Руси, во времена Рус. Правды?* Нельзя сомнѣваться, что въ самой отдаленной древности перечисленіе, или счисленіе народа, хоть по временамъ, при случаяхъ, имѣло мѣсто въ Руси. Не одни Египтяне дѣлали перепись народа, не у однихъ Іудеевъ, Грековъ и Римлянъ находимъ числа для ихъ населенія [1]). Познаніе числа населенія было необходимо первымъ русскимъ Князьямъ, для сбора дани; оно было необходимо воинственнымъ князьямъ, для составленія рати; оно было необходимо хозяйственнымъ князьямъ, для установленія уроковъ. Дань, которую взимали съ дыму, съ дому, или съ семейства; раздѣленіе воиновъ на сотни, усаживаніе въ лодьи, раздѣленіе добычи по ключамъ, или воямъ,—все это не могло обойтись безъ познанія числа населенія. Не сохранились всѣ эти числа; но по ихъ свойству, взаимной связи и зависимости, онѣ всѣ могутъ быть отысканы, при извѣстности хоть одного изъ нихъ. Такъ Моро де Жонесъ часто возстановляетъ число населенія какого-нибудь древняго государства, по числу его воиновъ, или войска, если доказано, что въ войнѣ участвовали всѣ лица народа, способныя носить оружіе. Думаю, что наши статистики, занявшись Русскою Исторіею, также съумѣютъ порѣшить вопросъ о числѣ народонаселенія древней Россіи, съ его движеніемъ до позднѣйшихъ временъ. Всякое время ожидаетъ своего слуги. Теперь же можемъ мы отмѣтить здѣсь только положеніе вопроса и его трудности.

[1]) Moreau de Jonnès, Statistique des peuples de l'Antiquité etc.

Можно было бы у насъ опредѣлить населеніе древнѣйшей Руси, по числу дымовъ, но его не сохранилось; по количеству дани, напр. щляговъ, но и его нѣтъ; по числу городовъ и погостовъ, къ которымъ тянули села и другія меньшія общины, но и это число не вполнѣ извѣстно. Остаются цифры, которыми опредѣлялось число воевъ; и мы воспользуемся ими, по методѣ Моро де-Жонеса [1]). Объ Олегѣ говорится у лѣтописца, что онъ въ 907 г. совершилъ походъ въ Византію, *на конехъ и карабляхъ*, и что кораблей, морскихъ русскихъ лодей, было у него 2,000, а въ каждомъ такомъ кораблѣ помѣщалось по 40 мужей. Слѣд., на всѣхъ лодьяхъ, войска было 80,000. Помножая эту цифру на 5,— на среднее число членовъ семьи, къ которой принадлежалъ каждый воинъ,—получимъ для всего населенія, участвовавшаго въ походѣ своими воями, 400,000. Прибавляя къ числу воиновъ—моряковъ число конныхъ воевъ, хоть въ 10,000, мы получимъ для суммы населенія еще 50,000, а всего 450,000.— Про этотъ походъ 907 года Несторъ говоритъ, что Олегъ, «поя множество Варягъ и Словенъ, *съ ними со всѣми пойде.*» Почему не думать, что вои собственно словянскіе были здѣсь всѣ въ сборѣ? Равно какъ, что эти вои были родомъ изъ областей Новгородской и Кіевской, и что населеніе 450,000 приходится собственно на эти двѣ области? И наконецъ, что Варяговъ было мало въ числѣ этихъ воевъ, а еще меньше въ числѣ населенія? Особенно слѣдующее мѣсто лѣтописи не безъ доказательства въ пользу нашихъ предположеній. «И сбра Ярославъ, приготовляясь итти противъ Святополка, Варягъ 1000, а прочихъ вои 40,000. Слышавше се Святополкъ, пристрои, въ своей Кіевской области, *безъ числа вои.*» Такимъ образомъ мы получаемъ 200,000 для чисто новгородскаго населенія, безъ Варяговъ, и должны предполагать, что, въ области кіевской, населеніе было еще больше, напр. хоть 250,000. Впослѣдствіи времени, въ XII в, суздальское войско Боголюбскаго, осаждавшее Вышгородъ въ 1173 г., простира-

[1]) На основаніи *Изслѣдованій* и пр. М. П. Погодина, III, 213, 219, 244 и друг., и принимая въ соображеніе сочиненіе И. Д. Бѣляева: *Русь въ первыя сто лѣтъ, отъ прибытія Рюрикова.*

лось до 50,000, не считая союзниковъ, что даетъ 250,000 для населенія Суздальской области, слѣд. тоже, что получили мы для населенія другихъ русскихъ областей. Различіе во времени сличаемыхъ событій, хотя оно простирается на два, на три вѣка, при тогдашнемъ положеніи народа, не должно отнимать у найденныхъ чиселъ всего ихъ значенія. Юный, окруженный благодарною природою народъ имѣлъ, конечно, много условій къ быстрому размноженію; но въ то же время отъ этой природы, отъ неурожаевъ, болѣзней, пожаровъ, онъ терпѣлъ такъ много, что, на дѣлѣ, возрастаніе населенія, въ Россіи тѣхъ вѣковъ, совершалось медленно [1]). И такъ мы полагаемъ, что, во времена Ярослава, Кіевская область могла содержать въ себѣ до............ 250,000; Новгородская.................................. до 200,000; Суздальская.................................. до 250,000; да остальныя четыре области, Черниговская, Переяславская, Полоцкая и Смоленская, хоть по 150,000; и того до полутора милл. жителей. Прибавимъ къ этому, что упомянутое общее число жителей, въ Руси, сходится съ однимъ византійскимъ извѣстіемъ о числѣ русскихъ воевъ, бывшихъ въ одномъ походѣ противъ Византіи,—числѣ, которое Кедринъ полагаетъ въ 300,000, и которое также даетъ 1,500,000 для всего народа [2]). Наконецъ обратимся къ числу нашихъ древнѣйшихъ городовъ. Насчитывая ихъ въ разныхъ областяхъ до 500 [3]), и полагая среднимъ числомъ по 1000 жителей въ каждомъ; мы получимъ 500,000 для одного городскаго населенія древнѣйшей Россіи, и опять до 1,500,000 для всей земли. На бѣду, противу цифръ, положенныхъ нами въ основаніе, одни писатели говорятъ, что онѣ принадлежатъ *къ баснословному сказанію о нашихъ походахъ подъ Византію*; другіе утверждаютъ, что, хотя онѣ не вымышлены Несторомъ, но заимствованы изъ византійскихъ хроникъ, которыя обык-

[1]) См. мою статью: О народн. продовольствіи, Москвитян. № 5-й 1854 г. стр. 50, о вліяніи внѣшней природы на жизнь человѣка, въ древней Россіи.

[2]) *Изслѣдованія* III, 245.

[3]) *Изслѣд.* тамъ же.

новенно увеличивали число враговъ, находившихъ на Имперію [1]), и т. д. И чрезъ то критика лишаетъ насъ возможности даже сдѣлать вопросъ о древнѣйшемъ населенiи Россiи. Впрочемъ мы все надѣемся, что придетъ время этого вопроса и приведетъ слугу своего.

Что до насъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ вопросѣ о богатствѣ, для нашей цѣли не столько важно число населенiя, сколько задача, которую давалъ себѣ законъ, относительно этого населенiя. Эта задача была трояка, и состояла частiю въ познанiи числа населенiя, частiю въ содѣйствiи къ его умноженiю, и частiю въ мѣрахъ къ его сохраненiю, какъ и въ наше время. Мы уже сказали свое мнѣнiе о той настоятельной необходимости, которую должно было чувствовать всякое правительство, во всякомъ его положенiи, относительно установленiя своего понятiя о числѣ народа. Здѣсь скажемъ только о томъ способѣ, который употребляю наше древнее правительство для познанiя этого числа. Читая лѣтописныя извѣстiя о наложенiи дани, съ дыма или рала, объ установленiи уроковъ, съ погостовъ, потомъ окладныя и переписныя книги Новгорода и другихъ мѣстъ, равно какъ и послѣдующiя Писцовыя книги, нельзя не убѣдиться, что русское правительство, желая опредѣлить число и населенiе народа, искало этого числа посредствомъ познанiя общинъ. Поголовная дань и поголовная перепись, собственно число, есть татарское нововведенiе, которое появляется въ Россiи впервые 1257 г. Обыкновенная же русская перепись производилась по станамъ и погостамъ, гдѣ не столько придавали важности количеству лицъ, сколько самому имуществу, и перепись производилась по средствамъ, промысламъ, доходамъ народа. Такъ должно разумѣть установленiе погостовъ В. К. Ольги, по Мстѣ и Лугѣ; такъ только можно понимать погосты, упоминаемые въ Уставахъ 1137—1150.

Съ другой стороны, пользы общины и нужды общественной безопасности требовали, чтобы данное населенiе народа не уменьшалось, а увеличивалось. И, къ чести рус-

[1]) *Русь въ первыя сто лѣтъ*, стр. 37.

скаго закона и обычая, они издревле знали и *принимали* мѣры и противъ уменьшенія населенія и въ видахъ его умноженія. Законъ и обычай не допускали, въ Руси, ни jus necis, или дѣтоубійства, ни jus expositionis, или бросанія дѣтей на произволъ судьбы, ни убійства женщинъ и дряхлыхъ стариковъ, и вообще ничего, подобнаго практикѣ древнихъ языческихъ народовъ [1]). Напротивъ они защищали жизнь человѣка, сколько видно изъ распоряженій Правды, и введеніемъ виръ, на мѣсто кровавой мести, и строгостію взысканій и высокою оцѣнкою головы, даже раба, для ограниченія случаевъ убійства; и притомъ, безъ различія пола и возраста лицъ, подвергавшихся дѣйствію преступленія. Что до умноженія населенія, законъ разумно предоставилъ это дѣло вѣрѣ и церкви, которыя введеніемъ христіанскаго брака, въ Руси, могущественно содѣйствовали къ достиженію этой цѣли. Свѣтскому закону оставалось только сохранять населеніе отъ разрушительныхъ вліяній внѣшней природы, отъ болѣзней, неурожаевъ и подобныхъ явленій. Противу болѣзней дѣйствовалъ законъ указаніемъ *врачу* достойнаго общественнаго положенія. Изъ Русской Правды видно, что врачъ и въ то древнее время былъ человѣкомъ свободнымъ, и получалъ за леченіе мзду, или условное вознагражденіе, признанное самимъ закономъ. Въ тоже время въ Руси христіанской онъ былъ лицомъ болѣе, нежели почетнымъ, принадлежа къ вѣдомству духовному, и подлежа высшему церковному суду. И народъ мало по малу, естественно, долженъ былъ пріучаться къ требованію помощи отъ врача и врачеванія, а не отъ волхвовъ и ворожбы. Обращаясь къ вопросу о древнѣйшихъ мѣрахъ противъ голода, отмѣтимъ здѣсь, что нѣтъ въ Русской Правдѣ ни одной статьи, касающейся этого предмета. Но съ другой стороны, мы не находимъ въ Правдѣ ни одной буквы, которою бы законодатель освящалъ, или допускалъ языческую практику противъ голода, бывшую въ ходу, въ его время. В. Ярославъ весьма хорошо зналъ ее, ибо самъ боролся съ

[1]) Мацѣевскій Slavische Rechtsgeschichte, и пр. Переводъ Бусса и Навроцкаго. Штутгард. и Лейпц. 1835 г. I, § 102.

кудесниками и волхвами, которые, на случай голода, предлагали народу напр. убивать старыхъ женщинъ и старую безполезную чадь, челядь, ut reliquis cibaria sufficerent. Отрицаніе, въ законѣ, кровавыхъ языческихъ обычаевъ, хотьбы однимъ молчаніемъ, есть уже заслуга, со стороны закона. Вопросъ о голодѣ приводитъ насъ къ другому вопросу, который, въ наше время, имѣетъ особенное, самостоятельное значеніе, но въ эпоху Правды имѣлъ всю аналогію съ вопросомъ о голодѣ. Я говорю *о призрѣніи нищихъ*. Нужды нищихъ, въ то время, были только физическія, но столь настоятельныя, что грозили самой ихъ жизни, и призрѣніе имѣло задачею помогать нищимъ въ сохраненіи ихъ жизни. Каково было это призрѣніе, въ эпоху Правды, и въ чемъ оно состояло? Физическія нужды въ древности вызывали физическій трудъ, который былъ вездѣ возможенъ, только не вездѣ одинаковъ, и не всегда и вездѣ производителенъ. Посему, какъ при воздѣланіи земли, на основаніи ея общинности, по всюду искали почвы болѣе щедрой, менѣе неблагодарной, и останавливались только у грани и межи, поставленной чужимъ владѣніемъ: такъ и въ другихъ занятіяхъ, пользуясь правомъ перехода, постоянно искали труда болѣе производительнаго, менѣе тяжелаго, пока вдали не ставало занятія, пока не принуждены были возвращаться въ свой родной домъ, въ свою родную общину. Здѣсь уже нечего было выбирать, здѣсь рѣшались на всякій трудъ, сперва у родныхъ, потомъ у сосѣдей, наконецъ вообще у членовъ общины. Такъ всякая община Руси становилась послѣднимъ убѣжищемъ, послѣднею надеждою для тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые, по обыкновенности своихъ силъ, и по общеизвѣстности своихъ знаній и занятій, не могли найти, вдали и на чужбинѣ, болѣе счастливыхъ видовъ для своихъ способностей. Изъ этихъ то членовъ общины образуются нищіе, при упадкѣ ихъ обыкновенныхъ силъ, при недостаточности ихъ несовершенныхъ трудовъ, или при раззореніи, которое могли они понести отъ пожаровъ и наводненій въ ихъ скудномъ имуществѣ. Община, естественно, не могла не озаботиться участію этихъ лицъ, своихъ сочленовъ. Бѣда съ кѣмъ не можетъ случиться; а упадокъ членовъ ведетъ

за собою упадокъ общины. Между членами и общиной всегда существуетъ, какъ бы, соглашеніе о взаимной помощи, а въ тѣ времена, о которыхъ говоримъ мы, это соглашеніе было признано и выражено въ самомъ законѣ. Естественно, что, въ крайнихъ случаяхъ, нищіе каждой общины получали помощь и хлѣбомъ и одеждой и кровомъ и пріютомъ ото всѣхъ своихъ сочленовъ; тѣмъ болѣе, что русскія общины, равно какъ отдѣльныя лица, постоянно отличались гостепріимствомъ даже относительно инородцевъ. И такъ призрѣніе встарину главнымъ образомъ было общинное, и состояло въ поданіи нищимъ натурою всего, что для нихъ было необходимо. Христіанство вноситъ въ русскій народъ новое начало, по которому милосердіе къ нищему и оказаніе ему помощи, есть обязанность каждаго христіанина и долгъ всякаго человѣка. И первый христіанскій Князь русскій, Св. Владиміръ самъ свято исполнялъ эту обязанность, и другимъ заповѣдалъ ея исполненіе въ своемъ церков. уставѣ. Здѣсь вопросъ о нищихъ и бѣдныхъ отнесенъ къ вѣдомству духовенства и церкви. Законодатель Рус. Правды, безъ сомнѣнія, разсматривалъ вопросъ съ той же точки зрѣнія, и потому не помѣстилъ его въ своемъ свѣтскомъ уставѣ. Дѣло призрѣнія было предоставлено такимъ образомъ церкви и попеченію духовенства, съ тѣмъ вмѣстѣ, естественно, перешло къ общинамъ, которыя, съ Христіанства, получили только другое названіе — приходовъ. Какъ построеніе церкви, содержаніе священника и причта, и всѣ потребы для богослуженія, съ Христіанства, лежали на приходахъ, или общинахъ; такъ и христіанское призрѣніе, въ смыслѣ церковнаго учрежденія, было отнесено и принято насчетъ прихожанъ церкви, на отвѣтственность общины. Такъ было во всемъ Христіанствѣ, на Востокѣ и Западѣ, гдѣ образовалась формула: quaeque civitas suos pauperes alito, или всякая община должна питать своихъ нищихъ Только въ Россіи это правило было легкое бремя, привычное бремя, составляя исконное начало русской общины. Здѣсь только освятилось древнее гражданское право бѣдныхъ, относительно ихъ общины, христіанскою обязанностію этой общины пещися объ ея бѣдныхъ. Въ свойствѣ помощи не могло произойти существенной разности, а потому

трудъ и занятіе для нищихъ здоровыхъ, и подаяніе натурою необходимаго для нездоровыхъ и слабыхъ, долго составляли всю дѣятельность призрѣнія. Заключимъ замѣчаніемъ, что общинность призрѣнія составляла правило, которое господствовало у насъ до позднѣйшаго времени, и древнѣйшіе акты именно говорятъ, что *нищіе въ Руси питаются о церкви и о приходѣ*, т. е. отъ прихода [1]).

Здѣсь мы оканчиваемъ указанія на распоряженія Русской Правды, относительно развитія вещественнаго благосостоянія, и должны перейти къ изложенію законодательныхъ распоряженій временъ Правды, по части духовнаго благосостоянія народа, его образованія умственнаго и нравственнаго. И эти стороны народнаго быта не были опущены безъ вниманія, хотя, разумѣется, обозначены не такъ ясно и точно, какъ вопросы вещественнаго, матеріальнаго быта. Достовѣрность Русс. Правды и сообразность ея распоряженій съ современнымъ состояніемъ общества чувствуется въ самомъ количествѣ, и въ относительной полнотѣ ея статей Говорящія напр. о вещественномъ богатствѣ народа, статьи Правды полны, разнообразны и многочисленны; относящіяся къ вопросу о народонаселеніи, существуютъ только въ намекахъ; наконецъ распоряженія о духовномъ развитіи требуютъ усилія, для своего открытія. Впрочемъ вопросы о духовномъ благосостояніи народа не вошли въ актъ Рус. Правды, явно, по особому намѣренію законодателя. Въ Правдѣ не говорится объ нихъ потому же, почему умалчивается объ оскорбленіи, увѣчьи, или убійствѣ священниковъ и епископовъ,—лицъ, которыя были защищаемы своимъ саномъ, которыя стояли выше всякаго оскорбленія, и которыхъ убійство, или увѣчье было немыслимо, какъ увѣчье, или убійство отца, матери, князя. И, если изъ отсутствія распоряженій о законной защитѣ такихъ лицъ, нелѣпо было бы выводить несуществованіе этихъ лицъ; то изъ отсутствія ясныхъ распоряженій о духовныхъ вопросахъ такъ же не разумно дѣлать заключеніе къ отсутствію этихъ вопросовъ. Правда освящаетъ многое даже

[1]) Кн. Обонѣжской пятины, въ приложеніи VI сочиненія Неволина, стр. 146, 151, 153 и друг.

своимъ молчанiемъ. Извѣстно, что и до принятiя Христiанства Словяне имѣли свои обычаи, законы отцевъ и преданiя; что эти обычаи, законы отцевъ и преданiя были различны, по различiю племенъ, и составляли законъ, который люди, по выраженiю Нестора, *сами себѣ творятъ*. Такъ произошло, что Поляне отличались обычаемъ кроткимъ, имѣли стыдѣнiе къ женскому полу, знали брачные обычаи; а Древляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи жили *звѣринскимъ* обычаемъ, умыкали женъ, ѣли все скверное, по умершемъ совершали тризну, и прахъ сожигаемыхъ покойниковъ хранили на столбахъ, у распутiй [1]). Христiанство вводитъ въ Русь законъ самаго Бога, — законъ общiй для всѣхъ племенъ, законъ истинно добрыхъ нравовъ,—но законъ, который для своего познанiя, вкорененiя и распространенiя требуетъ отъ Руси ученiя и образованiя. Слѣдовательно со введенiя Христiанства, общество и законодатель Руси должны были принять и признать обязательными три главныя задачи для своей дѣятельности— содѣйствiе образованiю народа религiозному, вкорененiе въ немъ христiанской нравственности, и распространенiе въ немъ умственнаго образованiя.

Такъ уже Св. Владимiръ, по Нестору, вводитъ въ Россiи ученiе; В. Ярославъ продолжаетъ его дѣло, принимая въ немъ непосредственное участiе. Онъ списываетъ самъ, и поручаетъ списывать книги, существовавшiя въ словянскомъ переводѣ; онъ переводитъ самъ и поручаетъ другимъ переводить съ греческаго книги новыя, для распространенiя ихъ въ разныхъ частяхъ Россiи, для наученiя народа. Сама Русская Правда содѣлалась возможною съ Христiанства, и уже носитъ на себѣ много слѣдовъ христiанскаго влiянiя. Единство закона Русской Правды для самыхъ различныхъ племенъ народа; противодѣйствiе Правды важнѣйшему злу общественной жизни—мести, которая сначала ограничивается извѣстными степенями родства, а наконецъ замѣняется денежною вирою; уравненiе половъ передъ судомъ и защита жизни самыхъ рабовъ; стыдѣнiе предъ женщинами, обращенное въ законъ о *безчестной вирѣ;* строгое понятiе о правѣ долга и

[1]) По Лаврент. списку 6.

разумное понятіе *о пагубѣ отъ Бога* — все это говоритъ въ пользу того великаго вліянія, которое христіанская вѣра и христіанская нравственность имѣли на первичный русскій законъ, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и на весь нравственный бытъ древнѣйшаго русскаго народа.

Что собственно до ученія, или умственнаго образованія народа, оно было въ рукахъ духовенства, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдов. распространялось, по приходамъ, или общинамъ, было общинное. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ школахъ приходскихъ. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его читать и писать, могла служить основаніемъ и глубокой мудрости; потому что онъ читалъ въ ней не Иліаду, не Одиссею, не вымыслы человѣческіе, какъ бы ни были они прекрасны, а истинное ученіе о сотвореніи міра,—о явленіи промысла въ исторіи избраннаго народа древности, — объ искупленіи отъ грѣха всего человѣческаго рода самою Любовію. Потомъ читалъ онъ проповѣди и поученія Св. отцевъ, —житія угодниковъ Божіихъ,—дѣеписанія своего народа,— сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были, для облегченія его труда; но и безъ нихъ, при усиліи самомыслія, христіанинъ могъ образоваться до степени духовнаго витіи, до безсмертія народнаго лѣтописателя. Сколько великаго могла совершить школа временъ Правды, это видимъ мы изъ исторіи перваго Русскаго Митрополита Иларіона, изъ житія Св. Печерскаго Өеодосія, — изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ [1]).

III. Охраненіе благосостоянія, посредствомъ общиннаго предупрежденія.

Во время дѣйствія Русской Правды, государство еще не развилось, въ своей полной формѣ, и правительство не было

[1]) *С. П. Шевырева*: *Лекціи о древн. рус. Слов.*, VI, VII, VIII. М. 1846.

довольно сильно. Между тѣмъ, въ той же мѣрѣ, потребность въ безопасности и обезпеченномъ состоянiи была настоятельно и живо чувствуема всѣми и каждымъ. И естественно, что община, призываемая во свидѣтельство каждаго гражданскаго акта; отвѣчая передъ закономъ за всякое событiе, совершавшееся въ ея предѣлахъ; неся тягость общественной повинности за каждаго изъ своихъ членовъ; озабочиваясь объ ихъ состоятельности, бытiи, довольствѣ и духовномъ развитiи; эта община должна была зорко слѣдить за всѣми событiямм въ ея предѣлахъ, наблюдать за всѣми своими членами, подозрительно встрѣчать каждаго новаго пришельца, и своимъ надзоромъ предупреждать всякое злоупотребленiе свободы и произвола, которое могло явиться въ формѣ безнравственности и преступленiя. Отсюда недовѣрчивая замкнутость русскихъ общинъ до позднѣйшаго времени, такъ что напр. никто не могъ войти въ городъ, не назвавши *знатка*, т. е. жителя, который зналъ бы его, и поручился бы за него предъ общиной. Не могли общины того времени остановить движенiе своихъ сочленовъ, желавшихъ выйти изъ ихъ предѣловъ, по причинѣ господствовавшаго начала: *вольному воля*; но имѣли власть и право требовать формальностей отъ каждаго, входившаго въ эти предѣлы. Движенiе съ мѣста было свободно; движенiе къ мѣсту—затруднено. Въ этомъ заключается различiе между движенiемъ гражданъ, во времена древнiя, отъ движенiя, въ наше время. У насъ движенiе съ мѣста требуетъ формальности, напр. дозволенiя, паспорта, при которыхъ движенiе къ мѣсту уже совершается легко; такой порядокъ возможенъ въ государствѣ, гдѣ законъ сообщаетъ акту извѣстной общины достовѣрность и силу правительственнаго акта. Этого не могло быть въ древнѣйшей Руси; и общины помогали себѣ собственною осторожностiю, и требованiемъ обезпеченiя отъ всякаго новаго пришельца, посредствомъ поруки кого-нибудь изъ своихъ сочленовъ. Такимъ образомъ, въ древности, каждый постоянно находился подъ надзоромъ, или своей общины, пока оставался въ ней, или своего поручителя, если переходилъ въ чужую,—и никто не могъ скрытно, неизслѣдованно и безнаказанно увлекаться своимъ произволомъ. Что и спасало общину, а на-

конецъ и всю Россію, частію отъ нарушенія правъ, частію отъ явленія ненаказанности. Эта заслуга общиннаго устройства была признана позднѣйшимъ закономъ, и эта форма предупрежденія продолжалась до новой исторіи.

Соображая сказанное, находимъ, что Русская Правда обнимаетъ собою всю систему благоустройства, и даетъ рѣшенія на отдѣльные вопросы по силамъ и средствамъ общиннаго быта. И потому Русскую Правду мы необходимо отличаемъ отъ XII таблицъ Рима и «Leges Barbarorum». Сверхъ того отличается она отъ Leges Barbarorum *народностію языка*, который, за исключеніемъ Англосаксонскаго закона, вездѣ латинскій: — *полнотою содержанія*, которое въ Leg. Barbarorum, особенно въ древнѣйшемъ и оригинальнѣйшемъ, L Salica, весьма ограничено, ибо тамъ говорится только *о кражѣ, убійствѣ*, вообще о преступленіяхъ, и частію о наслѣдствѣ; наконецъ — *самобытностію всѣхъ своихъ вопросовъ*, которые въ Leges Barbarorum заимствованы большею частію изъ Римскихъ законовъ [1]).

[1]) См. Eichhorn's Rechtsgeschichte I, 221 и далѣе.

Библиотека

ПЕРІОДЪ II.

До начала XVIII столѣтія.

Русская Правда возвела въ значеніе положительныхъ правъ всѣ вопросы общественной жизни, до которыхъ коснулась своими распоряженіями, и чрезъ то содѣлала самую общественную жизнь предметомъ права и законодательства на пространство всей древней исторіи. Вопросы общественной жизни у насъ искони составляли область права, а не полиціи, какъ на западѣ, или не правительственныхъ, регламентарныхъ, временныхъ, случайныхъ распоряженій. Источники общаго русскаго законодательства служатъ источниками для нашего Общественнаго права. Посему, располагая послѣдующее изложеніе, по своей системѣ, и раздѣляя его на исторію законовъ установительныхъ и охранительныхъ, мы должны руководствоваться общими законодательными источниками [1]), пользуясь возможными литературными пособіями [2]).

Различіе временъ и пространствъ, для которыхъ изданы и въ которыхъ дѣйствовали законодательные акты, подлежащіе нашему изученію, при очевидномъ сходствѣ ихъ на-

[1]) Таковы особенно Духовныя и Договорн. грам. Князей, въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, I и II томы, и въ Собр. Г. Г. Румянц.; Уставная грам. Двинск. землѣ, В. К. Василія Дмитр. 1398, Акт. Эксп. I № 13; Судная грам. Псковск. 1467, издан. Мурзакевича; Суд. грам. Новгород. 1471, Акты Эксп. I, № 92; Судебники, Акты Ист. I, №№ 105 и 153, и Соборное Уложеніе Ц. Алекс Мих, П. С. З. № 1.

[2]) Куда преимущественно относимъ «Изсл., Зам. и Лекціи» М. Погодина, и именно V и VII томы, и «Исторію Русскихъ гражданск. законовъ», К. Неволина.

чалъ и духа, только усиливаетъ наше убѣжденіе въ единствѣ основнаго условія, для дѣятельности древнихъ законовъ. Тѣмъ болѣе, что, хотя въ періодъ времени послѣ Р. Правды, явно преобладаетъ, въ нашемъ законодательствѣ, дѣятельность верховной княжеской и царской власти; но такая перемѣна въ видимомъ органѣ законодательства почти вовсе не измѣняетъ смысла и началъ законовъ. Напротивъ мы находимъ, что и впослѣдствіи, какъ отдѣльныя распоряженія, такъ и цѣлыя законоположенія явно проникнуты однимъ съ Правдою духомъ. Не забудемъ при этомъ, что наше законодательство не привязывается къ буквѣ древнихъ законовъ, напр. къ словамъ и положеніямъ Русской Правды, подобно законодательствамъ римскому и западно-европейскому, которыхъ развитіе совершалось подъ вліяніемъ и водительствомъ выраженій, употребленныхъ въ XII таблицахъ, или аналогическихъ актахъ. Наше законодательство не зависитъ отъ старой буквы ветхаго акта, но свободно держится одного съ нимъ духа и начала. Ясно, что однородность почвы и сферы условливала единство законодательныхъ посѣвовъ, въ древней Руси, и что таже община, которая родила Русскую Правду, опредѣлила дальнѣйшее развитіе русскаго закона. И прежде всего она, конечно, была причиною немногочисленности и краткости отечественныхъ законовъ, относительно Общественнаго Права. Въ этой сферѣ права многочисленность и подробность общихъ законовъ служатъ только доказательствомъ ихъ произвольности; напротивъ отсутствіе того и другаго доказываетъ самостоятельную дѣятельность общества, для котораго общіе законы существуютъ только дополненіемъ, освященіемъ, вспомогательнымъ орудіемъ для разумнаго и свободнаго развитія дѣла. И такъ община, послужившая основою для законодательства, должна послужить намъ объясненіемъ особенности въ положеніи и въ рѣшеніи вопросовъ русскаго Общественнаго Права.

Есть впрочемъ очевидный, рѣзкій перерывъ въ теченіи нашего законодательства, выразившійся въ особенной скудости законодательныхъ памятниковъ, въ ослабленіи значенія и дѣятельности общинъ, въ созданіи болѣе сильныхъ средоточій, для земли, и въ установленіи болѣе недоступныхъ

граней между княжествами, — я говорю объ монгольскомъ игѣ, которое тяготѣло надъ землею, тяготѣло надъ государствомъ, и не могло не оставить слѣдовъ своего вліянія на вопросахъ Общественнаго Права. Но, отмѣчая, въ исторіи, явленія такого случайнаго, внѣшняго, насильственнаго происхожденія, мы легко сближаемъ концы порванной нити, и опять находимъ основную, единую народную почву, для законовъ. Такъ положительно дѣйствующее и такъ легко замѣчаемое единство русскаго права налагаетъ и на историка обязанность, разсматривать установленія и распоряженія послѣдующихъ законовъ, въ связи съ положеніями Правды, и подъ вліяніемъ общаго для всего законодательства начала общинности и общественности.

Методъ, котораго доселѣ держались мы при изложеніи Общественнаго Права, удерживаемъ въ дальнѣйшемъ его изложеніи; тѣмъ болѣе, что имѣемъ основанія не соглашаться съ методами, которые приняты въ сочиненіяхъ, служащихъ намъ преимущественнымъ литературнымъ пособіемъ. Нельзя не принять мнѣнія Г. Погодина о трудѣ Неволина: «Исторія Гражданскихъ Законовъ»,—мнѣнія, по которому это сочиненіе Неволина собственно не есть исторія; ибо она даетъ отвѣты только на вопросы, возбуждаемыя современными статьями Свода Законовъ, да и такихъ отвѣтовъ не пріурочиваетъ къ жизни древняго русскаго народа [1]). Но, въ тоже время, мы можемъ сказать, что самъ Погодинъ едвали правъ, относительно воззрѣнія на пользованіе источниками нашей Исторіи. VII Т. «Изслѣдов. и Замѣч.» особенно доказалъ, что можно больше придумать, чѣмъ Погодинъ, но знать больше его—едвали; а, съ другой стороны, что въ способѣ Погодина кроется большой недостатокъ—умалчиванія. Погодинъ не говоритъ о томъ, о чемъ молчатъ лѣтописи и акты; но это—кажущаяся правдивость, неполное безпристрастіе. Есть случаи, гдѣ молчаніе лѣтописи краснорѣчивѣе всякихъ словъ изображаетъ намъ бытъ народа; есть случаи, гдѣ отсутствіе фактовъ важнѣе самихъ фактовъ. Напр. несуществованіе, въ Руси, рабовъ, которые бы принадлежали

[1]) «Изслѣд., Замѣч. и Лекц.» Т. VII, стр. 283, 284.

духовнымъ властямъ, митрополитамъ, епископамъ, или церковнымъ установленіямъ, монастырямъ, соборамъ и т. д. Или молчаніе законовъ и актовъ о политическихъ преступленіяхъ почти вплоть до «первыхъ двухъ пунктовъ» Уложенія. Или отсутствіе запрещенія для лицъ свободныхъ и закономъ не осужденныхъ выѣзжать за границу и ѣздить по Россіи, безъ особыхъ видовъ, до начала XVIII в. Или долгое молчаніе актовъ о хлѣбныхъ монополистахъ, о поддѣлкѣ монетъ, и постоянное умалчиваніе о правѣ сожигать, и вообще казнить, по суду и приговору, колдуновъ и волхвовъ, и т. п.—Посему мы будемъ говорить, въ нашей Исторіи общественнаго права, обо всѣхъ вопросахъ права, отмѣченныхъ актами и законами; но такъ же позволимъ себѣ судить объ отсутствіи тѣхъ или другихъ вопросовъ, извѣстныхъ на Западѣ, или въ нашей современной жизни. Тѣмъ болѣе, что, по двойственности источниковъ общественнаго права, — видимаго, въ формѣ законодательства, и невидимаго, не писаннаго, въ образѣ общины, часто молчаніе акта и закона объ извѣстномъ явленіи не можетъ и не должно быть принимаемо за доказательство его несуществованія. Съ общины, въ ея отношеніи къ государству, начнемъ свое изложеніе втораго періода.

Семья, община и государство.

Древнѣйшая русская община являлась намъ въ формѣ народнаго соединенія, территоріальнаго раздѣленія и общественнаго самоуправленія, или въ образѣ верви. По однородности населенія и по одинаковости установленій, которыя выработались въ Руси предшествовавшею исторіею, верви, міры и подобныя соединенія различались между собою одною величиною, слѣдовательно количественно, случайно; и стремились слиться въ бо́льшія и бо́льшія общины, въ области, земли и наконецъ въ общенародное единство, выразившее свое присутствіе признаніемъ одной общей верховной власти, принятіемъ одной, для всѣхъ истинной христіанской вѣры, и установленіемъ одной, общей для всей земли — Рус. Правды. Очень понятно, что, съ призванія князей, области, земли, верви легко могли сомкнуться въ полное, живое, земское и народное единство, уже дающее себя чувствовать въ сношеніяхъ, борьбѣ и переговорахъ съ Византіей [1]). Но такъ же понятно, что, съ призванія князей, эти области, земли, верви легко могли удержать и развить свою территоріальную особность и отдѣльность, въ видѣ областей, княжествъ, удѣловъ. По извѣстнымъ причинамъ, восторжествовала въ Руси послѣдняя форма общественнаго быта, господствовавшая въ ней цѣлыя столѣтія, и сообщившая этимъ столѣтіямъ значеніе особаго періода Русской исторіи. Вслѣдъ за Русскою Правдою Ярослава, Русь является въ быту областномъ или удѣльномъ, для изученія котораго существуютъ различные источники: лѣтописи, договорныя грамоты Новгорода и князей, равно какъ духовныя грамоты разныхъ государей до XV в. [2]).

[1]) Рѣчь моя: «о древн. Рус. Дипломатіи, Москва, 1847.

[2]) Лѣтоп. Ипат., Новгород. и др.; Собр. Г. Г. Румянцева, и перв. два тома Древн Росс. Вивліоѳ., которые, по своей сподручности, служать удобнымъ средствомъ для изученія дѣла, и на которые поэтому постоянно ссылаюсь.

какъ будто, самое обиліе источниковъ затемняетъ для нѣкоторыхъ писателей этотъ періодъ, какъ отсутствіе, или рѣдкость документовъ помѣшали имъ ясно видѣть періодъ древнѣйшій. Обыкновенное воззрѣніе этихъ писателей, опирающихся особенно на событія монгольскаго періода, придаетъ удѣльному значеніе времени, въ которое положено основаніе и начало развитію вотчинности князей и кормленію бояръ, въ томъ смыслѣ, что князья не были государями, а господами народа, бояре же и княжескіе мужи не были правителями областей, а только сборщиками съ нихъ разныхъ доходовъ. Законно ли воззрѣніе? Трудно судить о древней Россіи по всей Россіи; разсмотримъ же это цѣлое по его частямъ, пожалуй, хоть за все время существованія удѣловъ, слѣдовательно до и послѣ монгольскаго ига, какъ дѣлаютъ приверженцы упомянутаго воззрѣнія, для своихъ цѣлей.

Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ области, подобныя Новгородской, и множество княжескихъ удѣловъ. Что были эти области, и что значили эти удѣлы? Видимое, ощутительное различіе состояло между ними въ томъ, что Новгородъ не имѣлъ своихъ, постоянныхъ, такъ сказать, прирожденныхъ князей, выбирая ихъ для себя, или получая изъ среды всего княжескаго рода, изъ поколѣнія кіевскихъ, суздальскихъ, владимірскихъ, московскихъ, тверскихъ и т. д., и доходя такимъ образомъ до мысли о подчиненіи себя Литовскому князю. Напротивъ удѣлы постоянно находили для себя князей вблизи себя, какъ бы, своихъ, прирожденныхъ, въ своихъ ли предѣлахъ, или въ границахъ извѣстной отрасли, въ колѣнѣ Святославичей, Ольговичей, Мономаховичей и т. п. Не забудемъ однакожъ, что первоначально, при бо́льшей подвижности князей, при меньшей ихъ географической близости къ тому, или другому удѣлу, да при бо́льшемъ количествѣ лицъ, подлежавшихъ выборамъ; и по удѣламъ, какъ въ Новгородѣ, имѣли мѣсто избраніе князей [1]) и условія князей съ жителями удѣла [2]). Условія заключались князьями въ формѣ

[1]) «Изслѣд. и замѣч.» Погодина, VII, 6, гдѣ вычислено 13 случаевъ избранія на одно столѣтіе.

[2]) Тамъ же стр. 8, до 1206 г.

утвержденій, крестнаго цѣлованія предъ цѣлымъ народомъ,— напр. въ слѣд. разсказѣ: «ссѣдъ съ коня, на томъ цѣлова крестъ,» — или въ формѣ *взятія* и *положенія ряда*, что намекаетъ даже на письменную форму условій. Но, разумѣется, по мѣрѣ бо́льшей осѣдлости князей, не говоря уже объ излишествѣ писменности *между своими*, самые случаи избранія и условій, по удѣламъ, становятся рѣже и рѣже, чтобы впослѣдствіи уступить мѣсто другимъ формамъ занятія престола, напр. взаимнымъ договорамъ князей, наслѣдованію, иногда насилію, далѣе завѣщанію, и т. д. [1]), особенно, со времени вмѣшательства Орды въ это дѣло, съ XIII столѣтія. Изслѣдователи приняли послѣдующія явленія за сущность дѣла; оставили безъ вниманія постоянную аналогію между Новгородомъ и удѣлами; стали для княжеской власти извѣстныхъ князей, въ извѣстномъ удѣлѣ, отыскивать ближайшія, видимыя основанія, право старѣйшинства, право рода, наслѣдованіе, завѣщаніе, вообще права князей, и, естественно, дошли до вотчинности удѣловъ. Соображая же всѣ стороны быта областей, какою былъ Новгородъ, и удѣловъ, начиная съ Кіевскаго, Черниговскаго до Московскаго, мы находимъ только сходства, а не различія, и должны придти къ заключенію противоположному.

Прежде всего остановимъ вниманіе на общемъ видѣ и составѣ области и удѣла. Новгородская земля, по актамъ, представляется массою владѣній, которыхъ средоточіе находится въ Новгородѣ, съ его Княземъ, Владыкою, Посадникомъ, Тысяцкимъ, вѣчемъ. Эта масса распадается на области, каковы напр. Волокъ, Заволочье, Пермь, Печора, Югра, Вологда съ ихъ волостями, состоявшими изъ селъ, которыя группировались около своихъ центральныхъ городовъ, составляя погосты и потуги, и, въ свою очередь, сами служа средоточіями для окружныхъ деревень и починковъ [2]). Не говоримъ о Пятинахъ, какъ о раздѣленіи болѣе позднемъ, болѣе искусственномъ, хотя и оно, въ основныхъ чертахъ, не противорѣчитъ раздѣленію, изложенному нами по древ-

[1]) Тамъ же.

[2]) Договорн. гр. Новгорода съ князьями, Древ. Росс. Вивліоѳ. I, 1—47.

нѣйшимъ документамъ. Населеніе Новгорода, какъ области, состояло изъ бояръ, боярскихъ дѣтей, житыхъ людей, огнищанъ, гостей, купцовъ, гридьбы, воевъ, смердовъ и холоповъ, съ правами и значеніемъ, вполнѣ общерусскими и нисколько не мѣстными [1]). — Такъ же точно, удѣлъ и княжество состояли изъ своихъ центральныхъ городовъ, Кіева, Владиміра, Москвы, Твери, Рязани, съ Княземъ, Владыкой, а до XIII в. съ Посадникомъ, Тысяцкимъ [2]), а часто и вѣчемъ во главѣ [3]). Къ этимъ центрамъ принадлежали области въ родѣ Коломны, Можайска, Звѣнигорода и т. п., съ волостями изъ селъ, которыя группировались около этихъ городовъ, какъ напр. Городенька, Мезынь, Песочна, составляя погосты, станы, присуды, уѣзды, и служа сами средоточіями для деревень и починковъ. Съ своей стороны, населеніе удѣловъ, какъ и Новгорода, состояло изъ князей служебныхъ, бояръ и княжескихъ слугъ вольныхъ, боярскихъ дѣтей и воевъ, гостей, купцовъ, сельчанъ разнаго наименованія, отъ численныхъ до черныхъ, и изъ холоповъ [4]).

Такое сходство и даже сродство, во внѣшнемъ видѣ, между Новгородскою областію и землями княжествъ и удѣловъ, уничтожаетъ возможность думать, что удѣлы, или княжества были созданіемъ князей; напротивъ вынуждаетъ убѣжденіе, что они составляли, вмѣстѣ съ Новгородскою землею, живые члены живаго, органическаго тѣла — Руси, и потому жили каждый, въ своихъ границахъ, полною, общею жизнію русскаго народа. Раздѣленіе на удѣлы потому же не было дѣломъ князей, почему впослѣдствіи соединеніе удѣловъ въ одну Россію не могло быть совершено одними князьями. Единство русской земли есть произведеніе того же народа, который, по единству своихъ понятій, установленій и воззрѣній на верховную власть, возбудилъ и поддержалъ

1) Тамъ же, и Новгор. Лѣт. I, 23; 49, 99.

2) О посадникахъ (и тысяцкихъ, по княж. и удѣламъ, «Изслѣдов.» Погодина, VII, 9, 187—189, 205—207.

3) О вѣчахъ, встрѣчающихся до XIII в, по удѣламъ, ср. «Изслѣд. Погодина, VII. стр. 153—167.

4) Древ Вивліоѳ. Духовныя гр князей, I, 47 и слѣд, и договоры князей, I, II.

связь и единство самаго княжескаго дома въ Россіи. Только отсюда можно объяснить, почему наша земля не имѣла провинцій и западнаго провинціализма, съ его духомъ объособленія до степени вражды, для уничтоженія которой потребовалась революція во Франціи; равно какъ и то, почему наша древняя исторія не знала правительственной, искусственной, насильственной централизаціи, которая такъ способна изсушать всѣ источники народной жизни.

Но, кромѣ этого общаго сходства во внѣшнемъ видѣ, самыя начала жизни въ Новгородской землѣ и въ земляхъ удѣловъ были тождественны. Тамъ и здѣсь господствовали начала общинности, — территоріальная отдѣльность, или недоступность, — народное сближеніе, въ общемъ правѣ переходовъ,—и общественная автономія. Тщательное изученіе грамотъ, касающихся быта той и другой части Россіи, необходимо ведетъ къ этимъ заключеніямъ. Начнемъ опять съ быта Новгорода, какъ съ явленія болѣе уясненнаго, въ этомъ отношеніи, и болѣе безспорнаго. Существенныя черты этого быта выражены слѣдующими положеніями договорныхъ грамотъ, заключенныхъ Новгородомъ съ разными князьями, въ теченіе почти трехъ вѣковъ, съ XIII до XV [1]). Что касается до территоріальнаго объособленія, то, во имя его, полагалось, что бы ни князья, ни княгини, ни дѣти ихъ, ни бояре не могли, по всей волости, т. е. области новгородской, селъ новгородскихъ ни купить, ни даромъ принять, ни держать. И вездѣ повторяются выраженія: «село Св. Софіи исправить къ Св. Софіи; земля Св. Софіи Новгороду; новгородское Новгороду,» и т. п. Ни свободъ, т. е. слободъ, или поселеній со льготами отъ князя, ни мытовъ княжескихъ въ новгородской волости не ставить; и, если когда случалось нарушеніе начала, являлось условіе: «а что свободъ и сельцъ, которыя тянутъ къ тѣмъ свободамъ, того всего князь долженъ *ступиться*, то все Новгороду; и которое село зашло за князя или его боярина, безъ кунъ, возвращается безъ вознагражденія; а кто село купилъ, вѣдаетъ истца, т. е.

[1]) Древ. Рос. Вивліоѳ. I, съ 1 стр. до 47.

продавца, и получаетъ куны, по исправѣ, по суду и приговору.» Кто изъ Новгородцевъ станетъ жить въ томъ или другомъ княжествѣ, того земли къ Новгороду, который одинъ вѣдаетъ всѣ свои земли и воды; а кто изъ другаго княжества перейдетъ въ Новгородъ, лишается своихъ прежнихъ земель въ пользу княжества. Далѣе полагалось, людей не выводить, закладней не держать, полонъ или плѣнныхъ выдавать безъ окупу,» и т. д. Вотъ почему только въ 1572 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе: «въ Новѣгородѣ кликали, которые люди кабалные и всякые и монастырские, чей кто ни буди, и они бы шли въ государьскую слободу на Холыню, и государь даетъ по пяти рублевъ, по человѣку смотря, а лгота на пять лѣтъ» [1]). На *Нѣмецкомъ дворѣ* торговать позволялось и князю, но, при посредствѣ купцевъ новгородскихъ, *Новгородскою братіею*. Въ Русу, на охоту, можно было ѣздить князю только черезъ двѣ зимы, на третью, какъ въ Ладогу, для рыбной ловли, чрезъ два лѣта, въ третье. И князьямъ принадлежало собственно право получать дары, да извѣстные доходы, такъ называемыя волости, а впослѣдствіи татарскую дань или выходъ, которыя собирались только мужами новгородскими, подъ условіемъ: «волостей не таити.» Такой смыслъ получило въ Новгородѣ древнее право князей володѣть, — смыслъ, совершенно исключавшій вотчинность князей въ землѣ Новгородской, хотя не спасавшій Новгорода отъ титула вотчины В. Князей.

При такой отдѣльности Новгородской земли, населеніе свободно выходило изъ нея и свободно входило въ нее, по началу общаго народнаго единства въ Руси, и по смыслу договорныхъ статей, узаконявшихъ слѣдующія правила: «гостямъ и купцамъ путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости», т. е. безъ обидъ, насилій и произвольныхъ пошлинъ, или мытовъ; или: «а кто почнетъ Новгородцевъ и т. д во Твери жити, или въ Кашинѣ, и во всемъ Тверскомъ княжествѣ и тянути къ Св. Спасу; тотъ лишается только владѣнія въ земляхъ Новгородскихъ; подобно тому, какъ лишались земель своихъ жители княжествъ, свободно входившіе для житья въ Новгородъ и его

[1]) Новгор. II, стр 174.

область.» Возвращаются и выдаются взаимно, слѣдов. лишаются права перехода только *холопы*, *бѣглецы*, *должники*, вообще несвободные, по рожденію, или по суду и приговору; да возвращаются лица свободнаго происхожденія, случайно подпавшія частной власти князя и его дома, для возстановленія, въ отечествѣ, своей свободы: «а что закладней у князя, княгини, и т. д., а кто купецъ, пойдетъ въ свое сто, а кто смердъ, въ свой погостъ или потугъ, — пусти ихъ процъ,—такъ пошло въ Новгородѣ.»

Объ автономіи Новгорода не имѣемъ нужды распространяться, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ, и памятномъ, по выраженіямъ: «безъ посадника князю суда не судити; что волостей Новгородскихъ, тыхъ волостей своими мужами не держати, а держати ихъ Новгородскими мужами; извнѣ напр. изъ Суздальской волости, Новгорода не рядити, не волостити, грамотъ не давати; безъ суда, волостей не отнимати; Новгородца на-низу не судити; вольнаго ряду не посужати; да и самаго холопа и бѣглеца выдавать, по исправѣ» и т. д. Относя все, здѣсь сказанное о Новгородѣ, къ сосѣдней области Пскова, обратимся къ другой части Россіи, существовавшей въ формѣ удѣловъ и княжествъ, и разсмотримъ бытъ ея по тремъ указаннымъ сторонамъ общинности, начиная съ территоріальной особности удѣловъ.

Общія положенія княжескихъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ о предметѣ [1]) заключаются въ томъ, чтобы «князь не мѣшался въ удѣлъ другаго; закладней и оброчниковъ тамъ не держалъ; грамотъ туда не давалъ; селъ тамъ не покупалъ ни самъ, ни его княгиня, ни дѣти, ни бояре; равно какъ чтобы никто въ городѣ не покупалъ человѣка съ дворомъ. А будутъ куплены въ другомъ удѣлѣ села, особенно данныя *служнѣ*, т. е. слугамъ, или чернымъ людямъ; тѣ села выкупать, или покупщику тянуть тягло съ черными, или даромъ уступать земли чернымъ людямъ. Князей съ вотчинами не принимать, и вообще *каждому тянуть судомъ и данью по землѣ и водѣ*,

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ., I съ 47 стр., съ духовной гр. Ивана Даниловича Калиты, съ начала XIV в., до духовной гр. Василія Дмитріевича, 1455 т. д.

слѣд, гдѣ кто владѣетъ и живетъ, тамъ и судится и данью облагается и даже службою напр. осадною,» и т. д.

Въ тоже время, какъ земли удѣловъ рѣзко отдѣлялись однѣ отъ другихъ, своими рубежами, водами и землями; население удѣловъ имѣло и постоянно сохраняло право свободнаго перехода изъ удѣла въ другой. Князья только съ вотчинами не могли переходить въ другое княжество; но лично пользовались безпрепятственно этимъ правомъ, такъ же точно, какъ бояре и вольные слуги, которые гдѣ хотѣли, тамъ служили, и гдѣ служили, тамъ получали кормленіе, или земли. «Боярамъ нашимъ, говорятъ князья, и слугамъ вольнымъ—воля, на обѣ стороны; по кто не станетъ служить, земля не ему; или кто уйдетъ, не дослужа, тому дати кормление, по исправѣ, любо служба отслужити. Гостямъ и купцамъ, по удѣламъ, какъ и въ Новгородѣ, путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости.»—Любопытно при этомъ спросить, кто же были эти вольные слуги, имѣвшіе свободу перехода, наравнѣ съ боярами и князьями? По духовнымъ грамотамъ Ивана Даниловича и послѣдующихъ князей, «сыновья должны численныхъ людей вѣдать съобщà, и блюсти съодинаго,» т. е. всѣ за одинъ; стало быть, ихъ блюли князья всѣхъ удѣловъ, гдѣ бы ни жили численные люди; стало быть, численные люди могли жить, гдѣ имъ хотѣлось. По договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, предписывалось: «Ординцамъ и дѣлюямъ знать своя служба, а земель ихъ не купити, земли они лишоны;» стало быть, они могли перейти изъ одного въ другой удѣлъ, только земли, принадлежавшія имъ въ прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства, не оставались за ними. По духовной Владиміра Андреевича отъ 1410, «бортники, садовники, дѣлюи и т. д., *на которыхъ нѣтъ полныхъ грамотъ*, могли служить князю удѣла, или не служить ему, и перейти къ другому; только, не служа, шли они прочь, а земли ихъ прежнему ихъ князю.» По договорной грамотѣ, напр. Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, и по Духовной грамотѣ послѣдняго изъ нихъ, жители, которые *тянули къ дворскому*, по нашему дворцовые крестьяне, и *которые тянули къ старостѣ и сотскому*, по тогдашнему, черные люди, въ службу не прини-

мались, но выходили свободно изъ удѣла въ удѣлъ, и только были лишаемы земли, переходившей къ тому, чей удѣлъ.» Кто же послѣ того не могъ переходить изъ удѣла въ другой и въ другіе, или въ Новгородскую и Псковскую области? Одни холопы и рабы, люди купленные и т. п., на которыхъ князья имѣли полныя грамоты, да должники, тати и т. п.,— вообще весьма незначительная часть населенія удѣловъ, какъ было въ области Новгорода.

Послѣ этого ясно, могли ли князья, при господствѣ такого устройства въ землѣ и народѣ, содѣлаться вотчинниками земли и народа въ смыслѣ, который придаютъ слову нѣкоторые писатели? Князья называютъ вотчинами своими Москву, Тверь, Можайскъ и т. д., но на такомъ же правѣ, какъ называютъ своею вотчиною Псковъ и Новгородъ; слѣд. не имѣя, какъ въ Новгородѣ и его области, такъ въ княжествахъ и ихъ землѣ, дѣйствительнаго вотчиннаго права, а тѣмъ менѣе относительно населенія, столько свободнаго. Напротивъ, какъ въ Новгородѣ съ его областію, по древнему праву — володѣть, получали они только дары, дани, волости; такъ въ Москвѣ, Твери и на-низу получали они только древніе *пути*, напр. старѣйшій путь *полтамги*,—*городскія волости*, мыты, мельницы, соловарни и т. п., или различныя *пошлины*, да впослѣдствіи дань и выходъ. Не владѣя землею на правѣ собственности, они не могли пріобрѣсти крѣпостнаго права надъ лицами и населеніемъ. Только «холопы и рабы, да люди купленные, на которыхъ князья имѣли полныя грамоты, дѣлюи, дьяки, посельскіе, старосты, и кто у тыхъ людей ся поженилъ, или кто ся по винѣ князю досталъ,»—вотъ кто составляли собственность князя, который, сверхъ того, при кончинѣ, *обыкновенно*, *отпускалъ и этихъ всѣхъ на волю* [1]).

При такомъ значеніи удѣловъ и княжествъ, разсмотрѣнныхъ нами по двумъ сторонамъ общинности,—территоріальному объособленію и народному единенію; трудно сомнѣваться въ господствѣ, по удѣламъ, третьяго начала общинности — автономіи. Живая потребность права и законности, выражающаяся, какъ во множествѣ договоровъ, о которыхъ упоми-

[1]) Почти общее распоряженіе всѣхъ княж. духовн. грамотъ.

наютъ лѣтописи, такъ и въ обиліи дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, и князей между собою, и особенно въ количествѣ и свойствѣ распоряженій о судѣ и исправѣ, — такая живая потребность права и законности явно противорѣчитъ предположенію личной, произвольной, административной, независимой отъ общества, княжеской дѣятельности. Общее правило договорныхъ грамотъ гласитъ: «обидному всему судъ и исправа,» для дѣйствія которыхъ, всякій разъ, наряжаются, съ обѣихъ сторонъ, судьи Если судьи не успѣютъ порѣшить дѣло единогласно и «сопрутся;» выбираютъ третьяго, которому только война, да присутствіе татарскаго посла могутъ дать право, отказаться отъ принятія званія, и который обязанъ одну сторону обвинить, а другую оправить. Обвиненный судьями, или третьимъ обязанъ подчиниться приговору, и исполнить требуемое; въ противномъ случаѣ, къ нему посылаютъ и ему напоминаютъ разъ и два и три; послѣ чего уже силою принуждаютъ къ исполненію, и «то не въ измѣну, и то на обѣ стороны» [1]). Такая живая, всеобщая потребность въ правѣ и законности, вызвавшая такое устройство суда, столько зависимаго отъ общества, и столько связаннаго съ нимъ, не можетъ не оправдывать предположенія объ автономіи общества. —Но, съ призванія князей и особенно съ монгольскаго ига, такъ многое измѣнилось въ общественномъ устройствѣ Руси, что, безъ нѣкоторыхъ историческихъ подробностей, не легко открыть и указать органы этой общественной автономіи.

Съ призванія князей, началось развитіе сообщенныхъ имъ правъ—*княжить* и *володѣть*. Во имя перваго, князья должны были вести войны, устроять управленіе, творить судъ и расправу; для чего имѣли нужду во второмъ правѣ—володѣть, или пріобрѣтать матеріальныя къ тому средства, найденныя ими первоначально въ полюдьѣ, путяхъ, дарахъ [2]), и осо-

[1]) Договор. гр. Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, Др. Рос. Вивліоѳ. I, 76. Догов. гр. Дм. Ив. съ Твер. Михаиломъ Александровичемъ, тамъ же, 84 Договорн. Дмитрія Иван. съ Ряз. Олегомъ Иван. тамъ же 93. Ср. стр. 125, 162, 173, 187, 189 и т. д.

[2]) «Изслѣд. и Замѣч.» М. Погодина, VII. 23—28, 31.

бенно въ дани и даняхъ, по погостамъ Руси. Данію облагаетъ Олегъ русскія земли, которыя проходитъ онъ, во имя верховной власти; дань собираетъ Игорь съ Древлянъ, которыхъ посѣщаетъ, по праву княжеской власти; дань княжескую съ Древлянъ и земель по Лугѣ и Мстѣ разлагаетъ Ольга, по погостамъ, какъ великіе князья Святославъ Ольговичь, въ землѣ Новгородской [1]), и Ростиславъ Мстиславичь, въ Смоленской [2]). Понятно, что, съ этого времени, дѣятельность областей и земель должна была измѣниться, для расширенія дѣятельности княжеской, и что верви легко могли получить особое значеніе—платежныхъ единицъ, подъ именемъ погостовъ, потуговъ, а впослѣдствіи волостей, въ значеніи сборовъ. Отсюда впослѣдствіи погостами и волостями назывались у насъ и географическія пространства, подлежавшія сборамъ, и самые сборы, и говорилось напр. *волостей не таити*, или *погоста не платити* [3]).

Съ XII в., для тѣхъ же цѣлей верховнаго управленія, дани съ погостовъ, или потуговъ, замѣнившія полюдье, пути и дары, сами начинаютъ замѣняться поземельными владѣніями, которыя мало по малу пріобрѣтаются каждымъ княземъ въ его удѣлѣ, то исключительно для него, то для надѣла духовныхъ властей и учрежденій, то для снабженія ими дружинниковъ и служилыхъ. Еще позже, съ монгольскаго ига, подчинившаго владѣнія двойной, тройной тягости, вся земля Руси стремится измѣнить свое значеніе, мѣняетъ владѣльцевъ, отходитъ отъ частныхъ вотчинниковъ, частію отходитъ отъ цѣлыхъ сельскихъ міровъ. Перемѣна должна была отразиться на погостахъ, которые мало по малу теряли свою поземельную однородность, поземельное владѣніе, территоріальную власть и наконецъ всякое дѣятельное историческое значеніе, такъ что въ XV и XVI в. они уже низошли до простыхъ географическихъ раздѣленій, а потомъ и совсѣмъ вышли за предѣлы временнаго человѣческаго жилья, и, какъ бы, для

[1]) Русск. Достоп. I, 82.

[2]) Дополн. къ акт. ист. I, № 4.

[3]) Первое выраженіе въ дог. гр. Новгорода, а второе въ грамотѣ В. К. Ивана III, Древн. Вивліоѳ. II. 404.

спасенія себя отъ совершеннаго уничтоженія, примкнули къ церковной оградѣ, къ области отжившихъ, къ мірскому кладбищу[1]). Погостъ, этотъ прямой наслѣдникъ верви, распался на свои составныя части, дворы, деревни, села, города и т. д.

Но самоуправленіе, сказали мы, лежало въ природѣ русскаго народа, и не зависѣло отъ земли, или ея раздѣленій, такъ что, съ перемѣнами, происходившими въ землѣ, самоуправленіе не измѣнялось, въ существѣ, а только искало новыхъ сферъ и областей, для своей дѣятельности. Какъ въ древности, изъ дворовъ и вервей самоуправленіе образовало земли и области, такъ впослѣдствіи изъ элементовъ погоста оно построяло новыя общины, смыкая дворы, деревни, города въ удѣлы, уѣзды, присуды, и поддерживая этими соединеніями независимость и общинность самыхъ элементовъ, городовъ, селъ, деревень. — Поянимъ сказанное историческими подробностями, начавъ съ вопроса: чѣмъ сталъ погостъ, послѣ монгольскаго ига, и къ концу втораго періода нашей исторіи?

Погостъ, по прежнему состоитъ изъ извѣстнаго пространства земли, соотвѣтсвенно предѣламъ верви, съ водами, лѣсами, пашнями, населеніемъ [2]). Но уже, по писцовымъ и другимъ книгамъ, земли погоста не составляютъ никакого единства, связаннаго погостомъ, и, принадлежа къ одному погосту, различаются по своему значенію и по своимъ владѣльцамъ. Мы на каждомъ шагу отличаемъ въ погостѣ земли *подклѣтныя* и дворцовыя, черныя и помѣстныя, *волостелины* и земецкія, *новокрещенцевъ* и ямскія, *сокольнича пути* и вотчинныя, принадлежавшія владыкамъ, монастырямъ, церквамъ, своеземцамъ, поземщикамъ и т. д. Мы замѣчаемъ, что уже не по землямъ дѣлается различіе между владѣльцами; что не отъ владѣнія зависятъ права хозяевъ и собственниковъ, и что различіе въ земляхъ и въ поземельномъ правѣ происходитъ отъ свойства лицъ и отъ ихъ обществен-

[1]) «Бѣлевск. Вивліоѳика,» Н. Елагина; Москва, 1858; I, Писцов. Кн. Бѣлевск. уѣзда уже говоритъ о погостахъ только въ этомъ смыслѣ.

[2]) См. *Писцов. книгу Вотск. пятины,* въ 6 кн. Временн., 1850. *Переписную окладную кн. той же пятины,* въ 11 кн. Времен., 1851 г., *и тринадцать Приложеній* къ пятинамъ Новгор., Неволина.

наго положенія. Служившіе государству и получавшіе отъ него поземельное право, подъ условіемъ службы, дѣлали землю своего владѣнія помѣстною; пріобрѣтавшіе землю на личномъ вотчинномъ основаніи, съ правомъ постояннаго и неограниченнаго распорядка, обращали свои участки въ земли своеземцовы; получавшіе владѣніе во имя церковныхъ установленій, на пользу духовнаго управленія, монастыря и церкви, дѣлали землю владычнею, монастырскою, церковною. Наконецъ мы видимъ, что сами погосты уже не владѣютъ, и потому отъ себя владѣнія никому не сообщаютъ; и въ погостахъ владѣютъ не одни погощане и не всѣ погощане; владѣніе принадлежитъ не всему народу, а его общественнымъ установленіямъ—государству, церкви, географическимъ общинамъ. Понятно, что владѣютъ только нѣкоторые классы и нѣкоторыя лица; другіе остаются безъ земли и безъ владѣнія, хотя находятся въ погостѣ, среди погоста, и суть погощане. Большинство населенія является, въ это время, безъ собственности въ землѣ, не землевладѣльцами, а земледѣльцами, крестьянами, свободными лично, но служащими владѣльцамъ за пользованіе ихъ землею. По прежнему, они свободны, за исключеніемъ княжескихъ, бывшихъ смердовъ, и государственныхъ, письменныхъ, тяглыхъ, и могутъ двигаться по всей землѣ русской; по прежнему, вся земля для нихъ открыта и они могутъ остановиться, гдѣ заблагоразсудятъ. Но вся эта земля для крестьянъ, какъ сословія, вообще есть только мѣсто работы и предметъ труда; ни одного клочка въ ней не называютъ крестьяне своею собственностію, и вездѣ владѣютъ подъ условіемъ работы и платежа оброковъ землехозяину. Права пріобрѣтенія они не лишены; отдѣльныя лица сословія пользуются этимъ правомъ и дѣлаются своеземцами; но для права цѣлаго класса уже не стаётъ пространства. Самое помѣщеніе — дымъ и дворъ, говоря также вообще, принадлежитъ не крестьянину, а собственнику въ землѣ; и, оставляя одно мѣсто работы для другаго, переходя отъ одного владѣльца къ другому, крестьянинъ переноситъ только движимое, да свои силы и свой трудъ, и въ каждомъ новомъ мѣстѣ занимаетъ новый готовый домъ. Владѣющіе землею владѣютъ домомъ, дво-

ромъ и всѣми его частями; уступая землю крестьянину, они уступаютъ ему дворовое мѣсто и дворъ и домъ. Крестьяне— только работники, другіе классы—только владѣльцы. Бытъ древній и бытъ новый не имѣютъ между собою сходства. За право владѣнія въ землѣ, вервь требовала обязанностей, которыхъ выполненіе совершалось въ предѣлахъ верви; погостъ уступаетъ владѣніе за дѣятельность, которой предметъ и область шире черты его владѣнія, внѣ его границы. Права и обязанности вервь сообщала по преимуществу своимъ сочленамъ; погостъ даетъ только права и, большею частію, лицамъ, до того не принадлежавшимъ къ составу погоста, да и послѣ не входившимъ въ союзъ его общинъ. Владѣніе въ погостѣ условлено не имъ, а государствомъ, или церковію; не пользами погоста, а выгодами государства, церкви, города; и общественность земли, въ это время, получила значеніе государственной, политической общественности, или собственности. Крестьяне были только земледѣльцами, безъ различія погостовъ, во всѣхъ погостахъ. Отмѣтимъ, что это diminutio capitis для крестьянъ отразилось въ языкѣ, въ употребленіи для нихъ уменьшительныхъ именъ Ѳедьки, Ваньки, Артемки и т. д. Это не есть явленіе родоваго быта, а слѣдствіе быта общественнаго, касавшагося цѣлаго класса, а потомъ, по аналогіи, и всѣхъ классовъ до княжескаго дома, гдѣ хотя было родство, но не было уменьшенія, и до духовныхъ властей, гдѣ не было родства, а было возвышеніе въ имени—Иванище, Петрушище и т. д. И потому въ равныхъ отношеніяхъ, даже между крестьянами, уменьшенія имени никогда не было, какъ видно изъ актовъ о выборахъ въ разныя крестьянскія должности [1]. Значитъ, уменьшительныя имена были явленіемъ политическимъ. И такъ во времена, отъ которыхъ дошли до насъ извѣстные документы о погостахъ, и въ теченіе которыхъ современные ученые разсматриваютъ погосты,—въ эти времена погосты уже не имѣютъ прежней исторической важности. Въ это время дѣйствуютъ или составные элементы погостовъ, дворы и отдѣльныя общины, или высшія, болѣе

[1] Акты юрид. №№ 281—282 и слѣд.

широкія соединенія самихъ погостовъ, княжества, удѣлы, присуды, уѣзды. Разсмотримъ значеніе и дѣятельность тѣхъ и другихъ, начиная съ двора, по понятію объ немъ, въ старинной Руси.

Не такъ легко возстановить, въ наше время, понятіе, которое у насъ встарину соединяли съ словомъ *дворъ*, — тѣмъ болѣе, что дошедшіе до насъ памятники, всѣ безъ исключенія, суть находки случайныя [1]), принадлежатъ различнымъ временамъ, и содержатъ извѣстія объ измѣнчивыхъ судьбахъ самаго непостояннаго элемента населенія. Крестьяне часто уменьшаются въ числѣ своемъ то повсюдно, отъ разгрома татарскаго; то по мѣстамъ, отъ неистовства враговъ внутреннихъ; то надолго, отъ болѣзней повальныхъ и голодовъ частыхъ; то временно, отъ переходовъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Иногда же, въ извѣстныхъ областяхъ Руси, крестьяне увеличиваются въ количествѣ, по дѣйствію указанныхъ причинъ, собираясь въ мѣстахъ болѣе безопасныхъ и владѣніяхъ менѣе угрожаемыхъ, и умножаясь сверхъ того числомъ переселенцевъ изъ другихъ областей. Но, съ одной стороны, мы не въ правѣ, мы не можемъ обойти вопросъ о дворѣ. Образуясь вѣками, начиная съ дыма временъ Олега и даже съ дыма верви, установленіе двора было дорого для русскаго народа; изъ-за него Новгородцы вчинаютъ бунтъ противъ Татаръ, желавшихъ писать не *дворы*, а *домы* христіанскіе; изъ-за него хлопочутъ Новгородцы предъ Іоанномъ III, своимъ побѣдителемъ; за дворы съ ихъ значеніемъ и за подворную перепись стоятъ Посошковъ и Волынскій [2]). Съ другой стороны, мы не лишены возможности возстановить древнее понятіе о крестьянскомъ дворѣ, въ Руси; всѣ наши акты основаны на опредѣленности этого понятія; всѣ они говорятъ и о цѣломъ дворѣ и о частяхъ его, о полдворѣ, четверти двора[3]) и т. д. Странно, еслибы невозможность встрѣтила изслѣдователя при его изысканіи по такому вопросу.

[1]) Введеніе Неволина къ его «Пятинамъ.»

[2]) См. мою статью: *Древн. Рус. наука о народн. богатствѣ*, 1855 г., въ «Сборникѣ въ воспоминаніе 12 Янв. 1855,» изданномъ отъ Московскаго Университета.

[3]) Юрид. акты № 23, г. 1571; *полдвора* стоитъ $1^1/_2$ руб.

Случайность актовъ, по времени и мѣсту, къ которымъ они относятся, есть какъ бы повѣрка событій на-выдержку, и не уменьшаетъ достовѣрности, а скорѣе усиливаетъ ее. Попытаемся тщательнымъ изученіемъ распоряженій, встрѣчаемыхъ въ документахъ, установить понятіе двора, возможно близкое къ истинѣ, хотя исторической, если не математическій.

Акты почти постоянно называютъ дворы именами крестьянъ, и такимъ образомъ уравниваютъ дворъ *человѣку*. «Дв. Тимошко Хаборовъ, дв. Данилко Семеновъ; дв. Ондрейко Грихновъ; дв. Олферко Климовъ [1]); дв. самъ Козелъ, а крестьянъ: дв. Мишка Труфановъ [2]), и т. д. И сколько дворовъ въ деревнѣ, столько тутъ насчитывалось крестьянъ и людей. Напр. дв. людцкой, да два двора крестьянскихъ, да дв. бобыльской, *а людей въ нихъ тожъ*; или 12 дворовъ крестьянскихъ, а *крестьянъ въ нихъ тожъ* [3]); или шесть дворовъ, шесть человѣкъ; 21 дворъ, а *людей въ нихъ тожъ*; 18 двор. бобыльскихъ, а *людей въ нихъ тожъ*; или: не пашенныхъ людей, рыбныхъ ловцовъ въ 7 *дворѣхъ* 7 *человѣкъ* [4]). Почти никогда однакожъ дворы не называются по именамъ женщинъ; съ другой стороны, дѣти и братья малолѣтные включаются въ одинъ дворъ и входятъ подъ названіе отца и старшаго брата. Стало быть, человѣкъ, которому приравнивается дворъ, по актамъ, есть *мужчина взрослый*, есть *работникъ*, есть *хозяинъ*. Такъ говорится: дв. Олѳерко Климовъ, сынъ его Елисѣйко; дв. Бориско Дмитровъ, сынъ его Игнатко; дв. Ивашко Денисовъ, да Кирилко Ивашковъ [5]), и т. д. Вносятся въ описаніе двора всѣ наличные члены семьи мужескаго пола, но только крестьянинъ взрослый, только работникъ настоящій сообщаетъ двору свое названіе. Отсюда понятно, что подворный счетъ не всегда сходится со счетомъ лицъ, хотя остается вѣрнымъ правило, по ко-

[1]) Временн. 6, Писцов. кн. 1. Прилож. 9, и друг. мѣста.

[2]) Окладн. переп. 49.

[3]) Писцов. кн. Временника, 2, 5, 18, 19 и т. д. Прилож. 21, 29, 70 и т. д.

[4]) Перепис. окдад. 26.

[5]) Писцов. 1.

торому дворъ равенъ человѣку. По причинѣ общинности земли, отдѣленія сыновей отъ отца были тогда весьма часты и ранни, и, болѣе настоящаго, дворъ буквально равнялся одному человѣку, мужчинѣ съ женою. Населеніе нашихъ древнихъ дворовъ не было никогда велико; всего вѣроятнѣе, должно круглымъ числомъ полагать по 3 чел. во дворѣ, а не 5, какъ теперь, и какъ на западѣ Европы [1]). По другому уравненію двора съ обжей, акты могли законно допустить еще выраженіе, уравнивающее *обжу* человѣку, какъ напр. людей 26 и обежъ 26, или дворъ, человѣкъ, обжа; или четыре человѣка, четыре двора, четыре обжи, и т. д. Разумѣется, что эти отношенія, на дѣлѣ, мѣнялись часто, вслѣдствіе сильныхъ и частыхъ перемѣнъ въ судьбѣ населенія, и вслѣдствіе малонаселенности дворовъ и подвижности семействъ. Пустѣли иногда города, запустѣвали цѣлыя деревни, тѣмъ чаще дворы оставались пустыми. Такова однакожь была связь, въ понятіи народа, между обжами и дворами, обжами и крестьянами, что какъ дѣленіе обежъ относилось къ дворамъ, такъ перемѣны въ судьбѣ населенія отражались въ названіяхъ обежъ. Дворы были жилые и пустые, и обжи посему назывались живущими, въ живущемъ, или пустыми и впустѣ. Но, по причинѣ непостоянства въ населеніи дворовъ, мысль народа обращалась къ обжамъ, и онѣто составляли главное въ счетѣ и описаніи, въ экономическомъ и государственномъ соображеніи.

Далѣе, на основаніи нашихъ актовъ, дворъ уравнивается съ *обжею,* или *вытью*, т. е. съ извѣстнымъ пространствомъ пахатной земли; и сколько дворовъ въ деревнѣ, столько при ней полагается обежъ. Посему говорится напр. дворъ Федко, да дворъ Сенка Михалевы — двѣ обжи; дв. Фомка

[1]) Въ Переписн. оклад. мы сосчитали, для примѣрнаго понятія о населенности того времени, всѣ деревни, дворы, число жителей самаго большаго изъ погостовъ Вотской пятины — *Городенскаго,* описаніе котораго занимаетъ въ книгѣ первыя 35 стр., тогда какъ описанія другихъ погостовъ помѣщаются иногда на трехъ страницахъ. По нашему счету, выходитъ, что въ Город. погостѣ деревень было болѣе 150; въ деревняхъ дворовъ насчитывалось отъ 1 до 17; въ каждомъ дворѣ крестьянъ находилось 2 и 3 челов.

Ивашковъ, да дв. Онтушко Ивашковъ — двѣ обжи; или четыре двора — четыре обжи; два двора — двѣ обжи; или дв. Ивашко Матюковъ — одна обжа [1]). Чувствуется для всякаго, даже не филолога, что слово *обжа* происходитъ отъ слова: жать, обжать, по нашему, сжать, и должно означать собою пространство поля, съ котораго или можно хлѣбъ обжать одному, или должно его сжать всякому, *для своего существованія.* По актамъ же, это пространство равнялось участку въ такомъ размѣрѣ, что въ каждой рукѣ или въ каждомъ полѣ можно было высѣять три, или четыре и до $5^1/_2$ коробей ржи [2]), смотря по качеству почвы, въ данной мѣстности. Какъ извѣстно, коробья равнялась двумъ четвертямъ, или 1 десятинѣ, такъ что высѣять три или пять коробей, а *въ дву по томужъ*, значило занять посѣвомъ участокъ въ 18 или 30 четвертей, или въ 9 и 18 десятинъ,— пространство, равное волокѣ въ Литвѣ и Малороссіи XVI в. [3]). И такъ вотъ основаніе, на которомъ акты говорятъ о частяхъ двора, объ его половинѣ, трети, четверти; дробился тутъ не дворъ, дробилось не жилье, которое не допускаетъ раздѣленія, а дробились обжи — обратное, основное выраженіе двора крестьянскаго, и притомъ на многія части. Въ извѣстной мѣстности, извѣстному двору или человѣку принадлежала полная обжа, въ другой ему же — только половина, далѣе — четверть, одна осьмая часть, даже *двѣнадцатина*, т. е. $^1/_{12}$ часть обжи. И только по связи двора съ землею, съ обжею, части обжи перенесены на дворъ и домъ.

Что касается до принадлежностей двора, начнемъ съ луговъ и сѣнокосовъ. Наиболѣе частое или постоянное отношеніе сѣнокосовъ, причитавшихся къ двору, полагалось въ 20 копенъ на обжу [4]). Въ иныхъ мѣстахъ, особенное изо-

[1]) Прилож., 1, 10, 14, 15 и т. д.

[2]) Приложенія: 12, полшосты коробьи составляли обжу; 11, коробья = $^1/_2$ обжи; 2 коробьи = 1 обжѣ. — въ Шелонской пятинѣ, обжа всегда равна 5 короб. и т. д.

[3]) Памятники, издан. Кіев. коммиссіею, III, 1852, стр. 180, прим. 8.

[4]) Переп. оклад. 1, 3, 4, 8, 9, и т. д. *Инструкція* Волынскаго, въ стат. «древн. Рус. наука о богатствѣ.»

биліе луговъ, въ другихъ — замѣтный недостатокъ, а въ нѣкоторыхъ и совершенное ихъ отсутствіе должны были, безъ сомнѣнія, нарушать указанное правильное отношеніе; но такіе случаи рѣдки и составляютъ исключеніе [1]). Наконецъ правильность можно найти даже въ надѣленіи лѣсами. Много было лѣсовъ въ XV и XVI вѣкахъ, если Судебники установляли различіе между *лѣсными* и *безлѣсными* мѣстами, на основаніи разстоянія жилья отъ строеваго лѣса на 10 или менѣе верстъ кругомъ. Деревня, отъ которой лѣсъ былъ хотя верстою дальше 10, признавалась безлѣсною, въ *поляхъ*. Но все же могли быть и дѣйствительно бывали поселенія, которыя нуждались въ лѣсахъ, въ дровахъ и въ строительномъ матеріалѣ, и должно было думать о надѣленіи крестьянъ лѣсомъ и объ установленіи мѣры надѣленія. Этою мѣрою служила та же обжа, или ея меньшая величина коробья, взятая нѣсколько разъ, почему и лѣсъ назывался *пашеннымъ*. Такъ писали въ актахъ: «лѣсу пашеннаго на 3, на 5, или на 18 коробей, столько-то;» опредѣлялось также это количество лѣсу десятинами [2]); но чаще всего встрѣчаемъ выраженіе: «на 3 обжи поверстнаго лѣсу въ длину верста, а въ ширину полверсты [3]),» и потому принимаемъ, что лѣса того времени болѣе другихъ предметовъ владѣнія находились въ нераздѣльномъ, или общемъ владѣніи крестьянъ. Не на каждую обжу, не на отдѣльный дворъ или семью дробилось право владѣнія и пользованія лѣсомъ, а нѣсколько обежъ или дворовъ вмѣстѣ, нераздѣльно получали это право, такъ что только вычисленіемъ доходимъ мы до положенія, что на обжу и на дворъ лѣсу приходилось по 41,666$^3/_4$ □ саженъ, или почти по 18 десятинъ [4]).

[1]) На выть по 34 копны, — на выть по 3 десятины луговъ. О поз. влад. *Бѣляева*, 21; Сошное письмо, Врем. кн. 17.

[2]) На выть по $2^1/_2$ десят. О позем. влад. 21.

[3]) Прилож. 71, 84, 97, 245, 246, 249, 271, и т. д.

[4]) Эта правильность понятія о крестьянскомъ дворѣ и его составныхъ частяхъ была слѣдствіемъ свободнаго перехода крестьянъ, и потому исчезла видимо, съ ограниченіемъ перехода. См. Писц. кн. Бѣлевскаго уѣзда, отъ 1632 г. въ «Бѣлевской Вивліоѳикѣ» Н. Елагина.

При такой опредѣленности крестьянскаго двора, въ юридическомъ отношеніи, самая внѣшность его была обозначена и установлена обычаемъ и разными юридическими актами. Была опредѣленность въ дворовомъ мѣстѣ, или усадьбѣ; напр. для дворовъ, въ которыхъ помѣщались нищіе, требовалось *десять сажень* [1]), разумѣется, въ длину, и столько же въ ширину; была опредѣленность въ составѣ двора и постройкахъ, которыя состояли изъ избы, клѣти, мшанника, иногда мыльни, въ опредѣленномъ размѣрѣ; была опредѣленность въ цѣнѣ двора и дробныхъ частей его — *полудвора*, *четверти*, и т. д., которую установляли условія, потомъ обычаи, наконецъ Судебники, говорящіе о цѣнѣ двора въ полтину и въ рубль, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе лѣсистой.

И не одинъ крестьянскій дворъ подлежалъ такому опредѣленію; дворъ посадскій былъ также юридическою единицею, по древнимъ актамъ, и также приравнивался обжѣ. Акты говорятъ: *а дворъ посадскій противу обжи*, *а обжа противу посадскаго двора*, *разметомъ равна*, т. е. въ повинностяхъ одинаковы [2]). Да и для внѣшняго вида посадскаго двора существовала законная мѣра, а именно: «двору посадскому поперекъ 10 саженъ, а въ длину 15» [3]). И не только дворы посадскихъ людей, но и дворы *городчанъ*, по ихъ раздѣленію на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, перечислявшіеся при каждомъ описаніи города [4]), вѣроятно, были также опредѣленными единицами, хотя въ финансовомъ отношеніи, и также заимствовали свою опредѣленность отъ мѣры земли. Покрайней мѣрѣ, часто мы встрѣчаемъ въ документахъ выраженіе: для *торга* же и *лавокъ по* 14 *чети* [5]). Мы упомянули о посадскомъ и городскомъ дворѣ, съ цѣлію по-

[1]) Прилож. 305.

[2]) О позем. владѣн. 34, — актъ 1552.

[3]) Прилож. 47: город. людямъ, для двора, поперекъ 10 сажень, а въ длину 15.

[4]) Приложенія, 41, описаніе города *Яма*, и 45, описаніе города *Ладоги*.

[5]) Приложенія 336, 337.

казать, въ актахъ, свидѣтельство о происхожденіи русскихъ городовъ изъ жизни сельской, мирной, и о связи городовъ Руси со всѣмъ сельскимъ бытомъ. Посадскія и городскія установленія относятся къ тѣмъ же обжамъ и четвертямъ, къ которымъ относятся и сельскія установленія. И, во всякомъ случаѣ, дворъ крестьянскій есть нормальная единица.

Соображая сказанное доселѣ о крестьянскомъ дворѣ, мы вправѣ утверждать, что встарину подъ словомъ: дворъ разумѣли сумму правъ, принадлежавшихъ крестьянину. Главное въ числѣ этихъ правъ — земля, въ размѣрѣ обжи и въ смыслѣ обжи, да помѣщеніе, или кровъ; но по мѣстамъ сюда присоединялись еще угодья, льготы, подмоги. И все это отъ землевладѣльца, который такимъ образомъ доставлялъ крестьянину и работу и *всѣ условія для жизни*, получая за то вознагражденіе отъ крестьянъ трудомъ и работой, платежами и взносами денегъ, или произведеніями, добытыми на его землѣ. Такъ произошелъ оброкъ, періодически, ежегодно вносимый крестьяниномъ владѣльцу; такъ установилось половничество, въ которомъ выражается уравненіе, въ понятіи древнихъ, поземельной собственности, или капитала съ обработаніемъ и воздѣланіемъ земли; такъ составились разнообразные сборы съ крестьянскаго двора. Но, во всякомъ случаѣ, повинности крестьянъ составляли обратную сторону ихъ преимуществъ. Отсюда мы легко выводимъ новое выраженіе для двора, который, въ тѣ времена, былъ опредѣленной единицею правъ и опредѣленной мѣрою обязанностей, и притомъ понятно, для обѣихъ сторонъ — для землевладѣльца и для крестьянина. Слово дворъ служило означеніемъ для взаимныхъ правъ и обязанностей крестьянъ и владѣльца.

Какія же обязанности лежали на дворѣ крестьянскомъ? Во времена, о которыхъ мы пишемъ, по дошедшимъ до насъ документамъ, платежи съ крестьянина взимались не исключительно натурою, въ формѣ стариннаго оброка, или въ осязательномъ видѣ половничества, а распадались на разнообразныя части, которыхъ сумма, можетъ статься, равнялась половинѣ всего добываемаго съ земли, по обжамъ; но уже не такъ ясно, да и не шло все это одному владѣльцу, а дробилось между разными лицами и установленіями. Въ это

время можно отличать слѣдующіе виды сборовъ съ обжи, двора, или съ человѣка: 1) *мелкій доходъ*, 2) *хлѣбный доходъ*, 3) *обѣжная дань*, 4) *оброкъ*, въ особенномъ значеніи; 5) такъ называемыя *ключничи пошлины*, съ причисляемыми туда *дворецкими пошлинами*, съ *дьячими доходами*, *помѣстничимъ кормомъ*, *присудомъ дворецкаго;* 6) *ямскія и приметныя деньги или подможныя для ямскихъ охотниковъ*; 7) деньги *за городовое дѣло* и *на жалованье подьячимъ, плотникамъ и кузнецамъ*, какъ выражаются акты; 8) *ростъ съ подможныхъ денегъ*; 9) *плата за угодья*, и 10) *оброкъ съ бобылей.* Реэстръ довольно длинный, разнообразный, а между тѣмъ едвали полный. Но главное, каковъ онъ въ суммѣ и что значитъ онъ на языкѣ нашего времени? Вопросъ очень трудный, но необходимый для пониманія обязанностей, лежавшихъ на крестьянинѣ, и для установленія полнаго понятія о дворѣ, какъ единицѣ правъ и обязанностей. Не смотря на свойство источниковъ, не смотря на господство личныхъ интересовъ, въ предложенномъ вопросѣ, мы допускаемъ возможность порѣшить его, основываясь на необходимости однообразія и правилъ, въ этомъ дѣлѣ, для всей нашей древности. Подвижность крестьянъ необходимо уравнивала систему и порядокъ сельскаго хозяйства во всей Россіи; гдѣ было имъ хорошо, туда они должны были стекаться толпами; гдѣ было имъ плохо, оттуда уходили они, оставляя земли владѣльцевъ впустѣ. Очевидно, что интересъ всѣхъ владѣльцевъ требовалъ уравненія системы работъ и наряда. Присоединимъ къ тому, что раздача помѣстій, игравшая въ это время такую ролю, условленная только званіемъ лица и количествомъ посѣва, напр. четвертями, не имѣла бы смысла, еслибы поборы съ крестьянъ зависѣли отъ произвола. Интересъ помѣщика зависѣлъ отъ доходовъ съ крестьянъ, между тѣмъ законъ о раздачѣ помѣстій молчитъ о крестьянскихъ сборахъ, и говоритъ только о пространствѣ владѣнія. Не будь опредѣленности въ сборахъ и доходахъ, одинаковое количество четвертей имѣло бы разнообразное значеніе. Иныя сто четвертей давали бы вдвое менѣе другихъ пятидесяти, двадцати и т. д., и законное опредѣленіе тѣхъ или другихъ званій, по числу четвертей, вовсе не соотвѣтствовало бы на-

мѣренію закона и государства. И такъ, по свойству документовъ, сборы могутъ казаться безконечно разнообразными; но, по природѣ вещей, въ этихъ сборахъ должна быть опредѣленность. Мы можемъ ошибаться въ цифрахъ, но основательность предположенія не подлежитъ сомнѣнію; обычай и законъ необходимо содѣйствовали къ установленію правильныхъ, постоянныхъ, опредѣленныхъ сборовъ. И, соображая различные документы, мы можемъ приблизительно установить слѣдующія правила, для сборовъ, въ ихъ видахъ и въ цѣлой суммѣ.

1) *Мелкій доходъ*, или *доходъ* вообще состоялъ въ доставленіи владѣльцу, натурою, разныхъ предметовъ сельскаго хозяйства, барановъ, куръ, яицъ, сыровъ, масла, сметаны, льну, и притомъ въ размѣрѣ, по которому съ 5 обежъ приходилось три барана, три пятка льну, а съ двухъ обежъ — баранъ, пятокъ льну [1]), и т. д.

2) *Хлѣбный доходъ* состоялъ въ доставкѣ владѣльцу *трети*, или *половья* т. е. третьей части, или половины всего урожая [2]), иногда въ отсыпкѣ, что называлось *поспомъ*, съ каждой обжи по коробьѣ ржи и овса, или по четверти съ осминою ржи, и столько же овса; иногда же по 6 четвертей съ осминою ржи, и по 7 четвертей съ осминою овса, да по осминѣ пшеницы и ячменя [3]). Въ такомъ случаѣ, хлѣбъ назывался *посопнымъ*, или *пособнымъ*, и даже *посошнымъ* [4]). На земляхъ государственныхъ, посопный хлѣбъ иногда собирался въ размѣрѣ такомъ, *сколько въ которомъ году государь укажетъ* [5]).

3) *Обежная дань* состояла въ денежномъ платежѣ, котораго съ крестьянъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, приходилось въ годъ по 1 рублю съ обжи [6]), а съ поземщиковъ, которые только жили въ деревняхъ, занимаясь рыбнымъ и

1) Переп. оклад. 1, 2, 3,—Прилож. 231, 232 и т д.
2) Переп. оклад. 1, 2, 3, 4.
3) Оклад. 2, 3, Писцов. 45.
4) Тамъ же.
5) Писц. 52,
6) Писц. 46.—Оклад. 34.

другими промыслами, по нѣскольку денегъ, въ каждый изъ трехъ платежныхъ сроковъ древности, а именно: по $2^1/_2$ деньги объ Рождествѣ Христовомъ, о Пасхѣ и о Петровѣ дни, что составляетъ съ двора по $7^1/_2$ денегъ, или полгривны въ годъ [1]).

4) *Оброкъ* есть также денежный сборъ, которымъ въ большей части случаевъ замѣняется мелкій доходъ и хлѣбный сборъ. Въ мѣстѣ, въ которомъ мало обежъ, доходъ собирали натурой, а гдѣ ихъ было много, тамъ установляли оброкъ [2]); причемъ опредѣлялась указная цѣна хлѣбу, а именно: по 10 денегъ за коробью ржи, по 5 денегъ за коробью овса, по 7 за кор. ячменя и по 16 за пшеницу [3]). И такого оброку приходилось на обжу по 1 гр., а иногда и по 2 гр. съ 10 деньгами [4]). Кажется, что въ послѣдующее время оброкъ замѣнилъ собою и мелкій и хлѣбный доходъ и обежную дань, и потому возвысился до 2 р. съ выти [5]).

5) *Ключничи пошлины* обыкновенно уплачивались натурою, сборомъ хлѣба, мяса, овчинъ, льну, съ 5 обежъ по четверткѣ ржи и овса, по три лопатки бараньи, по три овчины, по три горсти льну, да по сыру, а съ двухъ обежъ по четверткѣ ржи и овса, по бараньей лопаткѣ, по овчинѣ, да по горсти льну [6]). Слѣдовательно эти пошлины были почти въ пять разъ менѣе, чѣмъ мелкій доходъ владѣльца. Къ этому же роду сбора присоединялись *денежныя пошлины* въ пользу дворецкихъ, дьяковъ и ключниковъ, составлявшія, съ 3 обежъ, 10 алтынъ и 3 деньги, или 21 д. съ обжи [7]); равно какъ сюда относились пошлины за присудъ дворецкаго, по 2 р. и 11 алт. съ 3 обежъ [8]), и наконецъ *волостелинъ* и *намѣст-*

1) Оклад. 34. Прилож. 128, тутъ по 1 гр. съ двора.
2) Переп. оклад. 1, 2, 3.
3) Оклад. 1, 2, 3, 9, 10 и т. д.
4) Оклад. 5: прибавился человѣкъ, обжа, оброку прибыло 2 грив. и 10 денегъ.
5) Прилож. 129, писц. 50.
6) Оклад. 1, 2, 3.
7) Писцев. 46.
8) Тамъ же 46.

ничь кормъ, полный сборъ котораго опредѣлялся въ 12 гр. и 10 д. съ $29^1/_2$ или безъ малаго въ $^1/_4$ гривны съ каждой обжи [1]). Впрочемъ, гдѣ намѣстнику полагался кормъ по обжамъ, тамъ не было помѣстій; такъ въ оброчныхъ обжахъ великіе князья не давали помѣстій [2]).

6) *Ямскія и приметныя* деньги были такъ разложены, что съ каждой обжи приходилось по 2 рубля съ гривной, или какъ, въ которомъ году, государь укажетъ [3]). Къ названію этого сбора присоединялось иногда выраженіе: за городовое дѣло, и на жалованье подъячимъ, плотникамъ и кузнецамъ [4]). 7) *Пошлины съ оброка*, вѣроятно, на случай просрочки, въ размѣрѣ 5% [5]), и 8) *Ростъ за подможныя деньги*, постоянно разсчитанный въ 7% [6]).

9) Если при деревнѣ находились особыя *угодья*, которыми пользовались крестьяне, то взимался особый сборъ, съ каждой борти, съ каждой тони рыбной ловли и т. д. За борть брали ежегодно 1 пудъ меду, или полторы грив. Новгородской [7]); за тоню, опредѣлявшуюся однимъ неводомъ, — третью рыбу, или деньгами полтину [8]), а за пользованіе мхомъ, для ловли соколовъ, — по полтинѣ за каждаго сокола [9]).

10) Остальныя лица, не вполнѣ принадлежавшія, или вообще не принадлежавшія къ сословію крестьянскому, обло-

1) Прилож. 231, 232, Окладн. 3, 4; 12 грив. и 10 денегъ названы здѣсь *полтора корма;* слѣд. 8 грив. и 10 ден. составляютъ *полный кормъ*, съ $29^1/_2$ или 30 обежъ; а посему съ обжи приходилось $^1/_4$ гр. или 3 деньги съ небольшимъ.

2) Оклад. 1.

3) Писц. 45, 46, 47.

4) Тамъ же.

5) Писц. 45, 46. Брали полъ-осми денегъ съ $^3/_4$ обжи, или 10 ден. съ цѣлой, иначе 10 д. съ руб. съ 200 д., слѣд. 5%.

6) Прилож. 50, 51. Роздано напр. 3 р. 6 гр. и 10 д., всего 694 д. росту брали 4 гр. безъ 3 д., слѣд. 53 д., или почти 7%.

7) Прилож. 11, 12. И за знамя брали 1 пудъ меду.

8) Окладн. переп. 11; Прилож. 206; окл. 32: ловятъ зимѣ изъ шестыя рыбы.

9) Писцов. 61. Прилож. 11: На томъ мху ловити соколы собѣ, а давать за то 5 гр. ежегодно.

жены были податями и пошлинами въ другомъ видѣ и въ другомъ размѣрѣ. Съ нихъ брали деньгами слѣдующія пошлины: съ бобыльскаго двора по 1 гривнѣ [1]), съ посадскаго по 11 алтынъ [2]), съ торговыхъ людей по гривнѣ Московской, съ мастеровыхъ по 10 денегъ [3]). Сверхъ того брали пошлины съ анбара и лавки [4]), равно какъ и съ торговаго шалаша [5]).

Обращаясь къ главному вопросу—къ крестьянскому двору, замѣтимъ, что всѣ эти платежи установлены для жилаго двора, для живой обжи, для обжи въ живущемъ, но что пустыя также не оставались свободными, и были обложены взносомъ съ каждой *по осминѣ ржи, да по осминѣ овса* [6]),— взносомъ, который обращенъ былъ также на живущія обжи. Понятно, что для крестьянъ было очень важно, *во сколько живущихъ обежъ* были они положены. И случалось, что, если наличные крестьяне деревни были расчитаны въ платежахъ наприм. *на 4 обжи* въ живущемъ, тогда какъ у нихъ было всего три жилыхъ двора: то они жаловались на тягость, и получали новое росписаніе на 3 обжи въ живущемъ [7]). Доходы разлагались по землѣ и по ея владѣнію; но сборомъ дохода, данію, податью былъ обложенъ трудъ человѣка, его промыселъ и дѣятельность И гдѣ сборъ и подать казались обременительными, въ томъ или другомъ отношеніи, тамъ крестьяне прибѣгали къ жалобамъ, или къ праву перехода, такъ что владѣлецъ оставался съ однѣми пустыми обжами, cum nuda proprietate. Отсюда ясно, что хотя мы правы, для нашего времени, выводя сборы и пошлины изъ тогдашнихъ законовъ и актовъ, изъ книгъ писцовыхъ или окладныхъ; но въ основной, первоначальной существенности, дѣло пошлинъ и сборовъ было дѣломъ условій взаимныхъ и

1) Прилож. 128.

2) Прилож. 29, *Копорье:* съ 12 дворовъ 4 гр.

3) Писцов. 65, 66.

4) Прилож. 275 по 5 алт., безъ 2 д., или 25 д., или 2 гр.; *Бѣляева:* «О поземельномъ владѣніи»: 1 гр. съ анбара, 4 алт. съ лавки....

5) Прилож. 336, 337: по 4 алтына.

6) Прилож. 129.

7) Прилож. 214.

согласія, общаго землевладѣльцу и земледѣльцу, — дѣломъ, утверждавшимся въ народѣ съ незапамятныхъ временъ, — дѣйствіемъ его общественнаго быта. Являясь потомъ въ актахъ и законахъ, распоряженія о сборахъ, оброкахъ и пошлинахъ должны имѣть для насъ значеніе объективной истины, матеріальной справедливости. Такъ понимали свои выгоды обѣ стороны, такъ хотѣли всѣ владѣльцы и всѣ крестьяне, такъ искони хотѣлъ весь народъ русскій. Древній дворъ, естественно, былъ справедливою единицею правъ и обязанностей для владѣльцевъ и для крестьянъ. Посему-то для народа было все равно—собираются ли подати подворно, повытно, или посошно. Оставаясь въ данныхъ, законныхъ предѣлахъ сбора, и находя болѣе удобства въ раскладкѣ его на цѣлыя группы, владѣльцы, монастыри, вотчинники, правительство могли свободно превращать мелкіе доходы въ сумму сборовъ съ обжи, — сумму обежныхъ даней въ сборъ съ сохъ, а сохи расширять на цѣлыя квадратныя версты, особенно при предоставленіи *крестьянамъ верстаться*, или уравниваться *между собою, по пашнямъ и угодьямъ*, *а бобылямъ и посадскимъ людямъ* — по промысламъ и животамъ [1]). Это уже было дѣло распорядка, для упрощенія счетовъ, и не измѣняло обязанностей, лежавшихъ на дворѣ крестьянскомъ. Обязанности дворовъ были, въ каждый данный и притомъ продолжительный промежутокъ времени, одинаковы и неизмѣнны, повсюдно и повсемѣстно.

Что же платилъ въ суммѣ крестьянскій дворъ, въ древней Россіи? Полнѣйшую сумму, разумѣется, можно видѣть въ сборѣ съ государственныхъ крестьянъ: ибо остальные платили частію помѣщику, или монастырю, и частію государству, слѣдовательно тутъ труднѣе опредѣлить сумму. Съ государевыхъ же дворовъ бралось вотъ что, по *платежницамъ* или квитанціямъ времени: «ямскихъ и приметныхъ денегъ съ обжи 2 р. 10 алт.; за обежную дань и мелкій доходъ по 1 руб.; за присудъ 25 алт. и 5 д.,» или: «за доходъ и присудъ 2 р. 4 алт.; ямскихъ и приметныхъ денегъ 2 р. 9 алт.

[1]) Прилож. 131.

и $2^1/_2$ деньги» [1]). Слѣд. всего съ обжи приходилось по 4 р. и 14 алт., или круглымъ числомъ по 4 руб. съ полтиной [2]). А посему мы говоримъ, что дворъ и обжа, съ лѣсами и лугами, составляли, въ древнія времена, опредѣленную величину правъ, равную средствамъ тогдашней жизни человѣка, и опредѣленную сумму обязанностей крестьянина, оцѣненную въ $4^1/_2$ р., или, на наши деньги, около 30 р. с. въ годъ. Такъ возрасли и нужды и средства Россіи, которой первые князья нѣкогда довольствовались сборомъ по *одной бѣлкѣ съ дыму*, или по одному *щлягу* съ каждаго рала, и въ которой теперь уже собирается *почти полтора фунта серебра* съ того же дыма и съ того же рала! Много, очень много съ обжи, которая, среднимъ числомъ, равнялась 12 теперешнимъ десятинамъ. Но за то, кромѣ означенныхъ платежей, крестьянинъ ничего не зналъ, ни *даже военной службы, въ обыкновенныя войны.* Въ рѣдкихъ случаяхъ употребляли посошныхъ людей на военное дѣло; но ихъ мирная дѣятельность, строго опредѣленная закономъ, была та же служба. Крестьяне служили обществу, но черную службу, и потому назывались, въ отличіе отъ другихъ служилыхъ, *черными людьми.* Вотъ главнѣйшій результатъ нашего изслѣдованія о дворѣ крестьянскомъ.

Любопытно, въ заключеніе, сравнить этотъ бытъ крестьянъ сѣверной Россіи съ бытомъ современныхъ имъ крестьянъ Россіи юго-западной [3]). Начнемъ съ раздѣленія земель на *дворища*, которыя на югѣ были тѣмъ же, чѣмъ на сѣверѣ деревни, дѣ-

1) Писцов. кн. 45, 46, 47 и слѣд.

2) Юрид. акты №№ 209, 227, особ. акты IV и IX: 1) съ 16 обежъ ямскихъ и приметныхъ за хлѣбъ, оброкъ, дьячихъ, писчихъ, за городовое и засѣчное дѣло, за плотниковъ, кузнецовъ, за подмогу ямскихъ охотниковъ и за присудъ Новгородскихъ намѣстниковъ, съ Николовяжецкаго монастыря, въ нынѣшнемъ 79 г.=12 р. и 11 алт. и 3 деньги. Слѣдов. нѣсколько менѣе рубля съ обжи; но эти сборы шли въ казну съ крестьянъ монастырскихъ, которые сверхъ того платили еще монастырю. 2) Помѣщичьей дани съ 1 обжи брали 20 алт. и 4 д., да оброку съ 1 обжи по 1 р съ гривною.

3) Памятн, изд. Кіевск. коммис., III, отд. II, 1852; стр. 158, 159, 164.

лились на цѣлыя дворища, полдворища и т. д., и состояли изъ *дымовъ*, по нашему, дворовъ, числомъ отъ 7, 10 и т. д. Крестьяне брали на югѣ по 3, по 4 и по 6 морговъ на душу, или до $1/5$ волоки, которая содержала 30 морговъ, и равнялась 19 Русск. десятинамъ (собственно = 19 десят. съ 2010 саж.). Слѣдовательно моргъ = $2/3$ десятины, а 6 морговъ=$12/3$, или 4 десятинамъ, 4 коробьямъ, или одной обжѣ, въ полѣ, и въ двухъ по томужъ. Стало быть, крестьянинъ и на югѣ занималъ до 12 десятинъ, какъ на сѣверѣ; стало быть, понятіе обжи, на дѣлѣ, существовало на югѣ, какъ на сѣверѣ. Среди сельскаго населенія находились:

1) *Земляне и бояре*, владѣвшіе землею, подъ условіемъ ратной службы [1]); 2) *вольники*, пользовавшіеся льготами [2]); 3) *огородники* — лица, занимавшіяся не хлѣбопашествомъ, а различными промыслами, отъ огородничества до ремеслъ и торговли, какъ наши поземщики [3]); 4) *подсусѣдки*, не имѣвшіе ни домовъ, ни земли, что-то въ родѣ бобылей [4]), и 5) *люди*, приписанные къ господскому двору, и владѣвшіе только движимымъ, какъ и у насъ [5]).

Съ людей, *въ рокъ*, ежегодно, брали подать по мацѣ овса съ вола; а на работу ходить имъ, какъ будетъ приказано [6]); съ подсусѣдковъ не брали податей, а требовали работъ [7]); съ вольниковъ и огородниковъ, по 3, по 5 и по 12 грош. [8]). Что до крестьянъ, то съ нихъ назначены были:

1) *Платежи*: *съ дворища*,—по 29, по 30 и по 60 грошей, или по копѣ, ибо копа=60 грошамъ [9]); *съ волоки* — по 3 и по 2 копы [10]); *съ морга*—по $6^1/_2$ грошей [11]); слѣдовательно

[1]) Тамже стр. 44, 1 3, 191.
[2]) — 39.
[3]) — 16, 57.
[4]) — 76.
[5]) — 11.
[6]) — 16.
[7]) — 76.
[8]) — 19—39.
[9]) — 19—34.
[10]) — 97.
[11]) — 127; тутъ ошибочно сказано: по $6^1/_2$ копъ.

съ дыму, или съ 5—6 морговъ, по *золотому*, по 30 *грошей*, иначе *полкопы*, ибо копа=2 золотымъ [1]. 2) *Дань медовая*[2]; 3) *работы по старинному обычаю* [3]; 4) *подводная* повинность, писчій грошъ, чиншее, бирчее, писчее [4]; *обязанность строить*, *будовать* господскія хоромы; иногда доставлять хлѣбъ на господскій дворъ [5]. 6) *На случай пріѣзда господъ*, давать съ 10 волокъ яловицу,—съ волоки по гусю, — по 2 курицы,—по 20 яицъ, да по возу сѣна [6]. Чувствуется, что на юго-западѣ права владѣльцевъ, къ исходу XVI в., были болѣе развиты.

Повторяя полученныя основанія въ формѣ вывода, скажемъ, что въ древней Россіи были ясно и документально опредѣлены права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ. Крестьяне, во всей Россіи сѣверо-восточн., были равны, одинаковы, по своимъ правамъ. Принадлежа государю, монастырю, своеземцу, помѣщику, они вездѣ и у всѣхъ владѣльцевъ дѣлали одно дѣло, работали одну работу, несли одинаковыя тяготы, давали одинаковые доходы. Къ этой одинаковости стремился законъ, а чего не могъ совершить онъ, дополнялось правомъ крестьянскаго перехода. Вслѣдствіе того и другаго, всѣ владѣльцы равнялись между собою въ правахъ и требованіяхъ, различаясь суммою владѣнія, количествомъ помѣстій, четвертями и коробьями. Произволу не было мѣста. Доказательства въ сотныхъ книгахъ и грамотахъ, или выписяхъ изъ писцовыхъ книгъ, которыя выдавались крестьянамъ того или другаго мѣста, по ихъ требованію. Такъ наприм. крестьяне Сумерской волости и другихъ волостей Старорусскаго уѣзда,

1) — 152, 173.
2) — 19.
3) — 19 и слѣд.
4) — 48, 52, 123.
5) — 57.
6) — 99. Замѣтимъ, что Польскій грошъ=4 к. сер.
Литовскій=5 к. сер.
Слѣдовательно грошъ, особенно Литовскій, былъ почти тоже, что наша древн. деньга. Копа грош. Польск. = 2 р. 40 к. с.
Литовскихъ = 3 р. сереб.
Ср. Вычисленіе на стр. 188 «Памятниковъ.»

говоря, что имъ не извѣстно, *что по письму и мѣрѣ такихъ*—то писцовъ, *въ которой сотнѣ объявилось вытей живущево и пустово*, просятъ царя Михаила Θеодоровича *ихъ пожаловать и повелѣть*, выдать имъ *сотную съ тѣхъ писцевыхъ книгъ, за дьячею приписью;* и царь повелѣлъ съ 1622 — 23 дать имъ такую сотную, съ означенiемъ, *почему впередъ платить имъ государевы четвертные и денежные доходы, а съ пустыхъ вытей хлѣбъ въ государевы житницы* [1]). Понятно, что крестьяне составляли собою такой же служебный классъ и государственный элементъ, какъ и другiе классы, и что права и обязанности этого класса были также опредѣлены закономъ, какъ права и обязанности каждаго другаго класса. И не вообще только, но въ частности, подворно, по обжамъ, по лицамъ и особамъ. Государству были извѣстны не одни бояре, намѣстники, воеводы, но послѣднiй русскiй крестьянинъ по его имени, отчеству и прозвищу [2]), по его правамъ и обязанностямъ. Книги писцовыя, окладныя, переписныя и т. д. были собственно документами состоянiя крестьянъ и владѣльцевъ. Напрасно сравниваютъ эти книги съ подобными книгами западной Европы, имѣющими только хозяйственное содержанiе. Книги Запада заносили на свои страницы только *событiя*, какъ они являлись въ хозяйствѣ,—сборы, которые были установлены тѣмъ или другимъ владѣльцемъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ и вѣкѣ, —платежи, которые вносили крестьяне того или другаго званiя, мѣста, времени;—и потому эти книги могутъ служить только матерiаломъ для статистики, или для исторiи. Наши книги были оффицiальными, правительственными, законодательными актами, которые опредѣляли права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ, и тѣ отношенiя, которыя установились между ними, по закону жизни, по природѣ вещей. Сумма этихъ книгъ Россiи есть полное изображенiе по-

1) Прилож. V.

2) Бѣлевск. Вивлiоθ. I, 289: «мѣсто дворовое бобыльское, а чье именемъ, того помѣщикъ не упомнитъ;» или 433: «а чье именемъ, того никто не упомнитъ» — стало быть, объ именахъ крестьянъ всегда спрашивали. О прозвищахъ, зачаткѣ фамилiй у крестьянъ, см. стр. 7, 121, 415 и т. д.

литическаго состоянія народа, и не вообще только, но въ частности, лично, съ опредѣленіемъ всѣхъ правъ и обязанностей, принадлежавшихъ каждому лицу; такъ что мы можемъ доказывать съ полнымъ правомъ несомнѣнное господство у насъ личности до послѣднихъ слоевъ общества. Особенно принявши въ соображеніе право жалобъ, восходившихъ прямо къ царю отъ простѣйшихъ гражданъ, не по начальству, а часто противъ начальства. Эти-то дворы, съ такою опредѣленностію, съ такими положительными правами и обязанностями, входили въ составъ общинъ, въ которыхъ, естественно, искали они и находили обезпеченіе своей опредѣленности, огражденіе своихъ правъ, упроченіе своихъ обязанностей. И, естественно, что сами общины, какъ соединенія такихъ дворовъ, не могли не имѣть общественной власти, ни оставаться въ объособленіи и отдѣльности, а должны были составлять изъ себя новыя соединенія, съ общественнымъ значеніемъ. Общественность вервей становилась достояніемъ всякой географической общины, чтобы, съ развитіемъ единства Руси, содѣлаться достояніемъ всей земли, и обратиться въ земщину, или земскій элементъ Московскаго царства. Прослѣдимъ, для доказательства, древнее значеніе отдѣльныхъ общинъ и свойство ихъ соединеній.

Всѣмъ извѣстно, что села, посады, города,—эти отдѣльныя географическія общины суть соединенія дворовъ; но это не объясняетъ ничего: ибо, по самой опредѣленности дворовъ, въ древней Россіи, общины не легко могутъ быть по нимъ означены съ точностію. Какъ ни соединяйте однородныя единицы, вы получите всегда сумму, которая будетъ отличаться отъ другихъ подобныхъ соединеній количественно, числомъ единицъ,—признакомъ совершенно случайнымъ. Дворъ опредѣлялся средствами жизни, условіями бытія, которыя легко вычислить по нуждамъ лица и потребностямъ его временной жизни. Существованіе общины, одаренной безконечною жизнію, невозможно установить вычисленіемъ. Города исчезали, при стотысячномъ населеніи; деревни переживали вѣка, имѣя постоянно только десятки дворовъ. Для понятія объ общинѣ необходимо обратить вниманіе на качество жизни и на ея цѣли. Отдѣльные дворы су-

ществуютъ для жизни физическаго лица; соединеніе дворовъ дѣлается для извѣстныхъ цѣлей жизни.

Много можно представить цѣлей для соединенія дворовъ, и много можетъ быть различныхъ общинъ. По нашимъ актамъ, можно отличать слѣдующія общины въ древней Россіи: 1) съ цѣлію вообще хлѣбопашества, каковы были *деревни*, съ ихъ *займищами*, *починками*, *выставками*, составлявшими принадлежность деревни съ значеніемъ, которое дано въ самомъ названіи; 2) общины съ цѣлію того же хлѣбопашества, но при извѣстномъ, опредѣленномъ средоточіи управленія, по этому дѣлу, каковы были *сельца*; 3) соединенія дворовъ для сельскаго промысла, съ присоединеніемъ туда церковнаго управленія, съ священникомъ, причтомъ, Божіимъ храмомъ, что называлось *селомъ*, а иногда *погостомъ*; 4) общины, занимавшіяся промысломъ сельскимъ, но не исключительно пашеннымъ, каковы *слободы* и посады позёмщиковъ, рыболововъ, ямскихъ охотниковъ и т. п.; 5) соединенія дворовъ, для смѣшанныхъ промысловъ, частію сельскихъ, частію городскихъ, какими соединеніями были *торги*, *рядки*, *остроги*, *городища*, и 6) общины, преимущественно существовавшія для торга и купли, но допускавшія множество другихъ разнородныхъ цѣлей, церковныхъ и правительственныхъ, и носившія названія *городовъ*.

Такъ получаемъ мы соединенія дворовъ съ одною и со многими цѣлями соединенія. Но и самая простая изъ нихъ, деревня не легко отличается отъ другихъ однимъ указаніемъ цѣли ея существованія; тѣмъ менѣе можемъ мы сказать, что такими опредѣленіями отличаются наши села и города отъ селъ и городовъ Германіи, Франціи. И такъ, не останавливаясь на этихъ общихъ признакахъ, пойдемъ далѣе въ нашемъ изысканіи. Очевидно, что цѣль соединенія дворовъ въ общину составляетъ интересъ всѣхъ дворовъ, предметъ общаго желанія и общей дѣятельности, и долженъ выразиться во внѣшности, въ особомъ средоточіи общины, въ томъ, къ чему тянетъ все населеніе. Въ чемъ можемъ мы видѣть эти средоточія нашихъ общинъ? Во первыхъ, въ деревнѣ?

Не знаемъ, сколько нужно было дворовъ для составленія деревни, по понятію предковъ; мы встрѣчаемъ въ актахъ разнообразныя соединенія въ 17 дворовъ, въ 11, въ 7, 6, въ 2 двора, и даже въ одинъ дворъ, которыя всѣ носятъ названіе деревни [1]). Можетъ быть, одинъ дворъ въ деревнѣ была случайность; но въ актахъ и этотъ одинъ дворъ называется деревней. И такъ деревня могла имѣть 17 и болѣе дворовъ, равно какъ и два и одинъ дворъ. Для понятія о деревнѣ, по видимому, ничего не было нужно, кромѣ деревяннаго жилья для населенія. Между тѣмъ акты различаютъ и цѣлую деревню, и полдеревни, и треть деревни и т. д., стало быть имъ была извѣстна опредѣленная единица, законно носившая названіе деревни. Что же это было такое? Не забудемъ самаго важнаго — перехода крестьянъ, съ одной стороны; исконной древности деревень, съ другой, и отсюда необходимо вытекающей вѣчной связи деревни и дворовъ ея съ землею. Деревня постоянно соединяется, въ мысли древнихъ, съ извѣстною, ей принадлежащею землею; крестьяне уходятъ, приходятъ, мѣняются въ числѣ и личности; а деревня все одна и та же, постоянна и неизмѣнна, какъ мѣстоположеніе, какъ земля, на которой стоитъ она. Деревня есть извѣстная земля, извѣстное пространство пахатныхъ полей, луговъ и угодій, средоточіе, хозяинъ земли. Земля деревни есть собственно деревня, какъ обжа есть собственно дворъ. Но, какъ обжа уравнивается двору и человѣку, такъ деревня требуетъ живаго элемента, должна быть оживлена, хотя въ лицѣ одного крестьянина, одного живаго двора [2]). Безъ того она *пустошь, впусть*; а деревня, какъ хозяинъ, должна дѣйствовать. Владѣніе землею, распоряженіе землею, раздача ея отдѣльнымъ членамъ, возвратъ отъ нихъ и новое раздѣленіе, частію защита и обо-

[1]) См. упомянутые акты; Переп. оклад. стр. 37 говоритъ о 17 дв. не *пашенныхъ*, *рыбныхъ ловцевъ*.

[2]) Бѣлев. Вивліоѳ. I, 458: «крестьянъ и бобылей на той примѣрной землѣ не написано потому, что земля изъ починковъ, а не изъ деревни.» Слѣд. деревня необходимо населена, и населеніе составляетъ деревню.

рона, — все въ рукахъ деревни, все зависитъ отъ деревни, которая была живымъ средоточіемъ извѣстнаго пространства земли съ ея принадлежностями. Посему же деревня была чѣмъ-то и цѣлымъ и замкнутымъ. Продавая свои участки, она дѣлала напримѣръ такія оговорки: *а буде Тирупу не до земли*, т. е. захочетъ продать свою куплю, *ино мимо земца не продати*, т. е. помимо туземца, тамошняго крестьянина, чужому не поступаться [1]). Изъ связи деревни съ землею вытекала возможность, для понятія древнихъ, дѣлить деревни на части, половины, трети, четверти; а изъ упомянутой замкнутости или исключительнаго владѣнія въ землѣ — возможность воображать деревни чѣмъ-то цѣлымъ, опредѣленнымъ, постояннымъ.

Сельцо было та же деревня, со всею неопредѣленностію въ количествѣ дворовъ, но уже съ яснымъ признакомъ средоточія, для управленія землями и населеніемъ, съ помѣщикомъ или его прикащикомъ, съ домомъ владѣльца и съ *его людьми*, принадлежавшими хозяину лично, независимо отъ земли, и на другомъ правѣ, чѣмъ крестьяне, земледѣльцы. Посему говорится въ актахъ: *сельцо Заболотье, а въ немъ дворъ помѣщиковъ; да людскіе дворы*; или: *сельцо Якимово, въ немъ самъ живетъ;* или: *сельцо Дыми, въ немъ дворъ помѣщиковъ*; или: *въ сельцѣ такомъ-то домъ Кутузова*, и т. д. [2]). Иногда въ сельцѣ упоминается *часовня* [3]); но никогда церковь — существенная принадлежность села или погоста.

Село и *погостъ* были тѣ же деревни и сельца, но съ присоединеніемъ туда особаго средоточія, для *церковнаго* управленія, съ причтомъ и церковію [4]), которой сооруженіе и со-

[1]) Юридич. акт. № 71, купчая крѣп. Новгород. XIV и XV вѣк., актъ XXIII.

[2]) См. писцов. к. 10, 89; Прилож. 193, 198, 215, 218, 225, 226, 249 и т. д.

[3]) Переписн. окладн. 95.

[4]) Писц. кн. 17, 24. Прилож. 326, 329; село Олисово съ церк., — Секерино — съ двумя, 331. Ср. Бѣлев. Вивліоѳ. I, 27, 37, 62, 396, 461, 494 и т. д. Села безъ церкви — рѣдкія, случайныя исключенія.

держаніе составляло особую дѣятельность и особую обязанность сельскаго населенія вотчинниковъ и крестьянъ, именовавшихся, въ этомъ отношеніи, прихожанами [1]). Строили сельскіе храмы только двумя способами: или, по старинному выраженію, *клѣтцки*, въ видѣ большой клѣти, большаго зданія, молитвеннаго дома, или *вверхъ*, т. е. въ формѣ теперешнихъ церквей, съ шеею, трибуною и главами [2]). Снабжали эти церкви утварью, колоколами, книгами и обезпечивали содержаніе церковнаго причта, довольно полнаго, состоявшаго постоянно изъ священника, дьячка, просфирни, церковнаго сторожа или нѣсколькихъ сторожей и нѣсколькихъ нищихъ. Не бывало при сельскихъ церквахъ діаконовъ; но и безъ того издержки прихода не были маловажны; и потому естественно, что уже села требовали въ помощь себѣ содѣйствія всѣхъ деревень и селецъ, починковъ и займищъ, которыя по этому тянули къ селу, какъ средоточію церковнаго управленія, къ такъ называемому приходу. Но понятно, что раздѣленію селъ на приходы и росписанію меньшихъ общинъ, по приходамъ, должно было предшествовать раздѣленіе и росписаніе по управленію, которое обезпечивало устройство приходовъ и другія общественныя связи, по дѣлу повинностей, по суду и расправѣ. И мы дѣйствительно находимъ въ селахъ правительственныя средоточія, и встрѣчаемъ правительственныя лица сельскихъ волостелей, собственно *тіуновъ, и волостелины дворы, въ которыхъ живутъ тіуны* [3]), и по поводу которыхъ къ селамъ также тянули деревни, займища, починки, составляя *волости и станы*.

Слободы, *ямы*, *посады*, не входившіе въ составъ города, были также, въ основѣ, деревни, или села, но съ особеннымъ населеніемъ людей свободныхъ, имѣвшихъ собственное

[1]) Прилож., 283, 285, 286, 292; приходное строеніе старыхъ помѣщиковъ, и и построеніе мірское, стр. 127; 129, и т. д. По Бѣлев. писц. кн., Бѣл. Вивліоѳ. I, 494, 461, 396, 503—506, строили церкви монастыри, вотчинники, попы и мірскіе люди, прихожане, и нигдѣ помѣщики, даже въ помѣстьи боярина Кн. И. И. Шуйскаго.

[2]) Во всѣхъ мѣстахъ актовъ указанныхъ. Ср. Бѣлев. Вивліоѳ. I, 2, 27, 62, гдѣ только клѣцки.

[3]) Прилож. 204.

управленіе. Это управленіе находилось въ рукахъ старостъ, десятскихъ и головъ, вообще выборныхъ, которые, въ чертѣ своей слободы и въ предѣлахъ своихъ земель, смотрѣли за выполненіемъ различныхъ общественныхъ повинностей населенія, напр. въ ямскихъ слободахъ, а вообще за тишиною и безопасностію.

Значеніе *торга* высказывается въ слѣдующемъ описаніи: «во Млевѣжъ на рѣкѣ Мстѣ, на берегу, *торгъ*, а на торгу 96 лавокъ, а торгуютъ въ нихъ пріѣзжіе изъ города торговые люди, всякими товарами, съ году на годъ, о Петровѣ дни, двѣ недѣли.» Тутъ же *3 шалаша плетеныхъ, для торга солью, да 13 шалашей для торга съѣстныхъ припасовъ; да 45 мѣстъ лавочныхъ* [1]). Ясно, что торгомъ называлось собственно мѣсто, для производства торга, родъ ярмарки, которое обыкновенно не было заселено и составляло принадлежность извѣстнаго города, села, погоста, или ихъ угодье. Наоборотъ, *рядокъ* было уже заселенное торговое установленіе, какъ оно описано въ актахъ, напр.: «*рядокъ*, а въ немъ церковь Николы Чюдотворца, древяная *вверхъ*, да теплая Дмитрій Селунскій—храмъ и утварь и все церковное строеніе рядовичь (=чей) посадскихъ людей» [2]) и т. д. Или: «на рядку крестьянъ тяглыхъ съ дворами столько-то; лавокъ столько-то; анбаровъ столько-то [3]); или: «рядокъ, а въ немъ всего 10 дворовъ, 10 обежъ» [4]). Очевидно, что рядокъ служилъ переходомъ къ городской общинѣ, равно какъ *острогъ* и *городище*, въ которыхъ, по описанію актовъ, были *башни рубленыя*, *храмы*, *житницы*, *башенныя ворота*, *съ избами и клѣтями, для осторожныхъ сторожей* [5]), и т. д.

Древніе русскіе *города*, происходя изъ сельской общины, путемъ слободъ и посадовъ, торговъ и рядковъ, остроговъ и т. д., и заключая въ себѣ разнообразные слои населенія, отъ бояръ до тяглыхъ людей, естественно, должны были

1) Прилож. 336, 337.
2) Тамъ же, 319.
3) Тамъ же, 275.
4) Тамъ же, 195.
5) Приложен. 168.

совмѣщать въ себѣ всѣ разнообразныя средоточія, по управленію, которыя нашли мы для другихъ, меньшихъ общинъ, и которыя были вызваны особенностію ихъ состава. Изъ описанія городовъ, помѣщеннаго въ изучаемыхъ актахъ, напр. *Ладоги, Яма* [1]), равно какъ изъ другихъ актовъ, видно, что въ городахъ были торги, ряды, гостинные дворы, для торговой промышленности; были храмы и приходскіе и соборные, для дѣлъ духовнаго управленія; были остроги, городища, дѣтинцы и кремли, для внутренняго управленія и внѣшней безопасности; и наконецъ были слободы и посады, для промысловъ ремесленныхъ и даже сельскихъ. Отсюда разнообразіе жителей города, къ которымъ принадлежали и люди тяглые, и люди торговые, и люди служилые, и правители, начиная съ властей духовныхъ до воеводъ и намѣстниковъ, и замыкаясь, въ стольныхъ городахъ, князем и государемъ.

Такъ русская старина, утвердивъ всѣ свои общины на земельномъ владѣніи, сообщила каждой изъ нихъ право управленія, и отличила одну общину отъ другой, *на основаніи предмета и размѣра этого управленія*,—*на основаніи общественнаго, политическаго значенія*. Всѣ наши древнія общины, какъ древніе дворы, имѣли общественное значеніе, хотя разумѣется, не равное, по различію вопросовъ и предѣловъ управленія, имъ предоставленнаго. И въ этомъ отношеніи мы должны обратить вниманіе еще на одно извѣстное, въ наше время, различіе между *сельскими* и *городскими* общинами, — различіе, которое для древности, по нашимъ актамъ, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) *Однѣ сельскія* общины, по причинѣ правъ крестьянскаго перехода, могли быть *пустошами*, въ—*пустѣ, пустыми*, въ особомъ юридическомъ значеніи. Такъ говорилось: *пустошь, что была* деревня, или: *селище*, такая же *пустошь*, *что было сельцо* или *село*, и вообще пустыя сельскія общины, тянувшія къ населеніямъ, къ жилымъ дворамъ, къ деревнямъ и селамъ [2]). Торги, рядки, города никогда не назывались пу-

[1]) Тамъ же, 41, 45.

[2]) См. приведенные акты, въ разныхъ мѣстахъ.

стошами, хотя случайно могли быть такъ же пустыми, разоренными непріятелемъ, или опустошенными моромъ. Объясненіе такого употребленія языка находимъ въ значеніи сельскаго промысла, который, по мысли древнихъ, имѣетъ основаніе не столько въ населеніи, весьма подвижномъ, сколько въ землѣ, неизмѣнной и постоянной, такъ что пустое сельцо и село, *вообще пустоши, не суть ничто*; онѣ входятъ въ счетъ, подлежатъ платежамъ, и именно сбору хлѣба, и носятъ свои изстаринныя названія. Тогда какъ напротивъ пустой рядокъ, покинутое, не населенное городище—*ничто*, завися, въ своемъ значеніи, исключительно отъ количества и свойства населенія.

2) *Однѣ сельскія* общины, состоявшія изъ дворовъ, уравненныхъ съ обжами, изъ участковъ земли и предмета владѣнія, *сами могли быть и бывали въ частномъ обладаніи*, соединялись въ *вотчинки боярщинки* и *волостки*, или въ суммы частнаго, монастырскаго, помѣщичьяго, княжескаго, царскаго владѣнія, и находились подъ вліяніемъ частнаго управленія. Городскія, даже посадскія и слободскія поселенія и общины, не вполнѣ зависѣвшія отъ земли, подлежавшей праву частнаго владѣнія, никогда не составляли въ Россіи собственности того или другаго лица, церкви или монастыря, князя или даже казны. Доказательство можно видѣть уже въ положеніи Судебниковъ, по которому никто не могъ быть холопомъ, *по городскому ключу*, тогда какъ по сельскому дѣлались холопами иногда и безъ докладной. Говорится, правда, о половинѣ, трети и четверти того и другаго города, напр. самой Москвы, уступаемыхъ государемъ тому или другому изъ его наслѣдниковъ; но, какъ извѣстно, въ особомъ смыслѣ, и въ значеніи уступки доходовъ за судъ и расправу, или пошлинъ за торговыя учрежденія, а не уступки самыхъ жителей. Посему города, въ это время, не входятъ даже въ составъ погостовъ, которые состоятъ, по актамъ, изъ однѣхъ сельскихъ общинъ; и выраженіе: *погощане* теперь означаетъ собственно крестьянъ, въ отличіе отъ посадскихъ, рядовичей, купцовъ, торговыхъ людей, преимущественно свободныхъ, городскихъ жителей. Города и другія аналогическія общины, подобно приходамъ, по самой идеѣ сво-

его соединенія, не могутъ составлять предмета для частнаго владѣнія, и причисляются прямо къ государству и его частямъ, къ пятинамъ, областямъ, княжествамъ, а наконецъ къ составу Московскаго царства.

3) *Однѣ сельскія* общины, завися, въ дѣлахъ хозяйственныхъ, отъ управленія своихъ владѣльцевъ, князей, монастырей, помѣщиковъ, въ то же время, по дѣламъ общественнаго управленія, входили сначала въ составъ волостей и становъ, а потомъ съ волостями и станами подчинялись вѣдомству городовъ, къ которымъ онѣ тянули судомъ и расправой, пошлинами и тамгою. Причемъ, какъ въ волостяхъ и станахъ, такъ и въ самыхъ городахъ, для суда, по важнѣйшимъ вопросамъ права, напр. по дѣламъ уголовнымъ, дѣйствовали общіе *излюбленные судьи*, каковы губные старосты, избранные отъ всего уѣзда и присуда, а въ другихъ случаяхъ на этихъ судахъ засѣдали выборные также отъ всѣхъ подсудныхъ, старосты, сотскіе и лучшіе люди, цѣловальники. Съ другой стороны, въ самыхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ встрѣчаемъ собственный судъ, посредствомъ ихъ излюбленныхъ судей, помимо намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ [1]); розрубы, или раскладку податей и повинностей, при посредствѣ своихъ выборныхъ окладчиковъ; равно какъ, въ сельскихъ общинахъ, замѣчаемъ несомнѣнные слѣды самостоятельнаго управленія, по внутреннему распорядку, да по дѣламъ хозяйственнымъ, хотя и не безъ вѣдома и не безъ согласія владѣльцевъ Таково извѣстіе о распоряженіи, въ одной волости, стараго сотскаго Василія Ворошилова, который, поговоря съ своею братьею, т. е. сельскими старшинами, да со всею *волостію Гороховскою*, уступаетъ одинъ участокъ земли извѣстному лицу; таково распоряженіе Константина Симонскаго, также старшины сельскаго, который, поговоря съ сотникомъ, да съ сусѣды, передаетъ участокъ общей земли во владѣніе постороннему [2]); таково упомянутое

[1]) Акты экспед. I, №№ 242, 243, 257; III, №№ 35, 36.

[2]) Бѣляева, о позем. владѣн. стр. 7. Его же «Обзоръ истор. развитія сельск. общинъ», Рус. Бесѣда, № 1, 1856.

выше распоряженіе всего міра относительно земли Тируна [1]). При такомъ устройствѣ сельскихъ общинъ, не удивительно, что города сохраняютъ и удерживаютъ за собою двоякое, даже троякое управленіе, и по собственнымъ дѣламъ — внутренняго устройства, по вопросамъ о повинностяхъ, податяхъ, безопасности и т. д., и по дѣламъ сельскихъ общинъ, которыя къ нимъ тянутъ судомъ и расправой, и по общественнымъ, государственнымъ вопросамъ, которые ввѣряются верховною властію намѣстникамъ, воеводамъ, судьямъ, казначеямъ и т. д.

4) *Однѣ сельскія* общины, ограниченныя въ своемъ управленіи, собственными, внутренними дѣлами, опредѣлялись, въ своей дѣятельности, чертою своихъ земель и своихъ владѣній. За эту черту не переходила ихъ дѣятельность, равно какъ за предѣлы поземельныхъ, частныхъ правъ рѣдко выступало ихъ вліяніе. Напротивъ, города видимо расширяютъ власть свою на окружающія ихъ деревни и села, съ ихъ починками, займищами, выставками и т. д. Земли этихъ поселеній, или сельскихъ общинъ уже собственно не принадлежатъ городу, и не о землѣ этихъ общинъ идетъ главное дѣло присуда; распоряженія хозяйственныя въ рукахъ деревень и селъ; вліянію города подлежатъ преимущественно дѣйствія лицъ, самыя лица населенія, само населеніе, почти во всѣхъ вопросахъ о правѣ и владѣніи, о спорахъ и тяжбахъ, равно какъ объ обидахъ, татьбѣ, разбоѣ. И потому мы въ правѣ сказать, что, если сельскія общины нельзя, въ это время, назвать общинами чисто *географическими;* то тѣмъ болѣе необходимо видѣть въ городахъ политическія, территоріальныя соединенія, и не только въ Новѣгородѣ, Псковѣ, но въ каждомъ городѣ, служившемъ средоточіемъ для *присуда* и *уѣзда*, въ ихъ древнемъ значеніи.

Деревни, сельца и села, какъ и дворы, въ древней Руси, не были только предметомъ управленія, и не существовали порознь, а, для своего управленія, соединялись въ волости и станы, которые для той же цѣли, смыкались, на извѣстномъ

[1]) Юрид. акты № 71.

пространствѣ, въ уѣзды и присуды. Волости и станы, какъ соединенія сельскихъ общинъ, имѣли, во главѣ, волостеля, посельскаго, или тіуна, и собственныхъ излюбленныхъ старшинъ, занимаясь, съ общаго согласія, раскладкою податей, поборовъ, повинностей, и особымъ внутреннимъ судомъ, даже уголовнымъ, что видно изъ сбора дикой виры. Присуды же и уѣзды были цѣлыя области, приписанныя судомъ и данью къ ихъ средоточному городу, который вмѣщалъ въ себѣ всѣ власти, управлявшія уѣздомъ. «Въ этотъ городъ — говоритъ г. Бѣляевъ — представлялись на рѣшеніе и утвержденіе всѣ уголовныя дѣла уѣзда, равно какъ въ немъ производился высшій судъ по другимъ дѣламъ; здѣсь велись книги всѣмъ землямъ и угодьямъ, и списки всѣмъ жителямъ уѣзда, для соображенія наряда на службу; сюда стекались всѣ сборы съ жителей уѣзда, и уже отсюда отправлялись въ Москву, въ казну государеву». «Эти раздѣленія образовались изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, въ Московскомъ государствѣ, и даже по уничтоженіи удѣловъ составляли самостоятельныя области, получившія впослѣдствіи воеводъ и намѣстниковъ изъ Москвы, но сохранившія свое внутреннее устройство» [1]), и т. д.

Раздѣляя мнѣніе г. Бѣляева, постараемся для себя точнѣе выразить значеніе упомянутыхъ соединеній. Очевидно, что древніе уѣзды не то, что современные уѣзды, — однородныя части однороднаго цѣлаго, подлежащія управленію извѣстныхъ лицъ въ томъ смыслѣ, что каждое изъ нихъ, въ своей мѣстности, приводитъ въ исполненіе общія, государственныя положенія, независимо отъ мѣстности. Древніе уѣзды и присуды могли быть весьма разнородны, хотя бы напр. по своему положенію въ области Новгорода, или въ землѣ Московскаго государства; но сходствовали въ томъ, что, имѣя воеводъ и намѣстниковъ, для своего управленія, они сами содѣйствовали, этому управленію посредствомъ соб-

[1]) И. Д. Бѣляева «О поземельномъ владѣніи», 42—48. См. также объ этомъ у Неволина, «Пятины», 112 и слѣд. Что уѣздъ въ земляхъ Московскихъ, то присудъ въ Новгородѣ, и повѣтъ въ областяхъ, гдѣ дѣйствовалъ Статутъ Литовскій.

ственныхъ властей, мѣстныхъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ г. Бѣляевъ, «древніе уѣзды, происходя изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, сохранили свое независимое, внутреннее устройство». И такъ уѣзды были тоже, что удѣлы, и тоже, что присуды Новгорода, не знавшаго раздѣленій на удѣлы; и, если не князья установили значеніе удѣловъ для тѣхъ или другихъ частей Россіи; то не имъ принадлежитъ и раздѣленіе на уѣзды, присуды, губы и другія аналогическія соединенія населенія. Раздѣленіе на удѣлы было дано жизнію того же народа, который, при сознаніи о своемъ единствѣ, слѣд., по закону единства, постоянно стремился къ образованію союзовъ и общинъ, то вервей изъ семействъ и родовъ, то областей и земель изъ вервей, то удѣловъ и княжествъ изъ областей и земель. Посему-то въ каждомъ княжествѣ было все, что находилось въ цѣломъ народѣ, и что было необходимо для каждаго удѣла: города и села, бояре и вои, житые люди и гости, посадскіе и слобожане, судъ и расправа, власти и управленіе. Такихъ областей, для образованія княжествъ, всегда доставало на все количество князей, происходившихъ изъ дома Рюрика; и такія области легко соединялись въ новое, высшее единство, при первомъ устраненіи отъ нихъ князей этого дома. Паденіе удѣльной системы было только паденіемъ удѣльныхъ князей, удѣльныхъ столовъ, или княжескихъ престоловъ, но не паденіе самой системы; она осталась въ формѣ областей, присудовъ, уѣздовъ, земли, народа, Руси, для образованія земщины и земскаго управленія, при посредствѣ всѣхъ составныхъ частей этой Руси, отъ села и города до двора и деревни, которыя были равно независимы и самостоятельны.

Для земскаго управленія, починки, выставки, деревни тянули къ сельцамъ и селамъ; для такого управленія эти кружки, въ свою очередь, входили въ составъ боярщинки, волостки, вотчины или прихода; для этого управленія сельскія общины тянули къ своему стану, а потомъ къ своему присуду, уѣзду, городу; для земскаго управленія, города̀, съ своими присудами, составляли пятины, области, пока эти средоточія не сомкнулись, для подобнаго управленія, въ одно громадное цѣлое — Московское государство, которое посему

представляетъ наблюдателю множество концентрическихъ круговъ, или системъ управленія, расположившихся болѣе или менѣе правильно вокругъ одного общаго средоточія, первопрестольной Москвы, какъ бы, по закону земскаго тяготѣнія. Впрочемъ, не одни эти географическіе слѣды замѣтны для наблюдателя; въ самомъ политическомъ построеніи, въ дѣлѣ всего общественнаго управленія, можно видѣть такъ же ясно слѣды постепенности. До позднѣйшихъ годовъ древней нашей исторіи, мы легко отличаемъ три степени, или формы управленія въ Руси. Отдѣльные крестьянскіе дворы, смыкаясь въ деревни, сельца, села, а потомъ съ ними въ вотчины, боярщинки, волостки, подлежали особенно управленію посельскихъ, волостелей, владѣльцевъ, и составляли преимущественно *область частнаго права;* соединенія дворовъ посадскихъ и городскихъ, для составленія городскихъ общинъ съ ихъ общественными дѣлами, равно какъ соединенія сельскихъ общинъ въ волости, а городскихъ съ сельскими въ присуды и уѣзды, образовали *управленіе общественное*, собственно *земское*, за которымъ наконецъ слѣдовала третья, высшая инстанція—*управленіе государственное.* И средняя изъ этихъ формъ была самою обширною, самою влiятельною, такъ что ею опредѣлялась область и частнаго права и государственнаго управленія болѣе или менѣе отлично отъ современнаго значенія этихъ понятій. Оканчивая вопросъ о видѣ и значеніи древнихъ общинъ, какъ органовъ земщины, или автономіи, скажемъ теперь о самомъ дѣйствіи этого земскаго управленія въ общественномъ бытѣ древности, хоть въ намекахъ и примѣрахъ.

Въ государственномъ устройствѣ, какъ мы видѣли, можно прослѣдить это дѣйствіе съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ. Даже послѣ монгольскаго ига, столько ослабившаго вліяніе земщины, нельзя не видѣть ея дѣятельности не только въ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ ихъ князьямъ; въ явленіи Земскихъ соборовъ[1]); въ способѣ составленія Судебниковъ, Стоглава, Соборнаго Уложенія; въ формѣ избирательныхъ на

[1]) Ст. К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ, 1856, IV; Отд. Критики, стр. 29 и слѣд.

царство грамотъ [1]); въ прямыхъ сношеніяхъ нѣкоторыхъ областей Россіи съ сосѣдними иноземными державами, или нашихъ Думныхъ бояръ съ польскими Панами Рады; равно какъ въ самой формулѣ: бояре приговорили: но во многихъ другихъ, болѣе частныхъ событіяхъ, разсказанныхъ напр. въ «Исторіи Россіи,» написанной, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ теоріи родоваго быта[2]). Напр. понадобилось, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, устроить вновь, или исправить сторожевую службу, въ одной украинной мѣстности. Дѣло было поручено Воротынскому, который прежде всего обратился къ Разряду съ требованіемъ, вызвать въ Москву сторожевыхъ головъ и вожей; и только тогда составилъ новый уставъ о сторожевой службѣ и представилъ Царю, когда поговорилъ и потолковалъ съ этими головами и вожами [3]).

Особенно замѣчательно вліяніе земщины въ дѣлѣ финансоваго управленія. Еще въ концѣ XVII в. дѣйствуетъ, по актамъ, форма государственнаго бюджета, вся проникнутая участіемъ земщины. Смѣты податей и сборовъ съ разныхъ лицъ разныхъ городовъ и уѣздовъ установлялись, и въ это время, «по Указу Царя, по приговору бояръ, при содѣйствіи гостей, за ихъ руками, и съ помѣтою Думнаго Дьяка». Послѣ чего онѣ разсылалисъ по городамъ и мѣстамъ для того, чтобы «въ срокахъ были всѣ обнадежны», и чтобы «положить тотъ окладъ на дворы, смотря по тягламъ и промысламъ, и сбирать тѣ деньги посадскимъ и уѣзднымъ людямъ самимъ, земскимъ старостамъ и выборнымъ лутчимъ людямъ, за вѣрою и за выборомъ всѣхъ людей, чтобъ полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости (не были), и никтобъ въ избыли не былъ.» Въ объясненіе вліянія гостей на составленіе такихъ смѣтъ, разскажемъ напередъ, какъ иногда встрѣчали эти гости указы царя съ

[1]) Др. Рос. Вивліоѳ. VII, гдѣ опредѣляется, измѣнниковъ подвергать проклятію и «*противъ нихъ всею землею стояти за одинъ*,» стр. 91.

[2]) С. Соловьева, Исторія Россіи, особ. Томъ VII и частію VIII, гдѣ говорится напр. объ избраніи Годунова, при содѣйствіи Патріарха, но *сошедшись соборомъ* всей земли, какъ было на дѣлѣ.

[3]) Ср. такъ же мою ст. въ «Молвѣ» 1857 г., № 15—17 Акты, относящіеся до юрид. быта древн. Россіи, и пр.

боярскимъ приговоромъ. Выслушавъ однажды такой указъ, предписывавшій имъ, въ январѣ мѣсяцѣ, выбрать по разнымъ городамъ Россіи, головъ къ таможеннымъ и кружечнымъ дворамъ и дѣламъ; гости сказали: что «имъ въ назначенные города головъ выбрать немочно.» «Они не знаютъ всѣхъ лутчихъ людей, которые одни могутъ быть выбираемы; да и потому, что посадскіе люди, обыкновенно, кончаютъ свои выборы къ 1 сентябрю, къ Семену дню, и, выбравъ, разъѣжаются по Россіи, для торговыхъ промысловъ, такъ что, если бы даже гости знали всѣхъ лутчихъ людей городовъ, и тогда бы ихъ выборы были не состоятельны, по возможному отсутствію избранныхъ. Сверхъ того выбранные самими посадскими, уже сдѣлали запасы, которыхъ новые головы не примутъ по настоящей цѣнѣ» и т. д. На что и правительство согласилось. Припомнимъ такъ же извѣстную сказку Данилы Строганова съ братьями, и гостинной и другихъ сотенъ торговыхъ людей, о томъ, чтобы всѣ мелкіе поборы замѣнить рублевою пошлиною, издать о томъ указъ и обнародовать новую таможенную грамоту, долженствующую во всѣхъ таможенныхъ избахъ лежать «безкровно» т. е. открытою для каждаго. Что Государь и повелѣлъ исполнить[1]). И такъ очевидно, что гости не были только исполнительными орудіями. И вотъ почему особенно замѣчателенъ актъ смѣты 1681 г., содержаніе котораго мы начали излагать. Гости получили порученіе, разсмотрѣть смѣту на этотъ годъ, и, такъ какъ поступило много жалобъ на тягость податей, установить облегченія, разумѣется, безъ ущерба государственнымъ нуждамъ. Гости потребовали и получили смѣты сборовъ съ городовъ и мѣстъ, подлежавшихъ окладу, и статьи расходовъ, которыя предполагалось покрыть этими сборами. Сдѣлавъ справку, гости нашли, что сбору подлежало 126 городовъ и мѣстъ, со 102,204 дворами, платившими прежде 152,657 руб. съ алтынами, тогда, какъ изъ этой суммы предполагалось издержать только 107,227 р. Должно было уменьшить сборы съ городовъ, соразмѣрно прежнимъ ихъ платежамъ, количеству населенія, свойству

[1]) Акты Эксп. IV, №№ 246 и 64.

другихъ повинностей и т. д. Гости исполнили дѣло, обложили каждый изо 126 городовъ новымъ окладомъ, и получили въ суммѣ 107,559 р., и «по гостинному окладу, сказано въ актѣ, противъ расхода будетъ въ лишкѣ 323 р. 6 алт. и 1/12 деньги» [1]). Любопытно при этомъ извѣстіе о населенности городовъ времени. Вятка имѣла 12,377 дворовъ, обложенныхъ каждый по 1 руб. 3 алт. и 2 д.; Устюгъ В. 10,450, по 1 р.; Вага, 9,053, по 1 р.; и т. д. до г. Черни, въ 6 дворовъ, и въ 6 р. Самые населенные города были самые отдаленные отъ общаго центра, потому ли что они сами составляли средоточія, жившія на счетъ ближайшей окружности, или потому, что общій центръ выносилъ на себѣ всѣ политическія невзгоды, которыя были подъ силу не всякому городу. Не даромъ и городамъ достается историческая извѣстность.

Въ подобныхъ актахъ смѣтъ и окладовъ установляется только общее правило относительно мірскихъ розрубовъ, «чтобы они совершались уѣздными людьми самими,» и т. д.; но есть другіе акты, напр. уставныя грамоты, въ которыхъ эта внутренняя раскладка представляется въ подробностяхъ живаго дѣла. Такова уставная грамота отъ 30 сентября 1564, данная Соловецкимъ монастыремъ т. е. игуменомъ, который поговорилъ о томъ съ братіею, одной изъ его волостей [2]), и основанная на слѣдующихъ положеніяхъ: въ каждой общинѣ, избирали окладчиковъ, въ равномъ числѣ, отъ каждой статьи населенія, а именно по двое изъ лучшихъ, среднихъ, молодшихъ людей, и изъ козаковъ, или работниковъ, во исполненіе общаго правила, чтобы «богатымъ во льготѣ, а бѣднѣйшимъ въ тягости не быть.» Эти восемь человѣкъ избранныхъ окладчиковъ должны были разверстывать подати подворно, по количеству ли обежъ, или по промысламъ, но во всякомъ случаѣ, «въ Божію правду, другу не дружа и посуловъ не принимая.» Обложенные такимъ образомъ жители не могли уже и не должны были уклоняться отъ платежа, подъ опасеніемъ подвергнуться дѣйствію тіуновъ и

[1]) Акты Эксп. IV, № 250, оклад. 1681.

[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 268.

доводчиковъ, которые «доправляли безсрочно.» — Здѣсь же описанъ способъ храненія общественныхъ денегъ, который указываетъ такъ же на вліяніе мірскаго начала въ Россіи того времени. Въ актѣ предписывается 1) хранить эти деньги у человѣка добраго, разумѣется, къ тому избраннаго, который бы ими не промышлялъ, а сохранялъ готовыми, и 2) содержать деньги подъ тремя печатьми,—тіуна, священника и волости. Порядокъ, рѣдкій для тогдашней Европы, т. е. для XVI столѣтія!

Вліяніе земскаго элемента на судъ и расправу не можетъ подлежать сомнѣнію, послѣ знакомства съ древнею вервію и областію, и послѣ актовъ общиннаго суда, изданныхъ Профессоромъ Иванишевымъ, въ его превосходной статьѣ: «о древне-сельскихъ общинахъ» [1]). И различіе во взглядахъ состоитъ лишь въ томъ, что одни замѣчаютъ это вліяніе со временъ древнѣйшихъ, а другіе хотятъ указать для этого вліянія случайное происхожденіе, въ распоряженіяхъ Царя Ивана Васильевича. Не вдаваясь тотчасъ въ полемику, приготовимъ для нея основаніе, присоединивъ къ сказанному доселѣ объ общинѣ, земщинѣ и ихъ вліяніи на бытъ Руси, событіе историческое, безспорное, и, въ нашемъ вопросѣ, весьма важное. Кому не извѣстно постоянное вліяніе церкви на все общественное устройство древней Россіи; и кому не извѣстна особенность устройства нашей церкви, исключавшей всякое господство личнаго начала, и требовавшей для своихъ дѣлъ устройства и управленія соборнаго? По Стоглавому Собору можно судить о томъ, что было до XVI, равно какъ о томъ, что слѣдовало послѣ XVI вѣка, въ дѣлѣ церковнаго устройства. Изъ частныхъ, мѣстныхъ распоряженій упомянемъ о Московскомъ соборѣ, при Патріархѣ Іовѣ, положившемъ, во исполненіе закона Стоглава, избрать на Москвѣ, какъ это дѣлалось и по другимъ городамъ, 8 старостъ изъ священниковъ, съ 4 десятскими изъ діаконовъ, при каждомъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ староста съ его десятскими имѣлъ надзоръ за каждыми 40 священниками города, и т. д. [2]). Здѣсь

[1]) «Русская Бесѣда», III, 1857.
[2]) Исторія Россіи, VII, 411.

же можемъ упомянуть о соборномъ опредѣленіи XVII ст., по которому церковь, дѣйствовавшая на основаніи соборныхъ положеній, а не личныхъ самомышленій, поэтому устраняетъ изъ обрядовъ все, что имѣло видъ зрѣлища, мистерій и т. п. Мы говоримъ объ актѣ 1678 [1]), по которому «обрядъ шествія на осляти» могъ быть совершаемъ только въ Москвѣ, только Патріархомъ, и т. д. Прибавимъ, что только соборнѣ могли составляться такіе наказы, какой полученъ первымъ епископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ Гуріемъ, и по которому онъ долженъ былъ распространять христіанство *только солею*, а не силою, говоря съ невѣрными *только кротко, а не жестоко* и т. д. [2]). Изъ подобныхъ явленій церковнаго устройства можемъ выводить постоянное содѣйствіе церкви, въ области государства, только въ пользу земскаго, общиннаго, выборнаго начала. А потому вліяніе земскаго элемента на судъ и расправу мы, естественно, относимъ такъ же къ явленіямъ постояннымъ.

Авторъ Исторіи Россіи, по его началамъ, долженъ защищать противоположное мнѣніе, и онъ говоритъ о случайности происхожденія земскаго элемента, въ судѣ, повторяя, по Никоновской Лѣтописи, разсказъ о томъ, какъ Царь повелѣлъ быть на судѣ и сидѣть при судѣ волостелей старостамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ отъ подсудимыхъ[3]). Но тотъ же авторъ говоритъ далѣе, что еще въ малолѣтство Іоанна IV жители городовъ и селъ получили право избирать, изъ среды себя, для производства слѣдствій, пытокъ и суда, выборныхъ головъ, губныхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ [4]). Не забудемъ, съ своей стороны, что право земщины и даже обязанность быть на судѣ узаконяется Судною Новгородскою грамотою, отъ 1471, предписывающею «сажати въ суду по два человѣка; а кто кого посадитъ, тотъ съ тѣмъ и вѣдается» [5]). Не забудемъ, что это

[1]) Акты Арх. Эксп. IV, № 223.

[2]) „Исторія Россіи" VII, 81—85.

[3]) Тамъ же VII, стр. 14, 15.

[4]) Стр 37, 39.

[5]) Акт. Эксп. I, № 92.

право и эта обязанность узаконяются Первымъ Судебникомъ, въ словахъ: «безъ дворскаго, безъ старостъ и лучшихъ людей, цѣловольниковъ, суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити [1]).» Не ужели и монастыри и духовныя власти дѣйствуютъ случайно, только по мысли Іоанна IV, предписывая своимъ «сельскимъ прикащикамъ творить судъ надъ крестьянами, въ присутствіи священника и выборныхъ отъ крестьянъ 5 или 6 человѣкъ [2])?» Не ужели судъ надъ тѣмъ помѣщикомъ, который жаловался на скудость помѣстья, и невозможность нести съ него назначенную службу, — судъ, долженствовавшій указать причину оскудѣнія, отъ небрежности ли помѣщика, или отъ другихъ обстоятельствъ, и поручавшійся приговору окружныхъ жителей и крестьянъ, былъ случаемъ исключительнымъ [3])? Неужели повальный обыскъ, доставшійся въ наслѣдство современному поколѣнію отъ древнѣйшихъ предковъ, и выражающій собою земское общественное мнѣніе объ юридическомъ дѣлѣ, введенъ въ законъ, въ обычай и жизнь произвольнымъ распоряженіемъ? Нѣкоторые писатели признаютъ обыскъ остаткомъ судной власти, нѣкогда принадлежавшей общинѣ [4]); но въ сущности, обыскъ былъ всегда приговоромъ земщины по вопросу, виновенъ или невиненъ подсудимый. Это—наше древне-русское жюри, нашъ древній русскій судъ присяжныхъ, послѣ приговора котораго оставалось подвести событіе подъ статью закона и привести рѣшеніе во исполненіе. Не ужели и наше древнее *домовое право*, освященное Уложеніемъ [5]), было установленіемъ случайнымъ временъ Ивана Грознаго? По Соборному Уложенію, домовое право сообщало даже отвѣтчику, требуемому къ суду особымъ приставомъ, *почитать свой домъ своимъ царствомъ*, по знаменательной поговоркѣ англійскаго народа, куда дѣйствительно приставъ не имѣлъ права проникать, а, для ис-

[1]) Ист. Ак. I, № 105.

[2]) Солов. VII, 117.

[3]) Стр. 17, ibid.

[4]) „Развитіе понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ, въ Россіи; разсужден. Г. Богдановскаго, Москва, 1857. стр. 109.

[5]) Улож. гл. X, стат. 138, 139.

полненія своей обязанности, долженъ былъ выжидать время, когда отвѣтчикъ выходилъ за ворота дома. Если бы, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, отвѣтчикъ отбился отъ пристава, тогда, по донесеніи о томъ суду, къ отвѣтчику вновь посылали подъячего добраго и пристава, которые, не доходя до дома отвѣтчика, брали съ собою понятыхъ, и уже входили *во дворъ*, но не далѣе,—объявить отвѣтчику, что онъ *не гораздо сдѣлалъ, отбившись силою* и т. п. Не вѣроятно, что бы произволъ и случайность могли породить столько добра и выказать столько яснаго пониманія дѣла. Нѣтъ; и, для полнаго убѣжденія въ дѣятельности земщины, въ древней Руси, намъ остается познакомиться съ явленіями земщины въ сферѣ Общественнаго Права, въ періодъ, послѣдовавшій за Русскою Правдою до начала XVIII столѣтія.

Сферу каждаго права образуетъ свобода, которой законъ сообщаетъ свои опредѣленія и значеніе права; посему мы обозначаемъ всякій вопросъ въ системѣ древняго общественнаго законодательства словомъ: право.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО II-го ПЕРІОДА.

ОТДѢЛЪ I.

Исторія установительныхъ законовъ.

I. *Семья. Право на бытіе, въ семьѣ, общинѣ, государствѣ, или вопросъ о народонаселеніи.* Вмѣстѣ съ другими явленіями общественной жизни, въ Русской Правдѣ, получила юридическое значеніе русская семья, съ ея отношеніями и правами мужа и жены, родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ; а съ семьею, это значеніе получило ея непосредственное слѣдствіе — народонаселеніе, которое посему стало опираться, въ рус. обычаѣ и законѣ, на началѣ права. Древняя русская семья никогда не была учрежденіемъ политическимъ, какъ напр. въ Спартѣ, гдѣ семейство не было признано, и гдѣ родители и дѣти считались равно гражданами, подлежавшими распоряженіямъ государства и его политики. Древняя русская семья основана на естесвенномъ законѣ личнаго союза, въ которомъ дѣйствуютъ и обезпечиваются взаимныя права и обязанности членовъ, и въ которомъ одни изъ нихъ имѣютъ право на помощь другихъ, дѣти — на помощь родителей, родители—на помощь дѣтей. Когда эта семья вступила въ общину, а съ общиною въ государство, эти взаимныя права были только признаны обществомъ и освящены закономъ, такъ что послѣ того члены семьи имѣли только обязанность хранить и защищать другъ—друга, и никогда не имѣли права уничтожать себя взаимно, по праву ли убивать малолѣтныхъ дѣтей, или по праву умерщвлять престарѣлыхъ родителей. Мацѣевскій служитъ, въ этомъ случаѣ, авторитетомъ для подтвержденія мысли, что право такого убійства, въ какой бы то ни было формѣ, не существовало ни въ одной землѣ славянской [1]),

[1]) Въ его «Slavische Rechtsgeschichte, I, 183.

хотя извѣстно, что оно господствовало въ сосѣдней землѣ варяжской, на Скандинавскомъ полуостровѣ [1]). Такъ упрочивалось для каждаго члена каждой семьи и всѣхъ семействъ, въ Россіи, право на бытіе или существованіе; откуда, естественно, выходилъ общественный вопросъ о населеніи.

Выводя вопросъ о народонаселеніи изъ права семейнаго, мы даемъ населенію особое положеніе, самостоятельное, независимое отъ политическихъ соображеній, дѣйствовавшихъ у народовъ древнихъ и новыхъ, не славянской крови. Какъ древніе, такъ и новые народы Запада начинали вопросъ о населеніи, сверху, съ его отношенія къ политикѣ и общественному благу, помимо семейнаго права, съ нарушеніемъ всякаго права, узаконяя или насильственныя мѣры для его сокращенія, или не вполнѣ нравственныя средства къ его умноженію. Если «божественный Платонъ» требуетъ для своей республики населенія только въ 5040 человѣкъ, то этимъ явно оправдываетъ власть государства уничтожать такъ или иначе всякій излишекъ; и если Августъ и Людовикъ XIV обѣщаютъ льготы и денежныя награды за многочадіе, то этимъ они прямо узаконяютъ союзъ расчета, и расчета рисковаго въ святомъ дѣлѣ брака. Ни тотъ, ни другой взглядъ не имѣлъ мѣста въ вопросѣ о населеніи, въ Россіи. Со временъ христіанства, семейство, съ правами его членовъ, переходитъ, по закону и подъ его покровительствомъ, въ вѣдомство церкви, которая старалась содѣлать семью союзомъ моральнымъ, законнымъ, сообразнымъ съ правомъ. Это совпадало съ требованіемъ общины, разсматривавшей населеніе страны, массою силъ, производившихъ все въ общинѣ и народѣ, богатство, благосостояніе, защиту и обезпеченіе. Отсюда общее воззрѣніе каждаго лица и всѣхъ лицъ въ народѣ на умноженіе семьи, какъ на благодатное событіе, принимавшееся съ благодарностію, и, конечно, безъ всякаго страха, въ противность новой западной теоріи, которая объявляетъ чѣмъ-то въ родѣ пугала бракъ и семейство для лицъ недостаточныхъ, какъ будто недостаточность

[1]) Ѳ. Буслаевъ, въ статьѣ «о древне-сѣверн. жизни,» Рус. Вѣст. 1857, № 4, Соврем. Лѣт., стр. 263.

однихъ и достаточность другихъ можетъ быть вѣчною, неизмѣнною ихъ судьбою, и какъ будто эти лица живутъ въ Божіемъ міру однѣ, объособлено, безъ связи съ этимъ міромъ. Расширеніе населенія и его постоянное возрастаніе есть законъ природы, заповѣдь Божества, и можетъ почитаться явленіемъ опаснымъ только при взглядѣ на народъ, какъ на количество, безъ вниманія къ его качеству, или какъ на аггрегатъ объособленныхъ и потому безпомощныхъ личностей. Но, въ дѣйствительности, лица существуютъ въ семействахъ, съ семействами, въ общинахъ и сословіяхъ, въ средѣ которыхъ входятъ въ государства, чтобы, съ перваго момента бытія, найти средства существованія въ помощи семьи, общины, сословія, государства. По мѣрѣ умноженія членовъ, семья усиливаетъ свою энергію, община увеличиваетъ свои средства, государство возрастаетъ матеріально и морально. Возрастаніе населенія, само по себѣ, служитъ залогомъ человѣческаго прогресса. Но умноженіе должно происходить естественнымъ, законнымъ путемъ, безъ искусственныхъ мѣръ, безъ насильственныхъ распоряженій, которыхъ дальнѣйшія послѣдствія трудно предвидѣть, тѣмъ менѣе отвратить, потому что главное, необходимое, непосредственное слѣдствіе такихъ мѣръ и распоряженій должно состоять въ извращеніи понятій о моральномъ значеніи брака и семейства. И русское населеніе размножалось подъ вліяніемъ только естественныхъ и семейныхъ законовъ.

Размноженіе народа, въ древней Россіи, происходило не слишкомъ быстро, и по причинѣ частыхъ войнъ, и по причинѣ вредныхъ для него вліяній природы, и по многимъ другимъ причинамъ; но за то народъ размножался самъ собою, изъ себя, однимъ нарожденіемъ, сохраняя чистоту своей породы и строгость семейныхъ установленій. Для указанія, хотя примѣрнаго, хотя гадательнаго развитія населенія, въ Руси, мы имѣемъ одинъ любопытный законъ и фактъ нашей исторіи. Мы знаемъ, что владѣтельный домъ Рюрика до христіанства представляется почти исключительно единичными лицами, Рюрикомъ, Игоремъ, Святославомъ, Владиміромъ, и что тотъ же владѣтельный домъ Рюрика, съ христіанства, начинаетъ умножаться и возрастать, да такъ,

что, къ концу XIII столѣтія, по изложенію Погодина, онъ упятерился, содѣлался въ пять разъ многочисленнѣе противъ своего состава въ началѣ XI вѣка [1]. Не безъ основанія можемъ присоединить, что, въ это время, не много было различія въ бытѣ князей, бояръ, гостей, купцевъ и вообще классовъ народа и всего народа, и что по этому можно допустить тотъ же законъ и фактъ для размноженія всякой семьи и всѣхъ семействъ, или вообще населенія въ Руси. И, если бы мы нашли число русскаго населенія въ эпоху Ярослава, въ началѣ XI ст., то могли бы, безъ большаго грѣха противъ исторической истины, опредѣлить населеніе Руси для конца XIII, помножая первое число на 5, и получая напр. изъ 1,500,000, о которыхъ говорили мы при разсмотрѣніи Р. Правды, 7,000,000. Мы упоминаемъ объ этомъ числѣ пока только примѣрно, только для большей ощутительности понятія о древнемъ населеніи; но мы имѣемъ документы, которые не дѣлаютъ невѣроятнымъ 7,000,000, по соображеніямъ какъ времени, о которомъ пишемъ, такъ и событій послѣдующей эпохи, относительно числа населенія. Разсмотримъ документы.

Сюда принадлежатъ сначала два устава о десятинѣ въ пользу духовныхъ властей, данные—одинъ В. К. Святославомъ Ольговичемъ, 1137 г. [2], Новгородскому, а другой В. К. Ростиславомъ Мстиславичемъ, 1150 [3], Смоленскому владыкѣ. Уставъ Святослава имѣетъ своимъ предметомъ Обонѣжье, Обонѣжскую пятину, самую сѣверную часть новгородской земли, упиравшуюся въ *Студеное море*, какъ значится на картѣ Пятинъ у Неволина [4]. Тутъ вычисляются погосты, носящіе самыя древнія названія, Волдутова, Тудорова, въ Тервиничахъ, у Вьюницѣ, и т. д. Количество слѣдовавшей съ погоста дани и т. п. выражено въ *сорокàхъ* или *сорочкàхъ*, т. е. за платежную единицу принято сорокъ кунъ, и, по вычисленію, даетъ одной десятины до 250 гривенъ кунъ, а

1) Изслѣд, Замѣч. IV, 338, 339.

2) Рус. Достом. I, 82 и слѣд.

3) Допол. къ Истор. Акт. I, № 4.

4) Неволина о Пятинахъ, въ концѣ книги.

княжескаго дохода до 2500 этихъ гривенъ [1]), составляющихъ, на нашъ счетъ, болѣе 3000 руб., а на современную стоимость денегъ, до 30,000 р. с. Громадная сумма, доказывающая присутствіе въ Обонѣжьѣ значительнаго населенія, съ извѣстнымъ развитіемъ промысловъ. По уставу Ростислава Мстиславича, вычисленные въ немъ погосты даютъ десятины также до 300 гр., а всего доходу до 3000, слѣд. болѣе 30,000 на стоимость серебра, въ наше время, и уполномочиваютъ насъ сдѣлать заключеніе въ пользу населенности и богатства этого края. Принимая при этомъ замѣчаніе Погодина [2]), что другія княжества, вѣроятно, были богаче Смоленскаго, прибавимъ, что въ актѣ вычислены не всѣ погосты даже этого менѣе другихъ богатаго княжества, и заключимъ, что Россія XII в., какъ и Россія IX стол. [3]), не была пустыней непроходимой и малонаселенной, даже въ самыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ своихъ пространствахъ. Слѣд. 7,000,000 для населенія Россіи въ XIII в. есть число возможное, не невѣроятное.

Впослѣдствіи времени, народонаселеніе Руси только умножалось; и, даже подъ владычествомъ Монголовъ, оно не могло слишкомъ уменьшаться. Заключеніе къ общему отъ судьбы частныхъ семействъ возможно только для опредѣленія возрастанія, и никогда не имѣетъ значенія, при вопросѣ объ уменьшеніи всего населенія. Таковъ охранительный законъ природы, что только добро и счастіе отдѣльныхъ лицъ и семействъ имѣютъ прямое вліяніе на бытъ народа, и никогда въ той же мѣрѣ зло ихъ и несчастіе, которыя напротивъ сами ограничиваются и уменьшаются воздѣйствіемъ общей, народной жизни. Соображая разнообразныя цыфры, встрѣчающіяся въ актахъ, послужившихъ основаніемъ для сочиненія Неволина о Пятинахъ, мы находимъ въ нихъ подтвержденіе для нашихъ положеній. Такъ напр. Новгородская земля заключала въ себѣ пять частей, или Пятинъ, Вотскую, Шелонскую, Обонѣж-

[1]) Карамз. Исторія, II, примѣч. 268. Погодина Изслѣд. VII, 21.

[2]) Изслѣд. Замѣч. VII, 12.

[3]) О владѣніяхъ Новагорода до прихода Варяговъ, Изсл. V, 351 и сл.

скую, Деревскую и Бѣжецкую, изъ которыхъ каждая имѣла болѣе 60 погостовъ, иная болѣе 90, а всѣ вмѣстѣ 362 погоста. Основываясь на цыфрахъ Переписной Окладной книги, изданной 1851 г. подъ редакціею Г. Бѣляева, одинъ Городенскій погостъ Вотской Пятины, въ XV и XVI в. заключалъ въ себѣ болѣе 150 деревень, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли одинъ дворъ, но иныя 17 дворовъ, а среднимъ числомъ до 7 или 8. Это даетъ для Городенскаго погоста болѣе 1000 дворовъ, или болѣе 3000 населенія, не считая тутъ ни духовенства, ни городскихъ жителей. Есть погосты, населенные гораздо меньше Городенскаго; но все же 362 погоста, помноженные, хоть на 2000, на $^2/_3$ населенія, найденнаго для Городенскаго, дадутъ для Новгородской земли болѣе милліона, а, по наведенію, для всей Россіи, болѣе десяти милліоновъ жителей, въ XV и XVI стол. И такъ 7,000.000 народонаселенія, въ Россіи XIII в., становится правдоподобнымъ.

Третьимъ документомъ, касающимся до нашего вопроса, называемъ Соборное Уложеніе и современное ему Кошихинское описаніе Россіи [1]). Искони вѣковъ, Россія собирала съ жителей по нѣскольку денежекъ, для составленія народнаго капитала, которымъ русскіе, попадавшіе въ плѣнъ, выкупались изъ него и возвращались своей свободѣ. Раскладывался этотъ сборъ, по VIII гл. Уложенія, такъ, что посадскіе, ямщики, жилецкіе всякіе люди, патріаршіе и монастырскіе крестьяне, какъ лица самыя льготныя, болѣе богатыя, и немалочисленныя, платили съ двора по 8 денегъ; напротивъ крестьяне государевы и помѣщичьи, не менѣе значительные числомъ, хотя слабѣйшіе средствами, платили съ двора по 4 д.; а служилые, пушкари, стрѣльцы, козаки, вообще самый небольшой классъ людей Московскаго государства, должны были платить съ двора по 2 деньги. Ясно, что, не обращая большаго вниманія на платежъ послѣдняго класса, можно принять число 6 среднимъ числомъ денежекъ, слѣдовавшихъ съ двора, на искупленіе плѣнныхъ. Кошихинъ говоритъ, что этихъ денегъ собиралось въ годъ до 150,000 р.; слѣд. 30,000,000 денежекъ, сходившихся отъ 5,000,000

[1]) Стр. 69 описанія.

дворовъ, или отъ 15 милліоновъ населенія, не считая опять ни класса духовныхъ, ни лицъ привиллегированныхъ, или платившихъ по особому расчету[1]). Отсюда объясняются какъ упомянутыя выше, гадательныя цыфры, такъ и послѣдующія документальныя числа, полученныя ревизіею Петра В., которая дала для одного мужескаго пола однихъ подлежавшихъ ревизіи до 6,000,000, а съ прибавленіемъ пола женскаго и остальныхъ обитателей около 20,000,000 [2]).

Впрочемъ, какъ бы ни были приняты наши соображенія о количествѣ населенія, въ древней Россіи, правило остается вѣрнымъ, что населеніе не подчинялось постороннимъ, внѣшнимъ вліяніямъ, и что само правительство держалось даннаго жизнію правила и народнаго взгляда, въ своихъ финансовыхъ и политическихъ мѣрахъ, относительно умноженія населенія и познанія его числа. На умноженіе населенія дѣйствовали преимущественно законы о бракѣ, и возрастаніе населенія зависѣло отъ этихъ законовъ почти исключительно. Строгость брачныхъ установленій доказана, а результатъ ея очевиденъ, состоя въ прямомъ отношеніи числа населенія къ строгости брака. Другимъ средствомъ къ умноженію населенія должно признать нерасположеніе народа оставлять свое отечество, за немногими, временными исключеніями, каковы паломничество, или путешествія ко св. мѣстамъ, да предпріятія торговыя. Я говорю: нерасположеніе, потому что право выхода существовало даже по закону Уложенія, даже подъ угрозою пени съ той власти, которая, безъ основательной, государственной причины, рѣшилась бы затруднить выѣздъ за рубежъ [3]). Третьимъ средствомъ, столько же народнымъ, къ умноженію населенія, должно назвать свободное допущеніе иноземцевъ, въ Русь, со временъ отдаленнѣйшихъ. Гостепріимство Русскихъ приняло, въ народѣ, характеръ допущенія въ Русь различныхъ иноземцевъ. Нельзя не согласиться съ Погодинымъ въ томъ, что, съ древнѣй-

[1]) Въ Акт., относящ. до юридич. быта Древн. Россіи, Калачова, Спб. 1857, I, № 18 говоритъ о сборѣ «по полуполтинѣ съ двора.»
[2]) Бергмана Исторія Петра В., VI, 97.
[3]) Гл. VI.

шихъ временъ, Кіевъ служилъ средоточіемъ для византійской торговли, а Новгородъ—для ганзейской, и по этому-то долго мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ купцевъ латинскихъ, нѣмецкихъ и *всякаго языка*, а въ Новгородѣ — варяжскихъ, заморскихъ и т. п. [1]). Понятно, что до XII и XIII столѣт. много иноземцевъ могло присоединяться къ русскому населенію, какъ и въ послѣдствіи времени, когда Греки, Татары и Литовцы переселялись къ намъ иногда въ значительномъ числѣ. Но напрасно станемъ искать въ древности слѣдовъ правительственныхъ мѣръ къ умноженію населенія, если не причислить сюда поселенія плѣнныхъ, весьма впрочемъ рѣдкаго [2]), и вызова иноземцевъ, ограниченнаго различными условіями. Остановимся на послѣднемъ.

Случаи вызова засвидѣтельствованы всѣми актами, особенно *Памятниками дипломатическихъ сношеній*, съ конца XV в., когда правительство отовсюду приглашаетъ въ Россію мастеровъ и ученыхъ людей, и когда оно начинаетъ жаловаться на Польшу, Орденъ и Швецію, затруднявшія иноземцамъ входъ въ Россію. Изъ одной статьи Кардисскаго мира видно, что Швеція только во второй половинѣ XVII вѣка подчинилась обязанности, давать свободный пропускъ всѣмъ иноземнымъ, промышленнымъ и ученымъ людямъ, желавшимъ ѣхать въ Россію чрезъ Ливонію [3]). Но эти вызовы постоянно ограничивались извѣстными, строгими условіями выбора, напр. постояннымъ исключеніемъ жидовъ изъ общаго права входа въ Россію, со временъ жидовской ереси, чрезъ все XVII столѣтіе, какъ видно изъ трактатовъ эпохи, хоть бы изъ XVIII стат. Моск. трактата съ Польшею, 1686 [4]), до Екатерины II, и до нашего времени. Кромѣ того вызовы ограничивались требованіемъ въ Россію однихъ *гораздыхъ*, слѣд. опредѣленныхъ личностей, извѣстностей своего рода. Такъ вызванъ былъ Аристотель Фіоравенти, для построенія Успенск. Собора; такъ вызываемъ былъ докторъ, навычный

[1]) Изслѣд. VII, 301, 306, 308, 310, 311.

[2]) Напр. поселеніе плѣнныхъ при Ярославѣ, по р. Рси, Лавр. 65.

[3]) П. С. З., № 301.

[4]) П. С. З. 1186.

всякому докторству, при посредствѣ Бекмана [1]). Достойнѣйшіе иноземцы получали жалованье, льготы и особыя права; за то подозрѣваемые, по какимъ либо причинамъ, были отправляемы во-свояси. Такъ Англичане должны были, при Алексѣѣ Михайловичѣ, оставить Москву или Россію, по поводу извѣстнаго событія, случившагося, въ то время, въ ихъ отечествѣ. Такъ Греки, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, 1674 г., августа 24-го [2]), получили повелѣніе не входить внутрь Россіи далѣе Путивля, потому, говоритъ актъ, что прежнія права даны были только особамъ, приходившимъ въ Россію, по дѣламъ духовнымъ, напр. съ мощами святыхъ и чудотворными иконами, или Грекамъ пріѣзжавшимъ для прямой торговли, съ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями, а теперь ѣдутъ въ Россію *самые молодчіе люди*, и не для прямаго торгу, привозя съ собою табакъ, да воровскія составныя письма,» и т. п.

И такъ вызовъ касался только достойныхъ иноземцевъ, которымъ однимъ давали: 1) жалованье, 2) льготы, и 3) особыя права. Жалованье, конечно, было весьма разнообразно, и напр. Аристотель Фіоравенти, строившій Успенскій соборъ, лившій пушки и чеканившій монету, получалъ по 10, или на нашъ счетъ, по 50 р. въ мѣсяцъ, а на наши теперешнія деньги, около 6000 руб. въ годъ [3]); напротивъ какой нибудь часовщикъ Анцко Кезель всего 40 р., а на наши деньги до 200 [4]), впрочемъ съ разными прибавленіями.—Льготами можно назвать, для иныхъ, безпошлинную торговлю, на нѣсколько лѣтъ,—для другихъ, право покупать домы, въ Москвѣ и другихъ городахъ [5]), равно какъ привиллегированный судъ въ иноземномъ или посольскомъ приказѣ, за исключеніемъ дѣлъ разбойныхъ и, вѣроятно, душегубства и т. п. [6]). Что этотъ судъ былъ привиллегіею, можно видѣть изъ того, что наши послы, разумѣется, по началу взаимности, требовали отъ шведскаго

[1]) Ист. Акты II, № 34.

[2]) Акты Эксп. IV, № 214.

[3]) Исторія Россіи, V, 242.

[4]) Акты Истор. III, № 242.

[5]) Акты Эксп. III, № 17, акт. отъ 1614 март.

[6]) Акты Истор. III, №№ 17, г. 1614 и 183, г. 1635.

правительства, 1684, мая 22, по 5 стат. Московскаго мира, особаго суда въ королевской канцеляріи для русскихъ подданныхъ, пребывавшихъ въ Стокгольмѣ [1]). Наконецъ къ числу особыхъ правъ, которыя усвоялись иноземцамъ въ Россіи, принадлежало право, по своему произволу, оставлять Россію, даже безъ платежа пошлинъ, безъ gabella migrationis, столько извѣстной въ Европѣ, и вошедшей къ намъ, по тѣмъ актамъ Екатерины II, которыми она призывала иноземцевъ селиться въ Россіи.—Тутъ же можно упомянуть о правѣ, которое давалось иноземцамъ, учиться русскому языку и русской грамотѣ, какъ видно изъ акта 1629 [2]), подъ условіемъ, что бы учащіеся не подавали повода подозрѣвать ихъ въ лозутничествѣ. При семъ узаконено обучать ихъ на посадахъ, при содѣйствіи церковныхъ дьячковъ, обязанныхъ не пущать ихъ въ русскую церковь до принятія крещенія, а, по принятіи крещенія, извѣщать воеводъ, которые послѣ этого не отпускали ихъ за границу. Крещеніе иноземцевъ было разсматриваемо, какъ присяга, данная государству.

Мысль о вступленіи въ Россію иноземцевъ массами впервые является къ концу XVII ст., когда, по случаю уничтоженія Нантскаго эдикта, во Франціи, 1685 г., Чавличь, посолъ Бранденбургскаго Маркграфа Фридриха III исходатайствовалъ у русскаго правительства для французскихъ эмигрантовъ грамоту 1689, января 31 [3]), въ которой обѣщаны имъ пріемъ на рубежѣ, принятіе въ службу на жалованье, и милостивое призрѣніе, съ правомъ, оставить Россію, когда кто изъ нихъ пожелаетъ. Думать должно, что не многіе воспользовались предложеніемъ русскаго правительства, имѣя возможность оставаться въ Голландіи, Германіи, Бранденбургѣ, Пруссіи, и что тѣ немногіе, которые прошли громадное растояніе, раздѣляющее Францію отъ Россіи, и захотѣли войти въ Россію, естественно, поселялись въ городахъ, отдѣльными личностями, не содѣйствуя значительно населенію страны, для пользы которой первый Петръ Великій открываетъ Россію 1698, Кореламъ, а потомъ Анна Іоанновна 1742,

1) П. С. З. № 1076.
2) Акты Экспед. III, № 184.
3) П. С. З. № 1331.

Грузинамъ и Волохамъ, наконецъ Екатерина Великая, за исключеніемъ жидовъ, всѣмъ западнымъ національностямъ. И только съ этого времени можно говорить о мѣрахъ русскаго правительства, относительно умноженія населенія Россіи. Главная же забота нашего древняго правительства состояла въ познаніи числа населенія.

Познаніе числа населенія было нужно для правительства, съ первыхъ годовъ его появленія, для установленія дани, по щлягу ли съ каждаго рала, или по куницѣ и веверицѣ съ дыму. Дань была единственнымъ условіемъ для дѣятельности правительства, даже въ то время, когда одна война составляла его задачу. Данію содержался князь, данію содержалась его дружина, единственное, въ древности, орудіе для внѣшней самостоятельности и политической безопасности. Между писателями, по части нашей древней финансіи [1]), возбужденъ вопросъ относительно значенія словъ лѣтописи, которая объ Олегѣ говоритъ, что онъ *возложилъ* дань, объ Ольгѣ же, что она *уставила*. На основаніи этихъ словъ, Гагемейстеръ предполагаетъ болѣе порядка въ учрежденіи Ольги, нежели сколько его было въ дѣйствіяхъ Олега; чему противорѣчитъ Гр. Толстой, хотя, надо замѣтить, дѣло Олега и Ольги не одно и тоже. Олегъ назначалъ дани съ побѣжденныхъ; Ольга ѣздила по своей землѣ, среди покорныхъ жителей, и установляла дани, по погостамъ. Слѣдовательно только объ одной Ольгѣ можно сказать, что она упорядочивала дѣло; но этотъ порядокъ не ея выдумка, и не новость въ быту нашего народа. Погосты существовали до нея, какъ существовали послѣ нея; и Ольгѣ принадлежитъ честь узаконить древній обычай, по которому дань, въ каждомъ погостѣ, была возлагаема на рала, дымы и дворы, взимаясь самыми погощанами, цѣлымъ погостомъ, сообразно средствамъ каждаго двора, и съ мірскою отвѣтственностію за сборъ предъ правительствомъ. Вотъ что сдѣлала Ольга, и что осталось на Руси до Петра В., при которомъ «впервые Россія лишилась своей народной кадастраціи, замѣненной подушнымъ сборомъ,» какъ говоритъ

[1]) Исторія Финансов. Учрежд. Россіи, Гр. Толстаго, Спб. 1848, стр. 4, замѣч. 2.

Гр. Толстой [1]). До этого времени, не только подушнаго сбора, существовавшаго на западѣ, въ Англіи и Франціи, съ XIV в., но самаго перечисленія душъ въ Россіи не знали, или еще болѣе, не допускали, не любили. Вездѣ дани и доходы распредѣлялись по погостамъ, какъ видѣли мы въ Уставахъ Святослава Ольговича, и Ростислава Мстиславича. Число принесено къ намъ Татарами, съ половины XIII ст., и это было такимъ необычайнымъ событіемъ, что лѣтописецъ занесъ его въ свою хронику, и сочувственно изобразилъ все негодованіе народа на число татарское. Дѣло, какъ извѣстно, происходило при Александрѣ Невскомъ, въ княженіе котораго, 1257, Татары, обложивъ поголовною данію жителей южной Руси, намѣревались тоже сдѣлать съ сѣверною; установили своихъ темниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и начали писать домы, а не дворы, т. е. переписывать всѣхъ жителей Руси, поголовно. Чередъ дошелъ до Новгорода, котораго лѣтописецъ не преминулъ упомянуть при этомъ о небесномъ знаменіи и объ состояніи народа. «Было знаменіе въ лунѣ. Изъ низовыхъ княженій пришла вѣсть о рати, которая будто бы стоитъ тамъ, для принужденія Новгородцевъ къ числу: и яшася Новгородцы по число» Но, только что Татары стали писать домы гражданъ, какъ возникнулъ бунтъ народный, прекратившійся лишь уступчивостію богатыхъ, да слабостію бѣдныхъ гражданъ. «Злыхъ совѣтомъ, яшася по число; творяху бо бояре себѣ легко, а меньшимъ зло. И почаша ѣздити окаяньніи по улицамъ, пишюче домы христіанскіе; навелъ Богъ изъ пустыня звѣри дивія, ясти сильныхъ плоти и пити кровь боярскую» [2]). Поголовную перепись Татары повторяли, кажется, часто; покрайней мѣрѣ, спустя 14 лѣтъ, послѣ упомянутой, слѣдовала другая народная перепись, 1273 года [3]). Послѣ того она встрѣчается при Іоаннѣ III, 1478, когда, овладѣвъ Новгородомъ, по праву побѣдителя, В. Князь принудилъ гражданъ подчиниться переписи. При чемъ Новго-

[1]) Тамъ же стр. 23.

[2]) Новгор I Лѣт. 57.

[3]) Карамз IV, примѣч. 13?.

родцы могли испросить у князя одну милость, не посылать къ нимъ своихъ писцевъ и даньщиковъ, а довѣрять ихъ новгородской совѣсти. Они обязывались сами перечислять своихъ жителей, и сами доставлять слѣдующую съ нихъ дань. «А кто утаитъ хоть одну душу, да будетъ казненъ» [1]).

Такимъ образомъ къ общему основанію нерасположенія къ подушной переписи, состоявшему въ неравенствѣ дани, и напоминавшему число татарское, присоединяется другое основаніе, по которому число выражаетъ господство побѣдителя надъ покоренными и подданными, что сохранилось въ названіи нѣкоторыхъ крестьянъ людьми писменными и численными. И это нерасположеніе было такъ общо́ народу, такъ постоянно въ народѣ, что даже въ XVIII в., въ инструкціи, данной Волынскимъ его крестьянамъ, 1724, встрѣчаемъ возраженія противъ такъ названной авторомъ «поголовщины» [2]).

Что же замѣняло въ древности поголовную перепись, принимавшуюся въ ней такъ плохо? Писцовыя, Окладныя, Дозорныя и другія книги, которыя, по своему особому устройству, могли служить средствомъ и для финансовыхъ цѣлей и для познанія числа населенія, описывая цѣлыя части земли по погостамъ, погосты по селамъ и деревнямъ, а деревни по дворамъ и ихъ жителямъ, съ обозначеніемъ ихъ именъ и прозваній, животовъ, промысловъ и имуществъ [3]). Такъ напр. говорится въ одномъ мѣстѣ: въ Ладожскомъ уѣздѣ: деревня Погорѣльцы; дворъ Ѳедько, да дворъ Кузко Михалевы сѣютъ ржи 8 коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ; двѣ обжи. Стараго доходу шло: боранъ, пятокъ льну, изъ хлѣба треть и т. д. Деревня Дуброва: дворъ Фока Ивашковъ, да Онтушко Ивашковъ сѣютъ ржи 8 коробей, сѣна косятъ 40 копенъ; двѣ обжи. Стараго доходу шло столько-то, новаго прибыло столько-то, и т. д.—Въ другомъ мѣстѣ говорится о разрубахъ, для чего крестьяне выбирали изъ лучшихъ, сред-

1) Карамз. VI, 119.

2) Москвит. за 1854 г., № 1.

3) О подобн. книгахъ упоминается уже въ половинѣ XV в. въ словахъ: „а тѣ волости и села, пославъ, опишутъ, да положатъ на нихъ дань по людямъ и силѣ.“ Древ. Рос. Вивліоѳ I, 150, 156.

нихъ и меньшихъ хозяевъ, и изъ козаковъ, работниковъ, по два человѣка, и тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли въ окладѣ, облагая каждаго въ Божію правду, кто чего достоинъ, съ тѣмъ, чтобы обложенные тою или другою суммою, уплачивали ее безъ-отговорочно» [1]). Слѣдовательно здѣсь не столько важно было число людей, сколько опредѣленіе ихъ дѣятельности и возможности уплаты; чѣмъ достигалось уравненіе въ даняхъ и податяхъ, столько желанное въ теоріи финансіи; и чѣмъ поддерживалось нерасположеніе къ татарскому числу и господство народнаго русскаго способа переписи во всю русскую исторію, до XVIII столѣтія. Присоединимъ, что земля постоянно раздѣлялась, по качеству, на три рода — лучшую, среднюю и худшую, и что это раздѣленіе доселѣ составляетъ опредѣленное понятіе для всякаго крестьянина мѣстности; и мы поймемъ, что древность, въ своихъ переписныхъ, окладныхъ и т. п. книгахъ, заключала весьма богатый матеріалъ для кадастраціи, самой тщательной. Мы доселѣ говорили о переписи преимущественно въ ея отношеніи къ крестьянамъ; тоже самое имѣло мѣсто относительно людей посадскихъ и жителей города. Вотъ нѣсколько строкъ изъ Сотной города Дмитрова 1624 [2]). Общее между Окладными и Сотными, касающимися погостовъ и деревень, и окладными и сотными, описывающими посады и города, состоитъ въ порядкѣ изложенія, которое подобно тому, какъ это дѣлалось въ древности, въ жизни, въ законахъ, въ актахъ и завѣщаніяхъ, начинается съ описанія Божія храма, или *благословенія*, и потомъ переходитъ къ описанію жилья человѣческаго, по поводу котораго говоритъ уже объ имуществахъ. Займемся послѣднимъ. «Въ Дмитровѣ, на посадѣ, улица Спасская, а въ ней живущихъ дворовъ, какъ, въ деревнѣ, живущихъ обежъ: «дворъ Алешки Михайлова сына Воропонова, вдоль девять саж., поперегъ 7 саж.; огородъ вдоль 36 саж., поперегъ 25; и другой огородъ, въ другомъ мѣстѣ; «по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, человѣкъ молотчей, живота его два руб., кормится огородомъ, торгу нѣтъ; ни государственныхъ по-

[1]) Акты Археогр. Эксп. I, № 268.

[2]) Временника, 1856, кн. 24, Смѣсь, 1—24.

датей, ни мірскихъ расходовъ не платитъ и т. д. — «Дворъ Афонасья Калинина сына Солодовника, вдоль 14, поперегъ 9 саж., съ огородомъ, имѣющимъ въ длину 60, и поперегъ 7, да другимъ, имѣющимъ въ длину 26, а въ ширину 18; «по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, человѣкъ лутчей, живота его двадцать руб., участвуетъ въ платежѣ государственныхъ и мірскихъ сборовъ». «Дворъ вдовы Настасьи Матвѣевой жены Красноперовой, да сына ея Наумки, вдоль 10, поперегъ 13 саженъ. По сказкѣ старосты и выборныхъ, люди молодшіе, живота съ рубль[1], торгу нѣтъ; промышляютъ извозничествомъ; ни государственныхъ податей, ни мірскихъ сборовъ не платятъ» и т. д. Изъ акта можно вывести, что въ Дмитровѣ лучшими людьми почитались имѣвшіе, при извѣстной поземельной собственности, отъ 15 и болѣе рублей животовъ; средними, имѣвшіе, при томъ же условіи, отъ 5 до 15,—и молодшими тѣ, кто владѣлъ не значительною собственностію, и не имѣлъ болѣе двухъ-трехъ руб. животовъ, а потому освобождался отъ платежа мірскихъ и государственныхъ поборовъ, уплачиваемыхъ за него улицею, посадомъ, городомъ, или вообще міромъ и общиною.

Вотъ что значила древняя русская перепись,—и вотъ какъ и почему вопросъ о населеніи, свободный у насъ отъ произвольнаго взгляда теоріи или практики, долженъ былъ получить рѣшеніе разумное. Возможна была чрезмѣрность мѣстная, но ея послѣдствія умѣрялись и уничтожались правомъ перехода и переѣзда, — общнѣйшимъ выраженіемъ для свободы лицъ, въ древней Руси.

2) *Семья и община. Право личное и вещное, собственно поземельное право.* Общій смыслъ, приданный Правдою личному праву, состоитъ въ томъ, что свобода принадлежитъ человѣку, но всякому человѣку; а, такъ какъ право есть мѣра свободы, выходитъ, что и право принадлежитъ всякому человѣку, и отсутствіе тѣхъ или другихъ правъ у того или другаго лица должно разсматривать, какъ фактическое явленіе. Противъ фактическихъ явленій такого рода дѣйствуетъ общество; у насъ—община и государство. И вотъ что совершили они у насъ на пользу личнаго права и связаннаго съ нимъ вещнаго, особенно поземельнаго.

Припомнимъ, что исторія каждаго народа и общая исторія открывается господствомъ, въ обществахъ и въ человѣчествѣ, начала рабства, или рабствомъ. Въ общеисторическомъ размѣрѣ, будучи лишеніемъ всего человѣческаго значенія для цѣлыхъ населеній, рабство не можетъ быть ни объяснено или выведено изъ случайныхъ источниковъ, плѣна и бѣдности, ни поддержано или узаконено, безъ общаго, общественнаго убѣжденія въ справедливости самаго начала. Корень, зародышь, источникъ рабства должны находиться глубоко, въ самомъ составѣ общества, и въ его существенныхъ, необходимыхъ основаніяхъ, въ семьѣ, какъ особенно у древнихъ [1]), и въ политическомъ построеніи общества, какъ у древнихъ и новыхъ народовъ запада [2]). Только такимъ образомъ рабство могло содѣлаться началомъ, которое законно умножалось посредствомъ плѣна, неоплатныхъ долговъ, бѣдности, самопродажи, лишенія поземельнаго владѣнія и т. п. Семья и государство, изъ себя рождая рабство, отъ себя сообщали ему значеніе законнаго общественнаго положенія; и рабство стало врагомъ, которое западная Европа уничтожила впослѣдствіи у себя, дома, и перенесла на новую почву, въ Америку.

Не такова была наша древняя семья, не таково было наше древнее государство, какъ это видно изо всѣхъ нашихъ источниковъ, изслѣдованій, изъисканій.—Изъ обстоятельства, что, въ языческой древности, рабы не имѣли семейнаго права, и не составляли семейства, которое бы однимъ изъ своихъ членовъ сообщало права и власть надъ другими; изъ обстоятельства, что, въ Римѣ, дѣти назывались только liberi, свободными членами семьи, въ отличіе отъ рабовъ, несвободныхъ ея членовъ; изъ обстоятельства, что и у насъ рабы носили названіе челяди, холопей, рабовъ, созвучное съ названіемъ для малолѣтнихъ членовъ семьи, чадо, хлопецъ, ребенокъ: мы заключаемъ, что рабство прежде всего одолжено бытіемъ своимъ родовому быту, и могло смягчаться,

[1]) Granier de Cassagnac, Histoire des classes laborieuses et des classes bourgeoises, Paris 1838, посвященная Гизо.

[2]) См. выше, стр. 40, 70 нашего сочин.

ослабѣвать и падать только въ высшемъ быту, общественномъ. Семья нашего народа, и по требованію справедливости и по своему понятію [1]), не бывъ учрежденіемъ политическимъ, въ тоже время, никогда не была исключительнымъ установленіемъ Частнаго, гражданскаго права. Напротивъ скоро, по выступленіи народа на поприще исторіи, стала она подчиняться вліянію христіанства, да и прежде, съ древнѣйшихъ временъ, находилась она подъ господствомъ общины, требовавшей отсутствія рабства и узаконенія свободы, какъ для своего установленія, такъ и для своей дѣятельности. Откуда произошло, что и впослѣдствіи рабы являются у насъ только внѣ общины, вдали отъ дѣйствія общины, по домамъ и дворамъ, гдѣ они составляютъ дворовыхъ, но все таки людей. И семья у насъ, какъ видѣли мы въ Русской Правдѣ, не могла развить рабство до общественнаго начала, хотя успѣла произвести рабовъ и холопей, какъ исключеніе изъ правила.

Съ своей стороны, наше государство, ни въ своемъ зарожденіи, ни въ своемъ развитіи, не представляло, само по себѣ, условій, для образованія рабства, въ значеніи необходимаго послѣдствія своихъ учрежденій, подобно тому, какъ государство феодальное, которое содѣлало свою землю немыслимою sans seigneur, а населеніе деревень зависимымъ и рабскимъ [2]). Правда, и въ Руси, скоро послѣ своего появленія, князья называютъ Русь своею вотчиною, но только въ отвлеченіи, въ переносномъ смыслѣ, для обозначенія своего государственнаго положенія въ русской землѣ, владѣя, на вотчинномъ правѣ, первоначально только небольшими клочками земли, въ предѣлахъ необъятной страны русской. И только на этихъ клочкахъ установили они свое тягло и своихъ смердовъ, и только эти клочки впослѣдствіи раздавали они своимъ дружинникамъ и служилымъ въ помѣстье. Остальная земля,

[1]) Рус. Бесѣда, 1857, II, ст. г. Крылова, въ разборѣ Област. Учреж. Чичерина, стр. 103.

[2]) Une cour féodale au douzième siècle, Chronique de Guines et d'Ardres, de 918—1203, par Lambert. Revue des deux Mondes, 1855, 1 juin, mélange; о рабствѣ несвободныхъ и свободныхъ.

т. е. вся земля оставалась въ обладаніи остальнаго населенія, т. е. всего населенія [1]), которое, по общинной своей связи, владѣло необходимо, владѣло неотъемлемо, даже безъ права отчужденія; съ тѣмъ вмѣстѣ все населеніе постоянно сохраняло свою личную свободу, обезпеченную поземельнымъ правомъ. У насъ личная свобода не была nuda libertas, или свободой, обнаженной отъ права владѣнія, несовмѣстной ни съ нашимъ климатомъ, ни съ нашею почвою, т. е. случайной, необезпеченной. Общеисторическій законъ, по которому свобода лицъ и поземельное право составляютъ только два явленія одной идеи, свободы, весьма ясно выражается въ отечественной исторіи. И вотъ доказательства въ пользу сказаннаго нами о нашемъ государствѣ и нашемъ народѣ [2]).

Князья-варяги, прибывъ въ предѣлы Руси, разсѣлись по городамъ, средоточіямъ суда и расправы, довольствуясь, для своего содержанія, по-людьемъ, данью, вирами, продажами [3]). Поземельной собственности или они не хотѣли пріобрѣтать, потому что ненаселенныя земли были безполезны, а населенныя и безъ того платили дань, или скорѣе они не могли пріобрѣсти эту собственность, какъ видно изъ послѣдующихъ отношеній между князьями и Новгородомъ. Такъ произошло, что Олегъ съ Игоремъ оставляютъ, безъ сожалѣнія, свое новое отече-

1) О владѣніяхъ Новгорода, до призванія Рюрика, см. V Т. Изслѣдованій Погодина, стр. 351 и слѣд. Но такъ же древни земли Полянъ и Кіева, земли Кривичей и Смоленска, Полочанъ, Сѣверянъ и т. д. Земля Руси *вся* до Рюрика была *велика и обильна*.

2) Ср. »Системат. обозр. помѣстн. правъ, и пр. Н. Иванова, Москва, 1836. О владѣніи, по русскимъ законамъ, Морошкина. М. 1837; о вотчинахъ и помѣстьяхъ, Лакіера, Москва, 1848. О поземельномъ владѣніи, Бѣляева, Переп. Окладн. кн. Москва, 1851, стр. 1—82. О вліяніи обществ. состоянія лицъ на поземельное право, Гладкова, 1855. Исторія Рус. Гражд. Законовъ, Неволина. Исчисляемые авторы представляютъ самыя разнообразныя предположенія о поземельномъ правѣ Руси. Думаю, что истина въ соединеніи разныхъ воззрѣній, не вѣрныхъ по односторонности, основанныхъ однакожь на изученіи актовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ могущихъ вести къ истинѣ, дополняясь одно другимъ.

3) «Изслѣд., Замѣч.» и пр.—Особ. VII, 14—31. Богатство князей преимущественно движимое, даже до половины XII в., стр 56 и 49.

ство—Новгородъ, а Святославъ собирается переселиться на Дунай, съ явнымъ намѣреніемъ, навсегда покинуть свою вотчину — Кіевъ. До Св. Владиміра наши князья не крѣпки землѣ русской, не имѣютъ къ ней постоянныхъ отношеній, и довольствуются доходами, движимымъ, которое ossibus inhaeret, и сопутствуетъ владѣльцу всегда и повсюду. Только со времени Св. Владиміра, князья ограничиваютъ свои передвиженія предѣлами Россіи, размножаются постоянно и быстро [1], и расширяются по пространству Россіи, приходя мало по малу въ ближайшее соприкосновеніе съ ея землею, устрояя дворы *добрѣ*, дворы *красные*, съ разнаго рода *готовизной*; или заводя сельца, села и волости, наполненныя скотомъ, рабами, смердами [2]. Удѣлы умножаются, по мѣрѣ умноженія княжескаго рода; каждый удѣльный князь образуетъ при себѣ дружину, для обороны и нападенія; полюдья, виръ и продажъ становится недостаточно; и, по удѣламъ, должно было такъ же обратиться къ землѣ, откуда были оплачиваемы сами дани и продажи. При этомъ князья, естественно, заняли тѣ части земли, въ каждомъ удѣлѣ, которыя первоначально, при обширности земли, и при недостаткѣ въ населеніи, оставались впустѣ, не принадлежали ни къ одной верви и ни къ одному погосту, и составляли нѣкогда res nullius, порозжія пространства, не занятые промежутки между вервями, и, въ этомъ видѣ, переходили сначала въ вѣдомство и владѣніе области или земли, Кіевской, Новгородской, а наконецъ въ составъ удѣла и владѣній князей Кіевскаго, Полоцкаго, Переяславскаго. Это были клочки, въ сравненіи съ остальною массою русской земли; и на этихъ-то клочкахъ князья основали свою вотчинность, и на этой-то вотчинности установили они свое тягло и поселили своихъ смердовъ, на правѣ частной собственности. Такъ самая высшая личность, въ обществѣ, вызываетъ къ бытію самую низшую. Отмѣтимъ, что предметъ для образованія понятія и права княжеской вотчинности былъ, естественно, не обширенъ, если княжеская собственность и вот-

[1]) Тамъ же, IV, 338.
[2]) Тамъ же VII, 49 и слѣд.

чинность вполнѣ подчинилась началамъ владѣнія, господствовавшимъ въ русскомъ народѣ, по закону общинности. Какъ въ общинѣ, каждый членъ имѣлъ право на участокъ въ землѣ общинной; какъ въ простой семьѣ, основавшей свое право наслѣдованія на законѣ общинности, каждый сынъ имѣлъ равное съ другими братьями право на наслѣдство: такъ въ родѣ княжескомъ всякій князь ожидалъ отъ отца и требовалъ отъ старшаго брата равнаго надѣла съ остальными братьями, какъ въ предметахъ вотчиннаго владѣнія, такъ и въ цѣлыхъ княжествахъ. И борьба, въ удѣльный періодъ, шла, естественно, за эти семейныя права и за притязанія всѣхъ на равныя части и равные удѣлы: такъ что только издали, въ наше время, при общемъ взглядѣ на рядъ семействъ одного происхожденія, мы можемъ принимать дѣла различныхъ семействъ за одно дѣло рода, и говорить о родовыхъ отношеніяхъ, или о вотчинности Рюрикова дома, во всей землѣ русской. «Русь — вотчина Рюрикова дома» есть только отвлеченіе, фраза, а не дѣйствительное обозначеніе княжескаго права на русскую землю, которая полнымъ своимъ составомъ принадлежала народу.

Судьба князей, въ дѣлѣ поземельнаго владѣнія, послужила прототипомъ для положенія княжескихъ мужей, бояръ, дружинниковъ, и всѣхъ служилыхъ классовъ. Всѣ они первоначально состоятъ, такъ сказать, на жалованьѣ у князя, участвуя въ его даняхъ, добычахъ, вирахъ, доходахъ, сколько то было нужно, для снабженія дружинниковъ оружіемъ и одеждою, и завися, въ своемъ состояніи, отъ богатства князя, да отъ своего положенія, въ службѣ [1]). И не только служилые люди были въ этомъ состояніи, но даже духовныя власти и церковныя учрежденія, имѣвшія особенно важныя права на содѣйствіе княжеской власти. Намъ извѣстна уступка земли, сдѣланная В. К. Изяславомъ подъ Кіево-Печерскій монастырь; но также извѣстно, что эта земля ле-

[1]) «Изслѣд., Замѣч.» М. Погодина; VII, 27—61, и слѣд. О дружинѣ, владѣвшей селами, домами и т. д. впервые говорится въ половинѣ XII в., ibid. 74.

жала дотолѣ впустѣ[1]), равно какъ и то, что, до половины XII в., повсюду князья, желавшіе надѣлить владыку, монастырь и церковь, обыкновенно, уступали имъ часть своихъ доходовъ, именно десятину, по церковнымъ уставамъ, а не земли и поземельныя владѣнія[2]). Впослѣдствіи, съ утвержденіемъ князей, по удѣламъ, и съ пріобрѣтеніемъ ими владѣній, по удѣламъ, бояре, дружинники, служилые получаютъ отъ своихъ князей или, по прежнему, содержаніе изъ доходовъ, въ значеніи кормленія, или пользованіе землями, переходившими къ нимъ, на правѣ помѣстій, за службу, по мѣрѣ службы.

При этомъ нельзя не сдѣлать отступленія, и не замѣтить особаго взгляда на службу, въ древности, гдѣ почитались служащими государству и обществу не только воины, ратные люди, не только правители, волостели, и вообще дружинники, не только духовныя власти и церковныя учрежденія; но даже частные люди, промышленники, помогавшіе своею дѣятельностію, напр. казнѣ въ ея торговыхъ и таможенныхъ операціяхъ, какъ гости, или занимавшіеся производствомъ, важнымъ въ быту общественномъ, каково напр. добываніе соли. Примѣръ пожалованія землями, по р. Камѣ, Григорія, Аникія и Якова Строгановыхъ[3]), царемъ Іоанномъ Грознымъ, конечно, не былъ ни первымъ, ни единственнымъ событіемъ, въ древней Россіи. Такъ, по нашему убѣжденію, изъ собственныхъ, княжескихъ, и потомъ изъ государственныхъ земель, должны были произойти и произошли разнообразныя и многочисленныя помѣстья, или пожалованныя владѣнія, которыя впослѣдствіи, при болѣе постоянныхъ служебныхъ отношеніяхъ, обратились въ выслуженныя вотчины, а позже вообще въ вотчины производнаго права. И, въ этомъ отношеніи, правы писатели, которые выводятъ вотчины изъ государственнаго, княжескаго права, равно какъ

[1]) Лаврент. Лѣтоп. 68.

[2]) Карамз. Ист. Г. Р. II, 85, и прим. 138. — См. Уставы Всеволода Мстиславича, 1134—35; Святослава Ольговича, 1137; Ростислава Мстиславича, 1150.

[3]) Дополн. къ Акт. Истор. I, №№ 117—120, отъ 1564—1572.

Студентовъ 1-го общежития

и тѣ, которые доказываютъ зависимость поземельнаго права отъ политическаго значенія владѣльцевъ. Но правота этихъ воззрѣній не полна; изъ нашего изложенія видно, что права князей на ихъ земли, равно какъ права служилыхъ на ихъ помѣстья, и вообще пожалованія имѣли свой опредѣленный предметъ, для распоряженія, свою отдѣльную область для владѣнія, подлѣ которой и рядомъ съ которой существовала земля и предметъ пользованія, принадлежавшіе народу искони и постоянно. Происхожденіе мысли Грознаго объ отдѣленіи земщины отъ опричины должно искать глубже и дальше, въ самой исторіи народа и государства, а не во временномъ распоряженіи. Мы знаемъ, что, какъ у князей, духовныхъ властей и монастырей, такъ и у народа, по разнымъ землямъ и областямъ, были свои владѣнія и свои владѣльцы, бояре [1]), житые люди, своеземцы, вотчинники, изъ которыхъ одни владѣли на правѣ вотчинномъ, но первобытномъ, непроизводномъ [2]), другіе — на правѣ, такъ сказать, помѣстномъ земскомъ, или общинномъ. Народъ владѣлъ своею землею такъ же, какъ государство и казна владѣли своею землею, а потому и онъ придавалъ своему владѣнію названіе *отчины и дѣдины* [3]), своей землѣ—высшее, божеское основаніе земли Св. Софіи, или Св. Спаса, а себѣ — высшее, верховное право, выражавшееся напр. въ титулѣ Государя—В. Новагорода.

При такомъ происхожденіи княжескихъ владѣній, и оттуда вытекавшихъ помѣстій, а потомъ вотчинъ, да при народномъ, общинномъ владѣніи въ предѣлахъ земщины, есте-

[1]) Грамота, данная Двинск. землѣ, 1398, во введеніи ясно отличаетъ Двинскихъ бояръ отъ княжескихъ.

[2]) Напрасно Неволинъ ищетъ актовъ княжескаго пожалованія земель Новгородскимъ вотчинникамъ; такихъ актовъ быть не могло, да въ нихъ и не было нужды. Истор. Гражд. Зак. II, 132—137. И безъ пожалованія, въ Новгор. землѣ вотчины существовали; Всеволодовъ уставъ, 1134—35, говоритъ объ «отчинѣ купцевъ.»

[3]) Лѣт. Новг. I, 98, г. 1399: «не можемъ сего насилія терпѣти, говорятъ Новгородцы своему Владыкѣ, что В. Князь отнялъ у насъ пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; но хотимъ «поискати» и т. д.

ственно, что земледѣльцы, ролейные закупы, наймиты, половники Русской Правды, а впослѣдствіи крестьяне [1]) были свободными людьми, жили на правѣ вольнаго перехода, безъ котораго земли князей и дружинниковъ, остававшіяся въ рукахъ однихъ холопей и смердовъ, лежали бы впустѣ, не населенными, не воздѣланными, безполезными для ихъ хозяевъ. Сверхъ того, будучи свободными людьми, съ правомъ перехода не только съ земли на землю, но изъ состоянія въ состояніе, изъ деревни въ городъ, изъ крестьянъ въ посадскіе и торговые люди; крестьяне не составляли замкнутаго сословія, пополнялись всѣми, кто случайно не владѣлъ землею и занимался сельскимъ промысломъ, и сохраняли право пріобрѣтать земли, при первой фактической возможности, и дѣйствительно пріобрѣтали эти земли и становились владѣльцами и вотчинниками. Это доказывается событіями, касающимися не только земель новгородскихъ, и временъ отдаленной древности, но даже областей московскихъ, въ XVII столѣтіи, отъ котораго остались акты, подтверждающіе, что крестьяне владѣли и вообще землями и даже цѣлыми деревнями, и распоряжались ими, на случай смерти, въ завѣщаніяхъ [2]). И такъ свойство поземельнаго нашего права было таково, что не вело къ стѣсненію личной свободы.

Но такъ было только первоначально, — до Монгольскаго ига, въ Сѣверовосточной Руси, и до XVI в., въ Новгородѣ и Псковѣ, съ ихъ землями и областями. Монголы, овладѣвши русскою землею, посредствомъ оружія, разсматривали ее, какъ завоеванную; а принявши магометанство, считали ее, по закону Корана [3]), необходимо черною, подлежавшею платежамъ и данямъ; и обложили ее данями и податями, потребовали отъ русскихъ князей уплаты, и стали смотрѣть на князей, какъ на главныхъ отвѣтчиковъ за исправность платежа

[1]) Любопытно, что до XV стол. слово крестьянинъ означаетъ только христіанина и противоположеніе *поганому и татарину*; см. Древн. Рос. Вивліоѳ. I, 47 и слѣд.

[2]) Акты, относящіеся до юрид быта древн Россіи I, 1857, Спб. № 86. См. объ этихъ акт. мою стат въ Молвѣ, 1857, №№ 15—17.

[3]) K. Theod. Pütter's Beyträge zur Völkerrechtsgeschichte, Leipz. 1843; 49, 63.

чернаго бора, или сбора и выхода, слѣдовавшаго ханамъ съ земли русской. Извѣстно, что, по требованію хановъ, князья могли терять собственныя свои села, владѣнія, волости [1]) и даже княжества; извѣстно такъ же, что власть подчиненныхъ возрастаетъ по мѣрѣ отвѣтственности, и, стало быть, князья не могли не усилить своего владычества и вліянія на землю и живущихъ на ней съ тѣхъ поръ, какъ должны были отвѣчать за исправность платежей, слѣдовавшихъ ханамъ съ земли и съ ея обитателей [2]). А эти платежи могли, въ это время, содѣлаться кратными, т. е. удвоиться, утроиться, учетвериться; ибо древнія дани княжескія оставались въ силѣ, да къ нимъ прибавлялись поборы татарскіе и при томъ, послѣ разгрома и потери народонаселенія, да послѣ личной переписи и съ правежомъ, со стороны сборщиковъ и откупщиковъ. Тягость поборовъ дѣлалась невыносимою особенно въ быту сельскомъ, гдѣ промыслы только уменьшались и падали. И частные владѣльцы и члены сельскихъ общинъ поступались своими владѣніями и участками, и изъ хозяевъ обращались въ наймитовъ, козаковъ, въ крестьянъ, или невладѣющихъ. Запустѣвали цѣлыя деревни и села, которыхъ земли легко переходили къ боярамъ, князьямъ, монастырямъ, къ государству. Населеніе пришло въ броженіе. Нужно было подумать о состоятельности платежей, слѣдовавшихъ съ княжествъ и удѣловъ. И въ договорныхъ грамотахъ князей этого времени является уже ограниченіе для перехода сельскихъ жителей, какъ въ формѣ взаимнаго обязательства князей, блюсти своихъ людей за одинъ,—«численныхъ людей, тяглыхъ, черныхъ, ординцевъ, дѣлюевъ блюсти съ одного;» такъ и въ формѣ запрещенія для лицъ другаго княжества и другаго званія, покупать и вообще пріобрѣтать земли тяглыя и черныя, подъ страхомъ или тянуть тягло съ черными людьми, или уступать имъ эти земли даромъ [3]). Понятіе:

[1]) Въ духовн. грамотахъ князей часто встрѣчаемъ оговорку, если «Татары имутъ искати тѣхъ волостей, и волости отымутся,» Древн. Рос. Вивл. I, 50, 54, 66.
[2]) Принимаемъ мнѣніе Неволина, Ист. Граж. Зак. II, 132—137.
[3]) С. Г. Г., I, №№ 33, 95, 23, 27. Древн. Вивліоѳика, I, стр 64, 69, 76, 79, 97. Является понятіе о бѣглецѣ, 1402, стр. 128. О тяглыхъ земляхъ, стр. 98, 145.

смердъ расширяется на массу поселянъ княжескихъ и государственныхъ, и древнее названіе смердовъ замѣняется болѣе новымъ—*черныхъ людей, тяглыхъ, писменныхъ,* а наконецъ словомъ крестьянъ, по терминологіи явно монгольской.

Съ теченіемъ времени, постоянно возраставшія средства князей и постоянно упадавшія средства частныхъ вотчинниковъ, переводили земельную собственность въ руки князей, и обращали ее въ княжескую, тяглую, которая все возрастала болѣе и болѣе. Въ началѣ XIV, дух. грамота Ив. Даниловича Калиты насчитываетъ только 40 селъ княжескихъ, при 50 слишкомъ городахъ, входившихъ въ составъ владѣній Московскаго князя[1]). Съ XV же, села уже не перечисляются поименно. Съ другой стороны, съ постепеннымъ возвышеніемъ Москвы, съ присоединеніемъ къ ней разныхъ удѣловъ, да съ отобраніемъ на В. Князя разныхъ земель этихъ *удѣловъ*, число частныхъ вотчинниковъ, за исключеніемъ монастырей, становилось все меньше и меньше; земля княжеская и казенная расширялись все больше и больше до того, что въ сѣверо-восточной Руси образовалось только два землевладѣльца: князь и казна, съ одной, да духовныя власти и монастыри, съ другой стороны. Частныя лица могли тутъ владѣть только на помѣстномъ правѣ, какъ потомъ и на сѣверо-западѣ, съ присоединеніемъ Новгорода и Пскова къ системѣ Московскаго господства, въ XVI вѣкѣ. Что люди, поселенные на этихъ земляхъ казны и князя, или царя еще до указовъ 1593 — 97 г. [2]), не могли свободно переходить съ земли на землю, отъ владѣльца къ другому; это можно видѣть изъ ограниченія, выраженнаго въ грамотахъ, данныхъ на земли, по Камѣ, Строгановымъ: «тяглыхъ людей и пис-

[1]) Число княж. селъ, прикуповъ и примысловъ быстро возрастаетъ съ начала XIV в., см Древн. Вивліоѳ. I, стр 48 — 50, 101, 153, 155, 193. Въ каждомъ княжествѣ сверхъ того образуются волости и села, принадлежавшія княгинямъ, *издавна княгинины*, *опришнины княгинь* и т. д. Тамъ же стр. 130 — 32, 156. Дань съ этихъ селъ шла такъ же «по людямъ и по силѣ.»

[2]) Послѣдній съ указаніемъ на первый см. въ Актахъ Ист. I, № 221, акт. III. Ср. объ нихъ Карамз. Истор. Гос. Рос., X, 208, 209, и XII, замѣч. 165.

менныхъ къ себѣ не называти и не пріимати» [1]). Такъ, полагаемъ, измѣнилось, съ монгольскаго ига, поземельное право, а съ нимъ и личное право крестьянскаго сословія [2]). И тутъ-то община оказала сословію свою услугу.

Древнее положеніе крестьянъ, т. е. свободныхъ лицъ, пока, до времени, не имѣвшихъ поземельной собственности, но занимавшихся полеводствомъ,—состояніе, установленное общиной и освященное Русскою Правдою, долго сохранялось въ землѣ русской. Это можно видѣть изъ договорныхъ и духовныхъ грамотъ князей, и даже изъ распоряженій Псковской Суд. грамоты объ «изъорникахъ, огородникахъ, кречетникахъ, исполовникахъ,» которые, по этому акту, имѣютъ право отойти, въ извѣстный срокъ, отъ землевладѣльца,—вступить съ нимъ въ договоръ или «покруту,» и даже право пріобрѣтать собственность, и требовать, чтобы до сроку, до «Филипова говѣнья» т. е. заговѣнья, до половины ноября землевладѣлецъ не смѣлъ дать имъ «отрóкъ,» или отказъ [3]). Равномѣрно это древнее положеніе крестьянъ было признано обоими Судебниками, въ Московской Руси, относительно земель частныхъ вотчинниковъ, монастырей, бояръ, служилыхъ и всѣхъ жалованныхъ владѣльцевъ, которыхъ крестьяне сохраняли свое право перехода до 1593, только съ перенесеніемъ срока перехода съ Филипова заговѣнья на «Юрьевъ день осенній,» и съ большею опредѣлительностію срока, ограниченнаго здѣсь не днемъ однимъ, а цѣлыми недѣлями [4]). Но и для кня-

[1]) Дополн. къ актамъ истор. I, стр. 169, столб. 1-й, и др. мѣста въ №№ 117, 118.

[2]) Смерды остались въ Новгородѣ В.; и все таки въ связи съ княжескимъ правомъ. 1229 Кн. Михаилъ Черниг. пришелъ въ Новгородъ, далъ однимъ смердамъ на 5 л. свободу, т. е. льготу, а другимъ „повелѣлъ платить дань, какъ установили передніе князья." Лѣтопись Новгородс. I, 44, 45. У князей же являются: 1) холопы, дѣловые, прикупные, по винѣ доставшіеся, тіуны, посельскіе, и кто ся у тѣхъ будетъ женилъ, вообще рабы Р. Правды, обыкновенно отпускавшіеся, по завѣщаніямъ, на волю, и 2) извѣстные уже ордынцы, дѣлюи, численные люди и т. д. См. Древн. Рос. Вивліоѳ., I, стр. 63, 68, 133, 157, 84, 69, 79, 97, 111, 112.

[3]) Пск. суд. грам. стр. 8, 9, 11, 12, 13.

[4]) I Суд., Акты Истор. I, стр. 155; II Суд., стат. 88.

жескихъ и царскихъ крестьянъ, для прежнихъ ординцевъ и численныхъ, для теперешнихъ писменныхъ и тяглыхъ, община и общинный союзъ послужили великимъ средствомъ личнаго обезпеченія. Отношенія крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ основывались на покрутахъ и рядныхъ записяхъ, которыя обезпечивались сельскою общиною; отношенія крестьянъ къ казнѣ и государству были такъ же посредствуемы крестьянскимъ міромъ и крестьянской общиной. Всѣ поборы и повинности, слѣдовавшія съ крестьянъ, обежная дань, приметныя деньги, ратчина и т. п. раскладывались по общинамъ и мірамъ, которые закрывали такимъ образомъ отдѣльныя лица отъ дѣйствія прямой отвѣственности, и, состоя сами изъ этихъ отдѣльныхъ лицъ, должны были постоянно охранять ихъ состоятельность и личное право. Именно, съ прекращеніемъ татарской переписи, раскладка податей опять перешла въ руки общинъ, изъ которыхъ каждая выбирала для этого 8 окладчиковъ, по два изъ четырехъ своихъ сословій, изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ хозяевъ, и изъ козаковъ, работниковъ, съ обязанностію этихъ присяжныхъ окладчиковъ, показать состояніе каждаго, подлежавшаго сбору, въ Божію правду, по совѣсти [1]. Присоединимъ, что эти общины избирали и своихъ счетчиковъ, для засѣданія, вмѣстѣ съ «приказными счетнаго дѣла,» при повѣркѣ сборовъ [2]. Чѣмъ, естественно, только поддерживалась личная свобода сельскаго населенія, которое не могло быть gent taillable et corvéable à merci et miséricorde запада.

Наконецъ русская сельская община, не будучи замкнутою корпораціею, открывая широко свои предѣлы для всякаго охочаго, спасала личность даже тѣхъ, которые, по обстоятельствамъ, находились внѣ всякой общины, и, лишенные средствъ обезпечить свое существованіе, близились къ опасности потерять свою свободу, каковы напр. бобыли, закупы, выходцы изъ-за рубежа, работники, бѣдняки, нищіе. Изъ актовъ видно, что въ крестьяне и въ крестьянскую общину могли вступать всѣ эти нищіе, выходцы изъ-за рубежа, служилые, покинув-

[1]) Акты Экспед. I, № 268.

[2]) Русск. Бесѣда, 1858, I, Отд. Критики, стр. 60, «учетная» 1677.

шіе службу, посадскіе, бросившіе свой промыселъ и т. д. [1]) и въ сельской общинѣ могли найти работу, владѣніе и обезпеченіе своей личности. Наша сельская община служила, въ древней Россіи, такимъ же убѣжищемъ, какъ промышленные города, въ западной Европѣ, съ XIV и XV вѣка. И потому у насъ была невозможна война, которая была ведена, въ XVI в. въ Германіи, съ такимъ ожесточеніемъ и съ такимъ печальнымъ результатомъ [2]). Тѣмъ болѣе личное право у насъ было обезпечено, что рядомъ съ этою безмѣрною шириною сельской общины находились мѣры для возможнаго съуженія и стѣсненія рабскаго состоянія.

Обѣльные холопы Рус. Правды являются въ это время подъ названіемъ людей, принадлежавшихъ господину по полнымъ грамотамъ, грамотные, или по собственной винѣ и по обстоятельствамъ женидьбы, вообще какъ въ Рус. Правдѣ, и составляютъ предметъ частнаго владѣнія, какъ бѣлая земля, не подлежавшая платежу дани[3]). Этой формѣ частнаго господства противодѣйствовала Рус. Правда; а потому и впослѣдствіи рабство или холопство встрѣчало, въ древней Россіи, постоянное противодѣйствіе, со стороны учителей церкви и духовенства, — со стороны общества и его лучшихъ членовъ,—со стороны государства и закона. Какъ въ XI в. Митрополитъ Іоаннъ, прозванный Пророкомъ, возставалъ противъ торговли рабами [4]), такъ впослѣдствіи возставали другіе учители церкви, допускавшіе рабовъ даже до ученія книжнаго и связаннаго съ нимъ возвышенія въ должности [5]). Выпишемъ любопытный отвѣтъ Митрополита Іоанна, по вопросу о торговлѣ рабами: «ты спрашивалъ, какую епитимію налагать на тѣхъ, которые, купивши челядь и окрестивши ее, перепродаютъ поганымъ.» Изъ этого уже видно, что въ грѣховности торговли не было сомнѣнія, и дѣло со-

1) Акты Юрид. №№ 195, 203; Акты Эксп. IV, № 320 и др.

2) Raumer's Geschichte Europa's seit d. Ende d XV. Jahrh., I, 370—383.

3) Древ. Росс. Вивліоѳ. I, дог. гр. Дмитр Ивановича, 1362—78, стр. 84.

4) Русск. Достопамят., I стр. 96; Карамз. II, 98.

5) Лавровскаго, о древне-русск. Училищахъ, Харьковъ, 1854, стр. 50. Домострой Сильвестра.

стояло только въ рѣшеніи, какую налагать епитимію на виновныхъ; съ другой стороны, что этой торговлѣ подлежали не русскіе люди, потому что ихъ напередъ крестятъ, и что торговля производилась не въ предѣлахъ *Руси*. «Торгующій такимъ торгомъ, по Митрополиту, есть беззаконникъ, и не токмо *законодавцу*, но и Богу *претыкается*,» преступаетъ законъ, совершаетъ преступленіе. И такъ торговля рабами признавалась, даже въ это время, и грѣхомъ противъ Бога, и преступленіемъ противъ законодавца, свѣтскаго законодателя. — Замѣтимъ при этомъ, что наше духовенство, отъ властей до монастырей, не позволяло себѣ пріобрѣтать рабовъ и владѣть рабами, не смотря даже на разрѣшеніе закона Рус. Правды, говорящаго о холопахъ *черньчихъ*, монастырскихъ [1]). И потому вліяніе ученія такого духовенства, поддержанное его примѣромъ, могло быть гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе духовенства западнаго, участвовавшаго въ общей корысти, и потому возбуждавшаго подозрѣніе на счетъ своего рвенія въ пользу рабовъ и ихъ освобожденія [2]).

Убѣжденія русскаго общества, относительно вопроса о рабствѣ, высказались въ духовн. грамотахъ князей нашихъ, отпускавшихъ своихъ рабовъ на волю [3]), и въ дѣйствіяхъ лицъ, подобныхъ Матвею Башкину и Попу Сильвестру. Конечно, не одинъ Башкинъ боролся въ своей совѣсти, желая примирить рабство съ христіанскимъ ученіемъ. Замѣчательны слова Башкина: «Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, — а я благодарю Бога моего, держу своихъ добровольно; добро ему, и онъ живетъ, а не добро, и онъ куды хочетъ» [4]). Такъ думали и дѣлали многіе, что доказывается примѣромъ Попа Сильвестра, отпустившаго на волю своихъ рабовъ и рабынь, съ надѣленіемъ ихъ имуществомъ и даже

1) XLVI ст. Калачов. полн. изданія.

2) Sir Morton Eden, The State of the poor in England, I, 2 и слѣд.

3) Духовн. Гр. В. К. Семена Ивановича Гордаго, 1353 и друг. Древ. Вивліоѳ. I, стр. 63, 68, 133, 157 и друг.

4) Акт. Эксп. I, № 238. Аксаковъ, въ разборѣ Исторіи Россіи Соловьева; Бесѣда, IV, 1856, стр. 38 и слѣд.

образованіемъ, и заповѣдавшаго своему сыну тоже дѣло освобожденія [1]).

Наконецъ вотъ государственныя распоряженія о холопахъ и рабахъ, слѣдовавшія послѣ Р. Правды, удержавшія духъ ея до конца XVII в., и узаконившія ученіе церкви и убѣжденія лучшаго русскаго общества. Военно-плѣнные, во внутреннихъ войнахъ князей съ Новгородомъ или между собою, не обращались въ рабовъ, а выдавались безъ окупу [2]); холопы, правда, выдавались, но по исправѣ, и имѣли право суда, хотя и въ присутствіи своего господина [3]). Псковская Судная грамота, говорящая о крестьянахъ, закупахъ и т. п., ни однимъ словомъ не касается рабства, какъ будто его вовсе не было. Двинская грамота, 1398, содержитъ постановленіе, вполнѣ подтверждающее сдѣланныя нами положенія: «*кто осподарь*, господинъ, *огрѣшится*, согрѣшитъ, и *ударитъ своего холопа или рабу*, *и случится*, слѣд. противъ чаянія и намѣренія, приключится, *смерть*; *въ томъ намѣстники* т. е. свѣтскіе судьи *не судятъ*, *и вины не емлютъ*, хотя, конечно, такой осподарь не могъ быть вполнѣ свободенъ отъ суда духовнаго, дѣйствовавшаго по правилу: «не принимать приношеній въ церковь, ни просфоры, ни свѣчи, отъ людей, кои челядь свою морятъ гладомъ, наготою, ранами, безвинно [4]).» Въ Новгородской Суд. Грамотѣ, вопросъ о *холопствѣ* т. е. всякое притязаніе на свободу лица, постоянно сопоставляется съ важнѣйшими уголовными дѣлами, требовавшими высшаго суда, а именно съ разбоемъ, душегубствомъ, татьбою съ поличнымъ и т. п. Далѣе въ Судебникахъ, по общему признанію писателей, рабство ограничивается въ источникахъ своего происхожденія, какъ и въ Русской Правдѣ [5]). По городскому ключу, не холопъ; по тіунству и по сельскому ключу, хо-

[1]) Рус. Наука о богатствѣ, моя стат. въ Сборникѣ «въ воспоминаніе 12 Января 1855,» Москва.

[2]) Договор. Грамоты Новгор., Древ. Росс. Вивліоѳ, I, стр, 26, и т. д. Разсужд. Г. Лохвицкаго, «О плѣнныхъ,» Москва, 1855. стр. 2, 3.

[3]) Тамъ же, стр. напр. 11.

[4]) Акт. Ист. I № 109, Поученіе священникамъ, 1499.

[5]) Напр. Соловьева „Исторія,“ VI, 51 и слѣд. Шпилевскаго стат. во Временникѣ, 1856, кн. 24, стр. 3 и слѣд.

лопъ, только съ полной и докладной грамотой, да и то безъ ущерба свободѣ дѣтей, и т. д. Въ дополнительной статьѣ къ царскому Судебнику, отъ 1556 [1]), положено «казнити смертною казнію, какъ головнаго татя,» всякаго, кто, «ставився съ таможники, учнетъ наряжать, т. е. писать фальшивыя полныя и докладныя,» на людей свободныхъ. Наконецъ, въ Уложеніи, рабство и холопство уже ясно не составляютъ состоянія безправнаго; напротивъ, по XX гл., рабамъ и холопамъ обезпечивается болѣе или менѣе свобода отъ произвола. Одна статья требуетъ напр., чтобы господа заботились о продовольствіи своихъ холопей, безъ чего холопы становились свободными [2]); другая узаконяетъ, что господинъ за беззаконное житіе съ рабынею подвергается церковному суду; третья предписываетъ, что бы, при составленіи актовъ, укрѣпляющихъ холопа, присутствовалъ самъ укрѣпляемый лично, какъ то установлено еще Русскою Правдою. У насъ и холопъ не безъ воли; и впослѣдствіи только, по желанію, одинъ напр. становится домашнимъ шутомъ, другой принимаетъ уходъ за комнатной собакой, чтобы обратиться потомъ для своихъ подвластныхъ въ Бирона [3]). Вотъ чѣмъ объясняется быстрота и легкость, съ которыми Петръ В. уничтожилъ въ Россіи юридическое понятіе рабства, однимъ пунктомъ одного указа, 1722 г., Февраля 5-го [4]), уравнявъ дворовыхъ съ крестьянами, и давъ основаніе считать противозаконнымъ, въ Россіи, самое слово: рабъ и холопъ.

Но личная свобода никогда въ Россіи не имѣла значенія объособленія, изолированія, индивидуализма; напротивъ, какъ Новгородъ ясно и формально требовалъ своихъ смердовъ въ погосты, а купцовъ въ сотни, гдѣ бы они случайно ни находились, такъ, вѣроятно, дѣйствовали другія области и зем-

1) Ак. Ист. I, № 154, стр. 266.

2) Статья 41, 42. Ср. еще Указъ 1603, Авг. 16, Акт. Ист. II, № 44.

3) *О добровольныхъ холопахъ*, Ак. Истор. II, № 85, Законъ В. И. Шуйскаго, 1607—9. «Молва» 1857, № 26; Моск. Вѣдом. №№ 123, 128 и др. въ Лит. Отд., Библіогр. Замѣтки.

4) П. С. З. № 3901, п. 3. И даже теперь народъ говоритъ: *жить* въ кучерахъ, кухаркахъ, а *не служить*. Служить у насъ должно только церкви, отечеству, или идеямъ, да учрежденіямъ.

ли, по всему русскому пространству. Съ XIII в., въ договорныхъ грамотахъ Новгородскихъ встрѣчаемъ повтореніе требованія: «а что закладчиковъ за тобою, Князь, и т. д., кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, тотъ въ погостъ;» или: «кто купецъ, пойдетъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ, или потугъ» и т. д. [1]). И, конечно, эти распоряженія касались не однихъ купцовъ и смердовъ, а всѣхъ членовъ погоста или потуга [2]), особенно, если припомнимъ, что удѣлы старались своими предѣлами ограничить движеніе сельскаго населенія; — что служилые получали помѣстья каждый только въ своемъ княжествѣ или въ своей землѣ; и что даже обыватели одного города раздѣлялись на особые несмѣшиваемые міры, по праву владѣнія домами и землями [3]). Государство нигдѣ не встрѣчало объособленныхъ личностей, повсюду имѣя дѣло съ цѣлыми общинами и союзами, закрывавшими собою отдѣльную личность. Что были верви, въ отдаленной древности, и погосты съ XII столѣтія; то съ XIII и особ. XIV вѣка стали города съ ихъ волостями, и волости съ ихъ селами и деревнями [4]). — Государство признавало эти союзы и общины, среди которыхъ обезпечивалось личное право, въ его проявленіяхъ, и возрастало особенно, посредствомъ права переходовъ, и посредствомъ дѣятельности общинъ на пользу путей сообщенія.

3. *Община. Право сообщеній, или о дорогахъ и средствахъ сношеній.* Вопросы о правѣ на бытіе и на личную свободу основаны у насъ на понятіи семейства и его общественномъ значеніи. Но семейства существовали у насъ не объособленно или уединенно, а входили между собою въ союзы и соединенія, образуя общины, и получая въ нихъ съ одной стороны осѣдлость, съ правомъ перехода, а съ другой, воз-

[1]) Неволина о Пятинахъ, 92, 93. Во всѣхъ договорн. грамотахъ Новгорода съ князьями; см. Древн. Росс. Вивліоѳ. I, стр. 11. Тѣхъ отпусти процъ; такъ пошло въ Новгородѣ.

[2]) Тамъ же, 102, 105.

[3]) Неволина, Истор. Граж. Зак 124, 274.

[4]) Такое раздѣленіе встрѣчается въ это время, въ каждомъ княжествѣ, см. Духов. Гр. Князей, съ Ивана Даниловича Калиты, напр. Древ. Росс. Вивліоѳ. I, стр. 48—50, 61, 100 и т. д.

можность къ дальнѣйшему сближенію съ цѣлымъ народомъ и міромъ, посредствомъ дорогъ и гоньбы, или теперешней почты,—этихъ установленій и послѣдствій общины. Широкая русская земля дѣлалась отъ того еще болѣе безпредѣльною; а богатая почва ея—неистощимою, открываясь для всякаго труда каждою своею точкою. И такъ семейства и частные люди становились живыми членами народа, и такъ весь народъ обращался въ дѣйствительное, живое единство. Мы видѣли, что проложеніе нашихъ дорогъ не могло совершиться частными лицами; и знаемъ, что дороги появились у насъ раньше всякаго государственнаго управленія; а потому заключаемъ, что пути сообщенія первоначально были установленіемъ общественнымъ и учрежденіемъ Общественнаго Права. Начало, по которому у насъ дороги и гоньба открыты для всѣхъ и для каждаго, составляя общее достояніе всего народа, было высказано у насъ въ дѣйствительной жизни гораздо раньше положенія о томъ Свода Законовъ, или даже Указа 1753 года, и послужило основаніемъ для этихъ новѣйшихъ распоряженій. Дороги никогда въ Руси не были учрежденіями политическими, государственными, какъ viae publicae Рима; но въ тоже время онѣ никогда не подчинялись, въ древности, частному праву землехозяевъ, какъ это было съ Geleitsstrassen запада. Не бывъ государственными, наши дороги, можетъ быть, не имѣли безконечной прямолинѣйности; но за то не обходили ни одной общины, ни одного поселенія, особенно значительнаго. Не бывъ государственными, наши дороги не представляли собою изящныхъ, или величавыхъ построеній; но за то служили сообщеніемъ для всего народа, сообразно всякой его потребѣ, которая одна вызывала необходимыя измѣненія, или улучшенія, и не со стороны частныхъ лицъ, могшихъ во зло употребить свое право, а со стороны общинъ и народа, по мѣрѣ общественнаго пользованія. Законъ государства могъ касаться этого общиннаго дѣла только въ вопросѣ о мѣрѣ правъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей. Положеніе, что пути сообщенія, какъ и гоньба, суть установленія общественнаго, а не государственнаго права, важно даже въ современной практической жизни, объясняя

возможность для частныхъ лицъ и компаній принимать на свое содержаніе дороги и почты. Это не государственное дѣло, каковы напр. судъ и война, администрація и сборъ государственныхъ податей. Различеніе общественнаго отъ государственнаго одно порѣшаетъ вопросъ о томъ, что̀ можетъ быть въ частномъ содержаніи, и что̀ должно оставаться въ государственномъ управленіи? Съ другой стороны, различеніе частнаго отъ общественнаго ведетъ къ рѣшенію другаго вопроса, должно ли, и справедливо ли исключать городскія, сельскія и земскія общины изъ права содержать дороги и почты, для одного обезпеченія выгодъ частныхъ лицъ, или компаній? Всмотримся въ дѣятельность нашихъ общинъ, относительно вопроса, начиная съ путей сообщенія.

А) *Пути сообщенія.* Говоря о древнѣйшихъ путяхъ сообщенія, въ Россіи, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ извѣстнаго Ходаковскаго, который исходилъ Россію, для ея изученія, и, встрѣчая повсюду урочища съ названіями волокъ, воловъ, переволоченъ, утверждалъ, что долго въ Россіи путемъ сообщенія служила единственно вода, озера и рѣки [1]). Мы знаемъ теперь, какъ понимать его слово: долго, когда Несторъ относитъ существованіе перевозовъ ко времени Кія, а бытіе роспутій къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ; когда его лѣтопись представляетъ подробныя свѣдѣнія о древнѣйшей географіи Руси, а Рус. Правда опредѣляетъ даже юридическое значеніе большо̀й, проѣзжей дороги, въ отличіе отъ проселковъ. Послѣ этого мы въ правѣ напротивъ утверждать, что уже въ древнѣйшія времена у насъ различали пути сообщенія сухопутныя, горою, и водныя, водою, и что такъ же, въ древнѣйшія времена, сухопутныя у насъ раздѣлялись на большія проѣзжія и проселки. Наконецъ намъ извѣстны юридическія условія, содѣйствовавшія учрежденію и размноженію путей сообщенія, въ Руси. Не было въ ней препятствій къ проложенію дорогъ, со стороны государственнаго, княжескаго, или частнаго права владѣнія. Напротивъ даже въ ближайшія къ намъ времена, въ договорныхъ грамотахъ князей, встрѣчаемъ постоянно выраженіе: «путь для всѣхъ чистъ,

[1]) Истор. Сборникъ Моск. Истор. Общ. 1837, I, 1 и слѣд.

безъ пакости [1]). Съ другой стороны, преобладаніе, въ древности, общиннаго владѣнія, въ Руси, и естественное служеніе частнаго права общественному, давали каждому русскому власть и просторъ, при нуждѣ, пролагать дорогу по землямъ и полямъ, независимо отъ принадлежности владѣнія землею. Припомнимъ однакоже, что земля во II періодѣ нашей исторіи уже не состоитъ въ чисто общинномъ владѣніи. Не верви, или погосты, а казна, монастыри, вотчинники и помѣщики становятся ея хозяевами; откуда необходимо раждались столкновеніе и борьба между обществ. правомъ сообщеній, и частнымъ правомъ владѣній. Ибо понятно, что, со временемъ, размноженіе дорогъ въ Россіи иногда грозило содѣлаться безграничнымъ; что дороги мало по малу могли тѣснить владѣніе землею; и могло случиться, что это стѣсненіе не было оправдано ни общею пользою, ни общею нуждою; наконецъ можно было опасаться, что, въ Руси, произволъ ѣдущихъ уничтожитъ право владѣющихъ, какъ на западѣ произволъ владѣющихъ уничтожалъ право ѣдущихъ. Съ другой стороны, частію по той же причинѣ, безграничное размноженіе дорогъ и огромное количетство путей сообщенія не могли замѣнить недостатка въ ихъ качествѣ и добротѣ, и проѣзжающіе ничего не выигрывали отъ стѣсненій, которымъ подвергали владѣльцевъ воды и земли. Снося и терпя принужденное ограниченіе своего права владѣнія, хозяева земли не предпринимали ничего, что могло бы содѣлать проѣзжею, удобною дорогу, пролегавшую по ихъ полю, лугу, лѣсу.

Вотъ положеніе, въ которое взаимно ставили бы себя, въ Руси, владѣльцы земли и проѣзжіе, предоставленные собственному ихъ произволу. Для разрѣшенія этой борьбы интересовъ и построенія изъ нея права, должно было закону вмѣшаться въ дѣло; откуда произошли, въ разныя времена, различные законы о путяхъ сообщенія, съ различными задачами и средствами. Изложеніе хода этихъ законовъ можемъ представить въ слѣдующемъ порядкѣ.

[1]) Акты Западн. Россіи, №№ 33, 38, 39, 50, 51 и другіе. Догов. грамоты Новгорода, Древн. Вивліоѳ. I, 45 и др.

Сначала покажемъ законы: 1) изданные для огражденія частной поземельной собственности отъ безмѣрнаго умноженія дорогъ и путей; — 2) тѣ изъ нихъ, которые даны въ видахъ обезпеченія сообщеній на счетъ землехозяевъ, съ предоставленіемъ имъ права собирать проѣзжія пошлины;— 3) законы, имѣвшіе цѣлію разумно опредѣлить мѣру вознагражденія, получаемаго землехозяевами, когда эти послѣдніе умѣли изъ повинности устроить себѣ привиллегію; — 4) законы, искавшіе средства улучшить качество дорогъ; и 5) наконецъ, когда всѣ попытки защитить проѣздъ по дорогамъ отъ притязаній владѣльцевъ, и улучшить состояніе путей сообщенія, по прежней системѣ, оказались тщетными, является законъ, который 1753 г. замѣняетъ старый порядокъ вещей новымъ и потому составляетъ естественный предѣлъ нашего историческаго изложенія. Изъ этого вычисленія видно, что вниманіе наше обращено преимущественно на сухопутныя сообщенія. Распоряженія о водныхъ путяхъ не слишкомъ обширны и многосложны, и мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ въ концѣ ученія о дорогахъ.

И такъ 1) какія средства принималъ русскій законъ для огражденія поземельной собственности отъ чрезмѣрнаго умноженія путей сообщенія?

Долго хлопотало общество объ устройствѣ дорогъ и свободѣ проѣзда, не заботясь о владѣніи; и русскій народъ пролагалъ дороги такъ же свободно, какъ рѣка свое русло. Только въ XV в. встрѣчаемъ законы на пользу владѣнія, для его защиты. Главное средство къ тому нашелъ законъ въ различіи, которое онъ установилъ между *дорогами ямскими и проселочными*, и между самими *проселками*. Однѣмъ изъ нихъ онъ давалъ болѣе, другимъ менѣе права на частную поземельную собственность. Тогда какъ дороги ямскія, древніе великіе гостинцы, сохраняя свое древнее общинное значеніе, и служа средствомъ сношеній общественныхъ, а потомъ правительственныхъ, постоянно и неограниченно изъимали извѣстное пространство земли изъ-подъ частнаго распоряженія; дороги проселочныя, проселки, относимые теперь къ землямъ частнымъ, имѣли право на землю только подъ извѣстными условіями, съ извѣстными ограниченіями. Столь важ-

ное различеніе дорогъ ямскихъ и проселочныхъ встрѣчается въ актѣ 1539 [1]). Что была ямская дорога въ то время, видно изъ актовъ 1599, апрѣля 22 [2]), и 1615, января [3]), по словамъ которыхъ ямская дорога должна быть *чищена*, очищаема отъ лѣсу, деревъ и кустарнику, *съ пеньемъ*, до корня; должна быть *широка*; должна имѣть *мосты крѣпкіе*, для противодѣйствія *водѣ и всякой мокротѣ;* должна быть *исправляема каждую новую весну*. Работы по ямскимъ дорогамъ лежали повинностію сперва на посошныхъ людяхъ, какъ говоритъ актъ 1599, а потомъ отнесены къ обязанностямъ общинъ, прилегавшихъ къ дорогѣ, и производились *всѣми людьми всякихъ чиновъ*, *за одинъ*, по выраженію акта 1615. Такимъ образомъ ямскія дороги составляли повинность общинъ, и способъ разложенія мостовой повинности, принятый въ это время городскими общинами, напр. В. Новгородомъ, естественно, перенесенъ на ямскія дороги [4]). И нѣтъ въ актахъ ни слова о предѣлахъ или границахъ въ числѣ ямскихъ дорогъ, необходимыхъ для цѣлей общественныхъ. Напротивъ распоряженія договорныхъ грамотъ XIV в. *о ѣзду, по рѣзанѣ съ версты, а на правду вдвое* [5]), доказываютъ, что уже въ это время разстоянія, между средоточіями присудовъ и точками ихъ окружности, измѣрялись верстами, и что дороги были болѣе или менѣе прямолинѣйны, искусственны. Цѣлыя же *изгонныя книги*, помѣщенныя въ концѣ сочиненія Неволина о Пятинахъ, свидѣтельствуютъ, что въ XV вѣкѣ Новгородъ соединялся дорогами такого рода, измѣренными и положенными въ версты, со всѣми своими тремя стами слишкомъ погостами, ямами и городами, слѣд. на пространствѣ цѣлыхъ тысячь верстъ. Съ другой стороны, *Указы о ѣзду* Перваго и Втораго Судебниковъ, опредѣляющіе ѣзженое, или плату за поѣздку, по дѣламъ тяжущихся, въ одну

1) Актъ о побѣгѣ Петра Фрязина, Истор. Акты I, № 142.

2) Акты Истор. II, № 25

3) Тамъ же III, № 47.

4) Новгород. Лѣт. годы 1535 и 1572.

5) Древн. Рос. Вивліоѳ. I, 85. Догов. гр. Дмитрія Ивановича съ Мих. Александр. Тверск.

деньгу съ версты, или съ каждыхъ 500 *саженъ*, и установляющіе суммы платежей отъ полтины до 8 р. за поѣздку изъ Москвы въ разные города во всѣхъ *направленіяхъ*; доказываютъ, что въ XVI центръ Руси *былъ* соединенъ ямскими дорогами, измѣренными и положенными въ версты, со всѣми городами Руси, слѣд. на пространствѣ сотенъ тысячъ верстъ. Такимъ образомъ, не говоря уже *о великомъ гостинци* Р. Правды, установленія *о ѣзду* съ XIV столѣтія до дѣйствія поверстнаго срока нашего времени,—установленія, которыми наше право измѣряетъ самое время верстами, свидѣтельствуютъ о глубокой древности нашихъ главныхъ путей сообщенія, и объ ихъ важности въ самой сферѣ права гражданскаго и уголовнаго, а, можетъ быть, и государственнаго, именно помѣстнаго, гдѣ употреблялись выраженія *верстать* и въ *версту*, и т. п., могшія чрезъ *пути и путныхъ бояръ* перейти въ помѣстное право. Имѣлъ же В. Князь право *исключительной охоты* за кабанами въ Новгородской области, только на 60 верстъ въ окружности города [1]). Прибавимъ къ этому извѣстіе, воскрешающее для насъ древній способъ исправленія большихъ дорогъ, посредствомъ мощенія. Одинъ монастырь нанимаетъ, по акту [2]), крестьянъ помостить мосты на его участкѣ, въ *урочномъ урокѣ*, по Иванегородской дорогѣ, предлагая за помощеніе каждыхъ 1000 бревенъ 8 руб. безъ $^1/_4$, или за 500 бревенъ—3 руб и 28 алтынъ съ Московкой. 500 же бревенъ укладывались, по акту, на пространствѣ 50 саж., слѣд. въ сажень шло 10 бревенъ, въ аршинъ 3 бревна съ одною третью. Порядная обезпечивается круговою порукою такъ, что кто изъ договаривающихся крестьянъ будетъ въ «лицѣхъ», на томъ ляжетъ отвѣтственность за всѣхъ.

Предоставляя чисто-историческимъ изысканіямъ показать число и направленіе ямскихъ дорогъ, въ разные вѣки древней Россіи, мы считаемъ свой вопросъ относительно ямскихъ дорогъ здѣсь уже порѣшеннымъ, и переходимъ къ установленію юридическаго понятія о дорогахъ проселочныхъ. Глав-

1) Древ. Рос. Вивліоѳ. I, 6, по догов. гр. 1263 и въ другихъ.
2) Акты Юрид. № I, II, Поряд. 1598.

ное начало, идущее отъ времетъ Рус. Правды, состоитъ въ томъ, что проселки входятъ въ составъ владѣнія, и что *не всѣ проселки обязательны для землевладѣльцевъ.* Еще въ началѣ XV в. [1]) дѣлается у насъ различіе между проселками, изъ которыхъ только нѣкоторые допускаются закономъ и утверждаются въ ихъ правѣ и значеніи общественныхъ путей сообщенія, потому что они существуютъ *издавна*, потому что ими пользуются *многіе*, пользуется народъ, во имя общественнаго интереса. Это такъ называемыя, въ актахъ, *пошлыя дороги* [2]), какъ всякое владѣніе, обезпеченныя временемъ, давностію. Въ противоположность съ ними, другія называются *непошлыми*, потому что пролагаются *вновь*, *частными отдѣльными лицами*, для ихъ собственныхъ, случайныхъ нуждъ и выгодъ, помимо старыхъ, пошлыхъ. Въ актѣ 1472—1479, по случаю жалобы одного владѣльца—монастыря, на размноженіе дорогъ по его полямъ и лугамъ, повелѣно *засѣчь дорогу новую, непошлую*, и *заповѣдать* ѣзду по ней, *изъ двухъ рублевъ,* — подъ штрафомъ въ два рубля, съ каждаго проѣзжающаго. И такъ, вообще можно сказать, что русскій законъ XV вѣка, признавая и утверждая преимущества сообщеній за дорогами ямскими, отстаиваетъ частную поземельную собственность отъ чрезмѣрности проселковъ и отъ злоупотребленія со стороны частныхъ лицъ, предписывая имъ *держаться* проселочныхъ дорогъ изстари существующихъ, и запрещая, подъ штрафомъ и наказаніемъ, пролагать новыя проселочныя дороги. Считали достаточнымъ, для пользъ народныхъ, сохраненіе дорогъ проселочныхъ *въ количествѣ, въ которомъ находились онѣ въ этомъ вѣкѣ.* Замѣчательно, что этотъ законъ дѣйствуетъ до нашего времени, такъ что проселочныя дороги у насъ столь же древни, какъ и села.

Каковы же были эти проселки? Почему проѣзжій народъ старался пролагать новыя дороги, помимо существующихъ?

[1]) Акт. Истор I, № 25, г. 1418.

[2]) Акт. Истор. I, № 86, № 25, — г. 1472—1479 и 1418; Акт. Экспед. I, №№ 64, 65, г. 1461 и 1465. Кто будетъ ѣздить не пошлою дорогою, того велѣно и бить.

что побуждало его идти противъ закона о пошлыхъ дорогахъ? Изъ отношенія дороги къ землѣ хозяина легко понять, что эти проселочныя дороги могли быть только пустымъ пространствомъ,—полосой земли незапаханной, незастроенной, — отнятой у хозяина и его пользованія, но нисколько не приспособленной къ пользованію проѣзжающихъ. Онѣ могли быть безъ мостовъ и гатей, которыхъ построеніе требовало отъ хозяина не одного отрѣченія отъ права собственности, но прямыхъ жертвъ, прямыхъ усилій, положительнаго труда, вѣрныхъ, новыхъ потерь. И часто дороги оставались въ ихъ естественномъ состояніи. Проѣзжающіе не много выигрывали отъ безпрепятственнаго права ѣздить по топкимъ болотамъ, по высокимъ пнямъ и кочкамъ, по глубокимъ рвамъ и рѣчкамъ, недоступнымъ для броду. И они рѣшались дѣлать объѣзды, искать броду, пролагать новыя, непошлыя дороги.

2) Отсюда необходимость для закона найти и обезпечить средства къ улучшенію дорогъ, и законъ естественно прежде всего искалъ этихъ средствъ во взаимномъ отношеніи владѣльцевъ и проѣзжающихъ. На владѣльцевъ, по участкамъ которыхъ шла дорога, возложилъ законъ обязанность строить мосты, содержать перевозы, укрѣплять плотины и гати; на проѣзжающихъ весьма справедливо обратилъ онъ обязанность вознаграждать землевладѣльцевъ за эти постройки. Дорога, какъ полоса и часть земли,—часть общаго достоянія русскаго народа,—была уступлена безвозмездно въ пользованіе всего народа, и каждый членъ народа могъ ѣздить по дорогамъ безъ всякаго вниманія къ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ. Но издержки на построеніе мостовъ и гатей должны были лежать на тѣхъ, кто этими построеніями пользовался. Законъ не считалъ справедливымъ принуждать землевладѣльцевъ къ этимъ издержкамъ, безъ вознагражденія; находилъ здѣсь отношеніе взаимности между частными лицами, и установилъ, чтобы каждый проѣзжающій чрезъ мостъ и перевозъ платилъ хозяину моста и перевоза. Доказательствомъ древности этого закона, равно какъ его справедливости, признанной въ древней Руси [1]), служитъ форма общаго обычая, въ которой по-

[1]) Грам. Смоленск. кн. Ростислава уже 1150 упоминаетъ о сборѣ за

стоянно встрѣчаемъ законъ до самого почти Уложенія. Кто подлежалъ побору; кто освобождался отъ него; въ какой степени поборъ имѣлъ мѣсто; все это опредѣлялось, въ древнихъ актахъ, преимущественно выраженіемъ: *по старинѣ*.

Ясно однакожъ, что землевладѣльцы, рано или поздно, могли изъ этой вознаграждаемой, но не опредѣленной повинности устроить для себя право, обратить свою обязанность въ привиллегію, въ источникъ доходовъ, окупавшихъ издержки построенія и даже самую землю, дорогу, уступленную для общаго блага. Отсюда новая борьба частнаго права съ общимъ, и новый вопросъ законодательства, — особенно потому, что вопросъ о пошлинахъ за мосты и перевозы могъ касаться интереса казны и мѣръ административныхъ, проѣзда гонцевъ, отправленія пословъ и т. п. И вотъ происхожденіе закона 1596, декабря 13, о новомъ порядкѣ сбора перевозной пошлины [1]).

3) «Указали есмя, говоритъ Ѳедоръ Ивановичъ, во всемъ своемъ государствѣ, во всѣхъ городахъ и на посадѣ и въ уѣздѣ, которые были перевозы и мосты вѣдали на насъ, а для нашихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ, и торговыхъ и всякихъ проѣзжихъ людей, по большимъ рѣкамъ и рѣчкамъ перевозы и мосты на насъ имали, а иные перевозы и мосты устроили на себя наши бояре и дворяне и т. д. и землю нашу пустошатъ безъ нашего указу, и тѣ всѣ перевозы и мосты, во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, велѣли есмя вѣдати на себя, для того, слухъ насъ дошелъ, что—въ томъ мотчанье и убытки великіе чинятся.» Посему велѣно бирючамъ прокликать на посадѣ, въ уѣздѣ, по станамъ, волостямъ, и царское жалованье всей землѣ сказать, что на всѣхъ большихъ перевозахъ будутъ собирать пошлину земскіе цѣловальники, по новому указу,—половину на царя, половину на вотчинниковъ, помѣщиковъ, монастыри и т. д., съ пѣшаго по полуденьгѣ, съ коннаго деньгу, съ телѣги по двѣ деньги, освобождая отъ пошлинъ пословъ, посланниковъ

перевозъ въ 4 гривны; а посланіе Кирилла къ одному Можайскому кн., 1408—13 говоритъ: мытамъ быть не должно; «а гдѣ, господине, перевозъ, пригоже дати, труда ради»

[1]) Акты Эксп. I, № 367.

и гонцовъ, и дозволяя всѣмъ, въ *сухое время*, гдѣ можно, ѣздить въ бродъ.

Законъ содержитъ главнымъ образомъ двоякое распоряженіе. Съ одной стороны, онъ объявляетъ мосты и перевозы въ городахъ и посадахъ, чрезъ которые часто проходили *ямскія* дороги, дѣломъ казеннымъ, и сборъ за проѣздъ — доходомъ царскимъ; съ другой стороны, повелѣваетъ описать всѣ перевозы, и установляетъ новый способъ сбора на большихъ частныхъ перевозахъ, посредствомъ цѣловальниковъ, отъ казны, требуя за то половину сбора въ пользу казны, въ видѣ вознагражденія за ея управленіе. Этою послѣднею мѣрою царь Ѳеодоръ Ивановичъ думалъ между прочимъ остановить злоупотребленія землевладѣльцевъ. И, казалось, что, установивъ количество пошлинъ, и предоставивъ казнѣ сборъ ихъ въ мѣстахъ наибольшаго проѣзда, законъ окончально порѣшалъ вопросъ въ пользу справедливости и общаго блага. Но казенные сборщики были также люди, только съ характеромъ и вѣсомъ оффиціальнымъ; частные же владѣльцы могли искать болѣе полнаго вознагражденія на малыхъ мостахъ и перевозахъ; и, по мѣрѣ успѣха въ разработкѣ новаго источника доходовъ, могли умножать, по произволу, до безконечности свои малые мосты и гати.

Такое положеніе дѣла побудило сначала царя Михаила Ѳеодоровича издать указъ 1642 [1]), а потомъ царя Алексѣя Михайловича посвятить IX главу Уложенія подробному пересмотру и новому рѣшенію вопроса о пошлинахъ за проѣздъ. Здѣсь прежде всего исчислены слѣдующія учрежденія, какъ необходимыя принадлежности дороги: *мосты*, *перевозы*, *гати*, съ древнимъ раздѣленіемъ ихъ на государевы, монастырскія, вотчинниковы и т. д., по принадлежности земли тому или другому владѣльцу. Всѣ эти учрежденія отнесены, по прежнему, къ повинностямъ хозяевъ земли, которымъ предписывается содержать въ исправности мосты, гати и перевозы, и дается право собирать извѣстную пошлину, со всѣхъ проѣзжающихъ, за исключеніемъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, бояръ и боярскихъ дѣтей и вообще служилыхъ людей,

[1]) Акты Ист. III, 112, марта 9, 1642. Неволина «Ист. Гр. З.» II, 153.

которые посланы будутъ для государевыхъ дѣлъ. Пошлина, которой подлежали проѣзжіе, была установлена въ Уложеніи *по старинѣ,* по давнему обычаю и прежнимъ законамъ. Равномѣрно *по старинѣ, какъ было изстари,* опредѣлялись и мѣста сбора. Могло случиться, что землевладѣлецъ, для своихъ прибытковъ, безъ нужды, *однолично,* перекапывалъ дорогу, строилъ на ней мостикъ или плотину, и собиралъ пошлину съ проѣзжающихъ. Уложеніе узаконяетъ, чтобы сверхъ существовавшихъ въ годъ его изданія, мостовъ, перевозовъ и гатей, ни одинъ владѣлецъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не учреждалъ новыхъ мостовъ и перевозовъ. А если окажется настоятельная въ томъ нужда, то владѣлецъ долженъ испросить на то особый царскій указъ, и тогда лишь установляется и перевозъ, и мостъ, и пошлины за проѣздъ, *по досмотру, и по сыску, противъ другихъ мостовъ и перевозовъ.*

Такимъ образомъ, утверждая только обычное, изстаринное, давно, законно существующее, и количество мостовъ и перевозовъ, и высоту собираемыхъ пошлинъ, Уложеніе справедливо рѣшало вопросъ объ отношеніи землевладѣльцевъ и проѣзжихъ. Также точно, какъ законъ XV вѣка справедливо порѣшалъ вопросъ о дорогахъ относительно частнаго владѣнія. Тамъ и здѣсь время принято за мѣру справедливости, потому что законы разсматривали въ дорогахъ одну ихъ сторону, право принадлежности и владѣнія. Но въ дорогахъ есть и другая, болѣе важная сторона, ихъ общественное значеніе. Дороги могли, со временемъ, измѣниться, умножаясь по необходимости; мосты и гати могли оказаться неудобными на старыхъ мѣстахъ; между тѣмъ не вездѣ же можно было ожидать скораго рѣшенія отъ центральной власти и высшаго правительства, слишкомъ далеко находившагося отъ мѣста дѣйствія; не всегда же можно было и правительству строго наблюдать за точнымъ выполненіемъ указнаго status quo, какъ это дѣлалось въ XVII в. наприм. 1684 году [1]), когда было предписано царскою грамотою, вологодскому воеводѣ Голохвастову, осмотрѣть и переписать всѣ мосты и перевозы, существовавшіе въ его вѣдомствѣ, съ

[1]) Акты Эксп. IV, № 282.

дознанiемъ, по какому указу и гдѣ они *находятся*,—какъ далеко отстоятъ одинъ отъ другаго, — сколько *взимается на нихъ* пошлинъ, — нѣтъ ли притѣсненiй *проѣзжающимъ*. Для последующаго времени, отказавшагося отъ кадастрацiи и собиранiя статистич. свѣдѣнiй, эти дознанiя воеводъ содѣлались затруднительными и излишними, частiю по причинѣ постепеннаго расширенiя вопросовъ и задачъ, подлежавшихъ, въ XVIII в., вѣдомству воеводъ, намѣстниковъ и т. п.; частiю по причинѣ большаго развитiя частнаго, личнаго права собственности, не смотря на окончательное отчисленiе въ казну всей мостовщины, указомъ 1704 [1]). — Вотъ почему жалобы на землехозяевъ со стороны проѣзжихъ,—жалобы, вызвавшiя много законоположенiй древняго русскаго правительства, громко повторялись у насъ до половины XVIII вѣка, до указа, уничтожившаго всѣ сборы за мосты и перевозы, слѣдовательно въ теченiе болѣе ста лѣтъ, съ изданiя Уложенiя.

Уложенiю, какъ и прежнимъ законамъ о предметѣ, можно сдѣлать упрекъ и въ томъ отношенiи, что они не обратили никакого вниманiя на свойство, на качество дороги, по которой, впослѣдствiи, можетъ быть, нельзя было добраться отъ одного моста до другаго, какъ встарину, безъ мостовъ и гатей, нельзя было соединить концовъ дороги, прерванной рѣкою или болотомъ. У самой Москвы временъ Уложенiя, по свидѣтельству царя Алексѣя Михайловича, въ письмѣ его къ Матюшкину, 1657 г. [2]), сообщенiя бывали весьма въ дурномъ состоянiи. Царь жалуется, что, на Можайкѣ, онъ встрѣтилъ дорогу, которой *отродясь не видалъ*, — *просовы и выбои великiе, и т. п.*

Изъ всего, что мы видѣли до сихъ поръ въ русскихъ законахъ о путяхъ сообщенiя, ясно, что, изъ уваженiя къ частной собственности, съ XV в, у насъ считали себя въ правѣ хлопотать только о полосѣ для дороги и объ ея непрерывности. Полоса дороги, или пространство для проѣзда было уступлено въ общее пользованiе, по закону общин-

[1]) Ук. 1704, янв. 21. П. С. З. № 1959. Неволина «Истор. Гр. З.» II, 151.

[2]) Акт. Эксп. IV, № 100; писано съ можайской дороги.

ности; непрерывность дороги, не смотря на рѣки и дебри, зависѣла отъ повинности, облегчаемой вознагражденіемъ. Но упущено изъ виду, какъ въ прежнихъ законахъ, такъ и въ Уложеніи, что такая полоса, по свойству своей поверхности, могла сама препятствовать проѣзду и мѣшать непрерывности. Не даромъ объѣзды были такъ часты, что вызывали распоряженія закона. Что же дѣлать?

4) Обращаясь этимъ вопросомъ къ качеству дороги, мы поймемъ, что древній законъ прежде всего могъ искать и ожидать улучшеній дороги въ самомъ пространствѣ, или ширинѣ дороги. Объявить качество дороги законною повинностію хозяина, и съ тѣмъ вмѣстѣ дать ему право требовать новаго вознагражденія отъ проѣзжающихъ, было рѣшительно невозможно для правительства, которое столько уже испытало затрудненія порѣшить вопросъ о пошлинахъ за мосты и перевозы. Между тѣмъ начало общинности въ землѣ давало закону возможность установить дороги въ такомъ размѣрѣ, чтобы онѣ служили и для проѣзда и для объѣзда, и когда одна сторона полосы дѣлалась негодною, проѣзжіе могли бы пользоваться другою. Вотъ происхожденіе и значеніе законовъ *о ширинѣ дороги*, которые изъ Писцовыхъ книгъ перешли въ отдѣльные указы. По Писцовымъ книгамъ, ширина дорогъ опредѣлялась въ 3 саж. для *большихъ*, и въ 2 саж. для *полевыхъ* дорогъ. Это подтверждено указами 1683—84 г. [1]), которые именно ссылаются на Писцовыя книги, требуя отъ большой, собственно проѣзжей проселочной дороги, ширины въ *три сажени*, а отъ *полевыхъ*, въ проселочныхъ мѣстахъ, къ рѣкамъ для водопою, и ко всякимъ угодьямъ—въ *двѣ сажени*.

И въ этомъ состояніи засталъ наши сообщенія Петръ В. Посвятивъ столько трудовъ и издержекъ на устройство каналовъ и соединеніе рѣкъ Россіи, Петръ В. не могъ оставить безъ вниманія сухопутныя сообщенія [2]). Онъ думалъ о

[1]) 1683, мая 20, П. С. З. № 1013; 1684, апрѣля ibid. № 1074.

[2]) Впрочемъ у Посошкова нѣтъ о состояніи дорогъ ни слова. На стр. 101 онъ говоритъ, что дорога проселочная, тележная должна быть въ 3 саж., Московская, т. е. въ Москву и изъ нея,—въ 12 и бо-

нихъ, и даже объ ихъ качествѣ, и оставилъ извѣстный указъ 1719 года, которымъ предписывается земскому комисару, *для вспоможенія торговыхъ промысловъ и ремеслъ* и т. п., и для того, *чтобъ проѣзжіе возможное безопасеніе и удобство имѣли*, стараться исправлять, по мѣрѣ нужды, мосты и дороги, *какъ зимнія, такъ и лѣтнія* [1]). Особенность этого указа состоитъ въ учрежденіи мѣстнаго, ближайшаго надзора за состояніемъ путей сообщенія. Но одинъ надзоръ не могъ помочь дѣлу; должно было дѣйствовать, а для того нужны были средства, которыхъ законъ не опредѣлялъ. Жалобы проѣзжихъ на притѣсненія со стороны землевладѣльцевъ продолжались и усиливались; собственный надзоръ правительства за дорогами убѣждалъ болѣе и болѣе въ его несостоятельности. Отсюда рядъ новыхъ указовъ съ 1730 годовъ,—указовъ, въ которыхъ, обыкновенно, разсказываются сначала случаи притѣсненій, въ разныхъ мѣстахъ, имѣвшие мѣсто; потомъ излагается исторія мѣръ, принятыхъ съ Уложенія для прекращенія притѣсненій; и наконецъ *строжайше подтверждается, чтобы нигдѣ притѣсненій не было* [2]). Въ этихъ указахъ постоянно повторяется одно и тоже, такъ что и статьи одного соотвѣтствуютъ статьямъ другаго, исключая развѣ случаевъ притѣсненія, которые разнообразятся со временемъ, по мѣсту и по своей значительности. Но есть въ нихъ сторона, которою они отличаются отъ указовъ XVII и начала XVIII ст. Въ нихъ дѣлается различіе между тремя родами дорогъ: однѣ изъ нихъ называются *большими проѣзжими дорогами*,—это древнія ямскія, для которыхъ указы требуютъ полосы въ 10 саж.; другія суть дороги *большія* вообще, древніе проселки съ полосою въ 3 саж, а третьи — полевые, новые *проселки*, въ 2 саж. ширины. Обнимая мыслію одновременно всѣ роды дорогъ въ Россіи, — представляя все различіе въ ихъ состояніи по различію въ ихъ содержаніи,—нельзя было не увидать рано или поздно, что большія и проселочныя до-

лѣе саж. Онъ же прибавляетъ, что «на чьей землѣ дорога ни бываетъ, слыветъ она государева, а не помѣщичья.»

[1]) 1719, января, П. С. З. № 3295 п. 19.

[2]) Ук. 1734 іюля 5, № 6600; 1741, октября 7, № 8457, и др.

роги, предоставленныя слабымъ усиліямъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, не могли быть приведены въ надлежащее состояніе, а проѣзжіе, принужденные уважать право хозяина, не могли избавиться отъ притѣсненій. Ширина дорогъ сама по себѣ не могла навсегда обезпечить сообщенія, которыя, дѣлаясь все чаще и развитѣе, грозили со временемъ также стѣснить поземельное право, какъ встарину объѣзды и непошлыя дороги. Законъ о широкихъ дорогахъ былъ бы прямымъ противодѣйствіемъ закону о непошлыхъ дорогахъ, или, другими словами, законъ XVIII стол. отказывалъ бы въ защитѣ частной собственности, которую бралъ подъ свое покровительство законъ XV., какъ будто поземельная собственность въ XVIII в. дѣлалась въ Россіи менѣе цѣнна, чѣмъ какъ она была въ XV. Однимъ словомъ, все въ этихъ указахъ наводило на новый порядокъ, на новыя мысли, на новую систему законовъ о сообщеніяхъ.

5) До сихъ поръ, какъ видно изъ нашего изложенія, главнымъ основнымъ началомъ въ правѣ сообщеній служилъ древній законъ общиннаго владѣнія, дополненный впослѣдствіи закономъ повинности съ вознагражденіемъ. Общинность владѣнія дѣлала возможнымъ для каждаго пролагать дорогу, гдѣ того требовали нужды сношеній, безъ всякаго вниманія къ праву землевладѣльцевъ. Но результатъ этого одного начала, при явленіи, въ жизни, частныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, не былъ вполнѣ выгоденъ для проѣзжающихъ: землехозяева оставляли для проѣзда полосу земли, по которой иногда никуда нельзя было доѣхать. Въ дополненіе къ этому началу общинности, измѣненному частнымъ владѣніемъ, присоединенъ впослѣдствіи законъ о вознаграждаемой повинности; но проѣздъ, дѣлавшійся при этомъ возможнымъ, нисколько не становился отъ того удобнымъ и легкимъ. Можно было, конечно, искать средства къ улучшенію дороги въ ея безмѣрной ширинѣ; но такимъ образомъ пути сообщенія слишкомъ стѣснили бы право собственности и соединенные съ нимъ общіе интересы. Оставалось по этому, для улучшенія путей, объявить самое качество дорогъ повинностію, и возложить эту новую дорожную повинность на особое лицо,—на лицо болѣе могуществен-

ное, чѣмъ частные люди,—болѣе чувствующее важность для себя самаго этихъ сообщенiй,—менѣе расчитывающее на вознагражденiе въ настоящiй моментъ и могущее долго ожидать плода отъ своего сѣянiя. Такимъ лицомъ была община. И обращенiе къ общинѣ легко было сдѣлать: примѣръ былъ данъ въ ямскихъ дорогахъ; а приложенiе примѣра, въ данномъ случаѣ, необходимо вытекало изъ самаго понятiя объ общинномъ владѣнiи.

Такъ какъ, по закону общинности, интересъ сообщенiй господствовалъ изстари надъ частнымъ правомъ и частною собственностiю, то оставалось вполнѣ обратиться къ началу общинности, и всю массу собственности, отчисленной подъ дороги, объявить общественнымъ достоянiемъ, вполнѣ изъятымъ изъ-подъ влiянiя часныхъ владѣльцевъ, принадлежащимъ всему народу, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, составляющимъ предметъ дѣятельности, повинности и обязанности всего народа. Частные хозяева, устраненные отъ владѣнiя и влiянiя на дороги, освобождались отъ дорожной повинности, но за то лишались своего права мостовщины и перевозовъ. Выигрывали отъ того хозяева земли, выигрывали проѣзжающiе, выигрывалъ весь народъ, потому что, съ этого времени, все обѣщало дорогамъ болѣе и болѣе улучшенiй.

Вотъ главная мысль реформы, произведенной указомъ Имп. Елисаветы, 1753 г. декабря 20. Въ это время, графъ Шуваловъ представилъ Сенату проэктъ новаго закона о пошлинахъ дорожныхъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ его и одобривъ, взошелъ съ докладомъ о томъ къ Государынѣ, которая повелѣла *уничтожить всѣ сборы съ мостовъ и перевозовъ, для блага народа и его процвѣтанiя, особливо платящихъ подать.* На этомъ именно классѣ Шуваловъ доказалъ всю несообразность мостовщины и старой системы дорогъ. Онъ приводилъ, между прочимъ, въ примѣръ, въ 5 п. доклада, дорогу между Москвою и Сергiевск. Посадомъ (Троицк. Лавр.), на которой, въ то время, было 5 мостовъ. По праву того времени, платили пошлину за мосты круглый годъ, платили и тѣ, кто ѣхалъ мимо моста, въ меженъ. Такимъ образомъ вышло, говоритъ Шуваловъ, что крестьянинъ, притащившiй въ Москву возъ дровъ отъ Посада, и продавшiй свои дрова

за 10 или 15 коп., возвращался домой едва ли съ половиною полученной суммы.

Уничтожить пошлины за мосты и перевозы значило объявить дороги общественнымъ достоянiемъ, и узаконить, что, какъ пользованiе путями сообщенiя есть даровое право всего народа, такъ устройство и содержанiе дорогъ есть его общественная повинность. Никто теперь не обязанъ платить за проѣздъ по мостамъ и гатямъ, потому что всякiй самъ участвуетъ въ ихъ построенiи, и платить за проѣздъ и перевозъ значило бы платить себѣ самому. Но какъ должно было устроить эту дорожную повинность для того, чтобы она касалась всѣхъ и каждаго? Всего естественнѣе было обратиться къ общинамъ, которыя прилегали къ дорогамъ. Покрывая собою всю поверхность населенной Россiи, дороги касались всѣхъ общинъ, и въ каждой общинѣ находили средства къ своему поддержанiю. Такъ проѣзжiя дороги уравниваются съ ямскими, или лучше, такъ уничтожается различiе между ямскими дорогами и проѣзжими; всѣ проѣзжiя дороги тоже, что ямскiя, всѣ проѣзжiя дороги суть дѣло общественное, и всѣ должны идти къ улучшенiю, котораго достигли ямскiя.

Какiя однакожъ дороги вошли въ составъ общинной или общественной повинности? Ужели всѣ дороги и дорожки, по которымъ была ѣзда или ходьба? Конечно, нѣтъ. Не всѣ онѣ подавали поводъ къ жалобамъ общимъ; противу мѣстныхъ неудобствъ могли быть мѣстныя мѣры; не всѣ онѣ служили общественному интересу. Дороги, по которымъ крестьяне ѣхали къ своему полю и сѣнокосу, къ своей рѣкѣ или погосту, изъ своего села въ сосѣднюю деревню, естественно, не могли носить названiя общественныхъ, большихъ, проѣзжихъ, и должны были оставаться на отвѣтственности и во власти владѣльцевъ поля, луга, земли. Напротивъ дороги, соединявшiя городъ съ городомъ, уѣздъ съ уѣздомъ, провинцiю съ провинцiей, безъ сомнѣнiя, служили общественному дѣлу и были общественнымъ дѣломъ Такъ является различiе, болѣе упрощенное, между общественными, большими, проѣзжими дорогами, и частными, полевыми, собственно проселочными. Такъ является и два дѣятеля на русскихъ

дорогахъ: общины въ однѣхъ, и частные владѣльцы въ другихъ,—дѣятели, которыхъ силы вполнѣ соразмѣрны съ задачею дѣятельности. Впрочемъ въ это время существовалъ уже и третій дѣятель — казна, государство. Съ Петра В. законы о водныхъ путяхъ сообщенія вызвали чисто правительственную дѣятельность. — Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія водныхъ въ Россіи.

Болѣе, нежели самая земля и суша, вода была общественнымъ достояніемъ, по понятіямъ русскаго народа; и русскіе законы изстари постоянно требуютъ, чтобы вездѣ, во всей землѣ, *путь водою былъ чистъ, безъ пакости.* И до Уложенія законы грозятъ наказаніемъ тому, кто застроитъ или засоритъ рѣчку, напр. Уставъ о земск. дѣлѣхъ и его распоряженіе о мельницѣ, какъ Уложеніе въ IX гл. И до Петра В. строили у насъ *перекопы,* или каналы между рѣками, для обхода пороговъ и мысовъ, какъ напр. между Рабанской и Окольной Сухоною, въ 1341 г., во время Іоанна Даниловича Калиты [1]). Оберегая такимъ образомъ безпрепятственный проѣздъ и проходъ судовъ по рѣкамъ и рѣчкамъ русскимъ, законъ о путяхъ водныхъ дѣлалъ свое дѣло, и болѣе нечего отъ него требовать. Но самихъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ оказалось мало для Россіи Петра В. Является потребность каналовъ, для сближенія самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Руси, — для сближенія ея морей. Устрояются каналы, шлюзы; предпринимаются искусственныя работы; учреждаются неслыханныя управленія *водяныхъ архитекторовъ,* — *канцелярій* отъ построенія,—и все это, при нуждѣ, *по шведскому обычаю.* Такое-то сложное, неясное и неподручное русскому народу дѣло взяла на себя казна. — Тутъ установляется весьма важное, существенно практическое различеніе путей сообщенія искусственныхъ и безъискусственныхъ, изъ которыхъ первые находятся въ вѣдомствѣ правительства, вторые лежатъ на отчетѣ народа. Это различіе, соединенное съ вышеупомянутымъ различіемъ между собственно-общественными дорогами и проселками, составляетъ и въ наше время основу для за-

[1]) „Временника Общ. Истор. и Древ. кн. 25, въ отд. Матеріаловъ, стран. 30.

конодательства о путяхъ сообщенія.—Но какой результатъ полученъ изъ этихъ раздѣленій и этой системы? Объ этомъ въ заключеніе два слова. Понятно, что существованіе дорогъ и ихъ поддержаніе составляютъ двойную тягость народа, который теряетъ чрезъ нихъ значительную часть своего поземельнаго владѣнія, и потомъ издерживаетъ на нихъ большую массу силъ и средствъ своихъ. И потому главное правило, котораго держится современный законъ о путяхъ сообщенія, со времени развитія частной собственности и крестьянства, слѣд. особ. съ XVIII в., состоитъ въ сохраненіи наибольшей, наивозможной экономіи. Искусственныя дороги существуютъ только силою и словомъ закона, для цѣлей государственныхъ, на счетъ государственныхъ сборовъ. Остальныя, проѣзжія дороги большія, губернскія и уѣздныя поддерживаются одною натуральною повинностію, безъ права собирать на ихъ устройство деньги, даже подъ предлогомъ добровольной складчины. Сельскія дороги учреждаются, только по крайней необходимости. Качество дорогъ, по этому началу, во всѣхъ дорогахъ, кромѣ искусственныхъ, опять составляетъ второстепенное свойство. Но почему не допустить противоположнаго начала, основаннаго на общинности? Если государственныя дороги передаются компаніямъ; отъ чего общинныя не могутъ быть устрояемы подрядчиками и обществами? Если сборы на дороги государственныя законны; почему не существовать сборамъ на пользу дорогъ общинныхъ? Тогда бы законъ достигнулъ главной цѣли сообщеній, улучшенія ихъ качества, указаніемъ для нихъ трехъ дѣятелей,—частныхъ владѣльцевъ, на проселкѣ,—общинъ, на общественномъ пути,—и казны, на искусственной дорогѣ.

Б) *О ямской гоньбѣ, или почтахъ.* Законы о почтахъ такъ же различны, по разности эпохъ, какъ различны законы о путяхъ сообщенія, въ различныя времена исторіи. Въ Римѣ, какъ при Августѣ почты были чисто правительственнымъ учрежденіемъ; такъ и пять-сотъ лѣтъ спустя были онѣ недоступны для народа, по законамъ Юстиніана [1]). Таково зна-

[1]) Cod. Justin. lib. XII, tit 50.—Evectionis copia (подорожная) выдавалась отъ Императора, a praefecto paetorio, a magistro Officior.—Nullus

ченіе политическаго элемента, господствовавшаго въ Римѣ. Въ Средніе вѣки, на западѣ, почты получили характеръ общинныхъ, корпоративныхъ учрежденій; но различныя сословія и общины заводили почтовыя сношенія только для своихъ членовъ, такъ что вся остальная масса народа вездѣ была исключена изъ права пользованія почтами. Впослѣдствіи, даже къ концу Средней и началу Новой исторіи, почты Людовика XI были открыты исключительно для цѣлей и дѣлъ государственныхъ, и частнымъ лицамъ воспрещалось ѣздить съ почтою, *подъ смертною казнію*. Этимъ исключительнымъ своимъ характеромъ отличаются французскія почты Людовика XI отъ нѣмецкихъ Максимиліана I, установленныхъ съ 1516 г. и открытыхъ тогда же пользованію всѣхъ и каждаго; на чѣмъ можно бы основать и рѣшеніе вопроса о первенствѣ почтовыхъ учрежденій на западѣ, сказавъ, что, какъ общеполезное учрежденіе, почты нѣмецкія раньше французскихъ. Это-то установленіе Максимиліана и Карла V, переданное въ содержаніе графовъ Турнъ и Таксисъ, до сихъ поръ составляетъ, въ Германіи, вопросъ реформы. У насъ дѣло имѣло свой особый ходъ. Оказавъ общиннымъ владѣніемъ услугу народу, посредствомъ путей сообщенія, община оказала своимъ союзомъ народу и правительству другую услугу, посредствомъ образованія гоньбы, и ея возведенія въ общественное право. И вотъ какимъ образомъ.

Въ исторіи нашего отечества, почта является въ двоякомъ видѣ, — ямской гоньбы и собственно почты. Уравнивая, въ нѣкоторомъ отношеніи, эти два вида того же учрежденія, мы можемъ сказать, что почта русская не уступитъ въ древности ни французскимъ, ни нѣмецкимъ почтамъ. Какъ особая повинность и государственная служба, гоньба современна всему древнему въ Россіи. Въ этомъ можно видѣть и новое доказательство древности нашихъ дорогъ и путей сообщенія. Какъ однакожъ далеко восходятъ положительныя свидѣтельства о существованіи ямской гоньбы въ древней Руси?

evectione utatur privatus. На станціяхъ, ночлегъ и кушанье — diplomata tractatoria, De la Mare, l. c.

Въ прибавленіяхъ къ общимъ циркулярамъ, по Главному Управленію Почтов. Департ., 1843 — 45 годовъ, помѣщена была замѣчательная статья о происхожденіи почтъ въ Россіи, — статья, авторъ которой находитъ первые слѣды извѣстій *объ ямахъ, ямщикахъ*, *и ямской гоньбѣ* въ грамотѣ В. Кн. Олега Рязанскаго, около 1402 г. [1]). Но, не говоря уже о необходимости предполагать установленіе ямской гоньбы раньше въ Московскомъ, нежели въ Рязанскомъ княжествѣ, вообще не дѣлая никакихъ предположеній, и судя только по документамъ и актамъ изданнымъ, мы имѣемъ полное право не согласиться съ мнѣніемъ автора. Мы встрѣчаемъ уже въ XIV в., именно въ актѣ отъ 1361 или 1365 г. [2]), распоряженія о *ямѣ*, *ямщикахъ и гоньбѣ ямской;* и даже въ годахъ, отъ 1294—1303 [3]), проѣзжую грамоту, данную отъ имени «Новгорода, В. Князя Андрея, Посадника Семена, Тысяцкаго Машкова, и всѣмъ Новгородомъ, Любскимъ гостямъ, для проѣзда горою и рѣчками, по землѣ Новгорода, безъ пакости,» что можно было обѣщать только на ямскихъ дорогахъ. Ямская гоньба, судя по этимъ даннымъ, такъ же древня у насъ, какъ и повинность давать подводы, изъ которой, естественно, гоньба произошла, и съ которою первоначально и долго потомъ имѣла она одинаковое свойство. Какъ въ военное время, повинность давать подводы, или гонебная повинность первоначально была *общею*, *личною*, *натуральною*: такъ въ мирное время, при нуждѣ, по волѣ князя, въ его княжествѣ, каждый обязанъ былъ, по дѣламъ князя и управленія, на своихъ лошадяхъ, доставлять, куда прикажутъ, все, что ему поручалось,—тяжесть и кладь, грамоты и гонцовъ. Это былъ древній повозъ, такъ же государственная служба, которую отправляли всѣ жители, въ каждомъ княжествѣ, по дѣламъ князя, *въ мирное время*. Такъ, кажется, должно представлять себѣ происхожденіе нашей древнѣйшей ямской гоньбы.

Впослѣдствіи, въ актахъ XIV вѣка, мы видимъ уже дальнѣйшее развитіе этой повинности, когда въ отдѣльныхъ кня-

[1]) Акты Истор. I, № 13,

[2]) Акты Эксп. I, № 5

[3]) Дополн. къ акт. ист. I, № 6.

жествахъ, указаны особенные пункты, ямы, вдоль общественныхъ путей сообщенія, для усиленія и ускоренія гоньбы первоначальной. Далѣе, со времени уничтоженія удѣловъ и собранія Руси во-едино, отдѣльные ямы отдѣльныхъ княжествъ сливаются въ одно общее учрежденіе Московскаго княжества, и даютъ возможность установить непрерывное движеніе по всей сѣти ямскихъ дорогъ въ Россіи.

Въ этомъ видѣ, ямская гоньба XIV и слѣдующаго вѣковъ существенно отличается отъ гоньбы, имѣвшей мѣсто до того времени. Слѣдуя по направленію ямскихъ дорогъ, естественно, гоньба ямская рѣзко отдѣляется отъ подводной, обнимавшей собою всѣхъ и каждаго, вообще отдѣляется отъ повинности общей личной, и становится повинностію *общинною*. Только члены общины, прилегавшей къ ямской дорогѣ, могли подвергаться повинности возить гонцовъ и грамоты отъ яма до яма; другіе жители, члены другихъ общинъ, удаленныхъ отъ линіи ямскаго движенія, могли долго оставаться свободными отъ этой обязанности, до тѣхъ поръ, пока не придумали средства уравнять эту тягость и содѣлать ее общею, какъ было въ старину.—Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что, покрайней мѣрѣ, съ XIV в., ямская гоньба уже лежала обязанностію на отдѣльныхъ общинахъ, жившихъ у ямскихъ дорогъ, хотя исправлялась все еще личнымъ извозомъ, по очереди, каждымъ членомъ общины. Такъ было и въ началѣ XVI в. [1]), на что намекаетъ разсказъ Герберштейна: «В. князь московскій имѣетъ, говоритъ Герберштейнъ,

[1]) Къ концу XV в., къ году 1489, относится первая, дошедшая до насъ, подорожная, см. Памятн. диплом. снош., I, 25. Тамъ же помѣщена другая отъ 1490 г., стр. 48. Потомъ встрѣчаемъ подорожную въ 1493., выданную на имя пристава Зезевидова, сопровождавшаго Нѣмчина Снупса. См. Карамзина VI, примѣч. 362: «отъ Москвы, по дорозѣ, по нашимъ землямъ, говоритъ Іоаннъ III, до Новгорода, послалъ есмь Сенку Зезевидова — и вы бы давали подводы и съѣстное—двѣ подводы, *а гдѣ ему лучится стати, куря, да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да соли и заспы, и сметаны, и масла, да два калача полуденежные, по сей моей грамотѣ.* Такого рода подорожныя въ Римѣ назывались: diplomata tractatoria, De la Mare, l. c.

по разнымъ мѣстамъ своего княжества, ямщиковъ, съ достаточнымъ количествомъ лошадей, такъ что, куда бы ни послалъ князь своего гонца, вездѣ для него найдутся лошади. Гонецъ имѣетъ право выбирать коня, который ему покажется лучшимъ. *На каждомъ яму лошадей мѣняли; въ свѣжихъ лошадяхъ не было недостатка: кто требовалъ ихъ 10 или 12, тому приводили 40 и 50. Усталыхъ кидали на дорогѣ, и замѣняли ихъ другими, которыхъ брали въ первомъ селѣ или у проѣзжающихъ* «Такого огромнаго числа лошадей не могъ выставить *ни одинъ ямъ*, если не разумѣть подъ нимъ цѣлой общины, цѣлаго поселенія. Прибавить должно, что, предполагая по этому количеству лошадей такъ же большое количество проводниковъ, готовыхъ сѣсть на лошадей, опять должно предполагать, что здѣсь словомъ — ямъ обозначается цѣлая община, городская или сельская, а не отдѣльный пунктъ ямскаго жилья. Особенно важно въ этомъ случаѣ выраженіе Герберштейна: *лошадей усталыхъ мѣняли, въ первомъ селѣ* [1]). Ясно, что безъ общиннаго устройства и союза, въ народѣ, гоньба ямская была невозможна.

Ясно также, что въ это время ямская повинность была уже не общая личная, а общинная натуральная повинность, которую несли всѣ члены извѣстныхъ селъ и городовъ, *за одинъ*, но не всѣ члены Московскаго государства. Отсюда понятно, что ямская гоньба частію теряла чрезъ это свое первоначальное значеніе государственной службы, которая не могла же падать только на нѣкоторыя общины, прилегавшія къ ямскимъ дорогамъ. Отсюда возможность рѣшить вопросъ о томъ, кто могъ пользоваться ямами и гоньбою? Герберштейнъ говоритъ, правда, только о cursor regius, гонцѣ и послѣ; но изъ его словъ нельзя же выводить, чтобы

[1]) Разсказъ о ямахъ, по Герберштейну, см. Starczewsky I, — 59, въ его Scriptor. hist. ruthen, гдѣ можно видѣть и успѣшное состояніе ямской гоньбы, при помощи которой Герберштейнъ совершаетъ весь путь отъ Новгорода до Москвы въ 72 часа. Скорость, изумлявшая, кажется, посла Нѣмецкой Имперіи. Замѣчательно, что, по нашимъ лѣтописямъ, это пространство проѣзжали у насъ въ *три дня*, слѣд. ровно въ 72 часа Герберштейна, какъ будто въ срокъ указный.

частнымъ лицамъ воспрещалось пользованіе этимъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что мы не находимъ ни одного акта съ такимъ запрещеніемъ, а между тѣмъ знаемъ, что въ слѣдующемъ вѣкѣ именно дозволялось ямщикамъ возить посылки частныхъ лицъ, по свободному найму. И заключаемъ, что и въ это время доступность ямской гоньбы для частнаго пользованія могла быть въ обычаѣ, уравнивая ямскую повинность, и оправдывая сдѣлки общинъ, подлежавшихъ повинности, — сдѣлки, ведшія ихъ къ какому-нибудь вознагражденію за исключительную службу.

Но не могла гоньба ямская навсегда оставаться въ положеніи нами описанномъ. Навѣрное, бывали частыя и многократныя жалобы на неравенство ямской повинности; навѣрное, мало по малу убѣждались, что это неравенство не было необходимо, и что его можно было уничтожить, безъ ущерба дѣлу, и даже съ пользою для народа и правительства. Стоило только непосредственную общинную повинность замѣнить посредственною, которая, лежа на всякомъ городѣ и селеніи, выполняласьбы отдѣльными, *опредѣленными лицами*, замѣнявшими общину, *охотниками, выбранными отъ общинъ*. Въ исполненіи такой повинности могли участвовать всѣ общины, самыя отдаленныя отъ ямскихъ дорогъ и ямовъ, посылая въ эти мѣста своихъ выборныхъ, ямскихъ охотниковъ. Что̀ произошло, по крайней мѣрѣ, со второй половины XVI столѣтія, какъ видно изъ одного мѣста Новгородской лѣтописи [1]) и актовъ, изданныхъ въ первые годы XVII вѣка [2]). Изъ лѣтописи видно, что въ это время общины доставляли на ямы̀ и ямскія дороги натурою только кормы и содержаніе, наприм. куръ, свинину, говядину, — то, чего иначе доставить было невозможно; и только эта доставка, безъ сомнѣнія, лежала еще на общинахъ, близкихъ къ дорогамъ, вѣроятно, по закону вознагражденія. Напротивъ, какъ свидѣтельствуютъ акты начала XVII в., гоньба производилась, въ это время, особыми лицами, *ямщиками*, въ собственномъ техническомъ

[1]) Новгород. лѣтоп. 1572 годъ.

[2]) Акт. Экспед. II, № 42, годъ 1603. Акт. Юридич. № 343, годъ 1613, и др.

значенiи имени,—*ямскими охотниками*, выбранными отъ общинъ, въ замѣнъ ихъ натуральной, личной ямской повинности.

Для раскладки такой общей повинности являются особые чиновники, подъ названiемъ *ямскихъ стройщиковъ*, которые должны были *росписывать селы по ямамъ*, т. е. приписывать общины къ тому или другому яму, на ту или другую дорогу, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ общинъ имѣла на своемъ яму своихъ ямскихъ выборныхъ и охотниковъ. Росписанiе производилось по всѣмъ общинамъ, по всему пространству государства, безъ различiя положенiя болѣе или менѣе близкаго къ ямской дорогѣ, на одномъ основанiи поземельнаго владѣнiя, взимая *съ каждой сохи по два ямщика*. Въ случаѣ, еслибы извѣстная община не представила своихъ выборныхъ охотниковъ, наряжалась экзекуцiя; въ общину посылались *многiе приставы, на многихъ подводахъ, съ стрѣльцами, изъ прогоновъ*, для того, чтобы *править охотниковъ нещадно*; и, въ видѣ наказанiя, эти приставы брали съ виновныхъ нѣсколько *десятковъ подводъ, съ телѣгами и проводниками*, т. е. возстановляли, на время наказанiя, древнюю, натуральную ямскую повинность [1]). Выборы въ ямскiе охотники производились за руками всѣхъ крестьянъ, съ ихъ обезпеченiемъ и отвѣтственностiю; слѣд. государство ничего не теряло, напротивъ все выигрывало какъ отъ исполненiя его нуждъ людьми, которые къ тому имѣли охоту, получали навыкъ и необходимыя качества, такъ и отъ болѣе равномѣрнаго и болѣе облегчительнаго разложенiя повинности на всѣхъ членовъ народа.

Остановимъ нѣсколько наше вниманiе на этой эпохѣ русской гоньбы, и разсмотримъ, для уясненiя себѣ этого дѣла, слѣдующiе вопросы: какъ производились выборы въ ямскiе охотники; откуда брались охотники? Какiя права получали они, какiя обязанности принимали? Въ какое положенiе ставили себя, выборомъ, общины къ правительству? Что̀ выигрывалъ народъ отъ такой формы ямской повинности? Эти

[1]) Все это можно видѣть въ актахъ, выше названныхъ, равно какъ въ послѣдующихъ указанiяхъ.

вопросы находятъ свое достовѣрное рѣшеніе въ текстѣ актовъ, и мы постараемся, для большей наглядности, возпроизвести здѣсь текстъ замѣчательнѣйшихъ актовъ, сюда относящихся. Вотъ одинъ изъ нихъ, отъ 1601 г., дек. 25 [1]):

«По государеву цареву и В. К. Бориса Θеодоровича всея Руси наказу, Вологодскаго уѣзда, Прилуцкаго монастыря вотчины крестьяне NN, во всѣхъ крестьянъ мѣсто, выбрали есмя и излюбили Ярофія, Иванова сына, Собинина въ умершаго охотника мѣсто, въ ямскую слободу, по Кириловской дорогѣ, въ охотники: тотъ, Государь, нашъ охотникъ доброй, семьянистой и статочный и прожиточный, и гонебныхъ у него три мерена есть; и государева ему гонба гоняти, и государевыхъ, царевыхъ и В. К. пословъ и посланниковъ и гонцовъ встрѣчати и провожати, зимнымъ и лѣтнымъ путемъ на подводахъ, и водянымъ путемъ въ судѣхъ; и государевыхъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ отпущати, и суды и кормщики и гребцы держати, и ямская стряпня стряпати можно; въ томъ есми вологодскія ямскія слободы прикащику за Ярофея и выборъ дали.» — Такъ община обезпечивала государство въ исправномъ выполненіи своей ямской повинности. Но кто же обезпечивалъ самую общину въ исполненіи обязанностей, принятыхъ охотникомъ? Порука ямскихъ охотниковъ, въ слободу которыхъ вступалъ новоизбранный охотникъ. Вотъ актъ такого рода поруки, отъ 1609 [2]): «Се язъ Онанья, Юрьевъ сынъ, да язъ Θома, Володимеровъ сынъ, и проч., всѣ мы, охотники московскія дороги, бронницкаго яму [3]), поручилися есмя волоснымъ людемъ Николо-Вежискаго монастыря крестьянамъ, и т. д., по охотникѣ — по Матвеѣ, Еремеевѣ сынѣ Вяжискомъ, въ томъ: жити тому охотнику на московской дорогѣ на бронницкомъ яму въ охотникѣхъ; и живучи, государева царева и В. Кн. Василія Ивановича

[1]) Юрид. акт. № 278. О ямщикахъ и ямàхъ, въ Сибири, см. Словцова «Истор. Обозр. Сибири, Москва, 1838, I, 30, за 1606—1607 гг., когда напр. въ Соликамскѣ считалось 70 ямщиковъ, со 140 лошадьми. Вогулы имѣли для гоньбы 320 коней.

[2]) Акт. Юрид. № 294 Акт. II.

[3]) На этомъ яму, по вычисленію акта, было 15 ямщиковъ.

всея Русiи гоньба гоняти съ своею братьею ровно, и государевыхъ пословъ и т. д. по своей чередѣ — отпущати; а держати ему, по государеву указу, на выти по три мерина добрыхъ гонныхъ, со всѣмъ гоннымъ запасомъ съ лѣтнимъ и съ зимнимъ; и никакимъ воровствомъ не воровати, и зернью не играти, и т. д., и убытка и волокиты волоснымъ людямъ —не учинити. А подмоги ему охотнику дано, на нынѣшней сто седьмой надесятъ годъ со Сборнаго Воскресенья по сто восьмой надесятъ годъ по Сборное же Воскресенье, къ старой годовой подмогѣ, 10 рублевъ, да десять четьи хлѣба ржи и овса пополамъ, для государевы гонбы и двороваго поставленья и для гонныхъ лошадей и гоннаго запасу; а впередъ давати ему охотнику, на всякой годъ, по пяти рублевъ денегъ, да по пяти коробей хлѣба, ржи и овса пополамъ. И за эту подмогу охотнику на бронницкомъ яму дворъ поставити, изба, да клѣть, да конюшню, да около двора тынъ,—и пашня пахати,—и въ нынѣшнемъ году о подмогѣ не бити челомъ, и убытка и волокиты не учинити крестьяномъ.—А не учнетъ тотъ охотникъ Матѳей на яму жити, и государевы гоньбы гоняти, и т. д. [1]), и что въ томъ волоснымъ людямъ учинится убытка и волокиты, и то все взяти на насъ на поручникѣхъ,—которой (изъ) насъ поручниковъ въ лицахъ,—по сей записи.»

Въ ямскiе охотники могли поступать люди всякаго чина, и *служилые и торговые* [2]) и, вѣроятно, число ихъ не было маловажно. Мы не знаемъ акта, гдѣ бы сказалась жалоба на недостатокъ въ охотникахъ, не смотря на то, что выборы въ охотники дѣлались *погодно*, каждый годъ возобновлялись [3]); не смотря на то, что на охотникахъ лежали такiя трудныя обязанности, предполагавшiя притомъ порядочное хозяйство и зажиточность охотника [4]); не смотря наконецъ на небольшое, по видимому, вознагражденiе со сто-

[1]) Повторяются всѣ вышеизложенныя обязанности охотника, какъ ямщика и какъ гражданина.

[2]) Акт. Истор. II, № 36, г. 1601, января 17.

[3]) Акт. Юрид. № 294, 1605, акт. I.

[4]) См. приведенные акты.

роны общины [1]). Въ самомъ положеніи ямскаго охотника, очевидно, было что-то выгодное и достойное, послужившее основаніемъ къ образованію цѣлаго класса населенія ямщиковъ, до сихъ поръ существующаго. Кромѣ того вознагражденіе обезпечивалось закономъ, по которому ямщики могли *наниматься у гостей и у всякихъ людей подъ товары* [2]).

Вчитываясь въ акты XVII вѣка, говорящіе объ ямскихъ охотникахъ, нельзя не видѣть, что ямщики были свободные люди, жившіе въ своихъ отдѣльныхъ общинахъ,—слободахъ, —жившіе частію хлѣбопашествомъ, частію извозомъ, гоньбою. Это классъ, средній между крестьянами, землепашцами, и служилыми людьми, и потому пользовавшійся выгодами того и другаго положенія [3]). Отсюда ясно, что всякая община легко находила, за умѣренное вознагражденіе, охотниковъ отправлять за нее гоньбу и повинность ямскую, и что государство скорѣе выигрывало отъ этой перемѣны, чѣмъ теряло, обращая мало по малу ямщиковъ-охотниковъ въ своихъ служилыхъ людей, въ отдѣльное постоянное сословіе. При такомъ устройствѣ, ямская гоньба дѣлалась болѣе и болѣе надежнымъ и правильнымъ учрежденіемъ. Еще шагъ, и въ Россіи должна была явиться почта, въ смыслѣ позднѣйшаго установленія. Отъ выборовъ въ ямскіе охотники до уничтоженія всей натуральной ямской повинности и замѣны ея денежною былъ одинъ только этотъ шагъ. Вмѣсто того, чтобы сами общины избирали охотниковъ и платили имъ лично, что обходилось не безъ ущерба ихъ матеріальнымъ средствамъ, по возможности убытковъ и волокитъ отъ несостоятельности охотниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не безъ у-

1) Десять рублей на первые годы, для обзаведенія, и по 5 рубл. впослѣдствіи и т. п.

2) Ист. Акт. III, № 57, февраля 17, г. 1615.

3) Мы видѣли изъ приведенныхъ актовъ, что ямщики жили благоустроенными слободами, въ собственныхъ домахъ и дворахъ, занимаясь между прочимъ хлѣбопашествомъ. Кромѣ того, по акту 1615, февраля 17, Ист. Акт. III, № 57, ямщики могли наниматься *у гостей и у всякихъ людей подъ товары*. Этотъ документъ важенъ и потому, что служитъ доказательствомъ, до какой степени наша ямская гоньба искони была доступна народу.

щерба и для государственныхъ выгодъ,—вмѣсто всего этого казна скоро нашла и болѣе справедливымъ и болѣе выгоднымъ обложить всѣ общины сборомъ ямскихъ денегъ и приискивать отъ себя охотниковъ, подъ собственнымъ своимъ надзоромъ. Тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, казна могла довольствовать ямщиковъ своею землею, лежавшею часто пустопорожнею; а съ другой потому, что и, при прежней системѣ, казна не всегда разсматривала охотниковъ, какъ наемниковъ общины, и должна была помогать имъ льготами [1]).

Кажется, что такой переходъ ямской повинности изъ натуральной въ денежную постепенно совершался, съ начала XVII в., и окончательно состоялся къ половинѣ этого столѣтія. Въ это время, народъ уже обложенъ ямскими деньгами [2]); ямщики дѣлаются нѣкотораго рода служилыми людьми, и получаютъ жалованье и земли [3]); и ямская гоньба —уже таже почта, только подъ стариннымъ именемъ.

Почта, подъ этимъ новымъ именемъ, существуетъ у насъ съ 1668, и обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. По Московскому трактату о союзѣ съ Польшею [4]), положено, вмѣсто прежнихъ гонцовъ, устано-

[1]) Акт. Истор. II, № 35, г. 1600, ноября 30. Велѣно дать ямскимъ охотникамъ три года льготы отъ всѣхъ исковъ, по долгамъ кабальнымъ и безкабальнымъ,—вообще отъ суда.

[2]) Кошихинъ, стр. 87. полагаетъ въ Россіи того времени сборъ ямскихъ денегъ въ 50,000.

[3]) Акт Истор. III, № 78, акт. 1619, іюля, повелѣвается произвести дознаніе, справедлива ли жалоба ямщиковъ о томъ, что они получаютъ вмѣсто 15 р., какъ прежде, только семь р., а гоняютъ по 6 и 7 дорогамъ; что лошади ихъ, стоящіе по 5 р., падаютъ, отъ перегону и дальныхъ разстояній, въ 300, 400 и 700 верстъ; что они долгами задолжали,—женъ и дѣтей позакладали,—многіе разбрелись. Жалобы оправданы, и актомъ 1621, декабря 26, ibid. № 106, дано имъ жалованья по 15 руб.

[4]) П. С. З. № 420 ст. 6.—Впрочемъ изъ акта 1691 г. апрѣля 21, № 210, стр. 628, IV, Собр. Рум. Грам., видно что почта началась у насъ еще раньше, съ 1665, по договору съ Фанъ-Свенденомъ. Но объ этой почтѣ мало извѣстій положительныхъ, хотя, вѣроятно, къ Фанъ-Свенденовой почтѣ должно отнести подробности о зеле-

вить *почту*, для «вѣдомости чрезъ грамоты, въ скорыхъ приключившихся дѣлахъ государства, а наипаче для пріумноженія торговыхъ обоимъ тѣмъ государствамъ прибытковъ.» Эта почта должна была еженедѣльно ходить между Москвою и резиденціею короля, возя съ собою, какъ дѣла государственныя, такъ и письма торговыхъ и частныхъ людей, которымъ, въ трактатѣ, воспрещается пересылать свои письма другимъ путемъ, помимо почты.

Далѣе дѣлается распоряженіе на счетъ записыванія всѣхъ такихъ грамотъ (государст.) и грамотокъ (частныхъ писемъ) у почтаря, и на счетъ платежа за частную пересылку. Впрочемъ количество этого платежа должно было установить каждое государство особо, по своему благоусмотрѣнію. — Замѣчательно, что въ этомъ трактатѣ постоянно дѣлается упрекъ *въ мѣшкотности* русской ямской гоньбѣ.

Въ исполненіе этихъ распоряженій трактата, при содѣйствіи знаменитаго Ордына-Нащокина, русское правительство приступило къ дѣлу, заключивъ въ слѣдующемъ году, августа 21 [1]), договоръ съ иноземцемъ Леонтіемъ Марселіусомъ,— договоръ, по которому Л. Марселіусъ принималъ на себя устройство почты, на означенномъ трактѣ, при посредствѣ русскихъ ямщиковъ, съ установленіемъ платы за перевозку частныхъ писемъ, по вѣсу ихъ, съ золотника, и за страхъ, при пересылкѣ денегъ, — съ обозначеніемъ, какъ должно надписывать на конвертахъ, и т. п. Тутъ же положено, класть письма въ мѣшки, которые гонецъ долженъ везти до границы и складывать ихъ въ особыя сумки, хотя бы *безъ грамотокъ*. Въ томъ состояло дѣло новыхъ почтарей. — Далѣе, по указу 1672, ноября 6 [2]), Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ всю государственную переписку отправлять съ почтой, изъ Москвы въ Ригу, чрезъ Новгородъ и Псковъ, и въ Вильно,

ныхъ кафтанахъ почтарей, съ нашитыми на нихъ красными суконными орлами,—подробности, помѣщенныя въ «Листкѣ Москов.», 1847, № 5. См. Бантышъ-Каменск., Дѣянія Знам. Полководц. и Министровъ, II, 235,236.

[1]) Собр. Госуд. Грам. IV, № 64.

[2]) П. С. З. № 534.

чрезъ Смоленскъ, по два раза въ недѣлю, по вторникамъ въ Ригу, и по четвергамъ въ Вильно. «И изъ тѣхъ бы городовъ о государевыхъ и о всякихъ иныхъ дѣлахъ, кромѣ самыхъ нужныхъ дѣлъ, воеводы и приказные люди писали и всякія дѣла присылали чрезъ тѣжъ почты, чтобъ въ прогонахъ — казнѣ многихъ расходовъ, такожъ ямщикамъ убытковъ не было.» Эти почты находились уже въ рукахъ и подъ управленіемъ *Петра Марселіуса*, къ которому онѣ перешли отъ Леонтія, потому что «Леонтьева почта опаздывала *день и два*» [1]).

Ясно, что до сихъ поръ почты были только *внѣшнія*, или иностранныя, для сношенія съ иноземными государствами; и русское правительство пользовалось ими для внутренняго управленія, только относительно немногихъ городовъ, лежавшихъ на трактѣ внѣшней почты. Первый актъ, въ которомъ упоминается о внутренней почтѣ, есть наказъ стольнику Волконскому, намѣстнику Переяславскому, 1676, марта 8-го [2]), о томъ, чтобъ извѣщать Государя, *чрезъ почту*, всякій разъ, какъ скоро бы гдѣ открылась моровая язва. Съ этого времени, мало по малу, пункты почтоваго соединенія и почтовые тракты умножаются внутри Россіи, и расширяются до Сибири. 1693 г. іюня 8, упоминается почта между Москвою и Архангельскомъ; далѣе между Москвою и Сибирскими городами [3]). Но *первая мысль объ* учрежденіи почтъ, которыя бы соединяли всѣ города Россіи, или, покрайней мѣрѣ, важнѣйшіе города съ новымъ центромъ управленія и между

[1]) Упомянутый выше актъ, 1691, весьма важенъ потому, что содержитъ родъ исторіи почтоваго учрежденія, изложенной Посольскимъ Приказомъ въ отвѣтъ на запросъ Царей Петра и Іоанна о состояніи почтъ въ ихъ время: По указу Алексѣя Михайловича, со 173 года держалъ почты Иванъ Фонъ-Сведенъ, своими людьми, ималъ по договору 1200 р. Со 176 велѣно держать Леонтію Марселіусу, между Москвою и Курляндіею, Москвою и Вильной, на ямскихъ подводахъ, еженедѣльно; потомъ между Москвою и Новымъ-городомъ. Во 184 велѣно рижскую и виленскую почты держать Петру Марселіусу, потому что Леонтьева почта опаздывала день и два. За казенныя посылки не берутъ ничего; а за частныя берется ли что, Посольскій Приказъ не знаетъ.

[2]) Акт. Экспед, IV, № 211.

[3]) П. С. З. № 1470 и 1654.

собою, принадлежитъ указу Петра В. 1718, іюня 11 [1]). Актъ носитъ названіе Меморіала иноземца Фика, состоитъ изъ двѣнадцати статей, утвержденныхъ, по пунктамъ, Петромъ В. Шестой пунктъ Меморіала говоритъ, что «Коллегіямъ дѣла своего управлять не можно, если порядочная верховая почта чрезъ всѣ главные города и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлю не пойдетъ.»—Резолюція: «Сію почту устроить перво отъ Петербурга до всѣхъ главныхъ городовъ, гдѣ губернаторы обрѣтаются нынѣ, а потомъ управителю почты, говоря съ губернаторы, опредѣлить отъ тѣхъ городовъ въ дальные городы.»

Этимъ указомъ 1718, положено основаніе и назначено направленіе всей правительственной дѣятельности послѣдующаго времени. Оставалось постепенно выполнять резолюцію 6-го пункта, чтобы довести почтовое учрежденіе до настоящаго развития. Съ такою задачею, почты не могли уже быть въ арендѣ частныхъ лицъ, и должны были перейдти всецѣло въ вѣдомство правительства. Въ рукахъ Иностранной коллегіи, располагавшей значительными денежными средствами, почта мало по малу изъ верховой переходила въ телѣжную,—изъ гонебной, когда одинъ гонецъ дѣлалъ путешествіе изъ конца Россіи въ другой, въ почтарскую, передававшую мѣшки съ письмами отъ станціи до станціи, и т. д. И этимъ указомъ мы закончимъ нашъ историческій очеркъ, имѣвшій преимущественно цѣлію, показать значеніе ямской гоньбы и происхожденіе почты въ Россіи. Заключимъ извѣстіемъ XVIII в., доказывающимъ, что гоньба долго служила необходимымъ условіемъ и основаніемъ почты. Такъ изъ «Описанія Вологод. Намѣстничества» узнаемъ, что лошади для почты, въ 80-хъ годахъ XVIII в. содержались все еще ямщиками [2]).

4) *Сословія, народъ. Право труда, какъ условія, для развитія личности и для созданія народной цивилизаціи, матеріальной и духовной.* Право на личную свободу съ правомъ на бытіе и умноженіе; право сообщеній и сближенія, для

[1]) П. С. З. № 3208. п. 6.

[2]) «Временника» кн. 25. Отд. Матер., стр. 42.

составленія, въ странѣ, живаго, народнаго единства; все это служитъ только условіемъ и возбужденіемъ къ той совмѣстной дѣятельности населенія, которую мы называемъ трудомъ, и которая составляетъ предметъ высшаго и послѣдняго изъ правъ общества и народа. Этотъ трудъ не есть только раздробная работа частныхъ лицъ, или трудъ индивидуальный, но дѣятельность общая, совмѣстная, условленная всѣмъ прошедшимъ и настоящимъ, и поддержанная всею суммою народныхъ капиталовъ вещественныхъ и духовныхъ. Такой трудъ одинъ творитъ, въ народѣ, вещественную и духовную цивилизацію, богатство и удобство, образованіе и просвѣщеніе. Но, съ другой стороны, весь этотъ трудъ принадлежитъ обществу, народу, и не можетъ восходить въ область правительственнаго, политическаго, собственно т. н. государственнаго расчета, или управленія. Спарта, Аѳины и Римъ, въ древности, Имперія Карла V и Королевство Людовика XIV, или XV, въ Новой Исторіи, погрѣшали противъ своего населенія также точно, какъ всѣ хозяева, domini ихъ времени погрѣшали противъ своихъ рабовъ. Трудъ есть право общества. Въ отрицаніи этого правительственнаго вліянія на трудъ мы сходимся съ политико-экономами, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что принимаемъ трудъ въ его полномъ размѣрѣ, и разсматриваемъ вопросъ о трудѣ подъ вліяніемъ права [1]). Взглядъ политико-экономовъ узокъ потому, что признаетъ трудъ агентомъ для одного вещественнаго богатства, какъ бы въ смыслѣ механическаго движенія, безъ участія ума и образованія; но особенно потому, что принимаетъ трудъ исключительно въ значеніи индивидуальной работы,

[1]) Выраженія Шербюлье и другихъ экономистовъ см. Bibliot. Universelle de Genère, Octobre 1856 p. 156, 157: l'ordre légale formait un système compliqué d'entraves et de limites, au moyen du quel toutes les positions économiques et sociales étaient fixées, comme les couleurs sur un damier, et la marche de chaque individu etait déterminé d'avance, comme celle des pièces diverses dans le jeu des echecs.—De nos jours la position économique détermine à peu près exclusivement la position sociale. — Все это смѣшеніе причинъ съ ихъ дѣйствіями. Право сдѣлало возможнымъ, чтобы соціальныя положенія опредѣлялись экономическими, сколько то справедливо.

независимо отъ общества и, какъ бы, внѣ общества. Чисто-индивидуальный трудъ родитъ только имущества, или предметы собственности, да промыслы звѣролововъ, рыболововъ, скотоводовъ, и то лишь въ быту полудикомъ, гдѣ все расчитывается на пріобрѣтеніе средствъ для краткаго бытія физическихъ лицъ, а не на образованіе постоянныхъ капиталовъ или доходовъ, и обезпеченнаго обществ. богатства. Къ однимъ промысламъ имѣетъ примѣненіе начало: laissez faire, laissez aller; и въ дѣлѣ промысловъ, нашъ законъ искони слѣдуетъ этому началу, не мѣшаясь въ промыслы, отличая промыслы выраженіемъ: *не для гостьбы*, въ Р. Пр., или *про себя, не на продажу*, въ Тамож. грам., и даже не облагая ихъ пошлинами, какъ предметы *своей пахоты* [1]). Но уже сбереженіе предполагаетъ цѣль болѣе прочную, нежели бытіе даннаго физическаго лица; образованіе капиталовъ особенно условливается наслѣдіемъ, которое невозможно внѣ общества; а созданіе богатства все зависитъ отъ прямаго содѣйствія общества. И такъ, въ противоположность промысламъ, промышленность есть явленіе необходимо общественное, требующее присутствія, въ странѣ, многихъ промысловъ, попеременнаго пріобрѣтенія и отрицанія собственности, или перехода имуществъ въ значеніе товаровъ, и содѣйствія, со стороны общества, обезпеченію своего постепеннаго прогресса [2]) Что прежде всего, видимо совершается общинностію народа, при которой каждая деревня становится ассоціаціею для сельскаго и ремесленнаго промысла, и каждый рядокъ — ассоціаціею для заводовъ и торговли. Безъ такого соединенія не мыслимо ни раздѣленіе занятій, ни разложеніе труда, ни вообще развитіе промышленности.

И первое дѣло общества и закона, въ этомъ отношеніи, состоитъ въ объявленіи промышленности достояніемъ всѣхъ лицъ. Возможно бо́льшая индивидуальность, возможно бо́льшее соперничество и соревнованіе должны служить началомъ

[1]) Дополн. къ Ист. Ак. № 116; Орѣшковск. Там. Грам. 1563, Янв. 1, стр. 166. Ист. Акт. V, № 231, январь 1694.

[2]) См. между прочимъ Wirth's National-Oecon. 529 и слѣд. цѣлый Отдѣлъ: Staat u. Industrie.

для труда человѣческаго. Различіе въ способностяхъ и средствахъ произведетъ раздѣленіе труда, по мѣстности, сословіямъ, званіямъ, а, въ званіяхъ и сословіяхъ, по количеству и качеству труда и работы.

Второе дѣло общества и закона состоитъ въ опредѣленіи взаимныхъ правъ этихъ отдѣльныхъ агентовъ производительности, землехозяевъ и земледѣльцевъ, фабрикантовъ и рабочихъ, мастеровъ и учениковъ, равно какъ торговцевъ разныхъ статей,—агентовъ производительности, соединяющихся для совмѣстнаго, дружнаго труда.

Третье дѣло общества и закона, въ сферѣ труда, выказывается въ ихъ содѣйствіи развитію работы и труда, посредствомъ предъоставленія частнымъ лицамъ права пользованія общественными капиталами, какъ матеріальными, такъ особенно духовными, ученіемъ, образованіемъ и расширеніемъ взгляда на дѣло.

Отрицаніе всякаго вмѣшательства закона въ дѣло промышленности есть заблужденіе, проистекающее изъ смѣшенія понятій о результатѣ промышленности, или о богатствѣ народномъ. Политико-экономы считаютъ народнымъ богатсвомъ только сумму частныхъ имуществъ, и разсматриваютъ богатство народное только въ отвлеченіи. Но общество и народъ имѣютъ дѣйствительное свое имущество и богатство, какъ частныя лица и правительство. И, если частныя имущества пріобрѣтаются работой; общественныя богатства родятся промышленностію, подъ вліяніемъ общественныхъ законовъ.

Присоединимъ, что богатство и образованіе составляютъ продукты одного и тогоже народнаго труда, различающіеся своимъ свойствомъ и частію своими дѣятелями, но сходные по дѣйствительности и ощутительности своего явленія, въ формѣ общественныхъ капиталовъ и учрежденій, и въ образѣ народной письменности и литературы. Только богатство вещественное производится народомъ, въ лицѣ его сословій, различныхъ по назначенію и положенію; образованіе же совершается народомъ, въ лицѣ всѣхъ его членовъ, возрастовъ, половъ, состояній, собственно цѣлымъ народомъ. И, если богатство можно, въ этомъ значеніи, назвать достояніемъ

общественнымъ; то образованіе должно назвать общимъ, народнымъ. Обращаясь къ промышленности, заключимъ объясненіемъ, что мы не пишемъ исторіи древней русской промышленности, съ ея вопросами, что̀ и какъ; а стараемся представить промышленность, въ ея общественномъ, юридическомъ значеніи, съ вопросомъ, почему. Мы опускаемъ историческіе факты, можетъ быть, весьма любопытные, и останавливаемся на юридическихъ событіяхъ, важныхъ для законодательства даже дѣйствующаго, равно какъ для теоріи даже современной.

А. *Право промышленности, какъ дѣятельности сословій, въ Руси.* Документомъ въ пользу общественнаго значенія, въ Руси, всякой промышленности, служитъ общественное значеніе самыхъ орудій мѣны и торга,—этихъ условій для сближенія между промыслами и для образованія изъ нихъ промышленности. Однообразіе и общность мѣръ, вѣсовъ и денегъ, или мѣры для цѣнности предметовъ, въ Россіи, доказываютъ связь ихъ съ обществомъ и объясняютъ совпаденіе ихъ исторіи съ постепеннымъ развитіемъ самаго народа; а прямое содѣйствіе общества и закона къ обезпеченію ихъ постоянства и неизмѣнности вполнѣ убѣждаетъ въ важности ихъ предъ глазами общества и закона.

Для доказательства сказаннаго, равно какъ для пониманія нашихъ лѣтописей, актовъ и нашего послѣдующаго изложенія, необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, и установить значеніе древнихъ мѣръ, вѣсовъ и денегъ, для излагаемаго втораго періода.

1) *Поземельная мѣра*, состоявшая первоначально въ опредѣленіи площадей, только впослѣдствіи обращается въ линѣйную. Такъ сначала появляются общинныя мѣры, обжами, вытями, коробьями, четвертями, потомъ правительственныя, сохами, десятинами; и уже послѣ того встрѣчаются версты, сажени, и т. д. Начинаемъ съ бо̀льшихъ, съ сохъ, которыхъ различаемъ, въ актахъ, два рода, Новгородскую и Московскую.

Соха Новгородская была довольно различна, по содержанію, равняясь иногда 6-ти, иногда 3 обж.; обыкновенно, она полагалась равною 3 обжамъ. Каждая обжа потомъ распа-

далась на коробьи, входившія въ обжу не всегда въ одинаковомъ числѣ такъ, что обжа равнялась и 2 и 3 и даже $5^1/_2$ коробьямъ. Обыкновенное же отношеніе между коробьями и обжами выражалось отношеніемъ 3 : 1.

Посему Новгор. соха=3 обжамъ;
— — обжа=3 коробьямъ;
— — коробья=2 четвертямъ, или, по нашему, одной десятинѣ; а цѣлая Новгородская соха равнялась 9 десятинамъ [1]).

Московская, по Сошному письму, равнялась
= 800 четверт. или 400 десят. доброй земли;
= 1000 — — 500 — средней, и
= 1200 — — 600 — худшей.

Другое выраженіе для этой сохи было то, что она равнялась=68 (собств. 66) вытямъ доброй земли;
выть=6 десятинамъ,
десятина=2 четвертямъ той же земли [2]).

Десятина=2500 □ саженъ, которыхъ 500 составляли версту, до конца XVII в. — Можетъ быть, десятина означала десятую часть первоначальной обжи, какъ четверть —четвертую часть кади.

Наконецъ, по *инструкціи межевщикамъ*, 1754, мая 13, гл. XXIII, §§ 2—4, старыя мѣры замѣнены новыми, по слѣдующему расчету: «въ *выть*, по-польски, въ *волоку*, полагалось по 19 дес. и 2010 квадр. саженъ, въ Смоленской губерніи; въ каждую *коробью*, въ Новгородск., по 2 четверти въ полѣ, или по 3 десятины, въ трехъ поляхъ; а на обжу, по 10 четвертей, въ полѣ, или по 15 десятинъ, въ трехъ поляхъ.

2) *Хлѣбная мѣра*, самая древняя состояла въ *кади* или *оковѣ*, которые дѣлились на 4 четверти и на 8 осьминъ, а

[1]) Неволина о «Пятинахъ» прилож. I, стр. 9: 18 короб.=6 обжамъ, =2 сохамъ; на стр. 11, 12, 14, 16, уравнивается обжа и двумъ и пяти съ полов. коробьямъ, Прилож. III, актъ 1581—82, 1 обжа= 5 коробьямъ.

[2]) Въ 17 кн. Временника, Сошное письмо. Замѣтимъ, что и здѣсь, въ Москов. Руси, по V Прилож. къ «Пятин.», «кладено въ выть» по 12 четв. рт., и по 11, по 8.... и по 2, и меньше, 1622—23. Конечно, это было исключеніемъ изъ правила.

каждая осьмина на 4 четверетки, наши четверики. *Коробья* Новагорода равнялась двумъ четвертямъ или четвертинамъ, а *зобница* Пскова составляла осьмину кади [1]). Кадь, оковъ, зобница и коробья не встрѣчаются въ актахъ съ XVII ст. оставивъ нашему времени однѣ свои дроби, четверти, осьмины и четверики.

3) *Вѣсъ* сначала является такъ же въ большихъ размѣрахъ, каковы *капъ* въ 12 пудовъ, и *берковецъ* въ 10. Потомъ идутъ пуды въ сорокъ фунтовъ или гривенъ, гривенки въ $1/2$ ф., или 48 золотниковъ, и золотники въ 25 почекъ, каждый.

4) *Деньги.* Послѣ древнихъ гривенъ, вѣсившихъ полфунта металла, появляются съ XIV вѣка рубли [2]), которые съ XV стол. въ Новѣгородѣ, содержали 216 денежекъ и дѣлились на 15 гривенъ съ алтыномъ, т. е. съ 6 денежк., и на двѣ полтины въ $7^1/_2$ грив. и 3 ден.—Деньга содержала 4 почки чистаго серебра [3]), слѣд. рубль имѣлъ $34^{14}/_{25}$ золотника, составляя массу почти въ 8 разъ большую нашего руб. сер. въ 4 золотника и 21 долю. Рубль Московскій, допускавшій тоже дѣленіе на полтины, гривны, алтыны и деньги, былъ по своему содержанію, почти вдвое меньше Новгородскаго и потому въ четыре раза больше современнаго.—Въ актахъ встрѣчается еще особый счетъ, подъ названіемъ «боранъ,» *боранъ большой*, именно въ 40 алтынъ, или въ 240 денеж. т. е. въ 1 руб. и 4 алт. [4]), и *бѣлка*, въ 3 и въ 2 деньги каждая [5]).

1) Москвит. 1854, № 5, моя стат. о продовольствіи, стр. 37.

2) «Временника» 23 кн. Замѣтка И. Д. Бѣляева объ отношеніи древнихъ гривенъ къ послѣдующимъ рублямъ показываетъ, что гривна серебра равнялась 2 р. 5 алт. и 2 деньгамъ XVI в., стало быть, гр сер.=464 деньгамъ, состоя изъ 375 кунъ. Ясно, что отношеніе куны къ деньгѣ можно выразить, какъ отношеніе 8:10, т. е. 8 кунъ равнялись 10 деньгамъ, а 4 куны=5 деньгамъ, одна куна немного болѣе одной деньги.

3) Времен О. И. Др. кн. 17, Смѣсь, 47.

4) Акт. Юрид. № 43, отъ 1669 года.

5) Юрид. Акт. № 170, отъ 1551. — «Временника» 25 кн. Уставная грамота, данная жителямъ Перми; Отд. Матер. стр. 149.

Въ XVII в. древній рубль еще заключалъ въ себѣ до 20 золотниковъ; но къ 1703 нашли для него много и 11 золотниковъ съ 40 долями, и чеканили рубль только въ 5 золотн. и 67 долей; а съ 1718, рубль имѣлъ уже 4 золотн. и 81 долю, и дошелъ до насъ съ вѣсомъ въ 4 золот. и 21 долю. Заключимъ, что, если въ Россіи до XVI вѣка деньги были въ 10 или въ 7 разъ дороже теперешнихъ, то и въ XVI онѣ были дороже хоть въ два раза, пока не подравнялись съ современными къ концу XVI и началу XVII ст., вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ западомъ, который, въ это время выдерживалъ революцію въ мірѣ цѣнностей, отъ вліянія на нихъ открытія Америки [1]).

Нельзя не видѣть, что встарину всѣ измѣренія были громаднѣе, массивнѣе, больше, и такъ какъ мѣрою всего служитъ человѣкъ, съ его футами, или шагами, локтями, или руками, и дюймами, или пальцами; то повѣрье о древнихъ великанахъ находило у насъ опору въ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ. Оно не умѣло только назвать этого великана, мѣрявшаго землю обжами и сохами, хлѣбъ кадями и оковами, а цѣну гривнами или полуфунтами дорогаго металла. Это не было частное лицо, отдѣльная личность; то были міръ и община. И не мельчали отдѣльныя личности въ физическихъ размѣрахъ, а только ослабѣвали по состоянію объособленія.

Эти мѣры, вѣсы и деньги поддерживались закономъ въ ихъ постоянствѣ и неизмѣнности. Два-три примѣра достаточно объяснятъ дѣло. Мы уже знаемъ, что Владиміръ Св. подчинялъ мѣры и вѣсы высшему надзору епископовъ; въ XII в., именно въ уставѣ Всеволода 1134—35 г., взвѣшиваніе предоставлялось только лучшимъ людямъ въ Новгородѣ, старостамъ Иванскаго торгу. Въ позднѣйшія времена, встрѣчаемъ только бо́льшія подробности въ распоряженіяхъ, имѣющихъ одно древнее начало. Такъ, въ 1550 г. отправлена была грамота на Двину на имя тамошнихъ старостъ, сотскихъ, цѣловальниковъ и земскихъ людей, съ повелѣніемъ, сдѣлать по присланному къ нимъ образцу, состоявшему въ

[1]) Roschers' National—Oecon., 257 и слѣд.

мѣдной мѣрѣ, деревянныхъ *спусковъ*, т. е. такихъ же мѣръ, обозначенныхъ *пятномъ*, или клеймомъ, для того, чтобы впредь все мѣрять въ эту новую мѣру, подъ страхомъ пени съ ослушниковъ, въ первый разъ, въ 2 руб., во второй вдвое, а въ третій разъ втрое, съ заключеніемъ въ тюрьму.» По уѣздамъ велѣно разослать *новыя осьмины*, подобно тому, какъ это сдѣлано по всѣмъ другимъ мѣстамъ Московскаго государства [1]). Черезъ сто лѣтъ послѣ событія [2]), встрѣчаемъ извѣстную, такъ называемую Сказку Данилы Строганова съ братьями, и гостинной и другихъ сотенъ торговыхъ людей о необходимости одинаковыхъ и неизмѣнныхъ мѣръ и вѣсовъ во всей Россіи; а въ 1680 г. происходитъ вновь введеніе повсюду за-орленыхъ мѣръ и мѣдныхъ вѣсовъ[3]). Такъ народъ и правительство хлопотали о поддержаніи мѣръ и вѣсовъ въ ихъ нормальномъ положеніи.

О деньгахъ не имѣемъ отдѣльныхъ указовъ, а только извѣстія объ *оффиціальномъ установленіи денежниковъ*, или денежныхъ мастеровъ, напр. 1447 въ Новгородѣ, когда «Посадникъ и Тысяцкій и весь Новгородъ установили 5 денежниковъ, и положили чеканить новыя деньги, въ ту же мѣру, на 4 почки» [4]). Равно какъ, съ начала XV в., со введенія денегъ, встрѣчаемъ уголовныя наказанія противъ поддѣлывавшихъ монету [5]). Наконецъ въ самыхъ деньгахъ древности дошло до насъ важное указаніе на общую неизмѣнность монетъ до половины XVII вѣка, которое можно видѣть въ разныхъ собраніяхъ древнихъ монетъ. Бывъ подвергнуты пробѣ, древнія монеты показываютъ, что онѣ встарину чеканились пробы высокой и болѣе постоянной. Наше древнее правительство никогда не прибѣгало къ выпуску плохой монеты, какъ дѣлало Французское, напр. еще съ XIV ст. У насъ только

[1]) Дополн. къ Истор. Акт. I, № 45. Ср. тамъ же № 116 отъ 1563, января 1, Орѣхов. тамож. грамоту, гдѣ полагается пеня въ Моск. рубль съ того, кто мѣряетъ не въ пятненную мѣру.

[2]) 1653, Акт. Эксп. IV, № 64.

[3]) Акт. Эксп. IV, № 240.

[4]) Псковск. Лѣтоп. I, 125, 126; ср. Псков. I, 200. II, 24. Новгор. I. 104, 109.

[5]) См. приведенное мѣсто Псков. I, 125.

съ 1660 годовъ появляются мѣдныя монеты съ цѣною номинальною, съ лажемъ, наддачами и другими своими послѣдствіями, такъ, что напр. 1663 за одинъ серебряный рубль давали уже 12 руб. мѣдныхъ [1]).

Если орудія оборотовъ, мѣры, вѣсы и деньги, очевидно, составляли, въ древней Руси, интересъ общественный; то тѣмъ болѣе сами обороты, сама дѣятельность и промышленность должны были входить въ составъ вопросовъ древняго общественнаго Права. Разсмотримъ положеніе древней русской промышленности, по системѣ нашего права, какъ вообще, такъ и въ разныхъ ея вѣтвяхъ и видахъ.

Первое дѣло общества и закона, относительно промышленности, состоитъ, сказали мы, въ объявленіи промышленности общимъ достояніемъ, доступнымъ для всѣхъ и каждаго въ народѣ. И документомъ въ пользу этого положенія, въ Руси, служитъ самое происхожденіе промышленности изъ промысловъ, условливаемыхъ исключительно личностію, а промысловъ — изъ торговли, древнѣйшаго, основнаго промысла, требующаго необходимо свободной, личной дѣятельности. — Не у насъ однихъ, а повсюду, въ древнѣйшія времена, торговля имѣла совершенно другое значеніе, нежели пріобрѣтенное ею впослѣдствіи. У народовъ образованныхъ, или современныхъ, торговля есть прямое, необходимое слѣдствіе развитія другихъ родовъ промышленности, — посредница между различными дѣятелями произведенія, — сокращенный и легкій путь для соединеія лицъ, ищущихъ сбыта, съ лицами, имѣющими нужду въ предметахъ такого сбыта. Напротивъ, въ первоначальномъ быту человѣческихъ обществъ торговля была промысломъ бѣдныхъ сословій, или бѣдныхъ племенъ и народовъ, которые во всемъ нуждались, ничего не имѣли, и всего искали у сосѣдей болѣе богатыхъ, и въ торговлѣ находили не посредство между богатствомъ своей земли и сокровищами иностранными, а самое производство богатства. У нихъ торговля была производительна, въ буквальномъ значеніи слова. Посмотрите на географическое положеніе главныхъ торговыхъ народовъ древности и послѣ-

[1]) Акт. Эксп. IV, №№ 90 и 144.

дующаго времени, — на положеніе *Финикіянъ*, скученныхъ на маломъ пространствѣ неблагодарной почвы, — Венеціянъ, осажденныхъ моремъ въ собственныхъ домахъ ихъ,—или на Новгородцевъ и Псковитянъ, окруженныхъ лѣсами, болотами, или песками. Могли ль эти народы въ началѣ выставить, въ обмѣнъ на чужіе товары, что-нибудь, кромѣ отчаянной нужды и жестокой храбрости? Могли ль они, въ началѣ платить за чужія произведенія чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ жизни, которую однакожъ они продавали дорого? Посмотрите, съ другой стороны, на средства древнѣйшей торговли подобныхъ народовъ. Они ведутъ *исключительно дѣятельную* торговлю; къ нимъ никто не ѣздитъ и товаровъ не возитъ; они сами постоянно совершаютъ походы ко всѣмъ народамъ, самымъ отдаленнымъ и самымъ неизвѣстнымъ. Таковы походы Грековъ за золотымъ руномъ въ Колхиду; таковы странствованія Норманновъ по всѣмъ морямъ; таковы походы Руссовъ на Византію. Эти походы были часто передвиженіемъ цѣлыхъ населеній, со всѣмъ ихъ внутреннимъ домашнимъ устройствомъ, и со всѣми ихъ общественными элементами, князьями, властями. Но, во всякомъ случаѣ, эти походы имѣли воинственный характеръ и ратное устройство. Въ такомъ видѣ представляютъ первоначальную торговлю Арабовъ, Норманновъ и Руссовъ лѣтописи народовъ, которые терпѣли отъ ихъ походовъ; въ такомъ видѣ сохранилось преданіе о первыхъ торговыхъ предпріятіяхъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, которые долго, долго потомъ питали нерасположеніе къ торговлѣ, какъ промыслу весьма двусмысленному, полному насилія, грабежа и убійства.

Этотъ періодъ торговли мы можемъ назвать *героическимъ*, если не по великимъ подвигамъ, за то по господствовавшему въ немъ началу личности. Этотъ періодъ имѣла торговля у всѣхъ народовъ, во времена ихъ отдаленной, глубокой древности. И слѣды такой торговли долго встрѣчаемъ мы у народовъ, даже въ историческое время ихъ существованія. Начавши пріобрѣтеніемъ, безъ производительнаго труда; узнавши роскошь и богатство прежде довольства; возбудивши въ себѣ потребности, не соразмѣрныя съ силами и средствами, эти народы долго испытывали тяжелыя слѣдствія сво-

ихъ злыхъ пріобрѣтеній. Торговля ихъ и впослѣдствіи времени, цѣлые вѣки, была только внѣшнною торговлею, которая могла давать имъ злато и сребро, но не доставляла наслажденій истиннаго богатства — прочнаго, обезпеченнаго довольства. Все, кромѣ насущныхъ средствъ существованія, добывалось извнѣ.

Такое положеніе имѣла торговля, въ началѣ среднихъ вѣковъ, на западѣ Европы, по ученому свидѣтельству Гюльмана [1]). Тутъ уже движутся и кочуютъ не цѣлыя племена, а отдѣльныя лица бѣднѣйшаго класса, рѣшающіяся на далекія странствованія, на опасныя путешествія, для доставленія болѣе богатымъ того, въ чемъ они имѣли нужду, и для снисканія себѣ средствъ существованія. Вотъ нѣсколько данныхъ, для сужденія о дѣлѣ.

По огромности помѣстій, въ означенное нами, по Гюльману, время, только небольшіе участки ихъ были воздѣланы, обращены въ поля, засѣяны, или засажены. Большая часть земли оставалась подъ лѣсомъ, лугами и пастбищами. О садахъ, огородахъ, овощахъ, или плодахъ не было понятія. Самаго сѣна не готовили въ количествѣ, потребномъ для сбереженія на зиму всей скотины; посему всякую осень часть скота били, солили, коптили и съѣдали слѣдующею за тѣмъ зимою. Въ дополненіе къ тому занимались звѣриной и птичьей ловлей и охотой, столь любимой, развитой и распространенной въ Средніе вѣки. *Такая пища, исключительно мясная пища* требовала приправы, *пряностей;* и отсюда Гюльманъ естественно выводитъ то всеобщее, огромное потребленіе *перцу*, которое характеризуетъ разсматриваемое время. Перецъ вывозили съ отдаленнѣйшихъ краевъ Азіи, и, конечно, онъ былъ дорогъ, какъ золото, и понятно, что на таможняхъ перцемъ платили купцы свои пошлины. Установленіе *постовъ* вызывало также торговлю внѣшнюю, иноземную, для всѣхъ странъ, гдѣ не водилось *сельдей*, и гдѣ ихъ не приготовляли.

[1]) Hüllm, Staedtewes. d. Mittelalt. I, въ началѣ, и далѣе, въ разныхъ мѣстахъ.

Къ той же внѣшней торговлѣ, *на западѣ Европы*, вело употребленіе въ церквахъ *воску для освѣщенія* храмовъ, и *морскаго ладону русскаго*, *или янтаря для* кажденія [1]). Одинъ добывался торговлей съ Литвою и Россіей, другой—сношеніями съ балтійскимъ приморьемъ, съ Помераніею. Но особенно побуждала къ связямъ съ далекимъ востокомъ потребность въ легкихъ и тонкихъ, богатыхъ и благолѣпныхъ *тканяхъ*, употреблявшихся духовенствомъ при совершеніи богослуженія.

Наконецъ самая *война*, — главное занятіе всѣхъ классовъ средневѣковыхъ обществъ, не могла обойтись, безъ произведеній чужаго труда. *Дамасскіе клинки* и другія оружія вывозились въ Европу путемъ иностранной торговли. Не говоря уже о *роскоши* придворныхъ, рыцарей и дамъ, которая, съ своей стороны, направляла торговцевъ къ Россіи, для вымѣна тамъ богатыхъ мѣховъ дорогихъ и рѣдкихъ звѣрей, Schönwerk.

И долго внѣшняя торговля господствуетъ на всемъ западѣ, служа одному потребленію, не содѣйствуя произведенію, не умножая богатства народовъ, до того времени, пока промышленность востока, перенесенная преимущественно Маврами въ Европу, не возбудила внутренней сельской и городской промышленности, и не родила торговли внутренней,—собственно промышленности, что̀, по Гюльману, случилось уже въ XII, или даже въ XIII в.

Не должно ли было тоже самое повториться въ нашемъ отечествѣ? Ходъ развитія промышленности народа есть ходъ необходимый,—ходъ вещей и обстоятельствъ, первоначально вездѣ подчинявшихъ себѣ волю человѣка. Таже крайняя бѣдность, сперва цѣлаго населенія, потомъ такія же нужды богатыхъ, неудовлетворяемыя внутреннею производительностію, и наконецъ такая же крайность бѣдныхъ должны были повести Русь къ аналогическимъ результатамъ. И здѣсь торговля была сначала дѣломъ цѣлаго населенія, съ княземъ и

[1]) Оттого Нѣмцы назвали янтарь Brennstein, потомъ Bernstein. См Hüllman, тамъ же. См. такъ же «Янтарн. Острова,» статья Г. Щуровскаго. Атеней, Моск. 1858, перв. №№.

дружиной во главѣ, и въ формѣ похода какого-нибудь Кія; потомъ она сдѣлалась промысломъ отдѣльнымъ лицъ, которыя рѣшались на самыя отчаянныя странствованія, для достиженія своихъ цѣлей, посредствомъ внѣшней торговли. Недаромъ, въ древности, торговля называлась гостьбою. Наконецъ эта внѣшняя торговля, мало по малу, пробуждала внутреннюю производительность и раждала внутреннюю торговлю—собственно промышленность.

Мы не пишемъ исторіи русской торговли, и потому не имѣемъ нужды вдаваться въ подробныя розысканія о древнѣйшей нашей торговлѣ до Варяговъ. Тѣмъ болѣе, что извѣстные намъ документы о состояніи торговли, въ періодъ варяжскій, доказываютъ нашу мысль несомнѣнно. Ибо въ чемъ состояла торговля Руси въ періодъ Олеговъ, Игорей, Святославовъ? — У всѣхъ историковъ встрѣчаемъ мы одинакій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Карамзинъ говоритъ, что Руссы этого времени, подобно Норманнамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ [1]; М. П. Погодинъ также находитъ, что тогдашніе торговые караваны или походы имѣли характеръ военный. [2]) Все это совершенно справедливо, потому что самъ Константинъ Багрянородный изображаетъ въ этомъ видѣ сборы и походы Руссовъ на Византію [3]). Особенно это видно изъ его разсказа о томъ, какъ наши князья, ежегодно, осенью, оставляли Кіевъ, разъѣзжались по городамъ и племенамъ, разумѣется, для сбора дани, и потомъ, весною, по вскрытіи Днѣпра, *вооружали свои суда* и совершали *обычные свои походы* [4]).

Тоже доказываютъ сохранившіяся въ лѣтописи извѣстія о трактатахъ съ Греками Олега, Игоря, гдѣ частію Византія требуетъ, чтобы Русь не чинила пакости по ея селамъ; частію выговариваетъ, чтобы Русскіе торговцы приходили въ опредѣленномъ количествѣ, — съ извѣстными документами, или знаками мирныхъ намѣреній,—и чтобы они оставались

[1]) И. Г. Р. I, 244.

[2]) Изслѣдов. III, 252. и въ друг. мѣст.

[3]) Погод. Изслѣд. I, 246, 247, 253.

[4]) Тамъ же, Изслѣд. I, 255. См. также мою Рѣчь о Древ. Дипл. 10—13.

не долго, въ назначенномъ мѣстѣ, и т. д.—Вообще, въ этихъ трактатахъ, вы читаете постоянно объ ограниченіяхъ сношеній Руси съ Византіею, — эти ограниченія дѣлаются на счетъ Руси и въ пользу Византіи, для ея безопасности отъ частыхъ посѣщеній Руси, а не для облегченія связей между сосѣдями,—связей, которыя однѣ называются торговлею [1]). Конечно, мы не скажемъ, чтобы Русь того времени вовсе не торговала, и ничего не мѣняла; напротивъ Византія служила такъже рынкомъ для Руси. Князья возили на этотъ рынокъ повозъ и дань, для размѣна его на золото, серебро и паволоки; дружина, бояре, воины сбывали тамъ своихъ невольниковъ и полонъ, скору и воскъ, вымѣнивая для себя шелковыя ткани, сафьянъ, вино, перецъ, овощи. Но скора и воскъ не могли стоить такъ дорого на рынкѣ Константинополя, какъ *невольники и полонъ*; на скору и воскъ не могли Руссы вымѣнять ту массу золота и паволокъ, которую въ одинъ походъ могли пріобрѣсти въ Византіи князья и бояре, города и воины. И естественно, что походы на Византію скорѣе могли убить въ нашихъ предкахъ охоту къ трудному и неблестящему промыслу земледѣлія или ремеслъ, чѣмъ содѣйствовать его развитію. Торговля подобнаго рода знакомила Россію съ одною роскошью. Съ этого времени наши богатые люди стали носить шелковыя одежды, сафьянные сапоги, драгоцѣнные поясы; съ этого времени стали они пить заморскія вина, вкушать плоды другихъ климатовъ, ѣсть серебряными ложками [2]), забывая про огородничество, садоводство, ремесла. Этотъ періодъ Русской торговли мы можемъ, по аналогіи, назвать такъ же героическимъ, содѣйствовавшимъ къ устанавленію личнаго начала и закона свободы промысловъ.

Но вотъ походы на Византію прекращаются, и Русь должна была удовлетворять своимъ возбужденнымъ потребностямъ усиленною энергіею внутренняго труда, который, по господству въ немъ свободы, далъ результаты, отмѣченные нами при разсмотрѣніи Р. Правды. Тамъ видѣли мы развитіе про-

[1]) См. Рѣчь: о Древ. Рус. Дипл. 21.

[2]) Карамз. I, 245.

мышленности, дошедшее до различенія въ ней трехъ видовъ, и до опредѣленія каждаго изъ нихъ собственнымъ закономъ. Бывъ свободною, промышленность содѣлалась правомъ, котораго послѣдующую исторію начнемъ съ промышленности сельской.

Право сельской промышленности. Считаемъ не лишнимъ напомнить читателю характеристику законовъ древнихъ и средневѣковыхъ, опредѣлявшихъ нѣкогда сельское хозяйство Греціи, Рима и западной Европы. Собственно, въ древности, не было полнаго сельскаго хозяйства, которое состояло тамъ преимущественно въ хлѣбопашествѣ. Оно одно уважалось въ Аѳинахъ и Римѣ. Какъ единственный промыселъ народа и послѣднее средство его существованія, хлѣбопашество постоянно находилось подъ вліяніемъ расчета о государственной безопасности, и правительство то запрещало вывозъ, то брало на себя куплю и продажу произведеній этого промысла [1]). Результатъ очевиденъ.

Въ Средніе вѣки, на западѣ, городскіе промыслы достигли значительной степени развитія; но сельское хозяйство долго оставалось на степени не блестящей. Владѣльцы огромныхъ помѣстій не имѣли ни времени, ни вкуса, ни средствъ для того, чтобы ихъ воздѣлать. Долго лѣса покрывали собою огромныя пространства, раздѣляя свое господство съ лугами или пастбищами, которыхъ было во столько болѣе полей, во сколько лѣсовъ было болѣе пастбищъ. Звѣриная и птичья ловли, степное скотоводство, да хлѣбопашество по мѣрѣ насущнаго продовольствія—вотъ первоначальный видъ сельскаго хозяйства на западѣ, пока Аравитяне не научили Европейцевъ разведенію винограда, хлопчатой бумаги, шелководству и т. д. [2])

Общее начало, постоянно господствовавшее и дѣйствовавшее въ нашемъ законодательствѣ, относительно промышленности, состояло, какъ мы видѣли, въ законѣ наибольшаго соперничества, или въ правѣ всѣхъ и каждаго заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ, звѣроловствомъ, земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, и притомъ безъ различія званія или состоянія,—разли-

[1] Staatshaush. I, 44 и слѣд.

[2] Hüllman, Städtewes. d. Mittelalt. I, 1, 20 и слѣд.

чія, столь важнаго на западѣ Европы. Это право выражалось встарину въ обычаѣ перехода изъ общины въ общину, изъ села въ городъ, изъ посада въ село, съ земли одного владѣльца на землю другаго. Народъ жилъ общинами; но замкнутыхъ общинъ или западныхъ корпорацій онъ не зналъ и всегда чуждался, сохраняя право передвиженія изъ общины въ другую и по обычаю и по закону. Относительно собственно земледѣлія, означенное начало вызывало еще особое поземельное право, открытое для всѣхъ и каждаго. Такъ открывалось русскому народу и все могущество его труда и все богатство его почвы; но такъ открывалось народу и вся опасность, грозившая развитію промышленности, особенно сельской, для обезпеченія которой древніе имѣли рабовъ, западные народы — своихъ glebae adscriptos. Россіи предстояла задача сохранить личную свободу, и въ тоже время развить промышленность. Начнемъ нѣсколько издали.

По естественному ходу дѣлъ, изо всѣхъ промысловъ первыми на Руси были звѣроловство, рыболовство, скотоводство, вообщее занятія, которыхъ предметъ или плодъ дается силами и производительностію природы, безъ дальнихъ хлопотъ со стороны человѣка. И эти занятія имѣли сначала форму личныхъ промысловъ и значеніе средства добыть необходимое— одежду, пищу. Но съ теченіемъ времени потребности росли, умножались; нужно было усиливать трудъ и дѣятельность.

Къ тому призывала и обширность страны, съ ея разнообразіемъ, и доступность владѣнія съ богатствомъ природы. »Изобилуетъ русская земля, говоритъ Императоръ Маврикій, множествомъ скота и различныхъ произрастеній[1]). Посему и хлѣбопашество принадлежитъ у насъ къ числу древнихъ и общихъ промысловъ; даже Радимичи и Вятичи занимались хлѣбопашествомъ. И первоначально такъ же съ одною цѣлію— продовольствія. Сближеніе съ Византіей не осталось безъ послѣдствій.

Рано встрѣчается извѣстіе о воздѣланіи земли, въ Россіи, по однообразному, общему способу, *изъ-полу*, въ такъ называемомъ Уставѣ Ярослава о *земскихъ дѣлѣхъ*. Рано

[1]) Abundant copia brutorum et terra nascentium omnis generis. Кар. I, 145

также находимъ нѣкотораго рода примѣрное положеніе о древнемъ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, именно въ извѣстномъ спискѣ Русской Правды [1]), гдѣ на данное количество скота, запашки и посѣвовъ вычисляются доходы, приплодъ и прибытокъ въ 9, 10 и 12 лѣтъ. Наконецъ рано, именно въ началѣ XII вѣка, мы читаемъ въ лѣтописи свидѣтельство о томъ, что наши Князья и ихъ дружины дорожатъ хлѣбопашествомъ, берегутъ скотъ, принадлежащій смердамъ или земледѣльцамъ, и хлопочутъ о защитѣ смердовъ, такъ, что частію съ этою цѣлію предпринимаютъ войны противъ Половцевъ дикихъ и кочующихъ. Таковъ смыслъ разсказа о спорѣ, возникшемъ однажды между Мономахомъ и Святополкомъ на счетъ войны съ Половцами. Тогда какъ Святополкъ съ дружиною надѣются сберечь смердовъ и *ролью* ихъ, или посѣвы тѣмъ, что не вчинаютъ и избѣгаютъ войны съ Половцами; Владиміръ доказываетъ, что только войною и нападеніями на враговъ можно сохранить и ролью и смердовъ и ихъ имущества [2]).

Если въ XII вѣкѣ такъ заботились наши Князья о судьбѣ земледѣльцевъ и о земледѣліи, то конечно они должны были заботиться о томъ еще болѣе въ послѣдующее время, когда Россія находилась подъ игомъ татарской дани. И не одни Князья, но всѣ владѣльцы, — бояре, монастыри, церкви. И не одни владѣльцы, но и крестьяне,—села, деревни, *починки*, эти естественныя ассоціаціи сельскаго труда, и эти податныя единицы, для которыхъ весьма было важно сохранить и поддержать состоятельность и достатокъ каждаго своего сочлена. Отсюда понятно, какъ сельское хозяйство изъ частнаго интереса и вопроса отдѣльныхъ лицъ должно было перейти въ интересъ и вопросъ общинъ.

Мы имѣемъ прямыя указанія на хозяйство общинъ; [3]) до насъ дошло нѣсколько актовъ о хозяйствѣ свѣтскихъ владѣльцевъ [4]), князей, казны; сверхъ того до насъ дошло

[1]) Калачов. изданія стр. 90. Карам II, примѣч. 79.

[2]) Ипат. 1.

[3]) Акт. Юрид. № 175, гдѣ Сотскій съ крестьянами волости распоряжаются хозяйственно пустымъ жеребьемъ; см. такъ же № 187.

[4]) Акт. Юрид. №№ 169, 170, 171—173.

особенно много актовъ о монастырскомъ сельскомъ хозяйствѣ XVI и XVII в., посредствомъ которыхъ мы можемъ воспроизвести полную, общую картину или систему хозяйства всей древней Руси, и вотъ почему.

Весьма понятно, что, при свободѣ крестьянскаго перехода, система управленія, система работъ, вообще система сельскаго хозяйства и крестьянскаго быта необходимо были, до точности, одинаковы, по всему пространству Руси,—и были приняты, во всѣхъ своихъ подробностяхъ и частностяхъ, всѣми владѣльцами русской земли. Иначе крестьяне того времени,—этотъ подвижной элементъ хозяйства, переходилъ бы массами изъ области въ другую, изъ хозяйства въ другое, переполняя собою земли одного владѣльца, и оставляя *впустѣ* земли другаго. Такой переходъ крестьянъ цѣлыми массами давно бы вызвалъ ограничительныя мѣры не только со стороны Русскихъ Князей, но и со стороны самихъ Хановъ, для которыхъ, при такомъ переходѣ, сборъ дани и ея повѣрка дѣлались невозможными. Кромѣ того переходъ крестьянъ цѣлыми областями, волостями или даже селами лишалъ бы землевладѣльцевъ, какъ возможности заключать съ этими массами *порядныя записи* или договоры о наймѣ земли, такъ особенно всякаго обезпеченія въ выполненіи этихъ договоровъ, со стороны кочующихъ сильными шайками крестьянъ. Не говорю уже о невозможности этихъ переселеній для самаго крестьянскаго сословія. Вообще предположеніе подобныхъ огромныхъ передвиженій русскаго сельскаго населенія вводитъ въ Русскую исторію необъяснимое, чудовищное явленіе, котораго не допускаетъ здравый смыслъ, и которое не поддерживается ни одною буквою источниковъ не только для вѣка XV, XVI, но и для XIII, XII. Напротивъ мы знаемъ, что переходы крестьянъ нашихъ, до конца XVI в., не вызывали противъ себя ни одного законодательнаго акта; слѣдоват. они были частнымъ явленіемъ, движеніемъ отдѣльныхъ лицъ, а не государственнымъ событіемъ или движеніемъ цѣлыхъ областей и волостей. Въ тоже время, господа или владѣльцы постоянно заключали съ своими крестьянами порядныя записи, легко находили послуховъ или свидѣтелей акта, и вѣрили въ силу договоровъ, установлявшихъ взаимныя ихъ отношенія; слѣ-

довательно крестьянскіе переходы не выходили за предѣлы частныхъ сдѣлокъ между извѣстными владѣльцами и названными, въ актахъ, крестьянами, и эти сдѣлки порѣшались обыкновеннымъ судомъ и расправою, на основаніи показанія свидѣтелей. Наконецъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу нашего взгляда на переходы крестьянъ служитъ то обстоятельство, что законы 1593—97, ограничившіе крестьянскіе переходы, ознаменовались только поговоркой: вотъ-тѣ, бабушка, и Юрьевъ день.

И такъ крестьянскіе переходы, въ Россіи, были частные переходы; причинъ къ общимъ переходамъ крестьянъ не могло быть; они, вообще говоря, болѣе постоянно сидѣли на однихъ мѣстахъ; и только нѣкоторые отдѣльные крестьяне могли находить выгоду перейти отъ владѣльца къ другому. А потому мы должны принять, что какъ распредѣленіе рабочихъ силъ въ Руси было равномѣрно, такъ система управленія и работъ сельскихъ, система правъ и обязанностей крестьянскихъ, въ Россіи, была однообразна, одинакова. И, для изученія и изображенія сельскаго хозяйства Руси, все равно, какіе бы владѣльцы ни оставили памятники своего хозяйства, князья, бояре, или монастыри. Содержаніе всѣхъ памятниковъ должно быть одно и то же.

Но оставшіеся до нашего времени памятники о сельскомъ хозяйствѣ не восходятъ въ старину далѣе половины XVI в. [1])? Это сомнѣніе или возраженіе не представляетъ никакого затрудненія; стоитъ только вчитаться или всмотрѣться въ акты, которые до такой степени повсюду однообразны, что источника для подобныхъ распоряженій должно искать въ отдаленнѣйшей древности, — и до такой степени носятъ слѣды изстариннаго обычая, что первообразъ ихъ, безъ сомнѣнія, былъ въ ходу за нѣсколько столѣтій до времени изданія нашихъ актовъ. Все это весьма хорошо можно видѣть изъ содержанія актовъ. Но самое главное, что выводимъ мы изъ ихъ изученія, состоитъ въ полномъ убѣжденіи, что сельское хозяйство Руси было и возможно и развито, не смотря на свою зависимость отъ труда и работы все таки

1) Акт. Юрид., № 177. отъ 1536.

весьма подвижнаго дѣятеля — древнихъ крестьянъ, съ ихъ правомъ перехода. И прежде всего потому, что отношенія между дѣятелями сельской промышленности были основаны на законѣ и правѣ разумно и твердо, при посредствѣ общины.

Всякій вольный, охочій человѣкъ, находившій пользу въ занятіи земледѣліемъ, или принужденный къ тому обстоятельствами, могъ пойти *въ крестьяне* къ тому или другому владѣльцу. Такъ находили себѣ хлѣбъ и работу, пристанище и частію обезпеченіе—нищіе, — выходцы изъ-за рубежа, — служивые, оставившіе службу, — посадскіе, бросившіе ремесленный промыселъ, и т. п. [1]) Для этого требовалось одно лишь условіе, но условіе, повторяемое непрестанно,—чтобы ищущій такой работы былъ *вольный*, свободный человѣкъ, не связанный никакими другими обязательствами—службы, найма, кабалы [2]). Для этого, поступавшіе въ крестьяне говорили, что «они государ. денегъ не имывали; въ селахъ, рядкахъ не селивались; въ крестьянство не ряживались; крѣпостей на себя не давывали» [3]). Такой вольный человѣкъ постоянно сохранялъ свое право, впослѣдствіи времени, поосмотрѣвшись, да пообжившись, перейти въ посадъ, въ козачество, въ стрѣлечество, и *въ другія статьи*, [4]) или, оставаясь крестьяниномъ, искать работы болѣе выгодной у другихъ владѣльцевъ.

Обыкновенно, эти вольные охочіе люди *въ крестьянство порялсались*, и вступали въ права и принимали обязанности по особому договору,—порядной записи [5]),—который всегда совершался при свидѣтеляхъ [6]), иногда предъ какимъ нибудь правительственнымъ лицомъ, и, обыкновенно, обезпечивался поручными, со стороны цѣлой общины крестьянъ [7]).

1) Юрид. Ак. № 203, акт. 1669 и 1678. Ак. Экспед. IV, № 320. Іюн. 17. 1699.

2) Юрид. Ак. № 203. ак. II.

3) Юрид. № 195.—1628 и 1635.

4) См. всѣ №№, здѣсь приводимые изъ Юрид. Ак., начиная съ № 177—г. 1536.

5) Вездѣ, въ приводимыхъ акт.

6) Юрид. Ак. №№ 290—293.

7) Юрид. Акт. № 42 отъ 1658.

Поряжались крестьяне на срокъ, опредѣлявшійся обычаемъ, или условіемъ записи, напр. на 20 лѣтъ [1]), и получали *право*— владѣнія извѣстнымъ количествомъ земли, напр. цѣлою *обжею*, половиною обжи, даже $^1/_{12}$—*двѣнадцатиною*, —*право на подмогу* или ссуду, при первомъ обзаведеніи, деньгами или хлѣбомъ, и *право* на льготу, въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ, отъ повинностей и податей. Впрочемъ, естественно, что ссуды и льготы не вездѣ имѣли мѣсто; и главное существенное право крестьянъ состояло во владѣніи и пользованіи землею хозяина. За это право крестьяне принимали на себя слѣдующія обязанности:

1) *Поставить* дворъ, съ городьбою, и *хоромами*, или *починить* старыя хоромы. При чемъ вычисляются всѣ части крестьянскаго двора или строенія, съ опредѣленіемъ ихъ величины и мѣры. Такъ требовалось, чтобы во дворѣ была *изба*, въ 2 саж., *клѣть, хлѣвъ* и *сѣнникъ* или сѣновалъ, въ $2^1/_2$ саж., каждый,—*мшанникъ*, въ 2 сажени,—*гумно* и наконецъ *мыльня* или баня [2]). Вотъ что разумѣлось, въ это время, подъ словомъ крестьянскаго двора.

2) Новые крестьяне должны землю вновь расчистить или распахать, — пожни очистить, луга и огороды огородить — поля унавозить или удобрить, — и землй *впустѣ* не оставлять, т. е. должны ее засѣять и засадить [3]). Очевидно, что сельское хозяйство древней Руси состояло изъ хлѣбопашества, луговодства, огородничества, и, разумѣется, скотоводства, безъ котораго ни работать, ни воздѣлать земли, ни даже существовать крестьянину было невозможно.

3) Взятой у владѣльца земли крестьянинъ не имѣлъ права *запереложить* другому лицу; отъ этой земли, до срока, не могъ онъ никуда сойти, ни *въ княщину*, за князя, ни *въ боярщину*, за боярина, и никуда не долженъ былъ *отыматься*, ни въ козачество, ни въ стрѣлечество; и вообще до срока, крестьянинъ долженъ считаться *крѣпкимъ* владѣльца, съ которымъ заключилъ порядную [4]).

[1]) Акт. Экспед. № 320. IV.

[2]) Юрид. Акт. №№ 178, 183, 196 и др.

[3]) Особ. №№ 182, 1582; 184—1586 и др.

[4]) Ак. Юрид. №№ 182, 195, 203. III.

4) Крестьяне эти обязуются *никакого воровства не держать, и быть въ послушаніи* наравнѣ съ другими [1]).

5) По истеченіи льготныхъ лѣтъ, если они выговорены, или тотчасъ по водвореніи, крестьяне обязуются платить государственныя подати, по книгамъ, — а монастырскіе или вообще владѣльческіе оброки взносить ежегодно, въ слѣдующемъ размѣрѣ: *денежные*, по 1 руб. съ $1/2$ обжи, да *хлѣбные*, по обычаю, со ржи и овса 5-й снопъ, — съ сѣна 5-ю копну, — съ капусты и прочихъ овощей $1/5$ часть [2]). Другими словами, эти крестьяне платили владѣльцамъ до 20% или даже болѣе, принимая въ счетъ и оброкъ денежный, со всего, что выработывалось на земляхъ ихъ.

6) Сверхъ того, эти же крестьяне должны были дѣлать на (монастырь), вообще на владѣльца *сдѣлье и страду* наравнѣ съ другими, т. е. по существующимъ обычаямъ, и наконецъ нести *мірскіе розрубы*, — повинности и тягости общинныя вмѣстѣ съ прочими [3]).

7) Если такой крестьянинъ уходилъ, безъ вѣдома владѣльца, до срока, изъ мѣста своего новаго водворенія, онъ считался и былъ объявляемъ *бѣглымъ*, и, по силѣ порядной, хозяинъ могъ истребовать его отовсюду, иногда и *безъ пристава*, собственною силою, безъ особаго суда и управы [4]). Тѣмъ менѣе можно было крестьянину рѣшиться на самовольный уходъ, до срока, что онъ не могъ надѣяться въ другомъ мѣстѣ и въ другой общинѣ найти работу, требующую людей охочихъ и вольныхъ.

8) Уходя отъ владѣльца до срока, не выполнивъ своихъ обязанностей, крестьянинъ долженъ былъ, по суду и приговору, *возвратить* хозяину ссуду и подмогу [5]),—*заплатить*

1) Ibid №№ 194, 195 и др.

2) Ibid. №№ 183,—1583; 175, 182, 186, и др. Ак. Эксп. № 320. Томъ IV.

3) №№ 175, 178, 180 и др. Что такое *страда и сдѣлье?* Вѣроятно, *мелкія подѣлки и послуги;* ибо работы болѣе важныя, построеніе мостовъ, перевозка тяжестей, вызывали новые договоры съ крестьянами, напр. №№ 188, I, II; 192, 198. Юр. Ак.

4) Акт. Юр. № 189; Акт. Эксп. IV, № 320.

5) Юрид. Ак. № 183 и друг.

пеню и убытки, полагая 2 или 3 рубли съ $1/2$ обжи, и 10 рублей съ цѣлой [1]), и уступить въ пользу хозяина, безъ права на вознагражденіе, все, что успѣлъ посѣять, посадить или построить, на его землѣ [2]). — Невыгоды огромныя, которыя были сильны удержать всякаго мало-мальски порядочнаго хозяина на занятой имъ землѣ. Не забудьте при этомъ, что разъ вступивши въ мірскіе розрубы, и разъ начавши въ извѣстномъ мѣстѣ платить государственныя подати, крестьянинъ крѣпко связывался своими отношеніями къ общинѣ, и не могъ, безъ особыхъ невыгодъ для себя, оставить эту общину.

Прямое слѣдствіе, которое можемъ мы извлечь изъ сказаннаго, состоитъ въ томъ, что такими установленіями вполнѣ былъ обезпеченъ интересъ владѣльцевъ—постоянство и непрерывность работъ на ихъ поляхъ и земляхъ. Въ случаѣ побѣга, судъ давали скорый, безъ волокитъ, что видно изъ слѣдующаго примѣра: [3]) одинъ монастырь жаловался, что крестьянинъ его *Игнатій Онаньинъ побѣгомъ выбѣжалъ изъ-за монастыря*, и живетъ *бобылемъ* [4]) за сыномъ боярскимъ *Борковымъ*. Судъ приговорилъ выдать бѣглаго, и Онаньина выдали истцу. Не говорю о правѣ владѣльца взять бѣглаго безъ пристава.

[1]) Т. е. большею частію такъ опредѣлялась пеня, Юрид. Акт. №№ 178, 183, 186, и друг.

[2]) Ак. Эксп. IV, № 320. Присоединимъ, что крестьянинъ, оставляя господина, долженъ былъ оплатить, по законной оцѣнкѣ, домъ или дворъ землехозяина, взнося за него ежегодно 25 % или $1/4$ цѣны; выходя до срока, долженъ былъ за хлѣбъ уплатить боранъ или болѣе руб; да взнести владѣльцу повозу «два алтына», не говоря о податяхъ государст. и розрубахъ мірскихъ. См. I и II. Судебники.

[3]) Юрид. Ак. № 189.

[4]) Бѣглый не попалъ въ крестьяне, а въ бобыли, которые занимались болѣе личными работами и услугами, были не столько хозяева, сколько работники. Они же бывали сельскими ремесленниками, напр. кузнецами, съ обязанностію, вмѣсто оброка, *ковать всякое кузло*, а за пользованіе землею платить 1 снопъ, вѣроятно, съ крестца или копны. Юрид. Ак. № 201—1661.

Что же значило *право перехода*? Очевидно, право вольнаго, охочаго человѣка, отойти отъ владѣльца, по выполненіи всѣхъ условій порядной записи, и другихъ возможныхъ обязанностей. Но и этотъ переходъ былъ опредѣленъ обычаемъ и закономъ такъ, чтобы стороны оттого не терпѣли. Срокъ порядной могъ окончиться въ лѣтнюю, рабочую пору, когда, при выходѣ крестьянъ, хозяинъ долженъ былъ платить посторопнимъ рабочимъ высокую плату, или даже рисковалъ не найти рукъ для воздѣланія полей своихъ. По сему сначала обычай, потомъ законъ Судебника Іоанна III, 1497, [1]) установили, что бы выходы крестьянъ происходили въ промежутокъ времени, свободнаго отъ полевыхъ работъ, а именно: не раньше, какъ *за недѣлю до Юрьева дни* и не позже, какъ *недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго*. Въ главѣ 97 Стоглава, выходъ и отказъ крестьянскій опредѣлены тѣмъ же срокомъ. Само собою разумѣется, что не одно право выхода ограничивалось такимъ образомъ, но что этому ограниченію подлежало и право *отказа*, со стороны землевладѣльцевъ. И оно не могло быть произвольнымъ; оттого законы ставили эти два понятія всегда рядомъ, и говорили *о выходѣ и отказѣ* вмѣстѣ.

Таковы главныя черты и положенія *о сельскомъ хозяйствѣ*, относительно его свободы и права, или *о правѣ перехода*, *о выходѣ и отказѣ* до конца XVI столѣтія. Ясно, что порядныя записи, какъ договоры гражданскаго, частнаго права, содержали въ себѣ возможно — произвольныя и разнообразныя распоряженія, относительно предмета хозяйства и его размѣра, или количества земли, которые уступалъ владѣлецъ крестьянину. Напротивъ способъ воздѣланія и вся дѣятельность крестьянина, вытекая изъ свойства почвы и климата, уже представляли, въ каждой мѣстности и въ каждой общинѣ, болѣе постоянства и однообразія. Посему-то порядныя могли быть обезпечиваемы сельскимъ міромъ. Отсюда выходило такое соединеніе частнаго и личнаго съ общимъ, съ обычаемъ, съ правиломъ, впослѣдствіи съ закономъ, которое не уничтожало ни права личности, ни раз-

[1]) Истор. Ак. I, № 105.

нообразія частности и, само по себѣ, содѣйствовало развитію хозяйства. Хозяйство могло быть разнообразно фактически, будучи опредѣлено законно и постоянно. До сихъ поръ мы обращали свое вниманіе на земледѣліе, а, по актамъ XVI и послѣдующаго вѣка, сельское хозяйство состояло сверхъ того изъ *пчеловодства* и *рыбной ловли*, весьма древнихъ промысловъ. Не находимъ актовъ *о звѣроловствѣ*; но именно это-то и доказываетъ успѣхи сельскаго хозяйства. По увѣренію Карамзина [1], въ XVI столѣтіи, лучшіе мѣха получали мы не изъ внутренней, собственной Россіи, а изъ *земли Печорской*, куда поля наши оттѣснили боры, а жители загнали пушнаго звѣря. Звѣроловство, во внутренней, европейской Россіи, должно было мало по малу выходить изъ круга обыкновенныхъ занятій, когда Россія въ XVI в. могла отпускать въ Швецію и Данію огромное количество хлѣба, и заставить иноземцевъ признать нашу землю самою богатою всѣмъ, что необходимо для человѣка [2].

Какъ производились пчеловодство и рыбная ловля въ большихъ хозяйствахъ древней Россіи? На этотъ вопросъ акты отвѣчаютъ слѣдующими положеніями.

а) *Пчеловодство* [3]. Хозяева лѣсовъ отводили въ нихъ участки, извѣстные подъ названіемъ *знаменъ*, и уступали ихъ охотникамъ до пчеловодства въ оброчное содержаніе. *Бортники* или содержатели такихъ знаменъ пріобрѣтали право разводить по бортямъ пчелъ, добывать медъ, сверхъ того пользоваться, *про свой обиходъ, угоднымъ лѣсомъ*, но отнюдь *не дѣльнымъ*. Обязанности этихъ пчеловодовъ были такія: 1) ежегодно платить оброкъ, *медомъ*, именно *по одному пуду со знамени*, и притомъ къ 1 сент., *къ Семенову дню лѣтопроводца;* 2) пчелъ разводить вновь и заботиться *о новодѣлѣ*; 3) *на переводъ не пустошить пчелъ*; 4) въ чужія знамена не входить; 5) *лѣсу дѣльнаго*, т. е. строеваго, *не ронять*; 6) стороннихъ людей въ лѣсъ не пускать, и т. д. Въ случаѣ невыполненія означенныхъ условій, утверждаемыхъ также дого-

[1]) Карам. VII, 200.
[2]) Ibid.
[3]) Акт. Юрид № 202.

ворами и обезпечиваемыхъ свидѣтелями, съ бортниковъ назначалась пеня огромная, въ 50 р., да за каждую борть, въ случаѣ ея порчи, да за пчелы, по Уложенію.

б) *Рыбная ловля* [1]) была также отдаваема въ оброчное содержаніе, по особымъ договорамъ. Лицо, бравшее ловлю въ содержаніе, обязывалось ловить рыбу на извѣстномъ, опредѣленномъ пространствѣ рѣки, напр. въ 8 или болѣе *лукахъ*, заливахъ, — посредствомъ опредѣленнаго числа неводовъ, — въ обозначенное, по договору, время, напр. *отъ Петрова заговѣнья до Дмитріева дни осенняго*, т. е. до 26 окт., и съ обязанностію *ежедневно* платить *четвертую рыбу*, т. е. 25%. На случай невыполненія договора назначалась пеня въ пользу хозяина во 100 руб.

Судя по однимъ пенямъ и платежамъ за неустойку, нельзя сказать, чтобы хозяева земли, лѣсу или воды, въ Россіи XVI и XVII вѣковъ, дешево цѣнили свою собственность; а судя по обстоятельности условій о пользованіи лѣсными угодьями [2]) и рыбною ловлею, нельзя не видѣть, что землехозяева у насъ берегли и лѣсъ и рыбные промыслы. Наконецъ, принимая въ соображеніе, что вездѣ оброкъ простирался до 20 и 25%, естественно, что сельское хозяйство древней Россіи стоило вниманія и должно было вѣнчаться успѣхомъ.

Таково было положеніе сельскаго хозяйства въ рукахъ общинъ и отдѣльныхъ владѣльцевъ. Съ конца XVI в., въ помощь къ усиліямъ этихъ дѣятелей, появляются правительственныя, государственныя мѣры и распоряженія. Съ 1593—97 г., съ законовъ о болѣе прочныхъ и обезпеченныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и владѣльцамъ, начинается рядъ законовъ, которыми русское правительство старалось довершить начатое русскимъ народомъ, и поставить русское сельское хозяйство на степень, занимаемую имъ въ настоящее время. Желая представить очеркъ этихъ законовъ, мы не считаемъ себя въ обязанности изслѣдовать всѣ по-

[1]) Акт. Юрид. № 179, г. 1577.

[2]) Ср. I т. Бѣлев. Вивліоѳ., гдѣ почти постоянно опредѣляется количество и качество лѣсу, которымъ крестьяне пользовались.

становленія, изданныя по части сельскаго хозяйства, и удовольствуемся самыми важными и общими, имѣвшими мѣсто преимущественно до Петра В. И, для большей ясности и для большаго порядка, рѣшимъ прежде всего вопросъ: какія задачи преслѣдовало древнее наше законодательство въ дѣлѣ сельской промышленности? Законы имѣютъ существенно двѣ задачи для рѣшенія, по двоякому значенію самаго сельскаго хозяйства, которое, по своему существу и по своему историческому явленію, съ одной стороны, есть средство продовольствія, древній промыселъ частныхъ людей; а съ другой,— средство народнаго богатства, промышленность, въ собственномъ смыслѣ. Такъ разсматривается сельское хозяйство и въ русскомъ законодательствѣ, которое, съ одной стороны, устанавливаетъ и упорядочиваетъ хлѣбопашество и другіе промыслы, служащіе основаніемъ народнаго продовольствія; съ другой, принимаетъ мѣры къ развитію сельскаго хозяйства, какъ промышленности и основы народнаго богатства. Вотъ узаконенія.

Сельское хозяйство, въ значеніи промысла. Въ этомъ смыслѣ, оно подвергается распоряженіямъ, опредѣляющимъ *хлѣбопашество*, *рыбную* и *звѣриную ловли;* и притомъ такъ, что хлѣбопашество объявляется обязательною дѣятельностію крестьянъ, а рыбные и звѣриные промыслы свободнымъ занятіемъ всякаго, но подъ условіемъ производства, по правиламъ благоразумія и расчетливости. То и другое суть ограниченія, которыя допускаются во имя обезпеченія народнаго продовольствія, или съ цѣлію, чтобы звѣриные и рыбные ловы не оскудѣвали.

Такъ 1622 г. [1]) изданъ былъ наказъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ постановленіяхъ, предписывалось вяземскимъ воеводамъ приставить къ крестьянамъ *дѣтей боярскихъ добрыхъ*, для смотрѣнія, чтобы *крестьяне землю пахали лучшую,—пашню бы воздѣлывали гораздо и мягко, и не черезъ борозду.* — Сверхъ того тутъ же предписывалось воеводамъ сообразить, не лучше ли раздать крестьянамъ ра-

[1]) Ак. Истор. III, № 116.

боты *по урокамъ*, *по десятинамъ*. 1663, февр. 15 [1]), Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ разослать по волостямъ лушія земледѣльческія орудія, *сохи*, *сошники*, *косули*, *сдѣланныя на желѣзныхъ заводахъ*.

О рыбной ловлѣ имѣемъ наказъ еще отъ 1591 г. [2]), въ которомъ предписывается астраханскимъ воеводамъ надзирать, чтобы промышленники ловили рыбу бережно, разумно. Мысль этого наказа выражена яснѣе въ грамотѣ, посланной 1676, марта 8, [3]) въ Переяславль Залѣсскій, въ тамошнюю рыбную слободу, на *Плещее* озеро, о томъ, чтобы рыболовы ловили только *большихъ сельдей*, *неводами съ печатью*, *рѣдкими*, такъ, чтобы малые сельди могли проскользать, и, оставаясь въ водѣ, роститься и множиться. Подобныя распоряженія, ограничивавшія произволъ или небрежность промышленниковъ, для пользъ и выгодъ отдаленнаго потомства, существовали также относительно звѣриной ловли, что́ видно изъ акта наказа 1635, авг. 28-го [4]), чтобы промышленники *бобровъ и выдръ не ловили капканами*, *и не выбивали*, *а ловили бы по прежнему*.

Однимъ словомъ, въ дѣлѣ хлѣпобашества, *законъ требуетъ*, чтобы промышленники усиливали свою дѣятельность; ибо здѣсь идетъ вопросъ о народномъ продовольствіи, и все здѣсь зависитъ отъ труда и ума. Въ дѣлѣ другихъ промысловъ, законъ предписываетъ осторожную, разумную ловлю рыбъ и звѣрей; ибо иначе этотъ родъ промысловъ можетъ оскудѣть и прекратиться

Другая задача предстояла закону при вопросѣ о вліяніи на *сельское хозяйство*, *какъ промышленность*. О дѣятельности обязательной тутъ не могло быть рѣчи; объ ограниченіяхъ дѣятельности тѣмъ менѣе. Тутъ должно было закону открывать, вызывать и возбуждать новыя вѣтви сельской промышленности, для ея развитія въ Россіи. — Такъ дѣйствовалъ древній законъ *на пользу винодѣлія*. Извѣстно,

1) Акт. Эксп. IV, № 138.
2) Ист.. I, № 230.
3) Ак. Эксп. IV, № 210.
4) Акт. Эксп. III, № 256.

какъ винодѣліе началось у насъ еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ, съ 1630 года [1]), въ Астрахани. Въ 1652 году, декабря 20 [2]), Алексѣй Михайловичъ пишетъ къ астраханскимъ воеводамъ, что, «по слухамъ, до него дошедшимъ, на Терекѣ ростетъ *виноградное кустье*; а потому, *выбравъ русскихъ людей, бывшихъ питейнаго дѣла у нѣмецкихъ мастеровъ въ ученьи, и которымъ бы питейное дѣло было за обычай*, должно послать ихъ на Терекъ, для того, чтобы сдѣлать изъ тамошняго винограду вина на опытъ.» И успѣхъ этого распоряженія былъ таковъ, что, чрезъ шесть или семь лѣтъ, 1659 г. января 17 [3]), изъ Москвы послано въ Астрахань извѣщеніе о полученіи оттуда церковнаго вина, въ 48 бочкахъ, 1379 ведеръ.

Такъ же дѣйствовалъ древній законъ *на умноженіе горныхъ промысловъ*. Съ конца XV в., русское правительство хлопочетъ о вывозѣ въ Россію иноземцевъ, *рудознатцевъ*; Борисъ Θеодоровичъ усилилъ эти вызовы [4]); при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ являются собственныя попытки въ этомъ родѣ. Такъ знаемъ мы изъ акта 1648 г., декабря 7 [5]), что, «на Верхотурьѣ, дѣти воеводы Стрѣшнева открыли *мѣдную руду*, и тое руды каменье прислалъ воевода къ Царю, *въ двухъ коженыхъ мѣшкахъ, да опытъ, что опытывали его дѣти сами, безъ мастера*. Царь велѣлъ воеводѣ Стрѣшневу самому, *одноличнo*, не дожидаясь особыхъ указовъ, сыскивать мѣдную руду всякими мѣрами».—1671 г., іюня 6 [6]), состоялся указъ о томъ, что *въ вотчину Бѣлоозерскаго Кириллова монастыря Умбу отправлены царемъ жилецъ солдатскаго строю Майоръ Мамкѣевъ, съ рудознатными серебрениками, для пріиску серебряной руды*, и потому всѣ мѣстныя власти и начальства должны помогать Мамкѣеву, *чтобы сыскъ ни*

1) Берха, Царств. Мих. Θеод., I, 253.

2) Ак. Истор. IV, № 63.

3) Ibid. № 138.

4) См. Наказъ Бекману, 1600 г.

5) Ак. Истор. IV, № 7.

6) Ак. Истор. IV, № 221.

за чѣмъ не сталъ. — 1681 г., іюня 28 [1]), царская грамота предписываетъ селенгинскому воеводѣ разспрашивать иноземцевъ: *про Китайское, Индѣйское и Нанкинское* царства, *про золотую и серебряную руду, про жемчюгъ и каменья*, и заботиться о пріискѣ селитры.

Законы Петра В. многочисленны. Мы укажемъ только на роды распоряженій и на характеръ ихъ. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь *управленіе.* По Регламенту Камеръ-Колл., 1719 г. дек. 11[2]), наблюденіе *за исправленіемъ всего, что къ земскому экономству принадлежитъ*, сначала возлагается на всѣ мѣстныя начальства въ провинціяхъ и городахъ, а потомъ на Камеръ-Коллегію, какъ средоточіе *земскаго экономства.* Ей предписывается—»о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи увѣдомлятися, и наипаче о томъ старатися, чтобъ, какъ возможно, запустѣлые дворы и земли паки населять,— такожъ землѣдѣліе, скотскіе приплоды и рыбныя ловли вездѣ умножать, и къ приращенію приводить, и того ради съ губернаторы и воеводы прилежно корреспондовать.«

Законы о сельскихъ промыслахъ, съ одной стороны, продолжаютъ мѣры, принятыя въ XVII вѣкѣ; съ другой распространяютъ ихъ дѣйствіе на отдаленный востокъ, на Сибирь. Указъ 1723, февраля 27-го [3]), предписываетъ «помѣщикамъ и прикащикамъ смотрѣть за крестьянами, чтобъ они подъ хлѣбный сѣвъ землю хорошенько снабдѣвали и болѣе хлѣбнаго всякаго сѣву умножали.« Указъ 1721, мая 11 [4]), говоритъ о лучшемъ способѣ уборки хлѣба; »понеже въ Курляндіи, Лифляндіи и Пруссіи у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ хлѣбъ скашиваютъ малыми косами съ граблями, что передъ нашими серпами гораздо споряе и выгоднѣе, что средній работникъ за десять человѣкъ сработаетъ; того для, сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ, послали мы по нѣсколько человѣкъ въ наши хлѣбородные города,« и т. д.

1) Истор. Ак. V, № 72.

2) Полн. Соб. Зак., № 3466. п 13.

3) П. С. З. № 4175.

4) П. С. З. № 3781.

Относительно Сибири, сохранилось нѣсколько наказовъ къ тамошнимъ воеводамъ, въ родѣ слѣдующаго: »вновь пашенныхъ крестьянъ изъ гулящихъ и охочихъ вольныхъ людей призывать; надзирать по часту, чтобъ крестьяне землю пахали всю сполна, зернью и карты не играли, на винѣ не пропивались; а въ комъ свѣдаютъ какое воровство, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и десятскимъ про то сыскивать,—и чинить крестьянамъ наказаніе.«

Законы, изданные при Петрѣ В., для развитія сельской промышленности, касаются лѣсоводства и горныхъ промысловъ, скотоводства и разведенія торговыхъ, аптекарскихъ растеній, и, большею частію, входятъ въ составъ дѣйствующаго Свода. Здѣсь долженъ остановиться нашъ историческій очеркъ древняго законодательства о сельскомъ хозяйствѣ.

Право ремесленной и заводской промышленности. Начнемъ съ ремесленной, какъ болѣе простой и древнѣйшей. Нѣсколько словъ о ремеслахъ у другихъ народовъ.

»Въ Греціи ремеслъ не уважали. Аѳинскій гражданинъ, особенно происходившій отъ древняго рода, никогда не позволилъ бы себѣ унизиться до занятія ремеслами. Наконецъ, въ Аѳинахъ однажды была высказана мысль, не должно ли обречь рабству всѣхъ свободныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе ремеслами« Вотъ существенный результатъ изысканій Бёка по вопросу о греческихъ ремеслахъ [1]). — Въ Римѣ ремесло также считалось дѣломъ и занятіемъ рабовъ, и называлось *рабскимъ и грязнымъ* [2]); но Римскіе законодатели были къ нему справедливѣе народа, и, по преданіямъ, еще Нума установилъ корпораціи или коллегіи ремесленниковъ, которыя встрѣчаемъ мы потомъ въ Кодексѣ Ѳеодосія Младшаго [3]). Весьма любопытно устройство ихъ въ это время, доказывая господство, которое въ Римѣ постоянно имѣлъ общій, государственный элементъ надъ

[1]) Staatshaush. d. Athen. I, 47 — 49.

[2]) Ars illiberalis, sordida, opificiaria.

[3]) Cod. Theodos Lib. XIV, кромѣ, другихъ, tit. II. de privilegiis corporatorum, u tit. VII, de collegiatis.—Издан. Гуго—Corp. Juris Antejust. T. I, стр. 1045 и слѣдд.

частнымъ и личнымъ. Въ числѣ корпорацій этого времени находились цехи рыбаковъ, — пастуховъ, — свинопасовъ, — банщиковъ,—лицъ, добывавшихъ известь, — дровосѣковъ и т. д. Всѣ подобныя корпораціи имѣли земли и угодья отъ государства или города, и за то должны были работать на государство и городъ. Члены такихъ соединеній не могли выходить въ другія сословія, не могли отчуждать земель своихъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ корпораціи. Кто женился на дочери одного изъ членовъ корпораціи, тотъ терялъ свою свободу и долженъ былъ вступить во всѣ обязанности корпораціи. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ Римскаго закона состоялъ пока въ томъ, чтобы ремесла были во что бы то ни стало.

Въ Средніе вѣки крестовые походы и торговля познакомили Европу съ издѣліями и производствомъ востока, и перенесли ремесла въ города запада [1]). Здѣсь, и по свойству народнаго духа, и по своей природѣ, ремесла дѣлаются занятіемъ цеховъ или замкнутыхъ общинъ, которыя, безспорно, благодѣтельно дѣйствовали на *качество*, но за то стѣсняли *количество* ремесленныхъ промысловъ. Такъ продолжалось до Новой исторіи, когда законы и теорія измѣнили положеніе дѣла.—Перейдемъ къ Россіи.

Ремесла, или рукомесла, т. е. промыслы, основанные на ручной работѣ, были у насъ издавна извѣстны; но и не всѣ, и не въ надлежащей степени развитія. Помогало ихъ умноженію начало свободы промысловъ, по которому всякій могъ заниматься ремеслами; но въ этомъ положеніи, ремесла должны были оставаться дѣломъ и занятіемъ частныхъ лицъ, искавшихъ въ нихъ только насущнаго хлѣба. Здѣсь ремесла не могли достаточно развиться; о той же степени совершенства, на которой ремесло граничитъ съ искусствомъ или художествомъ, тамъ не могло быть и мысли. Но должно замѣтить, что занятіе ремесломъ не долго остается внѣ вліянія общества или внѣ общества. Воздѣлывать землю, разводить хлѣбъ и огородныя овощи можно и для одного себя, для однихъ собственныхъ нуждъ, не имѣя въ виду посторонняго

1) Hülman, Staedtew. d. Mittel., I, 75 и др.

потребителя, не предполагая необходимо ни запроса, ни сбыта; а ковать сошники, шить платье, писать образа почти нельзя безъ заказа, безъ вниманія къ запросу и вкусу общества. Очевидно, что ремесла скоро переходятъ въ общины и дѣлаются интересомъ и вопросомъ общинъ, городовъ и селъ; скоро подчиняются общественнымъ нуждамъ и распоряженіямъ; скоро испытываютъ вліяніе общества на свое количество и качество. Но не должно ли было это общественное вліяніе на ремесла стѣснить общественное положеніе ремесленниковъ, дѣлая изъ нихъ или нѣчто въ родѣ collegiati и servi publici древности, или неизмѣнныхъ членовъ Западнаго цеха? — Отвѣтимъ событіями. Россія не знала ни предразсудковъ, ни законовъ, стѣснявшихъ ремесленные промыслы, которые въ ней раньше другихъ получили и гражданство и развитіе. Къ тому особенно вела ихъ рано появившаяся потребность въ общественныхъ зданіяхъ, въ храмахъ и монастыряхъ, въ палатахъ и городахъ, съ ихъ украшеніями и укрѣпленіями.

Монументальное зодчество, церковная живопись и благолѣпное украшеніе храмовъ сильно содѣйствовали къ умноженію ремеслъ и ихъ развитію. Лѣтописи наши полны извѣстій о произведеніяхъ разныхъ художествъ въ древней Руси. Пробѣжимъ нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій, для нагляднаго пониманія хода, которымъ ремесла могли и должны были множиться и усовершаться въ нашемъ отечествѣ.

Не будемъ при этомъ говорить о древнѣйшихъ городахъ древнѣйшей Руси, Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ; не станемъ вдаваться въ догадки о *каменномъ теремѣ Ольгиномъ*. Начнемъ со зданій нѣсколько позднѣйшихъ, за то гораздо болѣе извѣстныхъ, и частію сохранившихся до нашего времени. Для нашей цѣли намъ нужны извѣстія болѣе подробныя.

Зданіе знаменитой Десятиной церкви зиждется въ 990 г. греческими зодчими и украшается Византійскою живописью [1]); храмы Св. Софіи, Св. Георгія и Св. Ирины строятся и украшаются, въ 1035 г. [2])., вѣроятно, также греческими худож-

[1]) Лавр. 52.

[2]) Тамъ же, 65.

никами: но естественно, что ни тамъ, ни здѣсь нельзя было обойтись безъ помощи и содѣйствія туземныхъ, русскихъ кирпичниковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и т. п. Съ другой стороны, украшенія золотомъ и серебромъ Десятинной и Софійской церкви въ Кіевѣ не могли остаться безъ вліянія на наши ремесла. Только легкостію такаго вліянія можно объяснить возможность построенія, при В. Ярославѣ, *многихъ церквей*, по *городамъ и мѣстамъ*, или мѣстечкамъ и богатымъ селамъ [1]), — церквей, которыя, безъ сомнѣнія, уже совершаются русскими людьми, по даннымъ правиламъ. Равномѣрно этимъ быстрымъ вліяніемъ объясняется также, что въ 1066 году, въ Новѣгородѣ, были паникадила и колокола, возбудившіе корысть и завистъ Всеслава Полоцкаго [2]).

Расширеніе Новгорода при Мстиславѣ [3]), и заложеніе каменной Ладоги Посадникомъ Павломъ около того же времени [4]); устройство перваго моста черезъ Днѣпръ при Владимірѣ Мономахѣ въ Кіевѣ [5]), и частыя передѣлки и постройки вновь моста на Волховѣ, въ Новѣгородѣ [6]); — все это вызывало русскій трудъ и русскій умъ, и все это содѣйствовало водворенію и умноженію ремеслъ въ Россіи.

Андрей Боголюбскій заложилъ и соорудилъ [7]) каменную церковь, во имя Св. Богородицы, во Владимірѣ на Клязьмѣ съ пятью *золотыми* или золочеными верхами, и украсилъ ее, *безъ числа*, дорогими камнями и церковными сосудами. Въ тоже время была уже въ Ростовѣ весьма благолѣпная церковь, хотя и деревянная, о которой лѣтописецъ, по случаю пожара, истребившаго ее, именно говоритъ, что *такой и прежде не было*, *и послѣ николиже не будетъ* [8]). Для пост-

1) Тамъ же.
2) Новгор. I. 2.
3) Ипат. 4 стр., 1114.
4) Тамъ же.
5) Тамъ же, 7—1115.
6) Новгор. во многихъ мѣстахъ, напр. 1133, 1144, 1188.
7) Ипат. 81, 82, 88—1158.
8) Ипат. тамъ же.

роенія и украшенія Владимірскаго храма, *отовсюду* были собраны художники и мастера этого дѣла, и, безъ сомнѣнія, уже не одинъ русскій художникъ участвовалъ въ славномъ твореніи.

Впослѣдствіи мы находимъ, что, какъ епископы въ Новгородѣ, такъ князья въ городахъ своихъ старались объ построеніи и украшеніи храмовъ Божіихъ, объ укрѣпленіи городовъ и мѣстъ своего пребыванія. Въ Новгородѣ постоянно дѣйствуетъ правило, по которому *стяжаніе* епископа,—все, что пріобрѣталъ онъ въ теченіе жизни, обращалось, по его смерти, въ пользу мѣстныхъ храмовъ. Такъ, по смерти епископа Никиты, его *стяжаніемъ*, говоритъ лѣтопись, расписывается храмъ Св. Софіи [1]). Въ виду такого права, и при жизни епископы стараются употреблять свои стяжанія на это богоугодное дѣло. Объ епископѣ Нифонтѣ читаемъ, что онъ въ Новгородѣ *побилъ свинцемъ Св. Софію, и известію маза около* [2]); *притворы расписалъ, кивотъ сотворилъ, и всю съизнова украсилъ;* во Псковѣ *поставилъ каменную церковь Св. Спаса, а въ Ладогѣ* также *каменную Св. Климента* [3]). Въ тоже время, по сказанію лѣтописца, у Юрія Владиміровича было два знаменитыхъ дворца въ Кіевѣ, — одинъ *Красный дворъ* въ самомъ городѣ, другой за Днѣпромъ, нѣчто въ родѣ загороднаго дворца, который самъ князь называлъ *Раемъ* [4]).

Далѣе читаемъ, что Новгородскій епископъ Василій, въ 1333 году, ставитъ городъ каменный; архимандритъ одного изъ Новгородскихъ монастырей—стѣны монастырскія, *силою 40 саженъ, съ заборалами* [5]). Тотъ же Владыко Василій велитъ слить большой колоколъ, и заказываетъ Греку Исаю икону, изображающую шествіе во Іерусалимъ Іисуса Христа [6]). Въ 1400 г., въ Новгородѣ рисуютъ священное изображеніе Воскресенія Христова на вратахъ одного храма [7]);

[1]) Новгор. 2.
[2]) Тамъ же, 12.
[3]) Тамъ же.
[4]) Ипат. 81—1158.
[5]) Новгор. 76.
[6]) Тамъ же, 78.
[7]) Тамъ же, 101.

въ Русѣ дѣлаютъ *иконы на златѣ, и сосуды серебряные* [1]). 1526, архіепископъ Новагорода Θеодосій замѣнилъ подпоры деревянныя во храмѣ Іоанна Предтечи каменными сводами, —прибавилъ въ церкви оконъ, — иконами и книгами украсилъ,—образъ Св. Предтечи *серебромъ обложилъ и позолотилъ*, — *гривны золотыя и серебряныя надвѣсилъ* [2]). Еще прежде именно въ 1436 году, Новгородскій Владыко Евфимій *часы звѣнящіе у себя устроилъ* [3]).

Не говоримъ о Москвѣ; но не можемъ умолчать при этомъ о томъ участіи, которое издревле и повсюду наши горожане, и особенно купечество, принимали въ построеніи храмовъ. Такъ въ XV в., *купечество* воздвигло во Псковѣ новую каменную церковь Св. Софіи; а *Псковичи* наняли мастеровъ *побивать свинцомъ* церковь Св. Троицы [4]).

Впрочемъ довольно и этихъ извѣстій, чтобы понять, какъ мало по малу ремесла дѣлались извѣстными въ Руси, входили въ жизнь русскаго народа и распространялись по его городамъ и посадамъ, гдѣ мы ихъ впослѣдствіи видимъ уже водворенными. Понятно, что въ болѣе богатыхъ общинахъ было болѣе нужды въ ремеслахъ, и что ремесленники преимущественно должны были стекаться въ города и посады. Тому помогало и самое право ремесленниковъ—свободно переходить съ мѣста на мѣсто, изъ села въ посадъ, изъ общины въ другую [5]). И мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, извѣстіе, что уже въ XIV в. въ Москвѣ, иконописцы были и у князя свои—Русскіе, и у Митрополита свои—Греки [6]). Сверхъ того, въ числѣ уже церковныхъ людей, упоминаются, въ ярлыкѣ хана Менгу, вообще мастера, а въ ярлыкѣ Узбека — «ремесленники, писцы, каменные и деревянные здатели и иные мастеры» [7]). Наконецъ къ тому вели «пожилыя

[1]) Тамъ же, 113.

[2]) Новгор. 149.

[3]) Новгор. 102.

[4]) Акт. Юрид. № 195,—г. 1628.

[5]) Втор. Псков. лѣт. стр. 22 и 23, годы 6925—28.

[6]) Карамз. IV, примѣч. 372.

[7]) Григорьева «о достов. ханск. ярлык.,» Москва, 1843 г., стр. 125.

записи» художниковъ, подобныя данной однимъ иконникомъ Архимандриту Хутынскаго монастыря 1615 года[1]). Съ другой стороны, находимъ, что и въ посадахъ были часовщики[2]), и серебрянники[3]), къ которымъ отцы отдавали дѣтей своихъ въ ученье[4]). Понятно далѣе, что, по особенности общинъ, ихъ положенія, средствъ и образа жизни, однѣ ремесла утверждались преимущественно въ одной, — другія въ другой. Не даромъ, еще въ глубокой древности, Новгородцевъ называли у насъ плотниками[5]); не даромъ изъ Москвы, въ XV в., вызывали въ Новгородъ колокольнаго мастера[6]); а изъ Пскова, въ XVII в., иконописцевъ въ Москву, съ прописаніемъ въ царскомъ указѣ и ихъ именъ[7]). О селахъ, знаменитыхъ встарину своими ремеслами, можемъ судить по существующимъ. Эти общинные ремесленники были крѣпки своимъ общинамъ, какъ крестьяне — землѣ, купцы — сотнѣ, но по особымъ условіямъ, заключавшимся между ремесленниками и общинами, и обезпечивавшимъ личныя права ремесленниковъ и пользы общинъ[8]).

Такимъ образомъ, при свободѣ занятія, и по праву свободнаго, но условіями опредѣленнаго перехода, ремесленники могли распространяться по всѣмъ общинамъ Руси, по мѣрѣ нужды и средствъ этихъ общинъ. Этимъ обезпечивалось количественное развитіе ремеслъ, для селъ и городовъ. Что касается до качества, оно упрочивалось въ Россіи, какъ и вездѣ, общиннымъ или корпоративнымъ устройствомъ самыхъ ремеслъ. Корпораціи ремесленниковъ были извѣстны въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ. Если бы мы не

1) «Временника» XXV кн. Смѣсь, стр. 2, 3.

2) Юрид. Акт. № 199—1656. Тихвинскій посадскій человѣкъ, Петръ Печонкинъ, берется поставить *боевые часы* на колокольнѣ одного монастыря, *за полъ-пята рубля.*

3) Тамъ же, № 205. О художникахъ по селамъ и весемъ говоритъ Стоглава 43 гл.

4) Тамъ же, № 205.

5) Лавр. 61.

6) Карамз., въ привед. мѣстѣ; Новгор. I. 78.

7) Акт. Экспед. III, № 377.

8) Юрид. Акт. № 195.

имѣли письменныхъ свидѣтельствъ о существованіи у насъ цеховъ, мы были бы принуждены предполагать ихъ по свойству самыхъ ремеслъ. Ремесла требуютъ изученія, передачи; предполагаютъ, при своемъ распространеніи, существованіе мастеровъ, учителей, подмастерьевъ, учениковъ; при этомъ рождаютъ продолжительныя отношенія между старшими и младшими, повелѣвающими, или начальниками и ихъ подчиненными. Не говорю уже о взаимныхъ выгодахъ, которыя всегда должны были соединять и связывать мастеровъ одного и тогоже ремесла въ союзъ и общество. Но предположеніе о существованіи цеховъ въ древней Россіи подтверждается прямыми показаніями источниковъ, которые говорятъ о дружинномъ устройствѣ художествъ, напр. иконописи, по 43 гл. Стоглава. Одна изъ лѣтописей разсказываетъ такъ же, въ числѣ событій XIV в., что Новгородскій епископъ Василій повелѣлъ расписывать церковь Греку Исаю, *съ други*[1]); другая, повѣствуя о подобномъ предпріятіи, въ другомъ мѣстѣ, но въ томъ же XIV в., именно дѣлаетъ различіе между *старѣйшинами, начальниками иконописцевъ* и ихъ *дружиною*[2]). Вотъ слова послѣдней лѣтописи: «початы быша подписывати на Москвѣ двѣ церкви каменны—Св. Богородицы, подписывали Грецы—митрополичьи писцы, а Св. Михаила—русскіе писцы Кн. В. Симеона Ивановича; *въ нихъ же бѣша старѣйшины и начальницы иконописцемъ Захарія, Іосифъ, Николай, и прочая дружина ихъ*».—Далѣе: тое же весны почали подписывати церковь Св. Спаса—*мастеръ, старѣйшина иконникомъ*, Гойтманъ.—Въ другомъ мѣстѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что «*начальницы быша рустіи родомъ, а гречестіи—ученицы*: Гойтманъ, и Семенъ, и Иванъ»[3]). Наконецъ доказательствомъ существованія ремесленныхъ общинъ служитъ различіе, дѣлаемое документами, между «записными и незапи-

1) Новгород. Лѣт. 78—1338.

2) Карамз. IV, прив. выше мѣсто изъ Троицк. списка, 1344—45.

3) Карамз. тамъ же. См. также II Псковск. лѣтоп. стр. 23, подъ годомъ 6928: *Псковичи наяша мастеровъ Ѳеодора и дружину его побивати церковь—свинцомъ*. Ср. статью Г. Забѣлина, Матеріалы для исторіи иконописи, «Временникъ» кн. 7, за 1850.

сными мастерами» [1]). Эта *дружина* русскихъ иконописцевъ получила впослѣдствіи времени для ремеслъ названіе артели, и имѣла ту особенность, что, при всемъ своемъ *дружинномъ началѣ*, навсегда сохранила для членовъ свободу вступленія, выхода и перехода, наравнѣ съ другими русскими общинами, и никогда не была замкнутою, исключительною корпораціею Запада. Понятно, что такая корпорація не могла стѣснять количества и мѣшать размноженію ремеслъ, а между тѣмъ помогала ихъ развитію качественному, посредствомъ передачи и преемства, образца и наученія. Какъ же происходило ученье въ дѣлѣ ремеслъ?

Наши ремесленники сначала учились, по свободному, частному соглашенію, у древнѣйшихъ своихъ мастеровъ и учителей — Грековъ. Впослѣдствіи времени, русское правительство, вызывая съ Запада иноземныхъ мастеровъ, возлагало на нихъ обязанность учить русскихъ людей ихъ ремеслу. До насъ дошли акты, изъ которыхъ видно, что иноземные мастера, выполнявшіе эту обязанность, съ какимъ-нибудь видимымъ успѣхомъ, имѣли право просить прибавки жалованья, и получали эту прибавку. Такъ одинъ изъ подобныхъ актовъ говоритъ объ часовщикѣ, *Анцкѣ Кезелѣ* (Hans Kessel?), что онъ просилъ и получилъ прибавочное жалованье на томъ основаніи, что, въ противность примѣру прежнихъ иноземныхъ часовщиковъ, онъ училъ двоихъ мальчиковъ своему мастерству, и съ такимъ успѣхомъ, что одинъ изъ нихъ уже умѣетъ сдѣлать *указные часики—первое ученье*,—первый курсъ ученья; да и другой скоро тоже сработаетъ [2]). Но преимущественно учились русскіе ремесленники одинъ у другаго [3]). Какъ дѣло происходило, вотъ современный свидѣтель—договоръ *объ учебѣ*, заключенный между посадскимъ *серебряникомъ* и между крестьяниномъ, который отдаетъ къ нему »своего сына *Анисимка*, учиться мастерству серебряника на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, что мастеръ въ эти годы нау-

[1]) Дополн. въ Истор. Акт. I. №№ 117, 118, 119.

[2]) Акт. Ист. I, №№ 242, 244, г. 1645.

[3]) Для болѣе нагляднаго пониманія дѣла, можно обратиться къ извѣстіямъ объ ученіи иконописи, по стат. Г. Забѣлина, во «Врем.» Кн. 7

читъ Анисимка всему, что самъ знаетъ.« Отецъ обязуется заплатить посадскому за учебъ 20 р., да снабжать сына, во все время ученья, бѣльемъ, и отвѣчать передъ мастеромъ за покражу, сносъ и другія потери, если сынъ въ томъ виноватъ будетъ. Пить и ѣсть будетъ Анисимъ на счетъ хозяина, равномѣрно отъ него же будетъ онъ получать верхнее и исподнее платье. »А живучи тому моему сыну Анисимку *въ томъ учебномъ промыслѣ*—быть во всемъ послушну и покорну и безотвѣтну, дѣлати дѣло безотступно и быть въ послушаніи и покореніи [1]).

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о ремеслахъ, преимущественно въ его отношеніи къ общинамъ. Вопросъ измѣнился съ XVI вѣка, когда отнесли эти ремесла къ потребностямъ государства. Припомнимъ, что вмѣстѣ съ правомъ перехода ремесленниковъ изъ общины въ другую, образуется особая, тѣсная связь ремесленниковъ именно съ общинами, посредствомъ договоровъ. И до насъ дошло нѣсколько актовъ условій, которыми общины и ихъ владѣльцы стараются обезпечить себя на случай произвольнаго ухода ремесленниковъ, посредствомъ пеней и другихъ подобныхъ слѣдствій неустойки въ словѣ и обязательствѣ [2]). Этими договорами право перехода ограничивалось въ быту ремесленномъ точно такъ же, какъ оно было устроено подобными условіями въ быту сельскомъ. Ремесленники были крѣпки у общинъ. Отсюда легко понять явленіе, по которому въ одно и тоже время общины Руси могли быть снабжены ремеслами, по мѣрѣ нуждъ своихъ и потребностей, а государство, казна и правительство могли чувствовать недостатокъ въ этихъ же самыхъ ремеслахъ, напр. при сооруженіи храмовъ, въ столицѣ,—при строеніи крѣпостей,—приготовленіи оружія для войска,—снабженіи его одеждой и т. д. Этотъ недостатокъ среди изобилія издавна чувствовался московскими князьями; не даромъ, въ XIV в., эти князья имѣли своихъ иконописцевъ, и притомъ русскихъ, тогда какъ у митрополитовъ были ихъ греческіе иконописцы. Впослѣд-

[1]) Акт. Юрид. № 205 — 1684.

[2]) Акт Юрид. № 195, — 1628. Акт. I, II.

ствіи времени, съ дальнѣйшимъ развитіемъ нуждъ государственныхъ, чувство недостатка въ ремеслахъ должно было еще болѣе усилиться въ царяхъ московскихъ. И этому-то чувству недостатка обязана Россія двумя древними правительственными мѣрами относительно ремеслъ;—сначала, вызовомъ въ Русь иноземныхъ мастеровъ, потомъ заимствованіемъ и вызовомъ русскихъ ремесленниковъ изъ отдѣльныхъ общинъ для предпріятій государственныхъ. Этими двумя мѣрами государство русское порѣшало свой вопросъ о количествѣ ремеслъ въ Россіи. Что касается до ихъ качества, государственный законъ предоставлялъ эту сторону ремеслъ изстаринному, собственному ихъ внутреннему развитію, посредствомъ общиннаго или корпоративнаго устройства, и ограничивался только точнѣйшимъ установленіемъ формы этого устройства, въ видѣ цеха.—Такъ опредѣлились задачи древняго русскаго законодательства о ремесленной промышленности. Покажемъ самыя распоряженія закона.

1) *О количествѣ*, которое дополнялось *вызовамъ иноземныхъ мастеровъ* почти со времени введенія христіанства. Не имѣемъ нужды вычислять отдѣльные случаи, и съ нашей точки зрѣнія считаемъ достаточнымъ указать на отношенія иноземцевъ такого рода къ русскому государству. Разсмотримъ актъ царя Бориса Θеодоровича, такъ называемую *Память* или инструкцію, данную царемъ его послу Бекману, отправленному въ Любекъ съ грамотою къ тамошнему правительству. Въ этой памяти, предписывается Бекману стараться о прінсканіи и вызовѣ въ Россію разныхъ мастеровъ, *суконныхъ*, *рудознатцевъ*, *часовниковъ*, чтобъ эти *мастеровые люди ѣхали къ царю своимъ ремесломъ послужить*, *и на себѣ его царское жалованье видѣть* [1].—При этомъ велѣно было Бекману особенно похлопотать о пріобрѣтеніи для московскаго царя часовъ, находившихся, по словамъ акта, *въ Любскомъ костелѣ*, съ слѣдующимъ устройствомъ: »часы боевые стоячіе, съ бои и перечасьи, и съ планитами, и съ алманаками; бьютъ передъ часы перечасья во многіе колокола, какъ бы поютъ многими гласы, и въ тѣ поры выходятъ люди». Равномѣрно

[1]) Истор. Ак. II, № 34. Окт. 24; 1600.

повелѣвается Бекману отыскать художника — англичанина, который сдѣлалъ эти часы, и пригласить его также въ Москву.

Изъ одного этого акта уже видно, что иноземный мастеръ, выходившій въ Россію, по такому вызову, получалъ въ новомъ своемъ отечествѣ характеръ служебный, государственный; за дѣло своего ремесла онъ вступалъ, какъ бы, въ государственную службу и получалъ царское жалованье; съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ выполнять извѣстныя обязанности относительно государства. Къ числу этихъ обязанностей принадлежало то, что иноземный мастеръ долженъ былъ учить русскихъ людей своему мастерству. Только, на бѣду, не кому было смотрѣть за выполненіемъ этой обязанности. Такъ наприм. упомянутый нами выше Анцко Кезель именно говоритъ, что *до него* мастера̀ не учили своему ремеслу, и онъ считаетъ себя въ правѣ просить прибавки къ обычному жалованью, къ 40 р., за то, что учитъ двоихъ учениковъ. По царскому повелѣнію положено было, на этомъ основаніи, выдавать впредь этому мастеру 50 р., да поденнаго корму 8 алтынъ и 2 деньги [1]).

Сверхъ иноземцевъ, *царскіе наказы вызывали, по временамъ, русскихъ мастеровъ* изъ разныхъ общинъ въ Москву *для дѣлъ государевыхъ.* — Такъ 1642 г. вызываются иконники и живописцы, *для расписыванія Московскаго Успенскаго Собора* [2]); такъ 1646 отовсюду вызываются *каменьщики и кирпичники, для церковнаго, дворцоваго и городоваго дѣла* [3]); такъ 1653 г. изо всей Россіи вызываются *кузнецы*, *для кузнечныхъ скорыхъ дѣлъ* [4]); далѣе точно также вызываются въ Москву, 1655 и 1658, *мастера мушкетные*, *станочные*, *замочные, заварщики*, *портные*, *скорняки*, *для мушкетнаго дѣла*, или *для дѣлъ приказныхъ и крымской клади* [5]). Эти вызовы ка-

[1]) Ист. II, №№ 242, 244.
[2]) Ак. Эксп. III, № 377.
[3]) Тамъ же, IV, № 4.
[4]) Тамъ же, IV, № 62.
[5]) Тамъ же № 85, апр. 23, — 1655, — № 102, Мар. 31, — 1658. Впрочемъ портныхъ вызывали здѣсь не всѣхъ, а 1 съ 10.

сались городовъ и уѣздовъ, — дворцовыхъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ селъ,—боярскихъ, окольничьихъ и пр. вотчинъ и помѣстій,—и производились подъ условіемъ поручныхъ записей отъ городовъ, селъ, вотчинъ и владѣльцевъ въ томъ, что ихъ мастерà станутъ къ Москвѣ на срокъ, будутъ дѣло свое дѣлать, какъ должно, и не сойдутъ съ Москвы до окончанія работы [1]). Такъ царство русское, не знавшее corporatos et collegiatos Рима, помогало себѣ въ числѣ и количествѣ ремесленниковъ, натуральною повинностію рускихъ общинъ, или вызовомъ иноземцевъ.

2) *Качество* ремеслъ, какъ мы замѣтили, предоставлено было закономъ корпоративному устройству ремесленной промышленности. Самъ Петръ В. только яснѣе и точнѣе опредѣлилъ составъ и устройство русской дружины или артели, закономъ *о цехахъ*, сперва въ нѣкоторыхъ главахъ Регламента, даннаго Главному магистрату [2]), потомъ въ отдѣльномъ указѣ 1722 года, апр. 27 [3]). Содержаніе этихъ узаконеній состоитъ въ томъ, что въ цехи *писали мастеровъ, по ихъ желанію, безъ принужденія;* что каждый мастеръ обязывался класть свое клеймо на своемъ издѣліи; что мастерà могли имѣть учениковъ и подмастерьевъ въ произвольномъ числѣ; и что ученики, раньше семилѣтняго ученія мастерству, не могли требовать для себя свидѣтельства на званіе мастеровъ и на производство ремесла, въ качествѣ мастера.—Замѣтимъ приэтомъ одно, что какъ распоряженія Петра В. оставались въ этомъ случаѣ вѣрными древнему духу нашихъ свободныхъ *дружинъ*, такъ и дѣйствующіе законы о цехахъ сохранили духъ распоряженій Петровыхъ.

Б. *О заводской и фабричной промышленности.* Эта промышленность отличается отъ ремесленной и *количествомъ силъ*, приводимыхъ въ движеніе, — числомъ рабочихъ рукъ, величиной орудій,—и *свойствомъ дѣйствующихъ силъ*, которыя, на заводахъ и фабрикахъ, являются въ видѣ воздуха, огня, воды, паровъ. Но еще болѣе заводская промышлен-

1) См. приведенные акты.

2) П. Соб. Зак. № 3708; 1721, Янв. 16. гл. II, п. 5. гл. VII.

3) П. С. З. № 3980.

ность отличается отъ ремесленной огромностію капиталовъ и массою продуктовъ, потребностію обширныхъ свѣдѣній и особенно своимъ прямымъ отношеніемъ *къ цѣлому народу*, ко всей публикѣ, не имѣя въ виду опредѣленныхъ лицъ — заказчиковъ, и безъ вниманія къ индивидуальному вкусу того или другаго отдѣльнаго потребителя. Фабрикантъ работаетъ по общимъ правиламъ вкуса, господствующаго въ цѣломъ государствѣ и цѣломъ поколѣніи.—Изъ этого естественно вытекаетъ особенность положенія фабричной промышленности въ народѣ. Эта промышленность, съ перваго своего появленія въ обществѣ, есть уже дѣло и событіе общественное, народное, прямо и непосредственно, безъ предварительнаго перехода въ это значеніе посредствомъ общинной дѣятельности. Посему-то, въ Россіи, самые древніе заводы — соловаренные сообщали хозяевамъ право владѣть вотчинами, строить крѣпости, имѣть собственный судъ и собственную расправу и т. д. [1]). Посему же и при Петрѣ В. заводчики разныхъ фабрикъ получали весьма важныя государственныя права и преимущества. И совершенно законно. Надобно вспомнить, что этими заводчиками въ Россіи Петра В. были первоначально иностранцы. Какъ иноземцы, вызванные въ Россію Царю послужить и на себѣ его жалованье видѣть, они вообще имѣли право на государственныя преимущества; а какъ лица, ввезшія большіе капиталы въ страну, имъ мало извѣстную, въ среду населенія, мало къ нимъ расположеннаго, они просили привиллегій, для обезпеченія себя отъ возможныхъ потеръ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. На первый разъ нельзя было отказать имъ и въ этомъ. Наконецъ, заводя въ Россіи то или другое производство, дотолѣ у насъ невѣдомое, эти заводчики, естественно, имѣли права первыхъ изобрѣтателей; и было бы несправедливо лишить ихъ привиллегій, связанныхъ съ первымъ изобрѣтеніемъ или нововведеніемъ.

[1]) Таковы акты пожалованія земель, по Камѣ, Григорію, Аникію и Якову Строгановымъ, 1564—68, срокомъ на 20 лѣтъ, и съ правомъ строить города и укрѣплять ихъ, заселять землю вольными людьми, подчиняясь законамъ опричины и исключит. царскаго суда, №№ 117—119, Допол. къ Ист. Акт. I. —

Послѣднее основаніе преимуществъ фабричнаго класса, сообщая привиллегіи, дѣйствовало само на уничтоженіе привиллегій. На этомъ основаніи и русскіе заводчики мало по малу могли пріобрѣтать фабричныя преимущества, и пріобрѣтали ихъ, заводя мануфктары; и фабрики стали умножаться и развиваться въ Россіи, безъ необходимости выписывать иноземныхъ заводчиковъ, безъ нужды раздавать имъ вотчины и помѣстья. А съ умноженіемъ мануфактуръ, привиллегіи вообще оказались ненужными, и съ половины XVIII в., законъ упрочилъ имъ одну, истинно-законную—привиллегію перваго изобрѣтенія; таковъ ходъ нашихъ законовъ о фабричной промышленности.

Отъ времени Петра В. дошли до насъ и отдѣльные указы о фабрикахъ, и полный уставъ о нихъ въ Регламентѣ, данномъ Мануфактуръ-Коллегіи. Отдѣльные указы содержатъ въ себѣ, по преимуществу, права и привиллегіи, даруемыя законодателемъ фабрикантамъ; а Регламентъ присоединяетъ къ этимъ правамъ соотвѣтственныя обязанности. Начнемъ съ изложенія *отдѣльныхъ указовъ*.

Изъ ук. 1718, янв. 17 [1]), видно, что фабричная промышленность давала даже рабочимъ на фабрикахъ государственное право свободы отъ службъ и повинностей, — свободы, которая формально упрочивается закономъ 1721, янв. 17 [2]) за всѣми *первыми* заводчиками извѣстнаго производства, — за ихъ товарищами и участниками, вступившими въ часть и товарищество не позже первыхъ полутора лѣтъ со дня учрежденія фабрики. На другой день послѣ подписанія послѣдняго указа, Государь издалъ другой, которымъ предоставлялось заводчикамъ право покупать крестьянъ съ землею и безъ земли, потому что, хотя до сихъ поръ *купецкимъ людямъ было не дозволяемо покупать крестьянъ и вотчины того ради, что они, кромѣ купечества, къ пользѣ государственной другихъ никакихъ заводовъ не имѣли;* но теперь

[1]) П. С. З. № 3142. Здѣсь требуется, чтобы рабочіе, желающіе вступить на фабрику, имѣли свидѣтельство, что они прямые мастера, а не подложные; ибо иные *прольгаются*, укрываясь отъ службы.

[2]) Тамъ же, № 3710.

это найдено необходимымъ для пользы мануфактуръ, и теперь это разрѣшается, *подъ кондиціею,* чтобы хозяева не отчуждали такихъ заводовъ безъ земли и крестьянъ, равно какъ этихъ крестьянъ и земель—безъ заводовъ [1]).

По обширности привиллегій, которыми пользовались заводчики, самые крестьяне ихъ могли имѣть положеніе болѣе другихъ выгодное, и потому, естественно, что заводы стали привлекать къ себѣ массу бѣглыхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ. На основаніи дѣйствовавшихъ въ то время законовъ о бѣглыхъ, владѣльцы жаловались судамъ, подавали явки и прошенія, а суда требовали отъ фабрикантовъ выдачи и возврата бѣглыхъ, съ пожилымъ. Съ своей стороны, *интересенты фабрикъ,* по выраженію Петра В., жаловались царю на судей и суда, и Петръ В. вынужденъ былъ послать изъ Астрахани, 1722, іюля 18 [2]), указъ въ Сенатъ о томъ, чтобы, *до особаго своего повелѣнія, не выдавать съ фабрикъ даже явно бѣглыхъ.* Но этого особаго повелѣнія при Петрѣ В. вовсе не состоялось, и фабрики наши долго были убѣжищемъ бѣглыхъ и бродягъ всякаго рода.

Наконецъ, съ цѣлію вспоможенія фабрикамъ, былъ изданъ указъ 1723, нояб. 5 [3]), съ слѣдующими распоряженіями: 1) Надзирать, чтобы *вывозимые изъ-за границы товары не мѣшали нашихъ фабрикантовъ ожидаемой прибыли*; слѣдовательно этою статьею вводится запретительная система, для покровительства собственной промышленности. Впрочемъ, судя по примѣру *бакана,* приведенному въ указѣ, запрещеніе ввоза должно имѣть мѣсто единственно въ томъ случаѣ, если нашъ продуктъ не уступаетъ *въ добротѣ* иноземному.—2) Понуждать, гдѣ можно, чтобы фабриканты производили больше и больше. Понужденіе Петръ В. оправдываетъ въ томъ случаѣ сравненіемъ своего народа со школьниками, которые сначала съ трудомъ и неохотно учатся грамотѣ, а потомъ, выучившись, благодарятъ своихъ учителей. Средства принужденія просты: тамъ, гдѣ выдѣлывается полсть, требовать, чтобы

1) П. С. З. № 3711, янв. 18.

2) Тамъ же, № 4055.

3) П. С. З. № 4345.

дѣлали ежегодно извѣстное количество шляпъ; тамъ, гдѣ выдѣлывается юфть, настаивать, чтобы вырабатывали лосинныя кожи, и т. п.—3) Для пользы фабрикъ можно вызывать иностранныхъ мастеровъ, но подвергая ихъ *свидѣтельству въ достоинствѣ.* Если иностранный мастеръ окажется знающимъ дѣло, *принимать его съ честію*; въ противномъ случаѣ, отправлять его обратно въ отечество, но *безъ жаднаго озлобленія.*

Здѣсь назвали мы, разумѣется, только замѣчательнѣйшіе изъ отдѣльныхъ указовъ; и этого довольно, для составленія понятія о значеніи, которое законы Петра Великаго придали фабрикамъ. Переходя къ Регламенту Мануфактуръ-Коллегіи [1]), мы обратимъ вниманіе также на однѣ важнѣйшія его статьи, характеризующія время и дѣло. Сюда относимъ статью о цѣли коллегіи [2]): »имѣть стараніе о заведеніи въ Россіи мануфактуръ и иныхъ курьозныхъ художествъ, особливо такихъ, для которыхъ матеріалы въ отечествѣ находятся.« Для достиженія цѣли, дозволяется всѣмъ и каждому, безъ различія званія и состоянія, заводить фабрики, давая только знать о томъ коллегіи, которая должна »смотрѣть о пожиткахъ и достоинствѣ,« т. е. состоятельности заводчика, и потомъ снабжать *привиллегіею* [3]). Давая привиллегію одному, не должно мѣшать чрезъ то другимъ заводить подобныя фабрики; но, съ другой стороны, должно остерегаться того, чтобы размноженіе новыхъ мануфактуръ не привело въ раззореніе уже существующихъ заводовъ [4]).

Въ случаѣ упадка мануфактуры, по нерадѣнію хозяина, коллегія имѣетъ право принуждать къ исправленію, *какъ она за благо разсудитъ;* въ случаѣ же упадка, по недостатку капитала, коллегія должна оказать владѣльцу денежное вспоможеніе [5]). — Можно давать фабрикантамъ льготу на нѣсколько лѣтъ отъ платежа пошлинъ, при производствѣ и

[1]) П. С. З. № 4378. декаб. 3.—1723.

[2]) Стат. 6.

[3]) Ст. 7.

[4]) Ст. 8.

[5]) Ст. 9.

продажѣ ихъ товаровъ [1]).—Первые, заведшіе извѣстную фабрику, имѣютъ право свободы отъ службы и податей съ ихъ дѣтьми, товарищами, участниками, прикащиками, мастеровыми и учениками, и вѣдаются въ Мануфактуръ-Коллегіи, по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ криминальныхъ [2]). Фабриканты имѣютъ право пріобрѣтать крестьянъ и вотчины [3].) — Подъ штрафомъ, воспрещается переманивать рабочихъ съ фабрики на другую [4].) Фабриканты должны имѣть на своихъ заводахъ хорошихъ иноземныхъ мастеровъ [5].) При этомъ вычисляются мѣры, служившія для иноземцевъ и облегченіемъ, и поощреніемъ переѣзжать въ Россію [6].) Единственная обязанность, лежавшая на иноземномъ мастерѣ, состояла въ томъ, чтобы учить русскихъ своему мастерству [7].) Выполненіе этой обязанности показалось Петру В. тутъ же при подписаніи Регламента, такъ мало обезпеченнымъ, что онъ того же числа декаб. 3, 1723 г. далъ особый указъ [8]) по этому вопросу. Предполагая, разумѣется, на основаніи опыта столькихъ лѣтъ, что *иноземцы имѣютъ присяжное обязательство* не учить Русскихъ своему мастерству, государь повелѣлъ отправить нѣсколько молодыхъ русскихъ людей, за границу, для изученія разныхъ родовъ мастерства иноземнаго.

Таковы главнѣйшія, общія распоряженія Петра В. о развитіи фабричной промышленности. Послѣдующее время не представляетъ особенностей столько рѣзкихъ. Нельзя однакожъ не отмѣтить—двухъ трехъ указовъ, имѣющихъ связь съ законодательствомъ Петра В. Таковъ указъ 1736, янв. 17-го [9]), которымъ, между прочимъ, *впервые* порѣшенъ во-

1) Ст. 11.
2) Ст. 13, 14.
3) Ст. 17.
4) Ст. 12.
5) Ст. 10.
6) Ст. 23.
7) Ст. 25.
8) П. С. З. № 4381.
9) П. С. З. № 6858.

просъ о бѣглыхъ, зашедшихъ и постоянно заходившихъ на фабрики, особенно съ 1721 г., съ указа Петра В., которымъ былъ пріостановленъ судъ о бѣглыхъ. — Можно понять, до какихъ злоупотребленій и безпорядковъ могло довести такое безправное положеніе дѣла въ теченіе пятнадцати лѣтъ; съ другой стороны, какъ трудно, чтобы не сказать—невозможно, было рѣшеніе подобнаго юридическаго вопроса, въ 1736 году,—вопроса, закрытаго отъ суда самою формальною давностію, и связаннаго съ судьбою фабрикъ самыми неразрывными узами. Въ этомъ состояла задача названнаго указа Анны Іоанновны, которая повелѣла, оставивъ *вѣчно за фабриками* всѣхъ тѣхъ, кто находился на нихъ по день указа, *въ мастерахъ или въ ученьи*; остальныхъ людей, исправляющихъ простыя, обыкновенныя работы, выдать хозяевамъ, по принадлежности [1]). Впредь давать судъ, по законамъ, противъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ, бѣжавшихъ на фабрики.—Такъ какъ отданные на фабрику и заводъ въ ученье, или сами поступившіе сюда, для этой цѣли, не могутъ быть, до исполненія срока, ни отданы въ солдаты, ни переведены въ другое мѣсто: то этимъ же указомъ установляется, чтобы хозяева фабрикъ впредь учили мастерству, для образованія своихъ мастеровъ, только дѣтей лицъ, приписанныхъ къ фабрикамъ [2]). Наконецъ этимъ же указомъ болѣе и болѣе объясняются права, дарованныя фабрикантамъ 1721, янв. 18, и Регламентомъ Колл., въ стат. 17. Въ указѣ Анны Іоанновны сказано, что фабриканты имѣютъ право покупать крестьянъ, но безъ земли, и не цѣлыми деревнями. Приписанные теперь къ фабрикамъ рабочіе, въ случаѣ побѣга, судятся по законамъ о бѣглыхъ [3]). Относительно невоздержныхъ и неприлежныхъ своихъ рабочихъ и крестьянъ фабриканты имѣютъ право домашнихъ исправительныхъ мѣръ; сверхъ того они имѣютъ право доносить Мануфактуръ-Коллегіи о поведеніи своихъ подчиненныхъ, и коллегія можетъ виновныхъ ссылать въ Камчатку [4]). Наконецъ, если

[1]) Стат. I, 3. 4.
[2]) Ст. 6, 2.
[3]) Ст. 9. 5.
[4]) Ст. 5.

кто изъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ и рабочихъ окажется виновнымъ въ воровствѣ и разбоѣ, за такихъ отвѣчаютъ ихъ хозяева — фабриканты, какъ помѣщики, для того, *что тѣ мастеровые люди будутъ за ними крѣпостные* [1]).

Съ половины XVIII в. издаются указы, въ которыхъ государство видимо отдѣляетъ свое государственное дѣло отъ выгодъ фабрикантовъ и ставитъ заводы и мануфактуры на ихъ настоящее мѣсто, которое онѣ должны занимать въ обществѣ. 1753, авг. 12-го [2]), состоялся указъ, по слѣдующему поводу. Мануфактуръ-Коллегія представляла Сенату о необходимости послать, на казенный счетъ, нѣсколько молодыхъ людей, за границу, учиться рисовальному искусству; потому что рисовальщики, до сихъ поръ находящіеся на фабрикахъ, *могутъ только списывать готовые рисунки, а своихъ изобрѣсти не въ состояніи*. Сенатъ раздѣлялъ мнѣніе Коллегіи о необходимости усовершенствовать на фабрикахъ рисовальное искусство, и соглашался на отправленіе молодыхъ людей за границу, только не на счетъ казны или государства. Указъ повелѣваетъ Коллегіи, пригласить фабрикантовъ въ присутствіе, растолковать имъ ихъ пользы въ этомъ случаѣ, и заставить ихъ послать на ихъ счетъ молодыхъ людей за границу учиться рисовальному искусству. — Другой указъ, въ томъ же духѣ, изданъ 1754, нояб. 21 [3]), по случаю набора рекрутъ въ имперіи. Въ этомъ указѣ повелѣно взять съ фабрикъ, на общемъ основаніи, одного рекрута со 100 человѣкъ, приписанныхъ къ фабрикамъ; а гдѣ нѣтъ приписныхъ крестьянъ и деревенъ, тамъ положить въ счетъ самыхъ мастеровыхъ, и за каждаго причитающагося съ ихъ количества рекрута, взять деньгами, полагая рекрутскую квитанцію во 100 р.—Наконецъ, въ дополненіе къ этому послѣднему узаконенію, состоялся указъ 1758, декабр. 29-го [4]), по которому предписано принимать мѣры, чтобы лица подлежащія набору, не были принимаемы на фабрики.

[1]) Ст. 14.

[2]) П. С. З. № 10,129.

[3]) П. С. З. № 10,356.

[4]) Тамъ же, № 10,911.

Такимъ образомъ, съ половины XVIII вѣка, и фабричная промышленность разсматривается, въ русскомъ законодательствѣ, только въ значеніи промышленности и дѣла народа, и, въ этомъ положеніи, возвращается къ началу общаго русскаго воззрѣнія на промышленность. Мы видѣли, что, при доступности земли, да при господствѣ разумно опредѣленнаго права перехода, въ быту крестьянъ, вся русская земля издревле и ровно пробуждалась трудомъ къ усиленію своей производительности. Мы видѣли далѣе, что, при свободѣ ремесленнаго промысла, да при дружинномъ его устройствѣ, ремесла расходились по всѣмъ общинамъ и стремились ровнымъ шагомъ къ своему развитію, на всемъ пространствѣ Руси. Средоточій преимущественныхъ, исключительныхъ, тѣмъ менѣе искусственныхъ для промышленности сельской, ремесленной и заводской, у насъ не было такъ же точно, какъ не было этихъ особенныхъ средоточій и яркихъ точекъ въ дѣлѣ народонаселенія, путей сообщенія, гоньбы и т. д. И промышленность русскаго народа имѣла задачею, буквально осуществить названіе народнаго, придаваемое наукою богатству. Что видно наконецъ изъ общественнаго положенія торговли въ древней Россіи.

Торговля, какъ двусторонній актъ, состоящій изъ купли и продажи, совмѣщаемыхъ въ одномъ лицѣ, обыкновенно, относится, на основаніи своихъ частныхъ дѣйствій, купли и продажи, къ частной, индивидуальной сферѣ дѣятельности. Не забудемъ однакожъ, что, въ торговлѣ, купля и продажа совмѣщаются въ одномъ лицѣ, и потому предполагаютъ различныхъ производителей, предполагаютъ общество, и возводятъ торговлю въ сферу общественности. Не даромъ въ Греціи, Римѣ торговля находилась подъ вліяніемъ политическаго управленія; не даромъ въ Средніе вѣки торговые пункты населенія имѣли особыя преимущества; не даромъ съ новой исторіи появляется меркантильная система; не даромъ Русская Правда узаконяетъ особыя положенія о торговыхъ договорахъ, торговомъ процессѣ, торговомъ состояніи, въ Россіи.

Обращаясь къ нашей старинѣ съ вопросомъ объ юридическомъ значеніи торговли, мы находимъ, что, какъ все общественное, торговля у насъ была особымъ правомъ, по-

добно праву сельской или ремесленной промышленности. Но въ тоже время замѣчаемъ, что, подобно сельской и ремесленной, заводской и фабричной промышленности, торговля была открыта для всѣхъ и для каждаго въ народѣ. Не было у насъ ни особенныхъ мѣстностей, исключительно, по закону, ведшихъ торговлю, какъ города Запада; ни особенныхъ сословій, юридически уполномоченныхъ, не допуская до своего промысла другихъ классовъ, только себя посвящать торговлѣ, въ лицѣ своихъ преемственныхъ поколѣній. Торговля составляла право всякаго торгующаго, пока онъ торговалъ; а торгующимъ могъ быть всякій, желавшій и имѣвшій способы посвятить себя занятію. Дѣятельность была общею, и результатъ доставался всѣмъ трудившимся. Разсмотримъ явленія, на которыя опираемся, и которыя слѣдовали послѣ Русской Правды.

Понятно, почему мы должны обойти здѣсь весьма любопытные историческіе факты, указанные въ различныхъ изслѣдованіяхъ о древней русской торговлѣ, и даже тѣ, которые такъ искусно группированы въ VII т. «Изслѣдованій» Погодина [1]). Имена писателей, свидѣтельствующихъ о нашей древней торговлѣ, каковы напр. Константинъ Багрянородный, Адамъ Бременскій, Саксонъ Грамматикъ, Дитмаръ Мерзебургскій, Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Гаукалъ доказываютъ широкое развитіе русской торговли. Названія мѣстностей, до которыхъ доходили наши торговцы, напр. Самаркандъ, Бухара, Бактра, Скандинавія, Германія, Греція подтверждаютъ важное значеніе нашей древней торговли въ исторіи всемірной торговли. Заботливость, съ которою наши Князья обезпечивали безопасность для русскихъ купцовъ, ведшихъ торговлю съ Греціею, сопровождая ихъ какъ въ 1168 цѣлою экспедиціею, состоявшею изъ одиннадцати князей, — все это событія, краснорѣчиво говорящія въ пользу развитія нашей древней торговли. Но для познанія всѣхъ этихъ любопытныхъ подробностей должно обратиться къ сочиненію Погодина; мы обязаны продолжать свое юридическое изслѣдованіе, и прямо переходимъ къ вопросу: *о правѣ торговли.*

[1]) Глава VIII, торговля — стр. 300—321.

Кто велъ торговлю въ древнѣйшія времена Руси? — Съ одной стороны, по началу свободы промысловъ, съ другой, по настоятельной нуждѣ въ торгѣ, этимъ промысломъ первоначально занимались всѣ, кто хотѣлъ и могъ, и казна, и князья, и духовенство, и крестьяне. Конечно, торговцы стекались въ города, какъ средоточія запроса и сбыта, но промыселъ торговый до XVII вѣка не былъ, по закону городскихъ промысловъ, исключительнымъ правомъ городовъ и городскаго населенія. Въ древнѣйшія времена, мы отличаемъ трехъ главныхъ дѣятелей русской торговли, *казну*, *иноземцевъ и русскихъ подданныхъ* разнаго чина.

Начнемъ съ *казны*. Кажется, что князья наши и казна ихъ, со временъ походовъ на Византію, установили и удержали за собою право вести торговлю на свой счетъ, какъ внутри Россіи, такъ и съ иноземными державами. Отсюда обычай нашихъ древнихъ государей отправлять съ посольствами въ чужія земли гостей своихъ съ товарами [1]); отсюда преимущества и значеніе гостей, какъ государственныхъ агентовъ [2]); отсюда право перваго осмотра иноземныхъ товаровъ, и право перваго выбора изъ этихъ товаровъ того, что казнѣ нужно, по настоящей, прямой, заморской цѣнѣ. Событіе, отмѣченное Карамзинымъ въ исторіи Грознаго, который посылалъ свои товары, для продажи, въ Антверпенъ, Лондонъ и Ормусъ [3]), повторялось, безъ сомнѣнія, и въ прежнія и въ послѣдующія царствованія. Оффиціальный, казенный характеръ торговли въ прежнее время былъ даже необходимъ, какъ по трудности сношеній съ иноземными народами, неразрѣшимой для частныхъ лицъ, такъ и по опасности измѣны, которой могли бояться со стороны частыхъ выѣздовъ купечествующаго населенія въ чужія государства. Далѣе, такой оффиціальный характеръ былъ необходимъ для первоначальной русской торговли, и по малому развитію купеческаго риска въ то время, и по небольшой массѣ капиталовъ, такъ что казна должна была, въ одномъ

1) См. Рѣчь о древ. дипдом. 14.
2) Коших. гл. XII. о правѣ казны на торговлю и о гостяхъ.
3) Кар. И. Г. Р. IX, примѣч. 260.

случаѣ, служить своимъ примѣромъ, въ другомъ, своими средствами, для развитія торговли. Наконецъ казенный интересъ необходимо вызывалъ торговлю великокняжеской казны, которая часто не знала, что дѣлать ей съ огромнымъ количествомъ мѣховъ, дошедшихъ до нея въ видѣ дани, подати, ясака.

Не ограничивалась казна русская торговлею внѣшнею; ея вліяніе простиралось и на внутреніе промыслы. На это намекаетъ событіе 1279 [1]), когда Ятвяги просятъ одного Князя «послать къ нимъ жито продавать». Такъ иногда запрещалось частнымъ людямъ покупать и продавать *юфть*, *ленъ*, *пеньку*, *говяжье сало*, и требовалось, чтобы русскіе торговцы все это продавали только государевымъ гостямъ [2]). Чаще всего эти ограниченія касались торговли металлами, особенно *мѣдью*, которую казна воспрещала частнымъ лицамъ таить въ домахъ, и повелѣвала продавать ее особому царскому агенту, цѣловальнику [3]). Наконецъ мы встрѣчаемъ, по временамъ, указы, воспрещающіе торговать *мягкою рухлюдью*, или мѣхами, которую должно было сбывать царскому гостю, для отправленія *въ Китайское государство*, и для промѣна тамъ *на золото*, *серебро, камки*, *и пр.* [4]) Это запрещеніе обосновывается въ указѣ уменьшеніемъ въ Сибири ясачной казны, со времени распространенія свободной торговли мягкою рухлядью частныхъ лицъ и воеводъ.

О торговлѣ иностранцевъ въ древней Россіи. Они являются торгующими въ Кіевѣ и Новгородѣ, Смоленскѣ и Псковѣ, весьма рано и въ значительномъ количествѣ. Но, вѣроятно, съ татарскаго нашествія, число ихъ дѣлается все меньше и меньше, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ пунктовъ Руси, каковы Псковъ и Новгородъ. И Грозный рѣшился пожаловать Англичанамъ по положенію особаго Собора, огромныя преимущества, только бы возстановить древнѣйшія связи Руси

1) Кар. IV, примѣч. 175,
2) Ук. 1662, февр. 9. Акт. Экспед. IV, № 130.
3) Акт. Эксп. IV, № 131, г. 1662, февр. 12.
4) Истор. Акт. V, № 260, г. 1697, февр.

съ иноземными народами [1]). Съ этого времени иноземная торговля опять водворяется въ Россіи, въ формѣ прямой и транзитной, привиллегированной и общедоступной, открытой для всѣхъ иноземцевъ.

Прямую торговлю съ Россіею вели съ этого времени во-первыхъ Англичане, на основаніи указаннаго акта Іоанна IV, съ правомъ безпошлинности и собственнаго суда, съ правомъ пріобрѣтенія домовъ въ Москвѣ, составленія конторъ въ Россіи, и т. д. [2]). Имъ отказано только въ монополіи Борисомъ Годуновымъ [3]). Остальными преимуществами пользовались они до половины XVII в., до указа, даннаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на имя Англичанина Азборна, съ товарищами, — указа, которымъ повелѣвалось Англичанамъ выѣхать изъ Россіи преимущественно по тому, что «Англичане всею своею землею учинили великое злое дѣло, короля своего Карла убили до смерти» [4]). Во-вторыхъ, торговлю прямую вели съ нами Шведы, Нѣмцы, но преимущественно въ городахъ — Псковѣ, Новгородѣ, Архангельскѣ, слѣдовательно, такъ сказать, на нашихъ предѣлахъ. Въ XVII вѣкѣ торговля у Архангельска почиталась ярмаркою, и имѣла свой опредѣленный срокъ. Съѣзжались туда, по ук. 1673 [5]), «рано весною, и торговали до 1-го сентября, или по Семенъ день Лѣтопроводца, потому что товары, купленные позже, замерзали въ дорогѣ къ Москвѣ, вина портились, а корабли иноземные многіе разбивались въ морѣ».

Вели иноземцы и транзитную торговлю чрезъ Россію, какъ это видно изъ договорной записи русскаго правительства съ голштинскимъ, отъ 1634, дек [6]).—По этой записи, Россія

1) См. Рѣчь мою стр. 77. И. Г. Р. VIII, 233. На соборѣ присутствовали купцы.

2) Получая, по собственному показанію, 40% прибыли отъ торговли съ Россіею, и обогащаясь, по выраженію рус. правительства, неслыханно. Карамз. IX, 424.

3) С. мою Рѣчь, стр. 78. Отказъ основывался на томъ, что Море — Океанъ есть путь Божій.

4) *1649, П. С. З.*

5) Истор. Акт. IV, № 242, мая 31.

6) Акт. Ист. III, № 181.

уступаетъ Голштинской компаніи право вести черезъ свои владѣнія торговлю въ *Персиду* и *Индью*, въ теченіе 10 лѣтъ, съ платою за то въ русскую казну ежегодно 600,000 большихъ любскихъ ефимковъ, — и подъ условіемъ: 1) торговать на востокѣ большими товарами, т. е. оптомъ, и товарами, которыми русскіе тамъ не торгуютъ [1]; 2) представлять царской казнѣ всѣ вывозимые товары и, въ случаѣ требованія казны, продавать ей эти товары по настоящей, персидской или индѣйской цѣнѣ.

Но скоро иностранцы теряютъ свои преимущества въ Россіи. Казна заподозриваетъ ихъ въ нечестности, и въ томъ, что они лучшихъ своихъ товаровъ не показываютъ, и ихъ по цѣнѣ прямой, заморской не продаютъ; а русскіе купцы жалуются на стѣсненія своихъ промысловъ и на убытки, проистекающіе отъ сдѣлокъ иноземнаго купечества, и 1646 подаютъ жалобу царю отъ имени всѣхъ торговцевъ всѣхъ русскихъ городовъ [2]). По зрѣломъ разсмотрѣніи дѣла, 1656, Апр. 22-го, изданъ *Новоторговый Уставъ*, помѣщенный въ Полн. Собр. Зак. [3]), и содержащій въ себѣ ограниченія для торговли иноземцевъ на пользу свободной торговли русскаго купечества. По статьямъ этого Устава, всспрещается иноземцамъ разъѣзжать по городамъ и ярмаркамъ Россіи, равно какъ пріѣзжать въ Москву для торговли, за исключеніемъ иностранцевъ, имѣющихъ отъ русскаго правительства Жалованныя грамоты, за красною печатью [4]). Иноземцы могутъ вести торговлю только въ пограничныхъ городахъ нашихъ, и притомъ безъ права вступать въ какія-нибудь сдѣлки между собою и покупать или продавать одинъ у другаго, безъ посредства русскаго торговца. Иноземецъ, продающій товаръ, можетъ его продать только русскому; иноземецъ поку-

[1]) Исключаются именно: »шелки крашеные, бархаты, камки, атласы, сафьяны, хлопчатая бумага, сабли, сабельные клинки, ножи, луки, доспѣхи, миткали, кисеи, ковры, попоны, москательные всякіе товары.» См. тамъ же № 188.

[2]) Эта жалоба находится при моемъ рукописномъ Новоторгов. уставѣ.

[3]) П. С. З. № 408.

[4]) Стат. 83—86.

пающій, долженъ купить товаръ у русскаго [1]). Да и это посредство русскихъ купцевъ ограничивается въ Уставѣ тѣмъ, что иноземцы должны искать его среди купцевъ, принадлежащихъ къ населенію города, гдѣ они торгуютъ, или среди купцевъ московскихъ. Послѣдніе одни имѣютъ привиллегію прямо заключать свои сдѣлки съ иноземцами, въ какомъ бы мѣстѣ Россіи сдѣлка ни совершалась [2]). Далѣе, воспрещается иноземцамъ продавать свои товары *врознь* или въ розницу напр., — вина въ галенки или скляницы, и т. п [3]). Иноземцы могутъ покупать и продавать товары только оптомъ,—только у русскихъ купцевъ того пограничнаго города, гдѣ имъ пребываніе дозволено, — и только на срокъ навигаціи. Всѣ эти ограниченія или воспрещенія подкрѣпляются въ Уставѣ страхомъ конфискаціи товаровъ, купленныхъ или проданныхъ въ противность статьямъ его. Эти иноземцы подлежатъ пошлинѣ, выплачиваемой *золотыми добрыми угорскими*, оцѣненными въ Уставѣ слѣдующимъ образомъ: золотой полагается равнымъ рублю, а ефимокъ — полтинѣ [4]). Пошлинѣ подлежитъ все, кромѣ этихъ золотыхъ и ефимковъ, равно какъ русскихъ товаровъ, купленныхъ на угорскіе и ефимки. Сверхъ того, установивши такой курсъ, казна требуетъ, чтобы иноземцы, прибывшіе въ тотъ или другой русскій городъ, свои угорскіе и ефимки тотчасъ отдавали и, въ замѣнъ ихъ, принимали рубли и полтины русскія, по этому разсчету. А кто изъ нихъ не объявитъ своихъ денегъ, тотъ подвергается штрафу. Съ другой стороны, русскимъ купцамъ воспрещается принимать у иноземцевъ, даже въ уплату старыхъ долговъ своихъ, русскія деньги [5]).

Слѣдствія такихъ ограниченій очевидны. Это значило осудить иноземную торговлю на мѣну товаровъ, и подвергнуть иноземцевъ риску, въ случаѣ, еслибы русскіе торговцы извѣстнаго города вздумали слишкомъ поднять цѣну своихъ

[1]) Стат. 63.

[2]) Стат. 60 — 62.

[3]) Стат. 42, 54, 55.

[4]) Стат. 50—72.

[5]) Стат. 73—74. О Бухарцахъ и Армянахъ.

товаровъ, или возвратиться въ отечество, не сдѣлавъ дѣла, или отдать товаръ за ничтожную цѣну. Вообще эти ограниченія весьма похожи на запрещеніе иноземцамъ торговать съ Россіею, и на мѣру предоставить иноземную торговлю въ исключительное право русскихъ подданныхъ, которые пользовались уже исключительнымъ правомъ торговли внутренней.

Кто изъ русскихъ подданныхъ велъ торговлю? Какую и какъ? Разумѣется, что торговля, сама по себѣ, мало помалу и изстари переходила въ города, и тамъ основала свои главнѣйшіе пункты дѣйствія. Но понятно также, что первоначально она переходила туда вмѣстѣ съ торгующими, какъ общій промыселъ всѣхъ лицъ, а не какъ исключительное занятіе и право, принадлежащее собственно городскому населенію. Долго, по актамъ, до исхода XVI стол., жители русскихъ городовъ набирались, такъ сказать, изо всѣхъ сословій русскаго народа, и, живя въ городахъ, занимались всѣ они, безъ различія или изъятія, всѣми возможными промыслами, а въ томъ числѣ и торговлею. Только въ царствованіе Іоанна IV и сына его Өеодора Іоанновича, по свидѣтельству одного акта 1648—1649, въ городахъ русскихъ все стало явно царскимъ, государственнымъ, и городское населеніе отдѣлилось отъ сельскаго. Этотъ актъ есть прошеніе, поданное Царю Алексѣю Михайловичу отъ лица всѣхъ свѣтскихъ чиновъ о томъ, «чтобы на Москвѣ и въ городахъ было *все его царскаго* ***Величества***, какъ при Іоаннѣ Васильевичѣ и Өеодорѣ Іоанновичѣ, когда городское было государственнымъ, и *не было такого мятежу и междоусобія*», т. е. такаго смѣшенія населенія и такой борьбы интересовъ [1]). Вѣроятно, время междуцарствія нарушило порядокъ, установленный Грознымъ, и Царь Алексѣй Михайловичъ, внявъ прошенію, опредѣлилъ XIX-ю Главою Уложенія 1) чтобы въ Москвѣ всѣ слободы, принадлежащія частнымъ лицамъ, властямъ, боярамъ, равно какъ всѣ посадскіе, промышляющіе тамъ торговлею, были взяты за Государя безповоротно [2]), и 2) чтобы въ другихъ городахъ точно также очистить населеніе отъ

[1]) Акт. Экспед. IV, № 32.
[2]) Ст. 1—6.

всего пришлаго и городамъ не принадлежащаго [1]). Съ этого времени, торговля по городамъ становится исключительнымъ промысломъ собственно городскихъ жителей, — городскимъ промысломъ, и потому воспрещается она крестьянамъ, которые теряютъ, по Уложенію, право заводить въ городахъ лавки и сидѣть въ рядахъ [2]); воспрещается она духовенству, которому сверхъ того не позволяется имѣть много домовъ, для отдачи внаймы, какъ это было прежде, когда отдавали ихъ *даже иноземцамъ*, иновѣрцамъ [3]). «Бѣлое духовенство должно довольствоваться доходами отъ церквей, а черное должно знать свои монастыри», говоритъ при этомъ актъ 1669, янв. 22[4]). Право этой торговли предоставляется только гостямъ, купцамъ, да свободнымъ людямъ, необходимо живущимъ въ городѣ, напр. казакамъ, пушкарямъ, драгунамъ казеннымъ плотникамъ, кузнецамъ и т. п. [5]). На этомъ основаніи, законы XVII в. воспрещаютъ *торговать мимо лавокъ и рядовъ* или торговыхъ заведеній, доступныхъ одному торговому классу.

Этотъ торговый классъ Россіи XVII в. состоялъ, по Кошихину[6]), 1) *изъ гостей*, избиравшихся для государственной и обществ. службы изъ среды гостинной и суконной сотенъ, изъ торговыхъ людей и посадскихъ, и получавшихъ право торговать и пріобрѣтать вотчины. Ихъ было до 30 чел., при Кошихинѣ, съ капиталомъ отъ 20 до 100 тысячь рублей. 2) Изъ *купцевъ гостинной сотни*, которые также служили въ качествѣ товарищей при *гостяхъ*, имѣя равное съ ними право торговли, но безъ права владѣть вотчинами. Кошихинъ насчитываетъ ихъ до 200. 3) Къ третьему разряду торговцевъ причислялись *торговые люди*, безъ службы, безъ права на

1) Ст. 7—10.

2) Ст. 17.

3) См. статьи, учиненныя благоусмотрѣніемъ Государя, по совѣту Патріарха. П. С. З. № 442, прим. 12.

4) Тамъ же.

5) Улож. XIX, 11—12,

6) Глава. X. Срав. Акт. Арх. Экспед. IV, №№ 248, 250, 252, и Новоторг. Уст., введеніе.

владѣніе вотчинами, и безъ права имѣть *питья*,—дѣлать напитки, курить вино или варить пиво. 4) Наконецъ слѣдовали *посадскіе*, ремесленники, торговавшіе своими произведеніями и издѣліями. Таковы дѣятели, ведшіе у насъ впослѣдствіи исключительно торговлю внѣшнюю и внутреннюю, оптовую и въ разницу. Скажемъ о каждой изъ этихъ отраслей торговли порознь.

а) *О внѣшней торговлѣ русскаго купечества.* Открытая для русскихъ подданныхъ и свободная вообще, внѣшняя торговля подвергалась однакожъ ограниченіямъ со стороны и на основаніи государственной безопасности. Предполагая свободу внѣшней торговли, какъ ея свойство, законы говорятъ только объ ограниченіяхъ. Эти ограниченія были и на восточныхъ, и на западныхъ предѣлахъ, и притомъ не одинаковыя по предмету. Что касается *до восточныхъ предѣловъ*, смыслъ послѣдующихъ ограниченій и запрещеній уже высказывается въ древнѣйшемъ преданіи, которое сохранено лѣтописцемъ и разсказано имъ подъ годомъ 1096 [1]). Жили гдѣ-то, на востокѣ Руси, *у Лукоморья*, чудные народы, лишенные языка и свободы, запертые въ горахъ, и успѣвшіе прорубить себѣ сквозь эти горы только *малое оконце*, для того, чтобы просить у жителей Руси, знаками, *желѣза*, *ножей*, *сѣкиръ*, за свои мѣха, за скору. Таже потребность существовала на востокѣ Руси XVI в., когда уже русское правительство формально запрещаетъ вывозить на восточную границу желѣзо и оружіе [2]). Это запрещеніе повторяется потомъ, но съ большею опредѣлительностію и настойчивостію, въ XVII столѣтіи. Вотъ нѣсколько законовъ этого времени.

1600 г., янв., [3]) Царь Борисъ и сынъ его Ѳеодоръ дали Жалованную свою грамоту промышленникамъ Двинскаго уѣзда, которые, свободно торгуя съ Самоѣдами, моремъ и рѣкою Обью, Енисеемъ и т. д., *льшимъ промысломъ, товаромъ не заповѣднымъ*, получаютъ, по этой грамотѣ, право брать съ собою въ этотъ промыселъ *по топору и по два на чело-*

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 107.

[2]) И. Г. Р. VII. 200.

[3]) Акт Истор. II, № 30.

- вѣка, *да по два или по три ножа*, *по рогатинѣ* и т. п. на томъ основаніи, что они тамъ проводятъ по два и по три года. Но не должны они ничего изъ этихъ орудій продавать Самоѣдамъ и ихъ сосѣдямъ, и вообще не должны они продавать: *пищалей и зелья пищальнаго*, *саадаковъ и сабель*, *луковъ и стрѣлъ*, *доспѣховъ и копій*, *рогатинъ и панцырей*, и другихъ подобныхъ заповѣдныхъ, запрещенныхъ предметовъ.—За это право торговли, двинскіе промышленники обязаны давать въ казну *десятую долю товаровъ,—изъ соболей—лучшаго соболя,—изъ куницъ—лучшую куницу,—изъ бобровъ—лучшаго бобра, въ правду, по крестному цѣлованію*.

1620, сент. 24 [1]), дана грамота Верхотурскому воеводѣ о томъ, чтобы онъ запрещалъ и не допускалъ вывозить въ Сибирь *желѣзные товары*, *шеломы и панцыри*, *копья и топоры*, *ножи и стрѣльныя желѣзцы*, *сковороды и сошники*, и другіе заповѣдные товары, подъ страхомъ конфискаціи товаровъ.

Впослѣдствіи времени, къ числу этихъ заповѣдныхъ товаровъ присоединены *мѣдныя деньги*, которыя также воспрещалось возить въ Сибирь, какъ видно изъ акта 1662 г., іюня 15 [2]); и наконецъ всѣ эти запрещенія отнесены были къ одной торговлѣ частныхъ лицъ. Казна нашла и возможнымъ и выгоднымъ торговать съ востокомъ этими заповѣдными товарами, но черезъ посредство собственныхъ агентовъ, — распоряженіе, встрѣчаемое впервые въ актѣ 1675, іюля 14 [3]). Съ этого времени понятіе о заповѣдныхъ товарахъ совершенно измѣняется въ видахъ финансовыхъ.

На западной границѣ, въ торговлѣ, также издавна были извѣстны *заповѣдные товары*, *воспрещенные къ вывозу*, но здѣсь эти ограниченія существовали въ другомъ отношеніи, съ другою мыслію. Не оружіе воспрещалось здѣсь къ вывозу, *а преимущественно съѣстные товары*, *средства продовольствія*. Кажется, что Псковитяне, которые, 1422 г., по поводу всеобщаго неурожая, *заповѣдали не продавать*, *за рубежъ*, *ржи и никакого обилія*, первые, въ древней Руси, установили по-

1) Истор. Акт. III, № 83.
2) Истор. Акт. IV, № 168.
3) Тамъ же № 253.

нятіе о заповѣдныхъ товарахъ, на русскомъ западѣ [1]). Такъ ясно, издревле Русь чувствовала центръ тяжести своей промышленности въ сношеніяхъ съ западомъ. Потомъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 1624, янв. 22 [2]), дана была, на имя Псковскихъ воеводъ, грамота, воспрещающая вывозъ за рубежъ, *соли и другихъ заповѣдныхъ товаровъ*, *подъ страхомъ не одной конфискаціи*, *но казни безпощадной*. Эти — *другіе заповѣдные товары* — объясняются актомъ 1661, декаб. [3]), которымъ воспрещается *съ государевой стороны за свѣйскій рубежъ* возить *съѣстные и другіе заповѣдные товары*, а изъ-за свѣйскаго рубежа въ Россію ввозить—*вино, табакъ, мѣдныя деньги*. Осторожность и боязнь, чтобы съѣстныхъ товаровъ не отправляли за границу, были такъ велики, что въ иныхъ мѣстахъ, поближе къ морю, торговля *съѣстными* товарами вообще подлежала запрещенію, и напр. крестьяне Соловецкаго монастыря должны были вымаливать особое дозволеніе покупать, для своего обихода, съѣстные товары у Архангельска и въ Холмогорахъ [4]). Есть и другой актъ XVII в., которымъ, только по соображенію крайней мѣстной необходимости, разрѣшено нѣкоторымъ русскимъ подданнымъ, а именно жителямъ Олонецкаго уѣзда, продавать *рыбу и свиное мясо* за свѣйскій рубежъ потому, что *земля ихъ пришла подсѣверная, близь моря*, *прилегли тамъ многія озера и щерья, и зыбучія, непроходимыя болота, и что всѣмъ въ Олонецкомъ уѣздѣ скудно* [5]).

Внутренняя торговля въ Россіи не знала другихъ ограниченій, кромѣ казеннаго интереса и юридическаго вопроса о правѣ торговли. О вліяніи казны мы сказали, что́ нужно; о правѣ можно сдѣлать еще замѣчаніе. Внѣшняя торговля и торговыя сношенія съ иноземцами были, естественно, открыты для всѣхъ подданныхъ русскихъ, подъ условіемъ сохраненія закона о заповѣдныхъ товарахъ. Торговля внутрен-

1) Пск. лѣт. II, стр. 24.
2) Истор. Ак. III, № 128.
3) Тамъ же IV № 162.
4) Истор. Ак., IV, № 198. Іюня 17, г. 1667.
5) Тамъ же, V, № 138.

няя особенно подвергалась юридическимъ опредѣленіямъ, какъ общественное явленіе гражданской жизни, котораго оба дѣятеля, продавецъ и покупщикъ, равное имѣли право на защиту и покровительство русскаго закона. Говоря о торговлѣ внутренней, мы опять должны говорить о правѣ торговли, и изложить древнѣйшія юридическія понятія о торговлѣ *хлѣбомъ*, —о *торговлѣ оптовой и розничной.* — Мы ограничимся XVII столѣтіемъ, въ которомъ право торговли вообще установилось болѣе ясно.

1) Торговля *хлѣбомъ* почиталась у насъ издавна свободнымъ промысломъ, и въ XVII в. только опредѣленнѣе узаконяется эта свобода. Изъ права этой торговли не вовсе исключаются классы торговые, хотя оно предоставляется преимущественно крестьянамъ и помѣщикамъ или землевладѣльцамъ. Такъ еще въ Уложеніи [1]) дозволяется однимъ крестьянамъ пріѣзжать къ Москвѣ и на Москву, и продавать свои произведенія съ возовъ, съ барокъ, съ лодокъ, вольною продажею. 1660 года, окт. 15 [2]), указъ царскій запрещаетъ купцамъ *скупать хлѣбъ по деревнямъ въ отвозъ,* и требуетъ, чтобъ сами крестьяне возили хлѣбъ въ свои города для продажи, сколько его тамъ нужно, а остальное количество доставляли бы по зимнему пути въ Москву, гдѣ оно становится предметомъ купеческой продажи [3]).

2) Всякая другая торговля составляетъ исключительное право купечества и городскаго населенія. Но здѣсь дѣлается различіе между торговлею *оптовою и розничною.* Оптовая торговля открыта для всѣхъ купцевъ, и каждый изъ нихъ можетъ вести ее, какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и по всѣмъ городамъ Россіи. Напротивъ розничная торговля составляетъ привиллегію горожанъ и купцевъ извѣстнаго города, подъ условіемъ, торговать въ указныхъ мѣстахъ, чтобы проѣзда не стѣснять, и торгующихъ въ рядахъ въ убожество не вводить [4]). Иногородные купцы не имѣютъ права розничной торговли, по законамъ XVII в., и они не могутъ, по сло-

[1]) Улож. Гл. XIX, 17.
[2]) П. С. З. № 284.
[3]) П. С. З №№ 286. 287.
[4]) Ак. Эксп. IV, № 236.

вамъ акта 1693, декаб. 15, продавать въ другомъ городѣ своихъ товаровъ *врозь*, т. е. *локотныхъ и суконъ — въ аршины, а вѣсчихъ — въ пуды, или въ золотники* [1]).

Такъ опредѣлилось въ Россіи до Петра В. право торговли вообще, какъ преимущество русскихъ подданныхъ; — торговля хлѣбомъ, какъ промыселъ сельскихъ дѣятелей, — оптовая всѣми другими товарами, какъ право всего торговаго класса, — а розничная, какъ привиллегія жителей извѣстнаго города. — И этимъ результатомъ мы заключаемъ вопросъ о правѣ торговли, въ древней Россіи.

Какія мѣры, для развитія торговли, извѣстны были въ древней Россіи? Этотъ вопросъ обратилъ на себя особенное вниманіе со временъ Петра В. Есть однакожъ нѣсколько указаній на то, что и до него вопросъ не оставался совершенно неизвѣстнымъ въ Руси; и мы находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ законодательствѣ мѣры содѣйствія торговлѣ, какъ общія, для всѣхъ ея родовъ, такъ и особенныя, для торговли внутренней и внѣшней. Вотъ нѣсколько данныхъ, въ видѣ примѣра.

Начнемъ съ перечня этихъ мѣръ, относя къ нимъ съ одной стороны, наибольшее соперничество, по закону свободы промысловъ, а съ другой, возможное сближеніе между торгующими, или по мѣсту ихъ дѣйствія и поселенія въ торгахъ, рядкахъ, посадахъ, слободахъ, и оттуда образовавшихся городахъ, каковъ напр. нынѣшній Торжекъ, а древній Новый Торгъ; или по ихъ занятію и званію, которыя образовали изъ торгующихъ разряды гостей, купцовъ разныхъ сотенъ, торговыхъ и посадскихъ людей, съ правомъ составлять артели и складчины, современныя товарищества и компаніи. Третьимъ средствомъ для развитія торговли служило учрежденіе торговыхъ лавокъ, буищъ или складочныхъ мѣстъ, торговыхъ площадей, дворовъ, дворищъ, подворьевъ, расположенныхъ въ данномъ мѣстѣ города, и составившихъ собою нынѣшніе гостинные дворы и такъ называемые собственно города, или мѣста, огороженныя, какъ дворы, и укрѣпленныя, какъ города. Потомъ сюда должно отнести установленіе тѣхъ обширныхъ торговъ, которые производились въ извѣстномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время, при съѣздѣ ку-

[1]) П. С. З. № 1458.

печества съ разныхъ сторонъ,—то, что въ наше время называется ярмаркой, и чѣмъ были съ древнихъ временъ Архангельскъ и Макарьевъ монастырь, или теперешній Нижній Новгородъ. Пятымъ средствомъ развитія торговли служили складчины, компаніи, товарищества, артели между купечествомъ, начиная съ Иванской торговли до складчинъ XVII вѣка. За тѣмъ слѣдовалъ особый торговый судъ, или особое торговое производство, съ Русской Правды до Новоторговаго Устава, съ установленія Иванскаго торга до особаго суда у Макарія. Седьмая мѣра развитія состояла въ распространеніи познаній, необходимыхъ для торговли, напр. географическихъ и счетныхъ, которыя сообщались и передавались отъ одного другому, необходимо, по свойству промысла, всегда предполагающаго, покрайней мѣрѣ, двухъ—трехъ дѣятелей,—главнаго, хозяина, и подчиненнаго, помощника, сидѣльца. Послѣднее мѣсто принадлежитъ мѣрамъ, которыя содѣйствовали праву торговли, облегчая сдѣлки между торгующими и обезпечивая безопасность промысловъ, какъ внутри государства, такъ особенно за его предѣлами, посредствомъ торговыхъ трактатовъ, начиная съ трактата Олега и кончая государственными договорами XVII в.

Большая часть названныхъ нами мѣръ къ развитію торговли извѣстны, по теперешнему своему значенію; иныя были упомянуты нами въ этомъ сочиненіи прежде, при другихъ случаяхъ; и мы обратимъ здѣсь вниманіе на менѣе извѣстныя, равно какъ на болѣе характерныя установленія древности. Въ числѣ малоизвѣстныхъ первое мѣсто занимаетъ Иванскій торгъ, по документамъ, впервые встрѣчаемый въ Новгородѣ, въ началѣ XII в., и также по документамъ, оставившій видимые слѣды, покрайней мѣрѣ, до XVI столѣтія.

Устроивъ на свой счетъ церковь Св. Іоанна на Петрятинѣ дворищѣ, слѣд. близь торговаго, много посѣщаемаго мѣста, В. К. Всеволодъ Мстиславичь, уставомъ отъ 1134—35 г., искалъ и нашелъ обезпеченіе для будущаго существованія храма въ самомъ значеніи мѣстности. Какъ видно, тутъ производилась оптовая обще-русская торговля воскомъ, и тутъ онъ взвѣшивался и облагался пошлинами, въ пользу князя, частію же въ пользу и на содержаніе новопостроеннаго храма. Для этого, по-

нятно, должно было, на основаніи особенныхъ вкладовъ, установить коллегію, которая бы надзирала за торгомъ и вѣсомъ, облагала его опредѣленными пошлинами, собирала ихъ и распредѣляла по извѣстнымъ правиламъ. Установленіе этой коллегіи, съ ея составомъ и правилами дѣйствія, образовало содержаніе акта. Купцы, вложившіеся въ Иванскій торгъ, т. е. внесшіе вкладъ въ 50 гр. с., и обезпечившіе тѣмъ свою дѣятельность, назывались *пошлыми иванскими купцами*, изъ которыхъ исключительно были избираемы *купецкіе старосты*, для служенія членами коллегіи. Коллегія состояла изъ 6 человѣкъ,— изъ трехъ старостъ, выбранныхъ отъ житьихъ людей, изъ двухъ старостъ отъ купечества, и одного тысяцкаго отъ черныхъ людей,—слѣдовательно отъ представителей всѣхъ торгующихъ классовъ Новгорода. Коллегіи поручены были дѣла, касавшіяся взвѣшиванія воску, собиранія пошлинъ съ вѣсу, храненія пошлинъ въ домѣ Св. Іоанна, т. е. въ Церкви, израсходованія на причтъ, церковь и т. д.; равно какъ дѣла торговыя вообще и дѣла суда по этимъ дѣламъ, независимо отъ новгородскихъ посадниковъ и бояръ, которымъ именно воспрещалось мѣшаться въ дѣла Иванскаго торга.

Пошлины собирались такъ: 1) съ Низоваго гостя взималась пошлина съ каждыхъ двухъ берковцевъ воску по-полу гривнѣ серебра, да по гривенкѣ перцу. Низовыми назывались тутъ гости Тверскіе, Московскіе, Нижегородскіе, вообще торговавшіе по Волгѣ и Окѣ, особенно на востокѣ, что̀ видно изъ требованія перцу, въ видѣ пошлины.

2) Съ Полоцкаго и Смоленскаго гостей брали пошлины по 2 гривны кунъ съ берковца, или 4 грив. съ двухъ, что̀ составляло немного болѣе $1/2$ грив. серебра, можетъ быть, на цѣну полуфунта перцу; ибо грив. серебра$=7 1/2$ гр. кунъ; а полгривны$=3 3/4$; слѣдовательно 4 гривны кунъ болѣе полугривны серебра одною четвертію гривны кунъ, или $12 1/2$ кунами,—предполагаемою цѣною $1/2$ ф. перцу.

3) Съ Новоторжанина брали съ 20 пудовъ или съ двухъ берковцевъ по 3 гр. кунъ, одною четвертію меньше противъ иногородныхъ; а съ Новгородца еще менѣе, только «12 мордокъ.»

Нельзя, конечно, опредѣлить, что собиралось этихъ пошлинъ въ суммѣ, но можно приблизительно чувствовать величину суммы, по смѣтѣ расходовъ. Изъ сборовъ за воскъ ежегодно шло

В. Князю	25 гр. сереб.
купецкимъ старостамъ	25 — —
двумъ попамъ	16, каждому по 8.
діакону	4 — —
дьячкамъ	3 — —
старожамъ	3 — —
за годовую службу властямъ	2 — —
а всего....	78 гр., серебра,

не считая расходовъ на свѣчи, темьянъ или фиміамъ и ладонъ. Положивъ сумму расходовъ, круглымъ числомъ, до 100 грив., и принявъ расчетъ Г. Бѣляева [1]), по которому гривна серебра XII в. равнялась впослѣдствіи 2 руб., 5 алт. и 2 деньгамъ, или 464 денежкамъ, въ 4 почки каждая, такъ что гривна серебра=1856 почкамъ, образующимъ 74 золотника или болѣе 18 нынѣшнихъ цѣлковыхъ; получимъ ежегодную сумму названныхъ издержекъ въ 1800 р. сереб. на нашъ счетъ, и, покрайней мѣрѣ, въ 12,000 руб. на современную стоимость, принимая теперешнія деньги дешевле прежнихъ только въ 7 разъ.

Такое управленіе, значительное по массѣ оборотныхъ цѣнностей, было особенно значительно по вліянію на торговлю мѣстности, куда отвсюду свозили воскъ для мѣны и торга съ Западомъ, и гдѣ Иванскіе купцы были естественными посредниками между русскими и иноземными купцами. Равномѣрно это управленіе было важно по вліянію на дѣла торговыя, завѣдывая судомъ, расправой и другими дѣлами гостинными и торговыми. И такое положеніе не могло не быть преимуществомъ для пошлыхъ Иванскихъ купцевъ и для ихъ старостъ, и не могло не оправдать тѣхъ великихъ вкладовъ, которыхъ требовалъ Уставъ отъ каждаго купца, подлежавшаго выбору въ старосты, въ 50 гр. сер., или, по настоящей стоимости, въ 6000 р. сер. около.

[1]) «Времен.» 23 кн.

Безъ всякаго сомнѣнія, Уставъ Всеволода есть одинъ изъ многихъ подобныхъ уставовъ, данныхъ для другихъ мѣстъ и временъ. Уставъ принадлежитъ В. Князю, но учрежденіе —народу [1]), повторяясь въ распоряженіяхъ XVI вѣка и въ быту XVII стол., какъ видно изъ статьи извѣстнаго акта 1665 г [2]). По этой статьѣ иностранная торговля, во Псковѣ, предоставлена была однимъ лучшимъ торговымъ людямъ, но съ припискою къ нимъ нѣкотораго числа бѣднѣйшихъ, которые этимъ способомъ такъ же участвовали въ выгодахъ иностранной торговли[3]). И конечно, въ Уставѣ XII в., мы читаемъ исторію происхожденія нашихъ древнихъ ярмарокъ, нашихъ торговыхъ средоточій, частію торговыхъ сословій и особенно операцій, имѣвшихъ характеръ товарищества, артели, складчины. Для образца складной, складчинной, компанейской дѣятельности позднѣйшаго времени приведемъ актъ 1635 [4]), по которому Лука Михайловъ Леонтьевъ да Петръ Ивановъ Одинцовъ сложились русскимъ товаромъ и деньгами полюбовно, суммою на 297 р., занявъ товаръ и деньги съ-обща, и обязавшись взаимно, идти съ этимъ товаромъ и деньгами, въ Сибирь торговать и промышлять вмѣстѣ, за одинъ, ни чего не тратя отдѣльно, и все раздѣляя пополамъ, и т. д. Для образца артельной связи можно прочесть актъ 1654 [5]), по которому трое товарищей, Яковъ, да Тамила, да Потѣха сняли на откупъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, сборъ различныхъ пошлинъ, со взаимнымъ обязательствомъ, выполнять кон-

[1]) Любопытно, что этотъ актъ XII вѣка, во многихъ подробностяхъ, даже во взиманіи $1/2$ ф. перцу съ низоваго купца, повторяется въ XVI вѣкѣ, въ тамож. грамм., напр. въ Орѣховской, 1563; см. Дополн. къ Ист. Акт. I, № 116, гдѣ $1/2$ ф. перцу оцѣнено въ 5 денегъ. Куны постоянно падали въ цѣнѣ, и, вѣроятно, въ XVI в. $12 1/2$ кунъ равнялись бы только 5 деньгамъ.

[2]) Доп. къ Истор. Акт. V, № 1-й. Можетъ быть, съ этимъ древнимъ явленіемъ можно связать и современный ремесленный союзъ въ Яросл. губ., какъ онъ описанъ И. Аксаковымъ, въ Рус. Бесѣд. 1858, II, Ч. II. Смѣсь стр. 209 и слѣд.

[3]) См. такъ же введеніе въ Новоторг. Уставѣ.

[4]) Акты, относящіеся до юр. быта древней Россіи, Т. I, № 121.

[5]) Тамъ же, № 111.

трактъ съ казною подъ общимъ обезпеченіемъ, и раздѣлять прибыль пропорціонально паямъ или вкладамъ, и т. д.

Присутствіе особаго торговаго суда, по купеческимъ оборотамъ, замѣтно повсюду въ древней Руси. на основаніи законодательныхъ памятниковъ, Русской Правды, Всеволодова Устава, Двинской грамоты, Судной Псковской [1]), Судебниковъ, Уложенія. Присутствіе географическихъ свѣдѣній, довольно обширныхъ, доказано Г. Бѣляевымъ въ его статьѣ «о географическихъ свѣдѣніяхъ древней Россіи,» и подтверждается книгою Большаго Чертежа. Присутствіе свѣдѣній ариѳметическихъ видно изъ упомянутыхъ нами статей Русской Правды о примѣрномъ сельскомъ хозяйствѣ; такъ же изъ «часовнаго испытанія» Кирика, опредѣлявшаго число часовъ, протекшихъ отъ Адама до его времени, до начала XII вѣка [2]); и особенно изъ существованія ариѳметикъ въ XVI в. [3]), которыя говорятъ о цифирной мудрости, какъ условіи для гостьбы и купечества, для познанія товаровъ, цѣны, вѣса, мѣры, и для счетоводства какъ въ «земномъ верстаніи», т. е. землемѣріи, такъ и «въ морскомъ теченіи», т. е. мореплаваніи.

Что до ярмарокъ, любопытно свидѣтельство конца XVII вѣка, о томъ покровительствѣ, которое законъ имъ оказывалъ. Напр. время продолженія Макарьевской ярмарки, по акту 1682, ноября 28-го [4]), останавливало всякій судъ и искъ противъ лицъ, бывшихъ на ярмаркѣ; нельзя было, по закону, послать даже пристава за торгующимъ у Макарія, исключая *дѣлъ татиныхъ и разбойныхъ*. Судъ и правда по всѣмъ дѣламъ, возникавшимъ между торгующими на Макарьевской ярмаркѣ, находился, по акту 1698, іюня 25 [5]), въ рукахъ монастырскихъ властей.

[1]) Стр. 7, 8, 12, 15.

[2]) Именно до 1136 г. см. «о древне-русскихъ училищахъ, Разсужд. Г. Лавровскаго; Харьковъ, 1854. стр.

[3]) Исторія Госуд. Рос. X, примѣч. 437.

[4]) Акт. Ист. № 99, Т. V.

[5]) Ист. Акт. № 277, Т. V.

Въ заключеніе нашего историческаго обзора древней русской промышленности, нельзя не повторить сказаннаго, что промышленность почиталась у насъ дѣломъ общественнымъ, а не правительственнымъ, или исключительно частнымъ. Отъ устройства общества пріобрѣтала промышленность начало свободы, въ формѣ перехода ея дѣятелей съ мѣста на мѣсто, изъ общины въ общину; отъ частнаго права и частнаго расчета получала она направленіе и законъ постоянства, или осѣдлости, гдѣ и когда считалъ это выгоднымъ для себя крестьянинъ, ремесленникъ, купецъ и торговецъ; наконецъ отъ общества и общинности промышленность заимствовала условія для своего развитія, обезпеченіе труда, составленіе капиталовъ, распространеніе образованія Но гдѣ же результаты; и что можно назвать результатами такого устройства? Слѣдствіемъ такого устройства были: равномѣрность населенія, условленнаго свойствомъ почвы, по всей Россіи, и распредѣленіе соперничества въ промыслахъ, по требованію мѣста и времени; равно какъ отсутствіе скопленія, въ однѣхъ рукахъ, и поземельной собственности и производительныхъ капиталовъ, и вообще возможно большее равенство въ распредѣленіи народнаго богатства. — Не было у насъ ни громадныхъ городовъ, этихъ оазисовъ, часто въ пустынѣ, которые бы поглощали всю дѣятельность народа [1]); — ни великолѣпныхъ построеній, въ опредѣленныхъ пунктахъ, до обнищанія всего остальнаго пространства, — ни блестящихъ возможными успѣхами отдѣльныхъ классовъ, ни возбуждающихъ всеобщую зависть своимъ громаднымъ состояніемъ частныхъ фамилій и домовъ. Не было централизаціи въ быту народа, и не образовалась она въ политикѣ Руси. — Нельзя при этомъ не обратить вниманія на стремленіе закона слѣдовать за жизнію, поддерживая ея нача-

[1]) V Т. «Изслѣдов.» Погодина, какъ будто, противорѣчитъ нашему положенію, излагая подробную, довольно блестящую картину *одного* Новагорода, стр. 351 — 362. Впечатлѣніе происходитъ отъ неполноты изложенія; болѣе или менѣе тоже могъ бы представить V Т. относительно княжествъ кіевскаго, черниговскаго, смоленскаго, полоцкаго, галицкаго и т. д. И картина была бы вѣрнѣе.

до равномѣрнаго распредѣленія богатства въ народѣ,—стремленія, которое замѣчается въ законѣ о такомъ сборѣ податей и повинностей, чтобы богатымъ во льготѣ, а бѣднымъ въ тягости ни быть,—равно какъ въ ограниченіяхъ, относительно скопленія, въ однѣхъ рукахъ, поземельныхъ владѣній, и въ установленіяхъ, относительно процентовъ. Неволинъ, пересмотрѣвшій и изучившій столько юридическихъ актовъ, и осторожный до боязливости въ дѣлаемыхъ изъ актовъ выводахъ, не могъ однакожъ, говоря о пяти документальныхъ ограниченіяхъ для пріобрѣтенія вотчинъ и помѣстій въ частное обладаніе, не присоединить шестаго, состоящаго въ томъ, чтобы сильнѣйшіе и богатѣйшіе не скупали земель у слабѣйшихъ и бѣднѣйшихъ [1]). Что касается до древняго русскаго закона о процентахъ, онъ весьма своеобразенъ. Прежде всего онъ не запрещаетъ брать проценты; лихва почиталась только не нравственнымъ дѣломъ, и особенно, если брали ее лица духовнаго званія [2]). Но, дозволяя проценты, по требованію жизни, законъ освящалъ все разнообразіе случаевъ жизни. Русская Правда уже отличаетъ проценты, въ обыденной жизни, отъ процентовъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. И впослѣдствіи торговые проценты, какъ при Мономахѣ, расчитывались, какъ идетъ въ людяхъ, на пять шестой, т. е. 20%. Напротивъ въ сельской промышленности проценты достигали до 25 со ста, какъ видно изъ закона о пожиломъ, по которому брали $1/4$ двора въ годъ [3]). Въ дѣлахъ судебныхъ, господствовалъ расчетъ въ 10% [4]), а въ податяхъ и пошлинахъ, по различію промысловъ, въ 10, въ 5,—$3 1/2$ и т. д. [5]).

[1]) Истор. Гр. Зак., II, 142. Иван. торгъ и под. установленія дѣлали тоже, относит. капиталовъ.

[2]) Послан. М. Фотія 1416 и Посланіе Священникамъ, 1499. А. И. I, №№ 22 и 109.

[3]) См. въ Судебникахъ.

[4]) Какъ говоритъ Флетчеръ въ 12 гл. своего сочиненіи о Россіи.

[5]) Напр. подати съ пушныхъ пром., 10%, Ак. 1600, см. выше, стр. 390; потомъ тамги взималось съ рубля 10,—7 ден. и $1/3$ деньги; слѣд. 5,—$3 1/2$ и т. д. процентовъ. См. Гр. Толстаго, Истор. Финан. Учрежденій.—

Но, можетъ быть, это стремленіе къ равномѣрному раздѣленію было слѣдствіемъ общаго недостатка, ровнымъ раздѣленіемъ бѣдности страны и классовъ? И при этомъ, не безъ выигрыша для общества, Царь Алексѣй Михайловичъ испытывалъ, на Можайкѣ, неудобства, встрѣчавшія тамъ простаго проѣзжаго; но, для положительнаго рѣшенія вопроса, укажемъ на нѣсколько извѣстныхъ событій. Мы прежде выразились, что считаемъ особенно походы Руси на Византію эпохою, съ которой замѣтно часто являются извѣстія о богатствѣ, въ Руси, различныхъ классовъ и общинъ. Соберемъ, для примѣра, извѣстія, касающіяся самой отдаленной древности, преимущественно до монгольскаго ига.

Кто были владѣльцами, въ древнѣйшей Руси? Замѣчательно, что этотъ вопросъ рѣшался у насъ искони иначе, нежели въ другихъ гражданскихъ обществахъ. И мы не можемъ не остановиться на этомъ отличіи. Задача раздѣленія, или распредѣленія богатства была потребностію общества, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, и даже тамъ, гдѣ мало думали о произведеніи, или лучше, потому что тамъ мало думали о произведеніи. Въ Греціи и Римѣ, распоряженія о должникахъ и ростахъ, раздача хлѣба и annona, раздѣленіе полей и leges agrariae, деньги за зрѣлища и различныя largitiones— все это были средства устроить и подровнять распредѣленіе богатства. Но, не основанная на законѣ пріобрѣтенія, мысль о распредѣленіи легко переходила у древнихъ въ мысль о равенствѣ, раздѣлѣ или даже дѣлежѣ. Въ Средніе вѣки, распредѣленіе связуется съ произведеніемъ, и основывается на различіи классовъ или общинъ, происшедшихъ изъ различія занятій. Здѣсь усвоеніе результата, какъ и пользованіе результатомъ содѣлалось зависимымъ отъ принадлежности лица къ тому или другому классу общества, или, что все равно, отъ участія лица въ произведенія. Раздѣленіе получило твердое основаніе въ правѣ. Только замкнутость классовъ и общинъ, установившая законность раздѣленія для классовъ, была часто причиной незаконности этого раздѣленія для отдѣльныхъ лицъ, что послужило обвиненіемъ противъ общинъ въ Новой исторіи запада, и повело къ ихъ уничтоженію. Не такъ было въ Руси.

По всѣмъ древнимъ нашимъ памятникамъ, владѣльцы въ Руси раздѣлялись на извѣстные классы, какъ и на западѣ Европы, въ Средніе вѣки. Только, въ Руси, классъ отъ класса отдѣлялся не *вѣчно*, не *исключительно*, и *право перехода* уравнивало даже фактическія различія въ томъ правѣ распредѣленія, которое установилось *по классамъ и по источникамъ* пріобрѣтенія богатства. Во главѣ этихъ классовъ стояли *Князья*, которыхъ богатство имѣло сначала своимъ источникомъ *дань* съ побѣжденныхъ, покоренныхъ народовъ, напр. дань съ Византіи, *золотомъ*, *серебромъ*, *паволоками* и *фофудьями*, или дорогими платьями; а потомъ *повозъ*, *оброкъ и дань* со внутренихъ областей, безъ сомнѣнія, *скорою*, *воскомъ* и *медомъ*: [1]) откуда объясняется предметъ торговли Руси съ Византіей. Впослѣдствіи времени дань замѣняется *добычею*, или временнымъ поборомъ съ побѣжденныхъ, по праву набѣговъ, какъ это было даже 1193, когда Ростиславъ Рюриковичь, съ дружиною, собравшись на Половцевъ, въ теченіи трехъ дней, напалъ на нихъ и успѣлъ ополониться *скотомъ*, *коньми*, *челядью*, и обогатиться *выкупомъ съ княжичей и добрыхъ людей Половецкихъ* [2]). Понятно, что еще при Св. Владимірѣ, за столомъ на его пирахъ, бояре и дружина дѣйствительно могли ѣсть серебряными ложками; что при Изяславѣ, на Княжескомъ дворѣ, могло находиться *безчисленное множество злата и сребра*, *кунами и бѣлью*, т. е. въ мѣхахъ [3]); и что у Князей бывало *въ погребахъ по 500 берковцевъ*, или *по 5000 пуд.* меду, *да по 80 корчагъ вина, и по 700 челяди* [4]). Отсюда объясняется также огромность такихъ вкладовъ въ церкви и монастыри, какъ напр. 600 гривенъ серебра, да 50 гривенъ золота, пожертвованныхъ, по душѣ, однимъ Княземъ, не считая приношеній его Княгини, ни доходовъ съ селъ, ни десятинъ, съ разныхъ статей, уступленныхъ тѣмъ же Княземъ на поминъ души въ церкви [5]). Отсюда же объясняется намъ

[1]) Лаврент. сп. Лѣт. 10, 12, 16, 18, 19, 25.
[2]) Ипат. 143, 74.
[3]) Лавр. 78, 85.
[4]) Ипат. 27.
[5]) Ипат. 82.

то богатство Боголюбскаго, о которомъ лѣтопись говоритъ, по поводу сооруженія храма во Владимірѣ, и по случаю грабежа, послѣдовавшаго во дворѣ Князя по его убіеніи [1]).

Послѣ Князей первое мѣсто занималъ класъ *бояръ и дружины*, который, конечно, былъ весьма богатъ, имѣя прямое участіе во всѣхъ источникахъ княжескаго богатства. Дружина участвовала въ дани, напр. византійской, изъ которой даже на простаго воина приходилось иногда по 12 гр.; и потому уже при Игорѣ дружина дружинниковъ князя могла *изодѣться оружьемъ и порты* до возбужденія зависти [2]). Впослѣдствіи, добыча дѣлилась между княземъ и дружиной, и чаще была вполнѣ уступаема дружинѣ [3]). Далѣе эти бояре и дружинники дѣлаются судьями и намѣстниками, и участвуютъ въ доходахъ князя со внутреннихъ областей, такъ что богатство ихъ увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ народнаго благосостоянія.

Храмы, монастыри и духовныя власти были также богатѣйшими владѣльцами въ древней Руси. Съ первыхъ годовъ Христіанства, получили они *десятину со всего княжескаго*, а потомъ *со всѣхъ княжествъ* [4]), т. е. *отъ суда* 1/10 векшу [5]), *отъ торга десятую недѣлю,—отъ приплода скота, отъ дани и отъ виры, отъ лова, отъ жита и всякаго схода и прибытка* 1/10 *часть, ежегодно*. Прибавьте къ этому особый церковный судъ, по дѣламъ вѣры, браковъ, наслѣдства по завѣщанію, преступленій противу добрыхъ нравовъ, — судъ, котораго пошлины и доходы шли нераздѣльно въ пользу церкви [6]). Наконецъ не должно выпускать изъ виду, что эти богатства были употребляемы частію на содержаніе духовенства и нищихъ, частію на монументальное украшеніе храмовъ, которое производилось на счетъ пожертвованій, со стороны князей, бояръ, народа, и на счетъ монастырей и властей,

[1]) Ипат. особ. 114, 115.
[2]) Лавр. 23.
[3]) См. Рѣчь о древ. Рус. Дипломат. 42, 43.
[4]) Уставъ Св. Владиміра.
[5]) Упоминается въ CXXXVIII ст. Рус. Правды.
[6]) Церковный Уставъ Ярослава.

снабдѣвавшихъ церкви *книгами, утварью, иконами, сосудами, крестами, колоколами* и т. д. [1]). Понятно, какимъ способомъ впослѣдствіи власти, монастыри и церкви могли владѣть почти цѣлою третью земли Русской.

Города и городскіе жители играютъ также важную ролю, въ качествѣ владѣльцевъ, что видно изъ разсказовъ лѣтописца о Кіевѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ, Псковѣ. Поступательное движеніе городскаго богатства можно замѣтить уже со времени *укладовъ* на города, выговоренныхъ трактатами съ Византіей; но особенно можно его видѣть изъ соображенія тѣхъ пріобрѣтеній, которыя дѣлаютъ города, напр. Новгородъ, посредствомъ своихъ походовъ на западъ, востокъ и сѣверъ. Отсюда легко сдѣлать заключеніе къ значительному богатству городскихъ жителей, которое сверхъ того доказывается и прямыми извѣстіями, напр. въ родѣ разсказа о построеніи однимъ *церковнымъ мастеромъ*, *Кирилломъ*, *на его счетъ*, во имя его Ангела, во Псковѣ, *каменной* церкви въ XIV вѣкѣ[2]), или въ родѣ извѣстій о построеніяхъ, воздвигнутыхъ, въ разныя времена, Псковскимъ и Новгородскимъ купечествомъ; или наконецъ въ формѣ слѣд. извѣстія: въ 1207 г. Новгородцы сотворили вѣче на Посадника Дмитра и на братью; сокровища отыскали и раздѣлили по зубу, по три гривны, кажется, на человѣка, не считая тайно захваченныхъ сокровищъ, отъ которыхъ многіе разбогатѣли [3]).

Былъ ли богатъ, чѣмъ и въ какой мѣрѣ, *простой народъ и сельскій классъ жителей Руси?* Этотъ вопросъ не такъ легокъ, по причинѣ совершеннаго отсутствія прямыхъ указаній о бытѣ простаго народа. Наши лѣтописи, какъ и всѣ хроники всѣхъ другихъ государствъ упорно молчатъ на счетъ благосостоянія сельскихъ жителей. Да и умозаключеніемъ тутъ не много можно сдѣлать. Нельзя же считать богатство князей и монастырей прямымъ свидѣтельствомъ благосостоянія простаго народа, также точно, какъ нельзя выводить ни-

1) См. напр. Лаврент. 52, Ипат. 78, 111, 123, 151,—153, 155.
2) 1370, Псковск. 1.
3) Новгор. Лѣт. I, стр. 30.

какого заключенія о бытѣ сельскаго населенія древности и новѣйшаго запада изъ богатства Аѳинъ, Рима, Парижа, Лондона. Центрилизація управленія въ древности и скопленіе капиталовъ въ западныхъ столицахъ могутъ произвести только оптическій обманъ, въ сужденіи о бытѣ римскихъ провинцій въ древнемъ, или Ирландіи въ новомъ мірѣ. У насъ не было такой централизаціи, но все же не позволено дѣлать заключеніе къ дѣйствительной судьбѣ смердовъ отъ баснословныхъ пировъ Владиміра. Не можемъ мы также воспользоваться при этомъ наведеніемъ или аналогіею: что обогощало дружину, то вело къ раззоренію смердовъ. Война можетъ обогащать государство, но не частныхъ людей изъ простаго народа. Но мы не вовсе лишены возможности, хоть приблизительно, судить о положеніи нашего древнѣйшаго сельскаго населенія, благодаря извѣстному акту, состоящему изъ 16-ти стат., которыя, обыкновенно, относятся къ числу статей Русской Правды, но которыя говорятъ собственно о сельскомъ хозяйствѣ отдаленнѣйшихъ вѣковъ Руси [1]).

Эти 16 статей *составляютъ одно цѣлое, связное, и говорятъ о сельскомъ хозяйствѣ, по системѣ половничества, въ размѣрѣ одного извѣстнаго села.* Дѣйствительность этого села видна изъ послѣдней статьи, XXXVIII, *о сиротьемъ вырядкѣ*, въ которой хозяинъ села возлагаетъ на владѣльца, по нашему, на арендатора, обязанность уплачивать ежегодно какой-то вдовѣ и ея дочери, во всѣ урочные 12 лѣтъ, по одной гривнѣ, каждой, что̂ составитъ 24 грив., какъ говоритъ сама статья.

Для нашей цѣли, здѣсь нужно войти въ нѣкоторыя подробности акта. Сначала, отмѣтимъ по немъ вычисленіе наличнаго имущества, находившагося въ селѣ, такъ сказать, инвентарь хозяйства, куда отнесены: 22 овцы и 22 бар.; 22 козы и столько же козловъ; 3 свиньи и 3 борова или *вепря*, 2 кобылицы съ жеребцами, корова и быкъ, двои пчелъ, извѣстное количество вымолоченнаго и немолоченаго хлѣба, полбы, ржи, овса, ячменя, и опредѣленное пространство земли, которое можно вывести изъ количества посѣва и числа сби-

[1]) Изданіе Калачова, стат. XXII—XXXVIII.

раемаго сѣна. Въ актѣ сказано, что въ селѣ высѣвается 16 кадей ржи, и снимается 100 копенъ ежегодно,—да накашивается 5 стоговъ сѣна. Извѣстно, что древняя *кадь* равна теперешнимъ четыремъ четвертямъ, слѣд. 16 кадей,—тоже что 64 четверти. Полагая по 2 четвер. посѣву на десятину, получимъ 32 десятины поля для озими, или въ одной рукѣ, да въ двухъ *потому же*, и всего поля 96 десятинъ, а съ лугами, съ сѣнокосомъ, нѣсколько болѣе 100 десятинъ.

Послѣ этого, въ актѣ открываемъ вычисленіе тѣхъ доходовъ, которые должно получить съ разныхъ статей хозяйства чрезъ извѣстное, урочное время, преимущественно чрезъ 12 лѣтъ. При этомъ вычисленіи, основаніе движенія хозяйства выражено такъ, что *скотъ и животныя возрастаютъ въ прогрессіи геометрической*, именно удвояются ежегодно, за исключеніемъ, разумѣется, лошадей и коровъ; а *хлѣбъ и зерна восрастаютъ въ прогрессіи ариѳметической*, т. е. умножаются въ каждый слѣдующій годъ только на половину противъ предъидущаго. Замѣчательно, что это древнее наше вычисленіе цѣлыми вѣками предварило ту выкладку, на которой Мальтусъ построилъ свой *Опытъ о народонаселеніи*, только у насъ вычисляется такимъ образомъ приплодъ скота, а у Мальтуса возрастаніе человѣчества. Такимъ *образомъ* скотъ увеличивается по формулѣ: 2, 4, 8, 16 и т. д., а продовольствіе по формулѣ: 2, 2+1, 3+1$^1/_2$, 4$^1/_2$+2$^1/_4$ и т. д., или, что все равно, скотъ умножается во 100$^0/_0$ ежегодно, а продовольствіе въ 50$^0/_0$.

Очевидно, что этотъ расчетъ доходовъ съ хлѣба предполагаетъ урожай только *самъ-третій*, слѣдовательно слишкомъ малый, объясняемый единственно предположеніемъ, что здѣсь вычисленъ доходъ хозяина земли, и опущенъ доходъ половника. Замѣтимъ такъ же, что *только хлѣбъ, показанный въ запасѣ, въ зернѣ, или въ копнахъ*, подвергается вычисленію объ ежегодномъ умноженіи въ 50$^0/_0$; тогда *какъ количество хлѣба, опредѣленное первоначальною запашкою*, остается постоянною величиною, какъ и сѣно, и только складывается 12 разъ, по числу урочныхъ годовъ. Значитъ, для запаснаго хлѣба, въ копнахъ и зернѣ, равно какъ для пастбищъ, *предѣловъ въ землѣ или въ полѣ не полагалось*, и что годъ,

то болѣе земли должно было занимать и для посѣвовъ и для прокормленія скота. Слѣд. половникъ не былъ простымъ работникомъ, но хозяиномъ зажиточнымъ, который ежегодно, своими средствами, расширялъ хозяйство, разработывалъ поле, очищалъ луга и т. п.

Что же стоило все хозяйство сданное въ содержаніе, и какъ должно было возрасти оно, по правиламъ тогдашняго экономическаго расчета? Складывая въ одну сумму цѣну предметовъ, входившихъ въ составъ инвектаря, мы получимъ 1398, или, круглымъ числомъ, 1400 гривенъ, какъ первоначальную цѣну села, съ его землею, запасами, скотомъ и заведеніями, сданными въ содержаніе на 12 лѣтъ. Складывая потомъ цѣну тѣхъ же предметовъ, возросшихъ сообразно предположенію акта, въ теченіи этихъ 12 лѣтъ, въ другую сумму; получимъ 341,730 грив. съ рѣзанами. И изъ сравненія выводимъ, что правило, принятое актомъ для вычисленія ежегодныхъ процентовъ, основано на предположеніи, по которому капиталъ, т. е. земля и хозяйство, долженъ ежегодно возрастать почти на 60%.

Если актъ, хоть приблизительно, сообразенъ съ дѣйствительностію; то мы не будемъ далеки отъ истины, предполагая, что и нисшій сельскій классъ древнѣйшей Руси, состоявшій изъ поселянъ и половниковъ, велъ жизнь безбѣдную, и при своемъ правѣ перехода могъ не завидовать другимъ классамъ. Все его благосостояніе зависѣло отъ его труда, отъ него самаго.

Но, если въ древней Руси господствовало такое равенство состояній, кто же были передовыми людьми въ промышленной дѣятельности; могли ль тутъ существовать предпріятія, раздвигающія кругъ дѣятельности, и могла ли образоваться наука, которая бы содѣйствовала развитію промышленности? Передовыми, въ дѣлѣ промышленности, были сами названные классы, напр. монастыри, сельское хозяйство которыхъ могло считаться примѣрнымъ, какъ и дѣятельность гостей, суконниковъ и разныхъ сотенъ торговыхъ людей. Вотъ образчикъ монастырскаго хозяйства, которое все было опредѣлено вѣсомъ, мѣрою, цѣною, документами.

Монастырское хозяйство основывалось на описи или инвентарѣ, въ которомъ содержалось описаніе церквей, милосердія божія, или образовъ, и на образахъ, окладовъ, далѣе книгъ, ризъ, колоколовъ, разныхъ строеній, денегъ въ казнѣ и различныхъ грамотъ отъ жалованныхъ до крѣпостныхъ. Затѣмъ слѣдовало тутъ показаніе хлѣба въ житницахъ и запасовъ въ сушилахъ, посуды и котловъ на погребахъ и въ поварняхъ, пахотныхъ лошадей на конюшнѣ и всякой животины, на скотномъ дворѣ. Далѣе слѣдовало въ инвентарѣ описаніе деревень и въ деревняхъ дворовъ, съ показаніемъ крестьянъ и бобылей съ ихъ родными и съ подсусѣдками, по именамъ, отчествамъ и прозвищамъ, — съ обозначеніемъ кто изъ нихъ, когда, куда и почему сошелъ съ земель монастырскихъ. Съ документами на владѣніе, это описаніе составляло полный инвентарь, который должно было составлять книгою, особыми статьями, и скрѣплять подписомъ іеромонаховъ, монаховъ и строителя. — Правила хозяйства выражались въ положеніяхъ такого рода: старосты и цѣловальники должны наблюдать, чтобы крестьяне пахали монаст. пашню повытно, противъ прежняго съ прибавкою, полагая десятину въ 80 с. длины и въ 40 ширины, и пахали бы безъ цѣлизны, сѣя хлѣбъ во-время, среднимъ сѣвомъ, ни часто, ни рѣдко. Земли и пустоши и угодья, не розданныя крестьянамъ, лишнія, отдавать своимъ же крестьянамъ изъ 3, 4, и 5-го снопа, или въ оброкъ постороннимъ. Когда хлѣбъ поспѣетъ, велѣть сжать и скласть, покрывши соломой, написать все въ *ужинные* списки, и въ присутствіи братіи дѣлать *опытъ*, сколько изъ сотенной копны выдетъ зерна, изъ добраго, средняго и плохаго хлѣба, и писать все это въ *умолотные* скиски. Велѣть такъ же сѣно косить по развыткѣ, ставя копны мѣрныя, въ двѣ сажени трехаршинныхъ, и писать въ *укосные списки*. Кто захочетъ въ монастырскомъ лѣсу выронить такъ избу, или баню, или клѣть, или овинъ, «съ того имать десятая пошлина, чего та хоромина по оцѣнкѣ судитъ».—Крестьянамъ заказать накрѣпко, чтобы они въ великій постъ съ женами и съ дѣтьми постились и говѣли, и чтобы они къ церкви Божіей приходили. Для управленія, крестьяне должны выбрать десятскихъ и старостъ, которые должны смотрѣть, чтобы

крестьяне въ монастырскихъ владѣніяхъ вина не сидѣли; никого безъявочно не принимали; ничего безъявочно не покупали, и безъявочно, не сказавшись десятскимъ и старостамъ, никуда не ѣздили. Наконецъ монастырь принимаетъ на себя, крестьянъ своихъ отъ сторонъ оберегать и никому въ обиду не давать. Въ случаѣ суда и росправы, и поѣздокъ въ городъ, по дѣламъ монастыря, строитель долженъ брать съ собою козначея или кому козначей вѣритъ, ведя списки монастырскимъ издержкамъ; а уѣзжая въ городъ по дѣламъ крестьянъ, строитель долженъ ѣхать на счетъ крестьянъ, имѣя при себѣ цѣловальника или десятскаго, и ведя счетъ крестьянскихъ издержекъ [1].» Мало того, что акты изданы; ихъ должно читать и изучать, для полнаго пониманія древ. Руси.

Скажемъ теперь два слова о наукѣ. Какая это наука? Сельское хозяйство, начала, образующіяся въ мастерскихъ, и правила, вытекающія изъ познанія торг. оборотовъ. Это—науки опытныя, составляющіяся изъ опытовъ, или извлекаемыя изъ опытовъ. Чего же могло не быть? Опытовъ? невозможно. Отвлеченныхъ правилъ? Для данныхъ мѣстностей и личностей, опять невозможно. Напротивъ нѣтъ сомнѣнія, что въ каждой мѣстности, познаніе земли, вліянія воздуха или атмосферы, постоянно было присуще всему населенію мѣстности, или сельской общинѣ; такъ напр. удобреніе полей въ Важеской округѣ, въ XVIII в. мхомъ тундры [2]), доказываетъ, что жители знали свойство почвы, требовавшей торфянаго удобренія, и знали свойство сосѣдняго торфа, который могъ усилить производительность ихъ почвы. Не всякій торфъ для всякой почвы. — Равно какъ познаніе извѣстныхъ пріемовъ, обращеніе съ матеріалами, составленіе красокъ, употребленіе инструментовъ, или познаніе нуждъ по разнымъ мѣстностямъ, для образованія торговыхъ оборотовъ—все это было присуще всѣмъ промышленнымъ классамъ. Чего же не было? Общаго всесторонняго отвлеченія, которое бы построяло изъ

[1]) Ак. Ист. V, № 65, годъ 1681. Изъ I кн. Бѣлевск. Вивліоѳ., стр. 308, 312, видно, какъ древнее хозяйство, *слагая сборъ меду по мелкости*, старалось избѣгать всякой мелочности.

[2]) Временника» 25 Кн. Отд. Матеріаловъ, 25.

тѣхъ или другихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технологіи, русской торговли. Этого не находимъ — но такая теорія, сообщая изучающему болѣе, чѣмъ сколько можетъ онъ провѣрить своимъ опытомъ и примѣнить къ дѣлу, часто вводитъ въ заблужденіе относительно обобщенныхъ ею условій мѣстности, времени, потребности; такая теорія требуетъ, для своей дѣятельности, много образованія, которое не у всѣхъ предполагается даже въ наше время.

Б. *Право образованія, или о народномъ просвѣщеніи, въ Руси.* Обозрѣвши столько вопросовъ, въ ихъ общеисторическомъ движеніи, мы приходимъ къ заключенію, которымъ подтверждается сказанное нами положеніе, что идеями управляются народы и человѣчество [1]). Въ каждомъ народѣ, должны быть напередъ даны тѣ или другія идеи, которыхъ выработка въ понятія и начала должна составить задачу его исторіи. Нѣтъ народовъ безъ преданій, какъ нѣтъ народовъ безъ чаяній и вѣрованій, находящихся въ неразрывной связи съ преданіями, такъ что каждый народъ начинаетъ свою жизнь подъ вліяніемъ свѣта, идетъ отъ свѣта, и необходимо ищетъ извѣстнаго ему свѣта [2]). Только, народы языческіе, Греки и Римляне пріобрѣтали свои основныя идеи преимущественно изъ области гражданскаго быта и изъ началъ государственнаго построенія, и законы Ликурга, Солона или XII Таблицъ были единственными идеалами для дальнѣйшаго развитія ихъ общественной жизни. Напротивъ народъ іудейскій и народы христіанскіе получили свой запасъ идей и задачъ, для разработки въ убѣжденія и жизнь, въ видѣ десяти заповѣдей, законовъ Моисея и другихъ книгъ Завѣта, или въ образѣ Евангелія и вообще Св. Писанія. Этими основными источниками свѣта, съ минуты его появленія, вызваны въ христіанствѣ особые, высшіе вопросы обо всемъ по-

[1]) См. выше, стр. 35.

[2]) И нигдѣ и ничего безъ преданій. Что такое философская школа и вообще школа въ наукѣ, искусствѣ, администраціи, если не движеніе отъ задачи къ ея разработкѣ? Ничего въ человѣкѣ безъ опредѣленныхъ исповѣданій и символовъ.

знаваемомъ, о причинѣ міра, о мірѣ и человѣкѣ, и особые, высшіе взгляды на науку и искусство, на жизнь и ея требованія. Такъ, въ христіанствѣ, установился идеалъ и запасъ свѣта, къ которому должно стремиться, и ясно опредѣлилось различіе между просвѣщеніемъ и образованіемъ. Просвѣщеніемъ называемъ сумму идей и свѣта, долженствующую вырабататься въ народѣ; образованіемъ—самую работу общества, въ этомъ дѣлѣ, самый процессъ воздѣланія и усвоенія идей и свѣта. Просвѣщеніе христіанскихъ народовъ, по его существу, одно; образованіе всегда различно, по времени и мѣсту. Но, такъ какъ продуктъ образованія, въ данный моментъ исторіи, есть извѣстная степень воздѣланныхъ идей, или опредѣленная сумма науки и свѣта, съ которой начинается новый трудъ разработки, новый видъ сознанія и новая степень просвѣщенія; то и въ дѣлѣ просвѣщенія народы даже христіанскіе не могутъ не разниться, и не только по его степени, но и по свойству, по большему или меньшему вліянію первоначальныхъ источниковъ свѣта на ихъ просвѣщеніе. Образованіе и просвѣщеніе являются національными. Обратимся къ ихъ исторіи, въ древней Руси.

Законъ, опредѣлившій участіе русскаго народа въ созданіи матеріальной цивилизаціи и въ пользованіи ея плодами, отъ путей сообщенія и гонебныхъ сношеній, открытыхъ для всѣхъ и каждаго, до промышленности сельской и городской, равномѣрно распредѣленныхъ между всѣми классами всей Россіи, долженъ былъ повториться въ сферѣ древней духовной цивилизаціи, и установить задачу, средства и результаты образованія, по началамъ общественнаго права. — По аналогіи съ вопросами, которые мы разсмотрѣли, легко составить понятіе о правѣ на образованіе. Каждое семейство чувствуетъ потребность передать своимъ юнымъ членамъ извѣстныя религіозныя и нравственныя, практическія и теоретическія, или умственныя познанія, понятія, воззрѣнія; и пока семейства остаются внѣ всякаго высшаго союза и общества, дѣло образованія находится въ ихъ рукахъ и составляетъ ихъ свободное право и свободную обязанность, которыхъ результаты, естественно, различаются по родамъ и семействамъ. Но съ появленіемъ высшихъ соединеній, об-

щинъ, городовъ, племенъ, образовательная дѣятельность семействъ становится ихъ обязанностiю, которая ясно высказывается въ богослуженiи общественномъ, въ морали общепризнанной, въ наученiи опредѣленномъ для времени, мѣста и положенiя лицъ, въ общинѣ и племени. Въ такомъ состоянiи уже были племена, вошедшiя въ составъ Руси, и *творившiя сами себѣ законъ*, по выраженiю Нестора. Здѣсь творчество образованiя принадлежитъ общинамъ, племенамъ и землямъ, которыя, естественно, тяготѣютъ надъ частными семействами, вынуждая каждое изъ нихъ къ передачѣ извѣстнымъ убѣжденiй и понятiй младшимъ ихъ членамъ. Это продолжается до явленiя, въ странѣ, государства съ его общею, народною вѣрою, народною нравственностiю, народными воззрѣнiями на мiръ и человѣка, посредствомъ которыхъ право общинъ превращается въ обязанность содѣйствовать образованiю частныхъ семействъ, а обязанность семействъ— въ право пользоваться содѣйствiемъ общинъ, для образованiя своихъ членовъ. Такъ происходитъ общественное право образованiя, которое становится народнымъ, равно не зависящимъ ни отъ политическаго влiянiя на воспитанiе какого нибудь спартанскаго закона, ни отъ безплоднаго произвола частныхъ семействъ, въ дѣлѣ образованiя человѣка. И таково было образованiе, въ древней Руси, откуда объясняются: исконное единство нашего народа, видимое доселѣ въ его языкѣ, вѣрованiяхъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, играхъ, образѣ жизни; и способъ распространенiя въ Руси духовныхъ даровъ истинной вѣры, по которому храмы Божiи, служители алтаря и учители вѣры, съ самаго начала, равномѣрно распространялись по русскимъ городамъ, селамъ, и другимъ мѣстамъ поселенiя. И такъ опредѣлилось у насъ назначенiе книжнаго и всякаго другаго наученiя, связаннаго съ вѣрою,—назначенiя, по которому не было въ Руси ни особыхъ системъ знанiя, прiобрѣтаемыхъ для извѣстной спецiальной цѣли,—ни особыхъ классовъ народа, исключительно призываемыхъ къ участiю въ просвѣщенiи,—ни опредѣленныхъ мѣстъ для ученiя, закрытыхъ для большинства, по своей отдаленности,—ни особыхъ средствъ преподаванiя, не доступныхъ для массы, по неизвѣстности для нея иноземнаго языка. Дока-

зательства въ пользу сказаннаго находятся, какъ въ исторіи того процесса, которымъ совершалось образованіе народа, въ древней Руси; такъ и въ памятникахъ нашей древней письменности, сколько ихъ доселѣ открыто и изслѣдовано. Разсмотрѣніе этого процесса ученія и этихъ результатовъ для доказательства, что въ древней Россіи существовало право образованія, въ указанномъ смыслѣ, составляетъ предметъ нашего изложенія. Не открытіе новаго въ событіяхъ, а только назначеніе мѣста событіямъ, въ сферѣ права—вотъ наша задача.

Вниманіе читателя будетъ обращено главнымъ образомъ на исторію теоретическаго, или точнѣе, собственно умственнаго образованія народа; и, только для полноты и повѣрки изложенія, мы скажемъ, что̀ сможемъ, объ его эстетическомъ и практическомъ образованіи, принимая послѣднее въ смыслѣ общечеловѣческаго религіозно-нравственнаго воспитанія; причемъ воспользуемся возможными источниками исторіи и литературными пособіями. Въ ряду этихъ пособій ставимъ прежде всего «Исторію Госуд. Р.» Карамзина; «Изслѣдованія» Погодина [1]; «Исторію Русской Словесности» Шевырева [2]; «Исторію Р. Іерархіи» Амвросія [3]; «Исторію русской церкви» Архіепископа Филарета [4], и «Разсужденіе о древне-рус. училищахъ» Г. Лавровскаго [5]; предоставляя себѣ, по мѣрѣ нужды, упоминат о другихъ сочиненіяхъ, по связи ихъ съ отдѣльными вопросами нашего изложенія.

Образованіе народа, или его цивилизація не токмо «играетъ важную ролю» въ исторіи народа, но творитъ его исторію, служа условіемъ для развитія и для самаго бытія народа. Одна цивилизація сообщаетъ народамъ прочное бытіе и безспорное господство; грубая, матеріальная сила, поддержанная самымъ упорнымъ счастіемъ, рано или поздо можетъ поплатиться даже за свои успѣхи; цивилизація одна даритъ

1) Томы III, 338 и слѣдд. и IV, 381 и слѣдд.—
2) Москва, 1846.
3) Москва, 1807, I—II.
4) Москва, 1848, I—IV.
5) Харьковъ, 1854.

народу постоянно высокое положеніе. Особенно русскому народу нужно было, съ начала его исторіи, запасаться духовными силами; само географическое положеніе грозило ему опастностями, какъ со стороны Азіи отъ Монголовъ и подобныхъ населеній, такъ со стороны Европы отъ Литвы и другихъ сосѣдей католическаго міра.

Важность вопроса о народномъ образованіи побудила современныхъ писателей подвергнуть критикѣ самыя положительныя извѣстія лѣтописей о введеніи въ Россіи книжнаго ученія, при Владимірѣ Св. и Ярославѣ В. Такъ поступилъ авторъ «Разсужденія о древне-русскихъ училищахъ», который успѣлъ при этомъ, на основаніи возможныхъ соображеній, сближеній и сопоставленій, доказать одинаковую степень несомнѣнности обоихъ древнѣйшихъ извѣстій о началѣ книжнаго ученія въ Россіи [1]). И теперь мы можемъ безопасно и безспорно довѣриться какъ выраженію лѣтописи подъ 988 г., по которому «Владиміръ, пославъ, нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное,» такъ и свидѣтельству лѣтописи подъ 1030 г., по которому Ярославъ «пріиде Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300, учити книгамъ.» Итакъ ясно, что первые христіанскіе князья установили у насъ ученіе; что первыми учениками были дѣти нарочитыхъ родителей, принадлежавшихъ къ званію старостъ, или къ сану священниковъ; что этихъ учениковъ, въ самомъ началѣ, въ одномъ Новгородѣ было 300, и что слѣдовательно не могло быть ихъ мало въ это время по другимъ средоточнымъ городамъ другихъ областей древнѣйшей Руси. Это факты. Соображая сказанія лѣтописи о томъ, что Ярославъ «любилъ церковные Уставы, духовенство и особенно монашество, самъ прилежалъ книгамъ, читая ихъ почасту въ нощи и во дни, собиралъ писцовъ многихъ, заставляя ихъ переводить книги съ гречеческаго и списывать много книгъ на языкѣ церковномъ, для наученія людей, [2])» или народа; соображая все это, невозможно отрицать, что Ярославъ въ Кіевѣ и по другимъ городамъ дѣй-

[1]) «Разсужд, 20—26.

[2]) Лѣтоп. Лаврент. стр. 65.

ствовалъ такъ же, какъ въ Новгородѣ, т. е. обязывая и заставляя нарочитыхъ людей своей Руси отдавать дѣтей въ наученіе книжное. Тѣмъ болѣе, что это ученіе было въ союзѣ съ вѣрою, и, по Нестору, только при Владимірѣ, только матери, еще не *утвердившіяся въ вѣрѣ*, оплакивали дѣтей, отданныхъ въ наученіе; съ другой стороны, это ученіе состояло въ связи съ церковію, для которой нужно было образовать настоятелей изъ природныхъ русскихъ, и въ большомъ числѣ, когда, по словамъ лѣтописи, Ярославъ устроялъ церкви по городамъ и мѣстамъ и селамъ, т. е. по всему пространству Россіи. Значительное число учащихся въ Россіи Ярослава В. мы признаемъ событіемъ такъ же несомнѣннымъ.

Послѣ этого понятенъ выводъ, сдѣланный Г. Лавровскимъ, и состоящій въ томъ, что при Владимірѣ Св. и Ярославѣ В. положено у насъ, по городамъ, основаніе дѣйствительнымъ училищамъ, или постояннымъ учрежденіямъ, для водворенія и распространенія образованія въ народѣ [1]). Число учащихся, такъ опредѣленное княземъ, само по себѣ и постоянно обезпечивало бытіе и нахожденіе учителей, равно какъ средствъ для дальнѣйшаго дѣйствія училищъ. Этотъ выводъ, по нашему, несомнѣнный послужилъ Г. Лавровскому поводомъ для доказательства того, что другіе уже предполагали, будто все ученіе и образованіе, въ древней Руси, было дѣломъ правительственнымъ, съ одной, и церковнымъ, съ другой стороны, и будто исторія нашего образованія состоитъ въ одномъ разсказѣ о томъ вліяніи, которое имѣли на ученіе и образованіе князья и княгини, епископы и монастыри. Въ этомъ направленіи у насъ написано и сдѣлано много, и въ этомъ отношеніи «Разсужденіе» Г. Лавровскаго совмѣстило въ себѣ всѣ важнѣйшіе факты изъ исторіи русскаго образованія, со временъ христіанства въ Россіи до конца XV в. Но такимъ образомъ писатели съуживали задачу исторіи, и совершенно произвольно. Они не обратили вниманія на основаніе дѣятельности послѣдующихъ князей въ дѣлѣ народнаго образованія, и не потрудились объяснить,

[1]) Разсужд. Лавровск. 26—30.

была ли она слѣдствіемъ общаго закона, общей системы управленія, которая одна обезпечиваетъ историческое бытіе правительственныхъ учрежденій, или дѣломъ личнаго расположенія, временнаго, случайнаго, возбужденнаго примѣромъ только благочестивой, а не обязательной дѣятельности Св. Владиміра и В. Ярослава. Они оставили безъ разбора вопросъ, для чего святители и пастыри принимали участіе въ заведеніи училищъ, для образованія ли только духовныхъ служителей, или вообще для распространенія образованія въ народѣ, и, въ послѣднемъ случаѣ, былиль ихъ школы единственными средствами просвѣщенія, или онѣ существовали въ помощь народнымъ, рядомъ и вмѣстѣ съ ними. Остановимся на этихъ вопросахъ столько важныхъ.

Не смотря на всю несомнѣнность извѣстій о заведеніи у насъ школъ Владиміромъ и Ярославомъ, мы имѣемъ многое сказать противъ предположенія, будто ученіе въ древней Россіи было дѣломъ правительственнымъ. Мы знаемъ, что христіанская вѣра, повсюду ведущая за собою свѣтъ книжнаго ученія, принимается у насъ среди Полянъ, которыхъ даже языческій бытъ восхваляется строгимъ монахомъ перваго русскаго монастыря, преподобнымъ Несторомъ. Мы знаемъ, что эта вѣра принимается въ Кіевѣ, гдѣ еще во времена Св. Ольги, даже до нея, даже при Олегѣ существовали христіане и христіанская церковь [1]; что эта вѣра принимается у насъ, при содѣйствіи народа, въ лицѣ десяти мужей, отправленныхъ въ разныя стороны для испытанія вѣры, и расположившихъ самаго князя къ принятію греческой вѣры, по причинѣ благолѣпнаго служенія Богу. Мы знаемъ наконецъ, что эта вѣра принимается народомъ безъ борьбы и ожесточенія, по одному примѣру князя Владиміра и его бабки, и по одному его слову: «аще не обрящется кто рѣцѣ, т. е. на рѣкѣ, для крещенія, богатъ ли, или убогъ, или нищъ, или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ [2])». И на основаніи этихъ событій, говоримъ, что вѣра принята у насъ не столько по наряду правительства, сколько по расположенію

1) «Изслѣдовв.» III, 327 и слѣдд.

2) Лѣтоп. по Лаврент. сп. 50.

народа, а потому и книжное ученіе должно было придти въ Русь не столько въ слѣдствіе правительственныхъ распоряженій, сколько по своей необходимой связи съ исповѣданіемъ, принятымъ такъ свободно и душевно. Расположеніе народа къ ученію вѣры впослѣдствіи высказывается въ каждомъ событіи, такъ что Погодинъ не могъ не замѣтить, что народъ нашъ всегда былъ расположенъ и готовъ внимать поученію своего духовенства [1]). Начало школамъ полагали у насъ частію князья, княгини; но, какъ видно изъ лѣтописи, они дѣйствовали при этомъ не по требованію закона, или принятой системы, а по личному расположенію, котораго плоды случайны, прерываются временемъ, дробятся по мѣстамъ, и ограничиваются положеніемъ школѣ основанія, безъ видимаго, настойчиваго участія въ дальнѣйшей судьбѣ учрежденія. Наконецъ эта дѣятельность сокращается со временемъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, такъ что къ половинѣ XIII в. лѣтописи умолкаютъ и не говорятъ больше о дѣятельности князей на пользу установленія школъ [2]); а между тѣмъ школы и ученіе, появленіе писателей, въ разныхъ родахъ, и сочиненій, съ различнымъ содержаніемъ, не перестаютъ встрѣчаться и позже этой эпохи, и повсюду, и непрерывно, и даже съ постепеннымъ возрастаніемъ. Была сила, производившая всѣ эти явленія, помимо правительственнаго участія; но не одна церковь и не одни монастыри служили у насъ этою силою.

Ни въ церковномъ Уставѣ Влаладиміра Св., или Ярослава В.; ни въ одномъ изъ семи ярлыковъ, данныхъ ханами орды нашему духовенству [3]), и ни въ одной изъ грамотъ, впослѣдствіи жалованныхъ нашими князьями духовнымъ властямъ и монастырямъ; нигдѣ не упоминается о школахъ или училищахъ, объ учителяхъ или ученикахъ, хотя въ каждомъ изъ названныхъ законоположеній подробно вычисляются всѣ лица, сколько нибудь принадлежавшія къ составу церковнаго суда и управленія, отъ нищихъ и больныхъ до крестьянъ и ма-

1) «Изслѣдовв. «VII 381.

2) «Разсужденіе» Лавровскаго 51.

3) Григорьева «о Достовѣрности Ханскихъ Ярлыковъ»

стеровъ. Очевидно, сюда не входили однѣ училища, съ принадлежащими къ нимъ лицами, и не входили потому, что не составляли предмета церковнаго управленія, образуя собою свѣтскія, народныя установленія, не имѣвшія права на привиллегіи ханскія, или на льготы княжескія, и существовавшія и дѣйствовавшія по силѣ собственной, внутренней жизни. И что было дѣлать духовному управленію съ тою массою учащихся, о которой говоритъ лѣтопись еще при Ярославѣ В., и о которой упоминаютъ послѣдующіе акты напр. житія святыхъ, употребляющія, для обозначенія учениковъ извѣстной школы, выраженіе: «множество ученическое [1])»? И какъ могла исключительно церковная, духовная школа породить результаты, иногда исключительно свѣтскіе, частію съ примѣсью язычества, каковы Слово о полку Игоревѣ, Слово Даніила Заточника, Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о Калкской битвѣ, и другія сказанія, вошедшія и невошедшія въ лѣтопись [2])? И могла ли школа монастыря возбудить вопросъ даже о томъ, кто былъ Кій, перевощикъ у Кіева, или князь города, и сообщить нашему первому лѣтописцу его точныя свѣдѣнія о древней Россіи, географическія и этнографическія, или его живыя черты, для изображенія быта древнѣйшаго населенія, его повѣрій, обычаевъ, образа жизни и т. п?

Связь школы съ народомъ чувствуется во всѣхъ явленіяхъ древняго русскаго быта. Житія русскихъ святыхъ изображаютъ Угодниковъ, которые различались и мѣстомъ своего рожденія и званіемъ родителей и происхожденіемъ, но почти всѣ сходствовали въ томъ, что, съ дѣтства, имѣли случаи и возможность выучиться читать Св. Писаніе и священныя Книги [3]). Повѣствуя о дѣтскомъ возрастѣ Угодниковъ, принадлежавшихъ къ различнымъ областямъ Россіи и къ разнымъ классамъ населенія, житія упоминаютъ объ ученіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя видимо установлены общимъ обычаемъ цѣлаго народа въ цѣлой Россіи. Напр., говоря

1) «Разсужденіе Лавровск. 55.

2) Погодина. «Изслѣдов.» VII, 384.

3) См. напр. И. М. Снегирева, «Св. Петръ, Митр. всея Россіи,» и «Св. Алексій Митрополитъ;» Моск. Вѣд., 1852—53.

о срокѣ, съ котораго начиналось ученіе, онѣ умалчиваютъ о годахъ дитяти, а выражаются такъ: «времени приспѣвшу,» или «отроку достигшу возраста» «вданъ бываетъ въ ученіе» [1]); стало быть, всѣ понимали, какіе годы возраста имѣлъ въ виду повѣствователь. Говоря же о самомъ ученіи, житія постоянно и ясно представляютъ школу дѣломъ народнымъ, частнымъ, гдѣ ученики сходятся, для ученія, по соглашенію своихъ родителей съ учителями, въ домы этихъ учителей, священниковъ, причетниковъ, и т. д. [2]). Сверхъ того есть доказательства, что не одни священнослужители и церковники занимали званіе школьныхъ учителей, въ древней Россіи; но что ученіемъ юношества занимались, по селамъ и погостамъ, люди свѣтскіе, по актамъ, «мастера» и даже «простые мужики»[3]). И только такія, не княжескія и не монастырскія школы могли допустить въ число своихъ учениковь дѣтей несвободнаго, рабскаго происхожденія, о чемъ имѣемъ свидѣтельства въ одномъ посланіи Восточнаго Собора къ рускому Митрополиту и въ извѣстномъ «Правилѣ Митрополита Кирилла» [4]). Наконецъ живой союзъ между народомъ древней Россіи и тогдашнимъ его образованіемъ чувствуется въ совпаденіи эпохъ образованія съ эпохами самой исторіи народа. Подобное совпаденіе подмѣчено впервые Г. Лорэномъ только въ исторіи просвѣщенія Англіи [5]); но весьма ясно высказывается въ событіяхъ нашей Исторіи, съ перваго года введенія христіанства и учрежденія училищъ, — съ начала удѣловъ и размноженія школъ по городамъ стольнымъ,—съ нашествія Монголовъ и упадка просвѣщенія, до его возникновенія и постояннаго расширенія послѣ возстановленія свободы, послѣ утвержденія единодержавія, учрежденія Патріаршества, восшествія на престолъ дома Романовыхъ и преобразованій В. Петра, вызвавшихъ спеціальность образованія въ Россіи.

1) Разсужденіе Лавровскаго, 52, 53.
2) «Разсужденіе» 55—57.
3) Ист. Акт. I, № 104, Посланіе Геннадія; Стоглава, 25 гл.
4) «Разсужденіе» Лавровск. 50. Рус. Достопамят. I, 110.
5) Revue Contemporaine, 1855, mai 15, De l'instruction populaire en Angletterre, par Lorain.

Все это уполномочиваетъ насъ отличать, въ древней Россіи, три формы и степени ученія, *домашняго*, въ семействахъ напр. Княжескихъ [1]), *частнаго*, *мірскаго*, по городамъ и селамъ, — и *общественнаго*, княжескаго и монастырскаго, по стольнымъ городамъ князей и по каѳедрамъ епископовъ и митрополитовъ. Безъ такого предположенія, впрочемъ вытекающаго изъ предъидущаго изложенія событій, и изъ понятія о правѣ образованія, невозможно объяснить результата этого права, ни свойства древняго русскаго образованія, ни того, что̀ наши предки знали, и что̀ намъ оставили. Г. Лавровскій справедливо замѣчаетъ, что ученіе, въ древней Россіи до Монголовъ, обнимало собою, сверхъ чтенія и письма, счисленія и пѣнія [2]), всѣ предметы, входившіе въ составъ тогдашняго византійскаго образованія. И нельзя усумниться въ положеніи, принявъ во вниманіе массу и разнообразіе свѣдѣній, встрѣчаемыхъ въ Сборникахъ, начиная съ XI вѣка, съ «Изборника Святослава» 1073,—свѣдѣній, заимствованныхъ составителями изъ риторики, діалектики, философіи, психологіи, географіи, исторіи, богословія и т. п. [3]) Разумѣется, преимущественное участіе въ образованіи принадлежало болѣе обезпеченнымъ классамъ, княжескимъ и боярскимъ родамъ, да лицамъ болѣе къ тому призваннымъ духовенства, особенно духовнымъ властямъ. Какъ въ имуществѣ, такъ и въ образованіи, ни въ какой моментъ исторіи, не можетъ существовать полнаго, буквальнаго равенства для всѣхъ лицъ народа. Но, съ другой стороны, имѣя возможность, въ каждой мѣстности, пріобрѣсти искусство читать, писать и считать; имѣя открытый доступъ ко всѣмъ школамъ сельскимъ и городскимъ, и ко всѣмъ званіямъ даже духовнымъ, и при этомъ, встрѣчая удобство все читать на родномъ и понятномъ для себя языкѣ; нашъ народъ весь

[1]) Ср. Нестор. описаніе Житія Бориса и Глѣба, въ «Разсужденіи» Лавровск. 55, 56; 65, 66; Лѣтописныя свидѣтельства объ образованности Ярослава и сыновей его, Святослава и Всеволода; о Владимірѣ Мономахѣ и Константинѣ Всеволодовичѣ Ростовск. и др.

[2]) «Разсужденіе» Лавров. 125 — 185.

[3]) Тамъ же, 59, 60,—79—83, и далѣе.

могъ идти параллельно съ своими высшими классами и ходомъ поступательнымъ впередъ, вмѣстѣ съ успѣхами этихъ классовъ и съ развитіемъ самаго образованія. Безъ общаго участія въ ученіи всего народа,—этого всеобъемлющаго ученика и читателя, — не мыслимо такое обширное распространеніе по Россіи Изборниковъ или Пчелъ, обнимавшихъ собою все вѣдѣніе времени, теоретическое, въ Сборникахъ, и практическое, въ Пчелахъ [1]. Безъ общаго участія всего народа въ просвѣщеніи, невозможна та масса сочиненій, которыхъ одно простое вычисленіе, по выраженію Погодина, даетъ высокое понятіе о степени образованія эпохи [2], и которыхъ изученіе, въ одномъ литературномъ отношеніи, составляетъ два тома лекцій о древней Рус. Словесности Шевырева. Безъ общаго участія народа въ образованіи, невозможно явленіе, заставившее С. М. Соловьева предположить, что народъ нашъ свыкался, въ древности, даже съ греческимъ языкомъ; [3] невозможно объяснить событій послѣдующаго времени, которыя доказываютъ почти всеобщность грамотности на Руси, требовавшей акта для всякаго дѣла, и письменности для всякаго акта; равно какъ безъ общаго участія въ образованіи невозможно понять обычая древней церкви, поминать по городамъ и селамъ, на ежедневныхъ эктеніяхъ, всѣхъ православныхъ, падшихъ за Россію на Калкѣ, на Дону, на Ведрошѣ, у Орши, Казани и т. д. [4].

Одно Монгольское иго, два слишкомъ вѣка тяготѣвшее надъ Русью, могло остановить естественное движеніе русскаго народнаго образованія, подвергнувъ опасности жизнь и свободу населенія, изсушивъ источники матеріальнаго благосостоянія, преградивъ для народа сближеніе съ Византіей, и заслонивъ для него цивилизацію Запада. Такъ, что къ концу XV в. духовенство начинаетъ жаловаться на недо-

[1] «Временника» 25 Кн. 1857; «Книга Пчелы» Г. Безсонова.

[2] «Изслѣдовв., Замѣчч.,» III 343. 351, и VII 382 и слѣдд.

[3] «Чтенія Общ. Ист. и древ., 1846, стр. 8, «о нравахъ и обычаяхъ древ. Руси до Монголовъ.»

[4] Древн. рукоп. Служебники. Ср. Синодикъ, помѣщен. въ древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 420 и слѣд. отъ 1684 г.

статочность первыхъ началъ образованія даже въ землѣ Новгородской. Любопытное тому свидѣтельство встрѣчаемъ въ Посланіи къ Митрополиту Симону Новгород. Епископа Геннадія, знаменитаго противника Жидовской Ереси. Актъ знакомитъ съ состояніемъ образованія времени, и мы помѣщаемъ его вполнѣ[1]). «Да билъ есми челомъ Государю Великому Князю, что бы велѣлъ училища учинити; а вѣдь язъ своему Государю вспоминаю на его честь, да и на спасеніе; а намъ бы просторъ былъ. Занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одни октеніи учити, да поставивъ его, да отпущаемъ боржае, и научивъ, какъ ему божественная служба совершати; ино имъ на меня ропту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему Апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити; и язъ ему велю псалтырь дати, и онъ и потому едва бредетъ; и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ. Земля, господине, такова, не можетъ добыти, ктобы гораздъ грамотѣ; ино де вѣдь всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй, деи, господине, вели учити; и язъ прикажу ихъ учити октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они, поучився мало азбукѣ, да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити.—А язъ того—для бью челомъ Государю, чтобъ велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится. А мой совѣтъ, что учити въ училищѣ, первое — азбука, граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко, и коли то изучитъ, можетъ послѣ того, поучився, и конархати и чести всякыя книги. А се мужики-невѣжи учятъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню; ино то мастеру принести каша, да гривна денегъ; а завтреня тоже, а и свыше того; а часы, особно; да тѣ поминки опроче могарца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, толко то

[1]) Акт. Ист. I № 104, отъ 1496—1504.

бредетъ по книгѣ. Толкожъ Государь укажетъ изъучати все, что вышеписано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко. А нынѣ отъ меня побѣжали ставленники, одинъ съ недѣлю не поучився — а и православны ли тѣ будутъ?»

Понятно, почему наше духовенство первое почувствовало недостатокъ образованія; заключительное выраженіе Посланія доказываетъ, что духовенство времени считало образованіе, или ученіе необходимымъ для православія. Припомнимъ такъ же, что Соборы русскихъ Святителей издавна узаконяютъ для посвящаемыхъ во священники слѣдующія условія:» 1) раба на священство не привести, аще не преже господинъ его отпуститъ предо многыми послухи съ грамотою; 2) епископы да испытуютъ ставленниковъ потонку, аще житіе ихъ чисто,» и 3, «аще грамоту добрѣ свѣдять.» Это было постановлено еще 1274, въ такъ называемомъ Правилѣ Митрополита Кирилла, потому, говоритъ актъ, что заслопенныя до толѣ для многихъ неизвѣстнымъ языкомъ, греческимъ, «церковныя правила нынѣ облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатію Божіей ясно сіяють, невѣдѣнія тму отгоняще» [1]). И Геннадій, Епископъ, гонитель ереси, писалъ и дѣйствовалъ въ пользу ученія, по долгу званія и по убѣжденію въ необходимости просвѣщенія для успѣха въ борьбѣ съ ересью. Объ его дѣятельности говоритъ Степенная Книга: «хиротонисаше презвитеры и діаконы, иже довольно время у себе въ наученіи держаше, дондеже постигнутъ въ разумъ вѣданія священническаго исправленія, и толико научены быша — яко видѣти ихъ, яко свѣтила міру, — и вси людіе многу ползу получаху отъ нихъ» [2]) Но лѣность и невѣжество не давали Епископу простору, и творили противъ него извѣты, такъ что онъ долженъ былъ просить Государя дѣло исправить, и, сверхъ ученія при домѣ Епископа, да кромѣ школъ у мастеровъ, мужиковъ, открыть ученіе въ мѣстахъ княжескаго управленія, т. е. въ городахъ. При надлежащей строгости ученія при домахъ епископскихъ, и по причинѣ

[1]) Рус. Достопамят., I, 107 110, 111.

[2]) I. 475. «Разсужд.» Лавровскаго, 60

этой строгости, епископскія школы подавали поводъ къ извѣтамъ; при особомъ способѣ ученія земскаго, по общинамъ, селамъ и погостамъ, земскія школы не достигали цѣли, имѣвшейся въ виду церковною властію; Геннадій требуетъ школъ городскихъ, [1]) княжескихъ, какъ это было встарину, и какъ то впослѣдствіи было узаконено на Соборѣ Стоглавомъ. Противъ ученья у мастеровъ Геннадій возстаетъ, 1, потому, что въ нихъ учили не по порядку, начиная съ азбуки, подтительныхъ словъ, псалтыря и т. п., а приступали прямо къ чтенію вечерни, заутрени, часовъ и т. п.; и 2, потому, что плата за ученіе тамъ была высока, заключаясь въ условной цѣнѣ за выучку или учебъ, — и въ поминкахъ, которые, какъ вѣроятно и до нынѣ въ Малороссіи, состояли въ приносѣ мастеру горшка каши и денегъ, при всякомъ переходѣ ученика отъ чтенія одной къ чтенію другой книги.— Подтвержденіе того, что главная мысль Посланія состояла въ требованіи городскихъ школъ, видно изъ Стоглава 1551.

Въ V главѣ сдѣлано Собору предложеніе, составляющее 5-й вопросъ главы:» Божественныя книги писцы пишутъ съ неисправленныхъ переводовъ, а написавъ, не исправливаютъ же; опись къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя,—и по тѣмъ книгамъ чтутъ и поютъ и учатся.» Затѣмъ былъ предложенъ 6-й вопросъ вообще объ ученіи: «ученики учатся грамотѣ небрегомо.» Въ XXV главѣ Соборъ начинаетъ свой отвѣтъ съ показанія ставленниковъ: «мы-де учимся у своихъ мастеровъ, говорятъ ставленники, а индѣ учиться *не гдѣ*,—а мастеры сами мало умѣютъ, и силы въ Божественномъ писаніи не знаютъ». Сдѣлавъ такую справку, выражаясь современнымъ языкомъ, да указавъ, что «прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и В. Новѣгородѣ, и въ другихъ *городахъ*, и многіе грамотѣ, писати, пѣти и чести учили, почему тогда пѣвцы и чтецы и

[1]) Что просвѣщеніе у насъ было особенно распространено по городамъ, это находитъ Г. Бѣляевъ и въ словахъ Патерика о Преподобномъ Спиридонѣ: «селянинъ невѣжа, а не отъ города пріиде въ чернечество». Общест. значеніе христіанской церкви на Руси до Монголовъ. Ж. М. Нар. Просв. № 7, 1856, къ концу статьи.

доброписцы славны были по всей земли и до днесь,»—Соборъ принялъ слѣдующія распоряженія, помѣщенныя въ XXVI главѣ. «Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ, протопопамъ, старѣйшимъ священникамъ, со всѣми священники и діаконы, коемуждо въ своемъ градѣ, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, могущихъ грамотѣ, чести, пѣти и писати гораздыхъ, и у тѣхъ учинити въ домѣхъ училища. чтобы священники, діаконы и *всѣ* православные христіане, въ коемъждо градѣ, давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго; и чтобы избранные учили своихъ учениковъ со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, соблюдая ихъ въ духовной чистотѣ;- и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, колько сами умѣете, и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ Богомъ таланту;» чтобы ученики всѣ книги учили, принятыя церковію, и могли бы и «прочихъ, другихъ учить ничтоже скрывающе, отъ Бога мзды ожидающе, и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще.»

Такимъ образомъ, соображая акты, мы находимъ всѣ доказательства въ пользу того, что и въ это время въ Россіи было три формы и степени книжнаго ученія, а именно ученіе домашнее, частное. или общинное и общественное, или городское. Домашнее образованіе продолжалось въ отдѣльныхъ семействахъ напр. Княжескихъ; что̀ видно изъ примѣра Княжича Михаила Александровича Тверскаго, ѣздившаго учиться въ Новгородъ, по извѣстію лѣтописи, къ своему крестному отцу Владыкѣ Василію [1]), и что̀ чувствуется несомнѣнно при изученіи дѣятельности и посланій Царя Ивана Грознаго. равно какъ Князя Курбскаго. По прежнему же, по общинамъ, городамъ и селамъ, ученіе производилось мастерами, на основаніи особыхъ условій съ родителями,—мастерами, о которыхъ упоминаетъ Псковская Судная Грамота, на которыхъ жалуется Геннадій, на которыхъ ссылаются, по Стоглаву, ставленники, о которыхъ Стоглавъ говоритъ, что они «силы въ Божіемъ Писаніи не знаютъ.» И потому заключаемъ, что Соборъ 1551,

[1]) Лѣт. Новгор. подъ 1341 годомъ.

подобно акту Геннадія, имѣлъ въ виду, къ образованію домашнему и частному, присоединить образованіе общественное, по городамъ Россіи, и что потребность въ этой общественной формѣ образованія означала собою потребность въ высшемъ образованіи, не ограничивающемся грамотностію, но вырастающемъ до познанія силы въ Божественномъ Писаніи. Грамотность, несомнѣнно, была весьма распространена въ это время, судя по особому свойству быта, администраціи и судопроизводства въ Россіи Сошное письмо и разнообразныя книги, опредѣлявшія права и обязанности крестьянъ, посадскихъ и городскихъ жителей, и возбуждавшія въ нихъ потребность въ различныхъ выписяхъ изъ этихъ документовъ; противни, или копіи съ рѣшеній, выдававшіеся, по Судебнику, старостамъ почти по всѣмъ дѣламъ, во всѣхъ общинахъ, для спора, т. е. въ предупрежденіе спора; покруты и порядныя, или условія крестьянъ съ владѣльцами, равно какъ поручныя записи и поручные сельскіе пригозоры, и необходимость рукоприкладства при выборахъ, свидѣтельствѣ и т. п. актахъ;—все это уполномочиваетъ сказать, что грамотность на Руси едвали не была всеобщею. Два-три примѣра изъ Юридическихъ Актовъ достаточно убѣдятъ читателя въ вѣрности положенія. Послухи должны были подписывать акты [1]), и мы встрѣчаемъ подписи повсюду: въ одномъ актѣ читаемъ, что Филипъ Стефановъ руку приложилъ, а въ другомъ Сава послухъ руку приложилъ; [2]) далѣе трое послуховъ руки приложили, [3]) потомъ городовой прикащикъ руку приложилъ, и съ нимъ многія другія лица сдѣлали тоже, за исключеніемъ одного, о которомъ одномъ сказано, что грамотѣ не умѣетъ; [4]) къ одной записи приложили руку какіе-то Михалко, да Тренко [5]). Новгородскія купчія XIV писаны Соцкимъ Иваномъ Степановичемъ, а грамоты 1404, 1501, и 1571, писали Филя Сытникъ, Микита Ямщикъ, монастырскій

[1]) Юрид. № 1, 1479.
[2]) № 23, 1571.
[3]) № 125, отъ 1567.
[4]) № 150, г. 1554.
[5]) № 192, г. 1613.

служка Пятко и т. д. [1]). Присоединимъ выборы отъ сельскихъ общинъ особыхъ земскихъ счетчиковъ, для повѣрки сборовъ, вмѣстѣ *съ приказными счетнаго дѣла* [2]),—выборы, которые не могли упадать не токмо на безграмотныхъ, но даже на не свѣдущихъ въ счетоводствѣ. Наконецъ прибавимъ, что, принимая современныхъ раскольниковъ и старообрядцевъ за остатокъ древней Руси, мы не можемъ не видѣть въ ихъ современной значительной начитанности и грамотности слѣдовъ древняго первоначальнаго образованія. Тѣмъ болѣе, что ученіе грамотѣ должно было производиться, кажется, въ каждомъ приходѣ, при каждой церкви, имѣвшей право, по убѣжденіямъ XVI в., на пожертвованія, именно «для того, дабы училища были» [3]). И не доставало въ Россіи, столько пострадавшей отъ ига монгольскаго, общаго высшаго образованія, о которомъ хлопочутъ правительство и духовенство, особенно съ XVI вѣка. Это видно изъ сознательной и сильной потребности сблизиться съ Западомъ, изъ успѣховъ нашей дипломатіи въ установленіи своего языка, понятій, учрежденій, — изъ многочисленности литературныхъ памятниковъ, и потребности въ заведеніи типографіи: изъ мысли объ учрежденіи въ Россіи Университетовъ и изъ усилій духовенства на пользу просвѣщенія, съ первыхъ лѣтъ патріаршества. Посланія Курбскаго и Грознаго, Домострой Попа Сильвестра, книга Большаго чертежа, Ариѳметики, Геометріи, Лечебная книга [4]), и т. д. только поясняютъ достовѣрность мысли объ Университетахъ по Беру, и смыслъ Маржеретова выраженія, что народъ Русскій не знаетъ ни школъ, ни Университетовъ [5]), разумѣется, подобныхъ существовшимъ, въ то время, на Западѣ Европы. Передъ такими документами извѣстія Флетчера не должны смущать читателя, какъ онѣ не смущали Карамзина, близко знакомаго съ разнообраз-

1) №№ 71, 75, 76, 87.

2) См. Учетную Грамоту 1677, Временника 25 Кн. Отд. Матер. 125, 126.

3) Рукописн. Сборникъ, См. Москвитянина № 22, за 1851.

4) «Истор. Госуд. Рос.» X, 258, 259, и Примѣч. 436, 437, 442, 446, 447.

5) «Истор. Рус. Церкви» Періодъ Патріарш. 112, примѣч. 188.

ными условіями для изученія разсматриваемаго періода. Кажется, Флетчеръ хотѣлъ e contrario, стороной, польстить своей великой Елизаветѣ, содѣйствовавшей вѣрѣ, управленію, устройству Англіи, далеко не похожему на вѣру, управленіе и устройство Россіи.—Впрочемъ, кромѣ колорита, есть у Флетчера невѣрности и въ событіяхъ, которыя однѣ могли уполномочить Англійское правительство поступить съ сочиненіемъ, по всей строгости.

Особенность положенія духовенства была причиною, что оно стало усиливать свою дѣятельность, на пользу просвѣщенія, особенно со временъ Патріаршества. Извѣстія объ этомъ собраны въ «Исторіи русской церкви» Преосвященнаго Филарета [1]), откуда мы не можемъ не позаимствовать слѣдующихъ событій. Патріархъ Филаретъ, возвратясь изъ польскаго плѣна, требовалъ усиленія просвѣщенія въ Россіи, не смотря на усиленіе въ ней вражды къ папизму и латинству, и содѣйствовалъ учрежденію Патріаршей Школы, Греко-Латинской, въ Чудовомъ Монастырѣ. На будущее этой-то школы Олеарій высказывалъ свои надежды, въ 1633 г.— При Патріархѣ Никонѣ, особенно, по случаю исправленія богослужебныхъ книгъ потребность образованія была чувствуема еще болѣе ясно, и для образованія сдѣлано еще болѣе усилій. Вызваны были въ Москву Арсеній Сатановскій, Епифаній Славеницкій и другіе, и при содѣйствіи друга Никона, Боярина Ртищева, составилось при Чудовѣ Монастырѣ Ученое Братство. Наконецъ восточные Патріархи уполномочивали предавать даже анаѳемѣ всѣхъ противниковъ просвѣщенія. Понятно, что прихожане одной церкви, во имя Іоанна Богослова, могли подать Царю Алексѣю Михайловичу просьбу объ учрежденіи школы въ ихъ *приходѣ* [2]), и что царь не могъ отказать имъ въ этомъ.

Въ заключеніе повторимъ, что говорили столько разъ, по другимъ обстоятельствамъ. Насъ не столько занимаютъ событія, сколько ихъ значеніе. Не извѣстія объ ученіи, или его результатѣ важны для насъ, а извѣстія о степени ихъ до-

[1]) 112 и слѣдд.

[2]) «Ист. Рус. Церкви», 116, примѣч. 197.

ступности для народа; и, въ этомъ отношеніи, многозначительна дѣятельность духовенства, которое явнымъ образомъ соединяетъ книжное ученіе съ православіемъ и вѣрою, и естественно стремится открыть, по Стоглаву, для всѣхъ православныхъ христіанъ, ученіе книжное, какъ и вѣру. Откуда выводимъ еще разъ, что образованіе, въ Россіи, искони вѣковъ было народнымъ, обще-народнымъ, доступнымъ для всѣхъ, по мѣрѣ способностей и средствъ воспользоваться его благодѣяніемъ. И самымъ блестящимъ доказательствомъ такого значенія ученія въ Россіи считаемъ учрежденіе Греко-Латино-Словянской Академіи, при Царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

Одинъ Іеромонахъ, по имени Тимоθей, возвратившись въ Москву изъ путешествія на востокъ по святымъ мѣстамъ, явился къ царю Θеодору, живо описалъ ему упадокъ, на востокѣ, образованія и православія, и возбудилъ царя къ этому учрежденію, съ цѣлію поддержать усиліями Россіи православіе и образованіе, падавшія на востокѣ [1]). Для сего Царь предложилъ Патріарху Іоакиму открыть училище, подъ названіемъ Академіи, носившей наименованіе *Заиконоспасской*, по мѣсту нахожденія, и *Греко-Латинской* по языкамъ, въ ней преподававшимся [2]). Что было исполнено въ 1679; а въ 1682 царю поднесенъ проэктъ грамоты и привиллегіи Академіи, важный по смыслу, который имѣло въ то время учрежденіе [3]).

Цѣль и назначеніе Академіи выражены во *введеніи* акта тѣмъ, что Академія учреждается на *взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости* и т п., посредствомъ преподаванія въ ней наукъ гражданскихъ и духовныхъ, начиная съ грамматики, пiитики, реторики, діалектики, переходя къ философіи *разумительной*, *естественной*, *нравной*, и заключая богословіемъ и *правосудіемъ духовнымъ* и *гражданскимъ*, и наконецъ не исключая и всѣхъ прочихъ *свободныхъ наукъ*.

1) Древн. Росс. Вивліоθ. XVI, стр. 295 и слѣдд.
2) Истор. Іерарх. Амвросія, II, 513 и слѣд.
3) Древ. Рос. Вивліоθика VI, стр. 397-420.

1) Для содержанія Академіи, опредѣляются доходы съ семи монастырей, не считая нѣсколькихъ царскихъ волостей и разныхъ пустошей. — Съ тою же цѣлію, дозволяется частнымъ людямъ жертвовать въ пользу Академіи, что̀ пожелаютъ, даже вотчины, которыхъ дареніе, запрещенное вообще, симъ актомъ напередъ разрѣшается и утверждается. Сверхъ того Царская библіотека переходитъ въ вѣдомство Академіи.

2) Академія должна состоять изъ блюстителя и учителей, благочестивыхъ, происшедшихъ отъ благочестивыхъ родителей, и воспитанныхъ въ христіанской православной вѣрѣ. Для чего требуется отъ блюстителя и учителей крестное цѣлованіе, при вступленіи въ званіе.

3) Академія открыта для всѣхъ лицъ, желающихъ учиться, безъ различія званія, состоянія, сана, возраста, подъ единственнымъ условіемъ для учениковъ, принадлежать къ православной церкви.

4) Исключаются изъ круга преподаванія, въ Академіи, предметы, воспрещенные церковію, особенно естественная магія; равномѣрно воспрещается заниматься преподаваніемъ, внѣ Академіи, въ частныхъ домахъ, лицамъ, не получившимъ на то дозволенія отъ блюстителя и учителей. По свидѣтельству блюстителя, иностранцы принимаются съ честію, или отправляются во свояси.

5) Если бы на кого нибудь изъ учащихся поступили иски и взысканія; то не позволялось давать на нихъ судъ, пока подсудимые находятся въ ученіи. Ученики подлежали суду блюстителя.

6) Если бы на блюстителя пало подозрѣніе въ нарушеніи законовъ вѣры, судъ производить учителямъ, въ присутствіи депутатовъ отъ Царя и Патріарха; если подобное подозрѣніе падало на одного изъ учителей, судить его блюстителю съ остальными учителями.

7) Обѣщаются награды учителямъ за труды и ученикамъ за успѣхи.

Нельзя не видѣть сходства между этимъ актомъ объ Московской Академіи и Уставами западныхъ Университетовъ;

но нельзя не отмѣтить и особенности нашей Академіи, въ которой преподаютъ предметы, начиная съ грамматики, преподаютъ всѣмъ возрастамъ, преподаютъ всѣмъ состояніямъ и на ихъ родномъ языкѣ. Доступность образованія для всего народа служила основаніемъ Московской Академіи, какъ и всѣмъ училищамъ въ древности [1]). Образованіе было дѣломъ народа; общество заводило только училища; и только въ этомъ смыслѣ имѣло вліяніе на образованіе, предлагая средства къ просвѣщенію, но ни направляя его, ни установляя.

Дальнѣйшая судьба Академіи разсказана въ прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ [3]). Посошковъ, писавшій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не упоминаетъ о ней, говоря много и пространно о состояніи образованія тогдашняго духовенства. Но онъ такъ же умалчиваетъ о дѣятельности, на пользу просвѣщенія, въ Ростовѣ, Святителя Димитрія, съ 1703 г.; и въ Новѣгородѣ, Митрополита Іова, который перезвалъ къ себѣ братьевъ Лихудовъ, и, при ихъ содѣйствіи, основалъ Греко-Словянскія училища, давшія впослѣдствіи бытіе 14 школамъ, въ одной Новгородской епархіи, по свидѣтельству Амвросія [3]). Ясно, что Посошковъ судилъ о дѣлѣ по мѣстамъ, и по своимъ случайнымъ, личнымъ встрѣчамъ. Образованіе, въ Россіи, утвержденное на широкомъ основаніи прошедшаго, и поддержанное, въ этомъ направленіи, могло со временемъ подняться до возможной высоты, постоянно сохраняя свое значеніе общенароднаго.

Но Россія Петра В., въ виду его государственныхъ, политическихъ реформъ, была тоже, что Россія Владиміра Св., лицомъ къ лицу съ новою вѣрою. И Петръ В. обратилъ особенное, даже исключительное вниманіе на спеціальныя училища, начиная съ Академіи Наукъ, по его плану, до школъ губернскихъ, гарнизонныхъ, адмиралтейскихъ, мор-

[1]) Въ проэктѣ Ѳеодора Алексѣевича о призрѣніи, *по еуропскимъ обычаямъ*, велѣно и дѣтей нищихъ забирать и въ школы отправлять» «Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича» Берха, Спб. 1835, I, 86.

[2]) Кн. I, 1852 г., I и II. 1853. Ср. любопытную статью И. М. Снегирева, «Никольская улица въ Китай-городѣ,» въ Вѣд. Моск. Гор. Полиціи, 1853, №№ 3—9. Отд. оттискъ стр. 12—14.

[3]) Истор. Рос. Іерархіи, II, 547.

скихъ и т. п. [1]) Всему этому, и только этому сообщилъ онъ обязательный характеръ, предписывая или не вѣнчать молодыхъ людей, не имѣющихъ *свидѣтельствованныхъ объ ученіи писемъ* [2]), или не совершать ихъ завѣщаній на передачу владѣній, или штрафовать чиновниковъ, виновныхъ въ непосѣщеніи школы [3]). Въ тоже время онъ видимо стѣснялъ грамотность монастырей ея древнихъ убѣжищъ и пристанищъ [4]), и, понятно, какъ при этомъ общее образованіе должно было падать и грамотность становиться въ народѣ рѣже, и какъ между тѣмъ должны были возникать отдѣльныя образованныя личности и отдѣльные образованные классы, очутившіеся наконецъ на безплодной нивѣ русскаго просвѣщенія.—Еще въ началѣ XVIII в. частное и земское образованіе продолжало свое дѣло, распространяя грамотность и счетоводство въ народѣ, который, какъ извѣстно, платилъ, въ это время, по селамъ, за выучку дѣтей грамотѣ 4 и 6 руб., а за выучку ариѳметикѣ-3 р. и менѣе [5]). Но и спеціальность дѣлала свое дѣло и ослабляла общее образованіе до того, что наконецъ ни указы Анны Іоановны, повелѣвавшіе ежегодно доставлять къ государынѣ отчеты о числѣ учащихся [6]); — ни указы Елизаветы Петровны, налагавшіе штрафы на родителей, не обучащихъ дѣтей Катехизису [7]); ничто уже не могло помочь дѣлу до великаго акта Елизаветы, до учрежденія Московскаго Университета [8]), вызвавшаго потребность въ гимназіяхъ, а чрезъ нихъ, при Екатеринѣ В., и въ уѣздныхъ и въ народныхъ училищахъ.

[1]) Голикова Прибавл. къ дѣяніямъ П.В. XVIII, 408. Krusenstern, Précis du Système, des progrès et de l état actuel de l'instruction publique en Russie, Varsovie, 1837.

[2]) Ук. 1714, Февр. 28 № 2778.

[3]) Krusenstern, Précis, p. 12.

[4]) Ук. 1701, № 1834. Прибавл. къ Дух. Регл., п. 36, и ук. 1723, № 4146.

[5]) Воронова, «Историко-Статистическое описаніе С. Петерб. Учебнаго Округа» С. П. Б. 1849, стр. 4 и слѣдд.

[6]) 1737, Сент. 25, № 7385.

[7]) 1743, апр. 30, № 8726.

[8]) 1755, Янв. 12.

Въ заключеніе этого изложенія объ теоретическомъ образованіи, въ древней Россіи, скажемъ нѣсколько положеній, относительно изученія искусствъ, именно пѣнія и иконописи. Извѣстно, что, какъ ученіе книжное, такъ и искусства были у насъ въ связи съ вѣрою и церковію, и что благолѣпіе служенія преимущественно расположило Русскихъ къ принятію вѣры отъ Грековъ: а посему должно принять, что и по естественному расположенію къ искусству, и по связи искусства съ церковію, ему у насъ учились всѣ классы народа, какъ чтенію, письму и счисленію. Относительно пѣнія положеніе доказывается фактами, собранными въ «Разсужденіи» Г. Лавров., столько основанномъ, въ этомъ отношеніи, на изученіи источниковъ и положеній ученыхъ[1]). Употребленіе съ XI в. названій *доместика*, *демественника* и т. п., для обозначенія *старѣйшины* или уставщика пѣнія; появленіе съ XI же вѣка пѣнія *единогласнаго* и *демественнаго*, т. е. единогласнаго, но съ припѣваніемъ другихъ въ одинъ тонъ, и даже пѣнія *многогласнаго*, симфоническаго; множество дошедшихъ до насъ нотныхъ рукописей, и явленіе слагателей церковныхъ пѣсній, или пѣснотворцевъ, такъ же съ XI в.; наконецъ свидѣтельства, что и князья и свѣтскіе люди и народъ учились пѣть и пѣли священныя пѣсни: все это подтверждаетъ, несомнѣнными фактами, выраженіе Стоглава, что въ старину были пѣвцы, славные во всей русской землѣ.

Въ вопросѣ о живописи[2]), ограничимся извѣстіями Стоглава о средствахъ, установленныхъ соборомъ для ученія иконописи. Эти извѣстія тѣмъ болѣе любопытны и важны, что объясняютъ отношеніе духовенства къ образованію народа вообще. Вотъ слова 43 главы акта: «во царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ, по царскому совѣту, Митрополиту и Епископомъ беречи о многоразличныхъ цер-

[1]) «Разсужденіе» 171—178, и Стат. Ундольскаго въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Рос. за 1846, № 3.

[2]) Лубочныя картинки, съ которыми знакомитъ насъ сочиненіе Ив. М. Снегирева, М. 1844, доказываютъ, что подлѣ иконописи, изображавшей божество и святыхъ, существовало еще искусство изображать различныя стороны людей.

ковныхъ чинахъ, пачеже о живописцахъ и о прочихъ чинахъ церковныхъ.» «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну» и т. д. и съ превеликимъ тщанiемъ, писати образъ Господа нашего Iисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и Святыхъ Пророкъ, Апостолъ, и др. святыхъ.» И «царю такихъ живописцовъ жаловати, а святителямъ ихъ беречи и почитати паче простыхъ человѣкъ.» «Вельможамъ и простымъ человѣкомъ тѣхъ живописцовъ во всемъ почитати и честно имѣти [1].» «Архiепископомъ и епископомъ по всѣмъ градомъ, весемъ и селамъ, и по монастырямъ испытывати мастеровъ, и избравши нарочитыхъ мастеровъ, имъ приказывати, т. е. поручать надо всѣми иконописцами смотрѣть, чтобы въ нихъ худыхъ не было.» Сами Архiепископы и Епископы смотрятъ надъ живописцами, которымъ приказано или поручено смотрѣть за другими.—«Живописцамъ прiимати учениковъ, ихъ разсмотряти и учити, — и такъ отъ мастеровъ со вниманiемъ да учатся. «А иже отъ хитрыхъ и отъ гораздыхъ мастеровъ живописцевъ укрыетъ талантъ, иныхъ не научитъ и не укажетъ, да будетъ отъ Христа осужденъ.»—«Которому открываетъ Богъ таковое рукодѣлiе, и приводитъ того мастеръ ко Святителю. Святитель, разсмотрѣвъ, аще будетъ написанное отъ ученика по образу и по подобiю; абiе благословивъ, наказуетъ и во-предъ благочестно жити, и прiемлетъ ученикъ честь, якоже и учитель.» «Аще кому не дастъ Богъ такого рукодѣлiя, а учитель скажетъ его горазда, и покажетъ написанiе, произведенiе инаго, а не того: Святитель, обыскавъ, полагаетъ мастера подъ запрещенiе» и т. д. «А которые по се время писали, не учась, самовольствомъ и самоловкою, тѣмъ запрещенiе положити, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ.» «Да и о томъ святителемъ великое попеченiе и береженiе имѣти,

[1]) Что уваженiе къ художникамъ было не въ однихъ словахъ закона, а на дѣлѣ; это можно видѣть изъ «Пожилой записи» 1615, помѣщ. въ 25 Кн. Временника, смѣси 2, 3 стр., гдѣ Архимандритъ Хутынск. Монаст. принимаетъ на себя содержанiе и уплату жалованья иконнику, только бы тотъ жилъ у него и работалъ для него. Такъ, конечно, дѣйствовали епископы, власти и монастыри для удержанiя и другихъ художниковъ.

чтобы гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самомышленія бы, своими догадками, Божества не описывали; Христосъ бо Богъ нашъ описанъ плотію, а Божествомъ не описанъ» и т. д. [1])

Послѣднее положеніе Собора служитъ документомъ для писателей, говорящихъ объ исключительно церковномъ значеніи искусства, въ древней Россіи. Только искусство, служившее Богу и церкви, было въ чести и въ ходу; всякое другое назначеніе искусства считалось грѣхомъ. Не мѣсто спорить здѣсь о вѣрности мысли. Замѣтимъ только, что безъ «Подлинниковъ», о которыхъ говоритъ Соборъ, иконопись становится самомышленіемъ и можетъ оправдать иконоборство; замѣтимъ такъ же, что и у древнихъ народовъ, образовавшихъ великихъ художниковъ, искусство служило исповѣданію, и не стѣснялось въ развитіи; а наконецъ, что изъ числа новыхъ народовъ не у насъ однихъ господствовалъ въ старину такой іератическій взглядъ на художество. При Королевѣ Аннѣ, матери Людовика XIV, въ 1642 въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ и при дворѣ, былъ поднятъ вопросъ о сообразности театральнаго искусства съ религіею [2]). Прибавимъ, что такой взглядъ не мѣшалъ и у насъ появленію искусства, наприм. театральныхъ увеселеній, при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда напр. 1674, Готфридъ Яганъ, а потомъ Яганъ Кунштъ давали свои представленія [3]). Отмѣтимъ, что драма у насъ имѣла даже своихъ дѣятелей, даже среди царской семьи, въ лицѣ царевны Софіи, переведшей, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, комедію Мольера: «Врачъ по неволѣ» [4]). Заключимъ, что этотъ примѣръ образованія Софіи, во второй половинѣ XVII в., равно какъ примѣры Великихъ Княгинь отъ Анны

[1]) Опускаемъ подробности, которыя можно видѣть въ статьѣ Забѣлина, «Матеріалы для исторіи иконописи, Временника Кн. 7.

[2]) Raumer's Geschichte Europa's IV, 150.

[3]) Москов. Вѣдом, 1857. № 133, Лит. Отд. стат. Г. А. С.

[4]) Raumer, ibid. VII, 127, ссылаясь на Coxe, Relation d'une ambassade moscovite, I, 307, прибавляетъ, что, «если извѣстіе о переводѣ вѣрно, то царевна имѣла и въ другихъ отношеніяхъ отличное образованіе.»

Всеволодовны и Евфросиніи Полоцкой до многихъ другихъ въ древности [1]), доказываютъ, что образованіе мужескаго и женскаго пола шло у насъ болѣе или менѣе рука объ руку.

Практическое, общечеловѣческое образованіе для Россіи, какъ нельзя вѣрнѣе, характеризуется названіемъ религіозно-нравственнаго. Конечно, тутъ дѣйствовали тѣже органы или школы, семья, община, государство; но, съ принятія христіанства, всѣ эти органы образованія или школы уже состоятъ подъ сильнымъ вліяніемъ вѣры и церкви. Средства этого вліянія были различны, по различію обществъ, подлежавшихъ вліянію; но результатъ вліянія былъ всегда одинаковъ, какъ результатъ одной, постоянной причины. Такъ ученіе, совершаемое молитвой и поученіями въ церкви или храмѣ, особенно дѣйствовало на совѣсть частныхъ лицъ и на семейства; посланія духовныхъ властей къ разнымъ областямъ, сословіямъ и вообще къ народу преимущественно установляли бытъ общинъ; а посланія тѣхъ же властей къ правительственнымъ лицамъ содѣйствовали очищенію и установленію истинныхъ понятій и началъ въ сферѣ управленія и въ области государства. — Но всѣ эти различныя формы дѣйствія имѣли одно содержаніе; частные люди и правители воспитывались въ одинаковыхъ началахъ; и различіе между семьей, общиной и государствомъ служило только средствомъ, для усиленія общаго результата. Семья и община поддерживали законное право государства дѣйствовать на мораль народа; а государство, съ своей стороны, только усиливало вліяніе общины и семейства въ этомъ направленіи. Такъ установилось въ Россіи дружное, всѣми элементами общества, ровно совершаемое шествіе къ моральному развитію народа.

Для того, чтобы ощутительнѣе замѣтить и вѣрнѣе оцѣнить какъ дѣйствія семьи, общины и государства въ этомъ отношеніи, такъ и результаты практическаго образованія, доставшіеся на долю древней Россіи, укажемъ, въ примѣрахъ, на содержаніе ученія, которое распространяла церковь въ

[1]) «Разсужд.» Лавровскаго, 38, 39, и «Рус. Бесѣда» 1858, I, Отд. Критики, взглядъ на задачи современ. Критики, стр. 102, 103 и др.

своихъ посланіяхъ, поученіяхъ, наказахъ, и вообще въ актахъ, сохранившихся до нашего времени, и потомъ на способъ усвоенія и передачи этого ученія, со стороны семьи, общины, государства. — Начнемъ съ посланій къ духовенству, которое должно было воспитывать семейныя начала и дѣйствовать на бытъ отдѣльныхъ лицъ. Въ посланіи Митрополита Фотія, 1416 г. [1]), возбуждены и рѣшены слѣдд. вопросы жизни: 1, о *самоубійствѣ*, какъ преступленіи противъ законовъ православнаго общества, которое уполномочивается отказать виновному въ погребеніи подлѣ церкви, на мѣстѣ общемъ для всѣхъ православныхъ: 2, О *лихоимствѣ*, какъ о преступленіи противъ любви христіанской, которой недостатокъ и отсутствіе особенно преступны въ духовенствѣ, и ведутъ за собою изверженіе виновнаго изъ сана: и 3, о понятіи *чистаго и нечистаго* въ пищѣ, по которому, въ противоположность народному предразсудку, дозволяется ѣсть все, что привозится изъ-за границы, и т. д. — Болѣе подробно поученіе, данное Священникамъ на Руси, въ 1499 г. [2]), гдѣ имъ предписывается, «не *принимать въ даръ церкви ни свѣчи, ни просфоры отъ невѣрныхъ, еретиковъ, блудниковъ, татей, разбойниковъ, рѣзоимцевъ, клеветниковъ, волхвовъ, четвероженцевъ*; *далѣе отъ тѣхъ, кто челядь или прислугу свою морятъ гладомъ, наготою и ранами, безвинно*; *равно какъ отъ волостелей немилосердыхъ.*» Сколько темъ, для разсужденій и поученій, и сколько неизбѣжныхъ случаевъ для усовѣщенія и наставленія!

Изъ посланій къ народу назовемъ посланіе Митрополита Фотія къ Псковитянамъ 1426 [3]), въ которомъ Митрополитъ требуетъ отъ посадниковъ *суда праваго*; — отъ нарочитыхъ людей — *правды въ торговлѣ*; и отъ остальнаго населенія — *милосердія къ нищимъ.* Изъ наказовъ, данныхъ сельскимъ общинамъ, упомянемъ болѣе важные по ихъ содержанію, напр. Наказъ, повелѣвающій *преставать отъ работы въ Субботу*, и *не работать въ Воскресенье ни господину*,

[1]) А. Ист. I, № 22.

[2]) А. Ист. I, № 109.

[3]) А Ист. I, № 30, февр. 2.

ни госпожъ, ни рабамъ, ни свободнымъ; [1]) или запрещающій ввозъ вина въ общину, потому что отъ питья люди оскудали, ходятъ поздо, безчинствуютъ и т. п. [2]); или преслѣдующій скомороховъ, медвѣжьихъ поводчиковъ и вообще людей, развлекающихъ народъ грубо и нелѣпо; [3]) или требующій веденія книгъ, при церквахъ, для записки въ нихъ скоропостижно-умершихъ,» и т. д. [4]).

Наконецъ въ примѣръ посланій, обращенныхъ къ правительственнымъ лицамъ, приведемъ посланіе Бѣлозерскаго Игумена Кирилла одному Можайскому Князю, отъ 1408 — 1413; [5])» что бы *корчемъ*, т. е. продажи вина, въ твоей вотчинѣ, не было, пишетъ Кириллъ Князю; зане крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнутъ;—чтобы *мытовъ*, т. е. сборовъ съ провозимыхъ товаровъ не было; зане куны, т. е. доходы такого рода не праведны. А гдѣ, господине, перевозъ, пригоже дати труда ради. Милостыньку давать должно, понеже поститись не можете, а молиться лѣнитесь.»—Незабудемъ наконецъ, что правительственныя лица имѣли сверхъ того особый актъ,—извѣстный подъ названіемъ *Мѣрила праведнаго*, который, съ своей стороны, освѣщалъ ихъ понятія о судѣ и управленіи.

И такъ церковь, въ древней Россіи, не переставала пользоваться своимъ положеніемъ, и постоянно дѣйствовала на семью, общину и государство, для образованія изъ нихъ орудій къ развитію въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія. Какъ же дѣйствовали сами орудія, для выполненія своей задачи? И во первыхъ какъ дѣйствовала семья? Рѣшеніе вопроса, столько частнаго, для котораго исторія не сохраняетъ данныхъ ни въ какомъ народѣ, становится возможнымъ только при рѣшеніи дѣла о положеніи женщины въ обществѣ. Припомнимъ, для объясненія нашей мысли, положеніе женщины, въ языческой древности, гдѣ она во-

[1]) А. Экспед. IV, № 19, Апр. 1647. № 324, Іюл. 14, Іюл. 14. г. 1647
[2]) Тамъ же № 164, Нояб. 15, отъ 1668.
[3]) Тамъ же № 98 г. 1657.
[4]) Тамъ же № 198, г. 1657.
[5]) А. Ист. I, № 16.

все не имѣла правъ, никогда не была sui juris, и потому, естественно, была лишена какъ вліянія на своихъ дѣтей, такъ и права ожидать отъ нихъ почтенія или привязанности. Недаромъ Солонъ, въ своемъ разговорѣ съ Крезомъ, упоминаетъ только объ одной матери, столько счастливой, что сыновья однажды помогли ей добраться до храма. Въ средніе вѣки, на Западѣ, женщина содѣлалась предметомъ романа, искательствъ и ласкательствъ, торжествъ и побѣдъ, съ которыми она прощалась не безъ сожалѣнія и горечи, входя въ недоступный замокъ своего воинственнаго супруга. По сходству образа жизни мущинъ, въ древней Россіи, съ образомъ жизни мущинъ, на Западѣ, семейное уединеніе было большею частію удѣломъ русской женщины. Но здѣсь она готовилась къ этому уединенію всею своею прежнею жизнію; все дѣло ея воспитанія состояло въ томъ, чтобы образовать изъ нея добрую супругу и счастливую мать. «Слово о женахъ,[1])» приведенное изъ хроноголическаго въ логическій порядокъ, въ которомъ оно должно было укладываться въ умѣ всякаго внимательнаго читателя, отходившаго отъ чтенія съ убѣжденіемъ, состоитъ изъ слѣдующихъ положеній, доказывающихъ нашу мысль и характеризующихъ взглядъ общества на женщину и состояніе женщины въ обществѣ. «Добрый сынъ у отца, что добрый ястребъ, (по нашему: соколъ); добрая дочь, что умный гость; добрая сноха, что медъ во рту; добрый зять, что милый сынъ; добрая жена, что очи въ тѣлѣ, жизнь дому, спасеніе мужу, или что въ государствѣ добрый тіунъ, котораго царь хвалитъ и народъ благословляетъ.» «Веселися съ любовною женою,—да бесѣдуетъ по вся дни жена твоя съ тобою.» «Кому ся вамъ угодитъ добрая жена, т. е. у кого жена добра, тому не для чего ходить на чужую свадьбу; у того каждый день свое веселье.»—Но все въ мірѣ, какъ желѣзо въ природѣ, существуетъ на добро и зло; посему и женщина можетъ быть добра и зла. Главное, отъ чего женщина можетъ быть зломъ? Отъ мужчины, говоритъ «Пчела», отъ выбора, который онъ дѣлаетъ, и отъ образа его воззрѣнія и вліянія на женщину.

[1]) Временника 25 к.» Пчела» издан. Г. Безсоновымъ

«Жениться у богатаго тестя, прибытка ради, и взять жену злобразну, тоже, что осудить себя на болѣзнь; даже лутче трясцею болѣти, нежели съ нелюбовною женою жити.» Женѣ злобразнѣ не подобаетъ смотритися въ зерцало, въ зеркало, да не сотворитъ себѣ печаль, позрѣвъ на нелѣпство своего лица.» «Права̀ и неклеветлива жена, которая *вапы*, т. е. притираньями не красится паче мѣры.» И у насъ выборъ невѣсты для В. Князя и Царя производился, какъ извѣстно, помимо всѣхъ постороннихъ расчетовъ; у насъ очень дорожили только красотою княжеской или царской невѣсты [1]). Что̀, съ своей стороны, не могло не дѣйствовать на бояръ и другіе классы. Но «люто и тому мужу, который смотритъ на наружную красоту, а не пытаетъ дѣлъ жены», основательно прибавляетъ «Пчела,» дополняя свою мысль опять-таки положеніемъ, что свойства жены зависятъ часто отъ мужа: «мужи тѣлолюбцы украшенну, т. е. прекрасную жену претворяютъ въ сластолюбици и блудници; а мужи благолюбцы—творятъ жену умну и цѣломудрену.» Глубоко вѣрное начало, вслѣдствіе котораго обсуждается общество по женщинѣ, и женщина по обществу. Разумная жена изъ любви къ мужу и дѣтямъ будетъ хорошею *наставницею* дѣтей во всемъ добромъ, что ей доступно.—Совершенно тоже повторяется въ Домостроѣ, который только короче выражаетъ туже мысль, называя» «добрую жену похвалою мужу» и призывая ее быть наставницею своихъ дѣтей: «чада своя поучаетъ» [2]).

Такому достойному воззрѣнію на женщину, съ своей стороны, содѣйствовали древніе юридическіе обычаи, освящавшіе на пр. въ лицѣ Св. В. К. Ольги права̀ матери, и дре-

[1]) На западѣ, какъ извѣстно, бывало и иначе. Первая жена Людовика XII, Жанна, была hässlich и verwachsen; вторая супруга Фердинанда Католическаго, сократившая жизнь его, посредствомъ Liebesgetränke была lahm и hässlich; первой женѣ своей, Сусаннѣ, Карлъ Бурбонъ прощалъ и Hässlichkeit и Missgestalt, ради ожиданнаго наслѣдства. Raumer's Gesch. Europa's, I, 41, 100, 293. Браки, заключенные прибытка ради, сопровождались явленіемъ многихъ побочныхъ дѣтей. — Одинъ ли Папа Александръ VI могъ быть виновенъ въ его извѣстныхъ Schandthaten, ibid. 23.

[2]) Домострой, Москва, 1849, стр. 29.

внее русское законодательство, со временъ Правды, которая уравнивала убійство женщины съ убійствомъ мужчины, — и сообщала власть родительскую матери, желавшей сидѣть т. е. жить вмѣстѣ и нераздѣльно съ дѣтьми своими. Тотъ же духъ замѣчаемъ въ Новгор. Суд. грам. 1471, именно въ ея положеніи о томъ, «чтобы старѣйшая, лучшая жена, равно какъ вдова не сама лично, на судѣ, крестъ цѣловала, а чрезъ своего сына, и, только въ отсутствіе такого уполномоченнаго, принимала присягу лично, но за то не въ судѣ, а у себя на дому, куда для этого должны были являться истецъ и приставы новгородскіе.» Тоже должно выводить изъ нашихъ узаконеній о штрафѣ за безчестье, наносимое лицамъ женскаго полу, со статьи Русской Правды о безчестной гривнѣ до позднѣйшихъ распоряженій, возвышавшихъ этотъ штрафъ вдвое и вчетверо противъ оплаты безчестья, нанесеннаго мужчинѣ. Наконецъ достойному воззрѣнію на женщину содѣйствовали сами женщины, посредствомъ достойныхъ представительницъ своего пола, въ лицѣ извѣстныхъ изъ исторіи княгинь, боярынь, посадницъ и друг. [1]).

При такомъ положеніи русской женщины, въ древности вліяніе матери на воспитаніе дѣтей было обезпечено: а, при извѣстномъ, сильномъ вліяніи церкви и вѣры на самую женщину, результатъ домашняго воспитанія, въ народѣ, не могъ быть сомнителенъ или неопредѣленъ. Тѣмъ болѣе, что это домашнее воспитаніе было сверхъ того поддержано общиной, даже въ быту простаго народа.—Изъ Юридическихъ актовъ знаемъ, что наши сельскія общины обыкновенно налагали на своихъ членовъ обязанность, 1) не красть, не разбивать, татинной рухлядью не промышлять, воровъ и пришлыхъ, неизвѣстныхъ людей не держать; съ ворами не водиться [2]), зернью не играть, разврату не заводить [3]); по ночамъ не бродить, вина и пива не покупать [4]); съ женами и дѣтьми, по Воскресеньямъ, въ церковь ходить, въ посты говѣть, по

[1]) Рус. Бесѣда, 1858, Отд. Крит. стр. 102—103 и слѣд.

[2]) № 290, Акт. VI, VII, IX, 1585. № 334.

[3]) № 294, Акт. II, 1605.

[4]) № 301, Акт. II, 1621. См. тамъ же №№ 302, 304.

семействамъ жить въ любви и мирѣ; не сквернословить, не браниться [1]), и т. п. Для наблюденія за выполненіемъ этихъ общинныхъ заповѣдей, по селамъ и деревнямъ, установляемы были закащики, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе, старосты [2]), которые, вслѣдствіе взаимныхъ условій цѣлой общины, имѣли напр. право подвергать виновныхъ штрафу въ 8 алтынъ на пользу церковнаго строенія, да въ 2 деньги на пользу старосты [3]).

Наконецъ, путемъ семьи и общины, вопросъ о вѣрѣ и нравственности народа законно восходилъ до области государственнаго управленія, являясь здѣсь то въ царскихъ грамотахъ и наказахъ воеводамъ, то въ правительственныхъ актахъ и законодательныхъ памятникахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ взглядъ и духъ древняго государственнаго управленія, по вопросу о народной морали. Въ одной изъ дополнительныхъ статей къ Судебн.[4]), читаемъ распоряженіе о наложеніи *царской заповѣди, по земскому обычаю*, сверхъ церковнаго наказанія, на всякаго, кто окажется виновнымъ въ пьянствѣ и произношеніи непристойной брани. По извѣстной *запискѣ о царскомъ дворѣ* [5]), *чины земскихъ дворовъ*, въ Москвѣ, имѣли право «гдѣ посадскаго человѣка увидятъ пьянаго, изъимавъ, посадить въ тюрьму.» Въ одной царской грамотѣ 1647 [6]), предписывается ссылать въ монастырь за чародѣйство, наговоръ и косной разводъ [7]). Въ одномъ наказѣ Сибирскому воеводѣ, на Верхотурьѣ, отъ 1649 г. [8]) предписывается наблюдать, чтобы всѣ ходили въ церковь, и не было бы въ людяхъ ни пьянства, ни чародѣйства, ни игры въ зернь, карты, лодыги, и т. д., подъ страхомъ наказанія

[1]) №№ 334, 349.
[2]) № 334, Акт. I, II, III.
[3]) № 358, отъ 1590—98.
[4]) Акт. Ист. I, № 154.
[5]) Акт. Ист. II, № 355, отъ 1610—13.
[6]) Акт. Эксп. IV, № 18.
[7]) Въ Исторіи царств. Ѳеод. Алекс., 1835, I, 152, Спб. Берхъ ошибочно считаетъ косной разводъ особеннаго рода прической.
[8]) Акт. Ис. IV, № 35.

виновныхъ батогами. Наконецъ въ 1669 [1]), Стольника Князя Оболенскаго «посылаютъ въ тюрьму за то, что въ Воскресенье, іюня 6, у него на дворѣ, люди и крестьяне работали, да онъ же говорилъ скверныя слова.»

И такъ государство воспрещало и наказывало то, что̀ было воспрещено и подлежало наказанію въ общинѣ, по земскому обычаю, и правительство требовало отъ народа исполненія тѣхъ христіанскихъ обязанностей, которыя были утверждены, въ народѣ, по общинамъ и семействамъ. Такъ религіозность и нравственность изъ ученія церкви переходили въ дѣло совѣсти и чувства; изъ области совѣсти и убѣжденія мало по малу переносились въ область права и закона, не переставая корениться въ совѣсти и поддерживаться убѣжденіемъ, которое постоянно возобновлялось ученіемъ и вліяніемъ церкви.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, два-три случая, въ которыхъ нельзя не признать смягчительнаго вліянія церкви на самое свѣтское законодательство древности. Въ одномъ церковномъ актѣ 1667 [2]) читаемъ: «кто украдетъ что въ церкви, вошедши во святилище, и приступивъ къ престолу; тотъ повиненъ смерти или ссылкѣ, по винѣ смотря. А кто украдетъ что въ церкви, Богу не посвященное, а напр. поставленное для храненія; тотъ не святотатецъ имянуется, а токмо тать.» Въ 1677 [3]) случилось, что одна крестьянка отсѣкла косою голову своему мужу, и, по закону, подверглась наказанію, состоявшему въ окопаніи виновной по горло въ землю. Духовная власть ходатайствовала, чтобы убійца, выдержавъ сутки законное наказаніе, была пострижена въ монахини и отдана въ монастырь подъ строгое начало, въ надеждѣ исправленія. Въ 1681 [4]), таже духовная власть, обративъ вниманіе на обстоятельство, что «служащихъ приводятъ къ присягѣ, по тогдашней *Чиновной Книгѣ*, и при томъ по статьѣ,

[1]) Іюня 7, № 453, П. С. З.

[2]) Акт. Арх. Эксп. IV, № 161, п. 13.

[3]) Акт. Ист. V, № 14.

[4]) Акт. Ист. V, № 75.

въ которой «многія непрощаемыя клятвы положены, не приличныя къ тѣмъ дѣламъ, т. е. къ свѣтскому управленію, потому что многіе противъ государевыхъ дѣлъ, во всякихъ сборахъ, грѣшатъ,» сдѣлала предложеніе и настояла на устраненіи послѣдней изъ статей Чиновной Книги. — Наконецъ нельзя не отмѣтить здѣсь того вліянія церкви на законъ свѣтскій, посредствомъ котораго наше отечество освобождалось отъ ужасныхъ процессовъ противъ чародѣйства, извѣстныхъ всему міру Hexenprocesse. — Волхвы и волхованія, чародѣи и чародѣйства были извѣстны въ Руси языческой и христіанской, съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, какъ вездѣ и повсюду. Но, съ христіанства, съ церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава вплоть до конца древней исторіи [1]), всѣ эти лица и всѣ ихъ дѣла постоянно были относимы къ области церковнаго суда и управленія. По временамъ, власти и народъ, правители и частныя лица не удерживались въ назначенныхъ границахъ, и позволяли себѣ убивать и жечь волхвовъ и чародѣевъ [2]), но безъ благословенія церкви [3]) и противъ мнѣнія людей образованныхъ или разсудительныхъ [4]). Такъ у насъ не образовалось ни формальныхъ судовъ, ни жестокихъ преслѣдованій противъ ворожей и ворожбы, волхвовъ и волхованій [5]). И при томъ изо всей Европы только Россія не знала этихъ процессовъ, посредствомъ которыхъ «на Западѣ, нѣсколько вѣковъ сряду, совершались, въ ужасающемъ количествѣ, юридическія смертоубійства. Тысячами, а не сотнями и десятками, сожигались тамъ на кострахъ несчастныя и невинныя жертвы общаго заблужденія, и слѣпаго, а иногда и злоумышленнаго

1) За чародѣйство отправляли въ монастырь въ 1647, Акт. Эксп. IV, № 18; разумѣется, во исполненіе положенія уставовъ: «вѣдовство, потворы, чародѣяніе, ворожба, волхваніе, кобеніе» и т. п. суду церковному подлежатъ.

2) Моск. Вѣд. 1857, № 117 статья Г. Попова въ Литерат. Отд.

3) Тамъ же.

4) Знаменательное выраженіе недовѣрія лѣтописца къ осужденію волхвовъ за какіе-то потворы «а Богъ вѣсть;» тамъ же.

5) Московс. Вѣд. 1857, № 121, мои замѣтки на статью Г. Попова, Литерат. Отд.

фанатизма духовенства.—Цѣлыя тысячи несчастныхъ вплоть до XVIII в. были за-живо сожжены» [1]). У насъ ничего этого не было, безспорно; и потому безспорно, что за отсутствіе такого явленія «мы должны принести древнему русскому обществу великую благодарность» [2]).

Другой вопросъ, почему всего этого не было у насъ, когда все это было вездѣ, на Западѣ, порѣшается особенностію древне-русскаго взгляда на волхвованіе, какъ на грѣхъ, а не какъ на преступленіе. На Западѣ, духовенство учило и успѣло настоять на томъ, что волхвованіе есть и грѣхъ и преступленіе, и что законъ и общество должны преслѣдовать ворожбу огнемъ, мечемъ и пытками; напротивъ наша церковь учила и настояла на томъ, что волхвованіе есть только грѣхъ, и подлежитъ суду церковному, въ который вступался свѣтскій законодатель и судья только въ случаѣ, если этотъ грѣхъ велъ за собою внѣшнее зло и видимый, дѣйствительный вредъ для третьяго лица. Но тогда уже не чародѣя, или волхва, а лице, обвиняемое въ преступленіи, пытали и, по мѣрѣ вины, наказывали. Общество, или народъ никогда не были возбуждаемы противъ этихъ лицъ и фанатизму не давали мѣста. Вотъ какъ рѣшены два дѣла, возникшія въ началѣ XVII в., при Царѣ Вас. Ив. Шуйскомъ, по жалобамъ о порчѣ людей посредствомъ икоты [3]). «Билъ намъ челомъ, пишетъ Царь въ Пермь къ намѣстнику Кн. Вяземскому, Пермитинъ Тренка Васильевъ на Пермитина церковнаго дьячка Кичимова, въ томъ, что послѣдній взводилъ на него Тренку обвиненіе въ порчѣ, икотою, жены его Кичимова, за что Тренку пытали и т. д. Царь повелѣваетъ изслѣдовать дѣло о порчѣ, при посредствѣ допроса мѣстныхъ протопоповъ и поповъ и посадскихъ людей, и, если эти лица, подъ присягою, покажутъ, что онъ Тренка людей не портилъ, то его изъ тюрьмы освободить.» — Другое подобное

[1]) Выводъ изъ событій, разсмотрѣнныхъ Г. А. Б. Москов. Вѣд., № 121, Лит. Отд.

[2]) Слова, на которыхъ я настаивалъ въ Моск. Вѣд. № 121.

[3]) Акт. Ист. II, № 66, іюля 14 и 16.

дѣло было рѣшено Царемъ, на томъ же основаніи. По наговору Чердынца Охлупина на Чердынца Ведерника, будто послѣдній портитъ людей; велѣно такъ же произвести дознаніе, опросивъ, кого нужно, подъ присягою, «когоименемъ и чѣмъ испортилъ» обвиняемый, «а буде скажутъ, что не портитъ и воровствомъ не промышляетъ, его изъ тюрьмы выпустить» и т. д. И такъ для суда и приговора надъ чародѣемъ нужны были въ древности извѣстныя, доказанныя дѣйствія, воспрещаемыя закономъ и угрожаемыя наказаніемъ; само же по себѣ, чародѣйство не составляло преступленія, или предмета для свѣтскаго суда и уголовнаго осужденія. И вотъ почему не было и не могло быть у насъ Hexenprocesse.

Обозрѣвая все изложенное, мы должны воображать себѣ древнюю Русь равниною, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Не было у нея ни лицъ, ни сословій, которыя рѣзко бы выдѣлялись изъ массы, подлежавшей общему уровню. Но эта равнина была подвижна, жива, ростуща. Все лучшее, появлявшееся въ убѣжденіи и жизни одного семейства, по связи семействъ, переходило въ общину, и воплощалось въ ея особыхъ органахъ, для расширенія на всѣхъ ея членовъ, такъ что, съ своей стороны, общины поднимали отдѣльныя семейства до своего новаго уровня, и содѣйствовали, въ тоже время, развитію общаго правительственнаго элемента. Послѣдній, твердо опираясь на такихъ постоянно возвышавшихся основаніяхъ, самъ возрасталъ съ ихъ ростомъ, и, въ свое время, помогалъ развитію общинъ, поднимая ихъ до себя, до своихъ убѣжденій. Общественность и всенародность, общественное мнѣніе и всенародный судъ были въ Россіи явленіями необходимыми, неизбѣжными. Санъ и почетъ, а не чины и почести составляли гордость отдѣльныхъ личностей древности. Сочувствіе къ народу и мудрое содѣйствіе народному составляли задачу правительства. Посему право, выросшее изъ жизни

народа, и просвѣщеніе, сросшееся съ народомъ, и каждое положеніе науки, содѣлавшееся достояніемъ цѣлаго народа,— все это вело къ консерватизму, который однакожъ не былъ застоемъ, а плавнымъ движеніемъ цѣлаго океана волнъ, не примѣтнымъ только для бѣглаго взгляда.—Ничего на скоро, ничего не зрѣлаго, а все съ подготовленіемъ, но за то съ неотразимымъ выполненіемъ.

ОТДѢЛЪ II.

Исторія охранительныхъ законовъ.

Имѣя своимъ назначеніемъ сохранить и отстоять для народа все то, что добыто имъ, при посредствѣ законовъ установительныхъ, охранительные законы составляютъ, въ системѣ Общественнаго права, родъ законовъ процессуальныхъ, или производства, съ тѣмъ различіемъ, что этотъ процессъ Общественнаго права направляется не противъ однихъ дѣйствій лицъ, даже не противъ однихъ лицъ, а противъ природы, и цѣлыхъ соединеній лицъ, иногда противъ самихъ обществъ, или противъ всего хода событій, въ народѣ. Для объясненія вопроса, замѣтимъ, что народы и государства, не составляя явленій природы, не умираютъ, не исчезаютъ отъ дѣйствія природы, отъ голодовъ или неурожаевъ, отъ заразъ или болѣзней, и даже никогда не теряютъ всѣхъ своихъ богатствъ и имуществъ, отъ вліянія на нихъ природы или человѣка, какъ бы часты и сильны ни были пожары, какъ бы обширны и свирѣпы ни были разливы рѣкъ и морей, какъ бы повсюдны и велики ни были кражи и т. п. Народы исчезаютъ только по собственной винѣ, въ слѣдствіе духовнаго разслабленія, политическаго разложенія, нравственнаго упадка, потери любви и общенія, посредствомъ, такъ сказать, самоубійства. Такъ объясняется исчезновеніе древнихъ Египтянъ, Парсовъ, Грековъ, Римлянъ. И не только народы и государства, но всѣ общины и всѣ органическіе союзы въ нихъ такъ же долговѣчны, если не безсмертны [1]).

[1]) И не въ смыслѣ безсмертія *Тезеева корабля*, а въ прямомъ значеніи безсмертія народнаго духа, оживляющаго каждое новое поколѣніе.

Понятно, что народы и государства, какъ и всѣ ихъ органическіе союзы, составляютъ сильныхъ противниковъ даже природѣ, которая торжествуетъ только относительно отдѣльныхъ лицъ, и вообще относительно частнаго. И дѣятельность сохраненія, встрѣчаемая у народовъ или въ государствахъ, имѣетъ своею цѣлію бытіе и пользы частнаго, а своимъ предметомъ борьбу народовъ и государствъ или общаго за ихъ членовъ, за частныя лица, какъ съ природою, такъ и съ лицами, и даже съ явленіями самыхъ обществъ, враждебно дѣйствующихъ на составныхъ членовъ народа и государства. Здѣсь особенно чувствуется потребность въ содѣйствіи общаго на пользу частнаго, и даже необходимость въ дѣятельности общинъ, корпорацій, сословій, народа, государства, на пользу ихъ членовъ. Такъ общее необходимо для частнаго, что послѣднее исчезаетъ съ исчезновеніемъ общаго.

Но частное, но личность есть такъ же сила, и должно имѣть свою дѣятельность и свое право. Для спасенія того и другаго необходимо удержать начало, по которому пріобрѣтаемое извѣстною дѣятельностію, должно быть сохраняемо тою же дѣятельностію. По сему, въ дѣлѣ сохраненія частнаго, государство, народъ, община образуютъ изъ себя, какъ бы, пособниковъ, адвокатовъ и ходатаевъ въ борьбѣ частнаго, для его сохраненія, такъ же точно, какъ они были участниками въ борьбѣ этого частнаго, для его развитія. Посему же законы охранительные, подобно законамъ установительнымъ, предполагаютъ дѣятельность народа, безъ которой вообще законы не мыслимы. У природы есть свои законы; въ обществахъ человѣческихъ дѣйствуютъ свои, человѣческіе, которые существуютъ только для народа. Они опредѣляютъ и упорядочиваютъ человѣческую дѣятельность, но не принимаютъ на себя прямаго, исключительнаго или излишняго участія въ дѣятельности. Законамъ должна предшествовать дѣятельность народа, которая служитъ основаніемъ и объясненіемъ для распоряженій самихъ законовъ.

Охранительная дѣятельность состоитъ изъ отдѣльныхъ усилій и общихъ мѣръ, направленныхъ къ сохраненію народа и его вещественной и духовной цивилизаціи. Эта дѣятельность можетъ быть весьма разнообразна, различаясь по *предметамъ*

охраненія, по *силамъ*, вызывающимъ борьбу,—по *дѣятелямъ* охраненія,—по *средствамъ* и особенно по конечнымъ *цѣлямъ* охраненія. Предметомъ охраненія могутъ быть всѣ результаты, добытые при посредствѣ установительныхъ законовъ, населеніе народа, его богатство и просвѣщеніе. Различіе силъ, враждебно дѣйствующихъ на эти предметы, различіе элементовъ природы, огня и воды, отъ явленій болѣе общихъ и недовѣдомыхъ, засухи и повѣтрій, равно какъ различіе дѣйствій отдѣльныхъ лицъ отъ вліянія обществъ и цѣлой системы общественныхъ установленій,—всѣ эти различія силъ производятъ разницу въ дѣятельности сохраненія и въ ея средствахъ. Послѣднія, обыкновенно, раздѣляются на предупрежденіе, пресѣченіе и возмѣщеніе, или возстановленіе, откуда происходитъ различіе въ дѣятеляхъ, изъ которыхъ одни суть частныя лица, преимущественно дѣйствующія предупредительно,—другіе являются въ формѣ общинъ, особенно дѣйствующихъ пресѣченіемъ,—и наконецъ государство, содѣйствующее возмѣщенію, по началу всеобщаго, взаимнаго застрахованія. Уже изъ этого можно понять конечную цѣль сохраненія; всего спасти не возможно; частные люди и отдѣльныя общества необходимо теряютъ, отъ дѣйствія огня, воды, засухи, повѣтрій и т. д. И, естественно, что мысль о сохраненіи переносится изъ области предметовъ, имуществъ, физическаго обладанія въ область общественной, духовной, личной жизни. Общества существуютъ, для развитія личности; общества дѣйствуютъ, для охраненія личности. И все, что говорится, въ системѣ, о сохраненіи имуществъ и т. п., можно отнести къ системѣ предупрежденія, за которой должна слѣдовать собственно система спасенія личности, во что бы то ни стало, посредствомъ сближенія различныхъ составныхъ членовъ общества въ систему взаимной обороны. Тутъ всякій, болѣе счастливый членъ общества отрекается отъ части своихъ правъ въ пользу того изъ сочленовъ, который безъ того можетъ потерять всѣ свои человѣческія преимущества. Называя эту послѣднюю форму охранительной дѣятельности системою возстановленія; мы можемъ сказать, что дѣятельность охранительная состоитъ изъ предупредительной и возстановительной.

Вся эта охранительная дѣятельность происходитъ въ обществѣ и государствѣ, а потому совершается по извѣстнымъ общимъ правиламъ и началамъ, входящимъ мало по малу въ форму закона и въ систему законодательства, которое, естественно, раздѣляется на тѣже части, какъ и самая дѣятельность, образуя изъ этихъ частей отдѣльные вопросы права. Посему мы отличаемъ, въ системѣ охранительныхъ законовъ, законы *предупредительные*, съ вопросами о правѣ населенія на сохраненіе себя отъ голодовъ и болѣзней, а своихъ имуществъ отъ огня и воды, равно какъ всѣхъ своихъ интересовъ отъ дѣйствія человѣка, и законы *возстановительные*, съ вопросами о нищихъ и призрѣніи, и съ ученіемъ о бѣдныхъ и законахъ объ нихъ.

I. *Законы предупредительные, направленные противъ дѣйствій природы.*

1) Право безопасности населенія отъ дѣйствія природы. Самымъ древнимъ общественнымъ вопросомъ, возбужденнымъ въ нашемъ отечествѣ, и отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ съ начала XI вѣка, былъ вопросъ о сохраненіи населенія отъ того дѣйствія природы, которое называется неурожаемъ, и которое получаетъ общественное значеніе подъ названіемъ голода и дороговизны на средства продовольствія, или на средства существованія. Начинаемъ съ разсказа о событіяхъ, для полной доказательности послѣдующихъ выводовъ.

А. *Объ неурожаяхъ, голодахъ и мѣрахъ народнаго продовольствія.* Первое лѣтописное извѣстіе о голодѣ въ Россіи встрѣчается подъ 1024 годомъ [1]). Голодъ случился въ сѣверной, Суздальской области, какъ и въ послѣдствіи лѣтописныя извѣстія о голодахъ и неурожаяхъ относятся преимущественно къ сѣвернымъ областямъ Руси, какъ будто югъ нашъ страдалъ отъ голодовъ менѣе сѣвера. Но, по словамъ тѣхъ же лѣтописей, и на сѣверѣ голода преимущественно господствовали въ областяхъ Пскова и Новгорода; тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни одна часть Руси не была счаст-

[1]) Лавр. спис. 63, 64. И. Г. Р. II, Прим. 26.

ливѣе другой, въ этомъ отношеніи, и объясненіе дѣлу заключается въ особенности лѣтописей. По крайней мѣрѣ, ни въ климатѣ Руси, ни въ ея почвѣ, ни въ бытѣ русскаго народа, ни въ дѣятельности его правительства нельзя открыть никакого основанія для того, чтобы предполагать самую возможность такого различія между областями Руси, находящимися на ея сѣверѣ, или югѣ, востокѣ, или западѣ. Безъ сомнѣнія, пространство Россіи постоянно мѣшало появленію въ ней голодовъ и неурожаевъ общихъ, или повсемѣстныхъ; но, судя по одинаковости условій, подъ которыми находится вся русская земля, мы убѣждены, что явленія голодовъ, отмѣченныя для одного ея края, въ однихъ годахъ, повторялись въ другомъ краѣ, въ другіе годы, и, по судьбѣ одной такой области, каковы Псковъ или Новгородъ, можно судить о судьбѣ остальной Россіи. По этому строгаго изслѣдованія предѣловъ каждой мѣстности, терпѣвшей въ данное время голодъ, мы не считаемъ необходимымъ для познанія состоянія Россіи въ этомъ отношеніи, и позволяемъ себѣ довольствоваться общимъ выраженіемъ лѣтописи о мѣстѣ дѣйствія голода, или неурожая, и даже объобщать заключенія, тѣмъ болѣе, что шесть или семь вѣковъ времени, въ которое мы разсматриваемъ вопросъ о голодахъ въ Россіи, могутъ достаточно уравновѣсить неточность нашихъ заключеній о простронствѣ [1]).

Голодъ 1024 года произошелъ, по словамъ лѣтописца, отъ неурожая. Замѣчательно, что неурожай до позднѣйшаго времени былъ единственною причиною голода въ Россіи. Мы не знали, въ древности, искусственной дороговизны, которая происходитъ не столько отъ недостатка въ хлѣбѣ, сколько отъ разныхъ сдѣлокъ торговаго класса. И, если что̀ можно отнести къ искусственнымъ причинамъ дороговизны, или голода въ древней Россіи, такъ развѣ военныя событія, занятіе непріятелемъ хлѣбородныхъ волостей, осаду города, или такое положеніе, въ которомъ городъ отрѣзывался отъ селъ и деревень и т. п.

[1]) Для познанія пространства древн. областей, ср. Изслѣдованія и пр. М. П. Погодина, IV. 261, 293 и друг.

1024 годъ, конечно, не есть первый годъ въ исторіи голодовъ Россіи. Голода бывали прежде; и до 1024 года голодовъ было много, даже на памяти людей, жившихъ до этого года. Это видно изъ разсказа лѣтописца о голодѣ 1024. Въ это время, говоритъ лѣтопись, жители Суздальской области отправились, по Волгѣ внизъ, и *привезоша хлъба изъ Болгаръ.* Стало быть, имъ уже извѣстны были средства и пути на случай неурожаевъ. Съ другой стороны, выраженіе В. К. Ярослава, что голодъ есть Божіе наказаніе, и что *Богъ наводитъ, по грѣхомъ, на куюждо землю гладомъ или моромъ, ли вёдромъ,* также свидѣтельствуетъ, что голодъ давно извѣстенъ въ Руси и весьма хорошо. Ярославъ именно говоритъ, что голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ ведра, или засухи. Это до такой степени вѣрно, что и въ послѣдующіе вѣки Россія страждетъ почти исключительно отъ засухи, отъ жаровъ, или морозовъ, вообще *отъ вёдра.*

Дѣйствіе суздальскаго голода 1024 г. на жителей, на ихъ бытъ и самую жизнь было ужасно, и потому лѣтопись занесла это событіе на свои страницы, такъ точно, какъ и въ послѣдствіи лѣтопись повѣствуетъ преимущественно о голодахъ, имѣвшихъ подобныя, ужасныя слѣдствія для народа. Обыкновенные случаи неурожаевъ, повторявшіеся часто, но не имѣвшіе особыхъ, общихъ народныхъ послѣдствій, какъ явленія внѣшней природы, а не исторіи народа, только слегка отмѣчаются лѣтописцемъ, да и то въ вѣка болѣе поздніе, болѣе близкіе къ нашему времени. Голода у насъ составляютъ явленія исключительныя, эпохи болѣзненнаго состоянія Руси. Но, по великости болѣзней, перенесенныхъ организмомъ, можно судить о нормальномъ количествѣ его силъ, и потому исторія голодовъ также должна входить въ исторію народа, какъ исторія его войнъ, болѣзней, бѣдности и т. д.

Въ 1024 году, по разсказу лѣтописца, въ Суздальской области народъ умиралъ съ голоду, волновался и производилъ мятежи. И вотъ встаютъ, говоритъ лѣтопись, волхвы, или кудесники въ Суздалѣ, и раздуваютъ пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто, и доказываютъ, что виноваты въ голодѣ извѣстные имъ люди, а именно: *старыя женщины и безполез-*

ная, старая прислуга, чадь или челядь. Нельзя не видѣть въ этомъ новаго доказательства, что голода случались и до 1024 года, и что противъ нихъ имѣла древняя языческая Россія свои средства, свою политику, свою политическую экономію. По правиламъ этой экономіи, все слабое, физически безполезное для общества, при недостаткѣ продовольствія, лишалось права продолжать жизнь съ лицами фичически-сильными и для общества полезными, и должно было уступать имъ свое мѣсто въ жизни. Такое исключительное право сильныхъ на жизнь встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ существовалъ общій законъ избіенія престарѣлыхъ людей для того, чтобъ остальные не нуждались въ продовольствіи, ut reliquis cibaria sufficerent [1]).

У насъ, только во время сильнаго голода, народъ, обезумленный бѣдствіемъ, увлекаемый волхвами, убивалъ старыхъ женщинъ и рабовъ, говоря въ свое оправданіе, *яко си держатъ гобино.* Въ этихъ словахъ лѣтописца — цѣлая картина ужасовъ, произведенныхъ страхомъ голодной смерти, такъ что, показавъ степень народнаго изступленія, лѣтописецъ не имѣлъ нужды распространяться о физическихъ страданіяхъ народа, тѣмъ болѣе, что ему предстояла, въ этомъ мѣстѣ, другая задача—разсказать про борьбу, въ которую вступила съ этою языческою теоріею и языческою политикою теорія христіанская, политика человѣколюбія и здраваго смысла. Христіанство уже сдѣлало, къ этому времени, успѣхи въ Россіи, такъ что волхвы, закоренѣлые представители язычества, удаляются на лѣсистый сѣверъ, остаются вдали отъ свѣта и народа, и появляются только при случаяхъ такого общественнаго бѣдствія, каковъ голодъ, да и тутъ уже не успѣваютъ вполнѣ привлечь народъ на свою сторону. Ярославъ скорѣе и вѣрнѣе нашелъ доступъ къ уму народа, говоря, что *Богъ наводитъ, по грѣхомъ, на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнію, а человѣкъ не вѣсть ничтоже.* И В. Князь успѣлъ, во-первыхъ, остановить разбои волхвовъ и покарать виновныхъ, заточеніемъ однихъ и смертію другихъ, и во-вторыхъ, напомнить народу про

[1]) Moreau Christophe, Du problème de la misère, I, 109.

путь внизъ по Волгѣ, въ Болгарію, откуда жители Суздальской области дѣйствительно привезли себѣ хлѣба, и *тако ожиша*. Такимъ образомъ уже въ этомъ первомъ историческомъ случаѣ голода, участіе общей власти и хлѣбная торговля являются первымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ неурожая. И замѣчательно, что Россія почти исключительно держится этого средства обезпеченія своего продовольствія до XVII в., или даже до Петра В., съ тѣмъ только различіемъ, что, въ позднѣйшія времена, въ Русь ввозятъ хлѣбъ, за которымъ теперь русскіе ѣдутъ сами, и что впослѣдствіи внутренняя торговля хлѣбомъ обезпечиваетъ продовольствіе Россіи, тогда какъ въ 1024 году русскіе ищутъ его за предѣлами отечества. Впрочемъ походы за хлѣбомъ продолжаются долго и выражаются въ лѣтописи словами: *разыдеся градъ нашъ и волость наша*, т. е. искать продовольствія въ странахъ болѣе плодородныхъ.

Другой случай голода относится къ 1070 году [1]), и принадлежитъ къ событіямъ Ростовской области, такъ же сѣверной, такъ же лѣсистой, и такъ же допускавшей древнюю языческую политику, относительно неурожаевъ, доходившихъ до голодной смерти. Подъ этимъ годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что, «бывши, единою, скудости въ Ростовстѣй области, встаста два волхва отъ Ярославля, глаголюще, яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держитъ, и поидоша по Волзѣ. Кдѣ придутъ въ погостѣ, туже нарицаху лучшіѣ жены, глаголюще, яко си жито держатъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета себѣ». — Вникая въ этотъ разсказъ лѣтописца, нельзя не примѣтить, что, при всемъ видимомъ сходствѣ событій 1024 и 1070 годовъ, между ними есть большое различіе, и что событіе 1024 не осталось безполезнымъ для явленій 1070 года. Тамъ и здѣсь народъ въ изступленіи; тамъ и здѣсь волхвы проводятъ древнюю языческую практику, увѣряя народъ, что женщины причиною недостатка, и что

[1]) Лавр. сп. 75.

онѣ держатъ изобиліе. Но здѣсь уже встаютъ не *волхвы*, а только два волхва изъ Ярославля; здѣсь народъ не тотчасъ, по первому слову, слѣдуетъ за ними, а требуетъ доказательствъ, и волхвы должны были прибѣгать къ обману чувствъ, *мечтѣ*, должны были прорѣзывать, для виду, кожу на плечахъ несчастныхъ жертвъ суевѣрія, и дѣлать видъ, будто оттуда падаютъ то рожь, то рыба, то мѣха и т. д. Обманъ не легкій, не вездѣ могъ удаваться, и требовалъ многихъ пособниковъ, помощниковъ и участниковъ обмана. Можетъ быть, по этому и лѣтописецъ иногда, вмѣсто двойственнаго, употребляетъ множественное число, говоря напримѣръ: «Кдѣ придутъ, нарицаху лучшіѣ жены». Естественно, что приверженцы этихъ волхвовъ держались уже не однимъ суевѣріемъ, а подкупомъ и надеждой на добычу, и потому легче могли быть открыты. Здѣсь дѣло рѣшается не самимъ В. Княземъ Святославомъ, а его намѣстникомъ Яномъ, не смотря на то, что волхвы были княжескіе смерды, и, въ этомъ качествѣ, по статьѣ Рус. Правды [1]), требовали себѣ суда В. Князя, и считали себя свободными отъ всякаго наказанія до его рѣшенія. Янъ успѣлъ однакожъ своею властію остановить разбои волхвовъ, повелѣвъ Бѣлоозерцамъ, къ которымъ волхвы пришли, схватить ихъ и выдать ему, для наказанія. Къ сему, вѣроятно, не мало содѣйствовало ученіе В. Князя Ярослава, повторенное Яномъ, *о Богѣ, который одинъ все совершаетъ, и о твари, которая сама по себѣ ничего не можетъ сдѣлать*. Но такъ же вѣроятно, что Янъ указалъ при этомъ на тотъ или другой край Россіи, откуда можно было получить продовольствіе, и тѣмъ окончательно убѣдилъ народъ, вмѣсто безполезнаго, жестокаго принесенія родныхъ въ жертву суевѣрію, пожертвовать трудомъ и кунами, для сохраненія въ живыхъ всего населенія.

Но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что вѣра въ волхвовъ, даже въ годину страшнаго голода, у насъ не выходила за предѣлы простаго народа, который умиралъ голодною смертію; и что общая власть постоянно противодѣйствовала этой

[1] XCV, изданія Калачова. Здѣсь опредѣляется наказаніе за умученіе смерда, безъ княжескаго слова, т. е. приказа.

вѣрѣ, и при томъ успѣшно, даже въ такія злыя времена; да и самый народъ не слишкомъ довѣрялъ волхвамъ, даже въ первые годы введенія въ Русь христіанства, заставляя ихъ удаляться на глубокій сѣверъ, и выдавая ихъ для казни, по востребованію князя, или его намѣстника. Тогда какъ напр. во Франціи, въ концѣ VIII столѣтія, три вѣка спустя послѣ принятія христіанства, само правительство, самъ Карлъ В. вѣрилъ, что волхвованія и ворожба причиною неурожаевъ. И долго спустя, на западѣ Европы господствуетъ повѣрье, что неурожаи происходятъ отъ волхвовъ [1]). У насъ 1070 годъ былъ послѣднимъ годомъ появленія волхвовъ такого рода. Дальнѣйшая исторія голодовъ въ Руси обходится безъ ихъ участія, даже въ XI вѣкѣ; лѣтописецъ, повѣствующій о голодахъ, отмѣчаетъ однѣ естественныя явленія, которыя были причиною неурожая въ той или другой области Руси.

Такъ описанъ третій случай голода, бывшій въ Россіи въ 1092 году [2]). Онъ имѣлъ мѣсто *во многихъ областяхъ* Руси, говоритъ лѣтописецъ. Принимая слово: область, въ его техническомъ значеніи, по которому въ XI в. областей въ Руси было всего пять, шесть, а именно: Кіевская, Переяславская, Черниговская, Суздальская, Смоленская, Полоцкая и Новгородская, — *во многихъ областяхъ* означало бы, что голодъ былъ почти повсемѣстный. Но, вѣроятнѣе, что лѣтопись, въ этомъ мѣстѣ, называетъ областями отдѣльные города, съ ихъ волостями, и что голодъ имѣлъ мѣсто въ значительной части тогдашней Россіи. Голодъ произошелъ, по словамъ лѣтописца, отъ неурожая, который, съ своей стороны, произведенъ сильными, необычайными жарами, такъ что поля засыхали, лѣса и болота сами воспламенялись. «Вёдро бяше,

1) Roscher's «Ueber Kornhandel,» 1852, Stuttgard und Tübingen, 76. Karl der Grosse schrieb die Theuerung von 795 bösen Geistern zu, welche die Körner aus der Aehre verzehrt haben. Тамъ же объ Tempestarii и Hexenmeister, которымъ народъ запада приписывалъ градобитіе и другія причины неурожаевъ. См. такъ же De la Mare, Traité de la Police, II, 336.

2) Лавр. сп. 92. Карамз. Ист. 195.

яко изгораше земля; и мнози борове взгарахуся сами и болота.» Голодъ былъ страшный, и сопровождался большою смертностію, или моромъ, такъ что въ одномъ Кіевѣ съ 14 ноября по 1-е февраля, слѣдовательно въ теченіи 78 дней умерло до 7,000 человѣкъ, и каждый день умирало ихъ по 90. Эта смертность прекратилась къ февралю; стало быть, къ февралю Кіевляне получили подвозъ хлѣба; стало быть, торговля хлѣбомъ и здѣсь оказала свое благодѣтельное вліяніе.

Не успѣли жители юга оправиться отъ ужасовъ, произведенныхъ засухой 1092 года, какъ посѣтило ихъ новое несчастіе, въ 1094 [1]), когда саранча тучами налетѣла на поля *русской земли*, вѣроятно Кіевской, частію Переяславской и Черниговской области. «Придоша прузи, 26 авг., на Русьскую землю, и поядоша всяку траву и много жита.» Не все жито подверглось уничтоженію потому, что, въ тѣхъ мѣстахъ, къ концу августа, почти весь хлѣбъ убираютъ съ поля, и особенныхъ слѣдствій для людей не могло имѣть появленіе саранчи въ эту пору. Лѣтописецъ занесъ событіе въ свою хронику по его особенности и необычайности. «И не бѣ сего слышно въ днехъ первыхъ,» говоритъ онъ, какъ бы въ доказательство, что ему извѣстны были всѣ причины прежнихъ голодовъ и недостатка въ продовольствіи, и что саранча отнынѣ составитъ новую причину неурожаевъ въ Руси.

И такъ въ XI вѣкѣ, на Руси, было *четыре* случая неурожаевъ. Первые два имѣли мѣсто только на сѣверѣ, были частные, но сильные до вѣры въ волхвованіе и до убійства челяди и женщинъ; третій извѣстенъ обширностію своего вліянія, и сильнымъ моромъ, но особенно тѣмъ, что не допустилъ вмѣшательства волхвовъ, и, кажется, уступилъ разумному средству—хлѣбной торговлѣ. Наконецъ четвертый случай былъ мѣстный, касался одного юга, мало дѣйствовалъ на продовольствіе народа, и замѣчателенъ только новостію причины, которая произвела, можетъ быть, недостатокъ въ кормѣ, да возвышеніе цѣнъ на продовольствіе. Всѣ эти четыре случая имѣютъ то общаго между собою, и тѣмъ

[1]) Лавр. сп. 96. Карамз. II, 105.

отличаются отъ послѣдующихъ, что измѣряются, въ лѣтописи, только степенію страданій народа, такъ сказать, субъективно. И, конечно, этому обстоятельству должно приписать, что лѣтопись отмѣтила въ цѣломъ XI столѣтіи только эти четыре случая. Безъ сомнѣнія, неурожаи должны были имѣть мѣсто въ Россіи гораздо чаще въ XI вѣкѣ, точно такъ же, какъ и въ послѣдующія столѣтія. Но, имѣя задачею указать на случаи самаго чрезмѣрнаго бѣдствія, лѣтопись опустила всѣ другіе, въ которыхъ народъ страдалъ, но не такъ ужасно. Только съ XII вѣка лѣтопись дѣлается болѣе полною и отчетливою повѣстію о неурожаяхъ въ Россіи, и опредѣляетъ силу недостатка въ продовольствіи, посредствомъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе предметы потребленія.

Правда, эта точность не вездѣ, не всегда, не вполнѣ выдержана въ нашихъ лѣтописяхъ; но все-таки мы можемъ найдти въ нихъ много основаній для сужденія о нашемъ предметѣ. Съ XII до XVII столѣтія, русскія лѣтописи указываютъ на разные случаи неурожаевъ и голодовъ; отмѣчаютъ причины ихъ и пространство дѣйствія, наконецъ опредѣляютъ высоту цѣнъ на хлѣбъ и ихъ вліяніе на бытъ народа. Слѣдовательно, сравнивая между собою различные случаи, имѣвшіе мѣсто въ одномъ и томъ же столѣтіи, и повѣряя различные выводы даннаго вѣка общими итогами другихъ, мы можемъ почти достовѣрно возпроизвести и понять картину этой стороны древней народной жизни. Правда, и съ XII вѣка лѣтопись преимущественно останавливается на событіяхъ исключительныхъ, и отмѣчаетъ цѣны на хлѣбъ самыя высокія; но, не говоря уже о томъ, что иногда лѣтопись отступаетъ отъ своего правила, и упоминаетъ даже о недорогихъ годахъ, познаніе цѣнъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ чрезмѣрныхъ, можетъ вести къ заключеніямъ весьма любопытнымъ и важнымъ въ вопросѣ объ экономическомъ бытѣ древней Россіи. Съ этого времени, мы можемъ дѣлать различіе между неурожаями, по ихъ качеству и количеству, и находить основанія для положенія, что неурожаевъ важныхъ по качеству, т. е. голодовъ, было мало, хотя, по числу, собственно неурожаевъ, было много.

XII в. открывается разсказомъ лѣтописи подъ 1127 г. [1]), когда въ Новгородѣ *на осень уби морозъ вьрьшь* (рожь) *всю и озимицѣ; и бысть голодъ и церезъ зиму ржи осминка по полугривнѣ*, и когда въ томъ же Новгородѣ, въ 1128 [2]), *лютѣ бяше: осминка ржи по гривнѣ бяше, и ядяху люди листъ липовъ*, и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что 1128, въ Новѣгородѣ, платили за четверть ржи 2 гривны, или 100 кунъ, или почти 2 р. 70 к. сер., а за кадь 8 гривенъ, или болѣе гривны серебра, болѣе 10 р. сер. Припомнимъ, что драгоцѣнные металлы, въ то время, въ цѣлой Европѣ были рѣже теперешняго, и потому дороже; что Америка съ ея рудниками не была еще извѣстна и открыта; и что серебряный нашъ рубль, въ то время, стоилъ бы, можетъ быть, въ 10 разъ болѣе теперешней своей цѣны. И такъ платить болѣе $2^1/_2$ руб. за четверть, въ 1128 г., значило тоже, что нынѣ платить болѣе 25 р., а платить 10 руб. сер. за кадь значило платить 100. И, понятно, что весьма многіе, можетъ быть, большая часть изъ жителей новгородской области принуждены были отказаться отъ употребленія хлѣба, и «ядяху листъ липовъ, кору березову, иніи молицъ истолкше, мятуце съ пелъми и съ соломою, иніи ушь, мохъ, конину. И тако другымъ падъшимъ отъ глада, трупіе по улицямъ и по търгу и по путьмъ и всюду; наяша наймиты возити мьртвьця изъ города; а смородъмъ нелга вылѣзти. Туга, бѣда на всѣхъ! Отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостьмъ; ови ихъ изьмроша, а друзіи розидошася по чюжимъ землямъ. И тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша.» Такой ужасъ голода, общаго для всей новгородской области, дѣлаетъ вѣроятною самую чрезмѣрную цѣну хлѣба. Такой голодъ показываетъ, что хлѣба не было ни въ продажѣ, ни въ запасѣ. И лѣтописецъ именно говоритъ, что голодъ произошелъ отъ неурожая, а неурожай отъ мороза, побившаго 1127 г. озимь и яровое, и отъ глубокихъ снѣговъ, лежавшихъ до 30 апрѣля 1128, такъ что земледѣльцы, выѣхавшіе на весеннія работы, увидали одну

1) Новгор. Лѣт. I, 5.

2) Тамъ же.

грязь на поляхъ своихъ [1]). Въ тоже почти время, а именно 1129, на югѣ Руси, вода была такъ велика, что *потопи люди и жито* [2]); но лѣтописецъ не распространяется въ разсказѣ о слѣдствіяхъ такого событія.

1137, [3]) опять дороговизна въ Новгородѣ, но уже по другой причинѣ, по недостатку подвоза, который былъ прерванъ, вслѣдствіе военныхъ событій. Въ это время за осминку ржи платили по 7 рѣзанъ. Здѣсь, очевидно, осьминка означаетъ осьмую часть четверти, или нашъ четверикъ, такъ что четверть обходилась въ 66 рѣзанъ, или одну гривну и 6 рѣзанъ, а кадь въ 4 гривны и 24 рѣзаны, болѣе полугривны серебра, болѣе 5 руб. сер., или, на наши деньги, болѣе 50 руб. сер. за кадь, болѣе 12 за четверть. И выраженіе лѣтописи: *осмьнка великая по 7 рѣзанъ* [4]), должно читать: осмьнка невеликая по 7 рѣзанъ. Иначе разсказъ лѣтописи будетъ расходиться какъ съ дѣломъ и обстоятельствами, такъ и съ намѣреніемъ лѣтописца.

1141, [5]) по той же причинѣ, повторяются въ Новгородѣ тѣже явленія; ибо туда *ни жито не идяше ни откольже;* а 1144, [6]) былъ недородъ, на югѣ, вслѣдствіе большихъ снѣговъ, лежавшихъ до свѣтлаго праздника, *коневи по чрево*, по опредѣленію лѣтописи.

Въ 1145, [7]) въ Новгородѣ, неурожай произошелъ впервые отъ дождей, мокроты и сырой погоды. «Стояша двѣ недѣлѣ пълнѣ, яко искря жгуце, теплѣ велми, переже жатвы; потомъ иайде дъжгъ, яко не видѣхомъ ясна дни ни до зимы; и много бы уимѣ житъ, и сѣна не удѣлаша». 1154 годъ [8])

[1]) Карамз. II, примѣч. 253 и стр. 167.
[2]) Ипат. сп. 12.
[3]) Карамз. II, стр. 176. Новгор. I, 8.
[4]) Предполагая здѣсь $1/8$ кади, на которую намекаетъ выраженіе: осминка великая, сама кадь будетъ стоить 1 гр. и 6 рѣзанъ, что слишкомъ дешево, какъ увидимъ изо всѣхъ будущихъ случаевъ.
[5]) Ипат. сп. 17. Карамз. II, 185.
[6]) Ипат. сп. 19.
[7]) Новгор. Лѣт. I, 10.
[8]) Ипат. сп. 74.

ознаменованъ моромъ въ лошадяхъ, по случаю военныхъ походовъ; а 1158, [1]) падежемъ, вѣроятно, по недостатку корма.

Но ни наводненія, ни падежи на скотъ не сдѣлали того зла, которое причиняетъ засуха 1161 [2]), когда, «стоя все лѣто вёдромъ, въ Новгородѣ, и пригорѣ все жито, и на осень уби всю ярь морозъ, — и купляхомъ кадку малую по 7 кунъ». Тутъ засуха дѣлаетъ совершенно то же, что сдѣлала война, въ 1137 году. И тамъ и здѣсь хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ на одинаковую высоту, до 7 кунъ за четверикъ, до 1 гр. и 6 кунъ за четверть, и до 4 гр. и 24 кунъ за кадь.

1164, [3]) *бысть потопъ велика*, *въ Галичи*, отъ разлитія Днѣстра, *и бысть въ нихъ жатво дорого рамено*; а 1170 [4]), бысть дороговь Новѣгородѣ, и купляху кадь ржи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ.» Кадь ржи въ четыре гривны даетъ для четверти 1 гривну, —для четверика $6^1/_4$ рѣзанъ. Полагая четверть равною 9 пудамъ муки, или 360 фунтамъ, мы получимъ, что эти 360 фунтовъ стоили 50 рѣзанъ, одинъ же фунтъ $^1/_7$ рѣзаны, т. е. что на 1 рѣзану можно было купить 7 фунт. муки, а на 5 рѣзанъ, или на двѣ ногаты 36 фунтовъ. Зная, что изъ фунта муки выходитъ $1^1/_2$ ф. печенаго хлѣба, понятно, что за двѣ ногаты можно было купить печенаго хлѣба 54 фунта. Очевидно, что здѣсь должно или, вмѣсто 2 ногаты, читать: двѣ рѣзаны, или предполагать, что торговый печеный хлѣбъ былъ и слишкомъ не полновѣсенъ, и слишкомъ не чистъ; недаромъ лѣтописецъ заноситъ въ свою хронику отдѣльно цѣну печенаго хлѣба. Такъ какъ 5 рѣзанъ равняются $13^1/_3$ коп. сер. или 133 к. теперешней стоимости; то фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ 1164 году почти 3 к. сер. нашихъ денегъ, или около 10 коп. на ассигнаціи.

[1]) Новгор. II, 125.
[2]) Новгор. I, 13.
[3]) Кіев. Лѣт. по Ипат. сп. 92.
[4]) Новгор. I, 15.

Около того же времени, а именно въ 1173 году [1]), упоминается *моръ въ конехъ*, но по случаю осаднаго и военнаго состоянія; а въ 1188 г. упоминается послѣдній случай неурожая, имѣвшій мѣсто въ XII столѣтіи, когда, по новгородскому лѣтописцу, «на зиму бысть дороговь, оже купляхуть по двѣ ногатѣ хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривенъ; нъ, Божіею милостію, не бысть пакости въ людехъ» [2]). Здѣсь двѣ ногаты за хлѣбъ очень у мѣста, и даютъ для вѣса печенаго хлѣба обыкновенную цыфру 36, или 37 ф.

При чтеніи этихъ извѣстій, нельзя не чувствовать различія, которое существуетъ между XI и XII столѣтіями. Въ XII вѣкѣ, хлѣбная торговля уже извѣстна, въ Россіи; частыя упоминанія о подвозѣ хлѣба, или его остановкѣ, равно какъ постоянныя отмѣтки цѣны на рожь и печеный хлѣбъ доказываютъ существованіе внутренней хлѣбной торговли; о вывозѣ хлѣба изъ Болгаръ, или вообще изъ-за границы нѣтъ ни слова; между тѣмъ уже не встрѣчается такихъ частыхъ ужасовъ голода, какіе видѣли мы въ XI вѣкѣ. За исключеніемъ неурожая въ году 1128, вѣкъ XII страдалъ отъ одной дороговизны, *нъ Божіею милостію, пакости не бысть въ людяхъ*.

Стало быть, въ это время и земледѣліе находилось въ развитіи болѣе значительномъ. Доказательство тому очевидное встрѣтимъ мы въ первыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія, когда вмѣстѣ съ рожью, до сихъ поръ исключительно упоминаемою въ лѣтописяхъ, мы найдемъ и пшеницу и пшено и разные овощи. Но и теперь, судя по развитію хлѣбной внутренней торговли, и потому, что русскій народъ въ XII вѣкѣ успѣваетъ обезпечить свое продовольствіе собственными средствами, нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что сельская промышленность на Руси получаетъ размѣры значительные. Наконецъ вообще замѣчается возрастаніе народнаго богатства

1) Ипат. сп. 105. Мѣсто этой Лѣтописи подъ 1185 год. на стр. 130 замѣчательно извѣстіемъ, что у *Сѣверныхъ* Князей Руси кони тучны вельми; слѣд., на сѣверѣ, были и лучшія пастбища для лошадей, и обильнѣйшій кормъ и тщательнѣйшій уходъ.

2) Новгор. Лѣт. I, 19—20.

въ XII вѣкѣ. Платя въ началѣ столѣтія 8 гривенъ за кадь, народъ гибнетъ и страна пустѣетъ, напротивъ, платя въ концѣ этого же вѣка за ту же кадь 6 гривенъ, народъ не подвергается голодной смерти« и, Божіею милостію, пакости не бысть въ людяхъ.

Но извѣстно, что ни торговля, ни успѣхи земледѣлія не могутъ спасти народъ отъ неурожаевъ; и вѣкъ XIII-й, подобно двѣнадцатому, открывается извѣстіемъ о страшномъ неурожаѣ, который случился въ Новгородѣ, 1214 и 1215 годовъ, когда за кадь ржи платили по 10 гривенъ [1]). «Тойже осени, говоритъ лѣтопись про 1215 годъ, много зла ся сотвори; поби мразъ обилье по волости, а на Тържку все цѣло бысть. И зая Князь вършь на Тържку, не пусти въ городъ ни воза. Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривенъ, а овса по три гривны, а рѣпѣ возъ по 2 гривнѣ». И такъ неурожай, съ оцѣпленіемъ города, произвелъ небывалую доселѣ дороговизну хлѣба; ибо 10 грив. кунъ, по нашему расчету, составитъ $1^1/_4$ гр. серебра, или 60 золотниковъ этого металла, или около 15-ти серебряныхъ рублей. При такой цѣнѣ кади, четверть стоила бы около 4 серебряныхъ рублей, а четверикъ 50 серебрян. копѣекъ. Карамзинъ, въ этомъ мѣстѣ, оцѣнилъ четверть въ 3 р. и 60 коп. *на наши деньги.* Но не въ копѣйкахъ состоитъ различіе между нашею оцѣнкою и оцѣнкою Карамзина. Онъ не принялъ въ разсчетъ, что серебро въ XIX вѣкѣ не можетъ имѣть той цѣны, какую имѣло оно въ началѣ XIII; онъ опустилъ изъ виду, что недостатокъ въ хлѣбѣ, происшедшій отъ неурожая, и поддержанный оцѣпленіемъ и строгими военными мѣрами противъ подвоза, не могъ остановиться на одной дороговизнѣ и на повышеніи цѣны на хлѣбъ до 3 руб. и 60 коп. сер. за четверть. Да и дальнѣйшій разсказъ лѣтописи о состояніи народа, города и волости новгородской, при указанной цѣнѣ на хлѣбъ, уполномочиваетъ предполагать, что эта цѣна была недосягаема для большинства, какъ цѣна въ 8 гривенъ 1128 году. Лѣтописецъ говоритъ, «ядяху люди сосновую кору, и листъ липовъ и мохъ. О горе

[1]) Новгор. II, 128, и I, 33. Карамз. III, 148, 149.

тогда, братье, бяше! дѣти своѣ даяхуть одьрень! И поставиша скудельницю, и наметаша полну. О горе бяше; по търгу трупіе, по улицямъ трупіе, по полю трупіе; не можаху пси изъѣдать человѣкъ; а Вожане — помроша, а останкъ разыдеся, и тако, по грѣхомъ нашимъ, разыдеся власть наша и градъ нашъ.» Соображая двойную причину недостатка въ продовольствіи, равно какъ страшную картину голодной смерти, поражавшей народъ въ такомъ количествѣ, что, по лѣтописи, цѣлая область опустѣла, трупами наполнили цѣлую скудельницу, и все-таки множество ихъ оставалось и на площадяхъ, и по улицамъ, и псы не могли *изъѣдать человѣкъ*; мы не удивимся, если цѣна кади, на наши теперешнія деньги, выразится цыфрою 150, четверть получитъ цѣну около 40, а четверикъ почти 5 нынѣшнихъ рублей. Этимъ доказывается только подлинность такихъ историческихъ явленій, какъ семилѣтній голодъ въ Египтѣ, и такихъ послѣдствій, которыя испыталъ Египетъ въ годы своего голода. Семилѣтній голодъ въ Египтѣ перевелъ все злато и сребро въ казну Фараона; передалъ весь скотъ и всѣ орудія полевыя во власть царя; наконецъ передалъ всю землю и все населеніе страны въ его владычество. «Вотъ я купилъ васъ и землю вашу Фараону хлѣбами,» объявилъ наконецъ Іосифъ порабощенному цѣною насущнаго хлѣба населенію Египта.—Понятно, что и у насъ выставленныя лѣтописью страшныя цѣны на хлѣбъ, 1215 года, во время неурожая и соединеннаго съ нимъ оцѣпленія города, не суть выраженія дороговизны, а свидѣтельства крайняго недостатка и близости ужасной голодной смерти.

Дороговизна, какъ, напримѣръ, отмѣченная въ лѣтописи подъ 1228 годомъ [1]), описывается иначе. Въ это время, по случаю военныхъ сборовъ и военныхъ обстоятельствъ, все вздорожало на рынкѣ Новгорода: «вздорожиша все на търгу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолѣ ста дороговь,» уставилась дороговизна такъ, что хлѣбъ «покупали по 2 кунѣ, кадь ржи по три гривны, пшеницы кадь по 5, а пшена по 7 гривенъ. И тако ста по три лѣта.» Если кадь ржи стоила 3

[1]) Новгор. I. 43.

гривны кунъ, то на гривну серебра, или на 10 руб. сер. можно было купить $2^1/_2$ кади, или 10 четвертей; стало быть кадь въ 3 гривны кунъ стоила 4 руб., а четверть ея 1 рубль, или, по современной цѣнѣ, кадь—40, а четверть 10 цѣлковыхъ. Далѣе, если кадь стоила 3 грив., или 150 рѣзанъ, то четверть, или 360 ф. муки — $37^1/_2$ рѣзанъ, одинъ же фунтъ почти $^1/_{10}$ рѣзаны. Стало быть, на 2 рѣзаны можно было купить печеный хлѣбъ въ 24 ф. Сравнивая эту цѣну печенаго хлѣба, при стоимости кади въ 3 грив., въ 1228 году, съ цѣною того же хлѣба, при стоимости кади въ 6 грив., въ 1188 году, мы не можемъ не замѣтить постоянства и правильности въ цѣнѣ на хлѣбъ и на деньги. Въ 1188 платили за печеный хлѣбъ двѣ ногаты, или 5 рѣзанъ, тогда какъ 1228, при цѣнѣ вдвое меньшей, хлѣбъ печеный стоилъ вдвое дешевле, 2 рѣз.—Отсюда также выводимъ, еще разъ, что въ 1164 году, когда за кадь платили 4 гривны, печеный хлѣбъ стоилъ не 2 ногаты, какъ написано въ лѣтописи, а двѣ рѣзаны.

Дороговизна 1228, которая продолжалась, по лѣтописцу, около трехъ лѣтъ, была ничто въ сравненіи съ событіями 1230 и 1231 годовъ [1]), когда «изби мразъ на Вздвиженье честьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривьнъ, а въ дворѣхъ по полъ 30, а пшеницѣ по 40 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривьнъ, и разыдеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестръ, а останъкъ почаша мерети. И кто не прослезится о семъ, видяще мьртвьця по уличамъ лежаща, и младенця отъ пьсъ изъѣдаемы? И вълоужи Богъ въ сердце благое сотворити архепископу Спуридону, и постави скудельницю у Святыхъ Апостолъ, въ ямѣ, на Прусьской улицѣ, и пристави мужа блага, смѣренна, именемъ Станила, возити мьртвьця на кони, кдѣ обидуцѣ по городу; и тако безпрестани по вся дни влагаше, и наполни до вьрха, аже бысть въ неи 3000 и 30.» Поговоривъ о другихъ современныхъ событіяхъ, лѣтописецъ продолжаетъ: «мы

[1]) Новгор. I, 46.

же на преднее възвратимъся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшеи на насъ отъ Бога казни? Яко иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху; а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзаюче ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы; нъ тѣхъ осочивше, тако творяще, овѣхъ огньмъ изжгоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша; ини же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову, и листъ ильмъ, кто что замысля; а иніи паки зліи человѣцы почаша добрыхъ людіи домы зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ.» Трупы несчастныхъ валялися повсюду. Поставили еще скудельницу, въ которую положено умершихъ безъ числа; открыли новую, и ту наполнили трупами *безъ числа*. Но, вмѣсто ожидаемаго исправленія, люди дѣлались хуже, говоритъ лѣтописецъ. Не было милосердія, не стало сострađанія. Братъ не жалѣлъ брата, отецъ и мать дѣлались равнодушными къ судьбѣ своихъ дѣтей, и сосѣдъ сосѣду *не уломляше хлѣба*. И, какъ бы во свидѣтельство возрастанія гнѣва Божія съ такимъ умноженіемъ грѣховъ человѣческихъ, лѣтописецъ продолжаетъ далѣе: «и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшю, а ржи $1/4$ часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра. И даяху отцы и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ. Сеже горе бысть не въ нашей земли во единои, но по всей области русьстѣй, кромѣ Кыева единого.» И только лѣтомъ 1231 «откры Богъ милосердіе свое на насъ грѣшныхъ, сотвори милость свою вскорѣ: прибѣгоша нѣмцы изъ-за моря съ житомъ и съ мукою, и створиша много добра, а уже бяше при конци городъ сій.»

Этотъ страшный голодъ составляетъ исключительное явленіе въ нашей исторіи, какъ по вліянію на народъ, такъ и по цѣнамъ на хлѣбъ, выше которыхъ хлѣбъ въ Россіи никогда не поднимался, и къ которымъ, скажу болѣе, цѣна его никогда не приближалась во всѣ послѣдующія столѣтія. Остановимся на извѣстіи, что четвертая часть кади, т. е. наша четверть стоила, въ это время, гривну серебра, или $7^1/_2$ гр. кунъ. Слѣд. кадь ржи должна была цѣниться почти въ 30 грив., или, какъ говоритъ лѣтопись: *во дворѣхъ по полъ 30*,— въ 25 грив. Это значитъ, что сначала вывозили на рынокъ и

продавали рожь на торгу, и, конечно, подешевле, напр. въ 20 грив.; но впослѣдствіи на торгъ никто не везъ, и должно было искать хлѣба по дворамъ, гдѣ онъ продавался гораздо дороже. То же случилось и съ печенымъ хлѣбомъ, который въ началѣ продавали по 8 кунъ, а потомъ по цѣлой гривнѣ, т. е. по 50 кунъ [1]). Если четверть стоила гривну серебра, или 10 р. с. нынѣшняго чекана; то она имѣла цѣну страшную, невообразимо высокую на наши деньги—100 р. с. Необычайно высокая цѣна на хлѣбъ 1230 и 1231 годовъ выражается въ самой разности показаній лѣтописи. Въ одномъ спискѣ сказано вообще, что *такого голода никогда не бывало* [2]); въ другомъ прибавлено, что за кадь ржи требовали 40 грив. Думаю, что на рынкахъ не могло быть цѣны ни въ 40, ни въ 30 грив. И 20 гривенъ даетъ на теперешнія деньги 150 р. с. для кади, и около 40, или точнѣе $37\frac{1}{2}$ для четверти. Значитъ, что наконецъ хлѣба вовсе не было въ продажѣ; никто не рѣшался везти его на торгъ, изъ опасенія грабежа и насилія; да и дома сохранить его много едва ли было можно. Купить хлѣба не было возможности ни на вѣсъ золота. Но во всякомъ случаѣ нельзя допустить, будто за кадь платили 40 гр.; тутъ или переписчикъ ошибся, или чтецъ былъ введенъ въ заблужденіе.

Отмѣтимъ здѣсь одинъ варіантъ [3]), въ которомъ цѣны выставлены, повидимому, другія противъ главнаго текста, между тѣмъ доказываютъ цыфру 30 гривенъ за кадь. Въ варіантѣ сказано: «и купляху по полугривнѣ хлѣбець, а кадь ржи четвертую часть по 7 грив. и поболши.» Что *небольшой хлѣбець* можно было купить за полгривны, когда полный хлѣбъ продавался по гривнѣ, объ этомъ говорить нечего; но 4-я часть кади должна сохранять одинаковую цѣну. Слѣд. 7 гр. кунъ и побольше, напр. съ половиною, должны равняться 1 гр. серебра, какъ сказано въ текстѣ. Отсюда же выводимъ, что отношеніе между гривною кунъ и гривною серебра, установ-

[1]) Новгор. II, 128, 129.

[2]) Псков. II, 10.

[3]) Новгор. I, 47; варіантъ сс.

ленное нами для XI—XII столѣтій, неизмѣнно продолжается и въ XIII вѣкѣ.

Причиною этого страшнаго голода полагаетъ лѣтописецъ ранній осенній морозъ 1230, избившій озимь, такъ что уже слѣдующею за тѣмъ зимою дороговизна сдѣлалась чувствительною, тѣмъ болѣе, что она установилась еще съ 1228 года. И, понятно, что къ веснѣ 1231 года долженъ былъ наступить опустошительный голодъ. На бѣду, недостатокъ былъ всеобщій, и подвозу на пространствѣ всего сѣвера ожидать было неоткуда; за исключеніемъ одного Кіева, повсюду неурожай и голодъ. Въ Новгородѣ похоронено было 6530 труповъ, не считая тѣхъ, которые зарыты въ общей могилѣ, *безъ числа*; въ Смоленскѣ умерло до 32 тысячь [1]). Наконецъ голодъ довелъ иныхъ до изступленія, до звѣрства, до лютости. Отдадимъ впрочемъ справедливость нашимъ предкамъ. Эти случаи звѣрства и лютости, даже въ такое полное отчаянія время, не оставались безъ наказанія. Виновныхъ жгли, рубили, вѣшали, въ тоже время, какъ тѣла падшихъ отъ голодной смерти съ подобающею честію предавали погребенію, хоть и въ общихъ могилахъ, въ скудельницахъ. И такъ живые имѣли право ожидать спасенія отъ Бога. И вотъ на лѣто, съ открывшеюся навигаціею, *прибѣгоша нѣмцы изъ-за моря,* привезли хлѣба и муки, и русскіе *ожиша.*

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство, опущенное лѣтописью. Дороговизна, начавшаяся съ 1228, продолжавшаяся до тридцатыхъ годовъ, и возросшая въ ужасъ голодной смерти на всемъ пространствѣ Руси, не можетъ быть объяснена однимъ мѣстнымъ, случайнымъ событіемъ. Думаю, что нашествіе на Россію Татаръ, или Монголовъ, почти современное дороговизнѣ и раннимъ морозамъ, должно было играть здѣсь важную ролю, такъ что всеобщность голода и необычайную высоту цѣнъ на хлѣбъ, безпримѣрныя въ прежнія и послѣдующія времена русской исторіи, должно объяснять, хоть частію, сближе-

[1]) Новгор. II, 129. Вотъ еще огромная цыфра въ спискѣ II Новгор.

ніемъ несчастныхъ явленій внѣшней природы съ горькимъ событіемъ политическимъ начала XIII вѣка.

Съ 1231 года Россія не знаетъ неурожаевъ, грозящихъ голодною смертію до 1279 [1]), когда, по лѣтописи, «голодъ бысть въ Руси и въ Ляхохъ и въ Ятвязѣхъ; и Ятвязи послаша къ Владимірови: не помори насъ; пошли къ намъ жито свое продавать, а мы купимъ, чего ли восхощешь, воску ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, бѣли ль, сребра ли — мы ради, дамы. Владиміръ же изъ Берестія посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, и взыдоша на Наровь, и поидоша по Нарви, и пріидоша подъ Полтовескъ, и сташа на ночь; и тамо избиты быша, жито поимавше, а лодьи потопиша.» Князь Владиміръ Васильковичъ долженъ былъ войною отомщать гибель людей своихъ и потерю жита. Нельзя выводить изъ этого разсказа, будто хлѣбная торговля того времени составляла исключительное право князя и была казенною монополіею: но нельзя же не согласиться, что лѣтописецъ здѣсь ясно намекаетъ на право князя, какъ представителя общаго интереса, дозволять, или запрещать вывозъ хлѣба за границу. Хлѣбъ, отпущенный въ лодьяхъ къ Ятвягамъ, конечно, не весь принадлежалъ Волынскому князю; но просьба Ятвяговъ, обращенная къ князю, и посылка хлѣба отъ князя означаютъ, что, безъ княжескаго дозволенія, вывозъ хлѣба за рубежъ не былъ во власти торговцевъ, по крайней мѣрѣ, при неурожаѣ въ самой Руси. Изъ этого же разсказа должно заключить, что хлѣбная торговля въ XIII вѣкѣ уже раздѣлялась на внутреннюю и внѣшнюю, и что, въ особыхъ случаяхъ, послѣдняя подлежала правительственному опредѣленію и вліянію.

Къ концу XIII столѣтія еще упоминаются два-три случая неурожая на сѣверѣ Руси. Одинъ имѣлъ мѣсто въ 1291 г. [2]), вслѣдствіе мороза, который побилъ обиліе по всей волости новгородской, другой и третій въ 1297—98 годахъ [3]), вслѣд-

[1]) Карамз. IV, примѣч. 175, по Волынской лѣтописи.

[2]) Новгор. I, 65.

[3]) Карамз IV, примѣч. 200.

ствіе падежа скота и засухи въ разныхъ странахъ Россіи. Но ни тамъ, ни здѣсь о голодной смерти лѣтописи не упоминаютъ. Только въ Новгородѣ, вѣроятно, по случаю дороговизны, произошелъ мятежъ и *грабиша коромольници торгъ;* но, на другой же день послѣ этого происшествія, Новгородцы сотворили вѣче, и *свергоша два коромолника съ мосту.*

Итакъ въ XIII в., изъ 8 случаевъ неурожая, только два были такъ страшны, что сопровождались цѣною, недоступною для большинства, — выходомъ значительнаго числа населенія изъ родной страны, и великою смертностію. Почти тоже, что и въ XII столѣтіи, въ которомъ также на 8 случаевъ приходится только одинъ такой голодный годъ, что Новгородцы сильно страдали отъ недорода, массами выходили изъ своей области, или умирали голодною смертію.

Переходя къ XIV вѣку, мы можемъ быть увѣрены, что встрѣтимся съ явленіями знакомыми. Есть правильные законы въ природѣ; должны они быть и въ исторіи народа, который дѣйствуетъ разумно. Въ этомъ столѣтіи мы такъ же насчитываемъ до 7 случаевъ неурожая, происходившаго отъ многихъ причинъ, но преимущественно отъ засухи и вёдра; и имѣвшаго разнообразныя вліянія на русскій народъ, но чаще всего дороговизну, и только разъ или два значительный голодъ.

Такъ 1303 г. [1]), въ новгородской области «бысть зима тепла, не бысть снѣга черезъ всю зиму, и не добыша люди хлѣба, и бысть дороговь велика, туга велика и печаль людемъ; но не отъчаемся милости твоея; кажи, Господи, накажи, а смерти не предай.»—Ясно, что молитва была услышана, и жизнь народа пощажена.

1309 [2]) «бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла рожь, и овесъ и пшеницу, и всякое жито, и того дѣля бысть дороговь велика, и меженина зла, и гладъ крѣпокъ по земли русьской.» Но, ни о смертности въ людяхъ, ни о поразительно-высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ не говоритъ лѣтопись; стало быть, событіе не было слишкомъ значительно.

[1]) Новгор. I, 68.

[2]) Карамз. IV, примѣч. 247.

1314 [1]), «тойже зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ;» а во Псковѣ [2]), «изби мразъ всяко жито, и бысть драгость люта, по 5 гривенъ зобница; бяше же та драгость на много время.»—«Почали бяху, во Псковѣ [3]), грабити недобрiи люди села, и дворы въ городѣ, и клѣти на городѣ, и избиша ихъ Пльсковичи съ 50 человѣкъ, и потомъ бысть тихо.» По 4 гривны зобница, въ значенiи кади [4]), — явленiе не новое, и, какъ прежде, такъ и теперь подобная цѣна не могла довести народъ до отчаянiя и голодной смерти, или до полнаго забвенiя закона собственности. Казнь смертная, произведенная надъ 50-ю возмутителями, произвела обычную тишину въ городѣ и волости.

1332 [5]) «бысть меженина велика въ землѣ русьской, дороговь и гладъ хлѣбный, и скудота всякаго жита; сiю же дороговь нѣцiи глаголютъ *рослую рожь*,» т. е., по объясненiю Карамзина, дороговизна произошла отъ проросшей въ копнахъ ржи, вслѣдствiе мокроты и ненастья.

1371 [6]) долговременная засуха, отъ которой «жито посохло, а лѣсове и борове, и дубравы и болота погораху; индѣже и земля горяше,» произвела дороговизну во многихъ мѣстахъ; а 1384 [7]) таже, кажется, причина вызвала дороговизну хлѣба въ Новгородѣ.

Впрочемъ XIV в. знаменателенъ въ русской исторiи особенно моровыми повѣтрiями, къ числу которыхъ относится Черная смерть, въ началѣ второй половины, и страшный моръ конца этого вѣка, а именно 1387 года, когда, напр. въ Смоленскѣ вымерло почти все населенiе, и только 5 чел.

[1]) Новгор. I, 71.

[2]) Псковск. II, 11.

[3]) Новгор. I, 71.

[4]) Карамз IV, примѣч. 247, относитъ событiе къ 1318 г., и полагаетъ зобницу равною осьминѣ: но въ такомъ случаѣ, кадь будетъ стоить невозможную цѣну—40 грив.

[5]) Карамз. IV, примѣч. 322 Софiйск. лѣт. I, 220.

[6]) Карамз. V, примѣч. 22.

[7]) Тамъ же, примѣч. 137.

спаслись отъ общей гибели, вышли изъ города и затворили за собою его ворота [1]).

Здѣсь заключимъ мы перечень голодовъ въ Руси до XV вѣка, и остановимся на нѣсколько времени. Для уразумѣнія страданій народа отъ неурожаевъ до XV стол., равно какъ для пониманія дальнѣйшей судьбы народа, въ этомъ отношеніи, намъ должно бросить общій взглядъ на пройденное пространство исторіи, тѣмъ болѣе, что съ XV вѣкомъ прекращается господство гривенной денежной системы и начинается новая, рублевая, и въ тоже время измѣняется хлѣбная мѣра.

Соображая всѣ лѣтописныя извѣстія, мы убѣждаемся, что, въ древней Россіи до XV вѣка, всѣхъ случаевъ неурожая было 27, а именно:

Въ XI — 4.
— XII — 8.
— XIII — 8.
— XIV — 7.

Мы прежде замѣтили, почему не признаемъ числа 4 полнымъ числомъ неурожаевъ для XI вѣка; теперь это замѣчаніе получаетъ новый вѣсъ изъ сравненія вѣка XI съ тремя послѣдующими. И мы думаемъ, что не погрѣшимъ противъ истины, если примемъ число 7 и даже болѣе, за среднее число неурожаевъ на каждое столѣтіе до XV вѣка. Также напередъ мы уже сдѣлали оговорку, почему не считаемъ важнымъ недостаткомъ въ нашихъ источникахъ обстоятельства, что извѣстія о голодахъ и неурожаяхъ касаются только сѣвера, и на сѣверѣ преимущественно Пскова и Новгорода. Читавшіе со вниманіемъ наше изложеніе согласятся, что между исторіею разсказанныхъ событій, во Псковѣ, или Новгородѣ, и тою же исторіею въ остальной Россіи, не могло быть существеннаго различія. Торговое населеніе Пскова и Новгорода, конечно, болѣе всякаго другаго, исключительно хлѣбопашеннаго, удалялось отъ земледѣлія, и чрезъ то подвергалось опасности дороговизны; но за то подобное населеніе скорѣе всякаго другаго могло ожидать отовсюду, даже

[1]) Новгородск. II, 133. Въ другомъ мѣстѣ говорится о 10.

изъ-за моря помощи. Что до остальной Россіи, то, съ одной стороны, существованіе дорогъ вообще, особенно водныхъ сообщеній и зимняго пути,—съ другой стороны — дѣйствіе хлѣбной торговли, которая видимо развивалась изъ вѣка въ вѣкъ, и уравнивала многія особенности, и безъ того незначительныя въ нашемъ отечествѣ,—все это уполномочиваетъ насъ по судьбѣ одной такой части Россіи, какою была псковская или новгородская область, судить о судьбѣ цѣлой Россіи, и 7, или даже 8 случаевъ неурожая на столѣтіе принимать за нормальное число неурожаевъ на всемъ пространствѣ древней Россіи.

Не всѣ однакожъ случаи неурожая были равно гибельны для населенія. Большая часть изъ нихъ отличалась значительнымъ и чувствительнымъ возвышеніемъ цѣнъ, и только весьма немногіе отмѣчены моромъ отъ голода. Собственно говоря, неурожаевъ, производившихъ смертельный голодъ, съ XI—XIV вѣка включительно, было только 6 — три въ XI, одинъ въ XII, и два въ XIII столѣтіи. Отсюда вытекаетъ, что промышленный бытъ, господствовавшій въ древней Россіи, при всей замкнутости русской земли, при всей слабости сношеній съ сосѣдями, не измѣнялъ надеждамъ народа, и, вообще говоря, содержалъ въ себѣ сильныя средства къ обезпеченію жизни и бытія народа.

Дороговизна и голода̀ происходили повсюду въ Россіи отъ одной причины, отъ климатическаго вліянія, преимущественно же отъ засухи; а средствомъ противъ дороговизны съ ея послѣдствіями служили, съ одной стороны, постепенное развитіе сельскаго хозяйства, и особенно разнообразіе посѣвовъ и произведеній, а съ другой стороны торговля хлѣбомъ и всѣми этими произведеніями, отъ пшеницы и пшена до капусты и рѣпы. И, какъ мы видѣли, средства не были безсильны. Не принимая въ разсчетъ XI вѣка, слишкомъ отдаленнаго, равно какъ голодовъ 1230 и 1231, слишкомъ исключительныхъ, исторія голодовъ въ древнѣйшей Россіи не представляетъ, по лѣтописямъ, ужасовъ чрезмѣрно частыхъ. Обращаясь при этомъ еще разъ къ началу XIII в., и къ голоду 1230—31 годовъ, мы можемъ теперь съ увѣренностію сказать, что появленіе Монголовъ значительно усилило

естественное несчастіе Руси въ эти годы, отнявъ увѣренность въ безопасности у поселянина на его полѣ, и у купца на его проѣзжей дорогѣ. Самая повсемѣстность голода, засвидѣтельствованная лѣтописью, находится въ очевидномъ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о вѣкахъ XII, XIII и XIV.

Наконецъ, послѣдній вопросъ: какъ выразить на современномъ числовомъ языкѣ степень страданія древняго русскаго народа во время неурожаевъ? Для этого мы выставимъ всѣ лѣтописныя цыфры, до которыхъ возвышалась цѣна на хлѣбъ въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій нашей исторіи, и потомъ переведемъ ихъ на наши деньги. Эти цыфры начинаются 3, переходятъ въ 4, 5, 6, 8, 10, и доходятъ до 20, 25, или 30 и наконецъ до 40 грив. за кадь. Но мы, въ своемъ мѣстѣ, уже сказали, что послѣдняя цыфра, какъ невозможная, составляетъ или ошибку писца, или недоразумѣніе чтеца. Слѣд. самая высшая цѣна на хлѣбъ имѣла мѣсто въ 1230 и 1231 годахъ, когда на рынкѣ купить хлѣба было нельзя, а по дворамъ она доходила до 25 или 30 гривенъ кунъ за кадь, или до гривны серебра за четверть. Но это не была цѣна рыночная, — это не была цѣна продажнаго хлѣба, состоявшаяся въ торговлѣ. Эту цѣну диктовалъ смертельный голодъ, и она означала собою, что хлѣба купить невозможно ни за какую цѣну. Рыночная же цѣна была въ 20 грив. кунъ, какъ означено въ той же лѣтописи; и дорогія цѣны на хлѣбъ стояли въ древней Россіи между 3 и 20 гривнами кунъ за кадь. При этой послѣдней цѣнѣ, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ изъ-за моря спасенъ отъ крайней гибели. Этотъ случай былъ, какъ мы видѣли, исключительнымъ, по особенности самыхъ политическихъ обстоятельствъ.

Отсюда ясно, что обычное, нормальное колебаніе высокихъ цѣнъ, въ разные годы недорода, собственно совершалось между 3 и 10 гривнами кунъ. 3 гривны за кадь ржи считалось дорогою цѣною, а 3 гривны кадь даетъ $37^1/_2$ кунъ за четверть, или на серебр. копѣйки, 94 к., почти 1 рубль, а на теперешнія деньги почти 10 р. серебр. [Цѣна весьма высока, между тѣмъ пакости не бысть въ людяхъ, такъ же

точно, какъ при цѣнѣ въ 4, 5 и 6 грив. кунъ. Смертельный голодъ большинства населенія являлся тогда, когда кадь ржи платилась въ 8 и 10 гр. кунъ, и когда четверть ржи стоила 25, или 40 р. сер. Отсюда же выводимъ, что недорогою цѣною должно было считать ту цѣну хлѣба, когда онъ стоилъ одну, или $1^1/_2$ гр. кунъ, т. е. когда за четверть платили кунъ 12, или 18, а на серебро копѣекъ 30, или 40, а на наши деньги рубля 3, или 4 сер. — Другими словами, дороговизна и дешевизна хлѣба, въ глубокой древности, выражалась почти тѣми же цыфрами, почти тѣми же цѣнами, или тѣмъ же отношеніемъ хлѣба къ серебру, какъ и въ наше время.

Такой выводъ подтверждается общимъ наблюденіемъ, что цѣны на хлѣбъ, въ данномъ мѣстѣ, во всѣ времена, почти постоянны, по крайней мѣрѣ, сравнительно со всѣми остальными предметами купли и продажи, и что для каждаго мѣста есть своя средняя цѣна на хлѣбъ, какъ и своя средняя температура. И естественно, потому что каждое данное населеніе даннаго мѣста употребляетъ всѣ силы для обезпеченія своего существованія, и производитъ всякій разъ только необходимое. Съ возрастаніемъ его силъ, т. е. народонаселенія, возрастаютъ его нужды въ одинаковомъ размѣрѣ, и цѣнность хлѣба остается прежняя, для каждаго новаго поколѣнія. Различіе, замѣчаемое въ развитіи хлѣбной торговли, ни сколько не измѣняетъ положенія дѣла. Значительные успѣхи нынѣшней хлѣбной торговли вызваны необходимостію, которой вовсе не знали предки; у насъ хлѣбная торговля содѣлалась правиломъ, тогда какъ въ древности она была исключеніемъ. Покупка хлѣба и торгъ хлѣбомъ, въ старину, имѣли мѣсто только при особыхъ обстоятельствахъ; обыкновенно же нужда и недостатокъ устранялись для каждаго, въ то время, собственнымъ производствомъ и запасомъ, которые были повсюдны. Наконецъ выводъ, сдѣланный нами относительно цѣнъ на хлѣбъ въ древней Россіи, доказывается цыфрами, занесенными лѣтописью въ исторіи Россіи.

Но, можетъ быть, мы ложно читаемъ эти цыфры? Не стоимъ за строгую точность въ изслѣдованіи столько новомъ; не стоимъ за дроби и мелкія части кунъ и копѣекъ. Но не

безъ основанія думаемъ, что система чтенія, оказавшаяся вѣроподобною, при изложеніи цѣны на хлѣбъ по различнымъ лѣтописцамъ, въ теченіи трехъ столѣтій, почти во всѣхъ подробностяхъ, отъ цѣны кади и четверти до цѣны фунта и до установленія величины печенаго хлѣба, такая система не лишена всякой защиты. Переходя къ XV вѣку, сдѣлаемъ оговорку на счетъ цѣны металловъ. Съ XV в., естественно, ихъ становится больше въ Россіи, и цѣна ихъ упадаетъ, вслѣдствіе развитія нашихъ заграничныхъ сношеній. Недаромъ начали мы торговать серебряными деньгами. Отъ сего времени считаемъ мы древнеее серебро только въ 7 разъ дороже теперешняго.

Принявъ это основаніе, перечислимъ событія. 1407 г. [1]), дороговизна произошла во Псковѣ, гдѣ платили *за овсяную зобницу по гривнѣ, а ржи по три мѣрѣ за полтыну, а соль по гривнѣ, да по 8 мордокъ пудъ, а полтына серебра по 15 грив.* Здѣсь такъ сильно смѣшеніе старой системы мѣръ и монетъ съ новою, что, съ перваго разу, не возможно понять значеніе выставленныхъ цыфръ. Одно тутъ обозначено однимъ способомъ, другое другимъ, иное двумя способами вмѣстѣ. Другое извѣстіе о томъ же годѣ имѣетъ тѣ же трудности [2]): *овсяная зобница по гривнѣ, а сѣно дорого вельми, а вѣникъ по мордкѣ бѣше.* И должно замѣтить, что въ цѣломъ XV вѣкѣ, равно какъ и въ слѣдующемъ, извѣстія, касающіяся нашего вопроса, имѣютъ подобный характеръ. Въ это время, вмѣстѣ съ перемѣною денежной системы, измѣняется и хлѣбная мѣра.

1409 г. [3]), сказано, что *соли* можно было купить *полпяты зобницы на полтыну, а ржи зобница на полтыну.*

1412 г. [4]), въ Нижнемъ Новѣгородѣ, покупали *мѣру ржи по 40 алтынъ, старыми денгами.*

Подъ 1422 годомъ [5]), лѣтопись разсказываетъ, что «*по три года*, или впродолженіе трехъ лѣтъ, на всю русскую

[1]) Псков. II, 20.
[2]) Псков. I, 198.
[3]) Псков. I, 200.
[4]) Карамз. V, примѣч. 254.
[5]) Псков. II, 23. 24.

землю *бысть гладъ великъ*, такъ что въ Москвѣ *оковъ ржи* платили 1 р. и $1^1/_2$ руб., на Костромѣ 2, а въ Нижнемъ Новѣгородѣ 6 руб.; многіе умирали съ голоду, иные ушли изъ Руси въ Литву, нѣкоторые померли на дорогѣ отъ холода, который, въ ту зиму, былъ жестокъ, а иные принуждены были питаться всѣмъ, что ни попало.» «А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякаго обилія изнасыпаны на Крому. И поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдь, Вожани, и Тверци, и Москвичи, и просто рещи со всей руской земли, и бысть нахоженіе ихъ во Псковѣ много множество. И начаша, по волостемъ и по пригородомъ и во Псковѣ купяще рожь, возити за рубежъ, и въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи полтретьи зобницы: и оттолѣ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежъ ржи и никакого обилія.» Но уже было поздо: въ Псковѣ и его волости открылась ужасная смертность между *пустотными*, т. е. захожими бѣдняками, трупами которыхъ въ одномъ Псковѣ наполнили 4 скудельницы. И только въ 1425 году [1]), «бысть во Псковѣ хлѣбъ подешевлѣ, по 5 зобницъ на полтыну ржи.»

Но за то 1427 г. *умножи Богъ всякого обилья хлѣба во Псковѣ, по 7 зобницъ ржи на полътыну, а говядъ 3 яловичи на полтыну* [2]). Въ 1434 случилось то же. Между тѣмъ, какъ въ Нѣмецкой землѣ хлѣбъ былъ весьма дорогъ, во Псковѣ *ржи на полтину* 13 *зобницы* [3]). Въ другомъ спискѣ сказано: по 9 денегъ зобница, что впрочемъ почти одно и тоже, ибо $13 \times 9 = 117$ денегъ, т. е. не много болѣе полтины.

1442 г., встрѣчается извѣстіе о десятилѣтней дороговизнѣ хлѣба въ Новгородѣ, въ которомъ платили *за двѣ коробьи по полтинѣ, овогдаже больше, а иногда меньши, часто же негдѣ купити*; *бысть туга*, и т. д. Причина въ томъ, что зима *люта бысть зѣло* [4]). Принимая съ Карамзинымъ коробью за

[1]) Псков. II, 24.

[2]) Карамз. V, примѣч. 386.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ-же, примѣч. 313. стр. 289.

четверть, получимъ для четверти 54 д., для осьмины 27 [1]). Но и по прошествіи 10 лѣтъ, въ 1453 г., *мразъ много жита поби*, а 1453, *отъ дождей*, или за дождями, *хлѣба въ Новѣгородѣ вовсе не сѣяли* [2]).

1464, хлѣбъ былъ дешевъ во Псковѣ, такъ что зобница ржи платилась по 17 денегъ, овса по 7, а пудъ соли по 3 деньги. 1467, также во Псковѣ, господствуетъ изобиліе: 18 *денегъ зобница ржи, овса по* 8, *а соли пудъ по* 3 *деньги.*

1471, о Новгородѣ сказано вообще, что всякаго блага было *обильно*, *и хлѣбъ дешевъ.* 1485, во Псковѣ умножилъ Богъ *яроваго обилья, и купиша четверетку ржи по* 8 *денегъ, а жита по* 5, *а овса зобничь по* 10 *и* 12 *денегъ.* Неурожай озимаго произошелъ, по словамъ лѣтописи, отъ того, что, съ осени, снѣгъ палъ на мокрую землю; затѣмъ слѣдовали морозы; далѣе ржаной корень подопрѣлъ; а на весну померзъ такъ, что *бысть черна земля* [3]).

Равномѣрно 1498, хлѣбъ былъ дорогъ во Псковѣ: *четверетка по* 9 *денегъ, овсяная по* 4, *а жита по* 6, *а пшеницы зобница по* 50, *а соли мѣхъ по полсорока денегъ* [4]).

Въ лѣтописяхъ XV в. отмѣчено 8 случаевъ неурожая, дороговизны и частію голода; въ XVI имѣемъ мы свѣдѣніе также объ 8 подобныхъ случаяхъ, которые падаютъ на слѣдующіе годы. Въ 1512 г., былъ общій неурожай, произведшій такую дороговизну, что *бѣдные* умирали съ голоду [5]). Въ 1515 г. Москва страдала отъ недостатка въ продовольствіи, такъ что нельзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 г., съѣстное продавалось въ Москвѣ вдесятеро дороже обыкновеннаго [6]).

Въ 1535 г., четверетку покупали, въ Новгородѣ, по 2 новгор. деньги, а коробью ржи по 7 денегъ [7]). Въ 1544 г.,

1) Карамз. VI, 332 — 333.
2) Карамз. V, примѣч. 386.
3) См. всѣ эти извѣстія у Карамз. VI, прим. 629.
4) Карамз. Тамъ-же.
5) Карамз. VII, 189.
6) Тамъ-же.
7) Карамз. VIII, прим. 71.

хлѣбъ былъ дорогъ, и за четверетку ржи платили по гривнѣ московской [1]).

Въ 1557 году голодъ во всей русской землѣ, но особенно по заволжью, гдѣ многіе умирали съ голоду. Въ 1561 году, засуха сдѣлала то, что яровой хлѣбъ вовсе не родился, присохъ отъ бездождья, и *купиша отъ того слѣтья рожь по* 16 *денегъ, а овесъ по* 12 *денегъ, а жито по* 20 *денегъ, а пшеницу по* 11 *алтынъ.* Въ 1570 г., бысть гладъ во всю русскую землю. Рожь покупали, въ Москвѣ, по 60 алт., а на Вологдѣ по рублю, на Устюгѣ по 18 алтынъ, а на Колмогорахъ по 20; овесъ по 12, а пшеницу по 30, и много людей померло. 1583 годъ ознаменованъ падежемъ коней и скота, по дорогамъ и деревнямъ; а въ 1590 г., морозъ былъ такъ великъ что произвелъ неурожай и голодъ въ Новгордѣ, гдѣ четверетку покупали по 20 алтынъ, а по селамъ и купить *было не достать* [2]).

Изъ этихъ 8 случаевъ три касались всей Россіи, три имѣли мѣсто въ новгородской области, и два случая принадлежатъ собственно Москвѣ. Объ однихъ общихъ неурожаяхъ замѣчено, что голодъ сопровождался смертностію; прочіе отличались дороговизною.

Обращаясь къ разсмотрѣнію цѣнъ въ ихъ числовыхъ выраженіяхъ, замѣтимъ, что въ XVI в. драгоцѣнные металлы должны были и въ Россіи упасть въ своей стоимости, какъ они упали на западѣ Европы, вслѣдствіе открытія Америки. Конечно, ни степень развитія промышленности, ни масса народнаго богатства, ни быстрота сношеній съ западомъ, и никакой другой вопросъ экономіи Руси не можетъ, въ XVI в., стать на ряду съ современнымъ его состояніемъ; а посему и цѣна золота и серебра и деньги не могутъ быть вполнѣ уравниваемы съ теперешними. Но различіе уже не такъ велико; достаточно предположить, что металлы, въ XVI в., были вдвое дороже нашихъ. И такъ какъ въ XVI в., изъ 48 золотн. дѣлали 3 р. московскихъ и полтора новгород-

[1]) Новгор. II, 150.

[2]) Карамз. VIII, прим. 587, IX, примѣч. 93, — 326. Новгор. II, 172. Карамз. X, прим. 356, и Псков. I, 321.

скихъ, а въ наше время $10^1/_2$; то рубль московскій, по вѣсу и содержанію, былъ почти въ $3^1/_2$ раза, а новгородскій въ 7 разъ дороже теперешняго, да по значенію драгоцѣнныхъ металловъ, тотъ и другой рубль были, хоть вдвое, дороже нашего рубля. Посему, переводя мѣру XVI в. на нашу мѣру, а цѣну хлѣба на наши деньги, получимъ, что въ 1544 г., четверть, стоившая 56 денегъ новгор., платилась бы на наши деньги 784 к., или около 8 р. с. 1561 г., четверть, оцѣненная во 128 денегъ новгор., стоила бы у насъ 1792, или около 18 р. с.; 1570 г., четверть стоила 480 московскими деньгами, а въ XIX в., 3360 коп.; 1590 г., та же четверть платилась на новгор. деньги 160, а на наши 22 р. 40 к. [1]).

Послѣ этого понятны цѣны, состоявшіяся на хлѣбъ, въ знаменитый голодъ 1601 и 1602 годовъ, когда четверть малая, старая, по нашему, осьмина стоила 2 и 3, а настоящая 4 и 6 р. московскихъ, или 28 и 42 р. с. нынѣшней стоимости [2]). Безъ сомнѣнія, страшно дорого; но за десять лѣтъ предъ тѣмъ четверть стоила 22 р. 40 к., и не далѣе, какъ за 30 лѣтъ, она обходилась въ 33 р. 60 к. Слѣдовательно событіе 1601 и 1602 не могло составить явленія неслыханнаго въ московскомъ царствѣ. Отъ чего же 1601 и 1602 голодные годы одни получили такую страшную извѣстность? Думаю, потому, что ихъ событія совершались передъ глазами иноземцевъ, весьма искусныхъ въ разсказѣ, и особенно потому, что эти событія имѣли связь съ политическимъ состояніемъ московскаго царства. Кажется, современники ловко воспользовались, каждый для своей политической цѣли, событіемъ внѣшней природы. Царь Борисъ отворилъ царскія житницы, въ Москвѣ и городахъ, для прокормленія голодныхъ бѣдняковъ; повелѣлъ духовенству и боярамъ вывозить хлѣбъ на продажу, и продавать его по дешевой цѣнѣ; открылъ самую казну царскую, для того, чтобъ каждому бѣд-

[1]) 1544 г., четверть—56 денегъ; 56х2=112 к.; 112х7=7,84 коп.— 1570 г., четверть —480х2=960х$3^1/_2$= 3360. — 1590 г., четверетка — 20 денегъ Новгор., четверть 160х7 = 1120; да 1120х3= 22 р. 40 коп. Вотъ мой способъ перевода.

[2]) Карамз. XI, примѣч. 165.

няку выдавать ежедневно по московской деньгѣ; скупилъ, гдѣ могъ, на свои государскія деньги наличный хлѣбъ, продавалъ и даромъ раздавалъ бѣднымъ; наконецъ предпринялъ общественныя постройки, для доставленія бѣднымъ работы и пропитанія. Но не дремали и враги Бориса, обвиняя его предъ тѣмъ же народомъ, который испытывалъ теплоту царскаго великодушія, то въ несправедливости, съ которою Борисъ, для прокормленія нищихъ, дѣлалъ нищими многихъ богатыхъ, а между тѣмъ, по гордости, не хотѣлъ покупать хлѣбъ у иноземцевъ; то въ насиліяхъ противъ богатыхъ, и даже въ участіи въ разбояхъ, при содѣйствіи своихъ холопей; то въ выдачѣ ржи, вмѣсто пшеницы, въ храмы Божіи, для принесенія безкровной жертвы, и притомъ ржи худой, гнилой. Такъ что самъ Карамзинъ, увлекаясь взглядомъ на это дѣло современника, Аврамія Палицина, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями!* И какъ же иначе истолковать слова лѣтописца, который преимущественно служитъ источникомъ для исторіи этой эпохи? «Царь Борисъ, по Аврамію, многу милостыню творяще, не помяну слово се: иже отъ лихоиманія и отъ неправды творяй милостыню, подобится зарѣзавшему сына у отца, и кровь его принося въ златой чашѣ, да піетъ отъ нея ко здравію си [1].» При такомъ разладѣ намѣреній, мнѣній и цѣлей въ русскомъ царствѣ, успѣхъ не могъ увѣнчать усилій великодушнаго царя, и голодъ дѣлалъ свое страшное дѣло. Не станемъ описывать событій, которыхъ картина вездѣ и всегда одинакова, но прибавимъ, что годы 1601 и 1602, не только не существенно разнятся отъ годовъ близкихъ къ нимъ предшествовавшихъ, но и отъ весьма близкихъ послѣдующихъ XVII в., хотя лѣтописецъ, при изложеніи послѣднихъ, опять видимо измѣняетъ свой взглядъ на дѣло.

Были голода въ 1605 г., когда въ Москвѣ хлѣбъ вошелъ въ 9 р. тогдашнихъ за четверть [2]), и въ 1608 г., когда хлѣбъ въ Москвѣ осажденной Литвою, стоилъ по 7 р. четверть [3]).

[1]) Карамз. XI, прим. 180.

[2]) Псков. I, 322.

[3]) Карамз. XII, 146, н. прим. 358.

Послѣдній случай разсказанъ у Палицина слѣдующимъ образомъ: «купцы московскіи, во единъ совѣтъ совокупльшеся, и повсюду отъ имѣній своихъ дающе на закупъ, еже бы имъ и у прочихъ градовъ и селъ всяко жито иззакупити, и сія собирающе, не скоро продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цѣна, и сугубо десятерицею прикупъ хотяще воспріяти, и немощніи имѣніемъ всяко до конца оскудѣша, отвнѣже мечу яростну зѣльнѣ належащу, и всяко убо богатство къ житопродавцемъ преходитъ; убозіи же отъ глада злѣ мучимы скончавахуся. Сицевая убо зря, Царь Василій стѣсняется болѣзненно сердцемъ, и повелѣваетъ житопродавцемъ во едину цѣну продавати и покупати, но никако о семъ небрегоша житопродавцы. Державный же не единою покусися градскимъ закономъ смирити ихъ; сегоже ради елика убо въ прочихъ градѣхъ и селѣхъ закупленая ими, сташа не движима, и къ царствующему граду непреходима. Царь же и отъ прочихъ градовъ мнѣвъ искоренити сихъ умыслъ, но никакоже возможе, паче же на горшая обратишася. Созвану бывшу народу всякаго чина въ домъ Матери Слова Божія, и сихъ Святѣйшій Патріархъ Іермогенъ много поучая, дабы въ любовь и въ соединеніе тѣхъ привести, и на милосердіе превратити; потомъ же и Царь молитъ всѣхъ, отъ вельможи и до простыхъ людей, чтобы на купилищи всенародномъ продавали всякое жито въ едину цѣну и не возвышали бы цѣны, и сильные имѣніемъ не закупали бы на много время, и не оскудѣвали бы маломощныхъ. Они же, въ храмину немилосердія вскочше и двери жестокосердія закрѣпльше, уныніемъ лицемѣрнымъ отвѣщаху: ни, Царю праведный; ни, Владыко Святый! Вси не имамы чрезъ потребу, но токмо на мало время.» И такъ страданія народа обратили вниманіе царя Василія Ивановича на вопросъ о продовольствіи, и для этого онъ убѣждаетъ предполагаемыхъ владѣльцевъ хлѣба продавать его по дешевой цѣнѣ. При безуспѣшности увѣщанія, онъ не одинъ разъ старается дѣйствовать градскимъ закономъ, т. е. принужденіемъ; но хлѣба не везутъ въ Москву, потому что всѣ пути къ столицѣ заняты непріятелемъ, а въ Москвѣ давно уже чувствуется въ немъ недостатокъ. Слѣдовательно царь Василій дѣйствуетъ,

какъ и Царь Борисъ; но здѣсь лѣтописецъ взялъ сторону Василія Ивановича и находитъ виноватыми хлѣбныхъ торговцевъ, житопродавцевъ. Съ своей стороны, народъ, по данному уже примѣру, ждетъ спасенія отъ одного царя, и, обвинивъ въ своемъ страданіи Бориса, за его нечестіе, теперь винитъ Василія — за его несчастіе, говоря: «сіи убо гладъ и мечь, царева ради несчастія» [1]), или крича: «хлѣба, хлѣба! Иначе, да здравствуетъ Тушинскій!» Но какъ не основательны обвиненія народа противъ царя, такъ невѣрны обвиненія лѣтописца противъ житопродавцевъ. Доказательство тому въ нашихъ лѣтописяхъ за всѣ истекшія столѣтія, гдѣ постоянно обозначаются истинныя причины недостатка, и при всемъ расположеніи народа винить того, или другаго, въ подобныхъ случаяхъ, только одинъ разъ, въ году 1409 [2]), встрѣчаемъ выраженіе, что народъ умиралъ съ голоду, *а торговцы разбогатѣли* Доказательство тому въ послѣдующихъ событіяхъ XVII столѣтія, въ которомъ, за исключеніемъ мѣръ царя Василія Ивановича, правительство почти ничего не предпринимаетъ противъ житопродавцевъ, да и народъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, только по запросу правительства, только слегка упоминаетъ о скупщикахъ и кулатчикахъ.

Этимъ небольшимъ отступленіемъ кончаемъ мы наше историческое изслѣдованіе о неурожаяхъ и голодахъ, бывшихъ въ древней Россіи. Намъ остается въ заключеніе выставить общіе выводы изъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ Россіи съ XI до XVII в., особенно относительно сильныхъ голодовъ и средствъ, которыя были принимаемы противъ неурожаевъ во все теченіе названныхъ столѣтій.

Обращаясь къ голодамъ, мы укажемъ, словами лѣтописи, на самые жестокіе по силѣ дѣйствія и пространству. Сюда принадлежатъ: голодъ 1024, который былъ частнымъ, но доходилъ до того, что рѣзали женщинъ и старую прислугу.

1070, также частный, но доходившій до убійства родныхъ.

[1]) Карамз. XII, прим. 348.

[2]) Никон. Лѣтоп. V, 26. Заимствую цитатъ изъ статьи С. М. Соловьева, о физич. бѣдств. Рос. въ Моск. Вѣд. № 59,—г. 1853.

1092, *во многихъ областяхъ*, общій, со всѣми ужасами голодной смерти.

1128, страшная голодная смерть *повсюду*.

1215, ужасная смертность въ Новгородѣ.

1230 и 1231, страшная голодная смерть *повсюду*.

1279, *голодъ бысть во многихъ областяхъ*.

1309, *гладъ крѣпокъ по земли русской*.

1332, *дороговь и гладъ хлѣбный и скудота всякаго жита*.

1422, общій неурожай и голодъ.

1442, общій десятилѣтній неурожай и голодъ.

1512, общій неурожай; 1553, *люди помроша*.

1557, *бысть гладъ по всей землѣ и люди помроша*.

1570, *гладъ во всю русскую землю и много людей помроша*.

1601 и 1602, ужасный голодъ и моръ.

Выставимъ наконецъ общіе итоги голодовъ, по столѣтіямъ, не считая XI, какъ не полнаго. Вѣкъ XII имѣетъ ихъ 8.

—	XIII	—	— 8.
—	XIV	—	— 7.
—	XV	—	— 8 и
—	XVI	—	— 8.

Слѣд., какъ и прежде замѣчено, неурожаевъ въ Россіи приходится почти по 8 случаевъ на столѣтіе, и повторяются они почти чрезъ каждые 13 лѣтъ. Народъ переносилъ все это терпѣливо, но не страдательно, и, въ самыя болѣзненныя эпохи, сохранялъ энергію и противодѣйствовалъ злу, сколько могъ. Вотъ его средства противъ голодовъ.

Для сравненія и соображенія, припомнимъ сказанное нами, въ этомъ отношеніи, о вѣкахъ древнихъ и среднихъ, и дополнимъ извѣстіемъ о законѣ Нѣмец. Имперіи и характерными распоряженіями Франція въ XVI и XVII ст. По Деламару, въ Имперіи, съ Карла V, господствовалъ законъ, по которому «лишались имуществъ и защиты законовъ всѣ, заключавшіе такъ называемые договоры о хлѣбной монополіи, — eorum bona confiscantur; illis nulla uspiam securitas cavetur [1]). Извѣстно такъ же, что во Франціи XVII вѣка боязнь за продовольствіе заставляла издавать множество постановленій,

[1]) Traité, II, 302.

«гибельныхъ для земледѣлія;» «запрещенъ былъ вывозъ хлѣба изъ провинціи въ другую; сбывать хлѣбъ можно было только на ближайшемъ къ производителю рынкѣ; кромѣ того ни земледѣлецъ, ни землевладѣлецъ не могли заниматься хлѣбной торговлею. Снабженіе хлѣбомъ большихъ городовъ было предоставлено особымъ купеческимъ компаніямъ. Малѣйшее опасеніе за неурожай подвергало опасности жизнь хлѣбныхъ торговцовъ, со стороны народонаселенія. Полицейскія мѣры напр. розыски большихъ запасовъ, узаконяя подозрительность народа, еще болѣе распаляли дикую ярость черни.» [1])— Нашъ народъ, какъ въ годину всякаго общественнаго несчастія, на случай недорода, прежде всего обращался къ Богу съ молитвой; но здѣсь молился онъ не во время лишь дѣйствія голода, или явленій, производившихъ недородъ, а постоянно, вседневно, почти всечасно. Такое значеніе имѣло для него прошеніе у Бога насущнаго хлѣба, при чтеніи Молитвы Господней; такой смыслъ находилъ онъ въ испрошеніи у Бога благорастворенія воздуха, умноженія плодовъ земныхъ, и въ другихъ подобныхъ молитвахъ. Съ половины XVII в., встрѣчаемъ въ Россіи общія распоряженія о всенародномъ, единовременномъ молитвословіи, которое установляется, при неурожаѣ, или явленіяхъ, грозящихъ голодомъ и моромъ.

Съ другой стороны, для предупрежденія голода, народъ прибѣгалъ къ труду, усиліямъ и соображеніямъ, которыхъ требовало развитіе земледѣлія, и которыя имѣли цѣлію умноженіе посѣвовъ и разнообразіе плодовъ земныхъ. Увеличиваясь въ своемъ числѣ, и возрастая въ опытности и средствахъ, русскій народъ все болѣе и болѣе завоевывалъ земли у болотъ и лѣсовъ, и обращалъ ее въ луга, пашни, огороды. Далѣе, желая обезопасить себя отъ вреднаго вліянія стихій, и, такъ сказать, обмануть ихъ, онъ довѣрялъ землѣ сѣмена все болѣе и болѣе разнообразныя. Начавши разведеніемъ овса, для добыванія толокна, онъ перешелъ къ разведенію ржи, потомъ ячменя, полбы; далѣе къ посѣву пшеницы въ

[1]) С. Муравьева, Тюрго; стр. 9, 10; такъ же Traité, De la Mare, II, 335 и слѣд.

поляхъ, и разведенію разныхъ овощей въ огородахъ, въ надеждѣ, если не все спасти, то, по крайней мѣрѣ, не все потерять. [1])

Третье средство обезпеченія своей жизни находилъ русскій народъ въ куплѣ и подвозѣ хлѣба, и вообще въ торговлѣ хлѣбомъ. Кажется, что самое появленіе волхвовъ въ XI вѣкѣ, съ выраженіемъ: *знаемъ, кто гобино держитъ*, намекаетъ на хлѣбную торговлю. Что́ хлѣба не родилось новаго, это знаетъ самъ народъ, безъ помощи кудесниковъ; но почему нѣтъ въ продажѣ стараго запасу, вотъ чего онъ доискивается. И волхвы только подсказываютъ нелѣпый отвѣтъ на разумный вопросъ народа. Но и положительное свидѣтельство о знакомствѣ древнѣйшей Руси съ хлѣбною торговлею встрѣчаемъ мы въ походѣ Суздальцевъ за хлѣбомъ въ Болгарію 1024,— въ стараніи Новгородцевъ сохранить свободное сообщеніе съ областями, не пораженными недородомъ, въ разные годы XII и XIII столѣтій, и особенно въ подвозѣ хлѣба въ Новгородъ изъ-за моря Нѣмцами, 1231. Равномѣрно разсказъ лѣтописи объ отправленіи хлѣба изъ Руси къ Ятвягамъ, 1279 года, и отмѣтка лѣтописца, что хлѣбные торговцы разбогатѣли, по случаю событій 1409 года, или, что дорогъ былъ хлѣбъ по городамъ, а по селамъ купить было недостать, какъ въ 1590 году, не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что торговля хлѣбомъ была однимъ изъ общеизвѣстныхъ средствъ обезпеченія народнаго продовольствія въ древнѣйшей Россіи. Наконецъ наше положеніе доказывается извѣстіями о 1442 годѣ, когда на Псковъ сдѣлано было, по выраженію лѣтописца, *многое нахожденіе всей Россіи*, такъ что Псковитяне, для обезпеченія собственнаго продовольствія, должны были установить законъ, воспрещающій вывозъ ихъ хлѣба за рубежъ. Не говоримъ о позднѣйшихъ явленіяхъ, какъ обще-извѣстныхъ.

Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія своего продовольствія, русскій народъ зналъ еще средство, и самое дѣйствительное и самое важное—запасы. Сначала, естественно, эти запасы на случай неурожая были частные, домашніе, которые вну-

[1]) См. выше, замѣч. объ XII в., стр. 463.

шаются собственнымъ благоразумiемъ каждаго отдѣльнаго хозяина. Но впослѣдствiи, мало по малу, запасы становятся дѣломъ общественнымъ. Такими они дѣлаются въ анбарахъ торгующаго класса, который разсчитываетъ на общую нужду и общественную потребность. Такими являются запасы въ большихъ хозяйствахъ, напр. въ житницахъ монастырей, и особенно въ житницахъ богатыхъ общинъ, напр. городовъ. О величинѣ запасовъ монастырскихъ можно судить по извѣстiю, сохраненному о томъ въ лѣтописи, подъ 1543 г. Здѣсь сказано, что, по случаю пожара, въ одномъ новгородскомъ монастырѣ, сгорѣло 2 житницы, и въ нихъ 300 коробей, или 600 четвертей хлѣба [1]). Огромность монастырскихъ запасовъ доказывается также событiями 1609 г., когда подвозъ хлѣба въ Москву изъ житницъ Сергiева монастыря заставилъ понизиться цѣну хлѣба отъ 7 до 2-хъ руб. [2]). О городскихъ запасахъ можно имѣть понятiе по тому количеству хлѣба, которое *отъ прежнихъ лѣтъ* хранилось на Крому во Псковѣ, и котораго въ 1442 году достало на прокормленiе огромнаго количества лицъ, пришедшихъ въ Псковъ изъ разныхъ странъ Руси, искать пропитанiя. Въ послѣдствiи времени въ помощь къ этимъ запасамъ частнымъ, къ этимъ житницамъ монастырей и городовъ, или общинъ, присоединяются въ древней Россiи житницы и запасы царскiе, объ огромности которыхъ можно судить по великости добра, оказаннаго ими въ 1601 и 1602 годахъ всѣмъ жителямъ всей Россiи.

И такъ молитвы къ Богу и собственная дѣятельность частныхъ лицъ, съ ихъ предусмотрительностiю, содѣйствiе общины, и, при дальнѣйшей нуждѣ, помощь отъ казны, служили въ древнѣйшей Россiи главными средствами обезпеченiя народнаго продовольствiя. Съ половины XVII вѣка, вопросъ о сохраненiи народа отъ голода дѣлается вопросомъ общегосударственнымъ, и переносится изъ сферы частнаго благоразумiя и общиннаго попеченiя въ сферу законодательной дѣятельности, чѣмъ самимъ совершается въ этомъ вопросѣ

[1]) Новгор. II, 150.

[2]) Ист. Гос. Рос. XII, примѣч. 360.

важная, существенная перемѣна. Тѣ же средства обезпеченія продовольствія получаютъ новую силу отъ новой формы, да сверхъ того подкрѣпляются въ своемъ дѣйствія особыми новыми мѣрами.

Съ половины XVII вѣка, духовныя власти, по случаю неурожаевъ, узаконяютъ всенародныя, общественныя молитвы, всенародные, общіе посты, и дни покаянія на всемъ пространствѣ дѣйствія своей власти. Вся Россія одновременно узнаётъ о тяжкой судьбинѣ, постигшей тотъ, или другой край ея; всѣ русскіе призываются церковію къ состраданію и молитвѣ за своихъ страждущихъ братій; и житопродавцы, и скупщики и кулатчики, которые рѣшилисьбы разсчитывать на непомѣрные барыши съ цѣны хлѣба, должны были найдти строгое осужденіе, какъ передъ своею совѣстію, такъ и передъ лицомъ церкви и народа. И такъ, не говоря уже вообще о религіозномъ значеніи молитвы, распоряженія нашихъ патріарховъ о всенародномъ покаяніи, постѣ и общественныхъ молитвахъ, должны были и въ вещественномъ отношеніи имѣть благотворное вліяніе на быть народа. Эти распоряженія производились въ формѣ окружныхъ грамотъ къ духовенству, подобныхъ грамотѣ патріарха Іосифа, 21 авг. 1643 года, въ которой онъ предписываетъ совершать молебствія во всѣхъ церквахъ Россіи, *съ испрошеніемъ у Бога милосердія къ людямъ*, *по случаю тому*, что *земля*, *въ подобное время, плода не подаде, занеже не бысть дождя* [1]).

Что касается до свѣтскихъ мѣръ, которыя принимаются правительствомъ со второй половины XVII вѣка, на пользу народнаго продовольствія, то онѣ весьма разнообразны, и требуютъ, для своего изложенія, особаго порядка. Ибо однѣ изъ нихъ суть общіе законы, имѣвшіе цѣлію содѣйствовать развитію хлѣбопашества, устроенію звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, для усиленія средствъ продовольствія, вообще законы, о которыхъ мы уже говорили въ ученіи о древней сельской промышленности въ Россіи. Другія мѣры суть непосредственныя, прямыя узаконенія о нашемъ вопросѣ—о

[1]) Акт. Эк. III, № 322. См. такъ же грамоты 1648, авг., Акт. Эк. IV, № 30, и 1650, нояб. 8, Акт. Эксп. IV, № 47; и другія.

народномъ продовольствіи. Эти непосредственныя мѣры, съ своей стороны, распадаются сначала на мѣры обезпеченія продовольствія въ Россіи собственно и потомъ въ Сибири; русскія состоятъ въ средствахъ обезпеченія продовольствія для лицъ не-свободныхъ и въ средствахъ обезпеченія продовольствія классовъ свободныхъ; эти послѣднія раздѣляются также на два рода: 1) на средства обезпеченія продовольствія бѣдныхъ людей, и 2) на мѣры къ обезпеченію жизни, на случай голода, остальнаго народонаселенія въ Россіи. Вотъ порядокъ, котораго, естественно, мы должны держаться, при изложеніи нашего вопроса, по законамъ второй половины XVII в.

1) *Обезпеченіе продовольствія въ Россіи для лицъ несвободныхъ.* Вопросъ о продовольствіи несвободныхъ, холопей и рабовъ, уже возбужденъ, бояр. приговоромъ 1606, февр. 1 [1]), и рѣшенъ въ Уложеніи, которое 41 и 42 ст. своей XX гл. дѣлаетъ слѣдующія распоряженія: «если бояринъ сгонитъ со двора своего холопа, не желая кормить его, въ дорогое и голодное время; то обязуется дать ему отпускную; въ противномъ же случаѣ, судъ—Холопій Приказъ, уполномочивается, по жалобѣ холопа, дать ему свободу противъ воли хозяина. Жалобы холопей, въ этомъ случаѣ, по Уложенію, должны быть принимаемы со всѣмъ снисхожденіемъ, такъ что, если бы даже оказалось, что холопъ жалуется на боярина несправедливо,— Приказъ, возвращая его господину, наказываетъ, чтобы послѣдній «*не мстилъ своему виновному холопу.*» Эти распоряженія Уложенія подтверждены впослѣдствіи отдѣльными указами, каковъ напр. указъ 1663, авг. 13, которымъ «Государь повелѣваетъ кликать биричамъ по рынкамъ и торгамъ, что, если бояре откажутся кормить своихъ холопей въ голодное время, то они лишатся холопей, которые получатъ свободу» [2]).

2) *Обезпеченіе продовольствія для свободныхъ, но бѣдныхъ классовъ.* Образцомъ распоряженій на пользу этихъ классовъ можетъ послужить указъ 1662, апр. 8 [3]), которымъ Государь по-

1) Ак. Эксп. II, № 40.
2) Истор. Акт. II, № 44.
3) Акт. Экспед. IV, № 133.

велѣваетъ: «для кормленія служилыхъ и всякихъ скудныхъ людей, въ неурожайное время, а) чтобы митрополиты и власти, дворяне и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынки для продажи свои хлѣбные запасы; б) чтобы мѣстныя начальства собирали казною, т. е. на счетъ казны, хлѣбъ въ житницы, продавали его *по указной цѣнѣ, по разсмотрѣнію*, т. е. истинно бѣднымъ; и в) кому и за тѣмъ *купить хлѣба будетъ нечѣмъ*, тѣмъ бы раздавали хлѣбъ въ долгъ, съ поруками, «*чтобъ Божіимъ и нашимъ людемъ отъ хлѣбныя дорогови гладомъ не померетъ*.

3) *Обезпеченіе продовольствія для жителей Сибири*. Оно состояло въ заведеніи, на Верхотурьѣ, особенныхъ житницъ, съ запаснымъ хлѣбомъ, который оттуда шелъ исключительно въ сибирскіе города; и въ формальномъ воспрещеніи покупать хлѣбъ на Верхотурьѣ, какъ для отвоза въ Россію, такъ и вообще, большими статьями, для перепродажи, по указамъ 1645, окт. 23 [1]), и 1682, дек. 13 [2]).

4) *Общія мѣры обезпеченія продовольствія для всего народа*. До сихъ поръ правительство, принимая мѣры обезпеченія продовольствія, въ описанныхъ нами, частныхъ случаяхъ, дѣйствовало совершенно свободно, опираясь или на свое право верховнаго надзора за отношеніемъ холопей и господъ, или на свою святую обязанность пещися о судьбѣ нищихъ и бѣдныхъ, или на особенность положенія края, какимъ была Сибирь въ то время. Но, при вопросѣ о мѣрахъ обезпеченія продовольствія для всего народа,—о мѣрахъ, которыя могутъ или превышать средства самаго правительства, или приходить въ столкновеніе съ выгодами и правами цѣлыхъ классовъ населенія,—при такомъ вопросѣ, правительство приступаетъ къ дѣлу со всевозможною осмотрительностію и осторожностію, тѣмъ болѣе, что исторія правительственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго продовольствія, при Годуновѣ и Шуйскомъ, въ началѣ XVII вѣка, не могла возбуждать къ подражанію правительство половины этого столѣтія, доказывая, что результаты вмѣшательства могли иногда вовсе не

1) Истор. Акт. IV, № 4.
2) Тамъ же. V, № 103.

соотвѣтствовать цѣли. И Царь Алексѣй Михайловичъ, въ 1660 г., начинаетъ съ того, что уясняетъ для себя вопросъ, повелѣвая боярамъ поговорить съ торговымъ классомъ народа о томъ: «отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городѣхъ, противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна,—отъ чего всякое съѣстное и скотъ, противъ прежняго, многимъ учало быть дороже? Отъ того ли, что на Москвѣ и въ городѣхъ хлѣбу и всякому съѣстному и скоту многіе закупщики, или отъ того, что кружечные дворы потребляютъ много хлѣба на винокуреніе? И, если изволитъ Государь винную продажу отставить, отъ того хлѣбъ дешевле будетъ ли? Чтобъ Великому Государю торговые люди радѣнье свое показали, и сказали правду». И вотъ отвѣты, полученные правительствомъ, 1660, окт. 17. [1]) Отвѣты могли не разрѣшить вопроса и не указать всѣхъ причинъ; но — это могло быть на первый разъ; повторяясь, вопросы стали бы вызывать удовлетворительные отвѣты [2]).

Первые отвѣчали *гости и торговые люди гостинной и суконной сотни*, говоря, что возвышеніе цѣны на хлѣбъ происходитъ *отъ недородовъ*, отъ *многаго виннаго куренія*, и *отъ многихъ закупщиковъ и кулащиковъ и вязщиковъ*. И они полагаютъ, что хлѣбъ будетъ дешевле, 1) если В. Государь укажетъ свой Государевъ милостивый указъ учинить, и кружечные дворы отставить, а вино замѣнить пивомъ; 2) если Государь повелитъ выдавать по прежнему стрѣльцамъ ихъ хлѣбное жалованье хлѣбомъ, чтобы они и жены ихъ не увеличивали собою числа покупателей хлѣба; 3) если Государь запретитъ закупщикамъ и кулатчикамъ являться на рынки, гдѣ продается хлѣбъ и все съѣстное, раньше 6 часа дня, т. е. раньше полудня и того времени, когда хлѣбъ и харчи закупаются жителями города про домашній обиходъ; и 4) если крестьяне сами станутъ возить хлѣбъ и съѣстное въ

[1]) Пол. С. З. № 286.

[2]) Обыкновенно говорятъ про этотъ случай, что не обратили вниманія на денежную систему; но не обратили вниманія всѣ, не обратило вниманія и правительство; дѣло въ томъ, что народъ впослѣдствіи скорѣе доискался бы причины.

города, для продажи, безъ посредства закупщиковъ и барышниковъ.

Послѣ гостей, отвѣчали *сотскіе и старшины черныхъ сотенъ и слободъ, и торговые тяглые люди тѣхъ сотенъ и слободъ, лучшіе, середніе и молодшіе*, говоря, «что причины дороговизны заключаются частію въ бывшихъ моровыхъ повѣтріяхъ и войнахъ, истребившихъ много народа; частію въ скупщикахъ и кулатчикахъ. Что до винокуренія, они не знаютъ, будетъ ли хлѣбъ дешевле, если отставить винокуреніе, потому что *хлѣбъ въ Божіей волѣ*; и пусть будетъ, какъ *Великому Государю Богъ извѣститъ*». Происшедшее по этому послѣднему вопросу преніе между гостями и черными торговыми людьми окончилось въ пользу мнѣнія гостей.

Что до скупщиковъ, Государь повелѣлъ тутъ же назвать ихъ; и обѣ стороны назвали *Якова Шустова и Михаила Бечевина*, прибавивъ, что о скупщикахъ *подлинно вѣдаетъ Помѣрная Изба и Голова* этого присутственнаго мѣста. Послѣ сего черныхъ сотенъ и слободъ торговые люди били челомъ Великому Государю, чтобъ у скупщиковъ хлѣбъ окупить казною, поднять на Москву и продавать бѣднымъ, указною цѣною. Съ другой стороны, они же били челомъ Государю, чтобъ онъ не велѣлъ скупщикамъ закупать *по городамъ многія рыбы изъ насадовъ, за очи*, отъ чего рыба дѣлается безмѣрно дорогою. *А про иныя статьи, что гости сказали, и ихъ де тѣ же рѣчи*.

Изъ этихъ показаній видно, что народъ въ XVII в. не считалъ нужнымъ принимать особыя мѣры противъ неурожая, противъ естественной дороговизны хлѣба, вѣря, что хлѣбъ *въ Божіей волѣ*, и зависитъ въ своемъ количествѣ, частію отъ труда, частію отъ благоразумнаго употребленія запасовъ. И, при вопросѣ правительства о дороговизнѣ, народъ обращаетъ вниманіе исключительно на искусственную дороговизну, которая является на рынкахъ, по городамъ, и происходитъ отъ разнообразныхъ сдѣлокъ скупщиковъ и кулатчиковъ, вообще монополистовъ. Въ этомъ отношеніи, самое сильное и самое вѣрное средство обезпеченія продовольствія состоитъ въ *свободѣ* хлѣбной торговли, но свободѣ, принимаемой въ особенномъ значеніи. Понятно, что чѣмъ

болѣе торговцевъ и участниковъ въ продажѣ товара, тѣмъ менѣе цѣна товара можетъ быть произвольною; а это число продавцевъ можетъ быть и больше и меньше, по его отношенію къ числу покупщиковъ. Но такъ какъ всѣ нуждаются въ хлѣбѣ, всѣ его потребляютъ, и, стало быть, всѣ бываютъ его покупщиками, въ этомъ смыслѣ: то и торговать имъ должны всѣ, и хлѣбная торговля должна быть для всѣхъ открыта, ни для кого не должна быть недоступна, или затруднена, и, въ этомъ обширномъ значеніи, должна быть свободна. Торговля хлѣбомъ есть торговля однимъ изъ первыхъ условій человѣческой жизни, и существенно отличается отъ торговли собственно товарной, юфтью, или шерстью. Русское законодательство издревле признаетъ различіе между торговлею хлѣбомъ и другими статьями, и, допуская свободу торговли вообще, издревле усвояетъ хлѣбной торговлѣ особенную свободу, [1]) которая, съ Уложенія до Свода, опредѣляется слѣдующими одинаковыми чертами. По 17 ст. XIX главы Уложенія, узаконено: «чьи крестьяне учнутъ къ Москвѣ и въ городы пріѣзжати, со всякими товарами, и имъ тѣ товары продавати по вольнымъ цѣнамъ». Здѣсь, естественно, подъ крестьянскими товарами разумѣются произведенія земли и плоды сельскаго хозяйства, слѣд., этою статьею дается крестьянамъ право продажи всего, что̀ они производятъ, и хлѣба, и сѣна, и овощей и топлива. И по этимъ товарамъ крестьяне имѣютъ право участвовать въ торговлѣ и считать себя купцами. Понятно, что это право раздѣляютъ съ крестьянами землевладѣльцы и вотчинники, монастыри и церкви, митрополиты и власти. Сверхъ того не лишаются этого права посадскіе и мѣщане, черныхъ сотенъ торговые люди, а наконецъ и гости. Слѣд. торговля хлѣбомъ не есть принадлежность того или другаго класса, той или другой мѣстности, города или посада, а достояніе всего народа, во всемъ его составѣ. Такою хлѣбная торговля яв-

[1]) Орѣшковск. тамож. Грамота, 1563, янв. 1, Допол. къ Ист Ак. I, № 116: освобождаетъ отъ пошлинъ того, кто что покупаетъ для себя, а не для торговли, равномѣрно торговлю съѣстнымъ; тамги съ хлѣба не имати; стр. 166.

ляется у насъ съ древнѣйшихъ временъ; въ такомъ видѣ узаконяетъ ее Уложеніе; въ такомъ смыслѣ искони принимаетъ ее народъ русскій; и въ такомъ значеніи Сводъ Законовъ называетъ, въ наше время, хлѣбную торговлю свободною.

Отсюда выводимъ мы оправданіе тѣхъ желаній, которыя выражены въ челобитьѣ торговыхъ людей Москвы 1660, окт. 17, и законность тѣхъ мѣръ, которыя предположены, въ это время, для противодѣйствія скопленію хлѣбной торговли въ однѣхъ рукахъ. Отсюда же вытекаетъ справедливость распоряженій, сдѣланныхъ правительствомъ съ 1660 года относительно хлѣбной торговли. Оно предписало: 1) указомъ 1660, окт. 15, чтобы крестьяне сами возили хлѣбъ и все съѣстное къ Москвѣ и въ города, и чтобы купцы не закупали хлѣба по деревнямъ, для отвозу [1]; 2) указомъ того же года окт. 16, чтобы крестьяне весь запасъ свой, за исключеніемъ необходимаго, обмолачивали и вывозили на рынки, для продажи, подъ опасеніемъ уничтоженія хлѣба въ скирдахъ [2]. 3) Правительство повелѣло, указомъ 1661, нояб. 4, изо всѣхъ мѣстъ понизовыхъ и украйныхъ везти хлѣбъ и соль въ Москву, и продавать ихъ *мѣрною цѣною*, оставляя *немѣрные прибытки*, подъ страхомъ *опалы* и *торговой казни, безъ пощады* [3]. Оно же воспретило указами 1681 и 1693, «московскимъ людямъ всякаго чина, и скупщикамъ и кулатчикамъ и складчикамъ у пріѣзжихъ людей, сложась, скупать мяса и рыбы и сѣно и золу и дрова и хлѣбъ и всякіе товары большими статьями, для своихъ прибылей и прихотей, подъ страхомъ жестокаго наказанія и вѣчнаго раззоренія» [4]. Наконецъ, съ этою же цѣлію, русскій законъ до сихъ поръ строго преслѣдуетъ вмѣшательство торгующаго класса, до извѣстнаго часа дня, въ рыночную продажу, и всѣ сдѣлки этого класса съ крестьянами до пріѣзда ихъ на рынокъ.

1) П. С. З. № 284.
2) П. С. З. № 287.
3) Акт. Эксп. IV, № 126.
4) П. С З. №№ 874 и 1480.

Вотъ характеръ законовъ о продовольствіи въ Россіи до Императора Петра В. Здѣсь можно бы окончить наше изложеніе; но, для болѣе точной оцѣнки всего изложеннаго, мы находимъ полезнымъ сравнить, хоть въ самыхъ крупныхъ чертахъ, данныя нашей древней исторіи съ данными новой. Уже съ первыхъ годовъ XVIII вѣка чувствуется перемѣна системы въ нашемъ вопросѣ. Съ начала XVIII вѣка, указы о продовольствіи издаются несравненно чаще прежняго, а, съ 1740 годовъ, выходитъ ихъ по нѣскольку въ каждый годъ, непрерывно. Главное содержаніе и существенныя распоряженія этихъ указовъ довольно постоянны, съ Петра В. до 1765, когда вопросъ о запасахъ сельскихъ, *повсюдныхъ*, сохраненныхъ въ русскомъ хозяйствѣ съ древнѣйшихъ временъ, и впервые замѣченныхъ этимъ указомъ, далъ новое направленіе дѣлу, и положилъ основу дѣйствующей системѣ народнаго продовольствія въ Россіи. До этого года руководительными началами законодательства въ дѣлѣ продовольствія служили три указа Императора Петра, —одинъ отъ 1723 февр. 16, другой отъ 1723, февр. 27,—и третій отъ 1724, янв. 20. Характеръ всѣхъ этихъ указовъ—правительственный, слѣд. не древне-русскій; и вотъ ихъ распоряженія и слѣдствія.

Указъ 1723, февр. 16, [1]) гласитъ: «такъ какъ въ неурожайные годы многіе мрутъ отъ голоду, того ради надлежитъ нынѣ имѣтъ *менажъ*, дабы неимущихъ пропитать, и потому въ мѣстахъ, гдѣ окажется голодъ, описать у зажиточныхъ лишній хлѣбъ, и, вычисливъ, сколько нужно имъ самимъ, для домашняго обихода, остальной раздать неимущимъ, въ займы, съ росписками; и они бы отдали въ урожайные годы». На основаніи этого указа, по разнымъ мѣстамъ разсылаются чиновники, для описи наличнаго хлѣба у зажиточныхъ, для составленія списковъ неимущимъ, и для раздачи имъ описаннаго хлѣба. Эта система принята указомъ 1734 года, апрѣля 25 [2]), подтверждена указомъ 1749, марта 17 [3]), усилена указомъ 1750, февр. 9 [4]), который грозитъ наказаніемъ

[1]) П. С. З. № 4168.
[2]) П. С. З. № 6569.
[3]) П. С. З. № 9590.
[4]) П. С. З. № 9709.

за утайку наличнаго хлѣба, при его описи, и указомъ 1754, сент. 23 [1]), написаннымъ въ томъ же духѣ.

По указу 1723, февр. 27 [2]), установляется, «при Конторѣ Камеръ-Коллегіи, особый человѣкъ, который бы всегда мыслилъ и доносилъ Конторѣ о магазейныхъ государственныхъ и о прочихъ (дѣлахъ), какимъ образомъ народъ довольствать во время недорода. Помѣщики и прикащики наблюдать должны, чтобы крестьяне хлѣба сѣяли болѣе», и т. д. По слѣдамъ этого указа, въ 1723 году іюля 23 [3]), и сент. 3 [4]), предписано начальникамъ ближнихъ губерній еженедѣльно, а дальнимъ, ежемѣсячно, рапортовать въ Камеръ-Коллегію объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ, въ Россіи и на рынкахъ западной Европы. Указомъ 1724, янв. 20 [5]), установленъ *Экономіи-Генеральный*, какъ средоточіе, куда стекаются всѣ извѣстія о состояніи средствъ для народнаго продовольствія; указомъ же 1737, апр. 30 [6]), повелѣвается рапорты объ этомъ предметѣ, ежемѣсячно, доставлять въ Кабинетъ Министровъ. Указъ 1760, августа 24 [7]), повелѣваетъ, рапорты по вопросамъ о продовольствіи представлять *Сенату*, а указъ 1783, ноябр. 14 [8]), отсылаетъ ихъ въ *Главную Провіантскую Канцелярію*, которая завѣдывала дѣломъ народнаго продовольствія до учрежденія Министерствъ.

Указъ 1724, янв. 20 [9]), повелѣлъ учредить казенные хлѣбные магазины по городамъ, для противодѣйствія искусственной дороговизнѣ, и сначала положено завести ихъ въ Петербургѣ, Ригѣ, по Днѣпру, Дону, Деснѣ, въ Смоленскѣ и Астрахани. Впослѣдствіи времени, именно съ 1762, авг. 20 [10]),

[1]) П. С. З. № 10299.
[2]) П. С. З. № 4175.
[3]) П. С. З. № 4272.
[4]) П. С. З. № 4293.
[5]) П, С. З. № 4420.
[6]) П. С. З. № 7238.
[7]) П. С. З. № 11,093.
[8]) П. С. З. № 15,877.
[9]) П. С. З. № 4420.
[10]) П. С. З. № 11,649.

эти магазины учреждены по всѣмъ городамъ, для того, говоритъ Императрица Екатерина II, *дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была.* Но это былъ послѣдній изъ указовъ въ Петровскомъ духѣ.

Б. *О болѣзняхъ и мѣрахъ на пользу народнаго здравія.* На вопросъ: что̀ и какъ дѣлалось въ древней Россіи, на пользу народнаго здравія, можно искать отвѣта въ сочиненіи Рихтера: *Исторія Медицины въ Россіи* [1]), или въ статьѣ г. Ханыкова: *Очеркъ исторіи медицинской полиціи въ Россіи* [2]). Но, по Рихтеру, до XVI, по Ханыкову, до половины XV вѣка, не встрѣчается въ Россіи *никакихъ мѣръ* медицинской полиціи. Хаиыковъ при этомъ замѣчаетъ, что мѣры медицинской полиціи *развились* у насъ довольно поздно, и, въ объясненіе такого явленія, повторяетъ, между прочимъ, мнѣніе Рихтера, который приписываетъ отсутствіе, въ древнѣйшей Россіи, медицинской полиціи—*простотѣ жизни тогдашняго народа*, или, что тоже, отсутствію нужды въ ней, отсутствію болѣзней. Очевидно, что это объясненіе слишкомъ широко. Какъ будто русскій народъ могъ жить когда-нибудь такой жизнію, что не нуждался въ медицинѣ, и не зналъ болѣзней. Всякій имѣетъ право сомнѣваться въ справедливости такого объясненія. Нельзя же весь вопросъ о народномъ здравіи основать на одномъ образѣ жизни. Каждый знаетъ, что есть много болѣзней, дѣйствующихъ независимо отъ образа жизни и отъ всей простоты, которую видимъ мы и въ современномъ быту русскаго народа. Да и Рихтеръ и Ханыковъ говорятъ тутъ же, что медицина была извѣстна Русскимъ съ самой глубокой древности. Стало быть, она была и тамъ нужна, къ ней и тогда прибѣгали съ вопросомъ о помощи. Отъ чего же спасала древняго человѣка простота его жизни?

Долго не получала наша медицина ни устройства, ни направленія, *по предписаніямъ правительства.* Но изъ отсут-

[1]) Geschichte der Medicin in Russland, Moscau, 1815—1817, въ трехъ томахъ. Это же сочиненіе издано и на русскомъ языкѣ. Авторъ остановился на началѣ царствованія Екатерины В.

[2]) Я. В. Ханыкова, помѣстившаго эту статью въ Ж. М. Внутр. Дѣлъ 1851. «Очеркъ» доведенъ до нашего времени.

ствія государственныхъ, правительственныхъ мѣръ къ сохраненію народнаго здравія, нельзя заключать къ отсутствію всѣхъ мѣръ возможныхъ въ народѣ. Это-то различеніе мѣръ медицинской полиціи народныхъ отъ правительственныхъ, къ сожалѣнію, ускользнуло отъ вниманія нашихъ достойныхъ предшественниковъ, и было причиною того, что сочиненія Рихтера и Ханыкова мало обратили вниманія на характеръ древнѣйшей русской медицины, никакого на народную медицинскую полицію; и начали исторію медицинской полиціи съ XVI вѣка, преимущественно съ той поры, когда появились въ Москвѣ врачи иноземные. Такимъ образомъ, далѣе, сочиненіе Рихтера дало право Роберту Молю [1]) сказать, что въ русской медицинской полиціи и прежде и теперь все происходитъ по началамъ нѣмецкимъ.

Постараемся, сколько можемъ, дополнить изслѣдованія нашихъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи.

Всѣмъ извѣстны несомнѣнныя свидѣтельства, доказывающія, что медицина была извѣстна Русскимъ въ отдаленнѣйшей древности. Вообще *о врачахъ* упоминается въ церковномъ уставѣ Св. Владиміра, который причисляетъ ихъ къ лицамъ, какъ бы, изъятымъ отъ дѣйствія общихъ законовъ и отъ вліянія свѣтской власти; о *лѣчцѣ* читаемъ во CXXXI статьѣ Русской Правды, по которой врачу присуждается извѣстная *мзда* за леченіе раны [2]); о *врачахъ-монахахъ*, въ отличіе отъ свѣтскихъ, находимъ извѣстія въ житіяхъ святыхъ угодниковъ въ Печерскомъ Патерикѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія, искусство врачеванія, о которомъ говорятъ эти акты, перешло къ намъ, по преимуществу, изъ Византіи, при посредствѣ духовенства, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и въ лицѣ духовныхъ особъ, переселявшихся оттуда въ Русь и распространявшихъ византійскія свѣдѣнія о медицинѣ въ областяхъ Кіева, Новгорода, вмѣстѣ съ другими остатками древней образованности Греціи и Рима. Частію, впрочемъ, къ намъ заходили понятія о врачеваніи болѣзней

[1]) R. Mohl's Polizeywissenschaft, I, 135, нов. издан.
[2]) По изданію г. Калачова.

съ востока, изъ Азіи, какъ справедливо замѣчаетъ Ханыковъ въ своей статьѣ, и какъ должно было случиться вслѣдствіе нашихъ отношеній къ Болгарамъ и всему востоку. Не должно также отрицать, что врачеваніе могло входить въ Русь и съ запада, и что наконецъ въ самой Руси изстари могли быть извѣстны собственные, мѣстные, народные способы врачеванія. Какъ бы то ни было, одно при этомъ несомнѣно, что медицина входила въ Россію двумя существенно различными путями,—христіанскимъ и языческимъ, и что эти два различные источника образовали въ русскомъ народѣ двѣ противоположныя формы врачеванія: одну, болѣе здравую, болѣе разумную, по ученію византійскому, которое приняло въ себя и туземныя здравыя начала и понятія, а другую, болѣе мечтательную, основанную на колдовствѣ, или шарлатанствѣ по восточнымъ, западнымъ, или мѣстнымъ повѣрьямъ и преданіямъ. Конечно, медицинскія свѣдѣнія древнѣйшей Россіи вообще всѣ могли быть и весьма скудны, и весьма неточны и весьма неосновательны; но преимущество должно было принадлежать византійскимъ способамъ врачеванія потому, что они находились въ достойныхъ рукахъ духовенства, и чрезъ то выигрывали довѣренность у народа,—сопровождались участіемъ церкви и молитвами, и оказывали дѣйствіе болѣе обыкновеннаго успѣшное; наконецъ, въ этихъ рукахъ они противодѣйствовали суевѣрнымъ средствамъ восточнымъ и западнымъ, и опаснымъ ожиданіямъ чудесъ отъ ворожей и волхвовъ туземныхъ.

Эта отрицательная польза медицинскихъ свѣдѣній, распространявшихся въ древней Руси посредствомъ духовенства, также ускользнула отъ вниманія названныхъ писателей, которые искали свидѣтельствъ только о положительной дѣятельности медицины въ древнѣйшія времена Руси. Не находя этихъ свидѣтельствъ, почти невозможныхъ, по свойству самаго вопроса, касавшагося судьбы отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, эти писатели покончили чуть не отрицаніемъ всякой медицины въ Россіи до XVI вѣка, и совершеннымъ молчаніемъ о мѣрахъ медицинской полиціи до появленія въ Москвѣ врачей иноземныхъ. Между тѣмъ и эта отрицательная польза древней медицины весьма замѣчательна въ русской

исторіи. Въ древности, византійскія познанія врачеванія могли быть орудіемъ самой вѣры, и помогать какъ нашимъ христіанскимъ князьямъ и намѣстникамъ вести побѣдоносную борьбу съ кудесниками, такъ и народу постигать ничтожность колдовства и ворожбы, преслѣдуемыхъ святителями и учителями вѣры. Онѣ же могли ободрять естественное въ лѣтописцѣ, по его положенію, недовѣріе къ колдовству, и тѣмъ болѣе и болѣе стѣснять кругъ дѣйствія языческихъ повѣрій, въ пространствѣ и во времени, куда только достигала лѣтопись. Не безъ особаго содѣйствія народа волхвы уже въ XI вѣкѣ отодвигаются все далѣе на лѣсистый сѣверъ, и тамъ появляются только по случаю самыхъ ужасныхъ народныхъ бѣдствій, колеблющихъ умы самые разсудительные, какъ наприм., въ годину голодовъ 1024 и 1070. Не безъ особой радости народа Св. Алипій исцѣляетъ прокаженнаго, отъ котораго отступились всѣ врачи, такъ сказать, языческой школы, а св. Агапитъ разрушаетъ славу одного армянскаго врача, бывшаго извѣстнымъ въ Кіевѣ XI столѣтія. Наконецъ не безъ убѣжденія въ сочувствіи къ себѣ современниковъ и потомства лѣтописецъ XIII вѣка, разсказавшій подъ годомъ 1227, какъ сожгли въ Новгородѣ двухъ волхвовъ за то, что они, будто бы, *потворы дѣютъ*, заключаетъ разсказъ недовѣрчивымъ: *а Богъ вѣсть* [1]). Съ своей стороны, такіе примѣры правителей, такія убѣжденія лѣтописцевъ, такіе подвиги святителей, извѣстные всѣмъ лучшимъ людямъ вѣковъ послѣдующихъ, не могли остаться безъ благаго вліянія на послѣдующую исторію русскаго народа. Напротивъ, частію этимъ обстоятельствамъ наша исторія обязана невѣдѣніемъ *судовъ о волхвахъ*, или Hexenprocesse,—а русскій народъ—энергіею, или надеждою на Бога и дѣятельнымъ противодѣйствіемъ опустошительнымъ заразамъ. Онъ никогда не былъ и въ этихъ случаяхъ суевѣрнымъ фаталистомъ. Безъ сомнѣнія, большая и лучшая часть всѣхъ этихъ великихъ слѣдствій принадлежитъ вліянію вѣры и христіанской церкви; но, какъ я сказалъ, хоть отрицательно, медицинскія свѣдѣ-

[1]) Новгор. I, 42.

нія Византіи, и съ ними связанныя здравыя понятія народа о врачеваніи послужили при этомъ весьма хорошимъ орудіемъ.

Впрочемъ, мы не согласны и съ тѣмъ, что у названныхъ писателей сказано о положительной дѣятельности медицины въ древней Россіи. Все это великое поприще они сочли мертвымъ полемъ, не сдѣлали никому оклика, и никто имъ не откликнулся. Дѣло было не такъ, судя по самымъ тѣмъ источникамъ, на которые они ссылаются. Начнемъ опять съ раздѣленія вопроса. Какъ и что терпѣлъ, какъ и чѣмъ отбивался русскій человѣкъ отъ обыкновенныхъ болѣзней, которыя собственно касались отдѣльныхъ лицъ, и не могли вызвать ни общихъ мѣръ, ни общаго вниманія, ни даже извѣщенія лѣтописи,—этотъ вопросъ въ нашей исторіи также труденъ, или даже невозможенъ для рѣшенія, какъ и въ исторіи Грековъ и Римлянъ. Но до насъ дошли свѣдѣнія о страданіяхъ народа отъ повальныхъ болѣзней, отъ чумы, заразы, оспы; до насъ дошли свидѣтельства, что народъ русскій, и въ этихъ обстоятельствахъ, не оставался страдательною жертвою. Напротивъ, онъ дѣйствовалъ, и описаніе его дѣйствій, въ этомъ случаѣ, покажетъ, что медицинская полиція была извѣстна русскимъ въ отдаленной древности; а знакомство съ ея мѣрами противъ заразъ и повальныхъ болѣзней дастъ намъ возможность, хоть гадательно, судить о средствахъ народа противъ обыкновенныхъ недуговъ [1]). Рихтеръ имѣлъ въ виду всѣ данныя исторіи; Ханыковъ трудился надъ ними; но оба удовольствовались счетомъ случаевъ и разсказомъ объ нихъ, и позабыли главное — разсмотрѣть *состояніе паціента и реакцію его натуры.* — Рихтеръ [2]) представилъ любопытную таблицу повальныхъ болѣзней, опустошавшихъ Россію съ 1090 года до Петра В., насчитавъ ихъ 35 случаевъ, слѣд., по 6 на каждое столѣтіе. Ханыковъ [3]) начинаетъ

[1]) Москов. Медиц. Газета. 1858, № 33, въ стат. «Очеркъ отнош врача къ обществу, въ Древ. Россіи,» авторъ Г. Курочкинъ не считаетъ справедливымъ *даже предполагать особенную грубость въ древн. рус. медицинѣ.*

[2]) Истор. Мед. I, 140.

[3]) Въ оттискѣ его статьи, на стр 12.

перечень тѣмъ же 1090-мъ годомъ, и почти повторяетъ Рихтера. Замѣтимъ, впрочемъ, что тотъ и другой иногда принимали смертность отъ голода за явленіе повальной болѣзни. Такъ, напримѣръ, 1090, или правильнѣе, 1092-й годъ извѣстенъ голодомъ, происшедшимъ отъ жаровъ и засухи; *вёдро бяше, яко изгораше земля во многихъ областяхъ, и мнози борове взгарахуся сами и болота*. Моръ начался вслѣдствіе голода, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ [1]). А голода, кончавшіеся смертностію, были и прежде, наприм. 1024 и 1070 годовъ. Оставляя эти неточности въ сторонѣ, обратимся къ нашему главному вопросу: что же дѣлали предки наши противъ заразы и повальной болѣзни? И предпринимали ль они что-нибудь до XV и XVI вѣковъ? Но напередъ скажемъ о томъ, что̀ дѣлали, въ подобныхъ случаяхъ, другіе народы?

Начнемъ съ Грековъ и Римлянъ. Нельзя не замѣтить, что у историковъ этихъ образованныхъ народовъ мы также не находимъ извѣстій о болѣзняхъ обыкновенныхъ и ихъ леченіи. Дѣло касалось не salus populi, а только той или другой семьи частнаго лица, и государственная исторія проходила молчаніемъ такое маловажное обстоятельство. Тѣмъ болѣе, что врачеваніе было дѣломъ чисто частнымъ, и находилось въ рукахъ домашней прислуги, въ рукахъ рабовъ-медиковъ. Medicina, въ Римѣ, была ars illiberalis, sordida, какъ извѣстно. И какихъ результатовъ можно было ожидать отъ такого положенія врачеванія? Quand un pauvre diable tomboit malade à Rome, que devenoit-il? Il mouroit, сказалъ справедливо Вольтеръ о больныхъ язычества. Но чума, зараза, повальныя болѣзни дѣйствуютъ единовременно на большомъ пространствѣ и грозятъ гибелію цѣлымъ населеніямъ, а потому онѣ первыя обращаютъ на себя вниманіе хронистовъ и историковъ, народовъ и правительствъ. Начиная съ извѣстій о случаяхъ мора во Іудеѣ, съ Ѳукидидова описанія заразы въ Аѳинахъ, исторія медицины легко можетъ представить непрерывный рядъ страданій этого рода, испытанныхъ человѣкомъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различныя времена. При этомъ она можетъ указать и на тѣ мѣры, кото-

[1]) Лѣтоп. Лавр. 92. Карамз. I, 95.

рыя правительства и народы принимали въ такихъ случаяхъ. Впрочемъ, въ древности, за исключеніемъ народа Іудейскаго, прибѣгавшаго, по случаю мора, къ молитвамъ, жертвоприношеніямъ, постамъ и раскаянію, всѣ другіе народы и правительства, кажется, вовсе не предполагали самой возможности бороться съ этимъ зломъ.

Единственное средство, употреблявшееся въ языческой древности противъ заразы, состояло въ бѣгствѣ, и выражалось въ правилѣ: pestis tempore fuge procul, cito, et tarde revertaris, по изслѣдованію Dela-Mare [1]). И народъ, не поддержанный вѣрою, не ободренный участіемъ правительства, или своихъ водителей, въ предсмертномъ отчаяніи, предавался порокамъ, и тѣмъ скорѣе дѣлался жертвою заразы, какъ Аѳиняне, по разсказу Ѳукидида.

Со временъ христіанства, на западѣ Европы, церковь установила посты и молитвы во время заразы; христіанское милосердіе образовало цѣлые ордена и установило учрежденія для зараженныхъ, такъ называемые лазареты; впослѣдствіи, медицина, освободившаяся отъ невѣрныхъ рукъ рабовъ, стала представлять кое-какія средства противъ дѣйствія болѣзней. Но еще въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству Деламара [2]), во Франціи, были противъ чумы только слѣдующія мѣры правительствомъ предписанныя: домà, въ которыхъ были и жили зараженные, означались большими бѣлыми крестами, какъ могилы, для того, чтобы ни туда, ни оттуда не было ходу и сообщенія въ теченіи 40 дней; чтò и подало поводъ назвать всѣ подобныя мѣры отдѣленія живыхъ и заживо-погребенныхъ карантинами. Да и послѣ выздоровленія, бывшій въ заразѣ долженъ былъ подъ страхомъ штрафа, ходить *съ бѣлой тростью* въ рукахъ, для предупрежденія сообщенія и сближенія съ нимъ лицъ здоровыхъ. И такъ, на просвѣщенномъ западѣ мѣры противъ заразы въ XVI вѣкѣ состояли въ молитвахъ и оцѣпленіи домовъ, или внутреннемъ карантинѣ.

[1]) Traité de la Police, 648.
[2]) Ibid. 661.

Обращаясь къ Россіи, ограничимся нѣкоторыми случаями; нѣтъ нужды перечислять ихъ послѣ сочиненій Рихтера и Ханыкова. Но мы остановимъ наше вниманіе на этихъ нѣсколькихъ случаяхъ, и пристально разсмотримъ, что дѣлали тутъ церковь, народъ, правителсство?

Въ 1128 году голодъ, свирѣпствовавшій въ Новгородѣ, окончился моромъ, такъ что трупы умершихъ лежали по улицамъ, на торговой площади, по дорогамъ, всюду; и Новогородцы, въ предупрежденіе заразы, *наняли наймитовъ возить мертвецовъ изъ города* [1]).

1230, такой же голодъ причинилъ еще разъ ужасную смертность въ Новгородѣ, такъ что мертвецы лежали по улицамъ, и псы терзали мертвыхъ дѣтей. Тогда архіепископъ Спиридонъ велѣлъ *поставить скудельницу*, или общую могилу, для погребенія умершихъ, и приставилъ къ этому дѣлу *мужа блага, смиренна Станилу* [2]).

1352, «бысть моръ силенъ вельми въ Плесковѣ. Пріидоша послове Плесковичи въ Новгородъ, зовуще владыку Василія къ себѣ, дабы ихъ благословилъ».—Извѣстно, что это благословеніе состояло въ служеніи, которое совершалъ владыка въ разныхъ церквахъ,—въ крестныхъ ходахъ, и въ другихъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ. Такъ встрѣтила Россія страшную *Черную смерть* [3]).—Кромѣ того, тутъ же, въ лѣтописи, отмѣчено, что Новгородцы, до прибытія уполномоченныхъ отъ Пскова, просили и убѣдили владыку *костры нарядити въ Орѣховѣ*, по западной новгородской границѣ, откуда заходили къ намъ всѣ смертные случаи [4]).

Въ 1360, опять былъ моръ силенъ въ Плесковѣ, «и прислаша пословъ Пьсковичи ко владыкѣ съ мольбою, чтобы ѣхалъ въ Плесковъ и ихъ благословилъ. И владыка Алексій послушалъ мольбы ихъ, и благословилъ ихъ *отъ велика и до мала*,—обходилъ съ крестами весь градъ, и оттолѣ Псковичамъ *нача лучше бывати, и абіе преста моръ у нихъ*» [5]).

[1]) Новгор. Лѣт. 5.

[2]) Ibid. 46.

[3]) Ibid. 85.

[4]) Новг. Лѣт. Ibid. приписка. Рихтеръ, въ его исторіи.

[5]) Нов. Лѣт. 87.

1390, «осенью, былъ моръ силенъ вельми въ Новгородѣ; великое множество христіанъ умре по всимъ улицамъ. *Тогда же поставиша церковь св. Афанасія въ единъ день, и паки преста моръ».*

1417, лѣто и зиму свирѣпствовалъ моръ въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ, Торжкѣ, Дмитровѣ, Твери, по волостямъ и по погостамъ.—*Едва успѣваху живіи мертвыхъ опрятывати.*—Владыка Симеонъ со всею седмью соборовъ и съ христіаны, съ кресты, *обходи около града* Новгорода; а *христіане, ови на конѣхъ, ови пѣши, изъ лѣса бервна привозивъ, поставили церковь святую Анастасію,—а Новоторжане также единемъ утромъ святаго Аѳанасія и т д.* [1]).

Посланіе одного Старца Филоѳея дьяку Мунехину отъ 1510—19 говоритъ еще о слѣдующихъ мѣрахъ: «вы нынѣ пути заграждаете, домы печатлѣете, попомъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ тѣлеса изъ града далече измещете» [2]).

1552, октября въ 16 день, «былъ кличь въ Новгородѣ о Псковичѣхъ, о гостѣхъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ, часа того, изъ Новгорода, съ товаромъ, съ какимъ-нибуди. А поймаютъ гостя—Псковича на завтрѣе съ товаромъ, ино его выведши за городъ сжечи съ товаромъ. И бысть застава на Псковской дорогѣ, чтобъ гости съ товаромъ не ѣздили по Псковъ, ни изъ Пскова въ Новгородъ». — Послѣ того архіепископъ Серапіонъ установилъ постъ съ 19 октября до дня Димитрія Солунскаго, до 26 октября, *и молитвы, съ колѣнопреклоненіемъ, о здравіи государя, его дома, о народѣ и о избавленіи отъ смертоносныя язвы и отъ напрасныя смерти* [3]).

1572, октября 29, велѣно не погребать въ городѣ, у церквей, такихъ умершихъ, у которыхъ на тѣлѣ окажется *знамя смертоносное, а выносить вонъ, за городъ, да поставить заставу по улицамъ и сторожей:* въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменненъ, *и тѣ дворы запирать и съ людьми, и кормить тѣхъ людей улицей*, т.-е. съ улицы; и отцемъ духо-

1) Ibid. 95. 107.
2) Дополн. къ Ак. Ист. I, № 23.
3) Новг. II. 155.

внымъ покаявати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, бояръ не доложа; въ противномъ случаѣ, тѣхъ священниковъ велѣно жещи съ тѣми людьми больными.—И мѣсяца ноября 4-го спрашивали про моръ, и сказали, *мору нѣтъ нигдѣ*» [1]). Явное свидѣтельство, что мѣры не были легки, что ихъ не любили, и допустить могли только въ случаѣ необходимости; тутъ намекъ на произволъ московск. воеводъ, которые распорядились такъ спѣшно, безъ причины.

Но мы уже во второй половинѣ XVI вѣка, когда Рихтеръ и Ханыковъ также находятъ слѣды медицинской полиціи въ Россіи. И намъ не для чего повторять то, что можно найти у этихъ писателей. Обращаясь къ пройденному нами пространству времени, съ XII вѣка, мы не можемъ не сказать, что медицинская полиція была уже до XV и XVI вѣковъ извѣстна нашимъ предкамъ. Конечно, мѣры этой полиціи были не общеправительственныя, не общегосударственныя: потому, что въ это время верховная, монархическая власть сама еще не окрѣпла въ Руси, раздробленной, раздѣленной и покоренной подъ монгольское иго. Этѣ мѣры вытекали изъ ума самаго народа, являлись въ разныхъ его общинахъ, въ городахъ и волостяхъ. Мы приводили примѣры Новгорода, но, конечно, не одинъ Новгородъ, въ подобныхъ страданіяхъ, обращался къ владыкамъ, къ церкви, къ своимъ начальникамъ, къ своему благочестію, къ своей осторожности. И мы въ правѣ сказать, что народъ русскій и до XVI вѣка не былъ безпомощною, равнодушною жертвою даже такого несчастія, какова зараза; напротивъ имѣлъ противъ него средства, которыя общи ему съ образованными христіанскими народами запада. Русскій народъ имѣлъ: 1-е, *церковныя средства*,—посты, молитвы, крестные ходы, построеніе обыденныхъ церквей во имя святыхъ Аѳанасія, Анастасіи, Пророка Иліи, Спасителя, и 2-е, *свѣтскія*, состоявшія въ тщательномъ погребеніи умершихъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, какъ это было еще въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ; въ прерваніи сообщенія съ мѣстами *заморными*, какъ онѣ назывались въ древней Россіи, наприм. посредствомъ *костровъ*, или *за-*

[1]) Ibid. 169.

ставъ; и въ оцѣпленіи отдѣльныхъ улицъ, частей города и домовъ, для прерванія сообщенія здоровыхъ съ зачумленными. Мы не пишемъ исторіи русской медицины, и не имѣемъ призванія входить въ подробности по этому предмету; но мы не можемъ не остановиться на указанныхъ средствахъ русскаго народа противъ заразы, и не замѣтить, что, судя по этимъ средствамъ, должны были существовать въ древней Россіи вообще весьма здравыя врачебныя понятія. Прибавимъ къ этому, что ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ дѣло врачеванія въ Россіи не подвинулось впередъ, и правительство долго ограничивалось тѣми же мѣрами, которыя искони уже были въ употребленіи у русскаго народа.

Между тѣмъ, съ конца XVI вѣка, дѣйствіемъ нашихъ сношеній съ западомъ, появляются у насъ и медики, *дохтуры*, *и лечебная книга*, *и аптекарскій приказъ*, и всѣ внѣшніе признаки европейской медицины, съ которыхъ Рихтеръ началъ собственно исторію медицины въ Россіи. Но о медикахъ Поссевинъ говоритъ, что ихъ было, въ его время, на всю Россію только двое, да и тѣ состояли безотлучно при особѣ царя, такъ что, безъ его вѣдома, не смѣли отправиться къ кому-бы то ни было съ своею помощію [1]). *О лечебной книгѣ*, или лечебникѣ, рукописномъ памятникѣ 1580 г., сгорѣвшемъ въ московскій пожаръ 1812 г., у Рихтера и Карамзина помѣщены слѣдующія извѣстія.—Это переводъ, съ польскаго, одного сочиненія, замѣчательнаго по разнородности содержанія. Авторъ говоритъ здѣсь: *о травахъ*, *о лейкахъ и водкахъ*, *о рыбахъ въ морѣ и въ рѣкахъ*, *о драгоцѣнныхъ камняхъ*, *о философскомъ ученіи*, *о кровопусканіи*, *объ искусствѣ аптекарскомъ*; и увѣряетъ, что гранатъ-камень веселитъ сердце, яхонтъ—предохраняетъ отъ страшныхъ сновидѣній. Далѣе, хотя авторъ и не запрещаетъ благосклонному читателю обращаться къ врачу, въ случаѣ крайней нужды, но часто присовокупляетъ: *буде врачь не поможетъ*, *купи тѣхъ или другихъ снадобій на гривенку* и т. д.—Слѣд., лечебникъ, соб-

[1]) Anton. Possevini de Rebus moscoviticis: nec ipsis medicis, quorum duo tantum in universa principis ditione sunt, alteri Italo, alteri Belgae licet aegrotum inviseri, nisi id princeps concesserit.

ственно, уничтожаетъ вѣру въ медиковъ [1]). Наконецъ *аптекарскій приказъ*, или *аптекарская палата*, уже извѣстная Маржерету,[2]), содержала, судя по отпускамъ XVII вѣка, патоку, гвоздику, гвоздичное масло, и т. д., то для *мыльнаго состава*, то для *водки анисовой, сладкой* и пр., то для *варенія мура*, о чемъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ. А здѣсь обратимся къ главному вопросу: что сдѣлали для Россіи иноземные медики до XVIII вѣка?

Замѣтимъ, что духовенство наше не переставало противодѣйствовать суевѣрію, ворожбѣ и волхвованію, слѣдственно болѣе или менѣе помогало вкореняться въ народѣ здравымъ понятіямъ о врачеваніи и силахъ внѣшней природы. Напротивъ чѣмъ далѣе, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовали духовныя власти въ этомъ отношеніи. Такъ въ 1480 г., августа 20 [3]), митрополитъ Фотій, въ посланіи къ Новгородцамъ, предписываетъ, чтобъ *басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелія, ни ворожenья*. Въ 1555, октября 31 [4]) Троицкій Сергіевъ монастырь, приговорной грамотою, данною его землямъ и крестьянамъ, повелѣваетъ: *не держать въ волости ни волхвей, ни бабъ ворожей*; иначе, *съ сотскаго и съ каждыхъ ста человѣкъ взять пени десять рублей*; *волхва же или бабу-ворожею, бивъ да ограбивъ, да выбивати изъ волости*.

Съ другой стороны, и въ XVII столѣтіи народъ и правительство не оставались безъ дѣла при появленіи моровыхъ повѣтрій. Такъ 1649, февраля 20 [5]), Царь Алексѣй Михайловичъ, освѣдомясь о распространеніи заразы въ Курскѣ,

1) Истор. медиц. и Истор. Госуд. Рос., Карамз. X, замѣчаніе 447. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что эта книга переведена по распоряженію серпуховскаго воеводы Бутурлина, и отличается *смѣлостію языка*.

2) Въ его: L'estat de l'Empire de Russie et de Grand Duché de Moscovie, 1607: des plus grands offices de Russie est le grand maitre de l'Ecurie puis celui qui a la survoyance des medecins et des apothécaires, le-quel ils nomment aptecarsky Boyar.

3) Акт. Экспед. I, № 369.

4) Тамъ же, № 244.

5) П. Соб. Зак., № 2.

велѣлъ послать туда изъ Москвы *Животворящій крестъ Господенъ съ находящимися въономъ мощами Св. Іоанна Предтечи и другихъ апостоловъ и мучениковъ.*

Въ 1656, августа 6 [1]), патріархъ Никонъ, при появленіи мора въ Москвѣ, *повелѣлъ наблюдать четыре главныхъ поста*, совершить *исповѣданіе грѣховъ и пріобщеніе Св. Тайнъ* Равномѣрно правительство разсылало грамоты, содержащія здравыя распоряженія свѣтской власти, по случаю заразы. Напр., 1654, сент. [2]), отправлена въ Новгородъ грамота о томъ, что, если гдѣ въ городѣ, или посадѣ объявится моровое повѣтріе: то *мертвыхъ хоронить безъ мотчанія*, *дворы обламывать, и у дворовъ поставить крѣпкія сторожи.* Сообщеніе съ зачумленными воспрещается, подъ страхомъ *смертной казни.* Слѣд., все по старому, по давнишнему.

Въ 1657 году, февр. 22 [3]), и 1681-мъ, іюля 27 [4]), грамоты предписываютъ: *Гдѣ объявится въ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ на людяхъ повѣтріе*: тамъ *всѣ эти мѣста заморные засѣчь лѣсомъ*, и *около тѣхъ засѣкъ по дорогамъ и малымъ стежкамъ и по причиннымъ мѣстамъ учинить заставы крѣпкіе.* На заставахъ поставить *отставныхъ дворянъ*, или *служилыхъ людей, сколько пригоже, съ посадскими и уѣздными людьми, въ количествѣ*, сообразномъ съ нуждою, — *сколько пригоже, для береженья, чтобъ никто, подъ смертною казнію, ни изъ мѣстъ заморныхъ въ здоровыя, ни обратно, ни прошелъ, ни проѣхалъ, и ничего не вывезъ и не вынесъ.*

Для сношенія оцѣпленныхъ мѣстъ съ правительствомъ, предписывается дѣлать на заставахъ разспросы словесно, ставъ на *разстояніи, какъ человѣку мочно голосъ человѣка слышать*; при чемъ дьякъ записываетъ показанія, или извѣстія, а застава отправляетъ эти бумаги къ ближайшему воеводѣ. Воеводы принимаютъ отписки такого рода не иначе, какъ чрезъ огонь, сожигаютъ подлинную бумагу, а копію

[1]) Ibid. № 188.
[2]) Акт. Истор. IV, № 87.
[3]) Тамъ же, № 105.
[4]) Ак. Истор. V, № 73.

отправляютъ далѣе, по направленію къ Москвѣ, куда приходитъ извѣстіе уже въ восьмой копіи [1]).

Наконецъ, по прекращеніи чумы, носильное платье зачумленныхъ сожигали; остальные пожитки вывѣшивали на морозъ; дворы и домы растворяли, *чтобы въ нихъ отъ морозу гораздо прозябло*; послѣ того *топили три дня можжевельникомъ и пелынью.* —Тѣла зарывали вдали отъ жилыхъ мѣстъ, *глубоко въ землю*, чтобы *собаки и звѣри ихъ не вырыли*, и т. п. Такимъ образомъ къ древнѣйшимъ средствамъ, къ огню и кострамъ, извѣстнымъ съ XIV в., еще присоединяется чисто русское средство противъ чумы, русскій морозъ, и, конечно, средство новое только въ актахъ, а на дѣлѣ давно уже испытанное русскимъ народомъ.

Вотъ въ какомъ положеніи иноземные врачи застали Россію, относительно ея готовности принять и понять разумныя начала медицины. Медикамъ оставалось воспользоваться такимъ общимъ расположеніемъ народа и правительства, и дать всей этой дѣятельности направленіе сообразное съ наукою. Но, къ нашему удивленію, въ XVII вѣкѣ, когда уже врачи частенько начинаютъ посѣщать Россію, русское правительство, не смотря на постоянныя настоянія духовенства, само уже не противодѣйствуетъ суевѣрію. Оно, въ три послѣднія царствованія до восшествія на престолъ Михаила Өеодоровича, само предписываетъ *подкрестную запись* слѣдующаго содержанія [2]): «*таможде мнѣ подъ Государемъ своимъ — въ ѣствѣ и питьѣ, ни въ платьѣ — лиха никакого не учинити, и не испортити, а зелья лихого и коренья не давати, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакаго лиха не насылати, и слѣду не вынимати никоторыми дѣлы*». — Къ довершенію же всего, встрѣчаемъ царскую грамоту къ псковскимъ воеводамъ, отъ 1632 г., янв. 8 [3]), въ которой дается воеводамъ знать, что наши лазутчики, пришедъ изъ-за литовскаго рубежа, говорили, что въ

[1]) Ист. Ак. V, № 216.

[2]) Акт. Эксп. II, г. 1598, сент. 15, № 10; 1605, іюн. 12 № 38, и 1606, мая 20 № 44.

[3]) Акт. Экспед. III, стр. 283.

литовскихъ городахъ *баба-вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городахъ на люди навесть моровое повѣтріе.*—По этому, *подъ смертною казнію воспрещается покупать въ Литвѣ хмѣль, и торговать литовскимъ хмѣлемъ.*

Между тѣмъ и въ XVII в. зараза не переставала приходить къ намъ съ запада, и не переставала производить свои страшныя опустошенія, по прежнему. Такъ въ 1612 г. [1]), монахи одного монастыря просятъ *державы московскаго государства бояръ*, сжалиться надъ ними, и освободить ихъ отъ податей, по случаю опустошеній, произведенныхъ заразою: *съ лихого, Государи, повѣтрія, съ мору, многія деревни и починки и займища монастырскія вотчины запустѣли, лѣсомъ поросли.* Далѣе, по сибирскимъ историческимъ памятникамъ, видно, что тамъ оспа пожирала не $1/_{10}$, или $1/_{5}$ часть народонаселенія, какъ въ Европѣ, а цѣлыя половины, иногда три четверти населенія городовъ и селъ [2]). И полудикіе туземные жители, для отпора этому бичу, не находили ничего лучшаго, какъ или выставить *лукъ у юрты*, для устрашенія врага, или произвольно *выжечь на лицѣ ямки*, для приведенія его въ заблужденіе, давъ видъ, что оспа ихъ уже мучила. *И никакой* другой помощи!

Разсмотримъ, по актамъ, дѣятельность медиковъ въ XVII вѣкѣ.

Въ это время упоминаются въ Москвѣ двѣ аптеки,—одна въ Кремлѣ, другая въ городѣ. Послѣднюю Петръ В. перевелъ къ нынѣшнимъ Краснымъ Воротамъ, въ зданіе Запаснаго Дворца [3]). Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ, въ числѣ медицинскихъ чиновъ, докторовъ, аптекарей, окулистовъ, лекарей, переводчиковъ, алхимистовъ и т. д. Эти аптеки и эти медицинскіе чины составляли вѣдомство Аптекарскаго Приказа, который, по этому, былъ мѣстомъ правительственнымъ по части народнаго здравія въ Россіи. Вотъ документы дѣятельности и этого присутственнаго мѣста и его членовъ.

[1]) Акт. Экспед. II, № 220, стр. 374.

[2]) Словцова Истор. Обозрѣн. Сибири, I, 131.

[3]) Рихтеръ, III, 43.

1. Въ 1630 г., февр. 15 [1]), князь Ростовскій проситъ, челобитною, у Царя Михаила Феодоровича, чтобы повелѣно было отпустить ему, *для головной боли*, изъ *Государевой оптеки государскихъ маслъ: коричново*, *гваздиково*, *мушкатови*, *анисова* и др., *да водокъ: свороборинной*, *буквишной*, *мятовые*, *финиколевой*, и т. д. *Царь*, *Государь*, *смилуйся*, *пожалуй*, — Стало быть, эта аптека исключительно существовала для двора, и частные люди только по челобитью на имя Царя могли пользоваться ея припасами.

2. Изъ Аптекарскаго Приказа отпущено 1633 г. [2]), *въ походъ*, Василію Ивановичу Стрѣшневу: *полфунта сахару розмаринного*, въ который прибавлено 1 золотникъ пороху (порошку) діамбора и 1 золотник. лети фитикантисъ; *фунтъ сахару свороборинпаго*, съ 1 золотникомъ купороснаго масла; *7 зол. соку солодковаго дубца*, да *водки композита 2 фунта*. Да лекарю дано 36 золотниковъ *вина гладышева*, 3 фунта *масли попилемова*, *болсамъ натуралисъ*, *пластырь стинтикомъ*, и т. п.

Въ іюнѣ того же года [3]), подъ Смоленскъ, къ полковнику Якову Шарлу отпущено: *камени безуи золотникъ*, *сандалу бѣлаго 12 зол.*, *масла различнаго*, *кремертартару*, *барбарису*, *сѣмени арбузнаго*, *тыквеннаго*, *дынпаго*, *огуречнаго*, *сахару алилуя*, и т. п. — Слѣдовательно, безъ челобитья, отпуски были дѣланы только *для ратныхъ людей*, *во время походовъ*, *и въ осадныхъ работахъ*.

3. Въ 1630 г., окт. 14 [4]) *велѣно* отпустить, *про Царицу Евдокію Лукъяновну*, *два пуда патоки бѣлой доброй*; янв. 2 *про Государевъ мыльный составъ*, масла гвоздичнаго 3 золотника, описоваго 6, водки гуляфные полтора фунта; сент. 16, *про Государя же*, въ водку анисную 6 ф. анису, въ полынную, два ведра вина; *про Государыню Царицу*, двѣ кружки балмазы, двѣ кружки кинареи. *Для водочнаго состава. См. еще отпуски отъ IV—VII*, того же акта.

[1]) Истор. Акт. III, № 161.

[2]) Ibid, III, №№ 291—294.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

4. Изъ Аптекарскаго Приказа потребовано 1631 г., апр. 5, десять фунт. янтарю, 1 ф. корицы, 5 зол. перетруну, 3 зол. корени изару, 2 зол. ладону роснаго, 1 ф. меду дивія, да 4 скляницы водки гуляфной для Патріарха, и совершенія мура [1].

Таковъ характеръ доселѣ извѣстныхъ отпусковъ изъ Аптекарскаго Приказа. Откуда бралъ эти снадобья самъ Приказъ? — За исключеніемъ веществъ, которыя выписывались изъ-за границы, большая часть снадобій была плодомъ русской почвы и русской пытливости. Крестьяне Яренской Округи, Турецкой трети знали же, что воды оз. Сандора излѣчиваютъ раны, и особенно полезны противъ «своробу» [2]. Далѣе мы имѣемъ актъ отъ 1675 [3]), которымъ предписывается: въ Сибири, *въ городахъ, уѣздахъ и селахъ, знающимъ людямъ, сыскивать*, для лекарственныхъ составовъ и водокъ, *травъ и иныхъ вещей*, и, набравъ ихъ, *строить изъ нихъ лекарства и водки*, и присылать въ Москву, въ Сибирскій Приказъ, *подписавъ, что къ какому лекарству годно*. Выраженія акта не дозволяютъ думать, что это актъ единственный, а заставляютъ предполагать, что это одинъ изъ многихъ актовъ. Ясно, что въ самой Сибири того времени были, по городамъ и селамъ, люди знающіе, или свѣдующіе и въ свойствѣ травъ и минераловъ (*и иныхъ вещахъ*), и въ искусствѣ строить изъ нихъ, или составлять лекарства. Ясно, что Сибирскій Приказъ преимущественно снабжалъ аптекарскую палату и лекарствами и врачебными матеріалами. Изъ-за границы выписывалось не многое, да и то развѣ по особенному настоянію иноземныхъ врачей, или на собственный ихъ счетъ.

Но, если въ Россіи XVII вѣка, скажутъ намъ, было столько знанія въ медицинѣ и медикаментахъ, отъ чего же переводъ нѣмецкихъ или латинскихъ рецептовъ того времени на языкъ русскій до такой степени тяжелъ, нечистъ, а иногда и вовсе не похожъ на переводъ? Вотъ напр. *Rp* [4]).

[1]) Тамъ же.
[2]) «Временника» Кн. 25, Отд. Матеріалы, стр. 40.
[3]) Акт. Ист. IV, № 257.
[4]) Истор. Ак., № 298.

Polypodii quercini ℥ VI.	Корени полиподіи 6 зол.
Herbar. fumariae.	Травы земляной дымъ.
Absinth.	Травы полыню.
Agrimon.	Травы агримонія.
Cuscut.	Травы повилицы.
Scolopendr.	Травы школопендеря.
Chamaedr.	Травы камедріусъ.
Cardui benedict.	Травы кардусъ и проч.

Очевидно, отъ того, что переводчикъ не зналъ аптекарскихъ выраженій и терминовъ, служа переводчикомъ, въ качествѣ знатока нѣмецкаго и латинскаго, а не медицинскаго, или аптекарскаго языка. А русскіе люди, знавшіе толкъ въ снадобьяхъ, могли не умѣть назвать ихъ иначе, какъ по-русски; по этому ихъ не было въ Аптекарскомъ Приказѣ, среди врачей иноземныхъ; и мѣсто ихъ занимали люди, не знавшіе дѣла.

Кто же засѣдалъ въ Приказѣ? Разумѣется, мы не станемъ говорить здѣсь о боярахъ и дьякахъ, которыхъ дѣло, въ нашемъ вопросѣ, не важно; а прямо перейдемъ къ спеціалистамъ. Въ Аптекарскомъ Приказѣ были: *доктора*, *аптекари*, *окулисты*, *лекари*, *переводчики*, *часовые мастера* [1]), и наконецъ *алхимисты* [2]).

Всѣ они, за исключеніемъ переводчиковъ, были иностранцы, *иногда* некрещеные жиды. Такъ 1645 г. [3]), по случаю прошенія, поданнаго алхимистомъ Томасомъ Винансомъ о выдачѣ ему жалованья, оказалось, что онъ *присягалъ*, *не бывъ крещенъ*, и оставаясь въ своей жидовской вѣрѣ.

Медицинскія знанія иноземцы пріобрѣтали за границей, куда ѣзжали они и изъ Москвы, какъ напр. *Фалентинъ*, учившійся, по его показанію, въ *высокой школѣ, въ Голландіи, свидѣтельствованный тамъ, и по сему свидѣтельству дохтурства доставшій* [4]).

[1]) Ист Ак. III, №№ 242 и др.
[2]) Тамъ же, №№ 236. 304.
[3]) Ист. Ак. III № 304.
[4]) Тамъ же, № 233.

Въ числѣ важныхъ знаній у этихъ иноземцевъ полагалась *алхимія*, о которой говорятъ и Рихтеръ [1]), и наши современные акты [2]), и особенно Указъ Императрицы Екатерины II, 1763, нояб. 12. Этимъ указомъ впервые предписывается *Коллегіи Медицинскаго Факультета* вывести изъ аптекъ снадобья, помѣщенныя туда невѣжествомъ [3]).

Моральное состояніе этихъ докторовъ и лекарей было, кажется, не таково, чтобы вызвать уваженіе, или довѣріе къ нимъ у правительства. Въ одномъ случаѣ, читаемъ жалобное челобитье врача, доставить, на казенный счетъ, изъ Архангельска въ Москву привезенныя имъ изъ-за границы *лекарства, книги и рухлядишко* [4]), вѣроятно для избѣжанія платежа пошлинъ. Далѣе встрѣчаемъ просьбу о выдачѣ одному доктору казенныхъ денегъ на *дворовое строеніе* [5]). Такими челобитными иноземные врачи только роняли себя въ глазахъ правительства, которое наконецъ издавало указы, подобные слѣдующему: *доктору Фалентину докторомъ не быть, и дать ему волю быть, гдѣ хочетъ* [6]), *т. е. пустить* его на всѣ четыре стороны. — Замѣтимъ, что матеріальное обезпеченіе врачей иноземныхъ было, кажется, не вовсе ничтожно. Врачи получали жалованье и помѣстьями и деньгами. Денежное жалованье опредѣлялось въ XVII столѣтіи слѣдующимъ образомъ [7]).

Старшій врачь Венделинусъ Сибилистъ получалъ 250 р. въ годъ.

Двое младшихъ, Бѣлау и Граманъ.....	по 220	р. каждый.
Старшій лекарь, Крамеръ...............	60	—
Младшіе..........................	по 30	—
Аптекарь Андрей Ивановъ...............	70	—
Окулистъ Давыдъ Брунъ...............	55	—

1) Ист. Мед. II, 42 и III, 402 и слѣд.
2) Ист. Акт. III, №№ 236, 304.
3) П. С. З., (№ 11, 964).
4) № 230, Ист. Ак. III.
5) № 235.
6) № 233.
7) Ист. Ак. III, № 242.

Переводчикъ Василій Александровъ....... 40 —
Младшій переводчикъ.................. 25 —
Часовщикъ Анцко Кезель............... 40 —

Такъ какъ рубль XVII в. былъ цѣнпѣе нынѣшняго въ шесть разъ, или около; то напр. жалованье Сибилиста равнялось почти полуторѣ тысячамъ руб. на нынѣшнія деньги, не считая кормовыхъ денегъ и доходовъ съ помѣстій [1]).

Но обратимся къ дѣятельности врачей разсматриваемаго времени. И теперь этихъ врачей, по актамъ, было только трое: *Венделинусъ Сибилистъ, Яганко Бѣлово, да Артманъ Граманъ*, съ тремя лекарями, или, по нашему, фельдшерами, *Вилимомъ Краморомъ, Андреемъ Шпиттеромъ, да Кашперомъ Бартелемъ.*

Лечили они, по рецептамъ весьма длиннымъ, и людей и лошадей.

Такъ мы находимъ рецептъ для лошадей его Высочества Королевича Вольдемара: Zu J. Gnad. Pferden.

Rp. Deuffeldreck,
Hirschtallig,
Allaun, и проч.

Докторы оставались, кажется, постоянно въ Москвѣ, при дворѣ; лекари были посыланы и въ армію, для леченія ратныхъ людей. Такъ 1632 г. были посыланы къ Прозоровскому, на Бѣлую, лекарь Кашперъ Давыдовъ, да Томасъ Утинъ. Не должно думать, основываясь на созвучіи именъ, что эти лекари были русскіе. Это — вольный переводъ фамилій нѣмецкихъ, на русскій выговоръ, наприм. говорилось: *Яганко Бѣлово*, вмѣсто настоящаго: *Іогана Белау*, такъ же точно, какъ въ одномъ актѣ прямо говорится: *Вилимъ*, *а по-русски Семенъ.* Фельдшерамъ, которыхъ отправляли въ армію, давали жалованья по 30, или по 20 руб. въ мѣсяцъ, сверхъ помѣстій [2]).

Врачи производили и медицинскіе осмотры. Однажды Венделинусъ Сибилистъ, Яганъ Бѣлово и Артманъ Граманъ

[1]) О дачѣ помѣстій, сверхъ жалованья денежнаго, именно говорится въ № 173.

[2]) № 173.

осматривали тѣло убитаго изъ ружья кравчаго изъ свиты королевича Вольдемара, и показали, что они *щупали щупомъ, пулки не дощупались, а то подлинно, что пулка въ головѣ* [1]. Въ другомъ случаѣ, они же дѣлали показанія *о болѣзни отъ глиста-солитера*, и объ *жабѣ*, angina [2]).

Но самое главное занятіе врачей состояло въ леченіи Царя. Мы находимъ въ 1643, 1) *сказку и вымыселъ всѣхъ трехъ дохтуровъ о болѣзни, которая имянуется рожа*. Послѣ чего слѣдуетъ описаніе болѣзни и рецептъ, которые и доложены Царю. *И Государь-Царь, слушавъ, указалъ: имъ то лекарство составя, приготовить до вечерняго кушанья часа за два*. Рецептъ состоялъ въ томъ, чтобы мѣсто, пораженное рожею, мазать *виннымъ духомъ*, спиртомъ; потомъ *отворить жилную кровь, которую можно отворить, изыскавъ день добрый*. На другой день *отворялъ кровь докторъ Вилимъ Крамеръ, а по русски Семенъ*. Далѣе предписана была діэта; дозволялось употребленіе нескоромнаго сахару и пр. — 2) 1645, леченіе Царя *поноснымъ лекарствомъ* [3]).

Безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно, врачи должны были расширять свою дѣятельность и на массу народа. Но, кажется, эта дѣятельность была сначала весьма несчастлива. Замѣчательно явленіе, характеризующее дѣятельность медиковъ въ концѣ XVII вѣка, въ Россіи. Оно состоитъ въ законахъ, которые впервые только въ концѣ этого вѣка встрѣчаются въ отечественномъ законодательствѣ. Это законы относительно врачей и лекарей, подобные указамъ 1686 и 1700 годовъ [4]), въ которыхъ *законодатель уже принужденъ* угрожать врачамъ смертною *казнію и ссылкою въ Сибирь за дурное леченіе*; чего въ древности не было даже противъ волхвовъ и ворожей.

2) Право на безопасность имуществъ отъ дѣйствія природы. Начинаемъ съ пожаровъ, и, для лучшаго суда о томъ, что найдемъ въ Россіи, припомнимъ сказанное прежде

[1]) № 226.

[2]) Ibid. № 231.

[3]) №№ 228—246.

[4]) П. С. З. №№ 1171 и 1736.

о мѣрахъ противъ пожаровъ, въ древности и среднихъ вѣкахъ. Какъ Астиномъ, въ Аѳинахъ, такъ разные чины, въ Римѣ, имѣли обязанность содѣйствовать прекращенiю пожаровъ, но преимущественно тамъ, гдѣ дѣло шло о сохраненiи зданiй публичныхъ. И ничего не установлялъ законъ относительно охраненiя частныхъ построекъ. Обычай строить зданiя на подобiе островковъ не мѣшалъ имъ строиться безъ соображенiя съ опасностiю отъ огня, и частiю, по причинѣ такой постройки, изъ 14 частей Августова Рима, при Неронѣ, четыре части разрушены до основанiя, другiя четыре сравнены съ землею.

Въ Среднiе вѣки, по причинѣ развитiя общиннаго быта, довольно было сдѣлано, для обезпеченiя городовъ отъ дѣйствiя пожаровъ. О Парижѣ, столько терпѣвшемъ отъ пожаровъ, знаемъ мы изъ Деламара много распоряженiй, касавшихся осторожности противъ огня [1]). Таково узаконенiе 1371 года, которымъ предписывается всѣмъ обывателямъ всякаго званiя, держать воду у воротъ своихъ, на случай пожара [2]); или 1400 г., которымъ повелѣвается при каждомъ домѣ содержать бочку съ водою, по страху отъ пожара; или 1524 года, которымъ требуется, чтобы жители содержали каждую ночь стражу, у своихъ домовъ,—чтобы съ 9 часовъ вечера каждый оставался въ своемъ домѣ, и чтобы при домахъ была вода на готовѣ, на случай пожара [3]). Въ Германiи, по Гюльману [4]), требовалось сверхъ того, чтобы домы и кухни строились съ трубами, и зданiя улицъ и проѣзду не стѣсняли; чтобы жители осторожно обращались съ огнемъ, поздо вечеромъ съ огнемъ не работали и не сидѣли; наконецъ, чтобы извѣстные цехи являлись на пожаръ по-

1) De la Mare, IV, 137.

2) Ibid. L'ordonnance enjoint à toutes manières de gens de metre de l'eau à leurs huis, crainte de feu. Ordonnance, 11 iull. 1371.

3) Que les habitans fassent chaque jour le guet de nuit,—asseoir à neuf heurs du soir chacun à son quartier, et de mettre une lanterne garnie d'une chandelle, et de se garnir de l'eau.

4) Hüllman, Staedtwes. d. Mittelalt. IV.

тому, что они или дѣйствуютъ огнемъ, или занимаются построеніемъ и знаютъ способъ тушить пожары [1]).

Что до Россіи, мы вправѣ ожидать отъ ея исторіи многихъ указаній и опытовъ по части нашего вопроса, потому что жизнь Руси такъ богата событіями изъ борьбы народа со внѣшнею природою. Много было писано про эту борьбу русскаго человѣка,—про его смѣлыя плаванія по морямъ Бѣлому, Каспійскому и Сѣверному , про его отважныя встрѣчи съ дикими звѣрями въ лѣсахъ сѣверо-востока Европы и въ Сибири. Но всѣ эти описанія ниже дѣйствительности, которая заставила нѣкоторыхъ выразить мнѣніе, что па долю русскаго народа выпала борьба со внѣшнею природой, тогда какъ другимъ народамъ Европы предстояла борьба съ разными поселеніями въ Европѣ и Америкѣ, въ Азіи и Африкѣ. Чего не стоило нашимъ предкамъ, двинувшимся, по Нестору, съ Дуная на сѣверъ, пробраться до береговъ Ильмена и укрѣпиться на Волховѣ? Какихъ усилій не потребовали отъ нихъ походы съ Волхова по Днѣпру до Смоленска, Кіева и Константинополя? Какихъ препятствій не встрѣчала Русь наша , при ея расширеніи на сѣверо-востокѣ до Урала и Югры, а за Ураломъ чрезъ всѣ огромныя рѣки Сибири до Амура и Америки [2])? Мало ли трудовъ, усилій и настойчивости нужно было нашимъ предкамъ , для занятія и заселенія востока и запада, сѣвера и юга Россіи, покрытой первоначально неизвѣданными лѣсами, съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей , и недоступными болотами и озерами, среди которыхъ долго спустя все еще заблуждались цѣлыя рати [3])? И съ какими средствами успѣвали наши предки открыть, пріобрѣсти и заселить эти безграничныя, страшныя пустыни? Если въ царствованіе Петра Великаго населеніе Россіи не превышало 10,000,000 муж. пола; что было это населеніе въ XII , XI и X вѣкахъ, когда на немъ лежали самыя трудныя задачи перваго по-

[1]) Hüllman IV, 29—32. См. мою статью о древн. Москов. Городской полиціи. Москвит. 1851 г. № 4, или отд. оттискъ.

[2]) См. между прочимъ Новгор. Лѣт. IV, 124.

[3]) Соф. Лѣт. 206. Годъ 1216. Воины заблуждались и умирали съ голоду.

селенія? Но и эта горсть людей не избѣгла общей судьбы человѣческихъ обществъ; она не исключительно боролась со внѣшнею природой, и почти постоянно, вмѣстѣ съ борьбою противъ физическихъ силъ, вела войны съ туземцами и сосѣдями. Отнять же и занять огромныя пространства Руси, вытѣснить, или претворить въ себя туземцевъ, и заселить ихъ земли собою, отстоять свою самостоятельность и упрочить свое человѣческое существованіе — эти двойныя задачи вмѣстѣ, въ одно время, не легко рѣшаются безъ особаго Божія промысла. И, проникнутые ли убѣжденіемъ, что Господь строитъ ихъ спасеніе, или занятые болѣе дѣломъ, чѣмъ мыслію и разсказомъ о дѣлѣ, предки наши мало оставили извѣстій о своихъ подвигахъ. Такъ и въ нашемъ вопросѣ, слѣдя за извѣстіями о той дѣятельности русскаго народа, которая была направлена на сохраненіе пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нашими предками, въ разные вѣка ихъ существованія, у вѣчно-скупой и вѣчно-угрожающей природы, мы долго не встрѣчаемъ нужныхъ подробностей. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ, молчаніе лѣтописей имѣетъ другое основаніе, условленное самимъ свойствомъ имущества и богатства Руси, въ ея древнѣйшія времена. И мы съ вопроса объ этомъ свойствѣ должны начать свое изслѣдованіе.

Первоначальнымъ предметомъ народнаго богатства, въ древнѣйшей Руси, были *мѣха*, которыми, по первымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Русскіе Словяне платили дань, на югѣ Козарамъ, а на сѣверѣ Варягамъ, до ихъ призванія, а именно: *по бѣлѣ и веверицѣ,* или: *по бѣлѣй веверицѣ и бѣлѣй векшицѣ, съ дыму,* или, по нашему, съ двора [1]). Впослѣдствіи упоминаются *суда* рѣчныя и морскія, *лодьи* и *корабли*, на которыхъ Русь совершаетъ походы на Византію, и, предполагается, разнаго рода *оружіе*, которымъ долженъ былъ запасаться каждый словенинъ, для обороны и нападенія [2]). Далѣе встрѣчаемъ, въ числѣ даровъ, предложенныхъ отъ имени Игоря Императору Константинопольскому, *скору,* или мѣха, *воскъ,* и *челядь,* или рабовъ [3]). И это вычисленіе предметовъ,

[1]) Лавр. 8. Псков. I, 1. Соф. I, 88.

[2]) Соф. 1, 89. Лавр. и друг.

[3]) Лавр. 23.

составлявшихъ русское богатство, повторяется, слово въ слово, Святославомъ, въ томъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ князь говоритъ о выгодахъ положенія при-дунайскаго Переяславца, куда, по его разсчетамъ, изъ Руси идетъ *скора, воскъ, медъ* и *челядь* [1]). До времени походовъ на Византію, до Византійской дани, во-все не встрѣчается, въ числѣ предметовъ русскаго богатства, ни серебра, ни золота. Говорится, правда, о *щлягахъ*, еще во времена Олега [2]), за то наше вычисленіе встрѣчается даже въ 1071 г., подъ именемъ *обилія* или богатства, какимъ были *жито, медъ, рыбы и скора* [3]). Какъ бы то нибыло, но, соображая сказанное доселѣ, мы убѣждаемся до очевидности, что *сумма народнаго богатства, въ древнѣйшей Руси, состояла преимущественно изъ движимаго*, и, если не говорить о *земельной собственности*, какъ предметѣ не входящемъ въ наше теперешнее разсмотрѣніе, то скора, воскъ, медъ, вино, хлѣбъ, злато, сребро и т. п. составляли исключительный предметъ владѣнія и богатства древнихъ нашихъ предковъ. И дѣйствительно, въ самой Русской Правдѣ, за исключеніемъ названій: городъ, мостъ, дворъ, гумно, клѣть, хлѣвъ, село, нѣтъ распоряженій объ имуществѣ недвижимомъ. Я не говорю уже о трактатахъ Руси съ Византіей, гдѣ, естественно, не могло быть о томъ рѣчи. Только въ актѣ Св. Владиміра о церковномъ судѣ, да въ Уставѣ Ярослава о земскихъ дѣлѣхъ упоминаются *больницы и бани*, *хоромы и мельницы*; но въ Русской Правдѣ говорится, по преимуществу, о движимомъ: о *холопахъ и рабахъ*, о *лошадяхъ и волахъ*, о *свиньяхъ и овцахъ*, о *бобрахъ и пчелахъ*, о *лодьяхъ и перевѣсѣхъ*, о *товарѣ и долгѣ*. И послѣ видимъ мы господство, въ русскомъ общественномъ быту, имущества движимаго, чѣмъ объясняется, съ одной стороны, характеръ древняго русскаго сбора податей *не съ земли, или производства, а съ движенія и перехода имуществъ по дорогамъ, мостамъ, торгамъ, въ формѣ мыта, вѣсчаго, помѣрнаго* и т. д. [4]);

[1]) Лавр. 28.

[2]) Лаврент. 10.

[3]) Лавр. 75.

[4]) Проф. Осокина, о внутрен. таможен. пошлинахъ, 4.

а съ другой, этимъ объясняется позднее появленіе, въ Русскомъ Правѣ, самаго слова: *недвижимое* имущество. Долго русское законодательство, по примѣру Русской Правды, исключительно занимается вопросами *о кражѣ и татьбѣ*, *о порчѣ чужой вещи, поклажѣ и долгѣ*, *уходѣ раба и уводѣ скота, и о сводѣ*, какъ средствѣ защиты движимой собственности. Таковъ естественный ходъ развитія богатства въ народѣ; капиталы движимые, какъ орудія производства и пріобрѣтенія недвижимаго, появляются первые. Сначала не можетъ быть и названій для *амбаровъ*, *лавокъ, сараевъ и заводовъ*, потому что нѣтъ еще и промысловъ, условливающихъ эти роды собственности. И богатство является преимущественно въ формѣ *скота, рабовъ, мѣховъ, товаровъ* [1]). Послѣ этого понятно, *почему наши лѣтописи почти до XII в. молчатъ о пожарахъ. Движимое имущество не могло подать къ тому поводъ.* Тѣмъ болѣе, что *это движимое было дѣломъ частнаго лица, а не общества*, о которомъ говорили лѣтописи. Извѣстія о пожарахъ могли начаться только съ развитіемъ строительства древней Руси, да *съ появленіемъ общественнаго, общиннаго имущества, каковы храмы и т. д.* Дѣйствительно съ этого времени, они идутъ, въ лѣтописяхъ, параллельно съ извѣстіями объ успѣхахъ строительства. Только пожары и огонь дѣлали у насъ, кажется, бо̀льшіе успѣхи, чѣмъ самое строительство, и, если построенія тѣхъ или другихъ зданій упоминаются по десятилѣтіямъ, то дѣйствія пожаровъ встрѣчаются въ лѣтописяхъ, по годамъ. Сопоставленіе тѣхъ и другихъ извѣстій наглядно представитъ намъ ту борьбу, которую велъ русскій человѣкъ, въ древности, съ этимъ всегда страшнымъ для него элементомъ, и которая составляетъ главный вопросъ изслѣдованія.

Начнемъ съ строительства. Нѣтъ сомнѣнія, что мы не найдемъ извѣстій о частныхъ зданіяхъ въ нашей старинѣ, да это и не необходимо при болѣе полныхъ извѣстіяхъ о зданіяхъ общественныхъ, государственныхъ или церковныхъ. Отъ зданій общественныхъ, въ Руси, легко можно заключать

[1]) Ипат. 28,—годѣ 1147.

къ свойству и судьбѣ частныхъ. Какія же это зданія? Разумѣется, города, храмы, дворцы.

Что до городовъ, они были въ Руси и раньше прихода Варяговъ, до половины IX в., каковы напр. Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, первоначально, эти города были нѣчто въ родѣ деревянныхъ остроговъ, устроенныхъ противъ нечаяннаго нападенія врага и противъ дикаго звѣря. Деревянные города и деревянныя стѣны встрѣчаются у насъ и впослѣдствіи довольно долго. Не говоря уже о Русской Праздѣ, которая знаетъ только выраженіе: *срубить городъ* [1]), о деревянныхъ стѣнахъ упоминается и въ XIV в., когда напримѣръ заложенъ *Градъ Москва дубовый, осенью, и кончили* его построеніе *весною*, 1339 [2]), или когда построена была въ Псковѣ каменная стѣна 1380 г. потому что *старая была сдѣлана съ дубомъ, мало узвышъ мужа* [3]). Такіе *города ставили* Словяне и по изгнаніи Варяговъ [4]); такими были города и во времена св. Владиміра, который, замѣтивъ, что *не добро, еже малъ городъ около Кіева, нача ставити грады по Деснѣ и по Встри* (Остеру) *и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чуди и отъ Варягъ, и отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ Печенегъ* [5]). Эти города были тоже, что военныя крѣпостцы, заселенныя военными гарнизонами, и на случай военныхъ набѣговъ; оттого такая скорость построенія, такая смѣсь населенія, такая мѣстность положенія, вокругъ стольнаго града, и такой взглядъ на нихъ лѣтописца, который объясняетъ построеніе выраженіемъ: *бѣ бо рать отъ Печенѣгъ.* Понятно, каковы могли быть частныя зданія, въ это время. Не даромъ о теремѣ В. Княгини Ольги, знакомой съ Византіей и съ ея великолѣпіемъ, именно говорится, что онъ былъ *каменный* [6]). Весьма вѣро-

[1]) Рус. Пр. стат. I.

[2]) Карам. Примѣч. 322.

[3]) Псков. Лѣт. II, 16.

[4]) Псков. I, 1, 2.

[5]) Лаврент. 52. *Малъ городъ* можетъ значить: не велика крѣпость, или не надежна.

[6]) Лавр. 25.

ятно, что онъ былъ первый на Руси памятникъ прочнаго зодчества. Дальнѣйшіе успѣхи строительства, какъ плоды сближенія съ Греціей и образованія въ Россіи, являются въ слѣдующихъ построеніяхъ городовъ и храмовъ.

Въ 30-хъ годахъ XI вѣка Ярославъ заложилъ *городъ великый Кыевъ, у него же города суть златая врата* [1]). Въ 40-хъ заложена церковь св. Софіи, въ Новгородѣ [2]). Въ 80-хъ того же столѣтія, Переяславскій Митрополитъ *Ефремъ много зданья вздвиже,* докончавъ церковь Св. Михаила [3]); заложи церковь на воротѣхъ градныхъ, — и строенье баньное; сего же не бысть преже въ Руси, и градъ бѣ заложилъ каменъ, — и украси городъ Переяславскій зданьи церковными и прочьи зданьи [4]).

Въ XII в., именно 1114 г., Мстиславъ *заложи Новгородъ болій перваго. Заложена бысть Ладога каменіемъ на приспѣ* [5]). Въ 27-мъ году того же столѣтія Всеволодъ заложилъ каменную церковь Св. Іоанна, въ Новгородѣ [6]). Въ 30-хъ обновили мостъ чрезъ Волховъ, срубили двѣ деревянныя церкви [7]) и заложили каменную церковь Св. Богородицы, въ Новгородѣ; [8]) въ 40-хъ строили *мостъ новый подлѣ ветхаго* [9]); въ 50-хъ годахъ, совершаются построенія Архіепископа Нифонта, въ Новгородѣ [10]); въ 80-хъ упоминаются новыя зданія, въ Новгородѣ, а въ 90-хъ во Владимірѣ [11]).

Эти построенія и зданія, очевидно, принадлежатъ къ общественнымъ, государствен. или церковнымъ, и составляютъ предметъ благоговѣйнаго уваженія лѣтописцевъ; посему должно ду-

[1]) Лавр. 65. г. 1037.
[2]) Новгор. I, 2.—1045.
[3]) 1123, падеся церкы Св. Михаила Переяславли. Новгор. I, 5.
[4]) Лавр. 89. — 1089.
[5]) Ипат. 4. Новгор, I, 4.
[6]) Новгор. I, 5.
[7]) 1133. Нов. I, 6.
[8]) 1135, Новг. I, 7.
[9]) 1144, Новгор. I, 9.
[10]) 1151, Новгор. I, 11 и 12.
[11]) Ипат., 81; г. 1158.

мать, что въ извѣстіяхъ о построеніи нѣтъ и быть не можетъ никакого пропуска, ни самаго малаго. Какъ высоко цѣнились у насъ подобныя построенія въ концѣ XII в., это можно видѣть изъ описанія, которымъ лѣтописецъ сопровождаетъ извѣстіе о построеніи каменной стѣны у церкви Св. Михаила, у Днѣпра, на Выдобичи, Рюрикомъ Ростиславичемъ, 1199 года,—стѣны, *о ней же мнозѣ не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, оли на дѣло ятися*: сто бо и одинадцать лѣтъ имать отнележе создана бысть церковь, и въ толико лѣтъ мнози же самодержцы преидоша, и ни единъ же послѣдова любви къ мѣсту тому. *Время бо требоваше слугы своего.* Имѣлъ Рюрикъ *ненасытную любовь* къ построеніямъ и нашелъ достойнаго художника, *въ своихъ си пріятелехъ*, именемъ *Милонега*, а въ крещеніи Петра[1]).—Но и такія монументальныя зданія, съ XIII столѣтія, съ нашествія Татаръ, встрѣчаются все рѣже, въ Россіи, а съ XIV вѣка мало по малу сосредочиваются въ одной Москвѣ. Между тѣмъ и старымъ и новымъ сооруженіямъ во всей Россіи грозитъ опасность отовсюду, и отъ непрочности тогдашней постройки [2]) и отъ нашествія и разгрома непріятелей, и особенно отъ пожаровъ, которые преслѣдуютъ русское зодчество съ первыхъ о немъ извѣстій, въ Руси, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе. Говоря о строительствѣ, въ нашемъ отечествѣ, мы заимствовали извѣстія изъ различныхъ его лѣтописей, и, въ вычисленіи древнихъ зданій, указывали на успѣхи зодчества почти всей Россіи; переходя къ разсказу о пожарахъ, мы исключительно будемъ пользоваться Новгородскою Лѣтописью и тѣми извѣстіями, которыя касаются одного Новгорода. Такой распорядокъ долженъ убѣдить читателя, что параллель между строительствомъ Руси и ея пожарами производится нами, по возможности, строго справедливо, и что не въ способѣ нашего изложенія должно искать объясненія, если, къ нашему удивленію, мы насчитаемъ въ одномъ Новгородѣ пожаровъ больше, чѣмъ сколько въ цѣлой Россіи случаевъ построенія. Не забудемъ при этомъ, что лѣтописецъ могъ не быть совершенно точенъ, въ раз-

[1]) 1188, Новгор. I, 19; и 1192, Ипат. 144.

[2]) См. выше извѣстіе о Переяславской церкви, не выстоявшей и 35 полныхъ лѣтъ.

сказахъ о пожарахъ, и могъ не заносить въ свою хронику, посвященную дѣламъ Князей, судьбѣ народа и церкви, всѣхъ пожаровъ, которые, не касаясь зданій общественныхъ, уничтожали одно частное имущество.

Вотъ перечень новгородскихъ пожаровъ. 1045, сгорѣла въ Новгородѣ церковь Св. Софіи; [1]) 1097, сгорѣлъ Дѣтинецъ, крѣпость или новгородскій кремль; 1106 погорѣли хоромы отъ ручья до Св. Иліи; 1111 г. погорѣлъ Новгородъ; 1113 и 1134 были значительные пожары, и въ послѣднемъ случаѣ сгорѣло однихъ *цѣсныхъ церквей* 10. Съ 1135 по 1148 годъ было въ Новгородѣ три пожара; сверхъ того 1152 огонь истребилъ *торгъ до ручья*, т. е. торговую сторону. 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ, и 5 церквей, что повторилось и въ 1181. Въ 1194, *въ недѣлю на святыхъ загорѣлось въ Савкиномъ дворѣ*, и былъ пожаръ *золъ*: сгорѣло 3 церкви и *много дворовъ добрыхъ*. На другой день загорѣлось опять, и сгорѣло 10 дворовъ. «Оттолѣ вста зло; по вся дни загорашеся невидимо и шесть мѣстъ и болѣ, и не смѣяху людіе жировати въ домѣхъ, нъ по полю живяхуть.» [2]) 1211 сгорѣло 15 церквей, да 4300 дворовъ. 1217 загорѣлось *отъ Ивана отъ Ярышевича въ середъ утра, печьнѣ, и погорѣло до удьнія все полъ, не остася ни хорома*, да церквей сгорѣло 15.

Слѣдовательно, впродолженіе менѣе, чѣмъ двухъ столѣтій, съ 1045—1217 г., въ Новгородѣ, было тринадцать пожаровъ. Отмѣтивъ пожары слѣдующихъ годовъ до XV в., а именно: 1231, 1261, 1267, 1299, 1328, 1340, 1342, 1368, 1377, 1385, 1386, 1391 и 1399: [3]) найдемъ, что *въ Новгородѣ на каждое столѣтіе, круглымъ числомъ, приходится по семи пожаровъ, о которыхъ лѣтописецъ считалъ за необходимое говорить болѣе или менѣе подробно*. Послѣдующее время не было милостивѣе къ Новгороду; *другіе города и мѣстности не были счастливѣе Новгорода*. И потому *можно принять это отношеніе за общее выраженіе для количества пожаровъ*

[1]) См. Новг. Лѣт. подъ этимъ годомъ.

[2]) Тамъ же, стр. 22.

[3]) Лѣт. Нов. подъ этими годами. Вообще, въ этой лѣтописи, почти на каждой страницѣ говорится о пожарахъ.

въ древней Руси. [1]) Но вопросъ не рѣшается однимъ числомъ или количествомъ событій. Древніе пожары сопровождались иногда грабежами, а иногда потерею жизни для многихъ сотенъ и тысячъ народа. Опасность грабежей вызвала обычай, о которомъ такъ часто упоминается въ лѣтописи, сносить, на время пожаровъ, имущества, пожитки и товары въ храмы Божіи, какъ мѣста болѣе обезпеченныя своею постройкою отъ огня, и болѣе защищенныя своего святынею отъ насилія. И что же? Часто случалось, при обширныхъ и сильныхъ пожарахъ, что и церкви Божіи не могли остановить руки грабителей, которые вламывались туда силою, и пятнали помостъ храма кровію хозяевъ или сторожей, берегшихъ имущества [2]). Опасность, которою грозилъ огонь для жизни человѣка, часто заставляла Новгородцевъ оставлять ихъ домы, выходить въ поля или переселяться въ лодки, на Волховъ. *И бѣ видѣти*, повторяетъ лѣтописецъ, въ такихъ случаяхъ, *весь градъ движущься*,—*людіе не смѣаху въ городѣ жити, но по полю, иніи по рли живяху*,—*бѣгаша по недѣли и болѣ*,—*а иніи по берегу въ учанѣхъ*[3]). Но случалось, что пожаръ превращался въ бѣдствіе повсюдное, и жителямъ *чудилась кончина міра*,—*огнь хождаше по водѣ*, великій мостъ сгоралъ до воды, и самъ Волховъ не былъ въ состояніи спасти погибавшихъ отъ дыму и пламени[4]). Чтобы видѣть въ одной картинѣ разнообразныя страданія, тяготѣвшія на древнихъ по случаю пожаровъ, выписываю мѣсто, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о новгородскомъ пожарѣ 1508 года [5]).

«Августа въ 20-й день, въ 1 часу дня, на заутрени, въ недѣлю, бысть пожаръ золъ: загорѣлось на Славковѣ улицѣ, въ Окуловѣ двори, Хмѣльновѣ, у Логиновой жены Катерины, въ клѣти отъ свѣчи, и погорѣла торговая сторона вся, и

1) Замѣчательнѣйшіе пожары въ Москвѣ со Всесвятскаго 1365, были 1445, 1493, 1548, 1591...

2) Новгор. Лѣт. 1267, 1299, 1340, 1442.

3) Тамъ же 1342, 1340.

4) Тамъ же, 1231, 1267, 1299 и т. д.

5) Новгор. Лѣт. II, стр. 147.

многи палаты позасыпались, и животовъ безъ числа сгорѣло,—и николи же въ великомъ Новгородѣ таковъ пожаръ не бывалъ, ни въ прежнихъ лѣтѣхъ, но вельми былъ страшенъ, ни въ лѣтописцахъ такого пожара иного не обрѣтохомъ, толь злого, яко облаци дождовни того дни не быша, и за много дней бысть веліе ведро, и грѣмѣніе, — и найде же на люди страхъ и бѣда велика *и другъ друга не можетъ помощи пособити*, мнози же человѣци съ жонами и дѣтьми и съ животы своими сбѣгоша въ садъ Арбузовскій, иже бысть на Никитинѣ улици, а чаяху великія тоа бѣды избыти, и не избыша, и пріиде на нихъ вихрь великъ и вси людіе изгорѣша и садъ весь и съ коренія изгорѣша вырываа, и никто же остася въ саду томъ людей бывшихъ, и всѣ лежатъ, яко свиніи огорѣша, овому темя огорѣша, а иному чрево погорѣша, а иныхъ руки и ноги огорѣша, и никто же можетъ познати своего мертвеца, ни отецъ сына, ни мати дщери, ни сынъ отца, ни дщери матери, ни братъ брата. Стояху же людіе надъ мертвыми, глаголаху съ плачемъ: посли, Господи, на насъ горы, и т. д. — О утопшихъ скажемъ: какъ садъ горѣлъ, и бысть вихрь великъ, Волхова рѣка суды велики съ людьми и съ животы ношаше и въ огнь вметаше; истопшихъ нѣсть числа. А всѣхъ душъ сгорѣло 3315, а утопоша душъ Богъ вѣсть».

Конечно, не всѣ случаи пожаровъ были такъ страшны, и вообще рѣдки были ужасы, подобные описаннымъ подъ годомъ 1508. Но припомнимъ, что, въ это время, неурожаи посѣщали Россію по 8 разъ въ столѣтіе, слѣд. чрезъ каждыя 13 лѣтъ; да моровыя повѣтрія по 6 разъ, слѣд. чрезъ каждыя 17 лѣтъ; откуда выйдетъ, что, съ пожарами, являвшимися по семи разъ во 100 лѣтъ, повторяясь чрезъ каждыя 14, одни физическія несчастія, въ Руси, составляли сумму 20 событій въ столѣтіе, и возобновлялись чрезъ каждыя пять лѣтъ, то одно, то другое. Посему количество пожаровъ, само по себѣ, независимо отъ своего качества, должно возбудить вопросъ о томъ, что̀ дѣлалъ русскій народъ противъ такихъ бѣдствій? Переходя къ изложенію мѣръ древней Руси противъ пожаровъ, мы должны сдѣлать общее о нихъ замѣчаніе, и отдать справедливость и религіозному чувству и здравому уму

нашихъ предковъ. Описанное нами свойство нѣкоторыхъ древнихъ пожаровъ, при ихъ большомъ количествѣ, естественно, заставляло предковъ нашихъ разсматривать пожары, какъ непосредственное явленіе Божія гнѣва за грѣхи людей. И лѣтописецъ, вѣрный духу времени, всякій разъ начинаетъ разсказъ свой о пожарѣ выраженіемъ: *по грѣхомъ, или за грѣхи наши* [1]), и ограничивается вычисленіемъ погорѣвшихъ храмовъ Божіихъ, дворовъ добрыхъ, да улицъ и концевъ Новгорода, съ душами и животами. Замѣтимъ однакожь, что законное религіозное воззрѣніе Руси на пожары, какъ на явленіе гнѣва Господня, не переходило у насъ въ фатализмъ, и не связывало ума и рукъ народа. Время пожара,—единственное обстоятельство, которое постоянно встрѣчается въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ — и оно не пропало даромъ, безъ пользы, для Россіи; напротивъ послужило впослѣдствіи основаніемъ мѣръ и общинныхъ и государственныхъ противъ пожаровъ. Пожары, *въ древности*, случались почти исключительно *весною, лѣтомъ и осенью* [2]), въ такія времена года, когда можно было обойтись безъ огня, и русскій народъ и законъ, воспрещая на это время топку печей, умно воспользовались историческимъ даннымъ. Правда, это является въ актахъ не раньше XVI в.; но, на дѣлѣ, Россія никогда не оставалась безпомощной.

Пока въ Руси господствовало движимое имущество, сохраненіе его было дѣломъ хозяина, дѣломъ частнымъ. Всякій заботился о себѣ; бѣда чужая никого не трогала и не касалась. Осторожность въ обращеніи съ огнемъ служила единственнымъ средствомъ противъ пожара. Но, съ одной стороны, частныя лица, у насъ, жили общинами, и требовали отъ нихъ защиты; съ другой стороны, когда богатство народа приняло формы недвижимаго, и явилось въ монументальныхъ зданіяхъ, въ храмахъ и монастыряхъ, въ крѣпостяхъ и стѣнахъ; тогда пожаръ содѣлался бѣдствіемъ общественнымъ. И мѣры противъ огня перешли къ дѣятельности обществъ и общинъ, городовъ, селъ и улицъ. Лѣтописи начи-

[1]) Наприм. 1167, 1298, 1399, и др.

[2]) 1267, 1299, 1340, 1342, 1399, 1442 и друг.

паютъ говорить о пожарахъ и мѣрахъ противодѣйствія. Мы изъ источниковъ современныхъ открываемъ, въ древнѣйшей Руси до XVI вѣка, двѣ общественныя мѣры противъ пожаровъ. А именно, при усилившемся пожарѣ, духовенство и власти установляли постъ всенародный и крестные ходы, какъ напр. 1342, когда *Владыко Новгорода съ Игумены и попы замысли постъ и хождаху со кресты* [1]): съ своей стороны, *добрые люди*, члены общины, движимые состраданіемъ, или собственною пользою, сбѣгались на мѣсто пожара, разламывали горящіе домы и такимъ образомъ отнимали у огня его добычу. Объ этомъ упоминается часто, начиная съ 1194, гдѣ впервые говорится о томъ, что *уняли пожаръ* у такой — то улицы [2]). Подъ 1299 г. лѣтописецъ упоминаетъ именно, что *добрые люди уяша*; подъ 1494 вообще говоритъ: *переняли* пожаръ такъ, что *одна сторона улицы горѣла, другая не горѣла*; подъ 1549 упоминается о томъ, что *разметали домъ* и проч. И ни одна изъ этихъ мѣръ не была напрасна и безполезна, въ томъ или другомъ отношеніи. Молитвы несомнѣнно были направлены и дѣйствовали противъ *поджигательства* и противъ *грабительства*, что знаемъ изъ древнихъ обрядовъ въ недѣлю православія, гдѣ грабители иногда подвергались анаѳемѣ; а мѣры пресѣченія, по началу взаимной помощи и общиннаго устройства, успѣшно дѣйствовали противъ усиленія пожаровъ, и выраженіе лѣтописца: *уяша*, *уняли*, переняли или остановили служатъ доказательствомъ дѣйствительности мѣръ общинныхъ противъ пожара. Съ другой стороны, молчаніе лѣтописцевъ о поджогахъ и даже о подозрѣніи въ поджогахъ, до 1442 г. [3]), составляетъ ясное доказательство въ пользу благотворной дѣйствительности молитвъ и постовъ всенародныхъ. Извѣстіе Новг. Лѣтописи: «а иніи паки зліи человѣци почаша добрыхъ людій домы зажигати, гдѣ чююче рожь» относится ко времени ужаснаго голода, къ событію исключительному. Это доказывается еще тѣмъ, что и въ 1442 году, когда впервые Новгородцы дозволили себѣ хватать людей подозрительныхъ, лѣтописецъ

[1]) См. мою ст. о древн. Моск. гор. полиціи, отд. оттиска стр. 12 и сл.
[2]) Новг. Лѣт.
[3]) Тамъ же.

называетъ ихъ *смущенными отъ ярости и отъ скорби тоа великiя пожарныя*, и сомнѣвается въ справедливости подозрѣнiя и обвиненiя. И такъ со времени общественнаго строительства, и по лѣтописи, дѣятельность сохраненiя становится общественнымъ интересомъ и дѣломъ общественнымъ. Тутъ, по документамъ, являются отношенiя частныхъ лицъ къ общинѣ, и потребность установить взаимныя права общинъ и членовъ, особенно въ географич. общинахъ, городахъ, посадахъ, деревняхъ. Изъ этихъ общинъ всего яснѣе дѣйствуютъ Москва, Новгородъ, вообще большiя города [1]).

Москва много страдала отъ пожаровъ, начиная съ XIV в., съ извѣстнаго Всесвятскаго пожара. Сначала въ Москвѣ, безъ сомнѣнiя, дѣйствовали противъ пожаровъ также, какъ въ Новгородѣ и во всѣхъ городахъ Руси. Но въ Москвѣ были В. Князья, которые могли усилить мѣры общинныя; въ Москвѣ впослѣдствiи жили Цари, которые старались ввести новыя мѣры, предполагающiя уже дѣятельность государственную. Не могло остаться безъ послѣдствiй то, что во время Московскаго пожара, 1472 г., В. Князь *самъ ѣздилъ повсюду, повелѣвая* разметывать домы, объятыя пламенемъ [2]); или въ другомъ случаѣ 1479, когда тотъ же *В. Князь съ своимъ сыномъ, всю ночь и четыре часа дни, съ коней не ссѣдали*, присутствуя на пожарѣ, распоряжаясь, и даже *своими руками разметывая* [3]). Понятно, что въ Москвѣ раньше другихъ мѣстъ Руси должны были явиться рѣшетки, и дѣйствовать законныя правила осторожности; что здѣсь первоначально могли быть введены объѣзды, съ ихъ головами; и отсюда уже это устройство должно было распространяться по остальнымъ общинамъ и городамъ Руси.

Такъ въ Москвѣ, съ Iоанна III, съ 1504 г., появляются рѣшетки, а вскорѣ потомъ объѣзды, съ ихъ головами и наказами [4]). Смыслъ объѣздовъ и ихъ наказовъ существенно основанъ на вѣковомъ опытѣ Россiи, что пожары у насъ бывали

[1]) Лѣт. Новг. I.

[2]) Карам. Ист., VI, Примѣч. 629.

[3]) Тамъ же, стр. 472.

[4]) О древн. Моск. город. полицiи, 19.

только весною, лѣтомъ, осенью,—что они происходили, не сомнѣнно, отъ неосторожности, и поддерживались сухимъ временемъ года,—и что этой бѣдѣ можно помочь воспрещеніемъ топить избы и печи въ такое время, когда комнатная теплота для человѣка не совершенно необходима, а печеніе и вареніе пищи можетъ быть и внѣ и вдали жилья человѣческаго. И вотъ составъ и дѣятельность этихъ объѣздовъ. Ежегодно съ конца марта или апрѣля и мая [1]), по Царскому наказу, назначались для разныхъ частей Москвы свои объѣзжіе головы [2]), съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ или товарищей изъ рѣшеточныхъ прикащиковъ, и съ подъячими, для письмоводства. Эти объѣзжіе головы начинали свое дѣло тѣмъ, что ѣздили по ввѣренной имъ части города, объявляя такъ называемый указъ: до слѣдующей осени, мыленъ, избъ и печей въ домахъ не топить; потомъ росписывали жителей своей части на десятки, по дворно, и съ каждыхъ десяти дворовъ назначали по одному сторожу, который долженъ быть снабженъ рогатиной, топоромъ и т. п. Сторожа располагались по извѣстнымъ мѣстамъ, съ обязанностію день и ночь, безъотлучно, находиться и стоять на постахъ своихъ, а объѣзжіе головы обязаны были ѣздить непрестанно день и ночь, по всему своему участку. Дѣятельность тѣхъ и другихъ состояла въ наблюденіи: 1) что бы нигдѣ, безъ нужды, огня не было, и лѣтомъ бы никто избъ и мыленъ не топилъ, напр. *съ Радуницы по Семенъ день* т. е. по 1 сент. [3]); 2) чтобы съ огнемъ никто не ходилъ, и ночью поздо не сидѣлъ; 3) что бы серебренники, бронники, кузнецы и тому подобные мастеровые выносили въ огороды свои мастерскія на означенное въ наказѣ время. Далѣе, 4) они должны были въ случаѣ необходимаго исключенія изъ общаго запрещенія топить избы,—

[1]) Напр. 1597, Мая; 1648, Апрѣля; 1667, 1675 Апрѣля и Мая; 1688— Марта.

[2]) О Моск. гор. полиціи, 20 и слѣд. Для Кремля, Китай-города, и т. п. Сверхъ того для населенія духовнаго особые Патріаршіе объѣзжіе головы до 1675.

[3]) Ист. Ак. II, № 342. Наказъ, 1608, Смоленск. воеводамъ.

исключенія, сдѣланнаго въ самыхъ наказахъ, на пользу *черныхъ сотенъ людей, больныхъ* и родильницъ, непрестанно находиться въ домѣ и дворѣ, гдѣ такая топка производилась [1];— а наконецъ, 5) въ случаѣ пожара, объѣзжіе должны были являться на мѣсто пожара съ людьми своими и снарядами или запасами, и стараться домы отъ огня отнимать и огонь тушить. Имъ же вмѣнялось въ обязанность дѣлать розысканіе о причинѣ пожара, и подвергать виновныхъ суду, который грозилъ иногда *смертію* виновнымъ [2]).

Марта 3-го 1560 г., *велѣли Царевы и В. Князя дьяки въ Великомъ Новгородѣ Ноугородцамъ, по улицамъ, по избамъ, по своимъ дворомъ, по хоромомъ бочки и дщаны съ водою ставити у дымницъ, и вѣникомъ на шестѣхъ на хоромѣхъ быти, на всякой избѣ* [3]). Несмотря на то, что и въ томъ же 1560 году пожаръ пустошилъ Новгородъ 10-го апрѣля, 11-го апрѣля, и въ другіе мѣсяцы и въ послѣдующіе годы, Новгородцы выполнили указъ Царя только въ 1571 году, когда впервые начали въ Новгородѣ *ставить на избахъ бочки съ водою у дымницъ, да и вѣники на шестѣхъ. Да не велѣли избъ топити*, и Новгородци *дѣлали печи въ огородѣхъ и по дворомъ, гдѣ хлѣбы печи и калачи* [4]). Въ томъ же году, по случаю пожара, іюня 26, *на мосту рѣшетки замкнули, людей не пущали съ Софійской стороны и съ земщины въ торгъ*, т. е. на торговую сторону [5]). Такъ Московская городская полиція была мало по малу перенесена въ Новгородъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи она принималась легче. Мы встрѣчаемъ ее въ Полотскѣ, съ 1563 года [6]), встрѣчаемъ даже по селамъ, съ 1583 [7]); наконецъ вездѣ, какъ явленіе общиннаго устройства, развитое вліяніемъ государственной дѣятельности [8]).

[1]) См. статью о Москов. город. полиціи, 20 и слѣд.

[2]) Новгор. Лѣт. II, стр. 160.

[3]) Тамъ же.

[4]) Новг. II Лѣт.

[5]) Тамъ же.

[6]) Истор. Ак. I, № 169.

[7]) Тамъ же, № 111.

[8]) Оттискъ статьи о Моск. город. полиціи стр. 19.

Изъ сказаннаго видно, что съ XVI в., къ средствамъ пресѣченія пожаровъ у насъ присоединяется *по закону* мѣра предупрежденія, состоящая въ осторожномъ обращеніи съ огнемъ. Конечно, эта осторожность не впервые вводится закономъ въ обычай народа; конечно, она существовала и до закона и до появленія всѣхъ мѣръ общинныхъ противъ пожара. Законъ XVI вѣка только объобщилъ ее и объявилъ обязательною, отвѣтственною предъ судьею. Того требовала справедливая польза общины. Естественно, что, съ каждымъ улучшеніемъ дѣятельности общинной, или пресѣченія пожара, ослаблялась дѣятельность частныхъ лицъ, или осторожность въ обращеніи съ огнемъ; и законъ, содѣйствовавшій въ XVI в., усиленію общинной дѣятельности, долженъ былъ также утвердить и обезпечить выполненіе обязанности частныхъ лицъ. Отмѣтимъ здѣсь важное слѣдствіе, которое вытекало изъ такого направленія закона. Разъ обративши свое вниманіе на взаимное отношеніе между дѣятельностію сохраненія частною и общинною, законъ не могъ уже остановиться, и, съ этого перваго шага приведенія въ соразмѣрность такой двойной дѣятельности, онъ долженъ былъ постоянно слѣдить за нею. Нашедши впослѣдствіи, что однѣми угрозами наказаній нельзя было постоянно поддержать энергіею частныхъ владѣльцевъ тамъ, гдѣ непрестанно соблазняла ихъ надежда на общинную помощь; законъ долженъ былъ прибѣгнуть къ особенному свойству имущества, къ особому матеріалу и способу построенія, для вынужденія у частныхъ лицъ, самою природою вещи и самою стоимостію ихъ имуществъ, всего необходимаго ихъ вниманія и всей необходимой осторожности въ обращеніи съ огнемъ. Вотъ происхожденіе русскихъ законовъ о частныхъ зданіяхъ, и вотъ связь, существующая у насъ между законами о пожарахъ и о частныхъ построеніяхъ, гдѣ уже законъ принужденъ ограничивать произволъ хозяина и его право на собственность и на пользованіе имуществомъ. Первый примѣръ такого закона встрѣчаемъ мы въ нашихъ актахъ 1681 года, окт. 28 [1]) когда Өедоръ Алексѣевичь повелѣлъ, что бы кровли на домахъ,

[1]) Румянц. Собран. Госуд. Грам. IV, № 127.

въ Москвѣ, дѣлать изъ тесу, а не изъ соломы, или драни; и впредь, въ Кремлѣ и Китай-городѣ и вблизи этихъ частей и по большимъ улицамъ Москвы, не строить *платнаго, жилаго строенія* изъ бревенъ и дерева, а *изъ кирпичу*, который казна берется доставлять жителямъ, *по полутору рубля за 1000*. Сверхъ того, въ томъ же указѣ, Царь повелѣлъ, всѣ дома на Москвѣ отдѣлять одинъ отъ другаго *каменною стѣнкою*, или брантмауеромъ, для избѣжанія большихъ пожаровъ.

Особенно съ Петра В. строительная часть Россіи получаетъ свое развитіе. Откуда новое начало нашего закона, по которому не столько довѣряется частной осторожности, сколько свойству имуществъ, или механическому устройству дѣла. Это взглядъ Петра В. Его времени принадлежатъ первыя общія правила для частныхъ зданій въ Петербургѣ, Москвѣ и наконецъ во всѣхъ городахъ Россіи. Конечно, не всѣ распоряженія В. Петра строго вытекаютъ изъ необходимости, самымъ свойствомъ и способомъ постройки, противодѣйствовать огню и пожарамъ; его строительные уставы имѣютъ болѣе широкое основаніе. Указъ 1714, окт. 9, [1]), по которому всѣ работы строительныя, во всей Россіи, подъ опасеніемъ ссылки, должны быть остановлены для сосредоточенія силъ и средствъ въ одномъ Петербургѣ и частію въ Москвѣ,—такой указъ свидѣтельствуетъ, что вопросъ о построеніи у Петра В. былъ вопросомъ государственнымъ. Но законы о частныхъ постройкахъ, о томъ, какъ должно строить частныя зданія, въ столицахъ и городахъ, существенно должны быть основаны на соображеніи безопасности отъ пожаровъ. Сюда принадлежатъ слѣдующія правила о построеніи частныхъ зданій: 1, прямолинѣйность, образующая свободныя къ проѣзду улицы и проулки; 2, прочность матеріала, изъ котораго строятся домы, и особенный способъ кладки печей, не съ полу, а съ фундамента; 3, выведеніе изъ употребленія избъ курныхъ, домовъ съ деревянными трубами; 4, осмотръ печей, трубъ печныхъ и борововъ со стороны мѣстной полиціи, въ опредѣ-

[1]) П. С. З. № 2848: «запрещается во всемъ государствѣ на нѣсколько лѣтъ всякое каменное строеніе, какого бъ названія ни было, подъ разореніемъ всего имѣнія и ссылкою.»

ленные сроки; 5, введеніе по всюду пожарныхъ снарядовъ, равно какъ 6, построеніе троттуаровъ [1]).

Послѣ этого дѣлается яснымъ, что строительный уставъ вызванъ у насъ необходимостію противодѣйствовать пожарамъ, и составляетъ, такъ сказать, часть пожарнаго устава. Понятно также, что, съ этого времени, съ каждымъ улучшеніемъ въ строительной части, съ каждымъ пожертвованіемъ частныхъ лицъ на пользу возведенія зданій болѣе прочныхъ и дорогихъ, естественно, рождалась у нихъ потребность въ лучшемъ устройствѣ мѣръ для погашенія пожаровъ, и болѣе обезпеченномъ дѣйствіи собственно пожарнаго устава. Отсюда вытекало взаимодѣйствіе между строительной частію и пожарною; отсюда же вытекала и та перемѣна въ устройствѣ пожарной части, которая началась при Петрѣ В., и совершилась впослѣдствіи. Натуральная повинность населенія мало по малу обращалась въ денежную, непосредственныя усилія всего общества противъ огня мало по малу переходили къ особеннымъ установленіямъ, къ пожарнымъ командамъ. Натуральная, непосредственная, древняя общинная повинность тушить огонь осталась только тамъ, гдѣ и строительная часть вполнѣ еще зависитъ отъ невозмутимаго произвола домохозяевъ, слѣд. почти исключительно въ селахъ. Но какъ потушеніе пожара, во всякомъ случаѣ, лежитъ, тяжестію на общинѣ; и въ какой бы формѣ оно ни производилось, посредствомъ ли пожарныхъ командъ и пожарныхъ депо, содержимыхъ отъ города, или непосредственнымъ дѣйствіемъ разныхъ членовъ сельской общины, одного съ ведромъ, другаго съ крюкомъ и т. п., повсюду усилія погашенія стóятъ жертвъ и потерь для общины: то, въ замѣнъ своей обязанности, община вездѣ имѣетъ право требовать, чтобы частные владѣльцы дѣлали все, отъ нихъ зависящее, для предупрежденія пожара и для спасенія общины отъ напрасныхъ убытковъ. Отсюда объясняется, почему впослѣдствіи и въ селахъ и особенно въ городахъ и мѣстахъ, гдѣ строительство развилось наиболѣе, должно было постепенно усиливать строгіе законы объ осторожности, или дѣятель-

[1]) Оттискъ ст. о Моск. Гор. Полиціи 41.

ности частныхъ лицъ и владѣльцевъ. Такъ строительство древней Руси было поводомъ къ умноженію пожаровъ; такъ строительство новой Руси вызываетъ мѣры къ противодѣйствію пожарамъ. Отсюда же наконецъ объясняется обязательность и полный составъ пожарнаго устава, въ которомъ прежде всего излагаются правила о построеніи, обезпеченномъ противъ огня; потомъ мѣры законной осторожности, предписанной подъ страхомъ наказаній; и наконецъ опредѣленія законной дѣятельности обществъ, состоящей въ пресѣченіи пожара.

Такъ какъ однакожь не можетъ быть ни столько осторожности отъ огня со стороны частныхъ лицъ, ни столько успѣха въ погашеніи огня, усиліемъ общества, чтобы человѣкъ могъ всегда и вполнѣ быть обезпеченъ отъ дѣйствія пожаровъ: то новѣйшія общества прибѣгли къ особой мѣрѣ— застрахованію. Но это уже явленіе Новой Исторіи, которое выходитъ за предѣлы нашего изложенія.

Въ заключеніе вопроса о сохраненіи народнаго богатства, скажемъ нѣсколько словъ *о мѣрахъ противъ наводненій въ Россіи.* Мы еще прежде замѣтили, что Россія не столько боялась воды, сколько огня, и отсюда объясняемъ малочисленность узаконеній относительно наводненій. Обводные каналы, могшіе спасать народъ отъ чрезмѣрнаго возвышенія воды въ рѣкахъ, и содѣйствовать другимъ цѣлямъ, извѣстны были въ Египтѣ, Вавилоніи. Очищеніе русла Тибра ad coercendas inundationes дѣлалось предметомъ законодательства въ Римѣ еще со временъ Августа. На западѣ Европы, издавна существуютъ даже *плотинные союзы* или Deichsverbande, съ ихъ Deichsgraffen или *графами плотинъ,* воздвигаемыхъ противъ напора водъ. Въ Россіи, особенно древнѣйшей, до XVII вѣка мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго; сама природа охраняла насъ отъ труса и потопа. Нельзя сказать, чтобы Россія оставалась постоянно и по-всюдно безопасною отъ воды; но съ другой стороны, по свидѣтельству актовъ, опасность отъ воднаго нашествія была для Руси весьма незначительна. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что самые хлѣба и овощи терпѣли болѣе отъ холодовъ и жаровъ, чѣмъ отъ мокроты и дождей. Что касается до затопленій, вотъ извѣстія.

Русская Правда занесла въ свои статьи случай, если купецъ *истопитъ товаръ свой*; Ярославовъ уставъ о земскихъ дѣлѣхъ говоритъ *о затопленіи*, причиняемомъ *мѣльницею.* Каждый желающій, говоритъ уставъ, можетъ устроить мѣльницу. Если она будетъ причиною затопленія полей и луговъ, хозяинъ обязанъ *соблюдать безпакостное*, т. е. устроить такъ, чтобы отъ мѣльницы сосѣдямъ не было вреда; если же нельзя будетъ удержать воду отъ затопленія, *да упразднится мѣльница.*

О Кіевѣ лѣтописецъ именно говоритъ, что первоначально городъ былъ расположенъ на горѣ, изъ боязни затопленія, и что Подолъ началъ заселятся только при Владимірѣ Мономахѣ [1]). Весьма вѣроятно, что наводненіе и его слѣдствія, описанныя въ Ипатьевскомъ спискѣ, подъ 1129 г., когда *бысть вода велика, потопи люди и жито, и хоромы внесе,* [2]) относится къ жителямъ Подола или нижней части Кіева.

Далѣе встрѣчаемъ извѣстіе о Галичѣ, въ которомъ *бысть потопь велика*, разлился Днѣстръ, и *потопи человѣкъ болѣ* 500, *иже бяху пошли съ солью изъ Удеча* [3]).

Во Псковѣ, лѣтомъ 1456, отъ дождей *бысть вода, аки веснѣ;* [4]) а осенью 13 ноября, 1479, *бысть вода велика, и снесе ледъ, — много стоговъ сѣнныхъ снесе* и *всякыя запасы и хоромы. И пакы* 7 *декабря бысть тепло и вода велика* и пр. [5])

Всего чаще, въ Новгородѣ, Волховъ производилъ опустошенія, отъ которыхъ болѣе всего доставалось великому мосту, служившему, такъ сказать, барометромъ и мѣрою погоды для Новгородцевъ. Такъ, исчисляя одни важнѣйшіе случаи, можемъ упомянуть годъ 1145, когда *найде дъждь* или дождь, *яко не видѣхомъ*, говоритъ лѣтописецъ, *ясна дни ни до зимы, а много бѣ уиме житъ, и сѣна не удѣлаша, — утопоша два попа* [6]) Подъ 1421, II Нов. Лѣтопись разсказываетъ

[1]) Лавр. 23.

[2]) Ипат. 12.

[3]) Ипат. 92.

[4]) Псков. II 32.

[5]) Псков. II 38.

[6]) Новгор. I, 6, далѣе стр. 9, 10, 44, 77, 83, 138 и друг.

слѣдующее: *извѣстно увѣдахомъ, прочитающе старые лѣтописцы о нашествіи водномъ, еже бысть въ Великомъ Новгородѣ, въ древняя лѣта, колько множествомъ воднымъ и возмущеніемъ волнъ исторжена быша мостная строенія, нынѣже нашима очима видѣхомъ великое нашествіе водное, яко множествомъ воды и тяжкаго нашествія леднаго попрану быти мосту великому и прочимъ многимъ мостомъ, иже окрестъ града, еще же и примостки уличніи разбишася возмущеніемъ воднымъ, и хоромы мнози отъ основанія испроврежены быша, и нѣціи живяху на версѣхъ кождо храмины своея.* «Монахи и духовенство, въ лодьяхъ или по доскамъ пробирались къ церквамъ, гдѣ было можно, для совершенія божественной службы.» *Ограды садовые разбіени быша, и иже въ нихъ древеса плодовита много искоренена и погублена отъ бури вѣтренныя.—Сеже бѣ мѣра вшествія воды: горѣ до градныхъ вратъ Прусьскія улицы.* Очевидно, у насъ мало извѣстій о дѣйствіи воды. Судебникъ повторяетъ статью Рус. Пр.; Уложеніе говоритъ лишь о подтопленіи луговъ и полей, въ значеніи повинности частнаго права, по смыслу распоряженій устава о Земскихъ дѣлѣхъ. Несмотря на все это, мы имѣемъ свидѣтельство, что рытіе каналовъ или *копаней* и *водопроводное дѣло*, съ искусствомъ совершать его, были извѣстны до царствованія Петра В., и—за долго, за нѣсколько сотъ лѣтъ до проведенія Ладожскаго канала. Слѣдовательно недостатокъ извѣстій о мѣрахъ противъ наводненій есть доказательство незначительности вреда, который могли нанести Руси наводненія. Эти выводы необходимо представляются уму при соображеніи извѣстій о перекопахъ, или каналахъ, извѣстныхъ у насъ съ 1341 г. [1]), и при чтеніи слѣдующей отписки К. Ивана Дашкова и Богдана Приклонскаго, воеводъ Терскихъ или г. Терека, къ воеводамъ Астраханскимъ, отъ 8 Марта, 1629: [2]) «указалъ Государь Царь и В. К. Михаилъ Ѳеодоровичъ ѣхати намъ на *новую копань*, что копалъ К. Василій Щербатой, и тое всее копани досмотрити, сколь широка и глубока та *новая* копань

[1]) Акт. Истор. III, № 290.

[2]) Временн. Кн. 25, Отд. Матер. стр. 30, по лѣтописи Каменнаго Монастыря, Сухоны соединены каналомъ со временъ Калиты.

выкопана, и впередъ прочна ли, и порухи отъ чего не чаять ли, и подъ Терскій городъ быстрая вода безъ застою идетъ ли, и нынѣ подъ Терскимъ городомъ изъ Быстрые рѣки прѣсная быстрая вода есть ли и до моря шла ли?—Ѣздили мы къ Быстрой рѣкѣ на ту *новую* копань, а съ собою, Господа, имали *водопроводныхъ мастеровъ*, Самойла Фрика съ товарыщи, и тое всее копани осматривали и измѣрили, сколь широка и глубока та новая копань выкопана, и сколько тое новые копани прибавить въ ширину и глубину, и, *по водопроводныхъ мастеровъ смѣтѣ и по нашему досмотру*, надобѣ тое новой копани, и съ прежнею всего копати 2350 саженъ, да съ устья копать берегу для ширины въ 3, а въ длину 50 саженъ, а глубины полторы сажени, а дѣловыхъ людей къ той копани надобѣ 600 человѣкъ.» А вотъ форма древнѣйшихъ подрядовъ съ казною: «велѣно кликать биричю, вездѣ, по многіе дни, чтобъ охочіе люди, которые похотятъ наймоваться къ Терскому водопроводному дѣлу, шли уговариваться къ воеводамъ и дьякомъ». На мѣстѣ оказалось только 100 охочихъ, изъ гулящихъ Татаръ, съ платою по 22 алтына и по 2 деньги съ сажени.» Вотъ что́ было извѣстно въ древней Россіи. Дальнѣйшіе успѣхи береженья отъ воды и дѣятельность *водяныхъ архитекторовъ*, какъ ихъ назвалъ Петръ В., извѣстны особенно по обводнымъ каналамъ Петербурга. Въ Петербургѣ же установлены и мѣры къ спасенію, или сигналы на случай чрезмѣрнаго возвышенія воды, т. е. fuge procul.

Изъ нашего изложенія ясно, что общественныя физическія несчастія входятъ въ исторію народа не по одному своему явленію, не однимъ количествомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ народной цивилизаціею, и зависящимъ отъ условій мѣстности, или отъ законовъ внѣшней природы. Напротивъ они входятъ въ исторію народа только по мѣрѣ своего вліянія на общество,—мѣрѣ, опредѣляемой степенью противодѣйствія, или реакціей народа, его ума, дѣятельности, развитія. Исторія народа есть исторія его жизни, такъ сказать, его жизненности, и его права на жизнь. Такъ въ исторіи нашего народа, количество физическихъ несчастій было велико, но ихъ вліяніе постоянно ослабля-

лось противодѣйствіемъ народа. Смертныхъ голодовъ нашли мы не много въ древней Россіи; повѣтрія были останавливаемы энергіей народнаго духа или разсудительными врачебными средствами; пожары были унимаемы, прекращаемы и предупреждаемы усиліями общинъ и всего народа. Такъ исторія физическихъ бѣдствій, въ древней Руси, составила часть исторіи народной дѣятельности, и послужила своего рода показателемъ и памятникомъ русской цивилизаціи. Только народы безъ цивилизаціи испиваютъ чашу этихъ бѣдствій до дна, подвергаясь безпрепятственному дѣйствію внѣшней природы, то въ видѣ голодовъ, истребляющихъ цѣлыя поселенія,—то въ формѣ повѣтрій, дѣйствующихъ до истощенія міазма,—то въ образѣ пожаровъ, уничтожающихъ все до послѣдняго бревна. Не такъ было въ древней Руси, ведшей счастливую борьбу со внѣшнею природою.

II. *Законы предупредительные, направленные противъ дѣйствій человѣка.*

Предупрежденіе, направленное противъ человѣческихъ дѣйствій, ограничиваетъ человѣка въ этихъ дѣйствіяхъ, принуждая его, внѣшними средствами, или не дѣлать всего, что ему хочется, или не исполнять того, что имъ задумано. Предупрежденіе ограничиваетъ свободу человѣка, поставляемую во власти разумнаго существа дѣйствовать по собственнымъ, внутреннимъ побужденіямъ, независимо отъ внѣшняго вліянія, и не подчиняясь такому вліянію. И дурныя дѣйствія, какъ дѣйствія, должны быть свободны; только за свободныя дѣйствія виновный можетъ быть подвергнутъ суду, приговору и наказанію по законамъ. Какимъ же образомъ можетъ быть допущено, оправдано, или даже освящено закономъ предупрежденіе, явно нарушающее личную свободу, высочайшее изъ правъ и преимуществъ человѣка?

Но посмотримъ на дѣло съ другой стороны. Каждый человѣкъ, свободный и разумный, имѣетъ право такъ же несомнѣнное и святое, осторожностію и благоразуміемъ, сохранять и спасать себя и свое какъ отъ вліянія природы, такъ и отъ дѣйствій человѣка, и, въ послѣднемъ случаѣ, запирать

свое на ключь и засовъ, и вооружать себя въ предупрежденіе возможныхъ нападеній. *Замо̀къ* и *оружіе* составляютъ предупредительныя мѣры частной, личной осторожности, которыхъ нельзя отнять у человѣка, не лишая его правъ и не стѣсняя его свободы. Но каждое человѣческое общество, отъ села и города до церкви и государства, есть союзъ свободныхъ личностей и, въ этомъ значеніи, есть существо свободное и разумное, которое такъ же не можетъ быть лишено права имѣть свой замо̀къ и свое оружіе противъ всякаго, кто рѣшится дѣйствовать разрушительно на его выгоды, его интересы или на его бытіе. Этотъ замокъ — ограниченіе входа въ общество, а это оружіе—наказаніе за преступленія, или аналогическія установленія. Въ обширномъ значеніи, сами уголовные законы входятъ въ разрядъ мѣръ предупредительныхъ. Кто рѣшается на преступленіе, не можетъ не видѣть въ перспективѣ Сибири, висѣлицы, эшафота, которые, съ своей стороны, не могутъ не стѣснять его свободы дѣйствій, не могутъ не смущать его намѣреній, и не заставлять его тутъ же думать о средствахъ къ собственному спасенію. Потому—то, съ другой стороны, вытекая изъ права оружія, составляющаго для частныхъ лицъ, внѣ общества, единственное средство отразить нападеніе или отомстить за нападеніе, уголовные законы, естественно, сохраняютъ въ основѣ оба эти значенія, только смягченныя и умѣренныя обществомъ, да измѣненныя цивилизаціею. Не-даромъ во всѣхъ древнѣйшихъ уголовныхъ законахъ, до простоты откровенныхъ, каковы Каролина, или Halsordnung Ка̀рла V, Статуты и Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, постоянно повторяется выраженіе: «чтобы другимъ не повадно было такъ поступать.» Не даромъ до сихъ поръ такъ же во всѣхъ уголовныхъ законахъ, хотя уже скрытно, основою служитъ тоже начало, образующее собою самую политику уголовнаго права, по которой наказанія усиливаются въ странѣ по мѣрѣ умноженія и учащенія преступленій. Вообще уголовное право есть власть общества наказывать преступающихъ законы или права общества, съ болѣе или менѣе явнымъ намѣреніемъ уменьшать, посредствомъ наказаній, самое число преступленій, и, при нуждѣ, такъ или иначе отдѣлываться отъ пре-

ступниковъ. А кто имѣетъ права, долженъ имѣть власть защищать ихъ, отысканіемъ ли потеряннаго, отмщеніемъ и наказаніемъ, или осторожнымъ храненіемъ, предупрежденіемъ потери. Предупрежденіе столько же справедливо, сколько справедливо наказаніе; и связь между ними такова, что въ теоріи того и другаго одинъ вопросъ лежитъ въ основаніи— опредѣлить мѣру предупрежденія и наказанія, въ обществѣ. Тамъ и здѣсь предупреждаются и наказуются дѣйствія частныхъ лицъ цѣлымъ обществомъ. И, если надъ излишнею осторожностію частныхъ лицъ, зарывающихъ деньги въ землю, задѣлывающихъ золото въ стѣны, или, какъ говорится, идущихъ за мухой съ обухомъ, смѣются; то надъ излишнею осторожностію обществъ, въ формѣ ли инквизицій и судовъ о колдовствѣ, или въ видѣ законовъ Дракона, плачутъ или произносятъ проклятія.

Принимая впрочемъ предупрежденіе въ его тѣсномъ смыслѣ, и въ значеніи мѣры противъ одной объективной стороны дѣйствія, безъ вниманія къ субъективной, т. е. къ намѣренію и умыслу, подлежащимъ рѣшенію уголовнаго права, мы находимъ для предупрежденія основу, мѣру и формы въ *общественности* или *публичности*. Общественности и публичности требуетъ законъ отъ возможныхъ одновременныхъ, отдѣльныхъ дѣйствій частныхъ лицъ или частныхъ обществъ, установляя начало явности для движеній частныхъ лицъ и для существованія частныхъ обществъ, и предписывая для однихъ употребленіе такъ называемыхъ паспортовъ, для другихъ объявленіе объ ихъ открытіи и существованіи. Общественности же и публичности требуетъ законъ отъ извѣстныхъ дѣйствій, пребывающихъ независимо отъ судьбы своего виновника, и уже вполнѣ совершенныхъ письмомъ, карандашемъ или красками, и ищущихъ, по намѣренію виновника, только распространенія, посредствомъ печати, литографіи и т. п., что совершается цензурой.—Предполагая извѣстнымъ, что, въ этомъ отношеніи, бывало въ древности, въ средніе и новые вѣка на западѣ, равно какъ и отсутствіе у насъ на Руси до новѣйшаго времени, всякихъ мѣръ относительно частныхъ обществъ; мы займемся разсказомъ объ отечественныхъ законахъ по части поспортовъ и цензуры.

а) *Право проѣзда, въ Руси, и о паспортахъ.* Въ сношеніяхъ съ Византіей, какъ показываютъ трактаты Олега и Игоря, Россія впервые узнала то установленіе, посредствомъ котораго государство можетъ оберегать себя отъ входа лицъ, для него непріязнѣнныхъ [1]). Впослѣдствіи, съ конца XIII в. встрѣчаемъ въ Новгородѣ проѣзжія, которыя были выдаваемы иностранцамъ, для спокойнаго возвращенія въ ихъ отечество [2]). Съ конца XV вѣка, вполнѣ образуется установленіе проѣзжихъ, по которымъ иноземцы въѣзжали въ Россію, и Русскіе отправлялись за границу [3]). Съ половины XVII, повсюду господствуетъ правило, что Русскіе, выѣзжающіе за границу, должны имѣть проѣзжія грамоты, за исключеніемъ порубежныхъ, живущихъ не далѣе 5 или 10 верстъ отъ предѣловъ сосѣдней державы [4]). Замѣтимъ, что Сибирь, въ это время, состояла, какъ бы, на счету иноземнаго царства, и для проѣзда въ Сибирь законъ требуетъ отъ всѣхъ, кромѣ торговыхъ лицъ, грамотъ *проѣзжихъ*, и не довольствуется *печатьми*, которыя, по акту, выдавались до того городами, и носились проѣзжающими на лыкахъ, или мутовузахъ [5]). Въ этомъ же смыслѣ должно понимать распоряженія XVII в., по которымъ считалось *непристойнымъ быть многимъ дорогамъ изъ Сибири и въ Сибирь* [6]). Такъ образовались проѣзжія грамоты въ другія государства и изъ нихъ въ Россію, или современные иностранные паспорты.

Что до сношеній внутри Россіи, здѣсь господствовало правило, по которому въ той же мѣрѣ русскіе подданные пользовались правомъ безпрепятственнаго перехода и переѣзда по всей Россіи, въ какой это право было ограничено для иностранцевъ. По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшія времена, съ XVI и XVII вѣка, безъ особенныхъ жалованныхъ грамотъ, за красною печатью, иностранцы не могли входить внутрь

[1]) См. Рѣчь мою о Древ. рус. Дипломатіи, 14.

[2]) Отъ 1294.

[3]) *Памятники Дипломатическихъ сношеній Россіи.*

[4]) 1650 г. Акты Ист. IV, № 38.

[5]) Ак. Ист. V, № 4, отъ 1676.

[6]) Ibid. №№ 108 и 113.

Россіи, а тѣмъ менѣе разъѣзжать по ея городамъ и даже ярмаркамъ [1]). Далѣе состоялись акты, по которымъ напримѣръ, въ областяхъ новгородскихъ, никто не могъ принимать къ себѣ *безъявочно*, не донеся о томъ воеводѣ, жителей Кареліи, уступленной Россіею въ пользу Швеціи, по Столбовскому миру [2]). Напротивъ природные русскіе, со временъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ, пользовались неограниченнымъ правомъ перехода и проѣзда по Россіи. И, какъ въ древнѣйшія времена, такъ и въ позднѣйшія, общины не могли останавливать движенія своихъ членовъ, ни въ случаѣ, когда они ихъ оставляли, ни въ томъ, когда въ нихъ входили. Только для предупрежденія дѣйствій безнравственныхъ или преступныхъ, ожидаемыхъ особенно отъ лицъ неизвѣстныхъ міру, община могла требовать отъ входившихъ въ ея черту, чтобы они указали своихъ знатковъ и знакомцевъ, нѣчто въ родѣ проксеновъ Греціи и патроновъ Рима[3]), или были бы записаны напр. въ Москвѣ въ книги Земскаго приказа. Послѣдняя форма дозволенія ко входу появляется особенно часто съ конца XVII в., съ доклада Стрѣлецкого приказа отъ 1686, и съ его утвержденія царями, которые узаконили взимать штрафъ съ того, у кого объявятся люди безъ записки, въ первый разъ въ 25 р. за каждаго пришлаго, во второй въ 50, и въ третій во 100 р., и т. д. [4]) До того времени дѣйствовало правило знатковъ и ихъ поручныхъ, какъ видно изъ актовъ XVI столѣтія [5]). Исключеніе изъ правила такого свободнаго проѣзда дѣлалось въ XVII ст. 1, относительно лицъ духовнаго вѣдомства, которыя, безъ дозволенія епарх. архіереевъ, никуда не могли отправиться, [6]) да 2, относительно разнаго наименованія крестьянъ, которыхъ нельзя было ни принимать, ни держать *безъявочно и безъ*

[1]) См. напр. Новоторг. Уставъ.

[2]) А. А. Эксп. III, № 127.

[3]) *Консул.* Право Европы и Америки, Д. Наумова, Москва, 1856, *стр.* IX и X.

[4]) П. С. З. № 1181.

[5]) Акт. Ист. I № 169, отъ 1563 г. См. мою статью «о Москов. Город. полиціи,» оттискъ, 28, 30.

[6]) Соборн. Полож., 1681. нояб., А. И. V, № 75.

отпускныхъ [1]). Свободные же люди свободно ходили и ѣздили по всей землѣ своего великаго отечества, нуждаясь въ проѣзжихъ только въ особыхъ случаяхъ, для полученія особыхъ преимуществъ. Такова напр. проѣзжая, данная Митрополитомъ Филиппомъ около 1464 г., одному изъ его слугъ, отправлявшемуся въ разныя мѣста Руси «съ товарами и добромъ Пречистыя Богородицы, дабы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе.» Здѣсь Митрополитъ обращается къ Архіепископамъ, Епископамъ, Князьямъ, Папамъ, боярамъ, воеводамъ, намѣстникамъ, таможенникамъ и другимъ властямъ, прося, чтобы они давали его слугѣ «проѣздъ безпошлинный и въ тѣсныхъ мѣстахъ попроводили» [2]).

И все это узаконено Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, въ главахъ VI, XVIII и XXI, слѣдующими положеніями, опредѣляющими право проѣзда русскихъ подданныхъ. У кого случится нужда ѣхать за *своимъ* дѣломъ въ другое государство, съ Россіею находящееся въ мирѣ, тотъ долженъ въ Москвѣ просить государя, а въ другихъ городахъ воеводу о выдачѣ ему проѣзжей грамоты. *Безъ проѣзжей грамоты никому не ѣздить за границу*; но воеводы должны выдавать эти грамоты безъ задержанія. И воевода, который не тотчасъ выдастъ требуемую проѣзжую, подвергается во-первыхъ *уплатѣ двойной суммы убытковъ, потерпѣнныхъ простоемъ и т. п, и сверхъ того великой государевой опалѣ*. Эти положенія имѣютъ примѣненіе только къ жителямъ внутреннихъ областей Руси; порубежные обыватели имѣютъ право ѣздить въ литовскіе и нѣмецкіе города безъ проѣзжихъ грамотъ потому, что они живутъ съ Литвою и Нѣмцами *смежно*. О проѣздѣ внутри Россіи находимъ слѣдующія извѣстія. По XXI главѣ [3]), каждый воръ, мошенникъ и разбойникъ, не учинившіе убійства, присуждаются къ наказанію кнутомъ, отрѣзанію уха и заключенію въ тюрьму на извѣстные годы. Послѣ того они ссылаются въ украйные города, получая каждый *письмо*, или

[1]) Акт. Юрид. № 290 и др. Особенно впослѣдствіи, съ развитіемъ помѣщичьяго права.

[2]) Ак. Истор. I, № 79.

[3]) Ст. 9, 10 и 16.

видъ, что онъ *урочные годы высидѣлъ.* По другимъ статьямъ тойже главы [1]), всякій такого рода преступникъ, съ *такими признаками,* но не имѣющій означеннаго *письма*, представляется воеводамъ и губнымъ старостамъ, которые, въ ожиданіи указа государя, держатъ его въ тюрьмѣ. Кто дастъ убѣжище такому безпаспортному, подвергается шрафу въ 10 р., дабы не повадно было другимъ тако поступати. Новоуказная статья или указъ 1669, янв. 22 [2]), распространяетъ эту мѣру на тѣхъ, у кого отсѣчены пальцы. Но свободные и не преступные еще свободны, по Уложенію, отъ обязанности имѣть виды для прожитія, или проѣзда.

Такъ продолжалось до Императора Петра В., частію до ревизіи и до 1719 г., по которому велѣно воеводамъ смотрѣть, чтобы въ провинціи гулящіе люди не обрѣтались, и чтобъ ихъ безъ проѣзжихъ писемъ не пропускать[3]). Но особенно важная перемѣна въ дѣлѣ произведена указами 1719 окт. 20 [4]), и декаб. 24 [5]). Въ первомъ изъ этихъ указовъ государь, описавши великодушныя мѣры прощенія и всезабвенія, дотолѣ принятыя имъ къ возврату *бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и матросовъ,* грозитъ потомъ смертною *казнію повѣшенія* на мѣстѣ каждому, кто не явится къ означенному въ указѣ сроку въ полки, и послѣ срока будетъ скитаться по бѣлу свѣту, приставая къ мошенникамъ и разбойникамъ. Изъ этого указа мы узнаёмъ, что въ 1719 году многіе бѣглые, укрываясь отъ преслѣдованія въ лѣсахъ и пустыняхъ, жили грабежемъ, воровствомъ, святотатствомъ и разбоемъ. Для поимки ихъ выслана была команда, которой инструкція изложена во второмъ указѣ, уже установившемъ, чтобы никто не отлучался изъ своего города или деревни, вообще изъ мѣста жительства, безъ проѣзжихъ и прохожихъ писемъ, взимаемыхъ отъ мѣстнаго начальства. Впрочемъ тутъ по 8-му пункту указа еще предписывается, смотрѣть *на крѣпко, дабы*

[1]) Ст. 19 и 20.

[2]) П. С. З. № 441.

[3]) П. С, З. № 3294, п. 19.

[4]) Тамъ же № 3445.

[5]) Тамъ же № 3477, п. 8.

безвинно и безъ всякой причины кого ко истязанію не привесть. Другое обстоятельство, вызвавшее внутренніе паспорты, состояло въ особенности тогдашняго сбора податей на содержаніе войска. По *плакату* (тоже что Манифестъ), 1724 іюня 26 [1]), помѣщики обязаны были изъ среды себя избирать для извѣстной мѣстности земскаго коммисара, который занимался бы сборомъ подушныхъ съ крестьянъ мѣстности, и изъ собранныхъ денегъ часть высылалъ въ Камеръ-коллегію, а другую выдавалъ на мѣстѣ полковникамъ тѣхъ полковъ, которые къ округу причтены. — Очевидно, что сами полки должны были смотрѣть за тѣмъ, дабы крестьяне ихъ округа не уходили, бѣглыхъ бы въ ихъ округѣ не было и т. д. Тутъ новая потребность въ паспортахъ или проѣзжихъ письмахъ, которыя выдавались за подписомъ помѣщика, прикащика или священника, если крестьянинъ отлучался не далѣе 30 верстъ и не въ другой уѣздъ, или за подписомъ коммисара, если крестьянинъ уѣзжалъ въ другой уѣздъ и далѣе 30 верстъ. Безъ такого вида крестьянинъ внѣ своего мѣста жительства почитался бѣглымъ. Срокъ отлучки изъ мѣста жительства не долженъ быть долѣе 3-хъ лѣтъ. Вскорѣ много явилось паспортовъ фальшивыхъ, поддѣльныхъ, и потому плакатомъ 1726 Февр. 1 [2]), повелѣно земскому коммисару выдавать только печатные паспорты крестьянамъ, желающимъ выѣхать въ другой уѣздъ или отъ своей деревни далѣе 30 верстъ.

б) *Право публичности слова и письма, въ Руси, и о цензурѣ.* Съ появленіемъ письменности, въ которую съ самаго ея начала, облеклись высшія идеи народа и важнѣйшіе его интересы, религіозные и бытовые, долженъ былъ установиться надзоръ за письменностію, за книгами и переписчиками. Особенно полны, въ этомъ отношеніи, положенія Стоглава, который говоритъ о предметѣ во многихъ главахъ [3]). Предполагается ненарушимость и свобода, какъ образованія, такъ и выраженія своихъ мыслей и убѣжденій, только съ

1) П. С. З. № 4533.
2) П. С. З. № 4827.
3) 27, 28, 41 и 43.

соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ и законовъ. «Св. книги должно списывать съ добрыхъ переводовъ, да справлять; такъ какъ воспрещается вносить въ церковь неисправныя книги, то переписчикъ такихъ книгъ подвергается великому запрещенію, покупающій не можетъ пользоваться такими книгами, а продающій лишается самихъ книгъ, которыя отбираются, справляются и передаются въ церкви, бѣдныя книгами.» Тоже установляется, относительно иконъ и изображенія Святыхъ. Сверхъ того Соборъ проситъ Царя «запретить великимъ запрещеніемъ во всѣхъ городахъ, что бы христіане не читали и не держали у себя книгъ богомерзскихъ или еретическихъ.» Сообразно такимъ распоряженіямъ дѣйствовали въ XVII в. на соборѣ, запретившемъ «продавать у Спасскихъ воротъ книги, *со многою ложью*, и положившемъ чинити писателямъ смиреніе» [1]); равно какъ на судѣ о дѣлѣ Медвѣдева и его «Маннѣ», и о дѣлѣ Иннокентія, Евреина родомъ [2]). Духовенство до конца XVII столѣтія дѣйствуетъ судомъ и закономъ для удержанія письменности въ границахъ истины и добра. Тоже самое видимъ во внѣшней и внутренней политикѣ русскаго правительства времени. Такъ по II-й изъ варшавскихъ договорныхъ статей 1650 г., іюля 23 [3]), положено съ обѣихъ сторонъ, чтобы «ни въ Польшѣ противъ царя и бояръ, ни въ Россіи противъ короля и пановъ — рады не являлось въ печати ничего, что противно ихъ чести и т. д., подъ страхомъ, при доказанномъ преступленіи закона, конфискаціи напечатаннаго и отнятія всего имущества у автора.» Этою же свободою пользовались въ это время и потѣшные листы, или лубочныя картинки [4]). И, если не относить указа 1701, янв. 31 [5]), по которому впервые запрещено монахамъ держать, по кельямъ, чернила и бумагу, къ мѣрамъ предупредительнымъ противу письма

1) А. И. V, № 75, предлож. 14.

2) Ibid, № 194. Медвѣдевъ долженъ былъ признать и назвать свою «Манну *обманомъ*.»

3) П. С. З. № 40.

4) И. Снегирева, о лубоч. картин. М. 1844, стр. 32.

5) П. С. З. № 1834. Ср. ук. 1723 янв. 19, № 4146.

и слова; то собственно цензура, или предварительный просмотръ рукописи появляется у насъ только съ 1720 года, окт. 5 [1]), по слѣдующему поводу. «Содѣлалось извѣстнымъ, говоритъ указъ, что въ типографіяхъ Черниговской Святотроицкой—Ильинской и въ Кіевопечерской печатаются книги *со многою противностію Восточной церкви*, а именно, въ первой изъ нихъ напечатанъ *учебный часословъ* съ ересью раскольническою, *и книга Богомыслія*, гдѣ *явилась многая люторская противность*; во второй же напечатанъ мѣсяцесловъ въ 1718 г. съ заглавіемъ *яко бы онъ напечатанъ ставропигіею вселенскаго Константинопольскаго Патріарха*, тогда какъ Кіевскій монастырь принадлежитъ ставропигіи Россійскихъ патріарховъ, и давно уволенъ отъ зависимости Константинополя. Вслѣдствіе того велѣно, не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги *безъ дозволенія духовной коллегіи.*» За симъ слѣдовалъ указъ 1721, марта 20 [2]), которымъ воспрещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и книги писанныя и печатныя *безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія*. Далѣе вышло запрещеніе вывозить книги изъ заграницы, безъ разсмотрѣнія [3]); а потомъ по образцу указа 1721, мая 17 [4]), о выдачѣ старопечатн. и харатейныхъ книгъ, для замѣны ихъ новоисправленными, и въ подтвержденіе распоряженія, сдѣланнаго 1742, окт. 27, и 1748 авг. 19, предписывалось указомъ 1750, авг. 25 [5]), чтобы всѣ книги гражданскаго и богословскаго содержанія, отъ временъ царствованія Анны Іоанновны, были представлены, для переправленія, въ Академію, въ типографіи или губернскія мѣста правительственныя; равно какъ всѣ книги, на какомъ бы языкѣ ни было, въ которыхъ упоминаются *имена извѣстныхъ особъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднія два правленія.* Наконецъ 1751, нояб. 3 [6]), воспослѣдовало запрещеніе печатать въ

[1]) П. С. З. № 3653.
[2]) П. С. З. № 3765.
[3]) П. С. З. № 8832, ук. 1743, дек. 9.
[4]) П. С. З. № 3784.
[5]) П. С. З. № 9794.
[6]) П. С. З. № 9903

газетахъ, безъ высочайшаго одобренія, статьи о *происхожденіяхъ* при дворѣ, потому случаю, что въ одной изъ газетъ было сказано: «Ея Императорское Величество изволила забавляться *псовою охотою.*» Полнѣйшее изложеніе началъ цензуры, въ сообщенномъ ей значеніи—учрежденія, дѣйствующаго отдѣльно отъ законовъ уголовныхъ, принадлежитъ указу 1776, авг. 22[1]). И образовались въ литературѣ свои катакомбы.

Законы охранительные, возстановительные, или право взаимной помощи.

Мы уже сказали и показали, что нельзя предупредить все зло, которое можетъ произойти въ обществѣ отъ природы и отъ человѣка, и довести иныхъ до лишеній и страданій, а другихъ до состоянія нищеты и бѣдности, образующихъ собою особое явленіе въ обществѣ, и особый предметъ законодательства. Присоединимъ къ сказанному другое положеніе, что такъ же невозможно совершить все, лежащее въ идеѣ законовъ установительныхъ, и что полное равенство лицъ и классовъ, въ обществѣ, по ихъ богатству и образованію, составляетъ мечту невозможную. Въ каждомъ обществѣ, въ каждый моментъ его исторіи, многіе члены или даже большинство населенія постоянно составляютъ особый status, противополагаемый богатымъ и образованнымъ. Бѣдность вещественная и духовная составляетъ особый вопросъ, какъ въ системѣ законовъ охранительныхъ, такъ и въ системѣ законовъ установительныхъ, образуя собою обратную сторону всей системы Общественнаго Права, и даже болѣе, — повѣрку и осязательное оправданіе системы. Собственно, богатства народовъ нельзя ни видѣть, ни показать; потому что тутъ многое зависитъ отъ его раздѣленія; напротивъ присутствіе или отсутствіе бѣдности, въ томъ или другомъ размѣрѣ, всего яснѣе показываютъ состояніе богатства и вообще цивилизаціи народа.

Бѣдность есть общее выраженіе для всего отрицательнаго, въ обществѣ; наука дѣлаетъ различіе между составными элементами этого выраженія, отличая въ немъ нищету и

[1]) П. С. З. № 14,495.

собственно бѣдность, и относя нищету преимущественно къ случайностямъ личнаго положенія, а бѣдность, въ собственномъ смыслѣ, къ состоянію цѣлыхъ классовъ. Послѣднее явленіе такъ ново и не всеобще, что не было извѣстно ни въ древности, ни въ Средніе вѣки, и даже теперь не извѣстно въ нѣкоторыхъ современныхъ обществахъ; напротивъ нищета присуща всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Противъ бѣдности, какъ состоянія цѣлыхъ классовъ народа, дѣйствуютъ законы о бѣдныхъ; противъ нищеты—особыя мѣры и установленія призрѣнія. Россія не знала и не знаетъ бѣдности; и мы можемъ говорить въ ея исторіи только о нищетѣ и призрѣніи.

Но призрѣніе есть христіанская добродѣтель, есть долгъ совѣсти и дѣло сердца, состраданія; что тутъ юридическаго, подающаго поводъ ко вмѣшательству закона? Гегель, въ своей Философіи права, считаетъ нищету явленіемъ субъективнымъ и областію для субъективной дѣятельности, для чувства, для любви [1]). Новѣйшіе писатели, по части призрѣнія, прямо отрицаютъ участіе закона въ дѣлѣ призрѣнія, считая это участіе смертію для чувства и величайшимъ зломъ для дѣла благотворительности [2]). Не забудемъ однако же, что нищета есть явленіе общественное, при видѣ котораго общества не могутъ оставаться въ страдательномъ созерцаніи; что чувство милосердія выходитъ въ дѣятельную жизнь, и не можетъ не имѣть вліянія на самое общество; что даже писатели, отвергающіе всякое вмѣшательство закона, требуютъ общественнаго устройства для успѣха призрѣнія [3]); и наконецъ, что вездѣ были и теперь есть законы о нищихъ или о призрѣніи, и обойти ихъ молчаніемъ мы не въ правѣ. Самъ Гегель, въ другомъ мѣстѣ упомянутаго сочиненія, явно обвиняетъ общество въ явленіи нищеты [4]). И такъ нищета, будучи явленіемъ общественнымъ, составляя въ обществѣ обратную сторону общественнаго быта, вызывая

[1]) Philosophie des Rechts, Berlin, 1821 p. 231.

[2], Naville, de la charité légale.

[3]) Тотъ же Навиль.

[4]) § 241.

противъ себя общественное устройство, законы и установленія, должна составлять предметъ законодательства и юридическаго изученія. И вотъ юридическое построеніе вопроса.

Христіанскія европейскія общества, преслѣдуя рабство даже въ Америкѣ, и воспрещая торговлю Неграми даже на океанѣ, не требуютъ однакожь обособленія свободныхъ лицъ, которыя постоянно живутъ въ извѣстныхъ кругахъ и союзахъ, въ семейномъ, общинномъ или общественномъ и государственномъ. Жить въ союзѣ значитъ нести тяготы союза, исполнять общія обязанности относительно своего круга, а потому пользоваться, при доказанной нуждѣ, содѣйствіемъ союза, какъ правомъ его члена. Нищета есть случайность, сказали мы, для извѣстнаго лица, которое еще вчера пользовалось здоровьемъ, состояніемъ, способностями къ работѣ, а сегодня, дѣйствіемъ болѣзни, пожара, или извѣстныхъ событій, лишено всего и самыхъ средствъ существованія, и доведено такимъ образомъ до состоянія нищеты и безпомощности. Но мы сказали такъ же, что нищета есть необходимость историческая, и что никакое общество не можетъ просуществовать безъ нищихъ и безпомощныхъ, безъ сиротъ, малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, вдовъ, больныхъ физически или умственно; стало быть, никто, въ обществѣ, не можетъ считать себя внѣ опасности содѣлаться такимъ несчастнымъ. И понятно, что дѣло нищеты должно быть общественнымъ, и дѣло помощи должно быть общимъ, въ государствѣ, сословіи, общинѣ, семействѣ. Этимъ между прочимъ опредѣляются отношенія членовъ, въ разныхъ союзахъ, и эти отношенія установляются и подтверждаются всѣми законами всѣхъ народовъ, законами о семьѣ, общинѣ, обществѣ. Такъ что каждый слабѣйшій членъ, по закону, получаетъ помощь отъ сильнѣйшихъ членовъ или отъ цѣлаго союза; дѣти отъ родителей, престарѣлые отъ своихъ дѣтей, равно какъ бѣднѣйшіе члены села, города, сословія отъ болѣе счастливыхъ сочленовъ, уплачивающихъ за нихъ повинности, подати, и т. д. И такъ взаимная оборона и помощь постоянно существуютъ и должны существовать между членами всѣхъ различныхъ союзовъ, въ случаѣ обнищанія того или другаго члена союза. Такая помощь называется при-

зрѣніемъ, которое есть актъ справедливости, и является въ троякой формѣ, въ частной и семейной, — въ общественной или общинной, и въ государственной.

Мы считали необходимымъ указать на эти общія понятія, входящія въ составъ ученія о нищихъ и призрѣніи, прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи. Обращаясь же къ исторіи, напомнимъ важность явленія для оправданія того размѣра, въ которомъ хотимъ прослѣдить свое ученіе. Познаніе самой цивилизаціи народа зависитъ отъ познанія его нищеты. Давно уже подмѣченное соотношеніе между богатствомъ и бѣдностію давно уже формулировано [1]) такъ, что задача Политич. экономіи можетъ столько же состоять въ ученіи о бѣдности, какъ она доселѣ состояла въ ученіи о богатствѣ. Съ другой стороны, въ этомъ отношеніи, Россія представляетъ особенность, которая ощущается и понимается только при сравненіи. Посему мы начнемъ нашу исторію съ общей исторіи, съ востока и запада античнаго міра, чрезъ Средніе вѣки новыхъ государствъ, чтобы основательнѣе заключить изложеніе предмета исторіею призрѣнія въ Россіи.

Источниками для изложенія послужатъ сочиненія:

De Gérando, de la bienfaisance publique, Bruxelles, 1839, I, II.

Fodéré, Essay historique et moral sur la pauvreté des nations, etc. Paris 1825.

Eug. Buret, de la misère des classes laborieuses en France et en Angletérre, Paris 1840, I—II.

Naville, de la charité légale, Paris 1836, I—II.

Du—Chatel u. Naville, das Armenwesen nach allen seinen Richtungen, второе изд. Веймаръ, 1842.

Villermé, Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, Paris 1840, I—II.

Wohlfahrt, der Pauperismus nach seinem Wesen, Ursprunge, Folgen, etc. Weimar, 1845.

Moreau-Christophe, du problème de la misère, Paris, 1851, I—III.

Etienne Chastel, Etudes historiques sur l'influence de la charité etc. durant les trois premiers siècles, etc. Paris, 1853.

[1]) См. между прочимъ у Бюре, I, 120.

Общая исторія призрѣнія.

А. *До христіанства.* Принимается за доказанное положеніе, что до христіанства не было призрѣнія, или той добродѣтели, которая создала такъ много добра въ христіанскихъ обществахъ, и вызвала столько восторженныхъ выраженій у христіанскихъ писателей. Но никто еще не могъ представить доказательства, что до христіанства не было нищихъ, о которыхъ говоритъ Моисей, въ своихъ законахъ, и поэтъ Гомеръ въ своихъ рапсодіяхъ, преимущественно въ Одиссеѣ. Какимъ же способомъ помогали себѣ древніе народы въ вопросѣ, который, въ обществахъ современныхъ, видимо возрастаетъ пропорціонально съ успѣхами просвѣщенія? Начнемъ опять съ Египта. «Египетъ сообщилъ много понятій Грекамъ, говоритъ Дежерандо, и между тѣмъ въ его кодексахъ нѣтъ ни одного закона, и въ его живописной хроникѣ ни одного изображенія, которые бы доказывали существованіе призрѣнія въ Египтѣ. Можетъ быть, продолжаетъ ученый авторъ, отсутствію явленія содѣйствовали благотворный климатъ страны, благодѣтельный илъ Нила, раздѣленіе народа на касты или общины, законъ Амазиса, изгонявшій всякую лѣность, равно какъ постоянныя общественныя работы надъ пирамидами» [1]). Зная однакожъ, что климатъ Нильской долины не совершенно спасалъ отъ болѣзней, и вовсе былъ безсиленъ противъ сиротства, вдовства, престарѣлости; что благодѣтельный Нилъ иногда на цѣлые годы измѣнялъ надеждамъ поселянина, а законъ Амазиса поддерживалъ только политическое устройство народа, и что построеніе пирамидъ не даромъ названо работою египетскою: мы формально отрицаемъ объясненія Дежерандо, принужденнаго доказывать невозможное — отсутствіе нищихъ въ Египтѣ. Сироты, вдовы, больные, престарѣлые, пострадавшіе отъ войны, воды, пожара, неурожая, а слѣдовательно всѣ виды нищихъ были въ Египтѣ, какъ вездѣ, но скрыты отъ исторіи, такъ сказать, пустынею частной жизни, частнымъ,

[1]) II, p. 474.

домашнимъ правомъ, рабствомъ. Все безпомощное, при рабствѣ, какъ самое рабство, есть достояніе частной жизни; только при свободѣ, можетъ явиться нищета, вызывающая призрѣніе. Въ этомъ смыслѣ, и раздѣленіе египетскаго народа на касты, и принужденная работа у пирамидъ, и насильственная организація труда по закону Амазиса, конечно, служатъ объясненіемъ для отсутствія призрѣнія, въ Египтѣ, подобно тому, какъ рабство же должно послужитъ объясненіемъ для отсутствія призрѣнія во всѣхъ государствахъ древняго деспотическаго востока.

Яснѣе выскажется наша мысль при разсмотрѣніи событій Іудейскаго народа, который состоялъ изъ свободныхъ и потому зналъ нищету, и имѣлъ извѣстныя мѣры противъ этого общественнаго зла, по словамъ Закона, обращеннымъ ко Израилю: «не оскудѣетъ недостаточный отъ земли твоея,» т. е. всегда будешь имѣть у себя нищихъ, [1]) но «не будетъ у тебе недостаточенъ,» т. е. какъ бы: да не будетъ безъ призрѣнія[2]). За симъ слѣдуютъ распоряженія закона о трудѣ и его организаціи, объ имуществѣ и его употребленіи, и о средствахъ призрѣнія. Трудъ былъ узаконенъ первою заповѣдію Господа:» въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой,» и праздность объявлена грѣхомъ и преступленіемъ закона. Каждый долженъ былъ трудиться, по мѣрѣ силъ и способностей.

Трудъ Іудеевъ состоялъ преимущественно въ земледѣліи и вообще въ сельскомъ хозяйствѣ, и организація касалась и трудящихся и предмета ихъ труда. Для трудящихся законъ опредѣлилъ шесть дней физической работы, и повелѣлъ посвящать каждый седьмый день Богу и труду духовному; для земли, какъ предмета занятій, законъ установилъ шесть лѣтъ работы, назвавъ каждый седьмой годъ субботой, и сказавъ: «шесть лѣтъ да сѣеши землю твою, и да собереши плоды ея; въ седьмое же, оставленіе да сотвориши, и опустиши ю; и да ясти будутъ убозіи языка твоего; останки же

[1]) Второз. XV, 11.

[2]) Тамъ же, 4.

да снѣдятъ звѣріе дивіи. Тако сотвориши винограду твоему и масличію твоему» [1]).

Послѣ этого законъ излагаетъ организацію поземельной собственности, посредствомъ такъ называемаго *юбилея*, по Кн. Левитъ:» Исчислиши себѣ седмь лѣтъ покоя (по нашему, какъ бы, лѣтъ, когда земля лежала въ пару), седмь лѣтъ седмижды, и будутъ тебѣ седмь седминъ лѣтъ. И возвѣстите (въ 50) трубнымъ гласомъ (юбилей) во всей земли вашей, и разгласите оставленіе на земли, и да отыдетъ кійждо васъ въ притяжаніе свое, и кійждо во отечество свое отыдетъ» [2]), — т. е. все въ землѣ, въ полѣ, а не въ городѣ, проданное, заложенное, уступленное, въ теченіи послѣднихъ 49 лѣтъ, должно опять возвратиться къ своему первоначальному хозяину, какъ его отечество и отческое обдержаніе, владѣніе, вотчина.

Понятно, что трудъ свободный, общій и такъ устроенный, при господствовавшей простотѣ жизни, могъ охранять народъ отъ явленія нищеты вѣрнѣе Нила, вѣрнѣе смертной казни за бездѣйствіе, и вѣрнѣе принужденныхъ работъ у пирамидъ Египта. Но, хотя случайно, свобода ведетъ съ собою нищету, и противъ этого случайнаго явленія Іудейскій народъ имѣлъ слѣдующія спеціальныя мѣры: 1, отпущеніе долговъ, или лучше, воспрещеніе давать въ долгъ, и 2, десятины и подобные сборы въ пользу нуждащихся. Что оставленіе долговъ, во Іудеи, существенно разнится отъ прекращенія долговъ, извѣстнаго изъ исторіи Аѳинъ; это видно изъ духа и словъ Второзаконія [3]): въ лѣто отпущенія, «да оставиши весь долгъ твой, имъ же долженъ ближній тебѣ, и не истяжеши отъ брата твоего. Отъ чуждаго да истяжеши. елика суть твоя у него. Отверзая да отверзеши руку твою, и взаимъ даси ему, т. е. брату твоему, елика проситъ,—даяніемъ да даси ему.» Стало быть, не только періодическое уничтоженіе долговъ узаконяется Моисеемъ, но также расположеніе, давать нуждающемуся брату даяніемъ; что, уже по своему слѣдствію, равнялось уничтоженію займовъ и заимодавцевъ, одного изъ бо-

[1]) Исходъ, XXIII, 10, 11. Левит., XXV, 2—7, 20—22.

[2]) Левитъ, XXV, 8, и далѣе.

[3]) XV, 1 и далѣе.

гатыхъ источниковъ, для развитія, въ странѣ, нищеты. За симъ наконецъ слѣдовали распоряженія о десятинѣ въ пользу бѣдныхъ, собиравшейся чрезъ три года, ото всѣхъ житъ, которыя складывались «во *градѣхъ*,» и «пріидетъ пришлецъ и сирота и вдова, да ядятъ и насытятся» [1]). Такъ свобода во Іудеи вызывала нищету, которая, съ своей стороны, вызывала различныя мѣры призрѣнія. Но исполнялись ли эти законы? Народъ считалъ себя свободнымъ, находясь подъ игомъ Рима; Фарисеи тщеславились исполненіемъ законовъ, во времена Іисуса Христа; правила о призрѣніи во Іудеи вытекали изъ общаго источника ея законовъ; а секта Ессеевъ, которыхъ члены отказывались даже отъ частной собственности, составляла, кажется, видимый, хотя окаменѣлый, безжизненый осадокъ древнѣйшихъ учрежденій [2]).

Присутствіе нищихъ и бѣдныхъ, въ Греціи, засвидѣтельствовано поэтами и историками, и особенно Плутархомъ, который указалъ при этомъ на особое историко—политическое значеніе нищеты въ судьбахъ Спарты и Аѳинъ. Передъ введеніемъ законодательства Ликурга, «народъ Лакедемона раздѣлялся на двѣ части, на большую—бѣдныхъ и несчастныхъ, грозившихъ обществу, и на малую — богатыхъ, забравшихъ всѣ богатства въ свои руки. Отсюда господство гордости и зависти, разврата и праздности, которыя могли погубить государство»[3]). Ликургъ порѣшилъ, для спасенія общества, уничтожить бѣдность и богатство, раздѣливъ земли поровну между всѣми, прекративъ между гражданами всякое различіе, и установивъ между ними полное равенство. Извѣстны разсказы о томъ, какъ Ликургъ достигалъ своей цѣли.—Какова бы ни была историческая достовѣрность этихъ разсказовъ, важно въ нихъ основаніе, безспорно признанное всѣмъ греческимъ народомъ,

[1]) Второз. XIV, 28, 29, и XXVI, 1—12.

[2]) Моро Кристофъ II, 65 и д. Они жили на Запад. берегу Мертваго моря, большею частію холостыми, наполняя свое число 4000 свободнымъ входомъ и допущеніемъ охотниковъ до ихъ общаго стола и общей жизни.

[3]) Buret, II, 330. Plutarque, Les vies des hommes illustres, trad. par Dacier, Amsterdam, 1735, I, 220, 221 и слѣдд.

поддержанное вѣчнымъ преданіемъ и состоявшее въ томъ, что бѣдность и нищета составляли тамъ политическое явленіе, грозившее самому государству, и вызвавшее политическія мѣры. Почти тоже говоритъ Плутархъ с законахъ Солона, котораго поразили такъ же раздоръ и не-равенство между гражданами, грозившія бытію государства. «Весь народъ былъ должникомъ богатыхъ, уплачивая долгъ обработкою ихъ полей, обезпечивая его своею личностію, и, при несостоятельности, обращаясь въ товаръ, который богатые продавали на отечественныхъ и на иноземныхъ рынкахъ. Многіе бѣдняки принуждены были продавать своихъ дѣтей, иные оставлять свое отечество, другіе рѣшиться возстать на богатыхъ своихъ заимодавцевъ.» И Солонъ долженъ былъ начать дѣло съ уничтоженія долговъ, раздѣленія полей, освобожденія гражданъ—рабовъ и изгнанниковъ и т. д. [1]). Но Солонъ не рѣшился, во имя равенства и искусственнаго поддержанія своего государства, принести въ жертву всю свободу гражданина, содѣлавши его servus publicus, и отнявши у него всякое личное значеніе, какъ это было въ Спартѣ. Аѳины и впослѣдствіи Римъ основались на частной свободѣ и частной не-свободѣ; откуда произошла неполнота рѣшенія вопроса и постоянное явленіе нищеты въ Аѳинахъ и Римѣ, гдѣ она вызывала и мѣры и средства. Не могло быть много этихъ мѣръ и средствъ, по причинѣ рабства, тяготѣвшаго надъ большей половиною населенія; но онѣ были. Не могли эти мѣры и средства имѣть значеніе призрѣнія, по господству политическаго начала въ античномъ мірѣ, и особенно потому, что, жертвуя всѣмъ государству, граждане всего требовали отъ государства; но и въ этомъ явленіи наука можетъ найти свой интересъ. Разсмотримъ же эти мѣры и эти средства Аѳинъ и Рима, сколько дозволяютъ намъ наши источники.

Объ Аѳинахъ Бёкъ собралъ много извѣстій, разсѣянныхъ въ его «Государственномъ хозяйствѣ Аѳинъ,» и представляющихъ вопросъ объ аѳинскомъ призрѣніи въ слѣдующихъ чертахъ. Въ цвѣтущій періодъ своего существованія, аѳинское

[1]) Buret, ibd. 331, 332. Plutarque перев. Дасье I, 435, 436; объ уничтоженіи долгов. обязательствъ 442, 443, особ. 52 примѣчаніе Дасье.

населеніе простиралось до 500,000, до полумилліона жителей, изъ которыхъ только 135,000 принадлежали къ классу свободныхъ гражданъ, остальные же 365,000 составляли несвободное населеніе, такъ, что отношеніе свободныхъ къ несвободнымъ Бёкъ полагаетъ равнымъ отношенію 1 : 4. «Бѣднѣйшій изъ гражданъ владѣлъ хоть однимъ рабомъ; философы имѣли ихъ по десяти; люди побогаче до 50, а промышленники содержали ихъ, напр. въ каменоломняхъ, цѣлыя сотни [1].» Нищихъ было, естественно, не много, какъ не много было свободныхъ. Но рабство не спасало отъ нищеты, а своимъ развитіемъ содѣйствовало къ ея увеличенію, лишая свободныхъ энергіи труда и стѣсняя область ихъ дѣятельности. Чѣмъ больше возрасталъ классъ рабовъ, тѣмъ болѣе подвергались нищетѣ свободные. Таковы поводы къ образованію нищеты; а вотъ мѣры противъ нея.

По вычисленію Бёка [2]), для продовольствія аѳинскаго населенія, нужно было имѣть ежегодно 3,000,000 медимновъ пшеницы [3]), тогда какъ аѳинская почва давала ихъ обыкновенно только 2,000,000. И цѣлую треть необходимаго продовольствія должно было покупать и ввозить въ Аѳины изъ Египта, странъ Понта или Сициліи. Ясно, что, при малѣйшемъ неурожаѣ хлѣба внутри, или при малѣйшей неудачѣ въ вывозѣ его изъ-за границы, Аттикѣ грозили голодъ, нужда, тревога населенія. Тѣмъ болѣе, что, при такомъ положеніи дѣлъ, легко появлялись скупщики, спекулянты, еще усиливавшіе общую опасность [4]). Отсюда образовались и система законовъ, ограничивавшихъ хлѣбную торговлю, и частію государственная монополія этой торговли, и наконецъ раздача хлѣба бѣднѣйшимъ гражданамъ, рукою правительства, или такъ называемая *σιτοδοσία* Аѳинъ, подобная аннонѣ Рима, «тамъ и здѣсь, для успокоенія народа,» замѣчаетъ Бёкъ [5]).

[1]) Staatshaush. I, 40.

[2]) I, 85.

[3]) Медимнъ=6 римск. modius, или 1 прус. шеффелю, или двумъ рус. четверикамъ, около.

[4]) I, 89, 90.

[5]) I, 97.

Обезпечиваемый правительствомъ въ продовольствіи, простой народъ привыкалъ всего ожидать и всего требовать отъ правительства, независимо отъ причинъ, порождавшихъ его нужды, равно какъ не обращая вниманія на свойство требованій. Онъ требовалъ масла, вина, денегъ, часто самъ ничего не дѣлая для ихъ пріобрѣтенія, потому одному, что онъ не имѣлъ этихъ приправъ жизни. И честолюбцы, желавшіе пріобрѣсти расположеніе народа, подавали примѣръ самой роскошной благотворительности, въ этомъ родѣ. «Узурпаторы, говоритъ Бёкъ, охотно оказывали такія услуги народу, для снисканія его расположенія.» Снисхожденіе и одолженіе, сдѣланное однимъ, становилось обязательнымъ для другихъ, и обращалось въ право народа. Такъ дѣйствовалъ самъ Периклъ, который, не обладая богатствами, придумалъ раздачу для народа зрѣлищныхъ денегъ, θεωρικον ἀργυριον, θεωρικα χρήματα, раздачу, которая, подобно раку, разъѣдала государственный организмъ Аѳинъ, и довела ихъ до паденія [1]). Въ прежнее время, говоритъ Бёкъ, театръ аѳинскій представлялъ собою всѣ неустройства, толкотню и драку, грозившія даже разрушеніемъ деревянному зданію отъ нестройной массы посѣтителей. Для избѣженія неудобствъ, положено собирать съ богатыхъ плату за входъ, по два обола, за мѣсто; но, чтобы не лишить бѣдныхъ гражданъ зрѣлища, сборъ отдавали этимъ бѣднѣйшимъ, только бы въ театръ входило всегда опредѣленное, извѣстное число посѣтителей. Таково было происхожденіе раздачи зрѣлищныхъ денегъ, которая впослѣдствіи обратилась въ раздачу денегъ всѣмъ бѣднымъ, или требовавшимъ денегъ, сохранила свое древнее названіе, но измѣнила назначеніе, послуживъ впослѣдствіи къ тому, чтобы гражданинъ могъ имѣть въ извѣстный день лучшій столъ [2]), получая уже не два обола, а 3, 4, и цѣлую драхму [3]). Число получавшихъ эту подачку простиралось до 18,000, или

[1]) I, 235 241.

[2]) I, 238.

[3]) Драхма — 6 оболовъ, — или 5 gut. Groschen, или около 12 к. с.; оболъ—2 к.

до 1/7 всего свободнаго населенія; а сумма издержекъ возросла до 25—30 талантовъ [1]).

Потомъ мы находимъ у Бёка извѣстіе о раздачѣ денегъ, введенной Пизистратомъ, подъ названіемъ вспоможенія безпомощнымъ, ἀδύνατοις, сперва по одному, а потомъ по два обола; слѣд. не по нуждѣ, ея мѣрѣ или качеству, а по настоятельности требованія, со стороны гражданъ [2]). Болѣе въ формѣ призрѣнія представляется то установленіе, по которому государство оказывало помощь малолѣтнымъ, оставшимся сиротами послѣ отцевъ, убитыхъ на сраженіи за отечество [3]). Но помощь состояла въ томъ, что сиротъ кормили, поили, возращали для обращенія ихъ въ воиновъ; стало быть, не даромъ, не безъ разсчета! Истинно благотворительное учрежденіе принадлежало частнымъ людямъ, которые на пользу истинно—нуждающихся составляли общество, ἔρανος, для вспоможенія безпомощнымъ, съ единственною надеждою, что, поисправившись въ дѣлахъ, они возвратятъ обществу его издержки [4]).

Римъ возвелъ всѣ античныя установленія до осязательнаго бытія и развитія, анализируя все смѣло и ловко, и доводя все до крайнихъ послѣдствій. Отсюда такое развитое личное и имущественное право Рима, возбуждавшее у иноземцевъ удивленіе къ аналитической его способности, и вызывавшее у собственныхъ согражданъ возстанія и рѣшимость покинуть стѣны вѣчнаго города, который уступалъ только такой необходимости. Вотъ нѣсколько фактовъ неравенства, господствовавшаго въ области личнаго и имущественнаго римскаго права и быта. Заимствуемъ ихъ у Моро Кристофа, изъ его «Проблемы» [5]).

Не станемъ говорить здѣсь ни о плѣнныхъ, ни о покоренныхъ и провинціалахъ, и ограничимся явленіями римской, такъ называемой, свободной семьи. Не знали въ Римѣ,

1) Талантъ—1375 нѣмец. талер., или около 1500 р. с.
2) I, 260.
3) I, 263.
4) I, 265.
5) 98 и слѣдд.

говоритъ Моро Кристофъ, состраданія къ новорожденному, который humi jacebat, у ногъ отца, и безъ его воли не имѣлъ права на жизнь, какъ по его же волѣ, при рожденіи, могъ лишиться жизни, а, взросши, подвергнуться продажѣ, побоямъ. И, понятно, продолжаетъ Моро Кристофъ, почему въ заговорѣ Катилины приняли живое участіе сыновья, желавшіе отдѣлаться отъ своихъ отцевъ. — Женщины, находившіяся всю жизнь свою подъ опекою мущины, должны были, вышедши замужъ, сносить, въ своемъ домѣ, присутствіе соперницъ, concubinae, даже не гетеръ [1]), и, по рѣшенію мужа, могли услышать приговоръ удалиться изъ дому, въ жесткой формулѣ: mulier, i foras. И, не удивительно, продолжаетъ нашъ авторъ, что въ началѣ V вѣка, женщины намѣревались ядомъ отдѣлаться отъ своихъ мужей. — Чѣмъ же могли быть для этихъ суровыхъ гражданъ должники и рабы, которыхъ въ Римѣ было болѣе половины всего населенія? И къ чему не могло вести то неравенство состояній, которое такъ опредѣленно и рѣзко вырабатывалось въ умѣ и въ установленіяхъ римскаго народа?

Во времена Цицерона, одинъ трибунъ доказывалъ, что въ цѣломъ Римѣ было только 2000 достаточныхъ гражданъ, qui rem haberent, не говоря уже о владѣніи землею, или о самостоятельномъ хозяйствѣ; большею же частію твердили знающіе, что у простаго народа нѣтъ и хлѣба, nec plebes pane potitur. И все это въ такое время, когда богатые граждане утопали въ нѣгѣ, въ роскоши, въ развратѣ. «Должно было принять мѣры, говоритъ по этому поводу другой членъ Парижской Академіи [2]), чтобы голодъ не довелъ до отчаянія эту толпу народа; должно было принять мѣры, чтобы видъ такой несоразмѣрности состояніи не возбудилъ негодованія въ этой черни.» Ни строгость отеческой власти, ни безмѣрность господскаго права, ни безотчетность управленія провинціями, ничто не спасало Рима отъ бѣдности, нищеты и нищенства, mendicimonium, которыхъ ѣдкость усиливалась въ жертвахъ особымъ религіознымъ ученіемъ,

[1]) О Гетерахъ см. Revue Contemp., 1857, 31 aout, L'éducation des femmes dans la Grèce ancienne, par M. C. Martha.

[2]) Naudet, l. c. 12.

и возростала до угрозъ и возстаній, вызывавшихъ необходимо политическія мѣры.

Quaeris, говоритъ одинъ философъ, при вопросѣ объ умершихъ,

Quaeris, quo jaceant post obitum loco? Quo non nata jacent.
Post mortem nihil est; ipsaque mors est nihil. Seneca, Troas.

Мѣръ на пользу бѣдныхъ было не много, и почти ни одной, основанной на состраданіи, а не на политическомъ разсчетѣ. Первая, если не начинать съ преслѣдованія и изгнанія нищихъ[1]), и древнѣйшая мѣра Рима, въ этомъ отношеніи, состояла въ аннонѣ, annona, или въ раздачѣ хлѣба, которую видѣли мы въ Аѳинахъ, и которая въ Римѣ установлена и упорядочена законами, legibus frumentariis. Такъ въ 630 г. К. Гракхъ предложилъ, закономъ опредѣлить цѣну хлѣба для бѣдныхъ, въ $^5/_6$ асса; въ 681, Cass. Terentius установилъ давать каждому гражданину ежемѣсячно по пяти модіусовъ; а въ 696 Клодій Пульхеръ провелъ законъ, раздавать гражданамъ хлѣбъ даромъ, gratis. Къ концу республики, отношеніе получавшихъ хлѣбъ даромъ къ остальному свободному населенію Рима выражалось отношеніемъ 1 : 3, т. е. цѣлая треть народа существовала безъ труда и усилій на счетъ остальныхъ двухъ третей. И не потому, чтобы эта треть гражданъ была дѣйствительно бѣдна до такой степени; могъ же Цезарь, безъ суда и расправы, только во имя государственной экономіи, вычеркнуть половину изъ списка получавшихъ даровое содержаніе, предписавъ лишь Претору замѣщать убылыхъ ежегодно гражданами изъ числа вычеркнутыхъ. На томъ же основаніи, впослѣдствіи, Септимій Северъ, державшійся правила: *обогощай солдатъ, корми народъ и смѣйся надъ всѣмъ остальнымъ*, прибавилъ къ раздачѣ хлѣба раздачу масла,—Авреліанъ—свинины, и даже рѣшился было раздавать вино, еслибы не былъ остановленъ представленіемъ, что такъ, пожалуй, народъ потребуетъ и птицъ и дичины. Всѣ эти раздачи прекращены только съ Константина, съ перенесенія столицы въ Византію и съ принятія христіанства.

[1]) Probl. de la misère, I, 152, 153.

Извѣстно впрочемъ, что, кромѣ раздачи хлѣба, масла и свинины, т. е. кромѣ раздачи натурою, въ Римѣ, особенно съ Цезаря и Императоровъ, бывали раздачи другаго рода, напр. largitiones и подарки при жизни, отказы въ завѣщаніяхъ и на случай смерти, и такъ называемый congiarium и др., которыя не касались собственно казны государственной, а уплачивались изъ частной казны императоровъ. Такимъ образомъ входило въ дѣло личное расположеніе, которому Римъ и языческій міръ обязаны появленіемъ перваго своего благотворительнаго установленія, на пользу малолѣтнихъ дѣтей; я говорю о законѣ de pueris et puellis alimentariis, по tabula Veleja, или tabula alimentaria Императора Траяна [1]). Пятьдесятъ два гражданина заняли у Траяна, подъ залогъ своихъ земель, и за умѣренные проценты 5 со ста, 1,000,000 сестерцій, или 70,000 нѣм. талеровъ, около 80,000 сер. р. Императоръ установилъ, въ этомъ актѣ, чтобы на проценты съ должнаго ему капитала прокармливать до извѣстнаго возраста 245 законнорожденныхъ мальчиковъ и 34 дѣвочки, съ однимъ незаконнорожденнымъ мальчикомъ и съ одною такою же дѣвочкою. Питомцы по этому назывались pueri alimentarii et puellae alimentariae, или впослѣдствіи, по имени благотворителей и благотворительницъ, Ulpiani, faustiniani etc. Мало знаемъ подробностей о дѣлѣ, но не ошибемся, признавъ въ немъ вліяніе христіанства, долженствовавшаго смягчить власть отца и обратить вниманіе закона на судьбу невинныхъ дѣтей.

Б. *Общая исторія призрѣнія, съ христіанства* [2]). Милосердіе вводится въ общество христіанствомъ, котораго главная основа—любовь, и первое явленіе—призрѣніе, какъ ис-

[1]) Civilist. Magazin, Hugo, II, 431, 432. У Піаченцы, въ древн. цизальп. Галліи, 1747, открыта эта дос а закона, tabula, т. н. obligatio praediorum. Около 300 челов. содержалось ежегодно на сумму около 4000 р. с.. такъ что на каждое лицо въ годъ приходилось съ небольшимъ по 13 р.. а въ мѣсяцъ по 1 р., на пищу, одежду, помѣщеніе. Деньги того времени были гораздо дороже теперешняго; а все таки чувствуется, что въ законѣ дѣло шло de vita aegre degenda, а не объ воспитаніи.

[2]) Ср. Etudes histor. sur l'influence de la charité, par Et. Chastel, 1—37.

тинно—человѣческія свойства, входятъ въ общество тихо и свободно, безъ внѣшнихъ переворотовъ и видимыхъ перемѣнъ, но за то овладѣваютъ обществомъ могущественно и становятся на первомъ планѣ его дѣятельности. Христіанство отказывается отъ всякой механической и физической силы, и, оставляя неизмѣнными, во внѣшнемъ видѣ, явленія, установленія и учрежденія гражданскихъ обществъ, проникаетъ въ ихъ внутренность, наполняетъ ихъ своимъ, новымъ духомъ, и заставляетъ всѣ формы сообразоваться съ ихъ новымъ содержаніемъ. И формы языческаго міра измѣняются, какъ бы, сами собою, по причинѣ своей собственной несостоятельности.

По слову Господа: нищихъ всегда будете имѣть съ собою, христіанство не стремится къ уничтоженію нищеты, и не думаетъ объ установленіи равенства имуществъ; напротивъ признаетъ различіе состояній естественнымъ слѣдствіемъ неравенства способностей, силъ и дарованій, данныхъ Богомъ. Апостолъ говоритъ:» раздѣленія же дарованій суть,—и раздѣленія служеній суть,—и раздѣленія дѣйствъ суть; — коемуждо дается явленіе духа, — овому слово премудрости, — иному слово разума,—другому вѣра. —Якоже бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго суть тѣла.— Аще речетъ нога, яко нѣсмь рука, еда сего ради нѣсть отъ тѣла? — И аще страждетъ одинъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди»[1]).—Такъ освящаются въ тѣлѣ гражданскомъ, какъ въ тѣлѣ церкви, всѣ фактическія различія, съ тѣмъ вмѣстѣ и различіе между богатствомъ и бѣдностію, которыя одинаково возводятся въ значеніе средствъ къ душевному спасенію. Богатый и бѣдный равно должны помышлять о спасеніи души, и бѣдный имѣетъ даже болѣе къ тому удобства.

Проникаемые христіанскимъ ученіемъ, нищіе лишаются того грозящаго положенія въ обществѣ, которое принуждало Ликурга, Солона и римскихъ законодателей приносить имъ въ жертву справедливость и право. Но, въ тоже время, нищіе спасаются отъ опасности обратиться въ рабовъ Египта и востока, или въ званіе Илотовъ. Христіанство признаетъ и

[1]) I Послан. къ Коринѳ. XII, 4 и слѣдд.

освящаетъ найденное имъ въ обществѣ юридическое различіе между господами и рабами, которымъ не говоритъ оно: разбейте цѣпи, и объявите себя господами, но такъ ихъ учитъ устами Апостола: «раби, послушайте господій своихъ, по плоти, со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа, не предъ очима точію работающе,—вѣдяще, яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободъ» [1]). Только относительно благихъ дѣлъ, только предъ Богомъ уравниваетъ христіанство рабовъ, свободныхъ и господъ. Но, по мѣрѣ возрастанія христіанскихъ убѣжденій, и по мѣрѣ успѣха христіанства въ мірѣ, старыя формы уступали новому духу, и въ обществахъ начинало господствовать различіе только между добрыми и злыми.

Къ тому же вело значеніе, сообщенное христіанствомъ человѣческому труду, который возводится изъ проклятія ветхой церкви и изъ презрѣнія языческаго міра въ состояніе, освященное примѣромъ и ученіемъ Іисуса Христа, Апостоловъ и святыхъ отцевъ. «Неключимаго раба (inutilem, ἀχρεῖον) ввергите во тму кромѣшнюю», говорилъ Господь; [2]) «отлучаться отъ всякаго безчинно ходяща» повелѣвалъ Апостолъ, говорившій про себя: «туне хлѣба не ядохомъ, но въ трудѣ и подвизѣ, нощь и день дѣлающе». Или: «аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ; слышимъ бо нѣкія безчинно ходящыя у васъ, ничтоже дѣлающыя, но лукавно обходящыя; таковымъ запрещаемъ и молимъ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ.» [3]) Трудиться должны и рабъ и господинъ и нищій и богатый. Такимъ образомъ, нищета изъ постояннаго состоянія цѣлыхъ классовъ, должна была обратиться въ явленіе случайное, ограниченное отдѣльными лицами разныхъ классовъ общества, и, если не уничтожаться, то ослабѣвать въ своемъ вліяніи, и смягчаться въ своемъ дѣйствіи, посредствомъ той главной добродѣтели, которую вводитъ христіан-

[1]) Апост. Павла къ Ефесеямъ, VI, 5 и слѣдд.
[2]) Матѳ. XXV, 30.
[3]) II Посл. Ап. Павла къ Солунянамъ, III, 6, 8, 10, 11, 12.

ство въ общество, подъ именемъ любви, милосердія, χάριτας и которую впослѣдствіи назвали призрѣніемъ [1]).

И такъ христіанство не имѣло въ виду уничтожать неравенство имуществъ, какъ нѣкоторые думаютъ [2]), или облегчать судьбу нищихъ стѣснительными, искусственными мѣрами римскаго, или египетскаго народа, наприм. особою организаціею труда и поземельной собственности. Призрѣніе, какъ явленіе внутренней силы, противодѣйствовавшей нищетѣ, могло водвориться въ каждомъ обществѣ, среди разнообразныхъ человѣческихъ и гражданскихъ установленій. И изъ дѣлъ христіанскихъ оно первое входило въ общество, внося въ него черты своего первоначальнаго устройства, состоявшагося въ первой христіанской церкви. Главное основаніе христіанскаго призрѣнія—любовь всеобщая, обоюдная, какъ со стороны дающаго, такъ со стороны просящаго, съ тѣмъ вмѣстѣ, основанная на чувствѣ милосердія и на законѣ справедливости. Духу Святому лжетъ, кто не истинно жертвуетъ [3]), но грѣшитъ и тотъ, кто не истинно проситъ, а только *лукавно обходитъ*. Отсюда, съ самаго начала христіанства, призрѣніе должно было явиться въ двоякой формѣ, въ видѣ частнаго милосердія, дѣйствующаго по чувству, и въ видѣ общественной благотворительности, испытующей истину нужды и помощи. Первая форма была вполнѣ свободною; вторая, какъ можно доразумѣвать, опредѣлялась извѣстными установленіями. Имущества сносились сначала къ ногамъ Апостоловъ, а потомъ діаконовъ, для раздачи неимущимъ и для составленія общаго стола, что потомъ совершалось въ каждой церкви, между членами и для членовъ каждой церкви; слѣдовательно подъ условіемъ свободныхъ приношеній или пожертвованій, — подъ условіемъ

[1]) Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Шатобріанъ говоритъ:» Pour exprimer cette vertu, la religion ne s'est servi ni du mot *amour*, qui n' est pas assez sévère, ni de celui *d' amitié*, qui se perd au tombeau, ni de celui *de pitié*, trop voisin de l'orgueil, mais elle a trouvé l'expression *charitas*, qui tient à quelque chose de céleste.»

[2]) Напр. нѣкто Grün, въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ Philosophie de l' Economie Politique II, стр. X.

[3]) Дѣян. Апост. V, 3.

истинной нужды требующихъ,—подъ условіемъ труда и запрещенія нищенства,—подъ условіемъ принадлежности просящихъ къ церкви, — и подъ условіемъ общественнаго, въ каждой церкви, управленія дѣлами призрѣнія. И «не бяше нищь ни единъ въ нихъ», т. е. не было никого, кто бы оставался безъ призрѣнія [1]). Послѣдующіе Соборы только развивали подробности установленія, оставаясь вполнѣ вѣрными его духу и первоначальному значенію, и стремились къ тому, чтобы не было ни въ какомъ обществѣ христіанскомъ лицъ безъ призрѣнія, повелѣвая для сего всякой церкви и всякому приходу содѣйствовать ихъ нищимъ. Первоначальное призрѣніе, бывъ церковнымъ, необходимо было приходскимъ, общиннымъ, общественнымъ, и потому необходимо составляло общественное явленіе, и было принято во всемъ христіанствѣ, но только въ христіанствѣ, такъ что Юліанъ завидовалъ, но не могъ подражать въ этомъ новому исповѣданію[2]).

Со времени своего вступленія въ Римскую имперію, христіанство вызвало государственное участіе къ дѣлу призрѣнія, подчинившагося различнымъ законамъ [3]).

Вниманіе законодателя прежде всего обратилось на дѣтей, которыхъ отцы продолжали продавать, бросать, убивать, какъ свидѣтельствуетъ еще Тертулліанъ въ своей Апологіи: «если я спрошу у этого народа, столько жаждущаго нашей крови, или у этихъ судей, столько жестокихъ къ намъ, много ли между ними такихъ, которые не убивали дѣтей своихъ въ минуту ихъ рожденія, выбирая при этомъ ужасный родъ смерти, утопленіе, гибель отъ голода и холода, или растерзаніе звѣрями и собаками? — Вы бросаете дѣтей своихъ кровожаднымъ животнымъ; вы дѣлаетесь дѣтоубійцами даже прежде, чѣмъ назоветесь отцами» [4]). И вотъ является декретъ Константина[5]), quicunque puerum vel puellam projectum de domo, patris vel domini voluntate scientiaque, collige-

1) Дѣян. IV, 34.—Ср. Etudes histor. p. Et. Chastel, 38—70.

2) Моро Кристофъ II, 197.

3) Etudes histor. p. Et. Chastel, 222—325.

4) Abbé Gaillard, Recherches administratives, statistiques et morales sur les enfans trouvés, Paris 1837, p. 60, 61.

5) Cod. Theod. L. V, tit. VII.

rit ac suis alimentis ad robur provexerit, eundem retineat sub eodem statu, quem apud se collectum voluerit agitare, h. e. sive filium, sive servum eum esse maluerit, omni repetionis inquietudine penitus submovenda eorum, qui servos aut filios scientes propria voluntate domo recens natos abjecerint. Такъ еще близко было состоянiе рабовъ и дѣтей; и такъ еще право бросать дѣтей было сильно, что только угрозою потери законъ хочетъ остановить преступленiе. Но декретъ Валентинiана, Валента и Грацiана 374 [1]), уже прибавилъ положенiе: unusquisque sobelem suam nutriat. Quodsi exponendam putaverit, animadversioni, quae constituta est, subjacebit. Полагаютъ, что эго animadversio явилось только впослѣдствiи, въ законѣ [2]): Si quis necandi infantis piaculum agressus agressave sit|, sciat, se capitali supplicio esse puniendum. Такъ впервые съ христiанства, воспрещается въ Римѣ бросать и убивать дѣтей, подъ страхомъ уголовнаго наказанiя. Но бѣдность и крайняя нищета родителей, поддержанныхъ вѣковымъ правомъ, могли, въ глазахъ народа и судей, служить извиненiемъ для нарушителей закона; и потому Константинъ еще въ 315 г. издалъ повелѣнiе, по которому дѣти безпомощныхъ отцевъ должны быть содержимы на общественный счетъ. Aereis tabulis, vel cerussatis aut linteis mappis per omnes civitates Italiae proponatur lex, quae parentum manus a parricidio arceat, votumque vertat in melius [3]). Въ 322 г. законъ расширенъ на Африку и состоитъ въ слѣдующемъ. Si quis parens afferat sobolem, quam pro paupertate educare non possit; nec in alimentis, nec in veste impertienda tardetur, cum educatio nascentis infantiae moras ferre non possit. Ad quam rem et fiscum nostrum et rem privatam indiscreto jussimus praebere obsequia.—Abhorret enim moribus nostris, ut quemquam fama confici, vel indignum facinus prorumpere concedamus.

Но христiанство, проповѣдуя милосердiе, въ тоже время освящало справедливость, и законъ государства не могъ не

[1]) Cod. Just. tit. VIII, l. 2.

[2]) L. 8 Cod. Iust. IX, 16. Мнѣнiе о законѣ у Remacle, des hospices d'enfans trouvés en Europe, Paris, 1838.

[3]) Cod. Theod. Lib. XI, tit. XXVIII, L. 1.

обратить вниманія на возможныя злоупотребленія частнаго призрѣнія и на лукавно-обходящихъ нищенствующихъ. Въ Кодексѣ Θеодосія [1]) встрѣчаемъ законъ, повторенный въ Юстиніановомъ [2]) отъ слова до слова, и воспрещающій нищенство, подъ страхомъ лишенія свободы. Cunctis affatim, quos in publicum quaestum incepta mendicitas vocavit, inspectis, exploretur in singulis et integritas corporum et robur annorum, atque ea inertibus et absque ulla debilitate miserandis necessitas inferatur, ut eorum quidem, quos tenet conditio servilis, proditor studiosus et diligens dominium consequatur, eorum vero, quos natalium sola libertas prosequitur, colonatu perpetuo fulciatur, quisquis hujusmodi lenitudinem prodiderit et probaverit. Или, нищетствующій становится собственностію тщательнаго доносчика, proditoris studiosi. Далѣе состоялась Novella 80 [3]), относительно нищенствующихъ, въ Константинополѣ, и безпокоившихъ, какъ говоритъ Юстиніанъ, ipsam magnam Urbem. Въ IV гл. Новеллы постановлено: si vero aliqui in hac nostra sint civitate ita, ut vel mendicando victum quaerant, vel, quum hoc ipsorum necessitati non sufficiat, jam etiam peccent, corporis ipsorum statum, qualis sit, inspiciat (Quaestor), et si quidem firma habeant corpora, possint vero ad laborem sufficere, servi quidem aliquorum sint, cognoscat quorum sint, eos que etiam invitos dominis remittat; si vero conditione liberi sint, ad provincias, ex quibus sunt, eos remittat. Гл. V говоритъ: sin vero indigenae sint, et robusta quidem habeant corpora, victus vero quaerendi honestam occasionem non habeant, non permittat, ut isti inutile sint terrae pondus, sed celeriter eos vel publicorum operum opificibus in ministerium tradat, vel—aliis diversis opificiis, quibus simul quidem laborare, simul vero àli, itaque otiosam vitam in melius mutare possint. И такъ нищенствующіе рабы должны быть переданы ихъ господамъ, а свободные возвращены въ ихъ провинціи, или въ общества, гдѣ, какъ въ Константинополѣ, они принуждаются къ работамъ. Не забудемъ положенія 80-й Новеллы, corpore lae-

[1]) Lib. XIV, t. XVIII.

[2]) Lib. XI, tit. XXVI, (XXV), l. unica.

[3]) De officiis Quaestoris, §, 1, Cap. IV et V.

sos vel laesas sine molestia esse jubemus, ut ab iis, qui pie agere volunt, alantur; присоединимъ извѣстіе о существованіи, въ это время, въ Византіи, учрежденій, ξενοδοχεία, orphanotrophia, gerentocomia, ptochotrophia, nosocomia, brephotrophia, названныя въ законѣ res divinae [1]); и заключимъ, что здѣсь уже явились всѣ формы призрѣнія, которыя должны были перейти въ наше отечество.

Но сначала о западѣ, въ Средніе вѣки, по Моро-Кристофу [2]). Съ передвиженіями варварскихъ народовъ, бѣдность и нищета физическая и моральная все только возрастали, откуда частію проистекли и рабство лицъ и ограниченія для права поземельнаго владѣнія, равно какъ раздѣленіе народа на благородныхъ и рабовъ, nobles et serfs. Только мало по малу огромная пустота между этими крайностями наполнялась промыслами и промышленниками, которые спасались отъ нищеты въ своихъ цехахъ и jurandes, какъ благородные въ своихъ помѣстьяхъ, а рабы у своихъ господъ. Но спасеніе было бы недостаточно безъ содѣйствія христіанства, котораго общественное вліяніе уже выказывается въ капитуляріяхъ Карла В. «Никто не долженъ отнимать у бѣдняка то малое, чѣмъ онъ владѣетъ, ни обращать бѣдныхъ въ своихъ рабовъ. Графы должны пещись о бѣдныхъ. Вдова, сирота и больные должны находиться подъ покровительствомъ Государя. Должно назначать адвокатовъ для защиты бѣдныхъ отъ богатыхъ. Каждая община должна содержать своихъ бѣдныхъ, quaeque civitas suos pauperes alito; но не должно дозволять имъ нищенствовать, или помогать тѣмъ изъ нихъ, кто откажется отъ работы.» Дополнимъ эти общія черты законовъ извѣстіями объ учрежденіяхъ на пользу безпомощныхъ нищихъ, по Барону Дюпену [3]), который установленіе госпиталей относитъ къ 789, на основаніи словъ капитулярія этого года: «et hoc nobis competens et venerabile

[1]) Cod. Iust. Lib. I, tit. II, L. 22 и 23: cur non faciamus discrimen inter res divinas et humanas.

[2]) II. 378 и слѣд.

[3]) B-on Dupin, Histoire de l'administration des secours publics en France, Paris, 1821, стр. 5 и 289.

videtur, ut hospites peregrini et pauperes susceptiones regulares et canonicas per loca diversa habeant, quia ipse Dominus dicturus erit-hospes eram et suscepistis me. Тотъ же авторъ приводитъ капитулярій отъ 802 г., съ цѣлію доказать столь же раннее происхожденіе учрежденій на пользу дѣтей, потому что этотъ капитулярій именно говоритъ словами Евангелія: qui susceperit unum parvulum propter me, me suscipit. Какъ бы то ни было, ясно, что и на западѣ церковь дѣйствовала, относительно призрѣнія въ государствѣ, совершенно такъ, какъ на востокѣ. Только тревожныя обстоятельства времени мѣшали дѣлу церкви и общества, и сообщили вопросу особенное положеніе, почти въ каждомъ государствѣ запада. Одно христіанское милосердіе, или частная благотворительность отдѣльныхъ лицъ, церквей и монастырей, съ ихъ tabula S. Spiritus, съ ихъ раздачами вспоможеній и т. п. [1]), сохранились во всѣхъ западныхъ обществахъ, какъ общая норма; но повсюду подали поводъ злоупотребленіямъ, противъ которыхъ повсюду возставалъ строгій законъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, обратимъ преимущественное вниманіе на исторію призрѣнія въ Англіи и Франціи, слегка коснувшись другихъ государствъ, и потомъ перейдемъ къ отечественной исторіи.

Англія. Источникомъ, для изученія дѣла, принимаемъ сочиненіе Мортона Эдена [2]), которому и слѣдуемъ въ изложеніи. На первый вопросъ своей исторіи, каково было состояніе нищихъ, въ Англіи, до эманципаціи или до извѣстнаго развитія промышленности, до половины XIV в., Мортонъ Эденъ отвѣчаетъ вопросомъ: существовали ль эти нищіе и бѣдные въ это время,—вопросомъ, который онъ рѣшаетъ отрицательно, встрѣчая, повсюду, въ эпоху феодализма, господство рабства. Рабовъ было весьма много, въ Англіи; источниками рабства служили разнообразныя общественныя явленія; и только противъ формы продажи и купли рабовъ возстала церковь, въ XII в. Именно 1102 года, на общемъ Вестминстерскомъ соборѣ, впервые узаконено, *не*

[1]) Моро-Кристофъ, l. c.

[2]) The State of the poor, or an history of the labouring classes in England, by Sir Morton Eden, London, 1791, I—III.

дозволять никому выводить рабовъ, какъ скотъ, на рынокъ, для продажи. Впрочемъ съ этого времени, духовенство видимо старается въ одномъ случаѣ, смягчить власть господъ надъ рабами, а въ другомъ, и вовсе уничтожить, дѣйствуя на то проповѣдію, наставленіями при исповѣди, и приговорами въ судилищахъ, состоявшихъ преимущественно изъ лицъ духовныхъ. Содѣйствіе эманципаціи со стороны духовенства, которое само продолжало владѣть рабами, было такъ велико, что Эденъ подозрѣваетъ его въ корыстномъ намѣреніи эманципировать рабовъ у свѣтскихъ господъ, для усиленія собственныхъ средствъ. Какъ бы то ни было, съ конца XIII и начала XIV в. начинаютъ въ Англіи появляться free tenans, родъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, водворенныхъ на чужой землѣ, которые могли пріобрѣтать, по крайней мѣрѣ, движимое, и свободно искать положенія, обезпечивавшаго ихъ личность и имущества. Это положеніе приготовлялось для нихъ географически и политически въ мѣстахъ, гдѣ начинала водворяться та промышленность, которая, начавшись съ XI в. до позднѣйшаго времени играла такую важную ролю въ Англіи. Эденъ разсказываетъ, что еще съ Вильгельмомъ Завоевателемъ прибыло изъ Фландріи въ Англію нѣсколько ткачей съ своими станками и съ искусствомъ суконнаго дѣла; но особенно съ XIV в., когда Эдуардъ III, воспользовавшись случаемъ переѣзда въ Англію одного извѣстнаго фламандскаго суконника, издалъ прокламацію, въ которой вызывалъ всѣхъ желающихъ, обѣщая имъ права, льготы, преимущества. Многія семейства послушались зова и переѣхали въ Англію съ своими капиталами, станками, рабочими и запасами, требуя, разумѣется, въ замѣнъ отечества, различныхъ преимуществъ отъ новаго мѣста пребыванія. Они поселялись среди чуждой имъ народности, и при томъ съ производствомъ, которое обѣщало выгоды, не могшія не вызвать зависти и вражды туземцевъ. Вслѣдствіе чего, какъ прежніе, такъ и послѣдующіе законы обезпечивали для нихъ право безопасности, въ мѣстахъ ихъ производства, въ ихъ слободахъ и городахъ, съ правомъ собственной обороны и собственнаго суда, и съ правомъ невыдачи или неприкосновенности лицъ, которыя заходили въ эти бурги съ по-

лей и съ земель Англіи. Всѣ вольные хлѣбопашцы, и частію даже рабы бѣжали въ города, послужившіе убѣжищемъ для свободы, и становились вполнѣ свободными, по истеченіи особой давности, именно года со днемъ. Такъ Эденъ изложилъ возрожденіе свободы въ Англіи [1]).

Съ появленіемъ свободы, въ народѣ, появились ея необходимыя слѣдствія, въ государствѣ, и во-первыхъ слишкомъ высокая плата за работу, во-вторыхъ нерасположеніе къ работѣ,—далѣе бродяжничество,—и потомъ нищета и бѣдность, вызвавшія различные законы и мѣры. Сюда принадлежатъ статуты о работѣ, 1350 г., которыми узаконялась плата за работу, — законы 1360, которыми опредѣлялось наказаніе рабочимъ, произвольно оставлявшимъ работу, напр. заключеніе въ тюрьму и выжиганіе на лбу литеры f (fugitivus). Затѣмъ слѣдовали законы 1388 г. о паспортахъ, для остановленія бродяжничества, и о нищихъ, для пріуроченія ихъ къ городамъ, мѣстамъ, сотнямъ, въ которыхъ засталъ ихъ законъ этого года [2]). Обращаясь къ главному своему вопросу о нищихъ и призрѣніи, находимъ, что только со второй половины XIV в., вопросъ становится предметомъ закона, который прежде всего долженъ былъ рѣшить, на комъ лежитъ въ обществѣ, слѣдовательно внѣ семьи, въ случаѣ ея несуществованія, или несостоятельности, обязанность пещися о лицахъ, лишенныхъ средствъ существованія? И порѣшилъ, замѣняя общія, неопредѣленныя выраженія мѣстъ, бурговъ, городовъ, сотенъ, выработаннымъ, въ странѣ, установленіемъ приходовъ, предписавъ этимъ приходамъ принять на себя призрѣніе своихъ нищихъ [3]). И съ этого времени до нашихъ дней вопросъ о нищихъ и призрѣніи, въ Англіи, не есть дѣло только частныхъ лицъ, но не входитъ и въ предметы государственнаго управленія, а составляетъ вопросъ прихода или общины, вопросъ общественный, народный. Въ чемъ заключается вся особенность англійскаго законодатель-

[1]) См. перв. 30 страницъ его сочиненія.

[2]) Eden, I, 30—43.

[3]) 62.

ства о нищихъ, и весь интересъ его исторіи, для изображенія которыхъ покажемъ главные моменты англійскихъ законовъ.

Состраданіе частныхъ лицъ, естественно, было не разборчиво, и только питало злоупотребленіе, и плодило нищенство, противъ котораго возставалъ законъ, стараясь однакожь не уничтожать милосердія, а устроять его болѣе и болѣе на разумныхъ началахъ. Отсюда появленіе законовъ о призрѣніи съ двоякимъ содержаніемъ, — однихъ со строгостію противъ нищенства, и другихъ—съ распоряженіями на пользу истинно-нуждающихся. Для краткости, начнемъ съ XVI в. [1]), и съ того закона 1530 г., по которому нищій бродяга, здоровый и не калека, уличеннный въ прошеніи милостыни, подвергался наказанію розгами до крови, съ обязательствомъ дать присягу, что воротится въ мѣсто своего жительства. Вслѣдъ за симъ Генрихъ VIII издалъ актъ 1536, по которому всѣ правительственныя лица по графствамъ, городамъ и приходамъ, замѣтивъ нуждающагося нищаго, обязуются принять его милостиво и снабдить всѣмъ необходимымъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 20 фунтовъ стерлинговъ. Правительственныя же лица уполномочиваются собирать подаянія на пользу нищихъ, при содѣйствіи духовныхъ особъ, которыя обязуются, ученіемъ, увѣщаніемъ и проповѣдію, возбуждать въ народѣ духъ милосердія. Частнымъ лицамъ воспрещается подавать милостыню изъ рукъ въ руки, и предписывается дѣлать подаянія въ кружки, открытыя при церквахъ, и порученныя надзору церковныхъ старостъ, church wardens. Но, понятно, что gentle exhortation священниковъ и charitable persvasion епископовъ не могли наполнить церковныхъ кружекъ; старосты оставались безъ дѣла, а нищіе безъ помощи, не смотря на массу имуществъ, отобранныхъ у монастырей, и съ тѣмъ вмѣстѣ отнятыхъ у нищихъ, которые опять были принуждены искать помощи у частныхъ лицъ, и опять подали поводъ къ явленію нищенства и бродяжничества. И законъ Эдуарда VI, 1547 года, обвиняя безразсудность частнаго милосердія, плодящаго нищенство, праздность и бродяжничество, постановилъ: «если му-

[1]) Mort. Ed., I, 82.

щина или женщина, способные къ работѣ, будутъ просить милостыни въ теченіи трехъ дней; то подвергаются выжиганію на груди, горячимъ желѣзомъ, лит. v (vagabond, и присуждаются въ рабство на два года тому, кто о нихъ донесетъ Мирному судьѣ. Хозяинъ такихъ рабовъ имѣетъ право довольствовать ихъ хлѣбомъ и водою, употребляя на работы, какія ему вздумаются. Если такой рабъ уйдетъ и самъ не возвратится въ теченіе двухъ недѣль (14 дней); то становится рабомъ на всю свою жизнь, подвергаясь клейменію на лбу литеры s (slave), и полной власти господина, который можетъ его продать, заложить, отдать въ наемъ. Всякое сопротивленіе такой власти уполномочиваетъ возможно строгія наказанія, а новый побѣгъ отъ господина ведетъ за собою смертную казнь. — Еслибы случилось, что никакое частное лицо не рѣшилось взять подобныхъ нищихъ въ число своихъ рабовъ; то Мирный судья, подвергнувъ ихъ допросу о происхожденіи, клеймитъ виновныхъ лит. v, и отсылаетъ въ ихъ мѣсто рожденія, или жительства; а, при ложности показаній, клеймитъ литерою s, и отсылаетъ въ извѣстную общину въ качествѣ ея рабовъ, подлежащихъ постоянной работѣ, посаженію на цѣпь и т. д. Во всякомъ случаѣ, всѣ и каждый имѣютъ право отнимать у такихъ бродягъ ихъ дѣтей, обращая послѣднихъ въ своихъ учениковъ или работниковъ, и, въ случаѣ ихъ побѣга, заковывая въ желѣза и цѣпи.«

Послѣ такого грознаго закона слѣдовало распоряженіе 1562 [1]), по которому всякій прихожанинъ *обязуется*, по зову епископа или священника, дѣлать приношенія въ пользу нищихъ; въ противномъ случаѣ, по извѣщенію этихъ духовныхъ особъ, призывается къ Мирному судьѣ, и, отказываясь отъ добровольныхъ приношеній, запирается въ тюрьму до уплаты суммы, которую судья назначитъ. Такъ мало по малу стали наполняться церковныя кружки, и умножаться дѣла церковныхъ старостъ. Оставалось сообщить управленію прочность и правильность, которыя взялся установить законъ Елизаветы отъ 1601 сент. 19, такъ называемый Act for the relief of the

1) Mort. 122.

poor[1]). Актъ выходитъ изъ начала, что каждый приходъ *обязанъ* доставлять занятіе своему здоровому нищему, и помощь, требуемую его недужнымъ нищимъ; для чего, съ одной стороны, предписывается приходамъ, забирать дѣтей нищихъ и отдавать ихъ въ науку, или пріискивать работу и занятіе для взрослыхъ; съ другой, повелѣвается учредить въ приходахъ больницы, богадѣльни и друг. учрежденія, хоть въ cottages, въ избушкахъ, для вспоможенія больнымъ, дряхлымъ, и т. д.— Подаяніе нищимъ изъ рукъ въ руки воспрещается, а нищенствующіе отсылаются въ тюрьму. Фондами для призрѣнія должны служить добровольныя пожертвованія, штрафы и пени за безнравственныя и церковію воспрещаемыя дѣйствія, напр. за божбу, пьянство, азартныя игры и т. п., и наконецъ особая *подать* съ владѣльцевъ земли, домовъ, квартиръ и т. д. Управленіе дѣлами призрѣнія поручается приходу, который, подъ предсѣдательствомъ церковнаго старосты, составляетъ особыя собранія, или присутствія, — общія, изо всѣхъ прихожанъ, open—vestry, и избранныя, изъ нѣкоторыхъ членовъ, select—vestry. Положенія присутствій выполняются въ отдѣльныхъ приходскихъ учрежденіяхъ, при посредствѣ особыхъ надзирателей, overseers, которые, вмѣстѣ со всѣми другими лицами прихода, подчиняются высшей контроли Мирнаго судьи. Такимъ образомъ законъ ограничился установленіемъ общаго начала, предоставивъ его выполненіе соображеніямъ приходовъ, но подъ надзоромъ суда и расправы. При существованіи общаго закона о призрѣніи могли возникать законные споры между нищими прихода и прихожанами, и эти споры рѣшались судебнымъ порядкомъ, по общимъ правиламъ производства. Такъ, въ заключеніе, законъ Елизаветы implicite установилъ, что нищіе прихода имѣютъ положительное, строгое право требовать помощи отъ своего прихода. И, въ этомъ смыслѣ, можно англійское призрѣніе назвать законнымъ, charité légale.

Законъ Елизаветы до 1776 г. не вызвалъ ни одной попытки къ его перемѣнѣ;[2]) да и съ этого времени, подверг-

[1]) Mort. III, p. CLXVII.

[2]) Eug. Buret, I, 145.—

шись самой тщательной повѣркѣ своего дѣйствія на бытъ народа, и подавъ поводъ къ массѣ изслѣдованій, наблюденій, изданій, онъ остался неизмѣненнымъ, въ существѣ, даже по новому закону 1834 г. авг. 14 [1]).

Франція [2]). Мы не встрѣчаемъ во Франціи ни одного подобнаго закона, который бы ограничился установленіемъ общаго правила, и предоставилъ бы его выполненіе народу. Напротивъ во Франціи видимо господствуетъ начало правительственнаго вмѣшательства и централизаціи, по которымъ законъ опредѣляетъ все въ призрѣніи, и форму помощи и средства призрѣнія, дѣйствуя преимущественно посредствомъ особыхъ учрежденій. Такъ исторія призрѣнія, во Франціи, составляется собственно изъ исторіи этихъ учрежденій. Главнымъ образомъ во Франціи отличаютъ три рода учрежденій,—1, на пользу нищихъ здоровыхъ, 2, на пользу больныхъ и увѣчныхъ, и 3, на пользу подкидышей. Между тѣмъ общее движеніе событій имѣетъ во Франціи весьма много сходнаго съ движеніемъ, породившимъ разсмотрѣнныя нами явленія въ законодательствѣ и бытѣ Англіи. Де-Жерандо характеризуетъ Средніе вѣки Франціи положеніями, которыя, какъ бы, извлечены изъ исторіи Морт. Эдена. «По мѣрѣ того, говоритъ Де-Жерандо, какъ узы феодализма ослабѣвали, во Франціи, отпускныя появлялись чаще и чаще, рабы освобождались больше и больше, теряя, въ господахъ, своихъ естественныхъ защитниковъ, и подвергаясь бѣдности и нищетѣ, неизвѣстной имъ дотолѣ» [3]). На помощь этимъ нищимъ приходитъ, естественно, частное милосердіе, которое родитъ нищенство и бродяжничество, вызывающія противъ себя строгость законовъ, образовавшихъ, съ XIII в., своими распоряженіями, первую категорію уставовъ—о нищихъ здоровыхъ.

[1]) Объ этомъ законѣ Дежерандо, въ статьѣ: législation anglaise sur les pauvres, помѣщен. въ Revue de législation, par Foelix, 1837, IV, говоритъ слѣдующ: jamais une matière législative ne fut étudiée avec plus de persévérance, et plus soigneusement approfondie. Ср. его Bienfaisance publique, II, 493.

[2]) Источниками послужатъ сочин. Дежерандо, Моро—Кристофа и B-on Dupin, histoire de l'administration etc.

[3]) Тоже Dupin, 6.

Людовикъ IX Св. долженъ былъ издать законъ, по которому «нищіе, посѣщающіе таверны, должны быть останавливаемы, осматриваемы, изгоняемы изъ города «и т. д. Въ тоже время, Людовикъ разсылалъ по провинціямъ своихъ коммисаровъ, для изслѣдованія состоянія нищихъ, истинно нуждающихся. — Со времени общаго освобожденія рабовъ, при Филиппѣ Красивомъ, нѣсколько разъ поднималась война бѣдныхъ противъ богатыхъ, а такъ называемая jacquerie, заставила современника Эдуарда III, Іоанна II, 1350 г., издать законъ, по которому «нищіе присуждаются къ работѣ или къ изгнанію, къ привязыванію у позорнаго столба, au pilori, и къ выжиганію клейма на лбу, горячимъ желѣзомъ.» «Проповѣдники должны уговаривать, чтобъ прихожане не подавали милостыни нищенствующимъ.» — Но что сдѣлалъ законъ на пользу истинно—нуждающихся, которыхъ призрѣніе одно можетъ оправдать строгость и содѣлать ее дѣйствительною? Объ этой сторонѣ закона встрѣчаемъ распоряженія только съ XVI ст., когда актомъ 1536 [1]), Францискъ I повелѣлъ собирать, по приходамъ, свѣдѣнія о нищихъ, вносить истинно нуждащихся въ особые списки, и раздавать имъ, по домамъ, милостыню и пособіе. Въ 1560 и 61, по извѣстному Ordonnance de Moulins [2]) была установлена даже taxe des pauvres, или подать; а въ 1586 [3]) предписано нищимъ не бродить съ мѣста на другое, оставаться, гдѣ законъ ихъ застанетъ, и ожидать помощи отъ приходовъ, которые должны имѣть для того фонды, собираемые въ видѣ подати, или *иначе*. На основаніи этого: *иначе*, Орлеанскіе Штаты испрашивали разрѣшенія помѣщать своихъ нищихъ въ домахъ работныхъ, или употреблять ихъ на публичныя работы [4]). Не было полноты въ законѣ; между тѣмъ провинціи не могли дѣйствовать, безъ разрѣшенія, по собственному усмотрѣнію. Кромѣ того, какъ всѣ вопросы, такъ и вопросъ о бѣдныхъ существенно распадался на двѣ формы, смотря по тому, ка-

1) Dupin, 365.

2) De Gérando.

3) Dupin 363.

4) Dupin 361.

сался онъ Парижа, или провинцій, и притомъ форма парижская, какъ бы ни была противоположна другой, рано или поздо торжествовала въ дѣлѣ. Что особенно замѣтно въ вопросѣ о нищихъ здоровыхъ, съ XVII в., начиная съ количества и свойства этихъ нищихъ.

Въ Парижѣ, въ сороковыхъ годахъ XVII ст., насчитывали ихъ до 40,000. Днемъ осаждали они храмы, домы, площади, а ночь проводили въ своихъ coures des miracles, предаваясь возможному безчинству. Между тѣмъ въ голодные годы, когда хлѣбъ поднимался до 8 су за ливръ, въ Парижѣ и въ Тюйльерійскомъ дворцѣ раздавали его по 2 су, и толпы народу стекались въ средоточіе правительственной щедрости, тѣснясь, гнѣздясь и безпокоя прекрасный городъ. Положено было открыть, для ихъ помѣщенія и содержанія, L'hopital général, на первый разъ еще болѣе вызвавшій охотниковъ изъ провинцій. Поля опустѣли, мастерскія закрылись. Людовикъ XIV повелѣлъ устроить подобные гошпитали по другимъ городамъ; а между тѣмъ въ самомъ Парижѣ дѣло не клѣилось; работы не шли въ гошпиталѣ; нищіе не хотѣли даже оставаться въ немъ; въ одномъ 1659, было девять возстаній противъ гошпитателей; и правительство, издержавъ до 6 милліоновъ, должно было выслать нищихъ изъ гошпиталя. Въ 1720 г. придумали употреблять ихъ на публичныя работы, по дорогамъ, разбивъ на партіи въ 20 человѣкъ; но общественная безопасность была тамъ нагло нарушаема ими, и правительство отказалось отъ выполненія намѣренія.

Такъ парижскія установленія парализировали учрежденія провинцій. 1656, говоритъ Де Жерандо, изданъ полнѣйшій актъ, когда нибудь существовавшій, во Франціи, о предметѣ,—Королевскій Эдиктъ, по которому бѣдные раздѣляются на два вида, на вспомоществуемыхъ на дому и въ заведеніяхъ богоугодныхъ, и потомъ воспрещается всякому и каждому, подавать имъ милостыню, подъ страхомъ пени въ 4 ливра, или принимать въ домъ, подъ опасеніемъ заплатить въ первый разъ 100, во второй 300 ливровъ и т. п. Вообще законъ подробенъ въ формахъ, но опустилъ юридическій вопросъ о томъ, кто обязанъ и какъ помогать нищимъ Понятны послѣ этого строгіе законы 1685 и 87, по кото-

рымъ нищіе, встрѣченные съ оружіемъ въ рукахъ, или толпою болѣе 4 человѣкъ, подвергаются — мущины ссылкѣ на галеры, женщины плетямъ и изгнанію.

Въ 1740 г. [1]) состоялся парламентскій актъ, которымъ положено, по приходамъ, установить комитеты, или bureaux, изъ священниковъ, церковныхъ старостъ, marguilliers en charge, и значительныхъ гражданъ, для разсужденія о дѣлахъ нищихъ, или вспоможеніи. Кромѣ списковъ нищимъ, комитеты должны были имѣть средства, или фонды, которые предполагалось составить изъ добровольныхъ пожертвованій и даже понудительными мѣрами. Далѣе законъ излагаетъ формы засѣданій, время ихъ, предметъ разсужденій, отчетность и т. п. Но дѣло не двигалось, и революція волею и не волею наслѣдовала вопросъ нерѣшеннымъ, и передала его такимъ же послѣдующему времени.

На пользу больныхъ и увѣчныхъ, съ древнѣйшихъ временъ, существовали учрежденія общественныя, подчиненныя дѣйствію общихъ законовъ, такъ же съ древнѣйшихъ временъ.—Съ Крестовыхъ походовъ установляются, по волѣ различныхъ завѣщателей и учредителей, страннопріимные домы, больницы вообще и особенно для прокаженныхъ, такъ называемые leproseries и лазареты. 19,000 прокаженныхъ насчитывалось, по Дюпену, въ христіанской Европѣ, въ слѣдствіе ихъ походовъ въ Азію [2]). Людовика IX впервые поразило то разнообразіе, которое господствовало въ управленіи богоугодными учрежденіями, въ этомъ прямомъ послѣдствіи частной воли, находившей только помощь у духовенства; и король рѣшилъ ввести болѣе однообразія и такъ называемой правильности въ это богоугодное дѣло. Послѣдующіе короли дѣйствовали въ томъ же духѣ, содѣйствуя умноженію учрежденій и ихъ правильному т. е. однообразному управленію. Но особенно въ этомъ отношеніи много совершилъ вѣкъ Людовика XIV, когда S-t. Vincent de Paul съ такимъ успѣхомъ проповѣдовалъ благотворительность; когда самъ король такое вниманіе обращалъ на призрѣніе, и когда люди знатные и особенно придворные

[1]) Dupin 367.

[2]) Dupin 7 и слѣд.

на-перерывъ старались подражать его примѣру, такъ что Montespan, впавши въ опалу, надѣялась возвратить къ себѣ расположеніе короля дѣлами милосердія, устроивъ въ своемъ замкѣ d'Oiron богадѣльни и т. п.—Король, съ своей стороны, могущественно содѣйствовалъ учрежденію и обогащенію богадѣленъ, доставивши имъ легкую добычу въ имѣніяхъ и богоугодныхъ установленіяхъ протестантовъ, послѣ уничтоженія Нантскаго Эдикта, и въ капиталахъ иныхъ орденовъ и братствъ, особенно *братства страстей*, Confrérie de la passion, существовавшаго посредствомъ представленій, mystères, съ XV и до конца XVII ст., до 1676. Но этотъ правительственный даръ велъ богадѣльни къ разнымъ лишеніямъ. Правительство, успѣвши въ теченіи вѣка Людовика создать до 20 гошпиталей, обогативъ ихъ своими распоряженіями, приходило къ мысли, что богадѣльни ему всѣмъ обязаны и отъ него одного зависятъ. Посему въ 1749 воспрещено имъ пріобрѣтать недвижимыя, а съ 1780 предложено богадѣльнямъ, продавъ ихъ недвижимыя имущества, довольствоваться доходами, которые правительство имъ ассигнуетъ, по мѣрѣ ихъ нуждъ [1]). Вотъ основаніе мѣръ революціи и послѣдующихъ плановъ. Кажется, установленія не нуждались въ такомъ содѣйствіи правительства, получая ежегодно, по вычисленію Неккера, 20,000,000, по другимъ до 40,000,000, и по среднему положенію Дюпена—по 30,000,000, франковъ. И только позже могли онѣ дойти до нужды и крайности.

Третій родъ учрежденій, Воспитательные домы, возводятся Дюпеномъ ко временамъ Карла В. [2]) Впрочемъ и документальное ихъ установленіе принадлежитъ къ XI в., когда 1070, Орд. Св. Духа, въ Монпелье, въ числѣ своихъ правилъ, положилъ пещися о подкидышахъ, а 1180 учредилъ гошпиталь для подкидышей, l'hopital des enfans trouvés. Въ Парижѣ долго правительство не рѣшалось открыть подобное установленіе, хотя въ XIV хронисты приводятъ слѣд. слова одного парижскаго епископа отъ 1362: cum igitur, prout est nobis a fide dignis personis intimatum, per vicos et plateas urbis parisiensis innu-

[1]) Dupin, 19.
[2]) Dupin, 289.

merabilium pauperum calamitas tantum evaluerit, quod utrius que sexus parvuli et juvenes orphani, hospicio carentes, in platea communi, nec sub tecto morabantur, plurimi reperti sunt, hi frigore extincti, hi adhuc palpitantes a mortuis juxta se quaerentes auxilium et non invenientes, simul moriebantur; multi vero—ut abominabiles a cunctis hominibus repulsam patiuntur [1]). И въ XV вѣкѣ, 1445 г., по хроникамъ, у входа Notre Dame de Paris, уже находилась кроватка, называвшаяся crèche, ясли, въ которой помѣщались новорожденные дѣти, и при которой стояла монахиня, en criant publiquement: faites bien à ces pauvres enfans trouvés. Францискъ I положилъ основаніе воспитательному дому своимъ La couche, а S-t Vincent de Paul, при Людовикѣ XIV, развилъ его въ извѣстное зданіе, куда въ 1670 г. принесено было 312 младенцевъ, въ 1680—890; къ концу XVII в. болѣе 1500, и гдѣ въ 1740 было ихъ 3150, въ 1760—5032, а въ 1770—6918. Такое быстрое, поступательное движеніе населенія, въ Воспитательномъ домѣ Парижа, послужило основаніемъ къ мысли, какъ объ уничтоженіи Парижскаго воспитательнаго дома, такъ и о закрытіи вообще подобныхъ заведеній.

Революція наслѣдовала административный духъ стараго правленія, ancien régime, и, установивъ особый комитетъ о нищихъ, Comité de mendicité, подъ предсѣдательствомъ Delarochefoucault Liancourt, поручила ему заняться изученіемъ вопроса, въ самомъ обширномъ размѣрѣ. На основаніи донесеній комитета, въ 1793, марта 19, нищета признана правомъ гражданина требовать отъ государства помощи, нищіе кредиторами, а государство должникомъ, обязаннымъ внести нищихъ въ большую книгу государственнаго долга и т. д. Между тѣмъ недочеты въ государственныхъ доходахъ дозволяли только запирать нищихъ въ ихъ dépots de mendicité, да принуждали отнимать имущества у бѣдныхъ, и лишать подкидышей, этихъ номинальныхъ enfans de la patrie революціи, не токмо услугъ кормилицъ, но даже молока коровъ

[1]) Dupin, 300.

и козъ [1]).—Любопытное свидѣтельство ученыхъ Франціи въ пользу англійскихъ законовъ о призрѣніи находимъ въ слѣдующихъ положеніяхъ Бюре. «Нищенство открываетъ объемъ нищеты, въ странѣ: и потому Франція должна позавидовать работн. домамъ Англіи, которые, помогая истинно нуждающимся, въ тоже время, спасаютъ страну отъ нищенства. Во Франціи, нищенство развито до того, что иныя общины принуждены соединяться вмѣстѣ, чтобы дѣлать отпоръ нищенствующимъ, бродящимъ угрожающими толпами» и т. д.[2]).

Соображая сказанное доселѣ о призрѣніи въ Англіи и во Франціи, равно какъ читая извѣстія Моро-Кристофа и де-Жерандо о другихъ государствахъ запада, кажется, можно убѣдиться, что въ различныхъ государствахъ Европы дѣйствуютъ различныя формы призрѣнія—частная, общинная и общественная, въ смыслѣ правительственной, и что самая удачная изъ этихъ формъ есть общинная, приходская. Такъ въ Папской области и вообще въ Италіи и въ Испаніи господствуетъ форма частнаго призрѣнія, съ массою нищенствующихъ и съ возможными злоупотребленіями [3]). Напротивъ въ Голландіи господствуетъ форма призрѣнія общиннаго быта, по приходамъ, въ видѣ такъ называемыхъ Діаконій, которыя благодѣтельно дѣйствуютъ на судьбу нищихъ и на уничтоженіе нищенства [4]). Третья, общественная или государственная форма призрѣнія принадлежитъ къ числу установленій нѣмецкихъ протестантскихъ государствъ, обратившихъ особенное вниманіе на искорененіе нищенства [5]).

[1]) Moreau Christophe, du Problème, III, 384 и слѣд. B-on Dupin, l. c. и особ. Foderé, 541.

[2]) Buret. II, 9, 10.

[3]) Problème, III, 1, 99 и слѣд. Bienf. publique, II, 508 и слѣд.

[4]) De Gérando, Bienf. publique, 498—500. Moreau Christophe, problème, III, 237 и слѣд.

[5]) De Gérando, l. c. стр. 501—503.

Исторія призрѣнія въ Россіи.

«Не было у Словянъ ни бродягъ, ни нищихъ, говоритъ Мацѣевскій. Отсутствіе у Словянъ бродягъ и нищихъ, справедливо замѣчаетъ авторъ «Исторіи Словянскихъ законодательствъ» [1]), есть явленіе рѣдкое въ человѣчествѣ; иные пытались объяснить это явленіе обычаемъ убивать престарѣлыхъ и малолѣтныхъ. Но предполагаемый обычай никогда не существовалъ у Словянъ, не вяжется съ ихъ характеромъ и не вытекаетъ изъ источниковъ ихъ исторіи». Объясненіе находится въ мягкости Словянъ и въ ихъ готовности подавать помощь,—свойствахъ, образовавшихъ изъ себя обычай гостепріимства. Послѣ чего Мацѣевскій, вмѣстѣ съ Карамзинымъ [2]), повторяютъ положенія о славянскомъ гостепріимствѣ Императора Маврикія, на основаніи которыхъ Карамзинъ представляетъ слѣдующую картину словянскаго быта. «Гостепріимство было священною добродѣтелію, обожаемою обязанностію Словянъ. Для всѣхъ странниковъ у Словянъ пріемъ радушный, прощанье съ благословеніемъ; дверь Словянина была открыта для странника.» Конечно, это немножко противорѣчитъ извѣстію о древнихъ словянскихъ жилищахъ [3]) и о томъ обычаѣ, по которому Словянинъ, живя въ лѣсахъ не проходимыхъ и среди болотъ недоступныхъ, на случай отсутствія, все свое имущество зарывалъ въ землю, такъ что даже отворенная дверь его жилища, понятно, не слишкомъ много говорила въ пользу гостепріимства хозяина. Добравшись до жилища, можно было въ немъ ничего не найти. Но, относя противорѣчіе къ неточностямъ разсказа, мы вмѣстѣ со всѣми не можемъ заподозрить самаго гостепріимства, и думаемъ, согласно съ Карамзинымъ и Мацѣевскимъ, что Словяне, вообще расположенные помогать бѣднымъ, въ тоже время были расположены помогать странникамъ; только мы

[1]) I, § 102, стр. 182 и слѣд.

[2]) И. Г. Р. I, 60.

[3]) Ibid. 64.

не считаемъ ни этихъ распоряженій, ни этого гостепріимства единственно удовлетворительнымъ объясненіемъ для отсутствія у Словянъ нищеты и бродяжничества, въ *языческій періодъ*. Мягкость, или сострадаліе Словянъ объясняетъ только успѣхи, которые дѣлало призрѣніе въ Руси, со временъ христіанства, — успѣхи, доказываемые лѣтописями и принятые писателями [1]). Владиміръ Св., подавшій примѣръ къ принятію христіанства, служилъ для народа образцемъ и сострадапія, бывъ «истиннымъ отцемъ бѣдныхъ.» Такъ, по Нестору, въ день освященія десятинной церкви, В. Князь роздалъ убогимъ много имѣнія; однажды, услышавъ въ Евангеліи о блаженствѣ, обѣтованіи нищихъ, повелѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій, и получать тамъ «всякую потребу, питье и яствы, и отъ скотницъ кунами.» Далѣе, разсудивъ, что больные нищіе не могутъ дойти до его двора, Князь повелѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ, и люди Владиміра, ходя по городу, спрашивали: гдѣ нищіе, недужные, и надѣляли ихъ всѣмъ необходимымъ. Этотъ характеръ благотворительности отразился въ Церковномъ уставѣ В. Князя, который передалъ церковному управленію, снисходительно милосердому: «паломника (странника, пальмовника, съ пальмою возвращавшагося изъ Іерусалима), лечца или лекаря, задушнаго человѣка, или, по толкованію Карамзина, на основаніи Герберштейна, раба, по душѣ освобожденнаго господиномъ, равно какъ слѣпца, хромца, больницы, гостинницы, страннопріимницы и богадѣльни.» Богадѣльни отъ словъ: Бога для, или божіи дѣла, res divinae, мы встрѣчали въ Юстиніановомъ кодексѣ, откуда Уставъ, видимо, заимствовалъ свои распоряженія, сохранивъ даже порядокъ вычисленія первоначальный, римскій.

1) Къ числу сочиненій, по части нашего вопроса, должно отнести особенно статьи И. М. Снегирева, напр. «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII в.,» помѣщенн. въ «Литературномъ вечерѣ» Москва 1844; потомъ «о скудельницахъ, или убогихъ домахъ въ Россіи», въ Историч. Сборникѣ Моск. Общ. Ист. и Др. III, кн. I, стр. 235 и слѣд.; и наконецъ статью помѣщенную въ Вѣд. Моск. Гор. Полиціи, «Московскіе нищіе въ XVII в.»

И не станемъ думать, чтобы всѣ эти учрежденія, появившіяся только въ VI в. въ Византіи, могли уже существовать полнымъ составомъ въ X в. въ Россіи; это только задача, которой выполненіе лежало на будущемъ. Отсюда повтореніе распоряженій съ небольшими измѣненіями въ Уставѣ Ярослава, гдѣ вычисляются: «вдовицы, задушьніи человѣцы, странницы, нищіе, монастыри и бани ихъ, и врачи ихъ, больницы и врачи ихъ» и пр.

И такъ съ X и XI вѣка положено у насъ основаніе христіанскому призрѣнію, примѣромъ князей и закономъ, относящимъ вопросъ о нищихъ къ церковному управленію. Послѣдующіе Князья съ членами ихъ семействъ оставались постоянно вѣрными примѣру, образовавъ изъ своей дѣятельности родъ общаго начала. Нельзя сомнѣваться, что примѣръ ихъ дѣйствовалъ на окружающихъ, на бояръ и служилыхъ людей; равно какъ, что монастыри и церкви, выполняя законъ, расширяли на весь народъ начало состраданія къ нищимъ. Дѣятельность князей и княгинь засвидѣтельствована лѣтописями; призрѣніе монастырей и церквей такъ же сохранилось въ актахъ. Разсмотримъ, по источникамъ, ту и другую дѣятельность призрѣнія, для точнаго пониманія свойства и результатовъ русскаго призрѣнія.

Владиміръ Мономахъ, по милосердію, былъ подобенъ Владиміру Святому, и, въ поученіи къ дѣтямъ, оставилъ слѣдующія черты своего взгляда на призрѣніе: «будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ; не оставляйте больныхъ безъ помощи. Я не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ» [1]). Конечно, непосредственное участіе въ судьбѣ вдовъ и сиротъ лучше адвокатовъ, требуемыхъ капитуляріями Карла В. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ, какъ законы о призрѣніи и ученіе древнихъ князей дѣйствовали на грядущее поколѣніе. Подъ 1113 год. [2]), лѣтопись разсказываетъ, что, по смерти В. Князя Святополка, княгиня «много раздѣли богатство монастыремъ и попомъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ,

[1]) И. Г. Р. II, 153.

[2]) Ипат. стр. 4.

яко такоя милости никтоже можетъ створити.» 1115, при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, князья *накормиша убогыя и странныя по 3 дни* [1]). Смерть Вячеслава, 1154, такъ же сопровождалась дѣломъ призрѣнія. Ростиславъ, созвавъ мужей *отца своего* и тіуновъ и ключниковъ, приказалъ имъ принести къ себѣ все имѣніе Вячеслава, и *порты*, и *золото, и серебро, и нача раздавати по монастырямъ и по церквамъ, и по затворамъ, и нищимъ* [2]). Самыя подаянія на церкви и монастыри были частію собственностію нищихъ и убогихъ; что видно между прочимъ изъ слѣдующаго описанія добродѣтелей Святослава Ростиславича, 1172: «паче же милостыни прилежаше, и монастыри набдя и церкви набдя,» и Глѣба Юрьевича, 1173, который «нищая добрѣ набдяше»[3]). Оттого всѣ почти князья доблестные славились милостынею. Такъ Андрей Боголюбскій, 1175, называется *кормителемъ чернцемъ и убогымъ*—милостынею бяше милостивъ.—Бяшеть же и сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное *больнымъ и нищимъ на потребу*[4]). О благотворительности московскихъ князей и княгинь, съ Іоанна Даниловича Калиты до Анастасіи, первой супруги Грознаго, можемъ читать извѣстія, собранныя нашимъ неутомимымъ археологомъ И. М. Снегиревымъ [5]). И вообще можно сказать, что благотворительность нашихъ князей равнялась только ихъ щедрости въ набдѣніи монастырей и церквей и ихъ расположенію къ дружинѣ. По этимъ тремъ началамъ жили князья наши; по этимъ тремъ сторонамъ судили объ нихъ лѣтописцы. И, если милостыни, розданныя ими нищимъ, хоть нѣсколько приближались къ суммѣ ихъ пожертвованій на церковь; то, конечно, средства призрѣнія того времени были не маловажны, особенно потому, что княжеское призрѣніе должно было имѣть великое вліяніе на развитіе и поддержаніе призрѣнія бояръ и другихъ лицъ народа.

[1]) Тамъ же стр. 6.

[2]) Тамъ же стр. 75.

[3]) Тамъ же стр. 102 и 106.

[4]) Тамъ же стр, 112.

[5]) «Лит. Вечеръ,» 22 и др. мѣста.

Тѣмъ болѣе, что употребленіе, которое дѣлали монастыри изъ пожертвованій, къ нимъ стекавшихся, принадлежало также къ средствамъ призрѣнія. Уже по самому своему первоначальному назначенію, по своему праву, быть *безопаснымъ убѣжищемъ для каждаго безъ различія, съ самыхъ юныхъ лѣтъ*, какъ говорятъ правила VI-го Вселенскаго Собора, монастыри были нѣкотораго рода учрежденіями на пользу призрѣнія. Сюда, въ годину татарскаго ига, уходили сами князья, бояре и народъ, и тутъ, за стѣнами монастыря, считали себя болѣе безопасными чѣмъ за стѣнами крѣпости [1]). Но особенно содѣйствовали монастыри призрѣнію назначеніемъ, которое сообщали они своимъ имуществамъ. Владѣя на правѣ вотчинномъ, монастыри принимали на свои земли всѣхъ свободныхъ людей, всѣхъ, не имѣвшихъ пристанища, всѣхъ несчастныхъ. Пользуясь доходами съ владѣній, находившихся всегда въ лучшемъ состояніи, по нераздробимости и неотчуждаемости, и по умѣренности повинностей, они употребляли доходы не на себя однихъ, но на больницы и богадѣльни, находившіяся при каждомъ достаточномъ монастырѣ, равно какъ на вдовъ и сиротъ, притекавшихъ обыкновенно къ монастырямъ. По запискамъ Хутынскаго монастыря, извѣстно, что тамъ была поселена цѣлая слобода нищихъ [2]). По Снегиреву и Рихтеру, тоже должно сказать о Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ и о другихъ [3]), равно какъ о церквахъ [4]). Въ одной статьѣ своей, извѣстный Даниловичъ говоритъ [5]): «воспитаніе дворянскихъ дочерей и сиротъ, въ западной Россіи и въ Польшѣ, призрѣніе и врачеваніе больныхъ и нищихъ въ госпиталяхъ, богадѣльняхъ, орфанотрофіяхъ, почиталось главнымъ и истиннымъ предназначеніемъ монахинь.» И. Д. Бѣляевъ приводитъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующія слова изъ «Поученія» Кирилла, писаннаго къ одному Князю, сыну Александра Невскаго: «тѣ десятины и суды

[1]) Истор. Іерархіи, II, стр. XIII.

[2]) Тамъ же стр. XIV.

[3]) Лит. Вечеръ,» стр. 16. Geschichte der Medicin, въ заключ. I Тома.

[4]) Лит. Вечеръ. 18 съ указаніемъ на Церков. Истор. Иннокентія,— Отд. I, С. П. Б. 1823. О домахъ убогихъ, Снегирева.

[5]) Стр. 221, «Сборника Истор. Моск. Общ.» IV.

и домы великіе, которые даны церкви, — то дано крилошанамъ на потребу — и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многъ прокормленіе,—обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопѣ, — плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, вдовамъ пособіе, въ худобѣ умирая покровы и гробы и погребеніе, церквамъ и монастырямъ подаяніе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе , а мертвымъ память» [1]). Впрочемъ уже Карамзинъ сдѣлалъ замѣчаніе, что , кромѣ набожности, мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя обители,—гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ» [2]).

Не думаю, чтобы Карамзинъ могъ указать на документы, доказывающіе такія злоупотребленія въ русскихъ древнѣйшихъ монастыряхъ, даже до царскаго періода нашей исторіи. Но , если Грозный находилъ такъ многое сказать противъ монастырской жизни своего времени; почему не предполагать злоупотребленій во времена предъидущія? Въ рукахъ людей все можетъ принять формы и значеніе разнообразныя. Тѣмъ болѣе , что , обращая вниманіе на вопросъ о состояніи нищихъ, подъ вліяніемъ изложеннаго нами призрѣнія, злоупотребленія самихъ нищихъ становятся вѣроятными. Изъ предъидущаго ясно, что господствовавшая, по документамъ, форма благотворительности , состояла въ милостынѣ княжеской, монастырской, церковной , боярской, вообще въ частномъ призрѣніи , которое повсюду производило безпорядки, порождало злоупотребленія, вело нищихъ къ бродяжничеству и нищенству , и вызывало строгіе законы противъ нищенствующихъ, съ 80-й Новеллы Юстиніана до законовъ XVI в. въ Англіи, и XVIII столѣтія во Франціи. Частное призрѣніе такъ слѣпо; и воспользоваться расположеніемъ слѣпаго такъ удобно. Но дѣйствительно ли употребляли во зло это расположеніе нищіе древней Руси?

[1]) «Обществ. значеніе рус. Церкви до Монголовъ». Жур. Мин. Н. Пр. 1856, № 7.

[2]) V, 370, въ концѣ.

Замѣчательно, что почти до конца XVII ст. русскіе акты молчатъ о злоупотребленіяхъ, со стороны нищихъ, а русскіе законы—о строгостяхъ противъ нищенства. Явленіе опять весьма исключительное, въ Русской Исторіи, требующее объясненія, которое можетъ состоять или въ подлежательности вопроса о нищихъ церковному управленію, или въ маловажности дѣла предъ глазами свѣтскаго законодательства и правительства. Мы знаемъ, однакожъ, что вопросъ о нищихъ, во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, преимущественно принадлежалъ къ области церковнаго управленія, и между тѣмъ, во всѣхъ же христіанскихъ государствахъ, постоянно встрѣчаемъ строгіе законы противъ нищенствующихъ, бродягъ и т. п. Стало быть, отсутствіе этихъ строгихъ законовъ, въ Россіи, должно объяснять изъ маловажности дѣла предъ глазами русскаго законодателя, которая, съ своей стороны, могла произойти или изъ особаго, осторожнаго поведенія нищихъ, или изъ малочисленности нищихъ. Но поведеніе нищихъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, было и есть постоянно одинаково, условливаясь не столько субъективнымъ расположеніемъ нищаго, или народностію его происхожденія, сколько его положеніемъ и физическими причинами, которыя вездѣ и всегда дѣйствуютъ однообразно. Слѣдоват. остается допустить, что въ древней Руси нищихъ было мало, и потому ихъ бытъ и даже злоупотребленія не вызывали противъ себя никакого особаго распоряженія. Эта малочисленность нищихъ сама должна была произойти или изъ особо счастливыхъ мѣръ призрѣнія, которыхъ не знали ни Греки, ни Римляне, ни Французы; или изъ такого построенія государства, которое, посредствомъ рабства, съ корнемъ уничтожало нищету, подобно древне - египетскому устройству. Но, какъ мы видѣли, въ древней Руси, по документамъ, господствовало призрѣніе частное, слѣпое; и, какъ мы знаемъ, рабство не было началомъ Руси, знавшей призрѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свободу. Что же остается для объясненія отсутствія свѣтскихъ законовъ о нищихъ, въ древней Руси?

Одно—общинность земли и народа, и крѣпость того союза, въ которомъ каждый членъ находилъ для себя необходимое, во всякомъ положеніи, и котораго дѣйствія на пользу ни-

щихъ такъ же засвидѣтельствованы документами, только мало обращающими на себя вниманіе. Мы уже прежде замѣтили, что, по селамъ, у приходскихъ церквей, бывали кельи для нищихъ; [1]) а вотъ документы о городахъ, напр. Дозорная книга г. Галича, 1609—1610 г. [2]), въ которой говорится: «за острогомъ, межъ Шатины и Галибины улицъ, храмъ во имя Царя Константина, — у того храма, на тяглой, черной землѣ, семь избушекъ, а въ нихъ живутъ пономарь, до 6 человѣкъ нищихъ; питаются отъ церкви, по приходнымъ людямъ, т. е. отъ прихода. У храма Рождества Христова— 4 чел. нищихъ, у Богоявленія 5 такихъ же избушекъ, и т. д., всего въ городѣ 68 человѣкъ.» И, можно сказать, сколько было церквей и приходовъ въ древней Руси, столько же было въ ней богадѣленъ, для безпомощныхъ, особенно, принявъ во вниманіе положеніе, высказанное въ Посланіи Кирилла къ одному изъ сыновей Александра Невскаго, или въ Сборникѣ конца XVI в. [3]), по которому церковныя имущества назначались къ тому, дабы «нищимъ было выхованье». Приходское же, общинное призрѣніе вездѣ и повсюду имѣетъ то значеніе, что, не стѣсняя частнаго, сердечнаго милосердія, сообщаетъ ему характеръ разсудительнаго, *справедливаго дѣйствія.* Только члены общины, бывшіе свидѣтелями болѣзни, пожара, вообще несчастій, которыя постигли обнищавшаго ихъ сочлена, могутъ помочь ему съ истиннымъ состраданіемъ, но и вполнѣ сообразно съ нуждою и обстоятельствами лишеній, такъ что обманъ, подлогъ и злоупотребленіе тутъ почти не возможны. Наконецъ здѣсь нищета остается явленіемъ преимущественно общиннымъ, и только изрѣдка государственнымъ, вызывая, при нуждѣ, содѣйствіе общаго закона на пользу общинныхъ средствъ. Сообразно своей природѣ, община не можетъ оставаться равнодушною къ состоянію своихъ членовъ, и, въ случаѣ ихъ обнищанія, сперва обращается къ семьѣ обѣднѣвшаго, и требуетъ отъ нея выполненія извѣстныхъ, семейныхъ законовъ, относительно взаимной

[1]) «Ист. Общ. Пр.» стр. 206, 234, 250 примѣч.
[2]) «Москвит.» 1851, № 21, выписка изъ Владимір. Губ. Вѣдом.
[3]) «Москвит.» 1851, № 22.

помощи. Въ случаѣ доказанной песостоятельности семейства, или въ случаѣ его несуществованія, община принимаетъ дѣло на себя и, въ видахъ своихъ пользъ, и во исполненіе своихъ обязанностей, заботится объ нищихъ, какъ о своихъ членахъ. Такимъ образомъ, гдѣ есть община, тамъ не можетъ быть нищихъ, безъ помощи. И вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе нищихъ въ земляхъ словянскихъ и въ Руси, основанныхъ на общинномъ началѣ [1]). И вотъ почему законъ Англіи, пріурочившій вопросъ о призрѣніи къ приходамъ, въ первомъ году XVII стол., оставался безъ измѣненій до нашего времени; и вотъ почему начало общинности въ Россіи, искони распологавшее вопросомъ, дѣлало общій законъ излишнимъ до половины XVI в. Но отъ чего же не на всю исторію общиннаго быта Руси? Естественно, отъ бóльшаго и постепеннаго развитія въ Руси, съ конца XV и начала XVI вѣка, правительственнаго центра, какимъ стала съ этого времени Москва, и куда, естественно, при всякой нуждѣ, стали стекаться и богатство и могущество и бѣдность и безпомощность, и послѣдняя даже въ формѣ гулящихъ нищихъ [2]). И самъ Стоглавъ, первый законъ, упоминающій о злоупотребленіяхъ, въ дѣлѣ призрѣнія, говоритъ *исключительно* о Москвѣ, да о городахъ, вообще о правительственныхъ средоточіяхъ, которыя, развиваясь болѣе да болѣе, разъѣдали союзъ общинный, расторгали все далѣе и далѣе его связи, и разшатывали древнее земское зданіе Руси. Нищіе становились явленіемъ городскимъ, московскимъ, о которомъ столько вѣрнаго сказанò И. М. Снегиревымъ.

Стоглавъ начинаетъ изложеніе словами Царя Ивана Васильевича, который описываетъ состояніе дѣла, предлагаетъ вопросъ о средствахъ къ улучшенію, и подтверждаетъ древнее начало церковныхъ уставовъ: «милостыня и кормъ годовой, т. е. ежегодный, хлѣбъ и соль и деньги и одежда, по богадѣльнымъ по избамъ, по *всѣмъ городамъ* даются изъ нашея казны, и христолюбцы милостыню даютъ же», въ

1) «О древн. бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности», К. Аксакова; Москва, 1852.

2) «Московъ. Нищіе въ XVII в.,» Снегирева.

богадѣльни, «а вкупаются у прикащиковъ, у смотрителей, мужики и съ женами, мало больныхъ, а нищіе и клосные и гнилые и престарѣвшіе, во убожествѣ, гладъ и мразъ и зной и наготу и всякую скорбь терпятъ, не имѣютъ, гдѣ главы подклонити, по міру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и мраза въ недозорѣ умираютъ, и безъ управы и безъ покаянія, и безъ причастія, никимъ не брегомы. На комъ тотъ грѣхъ взыщется? И о тѣхъ что промыслите? Православнымъ царемъ и княземъ и святителемъ достоитъ о нихъ промыслити.» [1]) За симъ слѣдуетъ соборный отвѣтъ [2]): «Да повелитъ благочестивый царь, всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся описати по *всѣмъ градомъ*, опричь здоровыхъ (строевъ), да *въ коемъждо градѣ* устроити богадѣльни мужскія и женскія, и тѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся и немогущихъ нигдѣ главы подклонити, устроити въ богадѣльняхъ пищею и одеждою, а боголюбцы милостыню и вся потребная имъ приносятъ же своего ради спасенія. Да приставити къ нимъ здравыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ, т. е. смотрителей и смотрительницъ, сколько будетъ пригоже, смотря по людямъ. Да надъ ними приказати (вмѣсто прежнихъ прикащиковъ) священникомъ да цѣловальникомъ градскимъ «людемъ добрымъ», смотрити, чтобы имъ *насильства* не было и обиды отъ стряпчихъ. И священники бы къ нимъ въ богадѣльни приходили и учили бы ихъ и наказывали страху Божію, чтобы жили въ чистотѣ и въ покаяніи и во всякомъ благодареніи и т. д. А строи бы стряпчіе жили у богадѣленъ безъ женъ, а питалися бы по дворамъ отъ боголюбцевъ, а которые могутъ работати, и они бы тружалися рукодѣліемъ и Богу молилися.»

Такъ *издревле, по городамъ,* все было преимущественно княжескимъ и царскимъ, хотя не исключительно, подлежа только особенному попеченію верховной власти, начиная съ промысловъ напр. ремеслъ, до художествъ, училищъ и богоугодныхъ установленій. Внѣ городовъ, тѣже явленія жизни и

[1]) Гл. V, вопр. 12 или 13.
[2]) Гл. LXXIII.

учрежденія составляли вопросъ заботливости народной, общинной и частной. Въ Стоглавѣ не говорится о злоупотребленіяхъ призрѣнія общиннаго, народнаго; да и въ общественномъ, царскомъ, злоупотребленія относятся къ управленію, къ подкупности правительственныхъ смотрителей, прикащиковъ, которыхъ замѣна священниками и добрыми«людьми», цѣловальниками или выборными отъ народа, признается главнымъ средствомъ къ устраненію злоупотребленій. Это важное свидѣтельство Стоглава въ пользу общин. призрѣнія, важно такъ же относительно свѣдѣній о правительствен., обществен., царскомъ и городскомъ. Послѣднее, очевидно, существовало въ формѣ особыхъ учрежденій, богадѣленъ, charité batie, гдѣ совмѣщались всѣ роды лишеній и всѣ виды нищихъ, кромѣ здоровыхъ, долженствовавшихъ промышлять о себѣ трудомъ и работой, которыхъ не могло не доставать нищему въ то время, когда онъ имѣлъ всю возможность вступить въ крестьяне въ любой мѣстности. Присоединимъ, что, по Стоглаву, русскія богадѣльни XVI в. были пріютами для вспоможенія не токмо въ нуждахъ физическихъ, въ кровѣ, пищѣ, одеждѣ, но и въ потребностяхъ духовныхъ, которымъ удовлетворяли священники, долженствовавшіе приходить къ богадѣленнымъ и *учить ихъ и наказывать* страху Божію и всякому благодаренію.

Впрочемъ, какъ мы уже сказали, образованіе правительственныхъ средоточій для дѣлъ призрѣнія, и ослабленіе общинныхъ связей въ народѣ, соединенныя съ господствомъ призрѣнія частнаго, могли рано или поздо повести къ большимъ и большимъ злоупотребленіямъ, даже со стороны нищихъ; и не станемъ вообще заподозривать извѣстія Флетчера о Москвѣ въ концѣ XVI ст. Въ это время, какъ извѣстно, не было образованнаго Англичанина, который бы не думалъ о нищихъ и призрѣніи; Шекспиру даже приписываютъ трактатъ объ этомъ предметѣ. Понятно, что Флетчеръ не могъ не обратить вниманія на нищихъ Москвы, и не оставить объ нихъ своего замѣчанія, невѣрнаго, можетъ быть, только относительно количества и вообще подробностей. Онъ говоритъ, что, въ это время, въ Москвѣ, нищихъ было *неисчетное мно-*

жество [1]), хотя русскіе источники въ концѣ XVII в. полагаютъ ихъ только отъ 500 до 1000 [2]). Потомъ онъ разсказываетъ, что «отъ этого множества бродяхъ и нищихъ, неотступно просившихъ милостыни, говоря: *дай мнѣ*, *или убей меня*, по ночамъ происходили воровства и грабежи, и осторожные не выходили, по вечерамъ, изъ домовъ своихъ». Но вся Россія, даже современная, усумнится въ точности приводимой Флетчеромъ просительной формулы нищихъ, которые у насъ не просятъ во имя своей жизни, а только во имя Христово. Формула могла имѣть мѣсто развѣ въ голодные годы отъ лицъ, близкихъ къ помѣшательству. Не перeиначенная ли это формула испанскихъ бродягъ: *дай мнѣ*, *или я убью тебя?* Наконецъ примемъ во вниманіе, что наши отечественные источники, *часто, съ этого времени*, говорящіе о нищихъ, почти молчатъ о злоупотребленіяхъ со стороны нищихъ, до конца XVII, до указа 1682 [3]); и что строгіе законы собственно противъ нищихъ являются у насъ только съ конца того же XVII вѣка, съ указа 1691 года. До этого указа, мы встрѣчаемъ только извѣстія и распоряженія касательно началъ и способовъ призрѣнія. Вотъ документы. Къ нимъ принадлежатъ правила о частномъ призрѣніи, изложенныя въ Домостроѣ, гдѣ Сильвестръ причисляетъ къ нищимъ сиротъ, вдовъ, странниковъ, больныхъ, печальныхъ, въ темницахъ заключенныхъ, и вообще убогихъ, и, въ видѣ правилъ для призрѣнія, разсказываетъ, что̀ онъ дѣлалъ для этихъ нищихъ. «Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, никогда же презрѣхъ; и въ темницѣ, больна, плѣненна и изъ работы должна окупихъ.» Сиротъ грамотѣ и рукодѣлью научилъ, мужескій полъ поженилъ, а женскій въ замужество пристроилъ и т. д. [4])

Сюда такъ же принадлежитъ извѣстіе Кошихина о милостыняхъ, которыя обыкновенно подавали нищимъ цари и царицы когда, новобрачные, они посѣщали богадѣльни и тюрь-

[1]) И. Г. Рос. X, 283.

[2]) «Ист. Царств. Θеодора Алексѣевича,» Берха. Спб., 1835, I, 86 и далѣе.

[3]) Берха, въ прив. соч. I, 86.

[4]) «Домострой» Москва, 1849, главы VII, X, XI, XXII, LXIV.

мы, гдѣ раздавали нищимъ по рублю, по полтинѣ и меньше, и тѣхъ денегъ выходило, говоритъ Кошихинъ, множество тысячь. 2) По случаю своихъ выходовъ, цари такъ же имѣли обычай, раздавать нищимъ деньги, завертывая ихъ въ бумажные свертки, по 2 гр., по полтинѣ, по рублю, и до 30 рублей [1]). — 3) По случаю особыхъ праздниковъ и событій, напр. о масляницѣ, когда цари и царицы, такъ же для раздачи милостыни, посѣщали богадѣльни и другіе пріюты нищеты [2]). По изысканіямъ И. М. Снегирева, извѣстно, что наши Патріархи, съ Іова до Адріана были такъ же нищелюбивы и раздавали много *ручной* милостыни [3]). Весьма такъ же вѣроятно, что примѣру царей слѣдовали, въ этомъ случаѣ, бояре и служилые, какъ сами цари слѣдовали при этомъ наставленіямъ духовныхъ властей и общему примѣру всего народа. Частное призрѣніе, въ это время, было по прежнему щедро и всеобще.

Сверхъ этой, так сказать, ручной милостыни, цари продолжали устроять богадѣльни, и поддерживать ихъ на счетъ своей царской казны, и именно на суммы Приказа Большаго Дворца [4]), такъ что, во второй половинѣ XVII ст. въ Москвѣ встрѣчается до семи или до восьми болѣе или менѣе обширныхъ богадѣленъ, не считая малыхъ, существовавшихъ почти при всѣхъ церквахъ [5]). Была извѣстна богадѣльня *Моисеевская*, устроенная на 100 человѣкъ; другая у *Боровицкаго* моста, на 38 человѣкъ; далѣе на *Могильцахъ*, для 12,—потомъ *Покровская*, *Кулижгенская*, *Петровская*; далѣе, у *Боровицкаго Моста* на 8 человѣкъ *робятъ* [6]) и въ *Срѣтенскомъ Монастырѣ* родъ больницы,» болящимъ и бродящимъ и лежащимъ нищимъ по улицамъ.» [7]) Всѣхъ богадѣльниковъ въ царскихъ

[1]) Кошихина, гл. I, п. 21.

[2]) И. Забѣлина, «о масляницахъ» въ «Москвитянинѣ» 1850, № 5.

[3]) И Снегирева, "Москов нищіе въ XVII столѣтіи, въ Моск. Полиц. Вѣдомостяхъ, и въ отдѣльномъ оттискѣ, на который ссылаюсь.

[4]) Кошихинъ, VII, п. 4.

[5]) См. о Москов. нищихъ XVII ст.

[6]) Тамъ же.

[7]) Рихтера II, 352, примѣчаніе.

богадѣльняхъ насчитывалось до 410 человѣкъ [1]). Этой царской дѣятельности на пользу богадѣленныхъ нищихъ соотвѣтствовала какъ дѣятельность духовныхъ властей [2]), такъ и частныхъ лицъ, подобныхъ другу Патріарха Никона, боярину Ртищеву, учредившему, у Никитскихъ Воротъ, больницу на нѣсколько *кроватей* [3]). И не въ одной Москвѣ такъ дѣйствовали цари, а во всѣхъ городахъ, чему доказательствомъ служитъ царская грамота отъ 1681, дек. 14 [4]), данная на имя Новгорода. Въ этой грамотѣ говорится о московскихъ и городовыхъ ружникахъ, получавшихъ содержаніе отъ царской казны, — о праздничныхъ, молебенныхъ и *милостынныхъ деньгахъ*, выдававшихся напр. новгородскимъ богодѣленникамъ изъ Приказа Большой Казны. Дѣятельность другихъ классовъ не ограничивалась и городами одними, но расширялась по всему лицу Россіи, гдѣ только произносилось имя Христово, съ различіемъ, что въ Москвѣ того времени установленіе развилось болѣе щедро и обширно.

Такимъ образомъ въ Россіи были извѣстны и нищіе, живущіе внѣ богадѣленъ, по домамъ, такъ называемые гулящіе, получавшіе ручную милостыню отъ царей, патріарховъ, бояръ и частныхъ людей, и нищіе богадѣленные, богодѣльники, помѣщавшіеся въ заведеніяхъ, которыя устроялись царями, патріархами и частными людьми. Такъ въ Россіи выполнялись христіанская заповѣдь, положенія церков. Уставовъ и Стоглава: нищихъ блюсти Царямъ и святителямъ достоитъ, и законъ общинности. Съ тѣмъ вмѣстѣ уже въ это время, въ Россіи, мы должны отличать призрѣніе частное, общинное и общественное, и притомъ на дому, à domicile, и въ учрежденіяхъ, или богадѣльняхъ. Послѣднее, конечно, существовало на пользу вполнѣ безпомощныхъ, безпріютныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтныхъ,» робятъ», тогда какъ первое для менѣе безпомощныхъ, могшихъ ходить по міру

1) Москов. нищіе XVII в. и Забѣлина, «масляницы».

2) О Москов. нищихъ XVII.

3) Geschichte der Medicin, II, 349 и слѣд. Ссылка на XVIII т. Новикова Вивліоѳики, стр. 396, о Ртищевѣ.

4) Акт. Эксп. IV, № 343,

и жить подаяніемъ. Эти нищіе гулящіе, захожіе, не московскіе жители особенно могли въ своемъ количествѣ наполняться людьми вообще гулящими и недостойными, которые должны были вызвать и вызвали строгія мѣры. Но такова была еще сила общиннаго призрѣнія, что до конца XVII ст. и противъ нихъ не было строгихъ мѣръ; ибо извѣстные законы и распоряженія Патріарховъ ограничивались упорядоченіемъ ихъ помѣщенія, и преимущественно занимались богадѣльнями, доказывая чрезъ то постоянное отсутствіе злоупотребленій, а съ тѣмъ вмѣстѣ постоянное господство въ Руси общиннаго, юридическаго призрѣнія надъ другими формами, частнымъ состраданіемъ и общественнымъ порядкомъ. Такъ 1678, сент. 30 [1]) Патріархъ писалъ въ грамотѣ къ Вологодскому и Бѣлоозерскому Архіепископу Симону: «въ прошломъ году, изволеніемъ В. Г. Өеодора Алексѣевича, московскихъ богодѣленъ старицъ и нищихъ, мужеска полу и женска, *четыреста двѣнадцать человѣкъ*, которымъ даванъ кормъ, деньги и хлѣбъ и соль и прочая потребная на пищу и одежду изъ Приказу Большаго Дворца, велѣно вѣдать въ нашемъ Святѣйш. Патріарха (Іоакима) дому, и питати ихъ и всякая потребная имъ давати изъ нашего жъ дому; и тѣмъ нищимъ четыреста двѣнадцати человѣкамъ въ годъ доведется дать кормовыхъ мѣсячныхъ и на прочія потребы денегъ 1780 р., да хлѣба ржи четыреста двѣнадцать четвертей, овса двѣсти шесть ч., крупъ 51 ч. съ осмин., соли двѣсти шесть пуд; и съ того времени тѣмъ нищимъ деньги и хлѣбъ и соль даютъ изъ нашея Св. Патріарха домовыя казны. И, съ совѣтомъ В. Государя, мы Св. Патріархъ указали на вспоможеніе въ прокормленіи тѣмъ нищимъ, вашихъ митрополичьихъ и архіепископскихъ и епископскихъ епархей (со) всѣхъ (церквей) малое число, по три алтына по двѣ деньги съ церкви, присылать къ намъ по вся годы» [2]). Этотъ распорядокъ ка-

[1]) Тамъ же № 314.

[2]) Стало быть, на каждое лицо богодѣленныхъ въ годъ приходилось деньгами по 4 р. 20 к. около; сверхъ того ржи по четверти, овса по получетверти, крупъ по 2 четверика, и соли по полу-уду. Для болѣе яснаго пониманія положенія богодѣленныхъ, прибавимъ, что, въ наше время, для обезпеченія отъ голодовъ, запасъ

сался однѣхъ Московскихъ богодѣленъ, какъ видно изъ акта 1681 г., декабря 14, о царскомъ призрѣніи въ Новгородѣ [1]). Существенная перемѣна въ богодѣльняхъ должна была произойти вслѣдствіе указа 1682 года, Царя Θеодора Алексѣевича, о построеніи въ Москвѣ двухъ *шпиталенъ*, одной въ Знаменскомъ монастырѣ, въ Китай-городѣ, а другой за Никитскими воротами, на Гранатномъ дворѣ [2]). При чемъ, для обезпеченія этихъ *шпиталенъ*, назначались вотчины, бывшія за Архангельскимъ владыкою и за Знаменскимъ монастыремъ, чтобы «впредь, по улицамъ, бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми притворные воры, а всѣмъ здоровы и работать могутъ) не было.» «А въ государствахъ и городахъ, гдѣ такія шпитальни построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно;» ибо эти шпитальни и вообще призрѣніе, *по европскимъ обычаямъ*, будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ доставятъ пристанище; 2) помогутъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, и заставить послѣднихъ работать; 3) чѣмъ положится конецъ воровству отъ бродягъ; 4) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой женщинѣ ихъ видѣть, не испугавшись; и такихъ больныхъ должно лѣчить. Шпитальни должны находиться подъ управленіемъ *доб-*

въ быту государственныхъ крестьянъ, считается полнымъ, если на человѣка приходится по 1 четверти ржи и $1/2$ четверти овса, такъ что деньги и крупы и соль сост вляютъ излишекъ въ пользу богодѣленныхъ. отмѣтимъ такъ же, что, полагая съ церкви по 3 алт. и 2 деньги, т. е. по 20 д., для составленія 1780 р. должно было быть 17,800 церквей. По акту 1683, марта 8, Ак. Экс. IV, стр. 401, по наказу Геласія, архіепископа Тотемскаго и Устюжскаго, именно предписывается присылать по гривнѣ, т. е. по 20 денегъ съ каждой церкви.

[1]) Ак. Эк. тамъ же, № 343.

[2]) Берха, Исторія царствованія Θеодора Алекс. I, 86, и сл. Geschichte d. Medicin, Richter's, II, 354, гдѣ авторъ доказываетъ, что эта шпитальня была дѣйствительно учреждена, на счетъ аптекарскаго приказа, который покупалъ для нея и дрова, платя за 16 саж. 14 р. и 29 алтынъ.

раго дворянина, ради любви служащаго, и подьячаго, завѣдывающаго хозяйственною частію. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы, по церквамъ. При этомъ проэктъ говоритъ, что нищихъ, на Москвѣ, *будетъ человѣкъ больше 500 или съ 1000*, и что, для полнаго ихъ обезпеченія, нужно на каждаго до 10 р. въ годъ. Впрочемъ иныхъ можно развести по монастырямъ, полагая на каждые 100 дворовъ по 3 человѣка нищихъ. Нищихъ больныхъ должно отправлять въ больницы, гдѣ должны находиться докторъ съ лѣкаремъ и аптекой; при чемъ Рихтеръ называетъ лекаря XVII вѣка хирургомъ, предполагаетъ учениковъ и т. д. *Малолѣтныхъ предписывается забирать и въ школы отправлять* [1]).

Столько заботливости о судьбѣ нищихъ, въ Москвѣ, не могло не произвести прилива въ общественномъ организмѣ, за которымъ слѣдовали ослабленіе общинной, народной дѣятельности, и строгія, суровыя мѣры XVIII в. Впрочемъ, судя по нашимъ актамъ, число нищихъ въ самой Москвѣ не представляло ничего ужасающаго для населенія столицы того времени. 412 человѣкъ богодѣленныхъ, да отъ 500—1000 свободныхъ нищихъ для Москвы второй половины XVII ст. не могли составить явленія слишкомъ возмутительнаго. Конечно, мы не знаемъ основаній, принятыхъ «проэктомъ» для предположенія о числѣ нищихъ; но, зная по другимъ обстоятельствамъ, всю основательность древняго счетоводства, не можемъ предполагать большой ошибки въ показанномъ числѣ. Прибавимъ, въ подтвержденіе, замѣчаніе, которое само навязывается, при соображеніи актовъ того времени. Въ однихъ изъ актовъ читаемъ, что населеніе богадѣленъ, въ Москвѣ, въ 1668 г. простиралось до 410, а въ другихъ, напр. въ актѣ 1678 г., чрезъ 10 лѣтъ, число это опредѣлено въ 412; стало быть, возрастаніе нищихъ происходило въ то время весьма не быстро, не замѣтно. Заключимъ показаніемъ Посошкова, который полагаетъ число нищихъ и арестантовъ своего времени, слѣд. въ 20-хъ годахъ XVIII в., «во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ Россіи тысячь десятка въ два или въ три» [2]). Такимъ образомъ, число: полторы тысячи

[1]) Берха, Ист. стр. 94.

[2]) Стр. 105—106

нищихъ въ Москвѣ XVII ст., при дѣйствіи общинности, становится весьма вѣроятнымъ. Общинность въ народѣ почти тоже, что гласность въ обществѣ. «У жителей Поморья и Заонѣжья нѣтъ, говоритъ Посошковъ, ни разбоевъ, ни татей; кто въ лѣсъ пойдетъ, шубу или кафтанъ снявъ повѣситъ на дерево, и назадъ идучи возметъ; лошадей пускаютъ весной, а сыскиваютъ послѣ Покрова; потому, что кто въ воровствѣ явится, того вмѣсто тюрьмы посадятъ въ воду» [1]). Можетъ быть, это уже слишкомъ строго; но посмотримъ на мѣры противъ нищенствующихъ, съ 1691 года, ноября 30 [2]), когда «Великіе Государи указали: извѣстно имъ Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ руки, такъ же и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы. И тѣхъ людей имать и распрашивать, и по распроснымъ рѣчамъ, 1) ссылать посадскихъ людей въ тѣжъ посады, изъ коихъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ. 2) А буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся въ Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и въ притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе городы» [3]). Какъ все тутъ напоминаетъ и новеллу 80-ю, съ ея распоряженіемъ ad provincias, ex quibus sunt, remittantur, и законъ XVI ст. Англіи и различныя мѣры Франціи, при Людовикѣ XIV! Такъ поведеніе ниществующихъ повсюду одинаково, и во всѣ времена вызываетъ одинаковыя слѣдствія. «Пункты, данные С.-Петербургскому Генералъ-Полиціймейстеру, 1718 г., мая 25 [4]), напоминаютъ, съ своей стороны, законъ Юстиніана de officiis Quaestoris, предписывая «гулящихъ въ Петербургѣ брать въ работу, равножъ содержать и съ нищими;

1) Стр 167.
2) П. С. З. № 1424.
3) Ср. Указы 1694, марта 14, № 1489; и 1712, янв 12, № 2470.
4) П. С. З. № 3203, п. 10.

буде отъ оныхъ кто работу сработать можетъ, и тѣхъ ловить и опредѣлять въ работужъ». Десятый пунктъ этой инструкціи расширенъ указомъ того же году, іюня 20 [1]), на всю Россію, и обращенъ въ законъ, по которому «престарѣлые и увѣчные должны быть отсылаемы въ богадѣльни, а прочихъ гулящихъ, который впервые пойманъ, такихъ бить нещадно кнутомъ, и отдавать или отсылать въ прежнія мѣста жительства, гдѣ ихъ должно заставлять работать, «чтобъ не даромъ хлѣбъ ѣли,» ne sint inutile terrae pondus; тѣхъ же изъ нихъ, кого поймаютъ въ другой или третій разъ въ нищенствѣ, «бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаузъ, а робятъ на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ.»—Но, какъ нигдѣ, и у насъ дѣло не уступало строгости, которая *обращалась къ лицамъ, а не къ дѣлу.* Посему Петръ Великій долженъ былъ наконецъ обратиться къ изысканію и уничтоженію причинъ нищенства, и закономъ 1720, ноября 16 [2]), указать на одну изъ нихъ, на господство частнаго призрѣнія, повелѣвъ, чтобы «нищимъ милостыни, по улицамъ и при церквахъ, не просить, и никому не давать подъ страхомъ штрафа съ подающаго милостыню въ 5 р.» за каждый разъ, за каждую подачу. Любопытно свидѣтельство Посошкова о мнѣніи общества, относительно указа, которымъ Петръ Великій заключилъ рядъ своихъ мѣръ противъ нищенствующихъ. «А и нынѣшній указъ о нищихъ, говоритъ знаменитый русскій крестьянинъ про законъ 1720 года [3]), учиненъ не весьма здраво, потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кто милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности. Богъ положилъ предѣлъ, т. е. законъ, что давать милостыни, а судьи наши за то штрафуютъ.» И тутъ же [4]), во исполненіе намѣренія указа, предлагаетъ мѣры, еще жившія въ быту народа и единственно сильныя противодѣй-

1) № 3212.

2) № 3676.

3) Стр. 103.

4) Стр. 104, 105.

ствовать общественному злу, а именно 1) общинное призрѣніе, и заведеніе богадѣленъ по приходамъ, при церквахъ, въ городахъ, селахъ и погостахъ, для истинно-нуждающихся; 2) предписаніе владѣльцамъ, кормить своихъ крестьянъ, а не пускать по міру, для пріобрѣтенія за нихъ пожилаго, по указамъ о бѣглыхъ; и только послѣ того 3) строгія наказанія, налагаемыя на нищенствующихъ, завѣдомо гулящихъ, доказаннымъ образомъ преступныхъ.

Вопросомъ о противодѣйствіи нищетѣ, которая грозитъ человѣку лишеніями, болѣзнями, невѣжествомъ, несвободою и смертію кончается наша система, начавшаяся вопросами о народонаселеніи, о развитіи свободы, о богатствѣ, о просвѣщеніи, или вообше о цивилизаціи,—единственно вѣрномъ орудіи въ борьбѣ народа съ окружащею природою. Кругъ идей заключенъ. Но здѣсь же заключенъ кругъ временъ, подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію; мы обращены теперь лицомъ къ Новой Россіи. И, пока не вошли въ ея предѣлы, обозримъ, съ высоты средостѣнія, и въ кругѣ идей, данныхъ нашимъ предметомъ, общій видъ нашей древности, въ сравненіи съ общимъ видомъ новой эпохи, основываясь не столько на добытыхъ нами результатахъ, сколько на гласныхъ обвиненіяхъ современной литературы противъ старины, и на похвалахъ, воздаваемыхъ ею новымъ началамъ. Къ этому сравненію ведетъ насъ и законное побужденіе. Припоминая сказанное во Введеніи [1]), намъ должно здѣсь говорить объ управленіи, въ древней Руси, по дѣламъ Общественнаго Права, объ его судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Но, соображая пройденное, должно признаться, что такого управленія, такой администраціи почти не было въ Руси. Вопросъ, почему не было этого управленія, необходимо ведетъ къ сопоставленію Руси древней съ новою, гдѣ управленіе такъ развито. Только по связи, въ древности, народа съ государствомъ, или земскаго элемента съ правительственнымъ, мало было въ Руси и законовъ, касательно Общественнаго Права, и отдѣльныхъ управленій. Тѣже общества, которыя созидали положенія и установле-

[1]) Стр. 24, 25.

нія Права, служили единственными или преимущественными органами управленія. «Авторъ Областныхъ учрежденій,» — сочиненія, столько близкаго къ занимающему насъ вопросу, — справедливо говоритъ, что ежегодная поправка дорогъ, лежала на мѣстныхъ жителяхъ, и воеводы вмѣшивались въ это только въ особенныхъ случаяхъ» [1]). Общественное, на выборахъ основанное устройство гоньбы, ясно доказываетъ тоже положеніе, относительно древней почты. Сельское хозяйство, какъ мы видѣли, находилось въ рукахъ владѣльцевъ и сельскихъ общинъ; равно какъ городское въ рукахъ ремесленниковъ и торговаго класса, такъ что напр., по Чичерину), «въ торговыхъ дѣлахъ, вѣдомство воеводъ ограничивалось надзоромъ за непроизводствомъ запрещенной торговли.» Наконецъ образованіе составляло дѣло семьи, общины, духовенства. И вообще все управленіе находилось въ вѣдомствѣ спеціальныхъ установленій, только поддерживаемыхъ центральною властію, промышленное — въ рукахъ промышленниковъ, ученое — въ рукахъ ученыхъ, какъ судебное — у дьяковъ и судей, а ратное — у ратныхъ людей. Правда, по Чичерину [3]), воеводамъ представлена была обширная дѣятельность для прекращенія и предупрежденія общественныхъ несчастій, язвы, пожаровъ, преступленій; но мы знаемъ и изложили предѣлы этой дѣятельности болѣе подробно и точно, нежели авторъ Областныхъ Учрежденій. И такъ письмоводства, отчетности, канцелярскаго порядка, въ древней Руси, почти вовсе не было, потому что въ нихъ не нуждались. Крестное цѣлованіе, да выборы за руками, да поручныя записи, да возможность всѣмъ и каждому, все лично видѣть и все на себѣ испытать — таковы были обезпеченія древняго порядка. Мы сходимся съ Г. Чичеринымъ въ положеніи, что древняя Россія не имѣла и не знала централизаціи. Но должно ли за это порицать древность? — Болѣе, нежели когда нибудь, теперь у насъ авторъ служитъ органомъ

[1]) «Областныя Учрежденія въ Россіи XVII в» Б. Чичерина. Москва 1856, стр. 180.

[2]) 188.

[3]) 182—187.

мнѣній, господствующихъ въ извѣстномъ кругѣ, и, отвѣчая Г. Чичерину, мы отвѣчаемъ многимъ, сочувствующимъ взгляду автора. Разсмотримъ же основанія, принятыя Г. Чичеринымъ за доказательства противъ способа древняго управленія.

Авторъ называетъ различія въ раздѣленіи древней русской земли, или географической площади управленія «историческими случайностями,» хотя, извѣстно, случайности въ Исторіи составляютъ явленія субъективныя, и считаетъ недостаткомъ древности отсутствіе «однообразной системы.» «Если старое дѣленіе не подходило подъ новую потребность, дѣлалось новое дѣленіе,» и т. д. «А гдѣ нѣтъ правильнаго дѣленія; тамъ не можетъ быть правильнаго управленія.» Все здѣсь зависитъ отъ вопроса, что такое правильное управленіе? Конечно, законное, справедливое, разумное. Какъ же оно условливается географическою правильностію дѣленія? Неужели Франція департаментальная управляется болѣе законно, болѣе справедливо, болѣе разумно потому, что отказалась отъ раздѣленія на провинціи? «Все шло въ Руси, продолжаетъ авторъ, не по теоретическимъ началамъ, а по практическимъ потребностямъ; не было одной общей административной системы; напротивъ предписывалось воеводамъ: «что въ прежнихъ наказахъ добро и прибыльно, того и теперь держаться, а что въ прежнихъ, или настоящихъ, вновь, на ихъ имя данныхъ статьяхъ, найдутъ они на мѣстѣ *не пристойнымъ*, то дѣлать, смотря по тамошнему дѣлу или, какъ ихъ Богъ вразумитъ» и т. п. [1]). Не оставимъ безъ вниманія, что такіе наказы были даны воеводамъ Тобольскимъ, Тюменскимъ, Тарскимъ, Астраханскимъ, Терскимъ т. е. посыланнымъ въ мѣста мало извѣстныя и очень отдаленныя, гдѣ всего нельзя было предвидѣть, и куда не легко было посылать разрѣшенія. И Петръ В., въ подобныхъ случаяхъ, поступалъ не иначе, какъ видно изъ заключительнаго пункта извѣстной инструкціи, данной имъ 1722, іюля 19, Оберъ

[1]) Стр. 71, 72, 73, 88, ср. П. С. З. №№ 1585, мая 14, г. 1697; 1594, Сент. 1, г. 1697; 1670, г. 1699, Янв. 12, съ приложеніемъ трехъ преж нихъ актовъ.

Вальдмейстеру [1]). Но въ наказахъ и этихъ воеводъ важны общія начала и обязанности, по которымъ только и можно судить о характерѣ предоставленныхъ имъ исключеній. «Всякій воевода, пріѣзжая на мѣсто назначенія, долженъ былъ созвать къ себѣ служилыхъ, подчиненныхъ, мѣстныхъ жителей, и объявить имъ, такъ сказать, программу дѣйствій, обѣщая, по царскому слову, управлять краемъ лучше своего предшественника [2]), и потомъ судить и расправа чинить по Указу, въ правду,—къ Князьямъ и Мурзамъ (писано на Терекъ) держать честь, — ко всѣмъ иноземцамъ и русскимъ — ласка и привѣтъ, и обнадеживаніе царскимъ жалованьемъ, а не жесточить и тягости и безчестья имъ не дѣлать,» — и т. д. — Наконецъ «самыхъ подъячихъ выбирали на службу въ то время изъ лицъ, кто всему городу былъ любъ» [3]). Автору не нравится предполагаемое имъ въ древности безсиліе центральной власти; онъ требуетъ, во имя централизаціи, систематическаго раздѣленія земли, какъ tabulae rasae [4]); и, въ концѣ изслѣдованія, говоритъ, что «результатомъ преобразованій В. Петра было систематическое устройство управленія» [5]). Но такимъ образомъ эти положенія противорѣчатъ мнѣнію автора, будто въ Россіи, съ XV в., было все государственнымъ, правительственнымъ, и управлялось и устроялось сверху внизъ, а не снизу вверхъ [6]). И понятно, что только съ явною натяжкою авторъ придалъ псковскому дѣлу XVII в. совершенно несвойственное значе-

[1]) П. С. З. № 4060. Актъ повелѣваетъ составить описаніе заповѣдныхъ лѣсовъ, въ чьемъ бы они владѣніи ни были, и запретить рубить ихъ, безъ дозволенія, подъ штрафомъ въ 10 и 15 р. за каждое дерево, и подъ страхомъ вырыванія ноздрей и отправленія въ ссылку за большую порубку, хотя бы то сдѣлалъ хозяинъ лѣса.

[2]) 97. Обл. Учр. и П. С. З. № 1584 мая 14, г. 1697.

[3]) Обл. Учр. 103.

[4]) Тамъ же, 133, 563, 578, 579, 585. 586.

[5]) «Обл. Учр.» 591.

[6]) Тамъ же, 575.

ніе нововведенія, исключительной привиллегіи и т. д. [1]) Вѣдь просьба Псковитянъ и разрѣшеніе дѣйствовать, по собственному разсужденію, не было личнымъ установленіемъ Нащокина; да и Хованскій, желавшій уничтожить автономію Псковитянъ, пугаетъ тѣмъ, что оттуда можетъ произойти «старое дурно.»

Обратимся къ новой Россіи, не оставляя точки зрѣнія, опредѣленной нашимъ предметомъ, и положенія, установленнаго ходомъ нашего изслѣдованія, и потому устраняя отъ себя всѣ общіе вопросы, напр. о томъ, въ какой степени доказана историческая необходимость Петра В. [2]), и т. п. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ своего труда, по необходимости, мы коснемся болѣе подробно вопроса о новой Россіи; теперь ограничимся краткими, но много говорящими, замѣтками. Мы соглашаемся съ положеніемъ, что результатъ реформъ Петра В. состоитъ въ систематическомъ устройствѣ русскаго управленія. Повсюду господствуетъ въ нихъ одна мысль—о государствѣ, одно начало—сосредоточенія, и одинъ духъ — личной власти, сообщившей управленію правильность въ планѣ и твердость въ исполненіи. Въ области нашего предмета, все это выразилось особенно въ *актахъ Ревизіи* 1718—1723. Эта Ревизія не есть простое перечисленіе народа; иначе она бы не вызвала ни столько замѣшательствъ, проволочекъ, утаекъ, со стороны народа, ни столько правительственныхъ усилій, издержекъ и строгостей, доходившихъ до конфискаціи частной собственности, до нещадныхъ казней, ссылокъ на галеры и смертной казни. Напротивъ это—актъ, которымъ порѣшались важнѣйшіе вопросы о юридическомъ значеніи населенныхъ земель и о государственномъ положеніи населенія. — Учреждаясь *для раскладки полковъ, или для содержанія войска*; она раздѣлила народъ на лично-служащихъ государству и не служащихъ лично, а только оплачивающихъ содержаніе служащихъ. Обращаясь съ тре-

[1]) 558 и слѣд.

[2]) Атеней, 1858, № 26. Стат. М. Погодина.

бованіемъ ревизскихъ сказокъ не къ подлежащимъ запискѣ, а къ владѣльцамъ земли, и подвергая ихъ отвѣтственности сначала за вѣрность сказокъ, а потомъ за исправность взносовъ и повинностей, она прикрѣпила поселеніе не къ землѣ, а къ личности владѣльцевъ, все равно будутъ ли это монастыри и помѣщики, или заводы и фабриканты. Преслѣдуя отнятіемъ земли и казнями то медленность въ подачѣ, то невѣрность въ показаніяхъ сказокъ; она ясно выразила, что населеніе земли принадлежитъ государству, а потому утайка его подлежитъ казни. Между тѣмъ, усвояя населеніе землевладѣльцамъ, она сообщила ихъ праву на населеніе характеръ государственный, политическій. — Отсюда такой рѣзкій переворотъ, замѣченный нами съ XVIII в., во всѣхъ вопросахъ нашего Общественнаго Права, которое, съ перемѣною значенія населенія и личности, стало вполнѣ казеннымъ, камеральнымъ, «полиціею, хотя и въ высшемъ и особомъ значеніи слова», гдѣ уже дѣйствуетъ государство, по преимуществу. Знаменательно, что люди народа, какъ лѣтописцы XIII в., такъ современники и ближайшіе дѣятели Петровой эпохи, все это чувствовали, и сходились преимущественно въ отрицаніи ревизіи. Посошковъ говоритъ: «во исчисленіи душевномъ не чаюжъ я проку быть; душа вещь неосязаемая и умомъ не постижимая, и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. — Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка два—три истощилось, обаче чаю я, что она вся пропала» [1]). — Далѣе, признавая землю, какъ нѣчто неподвижное, изъ вѣка стоящее, собственностію единственно вѣчнаго владѣльца, — государства, ему же усвояетъ онъ и населеніе полей, крестьянъ, «которымъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, а временные» [2]). Съ своей стороны, Волынскій объявляетъ себя противникомъ ревизіи, воспроизводя, въ своей инструкціи, начала писцовыхъ, окладныхъ книгъ, для пе-

[1]) Стр. 185; поборы должны быть съ земли, по количеству владѣнія, гл. VII, въ началѣ; стр. 188, 203 и 204.

[2]) Стр. 183.

реписи, и порядокъ монастырскихъ инвентарей, о которыхъ мы говорили выше, для разложенія повинностей [1]). Наконецъ и послѣдующіе мыслящіе люди Россіи до нашего времени преимущественно съ этой стороны жаждутъ перемѣнъ въ реформахъ В. Петра.

[1]) „Москвит." 1854, №№ 1—4. Моя статья: Древ. Русс. наука о богатствѣ. 16, 17.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*должно читать:*
15	6 сверху	словъ	слоевъ
—	16	самое	само
56	2 въ ремар.	tuendum	tuendam
196	3 сверх.	2%	20%
408	7 снизу	такъ избу	избу
425	14, снизу	частное.	частное,
426	9 сверху	Россiи	Россiи.
518	16 и 12 сверху	Волхвовъ	Волхвоъ.
556			565

Bayerische Staatsbibliothek München

22,5/38

...der-Lehrwerkstätte
...kolausheim
...ingen bei Günzburg

22,5/38

Buchbinder-Lehrwerkstätte
Nikolausheim
Dürrlauingen bei Günzburg

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Leškov, Vasilij N.,

Russkij Narod i gosudarstvo

Moskva 1858

39.1736
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701623-5